М. Н. ТИХОМИРОВ

РУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

АРХИВ АН СССР

Академик
МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ТИХОМИРОВ

М. Н. ТИХОМИРОВ

РУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1979

Редколлегия:

С. О. Шмидт (ответственный редактор),

В. А. Александров, *А. В. Арциховский*, *М. Т. Белявский*,

Ю. О. Бем, *Ю. В. Бромлей*, *Б. В. Левшин*

Том подготовлен к печати
под редакцией

В. А. Александрова (ответственный редактор),

В. И. Буганова, *А. Г. Кузьмина*, *И. Е. Тамм*

Berseus & Grizli 973
сканирование, сборка, дизайн

Т $\frac{10604-368}{042(02)79}$ 67—79. 0505010000 © Издательство «Наука», 1979 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

В предлагаемой читателю книге собраны труды выдающегося советского ученого, академика Михаила Николаевича Тихомирова (1893—1965), посвященные одной из излюбленных тем в его многообразном научном творчестве — русскому летописанию. Известно, что многие труды Тихомирова, посвященные отечественной истории с древнейших времен до XVII в., в той или иной степени основаны на изучении русских летописей и использовании их данных [1]. Наряду с этим большой цикл трудов выдающегося советского ученого посвящен специальному изучению этих памятников. В этой области Михаил Николаевич оставил богатое наследство — достаточно сказать, что его перу принадлежат исследования по различным вопросам истории русского летописания с древнейших этапов его развития до угасания летописного жанра в конце XVII в.; описания многих рукописей, содержащих летописные тексты (например, Синодального собрания ОР ГИМ, всех московских хранилищ) [2]; публикации ряда летописных текстов. Его великой заслугой перед отечественной наукой является возобновление издания известной серии «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ) [3].

Настоящий том состоит из двух основных разделов. В первом помещены исследования, посвященные общим вопросам истории русского летописания. Книга открывается двумя работами, в которых Тихомиров ставит общие вопросы, касающиеся значения русских летописей как исторических источников, памятников мировой культуры, их изучения и издания. Статья «Русские летописи, вопросы их издания и изучения» (1960) содержит краткую, но емкую и яркую характеристику русского летописания, его всемирно-исторического значения как явления мировой общественно-политической мысли, памятника культуры, этапов его изучения в дооктябрьской и советской историографии, наконец — работы (проделанной и предстоявшей) по изданию летописей, прежде всего в серии ПСРЛ. В до-

[1] *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII вв. М., 1968; *Он же.* Российское государство XV—XVII вв. М., 1973; *Он же.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969; и др.

[2] *Тихомиров М. Н.* Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания.— ИЗ, 1942, т. 13; *Он же.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

[3] *Буганов В. И.* М. Н. Тихомиров и отечественное летописеведение.— В кн.: Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976, с. 5—11.

кладе «Что нового внес А. А. Шахматов в изучение древнерусских летописей», прочитанном 21 мая 1946 г. на заседании ОЛЯ и ОИФ АН СССР, Тихомиров характеризовал большой вклад Шахматова в изучение русских летописей, а также кратко останавливался на деятельности его предшественников и последователей, ставил задачи по дальнейшему изучению русских летописей.

Основную часть тома, его первого раздела, занимают работы Тихомирова о летописных памятниках X—XVII вв.; это — статьи, публикации с вводными статьями к ним. Важно здесь подчеркнуть характерную для научного творчества Тихомирова неразрывную связь между изучением русских летописей, постановкой и решением ряда новых проблем, касающихся различных этапов истории русского летописания, и изданием летописных текстов [4].

Раздел начинается с исследований, в которых ставятся сложнейшие вопросы, связанные с зарождением русского летописания, историографии. В статье «Происхождение названий „Русь" и „Русская земля"» (1947 г.) автор обосновал мысль о составлении в конце X — начале XI в. одного из самых ранних произведений летописного типа — Повести о начале Русской земли. Статья «Начало русской историографии» (1960 г.) посвящена доказательству существования другого аналогичного памятника — Сказания о русских князьях X в. Указанные памятники, согласно точке зрения Тихомирова, являются первыми историографическими произведениями Древней Руси. Эти плодотворные разработки Тихомирова лежат в русле идей и концепций советской историографии послевоенного времени, согласно которым начало русского летописания (в форме отдельных записей, затем повестей, сказаний, небольших летописей и даже сводов) относится к X и даже IX столетиям (труды Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина и др.). В статье «О русских источниках „Истории Российской"» В. Н. Татищева (1962 г.) кратко характеризуются источники, на которых основан труд выдающегося русского ученого, но особенно подробно разобран вопрос о тех летописях, которые он использовал. Одновременно прослеживая приемы работы Татищева над текстами летописей и других источников, Тихомиров с полным основанием отверг утверждения о недобросовестности, якобы присущей Татищеву как источниковеду. Он показал, что при подготовке «Истории Российской» Татищев привлекал многие летописные памятники, в том числе и такие, которые не дошли до нашего времени; тем самым сильно возрастает источниковедческое значение его труда. Известная работа Тихомирова о «Списке русских городов дальних и ближних» (1952 г.), который датируется им концом XIV в., основана на тонком и скрупулезном анализе текста, помещенного в ряде летописей и сборников XV—XVII вв.; текст памятника публикуется им по Археографическому списку Новгородской I летописи младшего извода.

---

[4] См. об этом: *Валк С. Н.* Археографическая деятельность академика М. Н. Тихомирова.— В кн.: АЕ за 1962 г. М., 1963, с. 5—20.

В статье «О Вологодско-Пермской летописи» (1940) дается характеристика содержания, времени составления, редакций и списков, источников одного из крупнейших общерусских летописных сводов первой половины XVI в. Помимо редакций 1526 г. и середины XVI в., существование которых подтверждается анализом сохранившихся рукописных списков, Тихомиров высказал предположение о существовании наиболее древней редакции этого свода, датируемой концом XV — началом XVI в.; впоследствии, после выявления новых списков, это предположение было полностью подтверждено[5] Далее идет ряд публикаций открытых Тихомировым летописных памятников XVI — XVII вв.: Краткого Владимирского, Соловецкого и других летописцев, Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого (работы «Новый памятник московской политической литературы XVI в.», 1930 г.; «Малоизвестные летописные памятники XVI в.», 1940 г.; «Малоизвестные летописные памятники», 1951 г.). Особый интерес вызывает вводная статья к публикации части Постниковского летописца, в которой последний характеризуется как памятник, приближавшийся по жанру к типу записок, мемуаров приказного человека, каким был его автор — дьяк Постник Губа Маклаков («Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг.», 1951 г.).

В работе о Пискаревском летописце, открытом и частично изданном О. А. Яковлевой, Тихомиров проанализировал содержащиеся в нем данные по истории России XVI — начала XVII в. и высказал предположения об авторе и времени написания памятника («Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI — начала XVII в.», 1957 г.).

К той же разновидности источников, что и указанный выше Постниковский летописец, Тихомиров относил и записи о событиях Московского восстания 1682 г., составленные приказными людьми конца XVII в. («Заметки земского дьячка второй половины XVII в.», 1939 г.; «Записки приказных людей конца XVII в.», 1956 г.). Наконец, в одной из своих ранних работ он характеризует Новгородский летописный свод последней четверти XVII в., составленный при митрополите (потом — патриархе) Иоакиме («Новгородский хронограф XVII в.», 1940 г.).

Во втором разделе собраны рецензии на издания летописей и труды по истории русского летописания, в которых, помимо оценок, касающихся этих работ, имеются соображения общего характера, существенные для изучения этих важнейших исторических источников в целом. Это, во-первых, отзывы на публикацию «Повести временных лет» в переводе и с комментариями В. Панова, с его же и В. Лебедева статьями (М., 1936) и реконструкцию текста Троицкой

[5] См. об этом: *Буганов В. И.* О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV — начала XVI в.— В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963; *Кудрявцев И. М.* Сборник последней четверти XV — начала XVI в. из Музейного собрания (М.3271).— Зап. ОР ГБЛ, М., 1962, вып. 25.

летописи, произведенную М. Д. Приселковым М.; Л., 1950); во-вторых, не издававшиеся до сих пор отзывы на кандидатскую диссертацию Н. Н. Ильина «Летописная статья о Борисе и Глебе» и на докторскую диссертацию А. Н. Насонова «Очерки по истории древнерусского летописания», в которой давался анализ псковского и тверского летописания.

В Приложениях печатаются: раздел незавершенного исследования Тихомирова по истории русского летописания, посвященный Никоновской летописи (поскольку он имеет сравнительно законченный характер, в то время как другие разделы труда носят явные следы незавершенности), и очень интересная работа «Об издании русских летописей», которая обсуждалась на заседании Археографического совета Института истории АН СССР 8 мая 1948 г. с участием Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина и других крупнейших ученых; в ней имеются интересные суждения о значении летописей, их изданиях, в частности в серии ПСРЛ, критические замечания о плане издания летописей, предложенном М. Д. Приселковым, и, самое главное, новый план такого издания, составленный Тихомировым, а также правила публикации.

При подготовке к печати трудов М. Н. Тихомирова редколлегия считала необходимым придерживаться точного их воспроизведения по сохранившимся оригиналам или по печатным изданиям; лишь в исключительных случаях вносились незначительные изменения стилевого характера. В квадратных скобках вносились необходимые добавления (пропущенные слова, сноски и др.).

Тексты работ М. Н. Тихомирова подготовлены к печати его учениками и сотрудниками: В. А. Александровым, В. И. Бугановым, А. Г. Кузьминым, А. И. Роговым, И. Е. Тамм. Предисловие написано В. И. Бугановым, комментарии — В. И. Бугановым, А. Н. Казакевичем, С. Е. Князьковым, А. Г. Кузьминым, В. А. Кучкиным, С. А. Морозовым, А. И. Роговым, И. Е. Тамм. Указатель составлен М. Н. Воробьевым. Научно-организационную работу провела И. Е. Тамм.

I

РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ, ВОПРОСЫ ИХ ИЗДАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

В сокровищнице русской письменности летописям принадлежит видное место. Под летописями, как известно, понимается особый вид исторического повествования, разделенного по годам. Летописи в средние века существовали и в других странах, но получили особенное распространение на Руси. Некоторые исследователи даже пытались доказывать, что такой вид исторических произведений был на Руси единственным. Мнение это неправильное, так как наряду с летописями русские земли в средние века знали исторические произведения, написанные без разделения на годы. Например, Галицкая летопись XIII в. была первоначально создана как сплошное историческое повествование и по годам была разделена лишь позднее. Однако лишь в XVI столетии летописная форма начинает в России уступать новым видам исторического рассказа. Тогда появляются «Степенная книга» и «История о Казанском царстве», которую по традиции иногда еще называли Казанским летописцем.

Преобладание в средневековой Руси летописей над другими видами исторического повествования объясняется тем, что эта форма позволяла создавать большие исторические произведения, соединяя источники самого разнообразного характера. Летописи велись во многих городах Руси, но дошедшие до нас памятники этого рода сохранились чаще всего в форме обширных компиляций, получивших в науке название летописных сводов.

Летописцы включали в составляемые ими своды не только отдельные записи о событиях, но и целые повествования, сравнительно мало меняя первоначальные тексты. Поэтому летописи сохранили нам такие литературные произведения средневековой Руси, которые не дошли до нас в виде особых памятников. Уже в ранних летописных сводах мы находим повесть об ослеплении князя Василька (конец XI в.), повесть об убиении Андрея Боголюбского (1174 г.) и др. Еще большее количество различных сказаний содержится в летописях позднего времени; в их числе, например, и такое уникальное произведение, как «Хожение Афанасия Никитина за три моря» — замечательные записки русского путешественника об Индии конца XV в. Нелишне отметить и то, что списки древнейшего сборника славянских законов — Русской Правды (краткой редакции) — дошли до нас тоже только в составе летописей.

Таким образом, летописи являются своего рода сокровищницами исторических и литературных сочинений прошлого. Подобных произведений, распространенных в столь большом количестве, не имеет, пожалуй, ни одна страна в мире. Недаром немецкий ученый Август Шлёцер, некоторое время работавший в России и отнюдь не восхищавшийся тогдашней русской действительностью, уже в XVIII столетии с восторгом говорил о русских летописях как о замечательных творениях мировой письменности.

При посредстве летописей мы получаем сведения о прошлом русского, украинского, белорусского и многих других народов СССР. Почти все, что мы знаем по истории народов Сибири и европейского Севера, дают летописи. Например, только Вологодско-Пермская летопись рассказывает о событиях XV в. в Пермской земле, населенной коми и другими народами. Русские летописи являются крупнейшим и ценнейшим источником по истории Золотой Орды и народов Поволжья.

Значение русских летописей прекрасно сознавалось уже иностранными писателями времен Ренессанса. Замечательный «Трактат о двух Сарматиях», написанный польским ученым Матвеем Меховским в начале XVI в., в значительной мере основан на русских и украинских летописных сообщениях о татарах. Первый дорожник в Сибирь, изданный австрийским путешественником Герберштейном в середине XVI в., представляет собой простой перевод русского оригинала и т. д.

Древняя Русь и образовавшиеся на ее основе Россия, Украина и Белоруссия имели широкие связи с другими странами. Поэтому летописи имеют большое значение как источник по истории Византии, южнославянских стран и Польши. Помещенные в летописях рассказы о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г., о захвате его турками в 1453 г., о событиях в Болгарии и Сербии, о походах Тимура являются уникальными в исторической литературе. А сообщение русского путешественника Игнатия о битве на Косовом поле в 1389 г., утвердившей турецкое господство на Балканах, справедливо рассматривается как один из самых близких по времени рассказов об этой несчастной битве.

Трудно перечислить все литературные произведения, включенные в состав летописных сводов и дошедшие до нас только при их посредстве. В громадный летописный свод XVI в., известный под названием Никоновской летописи, вошли красочные повести о разорении Москвы войсками хана Тохтамыша в 1382 г., о Митяе — неудачном кандидате на московскую митрополию, о борьбе Василия Темного с Дмитрием Шемякой и т. д. Некоторые из подобных повестей представляют собой занимательные новеллы, как, например, повесть о начале Колоцкого монастыря. В ней рассказывается об удачливом «поселянине» Луке, разбогатевшем путем торговли «чудесами» от найденной им иконы. Лука построил богатую усадьбу и жил в ней, окруженный слугами, «отроками предстоящими», занимаясь травлей медведей и прочими развлечениями феодалов XV века.

Замечательное литературное богатство русской, украинской и белорусской письменности средневекового времени, в значительной мере сохраненное летописями, все больше привлекает внимание широких читательских кругов. И этому в немалой степени способствует популяризация древнерусской литературы путем ее перевода на современный язык, осуществляемая издательством Академии наук СССР в серии «Литературные памятники». Такие переводы, ставшие в наше время обычными, почти не делались в царской России. Молодежь тогда старались воспитывать на иноземных образцах; наши собственные богатства по существу скрывались под лживым предлогом, будто знакомиться с древней русской литературой необходимо только в подлинниках, хотя всем было очевидно, что эти подлинники давно уже сделались непонятными. А между тем такие сочинения, как «красная» «История о Казанском царстве», это не просто исторический источник, а литературное произведение высокого мастерства.

Нельзя забывать и о том поистине колоссальном значении, какое летописи имеют для изучения истории славянских языков, в первую очередь русского, украинского и белорусского. Ведь составители летописей не были скованы рамками раз навсегда утвердившихся текстов, как это было с переписчиками богослужебных книг (евангелий, псалтырей и пр.), где нарушение или даже замена одного слова другим, равнозначащим, иногда рассматривались как прямая ересь. Живой некнижный язык господствует на страницах летописей, в особенности там, где передаются разговоры или описываются те или иные местности.

Не забудем также, что летопись имеет громадное значение для знакомства с русским, украинским и белорусским фольклором. По страницам летописей разбросаны поговорки и пословицы, порой еще сохранившиеся в живом речевом обиходе, которые поражают своей мудростью и остроумием. Пока еще этот древнерусский фольклор мало изучен, хотя на особую важность его как выражения народных чаяний и мыслей неоднократно указывал А. М. Горький.

Итак, наши летописи одинаково ценны и для историков, и для литературоведов, и для лингвистов, и для фольклористов. Проблема издания и изучения русских летописей — это, таким образом, комплексная проблема, имеющая громадный интерес для истории мировой культуры.

Изучение летописей насчитывает больше 200 лет. Начато оно было уже замечательным русским историком XVIII в. В. Н. Татищевым. Можно сказать без преувеличения, что почти все видные русские историки, занимавшиеся феодальным временем, в той или иной мере изучали летописи. Вершиной этой исследовательской работы были труды А. А. Шахматова, сочетавшего глубокий лингвистический и литературный анализ летописей с историческими изысканиями. Эти труды являются основой для дальнейших исследований по истории летописания, хотя уже требуют не только мелких поправок, но и пересмотра отдельных положений.

А. А. Шахматов составил схему создания древнейших летописных сводов, пользуясь «Повестью временных лет», возникшей около 1113 г., и Новгородской I летописью, передавшей еще более ранний летописный свод 1093 г. При этом Шахматов отнес возникновение древнейшего летописного свода на Руси ко времени Ярослава Мудрого (1037 или 1039 г.). В других своих работах Шахматов остановился на времени происхождения и условиях создания более поздних летописных сводов. Наблюдения Шахматова уточнил и развил М. Д. Приселков, впервые написавший «Историю русского летописания XI—XV вв.» [Л., 1940]. Конечно, труды Шахматова и Приселкова гипотетичны во многих положениях, но в спорных вопросах» невозможно обойтись без гипотез, а насколько гипотезы Шахматова были иногда плодотворны, показывает следующий пример. Шахматов, анализируя Воскресенскую и Ростовскую летописи, пришел к мысли, что в их основе лежит летописный свод, доведенный до 1479 г. Эта догадка блестяще подтвердилась, и сам Шахматов нашел такой свод в Эрмитажной рукописи XVIII в. Позже найдена была аналогичная рукопись первой половины XVI в., изданная в недавнее время в 25-м томе «Полного собрания русских летописей».

Построения Шахматова вызвали серьезные критические замечания В. М. Истрина и Н. К. Никольского, впрочем мало поддержанные другими исследователями. Позже итоги исследований русских летописных сводов были обобщены Д. С. Лихачевым, сделавшим в свою очередь много ценных наблюдений, в его книге «Русские летописи и их культурно-историческое значение» [М.; Л., 1947]. Свойственное исследованиям советских авторов новаторство сказалось в ряде трудов о летописях, авторами которых были А. Н. Насонов, К. Н. Сербина, Л. В. Черепнин, Б. А. Рыбаков, Н. Н. Ильин и др. Насонов и Сербина обратили пристальное внимание на такие участки в истории летописания, которые до них изучались крайне слабо: на псковские, тверские и устюжские летописные своды. Рыбаков заново поставил вопрос о создателях летописей и показал, что летописание на Руси не было только делом церкви и князей, но осуществлялось и крупными феодалами, боярами. Черепнин привел солидные доказательства раннего возникновения летописных сводов на Руси (конец X, а не первая половина XI в., как думали Шахматов и Приселков). В свою очередь литературоведы (И. П. Еремин и др.) сделали много для изучения принципов работы самих составителей летописных сводов (например, создателя «Повести временных лет» летописца Нестора).

Мы с полным правом можем сказать, что в области исследования летописей в советское время достигнуты большие успехи.

Значительно хуже дело обстоит с изданием летописей и выявлением их списков. Летописи стали издаваться уже в XVIII в., но начало систематической их публикации было положено организацией Археографической комиссии в Петербурге. В 1841 г. вышел 3-й том «Полного собрания русских летописей», включавший Новгородскую первую летопись, а в 1843 г. появился 2-й том того же издания (Ипатьевская летопись) и в 1846 г.— 1-й том (Лаврентьевская ле-

топись). Печатание летописей происходило очень медленно, и в дореволюционное время было выпущено всего 23 тома собрания, не считая отдельных публикаций тех или иных летописных сводов (Сибирские летописи и др.).

В советское время было осуществлено издание ряда летописей. Так, под редакцией Насонова вышли в свет псковские и новгородские летописи. Сербина опубликовала Устюжский свод, впервые изданный в XVIII в. и с того времени не переиздававшийся. Интересную работу проделал Приселков, реконструировавший на основании ряда данных содержание Троицкой пергаменной летописи, исчезнувшей в московский пожар 1812 г.

В первые годы Советской власти продолжалось и издание «Полного собрания русских летописей», в частности, были напечатаны замечательный Рогожский летописец начала XV в. (15-й том, 2-е изд.), а также 24-й том (Типографская летопись).

Более систематически издание «Полного собрания русских летописей» стало проводиться с 1949 г., когда вышел 25-й том этой многотомной серии, в котором был помещен Московский свод конца XV в. В настоящее время напечатан 26-й том, содержащий Вологодско-Пермскую летопись. Подготовлен к печати 27-й том, где будут помещены своды конца XV в., а также запланированы 28-й том (свод 1518 г.), 29-й том (летописи времен Ивана Грозного) и 30-й том (Тверские летописи) *.

Возобновление издания «Полного собрания русских летописей», конечно, ставит вопрос о том, какие летописи и как надо издавать. В практике прошлого вопрос об археографических правилах издания древних текстов вызывал много разногласий. В основном существовало два мнения: согласно первому, издание должно быть как можно более приближенным не только к публикуемому тексту, но и к графике рукописей; согласно второму, текст летописей может подвергаться соответствующей обработке, повторение всех особенностей старого алфавита, пунктуации и т. д. не является обязательным.

На первый взгляд мнение о наибольшем приближении издаваемого текста к подлиннику не может вызывать возражения, так как основная цель издания всякого источника состоит в том, чтобы возможно точнее передать подлинник. Но практически такое требование не всегда осуществимо средствами современной печати, так как древние тексты имеют свои особенности. Даже такие будто бы точные издания, как 17-й том «Полного собрания русских летописей», в котором помещены белорусские и литовские летописи, при всем старании их издателей далеки от подлинников. Прежде всего, в них текст разделен на слова и имеются большие буквы, которых нет в подлинниках. А при делении на слова как раз и делается при издании старых документов наибольшее количество ошибок. Не приходится доказывать, что такие издания, в которых сохраняются исчезнувшие буквы (фита, кси, пси и др.), а также выносные буквы, отмечаемые курсивом,

* [См. комментарий к статье под *].

и т. д., крайне дороги. Мы не говорим уже о том, что подобные издания превращаются в своего рода тайнопись и понятны лишь немногим специалистам, а подлинника заменить они все равно не в состоянии.

В настоящее время споры о типах издания летописей могут считаться уже анахронизмом, так как имеются недорогие способы воспроизведения рукописей. Это позволяет вместе с воспроизведением подлинника давать текст летописей по современной пунктуации и с заменой устарелых букв равнозначащими. Именно таким способом были, например, опубликованы новгородские берестяные грамоты (под редакцией А. В. Арциховского и В. И. Борковского).

Отделения Исторических наук и Литературы и языка уже приступили к изданию крупнейших памятников письменности путем их воспроизведения. Так, в ближайшее время Издательство Академии наук СССР выпускает воспроизведение юридического сборника «Мерило праведное» по списку XIV в. (около 700 страниц)*. Кроме того, фотомеханическим путем будут воспроизведены 1-й и 2-й тома «Полного собрания русских летописей» (по изданиям Карского и Шахматова) и 9-й том (Никоновская летопись)**.

Издание и изучение летописей потребует большего, чем раньше, внимания к этим памятникам мировой культуры. Первым шагом к этому явилось создание летописной группы Института истории Академии наук СССР, руководство которой поручено пишущему эти строки. Поставить издание летописей на должную высоту — задача Института истории и Отделения исторических наук Академии наук СССР.

ЧТО НОВОГО ВНЕС А. А. ШАХМАТОВ В ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

Алексей Александрович Шахматов занимает совершенно исключительное место среди историков и историков литературы, изучавших русские летописи. Ни один современный исследователь древнерусской письменности не только не может пройти мимо его трудов по истории русского летописания, но в той или иной мере должен на них опираться и от них исходить. Трудно найти такого исследователя древней письменности, у которого необыкновенная эрудиция так блестяще соединялась бы с поразительным исследовательским талантом и необычайным трудолюбием, как у Шахматова. Ученое наследство Шахматова огромно, и в этом ученом наследстве труды по истории русского летописания занимают едва ли не первое место.

---

* [См. комментарий к статье под **].
** [См. комментарий к статье под ***].

Нельзя сказать, чтобы русские летописи не привлекали к себе внимания русских ученых до Шахматова. Труды Шлёцера, Буткова, Сухомлинова, Бестужева-Рюмина и многих других внесли много нового в понимание летописей, и все-таки мы можем говорить, что труды Шахматова создали эпоху в области изучения летописей, явились своего рода переворотом в самих методах изучения русских летописей, коренным образом изменили наше представление об этих памятниках. И это было, конечно, явлением не случайным. До Шахматова летописи также изучались историками и историками литературы. Первые интересовались происхождением и исторической достоверностью летописей, вторые изучали летопись как литературное явление. Например, труд академика М. И. Сухомлинова так и был озаглавлен: «О древней русской летописи как памятнике литературном» [СПб., 1856]. Сухомлинов поставил перед собой задачу установления тех литературных памятников, которые послужили источниками для «Повести временных лет». После выхода его исследования в свет нельзя уже было сомневаться в том, что создатели «Повести временных лет» имели под руками ряд литературных памятников, которые они использовали для своей работы. Тем не менее перед учеными раскрылась только часть источников, которыми пользовались летописцы, а происхождение «Повести временных лет» так и осталось неразъясненным. Дальнейший шаг в области изучения летописей сделал К. Н. Бестужев-Рюмин. Он впервые с полной ясностью отметил, что русские летописи представляют собой летописные своды, составленные из самых разнообразных источников. Но, отмечая компилятивный, сводный характер летописи, он не дал ответа, да и не мог ответить на вопрос о взаимоотношениях летописных сводов между собою, потому что подходил к изучению летописей только с позиций историка.

Именно Шахматову принадлежит заслуга изучения летописи комплексным способом как памятника и исторического, и литературного. Шахматов применил к изучению летописи филологический метод исследования. Он положил в основание своих работ критику летописных сводов и детальное изучение истории их текстов, сравнительно-историческое исследование их формы и содержания.

Давно известно, какое громадное значение имеет заимствование отдельными отраслями науки тех более совершенных методов исследования, которые давно уже разработаны и вошли в арсенал ученых методов той или другой дисциплины.

В свое время толчком к новым работам по изучению летописей явились труды Шлёцера, который подошел к исследованию «Повести временных лет» с навыками ученых, работавших над библейскими текстами. Шлёцер создал гипотезу об искажении летописного текста переписчиками и необходимости восстановления подлинного текста летописи, так называемого «очищенного» Нестора. Теория Шлёцера кажется нам наивной, но в свое время она пользовалась большим признанием. Недаром издатели первых томов «Полного собрания русских летописей» пытались исправить древнейшие летописи, поло-

жив в основу своего издания представления Шлёцера о летописи. Для издателей «очищенного» Нестора, следовавших по стопам Шлёцера, позднейшие летописи с их новообразованиями казались только нагромождением разного рода ошибок, которые наслаивались на первоначальный летописный текст. Издатели первых томов «Полного собрания русских летописей» так и писали: «Известно, что бóльшая часть древних летописей повторяется в позднейших списках точными словами или с подновлением слога, без нарушения, однако ж, основы текстов тех Временников, из которых они заимствованы»[1]. Основываясь на этом, издатели первых томов «Полного собрания русских летописей» напечатали такой ценнейший памятник, как Новгородская 4-я летопись, только в выдержках. Весь остальной текст был пропущен на том основании, что он повторял будто бы древний текст «слово от слова».

Применение филологических приемов изучения текста на первых порах, следовательно, потерпело неудачу. Прошло сто лет, раньше чем новый исследователь решился подойти к ...[2]

Шахматов подошел к изучению летописей во всеоружии своих обширных лингвистических познаний. Можно только удивляться той поразительной тщательности, с которой Шахматов изучал различные летописные своды и списки этих сводов с их многочисленными вариантами. А между тем только таким способом, с помощью кропотливой, поистине каторжной работы, можно было установить определенные закономерности в различиях и сходстве отдельных летописных сводов между собою. И результаты вполне оправдали труды Шахматова.

Шахматов, в сущности, первый создал представление о русском летописном своде как памятнике весьма своеобразного состава, который нельзя характеризовать только его компилятивностью. Уже в своих относительно ранних работах по истории русского летописания Шахматов оперирует понятием летописного свода, говорит о сводчиках как составителях этих сводов. Между тем без определения характера русских летописей как особого вида литературных памятников, не похожих на западноевропейские хроники или византийские исторические труды, нельзя было понять близость и различие летописных известий, нередко явно основанных на одном общем источнике, но в то же время существенно различных по своим деталям. Существенно важным являлся и вопрос о взаимоотношениях летописных сводов между собой. Грандиозную задачу установить взаимоотношения летописных сводов XIV—XV вв. и дать датирующие указания о времени их возникновения Шахматов разрешает в своей замечательной статье «Общерусские летописные своды XIV и XV веков», напечатанной в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1900 г., сентябрь, ноябрь [и 1901 г., ноябрь]. Эта статья

---

[1] [ПСРЛ. СПб., 1846, т. I, с. VI].

[2] [Далее в машинописном оригинале статьи утрачено примерно две строки].

основана на сличении текстов отдельных летописных сводов и их списков, что позволило автору отчетливо установить связь отдельных сводов и примерное время их возникновения. Выяснилось, что дошедшие до нас своды только отчасти отражают первоначальные летописные записи, что историк не только может, но и обязан разбираться в происхождении тех известий, которые он заимствует из летописей для своих построений.

Пожалуй, наиболее эффектным открытием Шахматова в области изучения русского летописания было установление того факта, что так называемая Новгородская I летопись по своему составу является более древней, чем «Повесть временных лет». Впервые эту мысль Шахматов высказал в статье «Хронология древнейших русских летописных сводов» в кратких словах: «„Повесть временных лет" представляется распространением Начального свода»[3]. Тем самым открылась возможность для критики текста известий «Повести временных лет», стало возможным с достоверностью говорить о существовании более ранних летописных сводов, чем «Повесть», не только предположительно, но с материалом в руках. Страницы основного труда Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» [СПб., 1908], посвященные анализу Новгородской I летописи, могут быть названы своего рода шедевром научной проницательности.

С неменьшим успехом метод сравнительного изучения летописных текстов применил Шахматов и при обозрении сводов более позднего времени. В названной нами статье об общерусских летописных сводах XIV—XV вв. Шахматов как бы начертал для себя и для историков русского летописания программу будущих работ по изучению летописи. Впоследствии наблюдения Шахматова над русскими летописными сводами, главным образом XV в., вылились в громадный труд «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» [М.; Л., 1938].

Возникает вопрос, какова точность метода Шахматова? Ведь для неискушенного читателя многие его выводы кажутся совершенно неожиданными и с первого взгляда недостаточно обоснованными. Отчасти это объясняется и необыкновенной добросовестностью Шахматова, который всегда признавался в сделанных им ошибках, не стеснялся менять свои выводы и прямо говорил о гипотетичности некоторых своих взглядов. «Настоящее исследование,— писал, например, Шахматов в одной своей статье,— исходит из некоторых положений, которые пока не доказаны. Развитие этих положений, думаю, равносильно их доказательству»[4]. В мои студенческие годы, когда труды Шахматова по изучению «Повести временных лет» были еще относительной новинкой, мне приходилось слышать отзывы о статьях и книгах Шахматова как о работах крайне гипотетического характера, причем эти отзывы исходили от крупных специалистов-исто-

[3] ЖМНП, 1897, апр., с. 463.
[4] Там же.

риков, а между тем метод изучения летописных сводов, применяемый Шахматовым, по существу метод очень точный. Небесполезно будет рассказать историю одного открытия, сделанного Шахматовым. В своей работе, посвященной утраченной Троицкой пергаменной летописи, Шахматов восстанавливал так называемый Общерусский летописный свод 1480 г., являвшийся важным этапом в истории позднего московского летописания. Примерный объем этого свода устанавливался Шахматовым на основании сличения...[5]

[Труды] названного ученого в области изучения русского летописания всегда останутся примером научной самоотверженности. По своей трудоемкости они могут быть сравнены разве только с трудами Сергея Михайловича Соловьева.

Шахматов был не только гениальным ученым, но и тружеником науки и никогда не принадлежал к тем «ленивым богатинам», по выражению русского автора XVI в., которые почивают на лаврах прежних своих достижений. В настоящее время трудно найти такой летописный свод и даже список летописи, который остался бы вне внимания Шахматова. Обширная и трудно доступная для изучения область летописных источников в настоящее время больше изучена, чем многие относительно небольшие памятники. Шахматов дал пример такого охвата источников, который необходим для того, чтобы сделать правильные выводы о происхождении и значении русских летописных памятников.

Но не только методы изучения летописных сводов, не только необыкновенно широкий охват привлекаемых памятников характеризуют работы Шахматова. Нас поражает еще другая особенность его трудов по истории русского летописания — это стремление поставить изучение русских летописей в определенные исторические рамки. Шахматов с необыкновенной четкостью показал и объяснил, какие мирские и политические мотивы порой руководили составителями и редакторами летописных сводов. С предельной ясностью рисуется перед читателями картина создания трех редакций «Повести временных лет», составленных в 1111—1118 гг. в Киеве. От чего зависела эта быстрая смена летописных редакций, возникших на протяжении всего семи лет? — задает вопрос Шахматов и отвечает на него следующим образом: «Основная редакция „Повести временных лет“... была прежде всего памятником монастырского летописания, но рядом со статьями и известиями, относящимися к Печерской обители, она несомненно уделяла немало внимания событиям общеполитической жизни»[6]. Первая редакция возникла в Киево-Печерском монастыре, вероятным ее автором был Нестор. «Преемник Святополка Владимир Мономах не мог не обратить самого серьезного внимания на этот памятник предшествующего княжения. Необходимо было восстановить события последних двух десятилетий в ином ос-

---

[5] [Далее в машинописном оригинале статьи отсутствует один лист].

[6] [*Шахматов А. А.*] Повесть временных лет. [Пг., 1916], т. I, с. XV.

вещении; политический интерес требовал изъятия из обращения многих частей Киево-Печерского летописца»[7]. Для этого Мономах обратился к игумену того монастыря, который был особенно связан с его отцом, Всеволодом Ярославичем. Сильвестр взялся за порученный ему труд и выполнил его в 1116 г. Так появилась вторая редакция «Повести временных лет», дошедшая до нас в составе Лаврентьевской летописи... «Переход княжеского летописания в другой монастырь,— пишет далее Шахматов,— не мог не взволновать Печерскую обитель; с летописью уходило ее влияние на политику великого князя, а также ее моральное значение в глазах всего русского православного мира. Монастырь охотно направил свои симпатии в новое русло: Святополк был забыт, об его сыне Ярославе не было нужды думать; все мысли и надежды перенеслись на Владимира Мономаха»[8]. Так объясняет Шахматов появление трех редакций «Повести временных лет» на протяжении всего семи лет. Такой вывод мог сделать только глубокий исследователь нашей старины, историк в самом широком и хорошем смысле этого слова, который из скудных известий памятников сумел построить целую картину, нарисовать бурную киевскую жизнь в переходные годы начала XII в., когда рушилось единство Русской земли и феодальная раздробленность с ее местными интересами входила в свои права. Конечно, можно оспаривать отдельные выводы Шахматова, но приведенное им объяснение причин, по которым в самое короткое время появились три редакции «Повести временных лет», в настоящее время можно считать единственно правдоподобным, поскольку никаких прямых свидетельств об их происхождении мы не имеем. Между тем существование двух редакций «Повести временных лет» — факт непреложный. Ведь Ипатьевская и Лаврентьевская летописи явно близки друг к другу. Единственное же мыслимое объяснение близости этих редакций «Повести временных лет» друг к другу при явно независимом их возникновении друг от друга находим в предположении, что в основе их лежит один общий протограф. Добавим тут же, что свои замечательные выводы о происхождении редакций «Повести временных лет» Шахматов делает на основе пристального изучения даже небольших отличий в тексте сохранившихся редакций «Повести временных лет».

Сочетание тщательного анализа текстов с широтой и смелостью исторических построений вообще резко отличает работы Шахматова от тех описательных статей, которые давал, например, его предшественник и старший современник в изучении летописей — И. А. Тихомиров. Статья Шахматова «Корсунская легенда о крещении Владимира»[9] была настоящим откровением для историков. Точно внезапно приподнялся край занавеса, таинственно скрывавший подробности одного из знаменательных событий русской истории. Борьба поли-

---

[7] Там же, с. XVII.
[8] Там же.
[9] Сборник статей в честь В. И. Ламанского. СПб., 1906.

тических течений, византийская и русская ориентация, легенда и действительность, литературные памятники, народное творчество,— словом множество вопросов, связанных с историей принятия христианства языческой Русью, подняты и отчасти были разрешены Шахматовым.. Замечательна была сама мысль о причинах возникновения Корсунской легенды. «Я не сомневаюсь в том,— пишет Шахматов,— что великое событие это сосредоточивало на себе напряженное внимание последующих поколений русских людей; не сомневаюсь поэтому в возможности появления своей, оригинальной, независимой от болгар повести о крещении Владимира и земли Русской»[10].

Нередко зоркий глаз исследователя подмечал такие мелкие особенности летописных текстов, которые вообще ранее ускользали от ученых. Изучая Никаноровскую летопись, свод конца XV в., Шахматов обратил внимание на близость этой летописи к Софийской I. Но ему бросилось в глаза и характерное отличие Никаноровской летописи от Софийской I. Некоторые новгородские известия изложены в Никаноровской летописи с явно московской окраской. Слова «выгнаша новгородци» или «путь показаша новгородци» во многих случаях заменены словами: «выиде» и т. д. Всюду заметно желание редактора заменить типично новгородскую летописную фразеологию московской, оставляя новгородское содержание самих известий. Где же и когда могла появиться подобная фразеология, ставившая своей целью доказать древние права великих князей на Новгород. Явно, что она появилась в те решительные годы, когда Москва готовилась к последней борьбе с вольным Новгородом, в период времени между Яжелбицким миром и первым походом на Новгород Ивана III, т. е. между 1456 и 1472 гг. Так Шахматов вскрывает перед нами те политические мотивы, которые водили рукой летописца. Перед нами политик, а не тот нейтральный бытописатель, который пишет летопись, «добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева». И жалость, и гнев, и возмущения руководят летописцами.

Шахматов стремится осмыслить летописные тексты, понять, что именно хотел сказать летописец, какие мирские побуждения заставляют его вносить, выкидывать или изменять то или иное летописное известие. В статье об общерусских сводах XIV—XV вв. Шахматов пишет: «Связь между объединением Руси и появлением общерусских по содержанию своему летописных сводов не подлежит сомнению»; «Цель настоящей статьи объяснить указанный характер древнейших московских летописных сводов и поставить его в действительную связь с идеями и интересами современной им эпохи»[11]. Не случайные описки и новообразования видит современник-историк в изучаемых им летописных известиях. Поэтому и в позднейших сводах, передающих древние известия, он найдет отражение полити-

[10] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 153.

[11] ЖМНП, 1900, сент., с. 90, 91.

ческих событий, понятий, идеологии своего времени. Тем самым и поздние летописные своды, даже там, где они не дают ничего нового для изучения древнейших событий, становятся ценными памятниками своей эпохи.

В сущности, Шахматов впервые наметил и программу для составления истории русского летописания. В кратком виде она была изложена в статье «Летописи», помещенной в т. 25 «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона. Редко появлялись в энциклопедии такие статьи, какой была статья Шахматова, плод долгой многолетней ученой работы. Как же выглядит история русского летописания по Шахматову? Русское летописание началось в Киеве. Именно в Киеве возникли первые общерусские своды, ставившие своей задачей дать представление об истории не отдельного какого-либо русского княжества, а об истории Русской земли в целом. Таким общерусским сводом была и «Повесть временных лет». В XII—XIV вв. на смену общерусским сводам появляются местные летописи. Инициатором нового общерусского летописного свода, по мнению Шахматова, была митрополичья кафедра во Владимире, при которой в начале XIV в. возникает новый Общерусский свод. Однако местное летописание не замирает и после появления этого нового Общерусского летописного свода, только в XV в. начинают преобладать общерусские летописные своды, главным образом московского происхождения. «В XVI веке летописание централизуется еще более. Главным средоточием его является Москва» (стб. 163).

В этой схеме развития русского летописания бросается в глаза необыкновенно близкое совпадение взглядов исследователя, работавшего на ограниченном материале летописей, с современными представлениями ученых о русском историческом процессе. Эпоха первых общерусских летописных сводов в основном совпадает со временем единства Киевского государства. Тогда и зарождается первое русское летописание, тогда пытливая мысль первых русских историков ставит своей задачей ответить на вопрос, «откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Русская земля стала есть». Время Мономаха — последний период единства Русской земли, распадающейся уже на отдельные княжества. «Повесть временных лет» — последняя попытка дать Общерусский свод. Далее начинается феодальная раздробленность. В каждой земле создается своя литература, возникают и местные летописные своды. Новый объединительный процесс начинается в Москве. Здесь-то и появляются новые общерусские своды, отражающие тенденцию представить в историческом труде прошлое всего русского народа.

Нам приходилось уже отмечать, что выводы Шахматова были основаны на чрезвычайно тщательной и трудоемкой работе по сличению летописных сводов. Именно тщательный анализ летописных текстов и позволял Шахматову делать его замечательные выводы о происхождении того или другого свода. Эта особенность трудов Шахматова по истории русского летописания, проделанная им колос-

сальная черновая работа над летописными текстами не всегда была понятна даже крупнейшим из критиков Шахматова. Ревизия взглядов Шахматова на летописные своды древнейшего времени была проведена академиками Н. К. Никольским и В. М. Истриным. Труд Никольского «„Повесть временных лет“ как источник для истории начального периода русской письменности и культуры» [Л., 1930. Вып. 1], как известно, поставил ряд совершенно новых проблем, особенно связанных с взаимоотношениями между древней Русью и западными славянами. Никольский ставит вопрос по-иному, чем Шахматов, но в конечном итоге у читателя не создается отчетливой картины, где и когда возникла первоначальная русская летопись. Может быть, виной этому является то обстоятельство, что труд Никольского остался незаконченным. По крайней мере, в личной беседе со мной, в ответ на ряд поставленных мной вопросов, покойный академик ссылался на вторую часть своей книги, подготовленную им к печати.

Прямую критику, вернее настоящую ревизию, взглядов Шахматова на начальный период русского летописания находим в трудах академика Истрина. Смысл взглядов Истрина сводится в основном к признанию того факта, что начальный летописец сделал рамкой своего повествования хронологию, полученную из византийских хронографов. Так как Хроника Георгия Амартола кончалась на 948 г., то составители Начальной русской летописи именно с этого года начинают говорить только о русских событиях. Русская летопись была составлена между 1037—1054 гг. и называлась «Хронографом по великому изложению». Около 1054 г. из него возник новый памятник — «Повесть временных лет», автор которой взял конец Хронографа с 852 г. и дал к нему предисловие. Крупнейший знаток русских хронографов, Истрин не производил детального изучения всех летописных сводов, дошедших до нашего времени, как это сделал Шахматов, и слишком упростил схему возникновения русского летописания, вырвав только одну деталь — близость отдельных известий «Повести временных лет» к Хронике Георгия Амартола. В особенно резолютивной форме Истрин высказал свои взгляды на летопись в статье «Моравская история славян и история поляно-руси как предполагаемые источники Начальной русской летописи», напечатанной в 1931 г. в Праге («Byzantinoslavica», 1931, т. 3, ч. 2) и направленной против названного труда Никольского. Отмечая значение работ Шахматова по русскому летописанию, Истрин все-таки говорит, что происхождение и история летописи до сих пор остаются загадочными. Этот вывод как будто сильно умаляет выводы Шахматова, однако простое сравнение трудов Шахматова по истории летописания с трудами Истрина в той же области невольно заставляет поддержать метод изучения летописей Шахматова с его глубоким текстуально-литературным анализом. Труды Истрина в области летописания вновь возвращают нас к пройденному уже этапу общих выводов, которые подкрепляются отдельными, иногда крайне ценными по своим деталям доказательствами без учета всего летопис-

ного богатства в целом. Отсюда и различие в основных выводах между Шахматовым и Истриным, отсюда и заявление Истрина о загадочности истории и происхождения русских летописей.

Особое место среди трудов, возникших после смерти Шахматова, занимает книга М. Д. Приселкова «История русского летописания XI—XV вв.» [Л., 1940]. Автор совершенно правильно считает, что «в критике построений А. А. Шахматова следует исходить из того же объема материала и от такого же изучения текста и его истории, так как иначе мы вернемся к тем позициям, которые даже в XVIII в. на взгляд Шлёцера были пережитыми» (с. 13). Приселков непрерывно опирается на работы Шахматова по изучению летописных сводов; можно сказать, что вся работа Приселкова покоится на той черновой работе, которую в свое время проделал покойный академик. Тем более странно читать в труде Приселкова следующие слова: «И если в работах над летописными текстами А. А. Шахматова современное научное изучение летописей видит важные, пригодные и прочные результаты, то нельзя забывать того, что А. А. Шахматов подошел к изучению летописей не как историк, а как историк литературы к историко-литературному явлению, ставя при этом своею задачею только восстановление текста „Повести временных лет" как памятника литературы» (с. 5). Нельзя представить себе более неправильного отзыва о трудах Шахматова, чем это сделал его непосредственный продолжатель, каким был покойный Приселков. Читать эти слова тем более странно, что вся первая глава книги Приселкова, в сущности, повторяет разыскания Шахматова о древнейших летописных сводах. То же можно сказать и о многих других главах «Истории русского летописания». Между тем характеристика работ Шахматова, сделанная Приселковым, не случайна. Она коренится во взглядах названного автора на историю русского летописания как на дело, которое целиком носило официальный характер. На чем, например, базируется заявление автора о том, что «с начала XIV века мы наблюдаем заботливое ведение летописцев великими князьями владимирскими» (с. 9)? Как можно на основании нескольких известий о Святославе Ольговиче Черниговском сразу же говорить о существовании летописца князя Святослава Ольговича (с. 51)? Здесь не место критиковать труд Приселкова, который так и не получил никакой оценки в нашей литературе, но нельзя не отметить того, что «История русского летописания» отходит от тех методов Шахматова, которые были основаны на текстуальном анализе памятников и широчайшем охвате источников. Сила Шахматова именно и заключалась в том, что он изучал летопись и как памятник историко-литературный, и как памятник исторический. Его предположения о времени, месте и причинах возникновения того или иного летописного свода были рабочими теориями. Они облекались в плоть и в кровь в результате длительного изучения текстов и их взаимосвязи. Работы Никольского и Истрина вернули нас к способам изучения летописи как памятника только историко-литературного, труд Приселкова возвратил к изучению ле-

тописи как памятника только исторического, тогда как летопись явление и литературное, и историческое. Так ее изучал Шахматов [12].

Русская историческая наука безмерно обязана великим трудам Шахматова по истории русского летописания. Эти труды — исключительное явление не только в русской исторической литературе, но и литературе мировой. Задача советских историков и историков литературы — продолжить труды Шахматова. Многое еще надо сделать. Если ленинградские рукописные хранилища изучены Шахматовым с большой полнотой, то этого нельзя сказать о московских собраниях. В них найдем мы и кое-какие летописи, оставшиеся неизвестными Шахматову. Немало найдется и списков уже известных нам сводов, оставленных без внимания Археографической комиссией. Назову, кроме упомянутого ранее списка Московского свода 1480 г., Новгородскую летопись типа списка Дубровского с новым списком «Задонщины», позднюю, но замечательную компиляцию XVII в. («Летописец Русския земля»), объясняющую нам происхождение таких летописей, как знаменитая Иоакимовская летопись; Владимирский летописец, восстанавливающий текст утраченной Троицкой летописи и т. д. Работы непочатый край, но я твердо уверен в том, что все эти работы должны идти путями, завещанными нам А. А. Шахматовым, разрабатываться его методом, основываться на его бессмертных трудах, о которых можно сказать похвальными словами начального летописца: «в них бо неисчетная глубина».

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ «РУСЬ» И «РУССКАЯ ЗЕМЛЯ» *

О названии «Русь» писали много, и каждый, кто пытается заново поставить этот вопрос, как будто не в состоянии выйти из круга уже возникших теорий. И тем не менее вопрос о происхождении названия «Русь» не может быть снят с обсуждения, ибо он тесно связан с вопросом о происхождении русского государства и русского народа. Недаром же летописное сказание о начале Руси 200 лет служило темой для споров норманистов и антинорманистов, тех споров, которые всегда шли в накаленной политической атмосфере, начиная с полемики великого Ломоносова с немцами-академиками середины XVIII в.

К тому же общие итоги ученых исследований о происхождении термина «Русь» не могут быть признаны удовлетворительными.

[12] [На полях машинописного оригинала статьи имеется авторская пометка карандашом]: «Методы Шахматова все более прививаются в области историч[еских] знаний: труды [А. Н.] Насонова о русск[их] л[етописях]. Не только л[етопи]сь, изд[ание] Р[усской] Прав[ды] и классиф [?] разраб [?] В. П. Любимовым. Работа...».

* Переработанный текст доклада на сессии по этногенезу славян (Москва, декабрь 1943 г.).

В настоящее время наиболее принята компромиссная теория Брима о двойном, северном и южном, происхождении слова «Русь». Но эта теория, как всякое компромиссное решение, по существу ничего не объясняет, потому что оставляет в силе и теорию, возводящую «Русь» к варягам-скандинавам, и взгляды о южном происхождении Руси[1] Не больше ясности в рассматриваемый вопрос вносит и недавно опубликованная статья Л. С. Тивериадского[2]. Как и ранее писавший С. В. Юшков, названный автор видит в терминах «варяги» и «Русь» классовое содержание: «...термин Русь, принимая его автохтонно-южное происхождение, должен был относиться к местной, исконной славянской знати»[3]. Однако доказательств того, что словом «Русь» обозначалась только знать, а не отдельный народ или племя, автор в своей статье не приводит.

Для историка, изучающего происхождение термина «Русь», есть один способ определить, что понималось под Русью в IX—X веках,— это пересмотреть основные источники, знающие «Русь» и о ней упоминающие. В основном эти памятники делятся на две группы: русские и иноземные. Значение их, конечно, совершенно неравно, так как только русские источники могут с большей или меньшей точностью указать, что́ понималось у восточных славян под словом «Русь», какой народ и какая страна, тогда как иностранные памятники полны множества противоречий, в особенности источники арабского происхождения, которые могут быть привлечены только в виде дополнительного материала.

В исторической науке давно уже отмечено, что в XII—XIII вв. название «Русь» обозначало вполне определенную страну — собственно Киевскую землю. Примеров подобного словоупотребления можно указать немало и притом в разных русских памятниках. Так, Лаврентьевская летопись, памятник владимиро-суздальского происхождения, рассказывает о походе киевского князя Святослава Всеволодовича и сожжении города Дмитрова: «...пожга (Святослав — *М. Т.*) город Дмитров, възвратися опять в Русь...»[4]. И это не случайное, а общепринятое выражение владимиро-суздальских памятников. После смерти Андрея Боголюбского на совещании во Владимире говорилось: «...князь наш убьен, а детей у него нету, сынок его в Новегороде, а братья его в Руси...». Итак, Владимиро-Суздальская земля — не Русь, а Русь — это южные княжества, где живут братья Андрея[5].

Подобное же словоупотребление видим в Новгородской земле. Для новгородца под Русью понималась Киевская земля. Можно привести ряд выражений, характерных для новгородского понимания слова «Русь», но ограничимся двумя примерами. В 1135 г. «иде в

---

[1] *Брим В. А.* Происхождение термина «Русь».— В кн.: Россия и Запад: Ист. сб-к. Пг., 1923, вып. 1, с. 5—10.

[2] *Тивериадский Л. С.* К вопросу о происхождении Руси в связи с этногенезом славян.— ИЗ, 1942, т. 13, с. 40—53.

[3] Там же, с. 49.

[4] ЛЛ, с. 368 [см. комментарий к статье под *].

[5] Там же, с. 352 (под 1175 г.).

Русь архиепископ Нифонт с лучшими мужи». В 1142 г. сообщается, что новгородцев не пускали из Руси, пока они не приняли князя Святополка [6]. В отличие от жителей южной Руси, которых называли русинами, новгородцы называли себя словенами. Это противопоставление русина словенину с наибольшей четкостью бросается в глаза в краткой редакции Русской Правды, которая, судя по всему, возникла в Новгороде. В свою очередь, киевляне называли свою землю Русью в отличие от Новгородской земли («бежащю же Святославу из Новагорода идущю в Русь к брату») [7].

Не причисляли себя к русинам и жители Смоленской земли, что явно вытекает из рассказа о походе Изяслава Мстиславича на Волгу в 1148 г. На устье Медведицы он соединился с новгородцами, а потом пришел его брат Ростислав «с всими рускыми силами, полкы, и с Смоленьскими» [8].

Даже Галицкая земля, что особенно важно, также не считалась Русью. Победив в 1152 г. Владимира Галицкого, венгерский король пошел «в Угры, а Изяслав у Русскую землю».

Значит, можно с полным основанием считать, что в XII—XIII вв. название «Русь» обозначало определенную область: Киевскую землю в узком смысле этого слова.

Наряду с термином «Русь» как обозначением определенной территории употреблялось другое, более широкое понятие «Русской земли» в применении ко всем восточнославянским землям, входившим в состав Киевского государства. Примеров подобного словоупотребления много. Так, Изяслав Мстиславич заявляет: «Мне отцины в Угрех нетуть, ни в Ляхох, токмо в Руской земли» [9]. Здесь Русская земля противополагается Венгрии и Польше как единое народное целое, а не просто как Киевская земля. Еще более четко и ясно под Русской землей понимается вся территория, населенная восточными славянами, в рассказе о Липецкой битве 1216 г. Там суздальский боярин говорит своим князьям: «...не было того ни при прадедех, ни при дедех, ни при отце вашем, оже бы кто вшел ратью в силную землю в Суздальскую, оже вышел цел, хотя бы и вся Русская земля, и Галичьская, и Киевьская, и Смоленьская, и Черниговьская, и Новогородская, и Рязаньская» [10]. Здесь само Киевское княжество является лишь составной частью общей Русской земли. Так понимают Русскую землю и певец «Слова о полку Игореве», и Даниил Паломник, поставивший лампаду от всей Русской земли на гробе господнем, и автор «Слова о погибели Русской земли», обозначавший ее границы от Угорских гор до «дышучего моря», т. е. от Карпат до Ледовитого океана. Перед нами очень интересное явление. Термин «Русь» получил двоякое значение:

---

[6] НЛС, (под 1135 и 1142 гг.) [см. комментарий к статье под **].
[7] ПСРЛ. 2-е изд. СПб., 1908, т. II, стб. 308—309 (под 1141 г.) [см. комментарий к статье под ***].
[8] Там же, стб. 370.
[9] Там же, стб. 405 (под 1150 г.).
[10] ЛЛ, с. 470.

узкое — для обозначения Киевской земли и широкое — для обозначения всей земли, населенной русскими.

Какое же из этих обозначений древнее? Слово ли «Русь», относившееся первоначально к Киевской земле, распространилось на остальные восточнославянские земли или широкое понятие «Руси» сосредоточилось на понятии небольшой территории вокруг Киева? Наиболее обычным был, как известно, порядок, когда «название небольшого племени становилось названием целого народа, как, например, чехов и поляков» [11]. Можно с вероятностью предполагать, что Русью первоначально называлась только Киевская земля, откуда это название распространилось на остальные земли восточных славян.

Чтобы доказать это положение, мы должны выяснить, какое значение имело слово «Русь» в еще более раннюю эпоху, в X—XI вв. «Русь» и «Русская земля» неоднократно упоминаются в летописных известиях, но в такой форме, что трудно установить, о чем идет речь: о всей Русской земле в целом или об отдельной ее части.

Тем не менее некоторые места начальной летописи недвусмысленно доказывают, что авторы XI в. называли Русью именно Киевскую землю. Говоря о древних славянских племенах, летописец сообщает: ...и Поляне, яже ныне зовомая Русь» [12]. Но поляне, по той же летописи, населяли Киев и его окрестности. Следовательно, Русь — это название Киевской земли, а не какого-либо другого участка восточнославянской территории. В свете подобного толкования термина «Русь» для нас становится понятным своеобразное выражение летописи, дающее расчет лет от цесаря Михаила до смерти Святополка Изяславича (в 1113 г.): «...от перваго лета Михаилова до перваго лета Олгова, Рускаго князя, лет 29; а от перваго лета Олгова, понеже седе в Киеве, до перваго лета Игорева лет 31» [13]. Итак, Олег признается русским князем с того времени, как он стал княжить в Киеве (понеже — потому что сел в Киеве).

Такое понимание летописного текста подтверждается другим местом «Повести временных лет»: «Седе Олег, княжа в Киеве, и рече Олег: „се буди мати градом Руским" Беша у него Варязи и Словени, и прочи прозвашася Русью» [14]. Здесь Киев — мать городов русских, а осевшие в нем варяги и словени прозываются Русью потому, что они стали жить в Киеве.

Для историка важен вопрос, к какому времени относятся приведенные выше фразы об Олеге, как, впрочем, и все летописные известия о IX—X вв. Уже И. И. Срезневский и К. Н. Бестужев-Рюмин отметили, что в упомянутом расчете лет от Михаила до Святополка заметны три слоя. Так, в конце хронологического расчета читаем: «от смерти Святославли до смерти Ярославли лет 85, а от смерти Ярославли

---

[11] *Perwolf J.* Slavische Völkernamen.— In: Archiv für slavische Philologie, 1884, Bd. 8, Hf. 1, S. 26.
[12] ЛЛ, с. 25.
[13] Там же, с. 17.
[14] Там же, с. 23.

до смерти Святополчи лет 60». По этому поводу Бестужев-Рюмин пишет: «Таким образом, сами собою определяются нам три слоя первоначальных источников летописи: записки до смерти Святослава, до смерти Ярослава, до смерти Святополка» [15]. Это наблюдение подтверждается тем, что в упомянутом расчете лет от Михаила до Святополка видим два способа изложения. Первый кончается словами: «...а от перваго лета Святославля до перваго лета Ярополча лет 28». После этих слов меняется самый характер изложения: «а Ярополк княжи лет 8; а Володимер княжи лет 37; а Ярослав княжи лет 40». Следовательно, первоначальный расчет лет обрывался на Ярополке.

А. А. Шахматов, а вслед за ним М. Д. Приселков возводят большинство известий о событиях IX—X вв. к так называемому «Древнейшему летописному своду», составленному в 1037 г. Во всяком случае, некоторые известия X в. были записаны не позднее первой половины XI в. Так, летописец сообщает, что могила Олега Святославича находится «и до сего дне у Вручего», а под 1044 г. говорит о переносе костей Олега из прежней могилы в Десятинную церковь. Тот, кто писал о могиле Олега у Вручего «до сего дне», явно не знал о последующей судьбе костей Олега. Отсюда вытекает, что рассказ о Ярополке и его братьях был написан до 1044 г.

Однако самое существование Древнейшего свода 1037 г. представляется недостаточно доказанным. Сводчик, работавший в 1037 г., должен был бы с особой подробностью рассказывать о своем времени, в частности о княжении Ярослава. Между тем оказывается, что летописец говорит об его времени кратко и неточно. Наиболее подробно рассказана борьба Ярослава со Святополком Окаянным, но этот рассказ взят из особого сочинения — «Сказания о Борисе и Глебе». Особым повествованием являлся и рассказ о Мстиславе Черниговском, к тому же явно более благоприятный по отношению к Мстиславу, чем к Ярославу («не смяше Ярослав ити в Киев, дондеже смиристася»). Остальные известия о событиях времени Ярослава так кратки, что напоминают записи, сделанные на основании позднейших припоминаний или выдержек из синодиков.

В самом летописном повествовании со времени Ярослава имеются указания на то, что оно было составлено по позднейшим припоминаниям. Битва с печенегами под Киевом в 1036 г. происходила там, «иде же стоить ныне святая Софья». В похвале Ярославу под 1037 г. говорится о Ярославе: «отец бо сего Володимер взора и умягчи (землю), рекше крещеньем просветив; сь же насея книжными словесы сердца верных людий, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное». В этой фразе явно обозначены три поколения: первое — Владимир, второе — Ярослав, третье — «мы», т. е. уже не современники Ярослава, а люди более позднего времени.

С тем же самым встречаемся мы при изучении летописных известий о княжении Владимира. Летописец гораздо подробнее говорит

---

[15] *Бестужев-Рюмин К.* О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, с. 35.

о событиях княжения Владимира до его крещения, чем о последующем времени. За длительный промежуток времени с 988 по 1015 г. встречаем лишь несколько кратких заметок, часть которых, как это указал еще Шахматов, взята из записей какого-либо синодика (время смерти того или иного члена княжеской семьи). Более подробные повествования восходят лишь к особым сказаниям: к «Слову о построении Десятинной церкви» и «Похвальному слову или краткому житию Владимира». Как малочисленны были в руках летописца известия о второй, христианской половине княжения Владимира, видно из того, что в летописи вновь появляются легенды. Таковы рассказы о борьбе отрока с печенежским богатырем и об осаде Белгорода печенегами с наивным сообщением о хитрости белгородцев.

Летописное повествование о второй половине X в. оказывается более подробным, чем рассказ о первой половине XI в. Отметим несколько фактов, которые были известны летописцу из истории второй половины X в., чтобы показать его осведомленность. Летописец, например, знает, что в 945 г. крещеную Русь водили к присяге в церкви Ильи, «яже есть над ручаем, конець Пасыньче беседы». Летописец знает о Свенельде, рисуя его отношения к Игорю в реальных тонах. Он знает, что Лют, или Мстиша, был сыном Свенельда; упоминаются древлянский князь Мал, полоцкий Рогволод, печенежский Куря; известно происхождение Владимира от ключницы Малуши, дочери Малка Любечанина. Если об этих лицах можно было что-то узнать из устных источников, то упоминание о персонажах, подобных «кормильцу» Асмуду и совсем неизвестному Варяжку, непонятно без предположения о существовании письменного источника. Поразительно то, что распри между сыновьями Святослава описаны с такой точностью и с таким отсутствием легендарных черт, что мы невольно должны предполагать письменный источник очень раннего происхождения, в котором рассказывалось о событиях, последовавших после смерти Святослава.

Летописный рассказ о распрях между сыновьями Святослава имеет любопытную особенность. Он написан человеком, благоприятно настроенным по отношению к Ярополку и враждебно к Владимиру. Виновником вражды Ярополка с Олегом представлен Свенельд, сам же Ярополк «плакал» над трупом брата. Рогнеда не хочет идти замуж за Владимира, «но Ярополка хочю». Киевляне были привязаны к Ярополку — «гражены же не бе льзе убити его».

Наоборот, Владимир изображен в черных тонах, и летописец не скрывает не только его дурных деяний, но и низкого происхождения его как сына ключницы, «рабичича». Владимир перетягивает на свою сторону воеводу Блуда; по приказу Владимира убивают его брата Ярополка; Владимир «залеже жену братню Грекиню», Владимир обманывает варягов и предупреждает об опасности с их стороны византийского императора; Владимир ставит кумиры и вводит человеческие жертвоприношения; наконец, Владимир — «несыт блуда».

Противоположение Владимира — язычника, грубого, хищного и развратного варвара — другому Владимиру, просвещенному христианством, сделано так ярко в летописи, что отразилось на всей нашей исторической литературе. Обычно это противоположение объясняют желанием летописца особенно ярко обрисовать резкую перемену в характере Владимира после принятия христианства. Но вполне мыслимо объяснение чисто источниковедческого порядка. Летописец имел в своих руках различные источники. Один из этих источников представлял собой подробный рассказ о распрях между сыновьями Святослава и первых годах княжения Владимира, написанный в отрицательном духе по отношению к последнему. Не имея других более или менее полных и достоверных источников о времени Ярополка, летописец воспользовался этим рассказом, изображая Владимира-язычника, чтобы на основании других источников описать его деятельность в качестве христианина.

Но что это был за источник и когда он был составлен? Некоторый ответ на это найдем в упомянутом ранее расчете лет. Начинаясь «от перваго лета Олгова», он кончался словами: «до перваго лета Ярополча лет 28». Таковы были примерные хронологические рамки нашего предполагаемого источника. Примерный его объем и содержание восстанавливаются при помощи так называемой Новгородской I летописи, которая, как доказал Шахматов, дает понятие о составе более древнего текста, чем «Повесть временных лет». Этот источник начинался словами «Начало земли Руской» и рассказывал об основании Киева и первых князьях. Конечно, эта повесть о начале Русской земли сохранилась в Новгородской летописи уже в измененном виде, ибо имеет черты обработки 70-х годов XI в., но все-таки она более приближает нас к первоначальному тексту, чем текст «Повести временных лет», осложненный многими вставками. В частности, в ней уже находим рассказ о призвании трех князей, стоящий в явном противоречии с повествованием об Олеге как первом русском князе. Кроме того, рассказ разбит на годы, которые явно отсутствовали в первоначальной редакции «Повести о начале Русской земли», в чем сходятся все исследователи.

Эта повесть была несомненным произведением какого-либо южнорусского, точнее, киевского, автора, отражая претензии киевлян на первенство во всей Русской земле. Подобный характер летописных известий о событиях IX—X вв. нашел отражение и в «Повести временных лет», и в тексте Новгородской I летописи.

Когда же возникла «Повесть о начале Русской земли», как мы ее условно бы назвали, и где она примерно оканчивалась? Мы видели уже, что эта повесть не могла возникнуть позже 1044 г., когда первоначальная могила Олега была потревожена. На это указывает и ссылка в тексте Новгородской I летописи на то, что греки дают дань «и доселе князем Рускым» [16], что едва ли может относиться к очень позднему времени, во всяком случае — не более позднему, чем кня-

[16] НЛС, с. 7.

жение Ярослава Мудрого (умер в 1054 г.), при котором был предпринят последний русский поход на Константинополь.

Но в рассказе о начале Русской земли есть и другая тенденция, обнаруживающая время его составления. Летописец, как мы видели, благожелателен к Ярополку и враждебен к Владимиру. Когда же мог возникнуть рассказ с такой тенденцией? Конечно, не при Владимире и сомнительно, чтобы при Ярославе, который боролся со Святополком Окаянным, считавшимся сыном Ярополка и Владимира. Единственным временем, когда подобный рассказ мог возникнуть, можно считать период княжения Святополка Окаянного (1015—1019 гг.). «Володимер же,— пишет летописец,— залеже жену братьню Грекиню, и бе непраздна, от нея же родися Святополк... бе бо от двою отцю, от Ярополка и от Володимера» [17] В последних словах о двух отцах чувствуется какая-то неуверенность летописца. Поэтому позднейший редактор вставляет здесь рассуждение о греховности происхождения Святополка, выдавая тем самым руку автора, писавшего уже после смерти Святополка.

В свете известий летописи о рождении Святополка нужно рассматривать его позднейшую историю, в частности, решительную расправу Святополка с братьями, которых он мог таковыми и не считать. Поэтому понятна и тенденция «Повести о начале Русской земли» рассматривать Киев как центр государства, а Новгород — как захудалый город. «Да аще бы кто шел к вам»,— отвечает новгородцам Святослав в ответ на просьбу дать им князя [18].

Если принять нашу датировку «Повести о начале Русской земли», то известия о русских событиях X—XI вв., помещенные в ней и не заимствованные из византийских источников, позволяют судить о том, что понималось под Русью и Русской землей в начале XI в., а тем самым и о более раннем времени, по крайней мере о второй половине X в. Для определения того, что́ первоначально входило в состав «Повести о начале Русской земли», служит текст Новгородской I летописи, за исключением рассказа о призвании князей, о котором речь будет идти особо.

Анализ этих известий убеждает нас в том, что в X в. под Русью и Русской землей, как и в более позднее время, понималась Киевская земля. Приведем несколько примеров, пользуясь текстом Новгородской I летописи. Рассказывая о походе Олега на Царьград, летописец говорит: «Игорь и Олег пристроиста воя многы, и Варягы и Поляне и Словене и Кривичи» [19]. Здесь варяги отличены от славянских племен; поляне — жители Киевской земли, словене — новгородцы, кривичи — жители Смоленской земли. Замечательно отсутствие даже упоминания о Руси. Но кто понимался под Русью — видно из дальнейшего рассказа. Древляне говорят об Игоре: «се князя убихом Рускаго», но Игорь княжил в Киеве, значит Киевская земля — это и есть Русь. Говоря о покорении радимичей Владимиром, летописец

[17] ЛЛ, с. 77.
[18] НЛС, с. 21.
[19] Там же, с. 6.

замечает, что они «платять дань Руси, повоз везуть и до сего дни» [20]. Но что это за Русь? Конечно, не варяги, которые при Владимире резко отличались от русского населения.

Летописные известия X в. ясно различают варягов и Русь. Для летописца не было никакого сомнения, что русская и словенская грамота — одно и то же, «а словенеск язык и рускый один...аще и поляне звахуся, но словенская речь бе». Это сознание единства русского и славянского языка еще более подтверждается летописными словами [о том, что] «словеньску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есме Русь». Итак, анализ летописных известий IX—X вв. приводит нас к мысли, что эти известия были записаны уже в начале XI в., что они дают ясное представление о терминологии более раннего времени (X в.) и что в X в. под Русью, как и позже, понималась совершенно определенная область, именно — Киевская земля.

Наш вывод, впрочем, не противоречит летописному сказанию, по которому название «Русь» появилось не в XI—XII вв., а значительно раньше: в IX в. в Новгороде, в начале X в. в Киеве. Летопись присваивает название «Русь» варягам, от которых это имя перешло к славянам,— «и от тех варяг...словет Руская земля» [21]. В этой фразе заключается опорная точка, от которой вот уже два столетия исходят норманисты в своих представлениях о начале Руси. Недаром же Ф. Браун в своем исследовании о гото-славянских отношениях пишет: «Русское государство, как таковое, основано норманнами, и всякая попытка объяснить начало Руси иначе будет напрасным, праздным трудом» [22].

Основные доказательства теории норманистов держатся, в сущности, на двух летописных известиях, которые ставят знак равенства между варягами и Русью. Первый рассказ заканчивает летописный перечень народов, ведущих свое происхождение от сыновей Ноя, легендарных Сима, Хама и Афета. Летописец пишет: «Афетово бо и то колено: Варязи, Свеи, Урмане (Готе), Русь, Агняне, Галичане, Волхва, Римляне, Немци, Корлязи, Веньдици, Фрягове...» [23]. Таким образом, Русь поставлена между готами и англичанами, хотя по точному смыслу может и не принадлежать к варяжским племенам, ибо к ним нельзя, например, относить упомянутых далее римлян; кроме того, слово Русь вообще отсутствует в Троицком (утраченном) и Радзивилловском списках. Почти однородное место читаем в рассказе о призвании князей: «идаша за море к Варягом к Руси, сице бо ся звах у тьи варязи суть, яко ее друзии зовутся Свое, друзии же Урмане, Анъгляне, друзии Гъте, тако и си...» [24]. Близость двух приведенных мест несомненна. Здесь последовательно упомянуты в числе варягов: свеи (шведы), урмане (норвежцы), англичане и готы (жители остро-

[20] НЛС, с. 33.
[21] Там же, с. 5.
[22] *Браун Ф.* Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899, с. 3.
[23] ЛЛ, с. 4.
[24] Там же, с. 18—19.

ва Готланда в Балтийском море). Однако второй отрывок представляет как бы выдержку из первого и комментарий к слову Русь: так назывались эти варяги Русью, как другие звали себя шведами, норвежцами, англичанами и готами,— вот смысл летописного текста.

Но зачем понадобился ученый комментарий к рассказу о призвании князей? Прежде всего потому, что необходимо было объяснить значение слова «Русь», с которым ассоциировалось понятие не варягов, а какого-то восточно-славянского племени. Действительно, в руках составителя дошедшего до нас текста летописи находились материалы, противоречившие его представлениям о Руси. Следы этих материалов сохранились в летописи.

Обычная интерпретация летописного рассказа о призвании Рюрика и его братьев сводится к следующим положениям. Славяне ссорились между собой и решили обратиться к варягам: «...Реша Русь, Чюдь (и) Словени и Кривичи, Вся: земля наша велика и обилна...» [25]. Иными словами, чудь, словени, кривичи и весь приглашают к себе Русь, и в ответ на приглашение появляются три князя и «пояша по собе всю Русь». Историки уже давно обращали внимание на странную конструкцию фразы: «И реша Руси, Чюдь и Словени и Кривичи и Вся». Однако дательный падеж «Руси», поставленный в печатном издании «Повести временных лет», встречается только в Радзивилловском и Академическом списках, тогда как древнейшие, Лаврентьевский и утраченный Троицкий, дают здесь именительный падеж «Русь». Тогда фраза имеет уже совсем иной смысл. К варягам обращаются Русь, словени, кривичи и весь, т. е. самая Русь по этому рассказу не является варяжским племенем. Что в данном случае мы имеем дело не с ошибкой, а с действительной особенностью древнейшего летописного текста, видно из того, что подобный же текст читается в Ипатьевской летописи: «Ркоша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи» [26]. Между тем известно, что тексты Лаврентьевской и Ипатьевской летописей возникли самостоятельно и восходят к одному общему источнику — первой редакции «Повести временных лет», возникшей около 1113 г. Следовательно, подобный текст уже читался в этом не дошедшем до нас памятнике, который явно отличал Русь от варягов. Наконец, Новгородская I летопись упоминает о словенах, кривичах, мери и чуди, обратившихся к варягам за князьями, не называя этих варягов Русью, а только добавляя: «и от тех варяг, находник тех, прозвашася Русь» [27].

Этот вывод находит подтверждение в существовании двух кратких летописцев, известных нам в рукописях XIII—XIV вв. Первый из этих летописцев помещен с Синодальной новгородской кормчей 1280 г. [28] В нем прямо говорится, что Русь, чудь, словене и кривичи обратились к варягам и призвали от них князей. Другой краткий ле-

[25] Там же, с. 19.
[26] ПСРЛ, 2-е изд., т. II, стб. 14.
[27] НЛС, с. 5.
[28] ПСРЛ, 1-е изд., СПб., 1846, т. I, см. прил.

тописец, сохранившийся уже в рукописи XIV в., заключает следующее известие: «При сего же цесарстве (императора Михаила — *М.Т.*) придоша к Варягам Русь, Чюдь, Словене, Кривичи и рекоша им...» [29]. Итак, перед нами старая традиция, отделявшая варягов от Руси.

Наша догадка находит себе подтверждение еще в одном интересном памятнике. Польский историк Длугош, умерший в 1480 г., как известно, пользовался русскими летописными сводами более раннего происхождения, чем известные в наше время. Вот что читаем у него о событиях в Русской земле после смерти Кия и его братьев: «К этому времени такого рода порядок наследования пришел к двум братьям, и именно Аскольду и Диру; в то время, когда они пребывали в Киеве, некоторые русские племена (Ruthenorum nationes), которые вследствие огромного увеличения [численности] искали себе новые поселения, тяготясь их властью, приняли от варягов трех князей, поскольку не было желательно выбрать кого-либо из своих ради равенства» («Donec successio hujusmodi ad duos fratres germanos videlicet *Oskald* et *Dir* pervenit, quibus apud *Kioviam* manentibus, nonnulae *Ruthenorum* nationes quae ex ingenti multiplicatione novas sedes sibi quaesierant, eorum Principatum pertaesae a *Varahis* tres duces acceperunt: quoniam ex propriis neminem eligi propter paritatem placebat») [30]

Итак, Аскольд и Дир у Длугоша — русские князья, а Рюрик и его братья-варяги призваны русскими племенами. Длугош отразил старую традицию, отвергнутую «Повестью временных лет», традицию, которая отличала варягов от Руси.

Откуда же появилось отождествление Руси и варягов в летописном рассказе о призвании князей? Источником этого отождествления явно был отрывок о народах «Афетова колена», где Русь упоминалась наряду со свеями, урманами, англянами и готами. Зная предание о варяжском происхождении Рюрика, автор рассказа о призвании князей уподобил варягам неизвестную Русь, найденную им в отрывке об Афетове колене.

Но какое реальное значение имело слово «Русь» в самом отрывке? На этот вопрос отвечает содержание отрывка об Афетове колене. Оно добавлено в летописи к общему перечислению народов, составленному по византийским источникам, но обличает источник совсем иного, не южного, а северного происхождения. Перед нами перечисление народов Западной Европы, обнаруживающее значительную осведомленность автора. Уже Круг указал, что под именем волхвов, помещенных рядом с галичанами и римлянами, надо понимать жителей Нормандии — Valland скандинавских источников, а под карлязями летописи — carlenses, т. е. жителей позднейших Нидерландов [31]. Спорным является значение слова «галичане», которое, по мнению С. М. Соловье-

---

[29] *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941, с. 206—207, примеч.

[30] [См.]: *Бестужев-Рюмин К.* О составе русских летописей до конца XIV в. Приложения, с. 68.
Krug Ph. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. St.-Pb., 1848, Th. I, S. 155

ва, обозначает жителей Уэльса (pays des Gals) [32], а по мнению других ученых — жителей Галии или Галисии в Испании. Для нас, впрочем, важно только отметить, что автор отрывка об Афетове колене был хорошо знаком с народами, прилегавшими к Балтийскому и Северному морям, и был осведомлен даже о таких странах, как Нормандия.

Однако нас поражает одна особенность отрывка об Афетове колене — отсутствие в ней упоминания о датчанах, что Соловьев объяснял тем, что «летописец смешивает... датчан с англичанами вследствие тесной, постоянной связи, которая издавна существовала между этими двумя народами» [33]. В таком случае мы имеем дело с определенными датирующими указаниями, если принять во внимание непрерывную связь Англии с Данией до 1041 г. Отдельное упоминание о волхвах, Valland или Нормандии также понятно для времени, предшествующего завоеванию Англии Вильгельмом Завоевателем в 1066 г.

Итак, отрывок о колене Афетове, по нашему мнению, возник в первой половине XI в. и основывался на определенных и реальных данных; он был заимствован из определенного северного источника, хорошо осведомленного о народах Северной Европы. Если к этому добавить, что предание о призвании князей находит аналогию в сказании о призвании англосаксов, то источник сведений о северных народах становится ясным, его надо искать в каком-либо северном памятнике.

Спрашивается теперь, кого же имел в виду отрывок об Афетове колене под именем Руси, помещаемой рядом с готами, если этот отрывок имел в виду реальную действительность?

А. А. Шахматов считал, что позднейший редактор просто вставил Русь в перечень народов, чтобы оправдать свою теорию о варяжском происхождении русских князей. Но можно предполагать, что летописный текст заимствовал Русь из какого-либо особого источника. Действительно, в скандинавских памятниках XI—XII вв. Русь помещается обычно в соседстве со Швецией, Готией и Норвегией, но восточнее их. Такова, например, исландская карта XII в., составленная на основании древнейших сведений скандинавов о восточных странах [34]. Что так именно и могло обстоять дело, доказывается подборкой сведений о скандинавских взглядах на Русь, сделанной П. П. Смирновым [35]. Тщательный пересмотр скандинавских сведений о Руси привел Смирнова к мысли, что скандинавы помещали Русь к востоку от Балтийского моря и даже Гардарикии, т. е. Новгородской земли. Однако Смирнов ищет в Рюсаланде, или Рисаланде, скандинавских легенд какую-то норманскую колонию в Восточной Европе очень раннего времени (хотя и он считает, что скандинавы обозначали Русь приблизительно к востоку от Новгородской земли) [36]. По нашему мне-

---

[32] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. СПб.: Обществ. польза, [б. г.], кн. 1, т. I—V, стб. 94.

[33] Там же, примеч. 2.

[34] *Щеглов Д. Ф.* Первые страницы русской истории.— ЖМНП, 1876, июнь, с. 205—207.

[35] *Смирнов П.* Волзький шлях і стародавні Руси. Київ, 1928, с. 59—75.

[36] Там же, с. 224.

нию, Русь появилась в перечне народов по своего рода недоразумению. Найдя в своем северном источнике Русь, помещенную в соседстве со шведами и готами, автор рассказа о призвании князей уподобил Русь варягам.

Что речь идет о своего рода домысле, поправке, которую древнерусский книжник делал к рассказу о призвании князей, видно из целого ряда пояснений к летописному тексту. Насколько же были запутаны представления летописца о происхождении Руси, видно из такой фразы «Повести временных лет»: «(и) от тех (варяг) прозвася Руская земля, Новугородьци, ти суть людье Ноугородьци от рода Варяжьска, преже бо беша Словени» [37] Если буквально переводить этот текст, то получится, что новгородцы сделались варягами, хотя раньше были словенами, тогда как новгородцы никогда не теряли своего славянского происхождения.

Летописец вынужден постоянно поправлять свой собственный текст, так как он прекрасно знал различие между варягами и Русью, знал, что и те и другие говорят на разных языках, ибо самые ярые норманисты все-таки не утверждают, что киевские князья, по крайней мере Святослав и Игорь, говорили на скандинавских языках, а не по-русски. Поэтому летописец порой совсем забывает о пресловутом заморском происхождении Руси.

Говоря о походе на Царьград 944 г., летописец сообщает: «Игорь же совкупив вои многи: Варяги, Русь и Поляны, Словени и Кривичи, и Теверьце и Печенеги» [38] Здесь Русь выступает отдельно от варягов, вместе с полянами, в отличие от словен и кривичей, как особое племя. В другом месте летописец дает перечисление составных частей в войске Олега: «Варяги, Чюдь, Словени, Мерю и (Весь), Кривичи». В этом списке указаны новгородские словени и кривичи, но нет полян. Что летописец понимал в данном случае под полянами Русь, видно из дальнейшего текста: «(И) беша у него Варязи и Словени и прочи прозвашася Русью» [39] Все эти переделки, добавки и недомолвки в тексте «Повести временных лет» были отмечены Шахматовым, который признал, что первоначальный текст летописи был исправлен на основании особой сложившейся у составителя «Повести временных лет» теории, признававшей, «что в 6370 (862) г. были призваны в Новгород не варяжские, а русские князья» [40].

Однако, не придавая исторической достоверности «ученым мудрствованиям» составителя «Повести временных лет», Шахматов все-таки соглашается с ним в его исходных позициях. Для Шахматова «Русь — это те же норманны, те же скандинавы; Русь — это древнейший слой варягов, первые выходцы из Скандинавии...» [41]. При всем уважении к авторитету Шахматова мы должны признать, что его

---

[37] ЛЛ, с. 19.
[38] Там же, с. 44.
[39] Там же, с. 23.
[40] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 338.
[41] Там же, с. 325.

вывод не подтвержден доказательствами, ибо о двух исходах варягов в Восточную Европу ничего не известно. Так, знаток германских древностей проф. Браун в ответ на запрос В. И. Ламанского сообщал, что «более ясные географические сведения о России начинаются в сагах только с самого конца X в.»[42].

Речь должна идти не о двух потоках скандинавов, вышедших в Восточную Европу, а о двух литературных традициях: первая из них (южная) считала Русь славянским, а вторая (северная) — варяжским племенем. Эти две традиции были отмечены самим Шахматовым, который, однако, не сделал из этого факта должных выводов, уступая перед авторитетом более ранних исследователей. Северные источники придавали особое значение варяжскому влиянию, что и понятно, если вспомнить постоянную связь Новгорода со Скандинавией. Здесь и сложился рассказ о призвании варягов, упоминающий о трех северных городах: Новгороде, Изборске и Белоозере. Первоначальный рассказ о призвании князей говорил только о народах северной Руси: словенах, кривичах, мери и веси. Поэтому Русь отсутствует в Новгородской I летописи в рассказе о призвании князей и названы просто варяги. Позже Русь была вставлена в число племен, призывавших князей, что отразилось в текстах Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. Еще позднее Русь была отождествлена с варягами на основании отрывка о народах Афетова колена.

Пожалуй, наиболее загадочным и неясным рисуется для нас вопрос о взаимоотношениях между Рюриком и Игорем, с одной стороны, Игорем и Олегом — с другой. По летописцу, Рюрик умер в 879 г. и его сын Игорь был еще младенцем («бысть бо детеск вельми»). В 903 г. Игорь женился на Ольге, а умер в 945 г., старше 70 лет. Рождение же Святослава по Ипатьевской летописи относится к 942 г., т. е. произошло после сорокалетней брачной жизни Игоря и Ольги. Ясно, что Рюрик и Игорь искусственно соединены друг с другом: недаром же старый Игорь проявляет необыкновенную прыть в походах против древлян. И эту-то явно сказочную хронологию пытаются оправдать различными домыслами.

Но когда и для кого понадобилась подобная сшивка известий? Мы видели, что рассказ о начале Киева и первых князьях, кончая Владимиром, возник в первой половине XI в., по нашему предположению,— в 1015—1019 гг. Он возник в прямой связи с борьбой киевлян и новгородцев, Святополка Окаянного с Ярославом. В этой борьбе Святополк нашел поддержку в Польше, и летописец протянул прямую связь между полянами и поляками, что особенно четко отразилось у Длугоша. В древнейшем тексте под Русью понималась еще Киевская земля, а создателями Киева признавались поляне. Однако Святополк был изгнан из Киева и бежал в Польшу от Ярослава, одержавшего победу с помощью варягов. Эта победа и дала толчок к созданию нового рассказа о начале Русской земли. На первое место были выдви-

[42] *Ламанский В. И.* Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Критические заметки. Пг., 1915, с. 57.

нуты варяги, которым было приписано создание Русского государства. Но старый текст, выставлявший превосходство киевлян, или Руси, над словенами (или новгородцами), все-таки оставил следы в «Повести временных лет». Поэтому летописец противопоставляет Русь (или киевлян) новгородцам (или словенам). Отсюда насмешливый рассказ о Руси, получившей паволочитые паруса, и о словенах, взявшихся за свои толстины; поэтому летопись вкладывает в уста апостола Андрея насмешливо удивленный рассказ о словенских банях. В конечном итоге домыслом писатель времен Ярослава о скандинавском происхождении слова Русь хотел только доказать, что русские князья вначале появились в Новгороде, а позже в Киеве, тогда как его предшественники говорили, что Русью первоначально называлась Киевская земля.

До сих пор мы касались главным образом летописного текста в том виде, как он известен нам в «Повести временных лет», но в ту же повесть внесены два подлинных документа X в.: договор Олега с греками 911 г. и договор Игоря 945 г. Оба договора обычно признаются несомненными доказательствами правильности домыслов летописца о варяжском происхождении названия «Русь», потому что в них «от рода Рускаго» выступают люди, носящие в договоре 911 г. почти исключительно, а в договоре 945 г.— преимущественно норманские имена. Попытки объяснить имена русских послов из славянских корней являются, пожалуй, наиболее компрометирующими для противников норманской теории происхождения Руси и доведены в работах С. А. Гедеонова и Д. И. Иловайского до абсурда.

Было бы совершенно бесцельно и ненаучно делать славянами Инегельда, Фарлофа и других посланных от имени Олега в Византию. Но скандинавские имена русских послов в Византии еще не доказывают, что Русь и скандинавские выходцы — одно и то же. Варяги, бывшие представителями «от рода Рускаго» в Византии, без всякого сомнения, и не могли бы себя иначе называть в официальном договоре, потому что они были представителями русского князя. К тому же роду Русскому в договоре 945 г. отнесены Володислав и Борич, лица, носившие имена, во всяком случае, не скандинавского происхождения[43]. Конечно, в договорах Руси с Византией не отмечали данных о происхождении того или иного гостя или посла, отправленного в Византию для переговоров о мире. Поэтому отрицать наличие славянских имен в договоре Игоря 945 г. столь же смешно и нелепо, как делать всех послов Олега и Игоря славянами. Несомненно, количество дружинников-варягов в войсках Олега и Игоря было значительным. В самой Византии варяги были хорошо известны и служили в придворных войсках императора. Вот почему они и выступают главными представителями русских князей в X в. Поэтому «Русь» X в. нередко отождествлялась византийцами с норманнами, как это читаем, например, у Симеона Логофета. Ведь писал же Титмар Мерзербургский, что в Киеве живет много данов (датчан), хотя самый ярый

[43] ЛЛ, с. 32 и 45—46.

норманист не сказал бы, что в начале XI в. Киев был не славянским, а датским городом, тем более что даже имя датчан осталось, как мы видели, неизвестным «Повести временных лет». Впрочем, изучение имен русских послов в договорах Олега и Игоря могло бы дать все-таки неожиданные результаты. Зная о существовании болгарской надписи 904 г. на греческом языке, где упоминается об Ольге-таркане, ученые остерегались бы делать Олега скандинавом [44].

Из кого же состояла русская знать X в.: из славян или варягов? На этот вопрос дает ответ тот же договор Руси с греками 945 г.: «Мы от рода Рускаго слы и гостье,— читаем в его тексте,— Ивор, сол Игорев великаго князя Рускаго, и объчии сли, Вуефаст Святославль сына Игорева, Искусеви Олгы княгыня, Слуды Игорев, нетий Игорев, Улеб Володиславль, Каницар Передславин». Перед нами два ряда имен: князья, посылающие своих представителей, носят имена Игоря, Святослава, Ольги, Владислава, Передславы, тогда как послы называются Ивором, Вуефастом, Искусеви, Слуды, Улебом, Каницаром. Не будем заниматься лингвистическими изысканиями. Пусть имена послов, даже такие, как Ивор и Улеб, принадлежат к скандинавским именам, что, впрочем, сомнительно, но три княжеских имени из пяти (Святослав, Владислав, Передслава), бесспорно, славянские.

Итак, верхушка, князья — славяне, а их послы — варяги. Вот единственный вывод, который можно сделать из анализа имен в договорах Руси с греками X в. Напрасно ссылаться на быстрое ославянивание варяжской династии. Родовые имена держались обычно долго, как это видим в первой династии пришлого происхождения в Дунайской Болгарии, князья которой сохраняют титулы и имена неславянского характера почти два века.

Не проще ли считать, что варяги-наемники окрашивали своими именами дружину русских князей X в., а князья были славянами и пользовались славянскими именами? Поэтому Русь клялась Перуном и Волосом, а не Одином и Тором, как следовало бы ждать от норманских князей.

Анализ летописных известий, как мы видели, привел нас к выводу, что название «Русь» было древним для Киевской Руси и возникло значительно ранее X в. Теперь нам надлежит посмотреть, как этот вывод подтверждается иностранными свидетельствами.

В основном иноземные источники, упоминающие о Руси IX—X вв., относятся к трем группам: западноевропейской, византийской и восточной.

Западноевропейские авторы знали о Руси уже в IX в. В конце IX в. (по мнению Шафарика, между 866—890 гг.) написал свою работу анонимный «Баварский географ», произведение которого сохранилось уже в списке XI—XII вв. Перечисляя города и области к северу от Дуная, он называет некоторые восточнославянские племена, известные по летописи. В этом перечислении находим хазаров (Cazi-

[44] См. издание этой надписи в кн.: *Slatarski W N.* Geschichte der Bulgaren. Leipzig, 1918, Th. I. [См. комментарий к статье под ****].

ri) и русских (Ruzzi) [45] Аноним знает русских как особое племя и помещает его тотчас же после хазар, отмечая тем самым их близкое соседство, как это и было в действительности. Ruzzi «Баварского географа» упомянуты в числе других славянских племен, и ничто еще не указывает на позднее, а тем более на варяжское происхождение их имени.

Замечательно, что в Венгрии существовало предание о том, что русские пришли к Карпатским горам вместе с венграми под предводительством венгерского вождя Альмы, как пишет это в своей хронике известный нотарий короля Белы. Насколько было древним в Венгрии имя русских, показывает свидетельство 1031 г., по которому сын короля Стефана Венгерского, княживший в Бихарске, назывался русским князем — dux Ruizorum [46]

К еще более раннему времени относится известное упоминание о Руси в Бертинских летописях. В 837 г. к Людовику Благочестивому в Ингельгейм пришли послы от византийского императора Феофила и привели с собой «неких людей, которые говорили, что их, то есть их народ, зовут Рос, и которых, как они говорили, царь их по имени Хакан отправил к Феофилу ради дружбы». Теперь уже нет сомнения в том, что речь идет о титуле «Каган», применявшемся еще в XI в. по отношению к киевскому князю, как показывает известное «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона.

Известия Бертинских летописей неоднократно подвергались анализу в ученых исследованиях, но все ученые одинаково исходили из мысли о том, что русские были неизвестны в Германии, что появление народа «рос» при дворе Людовика Благочестивого было неожиданным и вызвало соответствующую реакцию. Предвзятое мнение о появлении названия «Русь» только после пресловутого призвания князей всегда довлело на комментариях вышеупомянутого известия 837 г. Между тем русские были известны в Германии уже в 903—904 гг., как это доказал В. Г Васильевский на основании Раффельштеттенского устава. Васильевский, кстати сказать, весьма насмешливо отнесся к скептицизму русских историков, упорно отвергавших мнение, что устав говорит о славянах, приходящих из Руси, несмотря на авторитетные замечания ряда немецких ученых. «Невероятным это,— пишет Васильевский,— продолжает казаться только русским исследователям; они как будто пугаются мысли, что уже во времена Олега русская торговля могла заходить столь далеко» [47] Итак, два западных известия — Раффельштеттенский устав и баварский аноним — уже знают русских, которые, следовательно, были известны в Германии в конце IX в.

Бертинские летописи обнаруживают, что русские были известны и в Византии. Император Феофил прислал к Людовику Благочести-

[45] *Šafařjk P. J.* Slowanské Starožitnosti. Praga, 1837, p. 980—981.

[46] *Husek J.* Narodopisna hranice mezi Slowaky a Karpato-rusy. Bratislava, 1925, s. 20—21 (примечание).

[47] [*Васильевский В. Г* Древняя торговля Киева с Регенсбургом—]. ЖМНП, 1888, июль, с. 129.

вому посланных из «народа Рос», с тем чтобы дать им возможность вернуться на родину безопасно. Что народ «рос» был известен в то время в Византии, уже доказано Васильевским. Ясно, что византийцы знали о существовании пути из Германии к народу «рос».

Если бы народ «рос» был совершенно неизвестен в Германии, то появление его представителей в Ингельгейме не вызвало бы никаких подозрений, но в том-то и дело, что прибывшие были варягами, а не русскими (eos gentis esse Sueonum), что и вызвало подозрение Людовика.

Оснований для подобных подозрений было тем больше, что прием в Ингельгейме происходил в особых условиях. Людовик готовился к войне против сыновей и вел переговоры с соседними славянскими племенами. Нет никакого основания отождествлять народ «рос» со шведами, так как расследование именно показало, что присланные называли себя народом «рос», а в действительности были шведами. Перед нами явление, отмеченное уже ранее: варяжские наемники называют себя народом «рос», у князей которого они находились на службе. Напомним, что дело происходило на верхнем Дунае, в Ингельгейме, в тех областях, к которым относится Раффельштеттенский устав.

Насколько могли быть древними торговые отношения между Русью и Германией в этой области, показывает одно не лишенное интереса обстоятельство. Суда, причаливавшие в Россдорфе (теперь исчезнувший город между Пассау и Линцем), платили таможенную пошлину в размере полдрахмы, т. е. один скоти (id est scoti I) [48]. Известно, что в Русской Правде словом «скот» обозначаются деньги, отсюда «скотник» — казначей, «скотница» — казна. Уже Болтин указал на связь русского слова «скот» с англосаксонской монетной системой. Перед нами, может быть, один из путей проникновения слова «скот» в значении денег в русский язык. Итак, западноевропейские известия не противоречат, а, скорее, подтверждают наш вывод, что слово «Русь» было местным, славянским и не пришло с севера, а возникло на юге восточного славянства.

Остановимся теперь кратко на византийских свидетельствах, из которых особенно ценные сведения находим у патриарха Фотия и Константина Багрянородного. Теперь уже едва ли кто-нибудь будет отстаивать мнение А. А. Куника о том, что беседа Фотия о нашествии Руси написана в 865, а не в 860 г. Фотий высокопарно говорит о Руси: «Народ неименитый, народ непочитаемый, народ, поставляемый наравне с рабами, незнатный, но получивший имя со времени похода против нас, незначительный, но получивший значение, униженный и бедный, но достигший блистательной высоты и несметного богатства, народ, где-то далеко от нас живущий, варварский, кочующий, гордящийся оружием, неожиданный, незамеченный, без военного искусства...» [49]

[48] Там же, с. 124.

[49] Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.: Сб. док-тов / Подгот. к печати Г. Е. Кочиным. Л., 1936, с. 26.

В этих риторических словах бросается в глаза, что народ «рос» упоминается в связи с рабами. Только ли это риторика, или автор имеет в виду какую-то реальность? Вспомним, что рабский рынок в Константинополе довольно часто пополнялся пленными славянскими рабами. Народ «рос», по-видимому, напоминал Фотию знакомые образы пленных, которые появлялись на улицах византийской столицы. Народ, напавший на Константинополь, жил где-то далеко от Византии, а это плохо походит на готов, населявших знакомый для греков Крымский полуостров, которых Васильевский принимает за росов, называемых патриархом Фотием. Тот же Фотий пишет, что «росы», «поднявшие руку против государства Ромейского, променяли свое прежнее языческое и нечестивое учение на чистую веру христианскую, ставши в ряд подданных и друзей». Они даже приняли из Византии епископа.

Это известие давно уже сопоставлено со свидетельством жития Кирилла-Первоучителя о русских письменах, найденных им в Херсонесе. Уже В. И. Ламанский убедительно доказал, что речь идет о первом крещении Руси в IX в., о чем сообщает и Фотий. Кирилл прибыл в Херсонес «и обрет же ту евангелие и псалтирь *рушькими писмены писано*, и человека обрет глаголюща *тою беседою* (т. е. русскою), и беседовав с нимь и силу речи прием, своей беседе прикладая различии писмен, гласнаа и согласнаа, и *к богу молитву дрьжа, и вьскоре начат чисти и сказовати, и дивляху ся ему, бога хваляще*»[50].

Как это ни странно, ясное свидетельство о русской грамоте тотчас было принято такими видными учеными, как Е. Е. Голубинский и В. Г. Васильевский, за указание на готскую азбуку, а русские письмена были признаны готскими. Но ведь известно, что Херсонес был городом, где в большом количестве жили восточные славяне. В договорах Руси с греками подчеркивается особое отношение Херсонеса к Руси, в Херсонесе оказались люди, предавшие город в руки Владимира Святого, позже херсонесцы побили камнями грека, отравившего тмутараканского князя Ростислава Владимировича. Не случайно и автор X в., черноризец Храбр, говорит, что до изобретения грамоты Кириллом славяне пользовались несовершенной азбукой, «чертами и резами», а также латинским и греческим алфавитом. Нам понятны слова жития о том, что Кирилл беседовал с человеком, читавшим псалтырь и евангелие на славянском языке, так как Кирилл сам был славянином; но каким образом Кирилл мог беседовать с готом, не зная готского языка, остается непонятным.

Очень решительным доказательством «скандинавского» происхождения слова «Русь» обычно считаются «русские» названия днепровских порогов у Константина Багрянородного, автора X в. По его словам, первый порог носил название Эссупи, что по-русски и по-славянски значило «не спи». Второй порог по-русски назывался Улворси, а по-славянски Островунипраг, что значит «остров порога». Третий назывался Геландри, что по-славянски означало «шум порога». Четвер-

---

[50] *Ламанский В. И.* Указ. соч., с. 18.

тый порог именовался по-русски Аифор, а по-славянски Неясыть, потому что в камнях его гнездились пеликаны. Пятый порог по-русски назывался Варуфорос, а по-славянски Вульнипраг, потому что он образовывал большую заводь. Шестой по-русски носил название Леанти, а по-славянски Веруци, что значит «бурление воды». Седьмой порог по-русски назывался Струкун, а по-славянски Напрези, что значило «малый порог» [51].

Составив список названий порогов на обоих языках, мы получим такой порядок: к русским отнесены Эссупи, Улворси, Аифор, Варуфорос, Леанти, Струкун, к славянским — Эссупи, Островунипраг, Геландри, Неясыть, Вульнипраг, Веруци, Напрези. Надо признать, что русские названия легче всего объясняются из скандинавских корней, тогда как славянский ряд названий производится из корней славянского языка, хотя гаданья Томсена и некоторых других авторов такого же толка о происхождении названий отдельных порогов имеют чрезмерно гипотетический характер. Но обычный вывод из этого наблюдения, сводящийся к тому, что русский язык означает скандинавский, представляется опрометчивым. Ведь список порогов, данный Константином Багрянородным, дошел до нас в явно дефектном виде. Славянское название Геландри, например, звучит не по-славянски; в свою очередь «русское» название Струкун найдет себе объяснение и в славянских языках.

Историк вообще не может обойти вопрос о тех источниках, которыми пользовался Константин Багрянородный при рассказе о порогах. Этот источник давал хорошие сведения о славянских названиях порогов, но эти сведения были не восточно-, а южнославянского происхождения, вследствие чего мы везде находим «праг», а не русский «порог». Можно думать, что славянские названия порогов у Константина Багрянородного были переданы ему каким-либо болгарином, ходившим для торговли в Русь. Кто же сообщил «русские» названия порогов? Наряду с порогами Константин Багрянородный называет русские города, притом в наредкость испорченном виде, так что мы едва можем узнать в Милиниски — Смоленск, в Чернигога — Чернигов, в Телюце — Любечь, а название киевской крепости Самватас до сих пор служит камнем преткновения для лингвистов.

Кто же сообщил Константину Багрянородному испорченные названия русских городов? Конечно, тот же, кто Новгород называл Немогард с явным скандинавским окончанием на «гард», т. е. какой-нибудь варяг. Варяжский источник Константина Багрянородного и сообщил ему «русские» названия порогов в скандинавской окраске. Поэтому совершенно прав С. В. Юшков, когда он пишет, что русские названия являются не переводами славянских названий, а двумя разными географическими номенклатурами [52]. Позднейшие названия днепровских порогов звучат по-иному, чем славянские и «русские» названия у Константина Багрянородного. Каковы же они были в древ-

[51] Известия византийских писателей о Северном Причерноморье.— Изв. ГАИМК, М.; Л., 1934, вып. 91, с. 9.

[52] *Юшков С. В.* История государства и права СССР. М., 1940, ч. 1, с. 43.

ности — не знаем, хотя древние названия многих урочищ Киевской Руси, запустелых во времена монгольских погромов, сохранились до сих пор. Путешествия варягов по Днепру нашли отражение в названии некоторых порогов, а византийцы явно путали «Русь» с варягами, приходившими из Руси и служившими в византийских войсках.

Но у Константина Багрянородного есть еще некоторые сведения, показывающие, что в его время с областью руссов соединялось представление именно о Киевской земле. Он говорит, что Игорь был русским князем, совершенно так же, как называет Игоря летописец, заявляющий устами древлян, что они убили русского князя. Лодки собираются в Киеве, где их продают русским. Князья «выходят со всеми Руссами из Киева и отправляются в полюдье... и именно в славянские земли Вервианов, Другувитов, Кривичей, Севериев и остальных Славян, платящих дань Руссам» [53].

В этих словах видят прямое указание на отличие руссов от славян, им подчиненных. Безмолвно признается тем самым, что даже в юность Святослава руссы были особым народом и, значит, говорили не по-славянски, а на скандинавских языках. При этом не замечено только одно: среди подвластных руссам племен названы дреговичи, кривичи, северяне, нет только полян и древлян, а ведь те и другие должны были являться в первую очередь данниками руссов, если в последних признавать норманнов. Но отсутствие упоминания о полянах и древлянах понятно, ибо они и были Русью, т. е. жителями Киевской земли. Сильный варяжский элемент, окрашивавший дружину Игоря (о чем можно судить по именам Свенельда и Асмуда), заставлял византийцев видеть в руссах особый народ, подчинивший себе окрестных славян.

Последняя серия известий о древней Руси представлена трудами восточных, в основном арабских авторов, из которых для нас имеют интерес только древнейшие известия. На первом месте стоит «Книга путей и царств» Ибн-Хордадбе, писавшего примерно в 60-х годах IX в. «Что же касается пути купцов Русов,— сообщает Ибн-Хордадбе,— а они принадлежат к Славянам, то они вывозят меха бобров, меха черных лисиц и мечи из дальнейших концов Славонии к Румскому морю, и царь Рума берет с них десятину. А если желают, то ездят Танаисом, рекою Славян, проходят через Камлидж, столицу Хазар, там их владетель берет с них десятину. Затем они плавают по морю Джурджана и выходят на любой им берег (диаметр же этого моря 500 фарсангов). Иногда они возят свои товары на верблюдах (из Джурджана) в Багдад: (евнухи славяне ж бывают здесь у них за переводчиков. Они выдают себя за христиан и потому платят подушную подать)» [54]. Свидетельство Ибн-Хордадбе настолько красноречиво говорит в пользу славянского происхождения Руси, что не требует комментария. Замечательнее всего, что русские выдают себя за христиан, что перекликается с известием о русских письменах в житии Кирилла, сла-

---

[53] Изв. ГАИМК, вып. 91, с. 10.

[54] [Памятники истории Киевского государства IX—XII вв., с. 25—26].

вянский же характер языка русских подчеркивается тем, что переводчиками для них служат евнухи-славяне.

Близкие к приведенному выше свидетельству строки читаем у Аль-Джайхани, писателя конца IX — начала X в. Он пишет, что «Русы состоят из трех родов: 1) из Русов, живущих в ближайшем соседстве с Булгаром; их владетель живет в городе называемом Куиаб... 2) из Славян (Славия); 3) Тания» [55]. Нам нет никакой нужды вступать в длинные рассуждения о том, что такое Славия и Тания. Достаточно отметить, что Киев (Куйаб) как столица руссов уже был известен в это время в странах Арабского халифата.

Более подробны и в то же время более неясны свидетельства арабских авторов X в. Ибн-Русте уже отличает Русь от славян, оба эти народа враждуют между собой. Замечательнее всего, что «Русь» имеет царя, который зовется хакан-рус, что совпадает с известием Бертинских летописей. Крайняя путанность восточных известий не позволяет воспользоваться ими для нашей темы. Отметим только, что арабские писатели IX в. считают русских славянами, а писатели X в. уже отличают славян от русских, что зависело от целого ряда причин, на которых мы сейчас остановимся.

Представление о варяжском происхождении Русского государства все еще держится на догадках о вековой отсталости Восточной Европы от Запада. Между тем уже в период господства готов в III—IV вв. среди славян выделились отдельные князья. Славянские племена стали объединяться для общей борьбы с готами, и предание сохранило нам имя одного из таких князей — Божа. Готский король «двинул боевую силу в пределы антов и напал на них. В первом столкновении он потерпел поражение, но затем повел дело храбро и ради наводящего ужас примера распял вождя их, по имени Божа, с сыновьями и 70 старшими вельможами» [56].

Современная историческая наука признала неоспоримым фактом, что под именем антов в ранних византийских источниках выступают предки восточных славян [57] Поэтому академик Б. Д. Греков вполне основательно отмечает «факт объединения огромной массы славян под единой властью даже в IV в.» [58]. Самое имя Бож может быть сопоставлено с племенным названием бужан, живших по Западному Бугу, с городом Бужском (или Бозком!), известным уже со времен Киевского государства. Текст Иордана не оставляет сомнений в том, что Бож был князем, окруженным начальниками или боярами. Говоря о войнах славян с Византией, Греков в своей примечательной книге о начале русского государства делает такой вывод: «Славяне для доведения своей борьбы до конца и для укрепления своих побед

---

[55] [Там же, с. 31—32].

[56] *Мишулин А. В.* Материалы к истории древних славян.— ВДИ, 1941, № 1 (14), с. 233.

[57] *Готье Ю. В.* Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930, [с. 42].

[58] *Греков Б. Д.* Борьба Руси за создание своего государства. Ташкент, 1942, с. 22.

должны были организоваться. Толпа народа не могла победить Империю» [59]

Если наше предположение о связи Божа со страной бужан имеет некоторые основания считаться достоверным, то другое свидетельство о возникновении славянского центра в бассейне Западного Буга получает особое значение. Арабский писатель X в. Аль-Масуди сообщает, что славяне составляют разные племена и имеют своих царей: «Некоторые из них исповедуют христианскую веру по якобитскому толку, некоторые же не имеют писания, не повинуются законам; они язычники и ничего не знают о законах. Из этих племен одно имело прежде в древности власть (над ними), его царя называли Маджак, а само племя называлось Валинана. Этому племени в древности подчинялись все прочие славянские племена, ибо (верховная) власть была у него и прочие цари ему повиновались» [60]. В другом месте своего сочинения Аль-Масуди еще раз называет Маджака, царя Валинаны, — племени, которое некогда имело превосходство над другими славянскими племенами.

В. О. Ключевский связывал предание о волынянах у Масуди с летописным преданием о дулебах, примученных аварами (обрами), о гибели которых на Руси сохранялась пословица (притча) еще в XI в. Мысль Ключевского в настоящее время поддержана и развита в виде законченного построения Грековым в его исследовании «Борьба Руси за создание своего государства» [Ташкент, 1942]. Напомним, что царь аваров именовал себя каганом. Быстрая гибель аваров объясняется не только их внешними поражениями, но и восстаниями против них славянских племен. На месте аварского каганата создалось объединение славянских племен, глава которого принял титул аварских властителей; вместо аварского кагана появился хакан-рус.

Итак, существование славянских княжеств на протяжении IV — VIII вв., и притом княжеств на территории восточных славян, может считаться доказанным. Недаром же среди русских городов нельзя указать ни одного со скандинавским названием. Новгород, Смоленск, Полоцк, Киев и другие древние города носят славянские названия. Следовательно, варяги явились позже основания древнейших русских городов. Город — носитель культуры. Значит, русская культура начала складываться среди восточных славян задолго и вне варяжского влияния.

Среди восточных славян в VIII—IX вв. стало выделяться племя, жившее по среднему течению Днепра, в области полян, в древней культурной области, где когда-то была распространена трипольская культура. Но где первоначально находились поселения полян, самое имя которых обозначает людей, сидевших «в полях», тогда как окрестности Киева были лесистыми и город был окружен «великим бором», о чем еще помнил летописец? Трудно сомневаться в том, что основная масса полян жила к югу от Киева до реки Роси и по течению этой реки и ее притока Россавы. Здесь при впадении Роси в

[59] *Греков Б. Д.* Указ. соч., с. 25.
[60] [Памятники истории Киевского государства IX—XII вв., с. 48].

Днепр находился летописный город Родня, остатки которого видят в Княжой горе, богатой археологическими находками. Сюда в град Родню «на устьи Роси» бежит Ярополк из Киева, убегая от своего брата Владимира Святого. Рось, Россава, Родня соединены в одном месте. Река Рось — только небольшой приток Днепра, впадающий в него с правой стороны. Однако весь бассейн Роси обильно усеян городищами. «...Города по среднему течению Днепра,— пишет Ю. В. Готье,— примерно от Киева до порогов, существовали задолго до возникновения Киевской державы, но приурочивать их к определенным местам и тем более к позднейшим городам, известным из русских летописей, нет пока никаких оснований. А между тем эти города действительно существовали. Некоторые из них, вроде Киева, продолжают жить и до нашего времени; память о других дошла до нас в виде городищ, которых в одной только Киевской губернии обнаружено свыше 400» [61]. Центром указанной местности был бассейн Роси. Быть может, первоначальное название Роси распространялось на все среднее течение Днепра. а корень Рось, возможно, уже заключен в геродотовском названии Днепра — Борисфен. В области полян, по которой протекала река Рось, находим в IX—XIII вв. Русь, как об этом согласно свидетельствуют летописи. Не варяги назвали страну полян Русью, а осевшие в Киеве «словени и варязи и прочии прозвашася Русью».

Почему же в X в. иностранные источники начинают упорно говорить о варягах и путать их с Русью? Потому, что в X в. происходят новые события; в среднее Приднепровье вторгаются с севера варяги, уже осевшие в Новгороде. О завоевании Киева князем Олегом хорошо помнил летописец; он помнил и о том, что до Олега в Киеве сидели свои князья, как это отметил и Длугош на основании древних источников. Варяжская дружина сопровождает Олега в его походах и сама начинает называть себя Русью. Но древние предания о славянских князьях хорошо были известны еще в начале XI в., во время борьбы Святополка с Ярославом, и нашли свое отражение в «Повести временных лет». Русь — это поляне, жители Киева. Однако с этим представлением не мирилось представление о варяжском происхождении династии Рюриковичей, не мирилось сознание того, что верхушку дружины в X в. составляли варяги. В X и начале XI в. идет непрерывная борьба между Новгородом и Киевом. В этой борьбе победа остается за новгородскими князьями, опиравшимися на варягов. Отсюда домысел летописца, который столько лет мешал правильному пониманию исторического процесса в Восточной Европе. Исторической науке пора уже отказаться от домыслов XI в. и сделать единственный возможный вывод о происхождении слова «Русь».

Название «Русь»— древнее прозвище Киевской земли, страны полян, известное уже в первой половине IX в., задолго до завоевания Киева северными князьями [62].

---

[61] *Готье Ю. В.* Указ. соч., с. 232.

[62] К этому же выводу более ста лет тому назад пришел А. Федотов в статье «О значении слова Русь в наших летописях» (Русский исторический сборник. М., 1837. т. I, с. 104—121), теперь основательно забытой.

НАЧАЛО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Вопрос о начале русской историографии до настоящего времени не выяснен с достаточной полнотой. Исследователи в основном склоняются к мысли, что историческое знание на Руси было связано с летописанием, которое началось не раньше первой половины XI в. Так, А. А. Шахматов за дату возникновения древнейшего летописного свода принимал 1039 год. В последующие годы исследователи русских летописей (М. Д. Приселков и др.) в том или ином виде защищали построения Шахматова или старались привести новые данные в пользу того, что древнейшие своды на Руси возникли только в XI в. При этом Д. С. Лихачев отнес появление русских летописных сводов даже ко второй половине XI столетия, а первым произведением русской историографии признал сказание о крещении Руси, составленное в 40-х годах этого столетия.

Только И. И. Срезневский (более ста лет тому назад) считал возможным отнести начало русского летописания уже к X в. Однако мнение этого глубочайшего знатока древнерусской письменности долгое время не находило поддержки. И только совсем недавно М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин вновь обратили внимание на возможность возникновения древнейших русских исторических сочинений в X в.

Между тем вопрос о начале русского летописания — это вопрос не только историографический. Он имеет громадное значение и для характеристики достоверности исторических сведений о древней истории Руси в IX—X вв. Принимая за дату написания первых летописных известий середину или вторую половину XI в., многие историки со странной непоследовательностью вполне серьезно цитировали и комментировали летописные сказания, относящиеся даже к IX в. В силу этого, например, легенда о призвании князей трактовалась как известие достоверное, хотя тут же сказание о Кие, Щеке и Хориве зачислялось в разряд преданий.

Основанные на глубоком анализе летописных сказаний, труды Шахматова и других исследователей летописания дали ценные результаты, но в то же время привели к самым различным выводам о начале русской историографии. Причина этих разногласий кроется, может быть, и в том, что в основу исследований о летописях был положен главным образом лингвистическо-литературный анализ, а собственно исторический анализ известий о Руси IX—X вв., сохраненных летописью, остался малоразработанным.

Внимание исследователей было обращено в первую очередь на вопрос о том, когда возник тот или иной летописный свод. Между тем русскую историографию как начального периода, так и более позднего времени нельзя отождествлять с летописными сводами, которые сами основывались на ряде источников разнообразного характера. Летописные своды были не начальной, а заключительной стадией исторических обобщений, которым предшествовали записи

об исторических событиях и отдельные сказания. На существование такого ряда сказаний обратили свое внимание И. И. Срезневский и К. Н. Бестужев-Рюмин. В частности, Срезневский отметил возможность существования особой повести о распрях сыновей Святослава: «Нельзя, кажется, не отличить рассказов о судьбе Люта и Ярополка, как очень отличных от всего остального: они составляют одну цельную повесть, разделенную на части по годам случайно» [1].

И. И. Срезневский только наметил путь, по которому должно было пойти дальнейшее изучение ранних летописных известий; но, в сущности, этот ученый не имел продолжателей. Грандиозная схема русского летописания, предложенная Шахматовым, заслонила выводы всех его предшественников. Ведь их труды были сделаны до той поистине колоссальной и плодотворной работы над летописными текстами, которую провел Шахматов и без которой вопрос, поставленный Срезневским, не мог быть разрешен. И хотя Шахматов отнес время появления древнейшего летописного свода только к 1039 г., именно на основе его трудов, исходя из мысли о том, что до появления обширных летописных сводов уже существовали исторические сочинения или сказания о начале Руси, мы попытаемся по-иному решить вопрос о начале русской историографии.

Одним из крупнейших достижений Шахматова было установление того факта, что древнейшая летописная традиция дошла до нас не в «Повести временных лет», а в Новгородской I летописи младшего извода, сохранившейся в списках середины XV в. Текст Новгородской I летописи был признан Шахматовым текстом летописного свода, возникшего в Киеве и названного им Начальным сводом. Этот свод оканчивался 1093 г., в силу чего в дальнейшем мы его будем одинаково называть Начальным сводом 1093 г. и Новгородской I летописью [2].

Сравнение известий о событиях IX—X вв. в «Повести временных лет» с Новгородской I летописью, или Начальным сводом 1093 г., приводит к следующим выводам. В Начальном своде отсутствует введение «Повести временных лет» о народах, о древнейшей судьбе славян и о путешествии апостола Андрея в славянскую землю. Сходство текстов начинается только с рассказа о Кие и его братьях, причем в Начальном своде этот текст имеет дату и озаглавлен: «В лето 6362 (854). Начало земли Руской».

«Повесть временных лет» и дальше осложнена рядом вставок. Крупнейшими из них являются: рассуждение о Кие (был ли он старейшиной или перевозником); об играх; о нравах славянских племен; о нравах народов по Георгию Мниху; расчет лет от Михаила царя до смерти Святополка; о походе Михаила на болгар; о походе

---

[1] *Срезневский И. И.* Чтения о древних русских летописях. СПб., 1862, с. 31 (отд. отт., прил. к Зап. имп. Академии наук, т. XI, № 4).

[2] В дальнейшем «Повесть временных лет» цит. по изд.: Повесть временных лет/Подгот. текста Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, ч. 1; текст Новгородской I летописи — по изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Аскольда и Дира на Царьград в 866 г. (в Начальном своде в другой редакции); о войнах Олега; о царствовании Леона и Александра; об уграх; о славянской грамоте; о договоре Олега с греками; о смерти Олега и чародействах; о войнах болгарского царя Симеона; о договоре Игоря с греками; о договоре Святослава с греками.

Наиболее совпадают по содержанию те части «Повести временных лет» и Начального свода, в которых говорится о смерти Игоря (945 г.) и княжении Святослава и его сыновей. Это сходство кончается на рассказе о строении Владимиром городов около Киева в 988 г.

Таким образом, выявляется очень важный факт: общий источник «Повести временных лет» и Начального свода с известиями IX—X вв. оканчивался примерно около 988 г. К тому же оказывается, что в этот общий источник не входили такие явно основанные на письменных источниках материалы, как договоры Олега, Игоря и Святослава с греками, выписки из Хроник Георгия Амартола и Симеона Логофета, сказания о славянской грамоте, об апостоле Андрее и т. д.

Итак, Новгородская I летопись позволяет установить ряд вставок, внесенных в текст составителями «Повести временных лет». Выделив из состава «Повести» вставные статьи, мы получим текст, дающий некоторое представление о том, какие известия о событиях на Руси IX—X вв. имелись в древнейшей летописи. Впрочем, и в таком реконструированном виде летописные известия все-таки предстанут перед нами не в своем первоначальном виде, а в более поздней переработке, так как и текст Новгородской летописи уже имеет составной, компилятивный характер.

В самом деле, известный нам Начальный свод носит на себе черты сравнительно поздней обработки, восходящей примерно к 60-м годам XI в., как это отметил Шахматов. Естественно, возникает вопрос: каким образом позднейшую обработку летописных известий о событиях IX—X вв. можно отделить от более раннего текста?

Такую попытку и сделал в свое время Шахматов[3]. На основе сравнительного анализа «Повести временных лет» и Новгородской I летописи он выделил крупным шрифтом тот текст, который, по его мнению, восходил к Древнейшему своду. В число древнейших известий, по Шахматову, входили повествование о Кие, но без рассказа о хождении Кия в Царьград, а также сказания о дани хазарам, о призвании варяжских князей, о захвате Киева и убийстве Аскольда и Дира, о походе Олега на Царьград, об убиении Игоря древлянами и мести Ольги, об уставах и погостах Ольги, о ее крещении в Царьграде, о походах Святослава, о распрях сыновей Святослава и начале княжения Владимира. Шахматов отнес к Древнейшему своду и сказание о принятии Владимиром христианства в Корсуни.

Реконструкция текста Древнейшего свода была сделана Шахма-

---

[3] [*Шахматов А. А.*] Повесть временных лет, Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916.

товым на основании текста «Повести временных лет» и Начального свода. Но возникает вопрос: нельзя ли привлечь новые источники, которые могли бы нам помочь отделить пласты XI в. от более ранних текстов? Вот тот с первого взгляда неразрешимый вопрос, какой поставил перед собой автор данной статьи. Для решения этого вопроса пришлось обратиться к относительно поздним летописным сводам, сохранившим старинную северную традицию. Среди них выделяется Устюжская, или Архангелогородская, летопись. Исследователь Устюжской летописи К. Н. Сербина справедливо отмечает, что эта летопись отразила «чрезвычайно интересный летописный свод, содержащий в первой своей части текст Начального свода и Повести временных лет» [4].

Летописный текст в Устюжской летописи дошел до нас в сильном сокращении и в поздней обработке, но и в таком виде он позволяет сделать интересные наблюдения.

Устюжская летопись не имеет предисловия, помещенного в Начальном своде, и начинается прямо словами: «В лето 6360. Начало земли Руския. Иже живяху кождо с родом своим на своих странах». После этого следует рассказ о Кие с братьями и о дани хазарам. Затем говорится о новгородцах и других северных племенах, которые платили дань варягам, а потом против них восстали (в 859 г.) и призвали варяжских князей. Прибытие князей отнесено к 863 г., далее рассказывается о Рюрике с братьями, а также об Аскольде и Дире, которые «седоста в городке том», т. е. в Киеве, и «начаша владети Полянскую землю». Под 866 г. говорится о походе Аскольда и Дира на Царьград, чего нет в Начальном своде; под 869 г.— о крещении Болгарской земли, под 879 г.— о смерти Рюрика, передавшего сына своего Игоря «на руце Ольгови». Под 881 г. рассказывается о походе Олега с Игорем на Киев, гибели Аскольда и Дира, захвате Киева Олегом, который стал княжить в Киеве «и облада Рускою землею». Тут же сказано о могилах Аскольда и Дира и сделана заметка: «а Дирова могила за святою Ириною», как и в Начальном своде. Далее идет повествование о войнах Олега с древлянами, северянами и хазарами (883 г.), что отсутствует в Начальном своде. Под 900 г. рассказывается о походе Олега на Царьград «на конех и в кораблех, 2000 кораблей», что в Начальном своде приписано Игорю. После этого сразу под 922 г. говорится о втором походе Олега на Царьград и смерти Олега от укуса змеи, «егда же иде от Царяграда полем», об его могиле в Ладоге, причем в этом рассказе начало княжения Игоря отнесено к 912 году. Тут же сообщается о войнах Игоря с уличами и взятии Пересечена. Известия 922 г. кончаются словами о передаче воеводе «Свинделу» древлянской дани. Под следующим 940 г. снова говорится о взятии Пересечена и передаче дани с него «Свинделу же». Затем следует сообщение о походе Игоря против древлян (945 г.) и дается пояснение, что «Свиндел тож отец Мстишин и Лютов».

[4] УЛС, с. 3.

Под тем же годом рассказывается о смерти Игоря и мести Ольги древлянам. Продолжение известия поставлено под 946 г., где сообщается об окончательной победе княгини Ольги над древлянами. Под 947 г. говорится об установлении Ольгой погостов в Новгородской земле, под 955 г.— о крещении Ольги в Царьграде, причем императором назван «царь Чемскии», под 965—970 гг.— о походах Святослава, под 972 г.— о смерти Святослава в порогах, под 973 г.— о княжении Ярополка в Киеве и его брата Олега в Древлянской земле. Под 975 г. идет рассказ о наущениях Свиндела против Олега, а под 977 г.— о смерти Олега и бегстве Владимира из Новгорода «за море». Под 978 г. помещены известия о походах Владимира на Полоцк, на Киев и о гибели Ярополка, о кумирах, поставленных Владимиром на холме, где «ныне» есть церковь Василия. Под 981—985 гг. даны краткие сведения о войнах Владимира и о мучениках-варягах. С 986 г. начинаются сообщения о посольствах к Владимиру о вере, причем резко меняется весь характер текста. Под 986 г. говорится о мусульманских, католических и греческих послах, под 987 г.— о речи философа, под 988 г.— о крещении Владимира в Корсуни, под 989 г.— о крещении Русской земли, под 991 г.— о закладке Десятинной церкви, под 992 г.— о заложении Белгорода («заложил Белград»), под 996 г.— об освящении Десятинной церкви, под 1015 г.— о смерти Владимира.

При первом поверхностном взгляде текст Устюжской летописи можно было бы вывести из текста Новгородской I летописи или ее протографа, подвергнутого сильному сокращению. Однако такому выводу противоречит самостоятельный характер некоторых известий Устюжской летописи, а также ее хронология, резко отличная в своей начальной части и от Новгородской летописи и от «Повести временных лет». Например, только в Устюжской летописи походы Олега на Царьград обозначены 900 г. (первый) и 922 г. (второй). В начале повествования хронология Устюжской летописи отчасти совпадает с «Повестью временных лет», тогда как в Начальном своде о целом ряде лет ничего не говорится. Общая же хронологическая сетка для «Повести временных лет», Новгородской I летописи и Устюжской летописи начинается только с 945 г., под которым помещается сообщение об убиении Игоря древлянами. Эта особенность хронологии начальных русских известий, как будет видно далее, найдет свое объяснение в том, что отсюда начинался и связный рассказ о русских князьях X в.

Другое отличие текста Устюжской летописи от Новгородской I летописи заключается в том, что Новгородская летопись осложнена рядом вставок, отсутствовавших в оригинале Устюжской летописи. Эти вставки носят по преимуществу церковный характер. Они имеются там, где в тексте Новгородской I летописи помещен рассказ о крещении Ольги: речь патриарха («чадо верное» и пр.), беседы Ольги с ее сыном Святославом о христианстве, рассуждения по поводу измены воеводы Блуда («о злая лесть») и пр.

Вместе с тем в Устюжской летописи мы находим явно более

древние чтения, чем в Новгородской I летописи; об этом будет сказано ниже.

Важнейшим отличием Устюжской летописи от Новгородской является прочное сохранение в ней традиции, согласно которой Олег, Аскольд и Дир были князьями, а не воеводами. В летописных сводах как бы борются две противоречивые традиции: по одной из них Олег, Аскольд и Дир были только воеводами, по второй — князьями, хотя имеются неоспоримые доказательства того, что Олег княжил в Киеве (в договоре Олега с [византийскими] императорами он прямо именовался великим князем русским). «Повесть временных лет» вначале называет Олега воеводой, а затем, рассказывая о его смерти, начинает это повествование словами: «И живяше Олег мир имеа ко всем странам, княжа в Киеве»; следовательно, говорит об Олеге как о киевском князе. Также и Устюжская летопись, называя Олега воеводой Рюрика и Игоря, тут же замечает: «И седе Олг, княжа в Кииве, и рече: „Сеи град будет мати всем градом руским“, и облада Рускою землею». Такая же сбивчивость изложения заметна и в рассказе об Аскольде и Дире. По Устюжской летописи, они не были «ни племени княжа, ни боярска», хотя тут же о них говорится как о князьях в Киеве и в Полянской земле.

Оригинал Устюжской летописи, судя по ссылкам на дворы Гордяты и Никифора, возник не раньше 60-х годов XI в. и, по-видимому, является каким-то промежуточным текстом. Этот текст предшествовал Начальному своду 1093 г. и, возможно, отразил какой-то летописный свод 60—70-х годов XI в.

Таким образом, при суждении о первоначальном составе известий о Руси IX—X вв. можно опираться не только на сравнение «Повести временных лет» с Начальным сводом 1093 г., но и на Устюжскую летопись.

После этих предварительных замечаний мы можем перейти к анализу летописных известий о Руси IX—X вв.

Выше говорилось, что «Повесть временных лет» начинается с рассказа о разделении земли между сыновьями Ноя, тогда как Новгородская I летопись имеет особое предисловие, после чего следует новое заглавие: «В лето 6362. Начало земли Руской. Живяху кождо с родом своим». С этих слов, видимо, и начиналась древнейшая летопись, что доказывается существованием традиции, сохраненной и в некоторых других летописных сводах.

Судя по заголовку «Повести временных лет» («Се повести времяньных лет, откуду есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуду Руская земля стала есть»), источник «Повести» также начинался с заглавия о начале Русской земли и не имел еще предисловия к Временнику. В самом деле, слова — «...кто в Киеве нача первее княжити» в заглавии «Повести» — в дальнейшем изложении остаются нераскрытыми и неоправданными, так как из текста не ясно, кто же был первым князем в Киеве: Кий, Аскольд, Дир, Олег или Игорь? Исходя же из текста, надо предполагать, что первым князем признавался Кий. По крайней мере так понял дело составитель

предисловия, открывающего Новгородскую I летопись. Название Киева произошло от имени князя, его основавшего, так же как и названия других мировых столиц: Рима, Александрии, Селевкии, Антиохии: «Також и в нашей стране зван бысть град великим князем во имя Кия». В эпоху составления Начального свода времена Кия были столь отдаленными, что шли споры о том, кем он был: князем, перевозчиком или охотником («его же нарицают тако перевозника» и пр.).

Желая каким-либо образом указать на те годы, когда жили Кий и его братья, летописцы попытались приурочить это к определенному времени. Новгородская I и Устюжская летописи относили годы жизни Кия к периоду царствования Михаила в Византии, так как первые сведения о Руси, найденные в византийских хрониках, касались царствования Михаила. Однако такое сопоставление было сделано не очень грамотным компилятором, в силу чего матерью императора Михаила названа Ирина, а не Феодора. Между тем из текста Новгородской летописи ясно, что речь идет не об Ирине, а именно о Феодоре, которая, как сказано в летописи, провозвестила «поклонение иконам в пръвую неделю поста». Эти слова о восстановлении иконопочитания в Византии почти буквально совпадают с Хроникой Симеона Логофета в славянском переводе, сообщающего, что Феодора «православную утвръди веру и церковь съмири в пръвую неделя святых пость» [5].

Однако спутать имена Феодоры и Ирины было не так просто, и можно предположить, что путаница произошла оттого, что именно Ирина упоминалась в первоначальном тексте, а имя Михаила было приписано позже. Это было сделано потому, что в результате противоречивых сведений о начале Русской земли, которыми пользовались летописцы, последние пытались как-то согласовать имена Ирины и Михаила. Отражение такой противоречивости мы найдем и в «Повести временных лет», по которой Русская земля стала прозываться в первый год царствования Михаила, в 852 г., как это, по словам «Повести», написано в греческом летописании. Имя Михаила действительно упоминается в наших летописных известиях, а имя Ирины стоит одиноко. Но в руках русских книжников были какие-то неизвестные источники, рассказывавшие о Кие, и следы этих источников сохранились в словах «Повести временных лет» о том, что Кий ходил в Царьград и принял великую честь от императора, имя которого летописец уже указать не мог. Если принять во внимание, что, согласно «Повести временных лет», первое известие о начале Русской земли взято было из греческого летописца, говорившего об императоре Михаиле, то понятно, почему составитель «Повести» во избежание непримиримого противоречия не мог назвать имени Ирины или кого-либо из ее соправителей. Таким образом, упоминание об императрице Ирине в рассказе о Кие вполне объяснимо. К ее времени пер-

[5] Симеона Метафраста и Логофета описание мира от бытия и летовник собран от различных летописец. Славянский перевод хроники Симеона Логофета с дополнениями. СПб., 1905, с. 100.

Академик М. Н. Тихомиров
на оз. Ильмень, 12 августа 1961 г.

воначально приурочивали рассказ об основании Киева, позднейшие же редакторы отнесли основание этого города почти ко времени Рюрика, в силу чего Аскольд и Дир сделались почти современниками Кия, хотя из самой «Повести временных лет» и Новгородской I летописи очевидно, что Кий с братьями жили в более отдаленный период. Этим отдаленным временем для летописца было царствование императрицы Ирины, то есть примерно 780—802 гг. «Повесть временных лет» пользовалась какими-то неизвестными нам сведениями о Кие. Она сообщает, что Кий поставил на Дунае городок, «еже и доныне наречють дунайци городище Киевець». Эта легенда, как справедливо показывает болгарский исследователь Р. Стойков, основана на факте существования города Киева (Къйова) в районе Дуная еще в XV в.[6]

Рассказав о захвате Киева князем Игорем и его «воеводой» Олегом, Новгородская летопись под 922 г. сообщает о походе Олега на Царьград и о его смерти в Ладоге. В «Повести временных лет» об Олеге говорится полнее. В нее вставлены договор Олега с греками (под 912 г.) и пересказ договора (под 907 г.). Наиболее загадочным

---

[6] *Стойков Р.* Нови сведения за миналото на български селища през XV и XVI в.— Исторически преглед, 1959, № 6, с. 79.

является то, что смерть Олега в «Повести временных лет» отнесена к 912 г., а в Новгородской летописи — к 922 г.

Однако есть основание полагать, что и в Новгородской I летописи и в «Повести временных лет» сообщение о захвате Киева дошло до нас не в первоначальном, а в измененном тексте. Летописцы, видимо, имели какие-то противоречивые сведения об Олеге и Игоре. Поэтому «Повесть временных лет» показывает Олега родственником Рюрика («умершю Рюрикови предасть княженье свое Олгови, от рода ему суща») и признает его князем. С этим согласуются и слова «Повести», в которых исчисляются годы от Адама до цесаря Михаила: «А от перваго лета Михаилова до перваго лета Олгова, рускаго князя, лет 29; а от перваго лета Олгова, понели же седе в Киеве, до перваго лета Игорева лет 31». Таким образом, существовала прочная традиция, согласно которой именно Олег был русским князем, «понели же седе в Киеве», то есть с того времени, как он утвердился на киевском столе. В данном случае Устюжская летопись сходится не с Новгородской летописью, а с «Повестью временных лет», сообщая, что Рюрик передал княжение «Ольгови, сроднику своему, а сын его Игорь мал еще». В той же летописи, как мы видели раньше, Олег выступает как князь: «И седе Олг, княжа в Кыиве, и рече: „Сеи град будет мати всем градом руским", и облада Рускою землею».

Устюжская летопись сообщает, что Олег «оброки по всей земли Руской устави и многи городы постави», и под разными годами приводит рассказы об Олеге и его походах. Эти рассказы отличаются большой примесью легендарности и в то же время прочной киевской традицией. В частности, смерть Олега связывается с его походами на Царьград. Любимый конь Олега, от которого ему была предречена гибель, был убит по княжескому приказанию «далече в поле». Это случилось, когда Олег «иде от Царяграда, прешед море, поиде полем на конех». От змеиного укуса он заболел и умер, «и есть могила его в Ладозе». Такое явное противоречие между «полем» — степью — по дороге от Черного моря к Киеву и Ладогой на севере привело к тому, что в Новгородской летописи осталось только упоминание о могиле в Ладоге и нет рассказа о волхвах и змее, тогда как «Повесть временных лет» оставила повествование о волхвах и смерти Олега от змеи в несколько ином виде и с упоминанием о том, что Олег был погребен в Киеве на Щековице: «есть же могила его и до сего дни, словеть могыла Ольгова».

Крайне интересно то обстоятельство, что Устюжская летопись сохранила некоторые черты, объясняющие нам неясную хронологию «Повести временных лет» и Новгородской I летописи. Смерть Олега произошла, согласно «Повести», в 912 г., по Новгородской летописи — в 922 г. Устюжская летопись сохранила и ту и другую дату, поставив смерть Олега под 922 годом. Под этим же годом она дает и другую дату: «Игорь же нача княжити в лето 6420» (912 г.), после чего непоследовательно сообщается, что у Игоря был воеводой Свиндел (Свенельд) на место Олега: «и бе у Игоря князя воевода, во Ольга место, имянем Свиндел». Отсюда начинается повествование об Игоре

и его потомках, имеющее явные черты близких воспоминаний о событиях, как это далее будет видно. Здесь, видимо, и кончался первоначальный рассказ о становлении Русской земли, основанный на противоречивых преданиях и мало связанный с повествованием об Игоре и его потомках. Автор сказания пользовался различного рода преданиями, связав воедино ставшие легендарными имена Олега и свергнутых им Аскольда и Дира. Позднейшее стремление летописцев вести родословие киевских князей от Рюрика сделало Аскольда, Дира и Олега воеводами, а не князьями.

Между тем, как отметил Е. Перфецкий, существовало предание, что Аскольд и Дир были потомками основателей Киева. Это нашло отражение в том летописце (по предположению Перфецкого, перемышльского происхождения), который был известен польскому историку Длугошу в XV в.[7] В летописце Длугоша сообщалось следующее: «После смерти Кия, Щека и Хорива, наследуя по прямой линии, их сыновья и племянники много лет господствовали у русских, пока наследование не перешло к двум родным братьям Аскольду и Диру»[8]. Именно таким был первоначальный текст сказания о начале Русской земли. Это видно из того, что в «Повести временных лет», в полном противоречии с варяжской легендой, также говорится о существовании князей из рода Кия и его братьев («и по сих братьи держати почаша род их княженье в Полях, в Деревлях свое, а в Дреговичах свое»); «род их» — это не кто иные, как наследники Кия и его братьев. Здесь мы имеем прямое указание на князей, существовавших задолго до Рюрика, причем указание той же «Повести», которая сообщает легенду о призвании варяжских князей. Следы колебаний летописца по вопросу о том, кем были Аскольд и Дир, отразились и в его особом стремлении показать, что они были просто варягами, а не князьями и даже не боярами.

Итак, есть основание утверждать, что первоначальная повесть о начале Руси заключала в себе рассказ об основании Киева, о притязаниях хазар на Киев, об убиении Аскольда и Дира, являвшихся потомками Кия, об Олеге и его смерти. Позже этот рассказ был осложнен вставной легендой о призвании князей, в силу чего Олег, Аскольд и Дир сделались дружинниками Рюрика, что создало непримиримые противоречия в хронологии летописи, вставленной в первоначальный текст уже в более позднее время.

Когда же и где возникла повесть о начале Русской земли? На второй вопрос ответить сравнительно легко. Рассказ о начале Руси был написан в Киеве и имеет ярко киевскую окраску. Сообщение о разодранных кропинных (шелковых) парусах на кораблях словен носит характер явной насмешки над словенами (новгородцами), которые

---

[7] *Перфецький Е.* Перемишльський літописний кодекс першої редакції в складі Хроніки Яна Длугоша.— Зап. Наукового товариства ім. Шевченка, Львів, 1931, т. 151, с. 19—56.

[8] Цитируется по изданию русских известий Длугоша в кн.: *Бестужев-Рюмин К.* О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, с. 68 (приложение).

взялись за свой «толстины», потому что дорогие паруса были им недоступны. Правда, слова о порче кропинных парусов отсутствуют в Устюжской летописи, но в ней говорится о паволочитых парусах Руси и полотняных у словен.

И в «Повести временных лет», и в Новгородской, и в Устюжской летописях о временах Олега сообщается как об очень отдаленных, овеянных легендами. Некоторым указанием на время составления рассказа об Олеге могут служить слова о том, что могила Дира находилась «за святою Ириною», а церковь Ирины, по летописи и по Прологу, была поставлена при Ярославе Мудром, но такая вставка могла быть сделана и позже. Большее значение имеет повествование о хазарах, которые брали дань с полян и которыми «до днешьняго дни» владеют русские князья. Последние слова имеют, несомненно, датирующее значение и относят возникновение сказания о начале Руси к относительно раннему времени. Конечно, это сказание не могло появиться раньше принятия Русью христианства, так как в нем отчетливо сказано о язычестве старых полян и основателей Киева («бяху же погане, хруще озерам и кладязем и рощением»), но его нельзя относить и далеко в глубь XI в. Сказание было написано в те годы, когда русские князья брали дань с хазар и владели ими «до днешьняго дни», то есть до настоящего времени. К каким же годам относится это настоящее время?

Хазарское царство, как известно, распалось к середине XI в. В летописи последнее упоминание о хазарах относится к 1023 г., в связи с рассказом о нападении на Киев князя Мстислава Черниговского, брата Ярослава Мудрого. В составе его войск летопись называет косогов и хазар («поиде Мстислав на Ярослава с Казары и с Касогы»). Последние годы существования Хазарского каганата мало изучены историками. В новейшем очерке истории хазар говорится: «Упоминания о хазарах в XI в. касаются только хазар тмутараканских и крымских и характеризуют их как народ, лишенный самостоятельного политического значения»[9]. Однако это замечание не вполне правильно, так как хазары составляли значительную часть населения Крыма, Тмутараканского княжества и причерноморских степей. Как можно заключить из Печерского Патерика, хазары, исповедовавшие иудейство, служили опорой для иудейской пропаганды еще во второй половине XI в. Даже киевский князь именовал себя «каганом», что нашло отражение в известном слове митрополита Иллариона «О законе и благодати». Исследователи этого произведения обычно не спрашивали, почему Иларион назвал таким титулом великого князя Ярослава, чего никогда не делали летописцы. Объяснить это, пожалуй, можно тем, что при Ярославе власть хазар окончательно сошла на нет и Хазария оказалась подчиненной киевскому великому князю. Такие события произошли после смерти Мстислава Черниговского (1036 г.) и присоединения Тмутараканской земли к

[9] Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 725.

Киевской. Под 1037 г. летопись сообщает о создании «великого города» Киева с золотыми воротами и заложении св. Софии — «митрополии». Под этим же годом говорится о построении Георгиевского монастыря и церкви Ирины. Известие о великом городе Киеве находит отклик в слове «О законе и благодати». К этому периоду (первая половина XI в.) предположительно было бы отнести и время обработки сказания о начале Руси. Прямым толчком к этому могли явиться события, имевшие место при Ярославе Мудром, и столкновение с Византийской империей, приведшее к неудачному русскому походу на Константинополь в 1043 г. Подобные осложнения были связаны и с положением в Крыму, который еще в XIV в. носил название Хазарии [10].

Впрочем, нельзя настаивать на том, что рассказ о Кие и его братьях возник только в такое относительно позднее время, а не был соответствующим образом обработан на основе более раннего текста. Во всяком случае, повесть о начале Руси уже существовала в первой половине XI столетия.

* * *

После рассказа о смерти Олега в летописи идет повествование об Игоре и его потомках, причем наиболее подробно описывается княжение Святослава и распри между его сыновьями. В основу этих известий положено особое сказание, которое условно может быть названо сказанием о русских князьях X в.

Первоначально данное сказание, видимо, представляло собой повествование нелетописного порядка, в нем не было разделения на годы. Большое количество вставных статей в «Повести временных лет» разорвало первоначальный рассказ о княжении Игоря, заполнив описанием событий те годы, о которых ничего не говорилось в первоначальном тексте. Вставной характер ряда статей особенно бросается в глаза при изучении текстов Новгородской I и Устюжской летописей. Вставка годов была сделана примитивно, когда-то единый текст оказался разорванным на отдельные годы. Так, после слов: «И реша дружина Игореве: се дал еси единому мужеве много», поставленных под 922 г. (6430), в Новгородской I летописи имеется продолжение под 945 г. (6453): «отрочи Свенелжи изоделися суть оружием и порты». Таким образом, хронологически начало фразы отделено от ее продолжения 23 годами.

Такой же разрыв в повествовании путем введения заголовка («Начало княжения Святославля» и др.) имеется и дальше. Рассказ о мести Ольги кончался словами: «А Ольга возвратися в Кыев и пристрои вои на прок их»; непосредственное же продолжение этих слов поставлено под 946 г. (6454) («иде на Деревскую землю»). Новый

---

[10] См., например: *Pegolotti Francesco Balducci.* La pratica della mercatura/Ed. by A. Evans. The Medieval Academy of America. Cambridge (Mass.), 1936, p. 54 и др.

разрыв повествования сделан в результате вставки 947 г. (6455), в силу чего первоначальный текст оказался разделенным на две фразы: первая — «и прибывше лето едино» и вторая — «иде Ольга к Новугороду».

Явной вставкой является обозначение 969 г. (6477), разделившее первоначальный текст на две фразы: (Святослав) «собра воя и прогна Печенеге в поле и быть мирно» и «рече Святослав к матери своей и к боярам». Такого рода вставки в текст сказания об Игоре и его потомках отмечены были уже Шахматовым в его реконструкции Древнейшего свода.

Подробное повествование об Игоре, Святославе и о распрях между сыновьями последнего лишено каких-либо прикрас и отличается такими подробностями, которые сделаны если не очевидцем, то, во всяком случае, современником описываемых событий. Ярко показаны взаимоотношения сыновей Святослава, честолюбие Ярополка, названы княжеские воеводы: Блуд — воевода Ярополка, Свенельд — отцовский воевода («воевода отень») Святослава, упомянут некий Варяжко — приближенный Ярополка, который после его смерти бежал к печенегам и долгое время воевал против Владимира, и т. д.

Особенностью сказания о русских князьях X в. является и общая тема, связывающая весь рассказ в единое целое. По сути дела, это — повествование не только об Игоре и его потомстве, но и о борьбе киевлян (полян) с древлянами. Особенно подчеркивается роль Свенельда (Свиндела, по Устюжской летописи), о котором говорится уже в начале сказания. Составитель неоднократно напоминает о значении Свенельда в распре Ярополка с его братом Олегом. Свенельд подучает Ярополка пойти на Олега войною. Раньше же было сказано, что Свенельд получил в свое распоряжение древлянскую дань и брал «по черной кунице от дыма». Он же предводительствовал киевлянами в борьбе против древлян после смерти Игоря, сопровождал Святослава в его походах, которому не советовал идти в Русь в ладьях через пороги, а предлагал пойти «около на конях». Устюжская летопись, сохранившая более древний текст, чем Новгородская I летопись, добавляет такую подробность о битве с печенегами: «Свиндел же убежа з бою и приде в Киев к Ярополку сыну Святославлю и сказа ему смерть отцеву, и плакася по нем со всеми людьми».

Подробный рассказ о борьбе киевлян с древлянами обнаруживает осведомленность его автора о некоторых деталях. Таково упоминание о каменном тереме, который раньше стоял за Десятинной церковью над горою. Не вполне понятное упоминание о тереме в Новгородской летописи поясняется Устюжской летописью, по которой тут был «двор теремный, бе бо ту терем каменный». Из текста Устюжской летописи выясняется, что Ольга смотрела из терема, как несли древлянских послов и бросили их в яму, наполненную горящими углями; «и выникши Олга ис терема»,— говорит летопись, рисуя эту трагическую сцену и мстительную княгиню, созерцавшую из терема гибель своих врагов.

Далее идет связный рассказ о войнах Ольги и Святослава с древ-

лянами и точно указывается, что дань, возложенная на древлян, делилась по Новгородской летописи таким образом: «Две части дани Кыеву идет, а третья Вышегороду ко Олзе, бе бо Вышегород Олгин град». В этом упоминании наиболее характерно следующее: платеж дани Вышегороду обозначен настоящим временем, и это нельзя относить к позднему периоду, когда Древлянская земля была прочно присоединена к Киеву. Такой же близостью к рассказываемым событиям проникнуты слова летописи о становищах и ловищах Ольги в Деревской и Новгородской землях, по Десне и по Днепру.

В Новгородской летописи далее следует повествование о крещении Ольги в Царьграде. Вероятно, первоначально об этом говорилось значительно короче, о чем можно судить на основании Устюжской летописи, упоминающей о сватовстве цесаря к Ольге без обширных вставок из церковных текстов. Дальнейший рассказ тесно связан с конечными словами о крещении Ольги. Он начинается так: «Князю Святославу возрастшу и возмужавшу». Эти слова являются прямым продолжением предыдущей фразы: Ольга «кормящи сына своего до мужества своего и до возраста его». В Устюжской летописи о данном факте сказано точнее и яснее: «Она же учаше сына своего быти християну; он же не хотяше, и кормяше его до мужства».

Повествование о походах Святослава дано с еще большим количеством деталей, которые показывают, что это повествование составлено если не очевидцем, то человеком, писавшим по рассказам очевидцев или по близким припоминаниям. Таково и упоминание о происхождении Владимира, изложенное в Устюжской летописи таким образом: «Владимир бо бе от Малки — ключницы Ольжины; Малка же бе сестра Добрыне, отец ея бе Малк Любутчанин; бе бо Добрыня Малков сын, дядя Владимеру по матери; и рожение бысть Владимеру в Будотине селе; ту бо бе посла Олга Малку в гневе; село бо бе ея ту; бе бо, умирая, Олга отдаст село то пресвятей богородицы». Последние слова о пресвятой богородице имеют в виду Десятинную церковь и показывают, что известие было написано уже после ее основания, то есть после 989 г. В связи с появлением легенды о псковском происхождении Ольги село Будутино под Киевом позже было отождествлено в летописи с почти одноименным селом под Псковом.

Особенно точным летописный рассказ делается при повествовании о распрях сыновей Святослава. Новгородская летопись сообщает, что воевода Свенельд пришел в Киев к Ярополку, и это согласуется с тем, что сын Свенельда, Лют, убитый Олегом Святославичем, вышел на охоту из Киева. Если вспомнить, что Свенельд при Игоре держал в своих руках древлянскую дань, то поступок Олега можно объяснить тем, что речь шла о нарушении княжеских прав Олега в Древлянской земле и о попытке Люта утвердить старые отцовские права над древлянами.

Дальнейшее повествование о гибели Олега у Вручьего града, о княжении Ярополка, о походах Владимира и смерти Ярополка полностью лишено каких-либо легендарных черт. Новгородская летопись реально рассказывает об убиении Ярополка и о том, как некий Ва-

ряжко, приближенный Ярополка, бежал к печенегам и долгое время воевал с Владимиром.

Устюжская летопись и тут дает новые подробности, которые никак не могут быть объяснены позднейшими вставками. О смерти Ярополка в ней говорится так: «И яко приде Ярополк в Киев и в дверях полатных 2 варяга подъяста мечи под пазухи». Упоминание о дверях палатных здесь вполне уместно, так как Ярополк был убит в каменном, «полатном» строении, вероятно, в том же отцовском тереме, о котором сообщалось выше.

Указание на каменный терем вводит нас в реальную обстановку конца X в., когда этот терем еще существовал. Позже понадобился уже комментарий к словам о тереме, который и находим в «Повести временных лет», в Новгородской I и в Устюжской летописях. Комментатор, упоминавший о боярских дворах 60-х или 70-х годов XI в., писал тогда, когда каменного терема уже не было, и он был вынужден пояснять, что терем стоял за святой Богородицей, то есть за Десятинной церковью. Таким образом, ко второй половине XI в. память о тереме стала стираться, и упоминание о нем в сказании о русских князьях снова ведет нас не к легендарным, а к действительным чертам русской истории X в.

Рассказ о распрях сыновей Святослава прерывается на словах о вокняжении Владимира и о кумирах, поставленных на холме, на котором была построена церковь святого Василия. О ней летописец обещал сказать позже («яко же последи скажем»).

Здесь, по-видимому, первоначально и оканчивалось сказание о русских князьях X в., так как дальнейший текст летописи теряет характер однотемного повествования, представляя собой сочетание различного рода вставных статей и кратких известий. При этом известия о княжении Владимира оказываются более скудными, чем рассказ об Игоре, Святославе, Ярополке и его братьях.

В Новгородской I летописи после слов о женах Владимира следует рассуждение о добрых и злых женах. Это рассуждение, как и последующее за ним сказание о первых мучениках-варягах, вставлено позже. Обе статьи являются особыми произведениями, а сказание о мучениках-варягах вошло в Пролог, притом в более полном и древнем виде, чем в летописи. Далее следует рассказ об испытании веры, и приводится длинная речь философа — произведение, также известное в виде особой статьи. Под 988 г. (6496) помещены сообщения о взятии Корсуни и крещении Владимира, а вслед за этим говорится о символе веры. Затем рассказывается о возвращении Владимира в Киев и введении христианства на Руси. Под следующим, 989 г. последовательное изложение Новгородской I летописи прерывается, так как здесь в нее вставлен краткий летописец. Это также указывает на то, что концом X в. завершилось сказание, послужившее одним из источников для летописи. В «Повести временных лет» изложение событий княжения Владимира осложнено вставкой двух больших статей об осаде Белгорода печенегами, борьбе отрока с печенегом и построении Переяславля. Обе статьи носят вставной и легендарный

характер. Что касается Устюжской летописи, то в ней о княжении Владимира сказано совсем кратко.

Эти особенности летописных текстов должны быть приняты во внимание при суждении о времени возникновения русских известий X в. В самом деле, историки, относящие создание летописи ко второй половине XI столетия, не могут ответить на вопрос, почему повествование о Владимире Святом и Ярославе Мудром включает более легендарные мотивы (о белгородском киселе, о богатыре-кожемяке), чем рассказ об Игоре и его потомстве. Не могут они ответить и на другой вопрос: по какой причине летописное повествование о Владимире и Ярославе носит более компилятивный характер, изобилует бо́льшим количеством вставных статей, чем рассказ о событиях второй половины X в. Объяснить такую особенность летописного повествования легче всего, если предположить, что существовало особое произведение, рассказывавшее о судьбах Руси в княжение Игоря, Святослава, Ярополка и Владимира.

Для суждения о том, где начинался и где кончался рассказ об Игоре и его потомстве, большое значение имеют некоторые летописные произведения, в первую очередь «Память и похвала мниха Иакова». Время создания «Памяти и похвалы» неизвестно, но можно думать, что она возникла в относительно раннее время, по нашему предположению, в первой половине XI в. Эту статью следует сопоставить со словом митрополита Иллариона «О законе и благодати», где также подчеркивается апостольская деятельность Владимира. Даже если произведение монаха Иакова относить к значительно более позднему времени, то нет никакого сомнения в древности того летописца, каким воспользовался этот писатель при составлении своей «Памяти и похвалы», на что обратил внимание еще К. Н. Бестужев-Рюмин. Так, в «Памяти и похвале» приводятся летописные данные, отчасти совпадающие с текстом «Повести временных лет» и Новгородской летописи, отчасти являющиеся новыми. Летописец, находившийся под руками Иакова, начинался с сообщения о смерти Святослава и кончался рассказом о вокняжении Владимира в Киеве. Иаков подчеркивает, что Владимир сел в Киеве на место отца своего Святослава и деда Игоря. Далее следует такой текст: «А Святъслава князя печенезе убиша, а Ярополк седяще в Кыеве на месте отца своего Святъслава, и Олег идый с вои, у Вруча града мост ся обломи с вои, и удавиша Олга в гребли, а Ярополка убиша в Кыеве мужи Володимерове, и седе в Кыеве князь Володимир в осьмое лето по смерти отца своего Святъслава месяца июня в 11 в лето 6486. Крести же ся князь Володимир в 10-е лето по убьеньи брата своего Ярополка» [11].

Описываемые в «Памяти и похвале» события помещены в «Повести временных лет» и в Новгородской летописи под 971—988 гг. В основном изложение событий в них и в летописце Иакова сходится, но имеется некоторое расхождение в хронологии. По летописцу Иакова,

---

[11] См.: *Срезневский В.* Мусин-Пушкинский сборник 1414 года. СПб., 1893 (отд. отт.; Зап. имп. Академии наук. СПб., 1893, т. 72, № 5).

князь Владимир утвердился в Киеве в 978 г. (6486), а не в 977 г. (6485); при этом именно летописец Иакова сохранил точную дату вокняжения Владимира в Киеве — 11 июня 978 г., тогда как в Новгородской летописи и в «Повести временных лет» весь 978 г. не заполнен никакими событиями.

Замечательной особенностью «Памяти и похвалы» Иакова является то, что в этом произведении примерно очерчено, чем начинался и кончался его источник. Летописец Иакова рассказывает об Игоре, Святославе и сыновьях Святослава, но ни одним словом не упоминает о Рюрике, сыном которого по «Повести временных лет» и в Новгородской летописи был Игорь. Поэтому можно предполагать, что летописец Иакова не знал еще легенды о призвании князей. Возможно, что не знал ее и Илларион, составляя свое слово «О законе и благодати». Он называет Владимира сыном Святослава, внуком Игоря.

Сказание о русских князьях X в. начиналось, как говорилось выше, фразой о княжении Игоря в Киеве и оканчивалось словами о вокняжении Владимира. В самом деле, короткий рассказ о событиях после смерти Святослава, помещенный в «Памяти и похвале мниха Иакова», заканчивается так: «... и седе в Кыеве князь Володимир в осьмое лето по смерти отца своего Святъслава месяца июня в 11 в лето 6486. Крести же ся князь Владимир в 10-е лето по убьеньи брата своего Ярополка». Это дает право думать, что летописец, известный Иакову, как и сказание о русских князьях X в., заканчивался сообщением о крещении Владимира.

Точная дата вокняжения Владимира в Киеве указывает на то, что источник сведений у мниха Иакова был надежным и древним, так как такой даты нет в известных нам летописях, где просто говорится, что «Володимир вниде в Киев» и при этом не в 978, а в 980 г. Крещение Руси по «Повести временных лет» и Новгородской I летописи произошло в 988 г., по летописцу Иакова Владимир крестился в 10-е лето после смерти Ярополка, который, согласно «Повести» и Новгородской летописи, был убит в 980 г.

Источник летописных сведений «Памяти и похвалы» по-иному освещал крещение Владимира, не связывая этот акт с Корсунью. Здесь-то мы и находим объяснение того полемического выпада, который в Новгородской летописи и в «Повести временных лет» был направлен против тех, кто рассказывал, что Владимир крестился не в Корсуни, а в Киеве, или Василеве, или где-либо в другом месте («друзии же инако сказающе»). Иаков, писавший «Память и похвалу», имел в своем распоряжении разные сказания и летописные записи о княжении Владимира, разноречащие с известными нам летописными сводами, но он не знал Корсунской легенды, в силу чего утверждал, что Владимир «по крещеньи прожил 28 лет» (следовательно, крестился в 987 г.), «на другое лето по крещеньи к порогам ходил» (значит, в 988 г.), «на третье лето город Корсунь взял», то есть совершил поход на Корсунь в 989 г.

Все изложенное выше подводит нас к мысли, что сказание о русских князьях X в. начиналось с повествования об убиении Игоря и

кончалось известием о вокняжении Владимира в Киеве 11 июня 978 г.

Косвенным подтверждением того, что сказание о русских князьях X в. оканчивалось примерно утверждением Владимира в Киеве, является расчет лет от Адама, приводимый «Повестью временных лет». Как уже заметил И. И. Срезневский, в этом расчете лет имеется три слоя. Первый из них кончается годами жизни Ярополка («а от перваго лета Святославля до перваго лета Ярополча лет 28, а Ярополк княжи лет 8»). Такой же подсчет лет находим и в псковских летописях, имевших в основе своих начальных известий не «Повесть временных лет», а какой-то свод, близкий к Устюжской летописи.

Попытаемся теперь установить время возникновения рассказа об Игоре и его потомстве. Рассказ был написан еще тогда, когда киевские князья вели борьбу с древлянами и другими племенами. Судя по Новгородской I летописи, автор рассказа знал, что уличи некогда жили вниз по Днепру и позже поселились между Бугом и Днестром. Здесь их и находит автор «Повести временных лет», но уже говорит о них в прошлом («бе множество их»). Устюжская же летопись помнит о войнах Игоря «на древляны и на улицы», о том, что он осаждал град Пересечен три года. Могила Игоря известна была составителю сказания «в Древах и до сего дня». Свенельд, как утверждает этот составитель, был отцом Мстиши, по-видимому, того Люта Свенельдича, который был убит позже Олегом, если только речь не идет о двух разных лицах. Автор сказания писал еще тогда, когда третья часть древлянской дани поступала в Вышгород, который был городом Ольги. Во всяком случае, сказание было написано до 1044 г., до того времени, когда тело Олега Святославича было перенесено в Десятинную церковь, как отметил Шахматов. Но эта дата поздняя, а можно указать более раннюю.

Повествование о смерти Ольги заканчивается следующими словами: «и несоша и погребоша ю на месте». После этого автор замечает: Ольга велела не делать тризны над ее могилой, потому что она имела при себе священника «в тайне» и тот ее похоронил. Место, где была похоронена Ольга, в летописи не указано. Это вызывает представление о какой-то неточности, вернее, оборванности фразы (в реконструкции Шахматова здесь и поставлены три точки), тем более что о могилах Олега и Ярополка упоминается особо, даже подчеркнуто, где они находятся (о могиле Олега: «есть могыла его и до сего дне у Вручьяго града»). Позже Ольга была погребена в Десятинной церкви, где стоял ее саркофаг. Очевидно, тот, кто писал о каком-то месте где похоронена была Ольга, не знал о перенесении ее мощей в Десятинную церковь. Поэтому нет оснований и приписывать создание сказания о русских князьях X в. автору, связанному с Десятинной церковью.

Когда же совершилось перенесение праха Ольги в Десятинную церковь? Кажется, это событие может быть связано с несколько неясным известием «Повести временных лет», помещенным под 1007 г. (6515): «Пренесени святии в святую Богородицю». К этому времени русскими святыми могли считаться только княгиня Ольга и мученики-

варяги. В связи с переносом святых в Десятинную церковь могли появиться краткие или проложные сказания об Ольге и мучениках-варягах, внесенные в летопись. Но автор сказания о русских князьях X в. еще не был осведомлен о перенесении мощей Ольги в Десятинную церковь, он знал только одно, что Ольга была похоронена «на месте» и притом втайне. Следовательно, он писал до 1007 г.

В дошедшем до нас виде сказание о русских князьях X в. было осложнено не только вставными рассказами, но и общей тенденцией летописца связать династию Игоря с Рюриком и его братьями.

В наиболее древнем виде рассказ о призвании варягов сохранился в Новгородской I и Устюжской летописях. В Новгородской летописи упоминаются новгородские люди («рекомые словени»), кривичи и меря. В дальнейшем изложении к этим племенам прибавляется чудь. Каждое из этих племен жило родом своим («кождо своим родом владяше»). В этих словах видно сходство с тем, что было сказано в повествовании о Кие («живяху кождо с родом своим на своих местех и странах, владеюще кождо родом своим»). Славяне, кривичи, меря и чудь давали дань варягам, против которых они восстали, что привело к междоусобицам и к решению обратиться к тем же варягам. На призыв откликнулись три брата «с роды своими». В Новгородской летописи нет упоминания о том, что варяги прозывались «Русью», хотя и говорится, что «от тех Варяг, находник тех, прозвашася Русь и от тех словет Руская земля».

Последние слова о Руси, не объясненные летописцем, уже в давние времена вызвали своеобразные комментарии, пытавшиеся объяснить, кем же была «Русь», так как эти слова стояли в явном противоречии со сказанием о начале Русской земли, которое связывалось с Кием, Щеком и Хоривом, а не с варягами. Это привело к тому, что в «Повести временных лет» введен был комментарий к слову «варяги»: «...Идоша за море к Варягом, к Руси. Сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Анъгляне, друзии Гъте, тако и си». Вставной характер этих слов признает и А. А. Шахматов.

Введение подобного комментария объясняется тем, что источники «Повести временных лет» разноречили по вопросу о том, какие племена обратились к варягам, причисляя к ним Русь, несмотря на то, что по «Повести временных лет» призванные варяги якобы сами назывались Русью. В самом деле печатаемые всюду и упорно повторяемые слова: «реша Русь, Чюдь, Словени и Кривичи и Вси: земля наша» и пр. являются ученой фикцией, вызванной навязчивой идеей о реальности факта призвания варягов. В действительности в древнейших списках летописи, Лаврентьевском, Троицком и Ипатьевском, Русь упоминается вместе с чудью, словенами и кривичами в числе племен, приглашавших варягов, и текст читается таким образом: «Реша Русь, Чюдь, Словени и Кривичи и Вси: наша земля» и пр. То же чтение найдем и в древнейшем датированном списке летописи — кратком летописце патриарха Никифора с русскими статьями, помещенном в Новгородской Кормчей 1280 г. При царстве Ми-

хаила «придоша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи к Варягом, реша» и пр.[12] В дальнейшем Новгородская I летопись и «Повесть временных лет» как бы забывают о Рюрике, и прикрепление Игоря к династии Рюрика оказывается неоправданным. Этим объясняется и та несообразная хронология Новгородской летописи и «Повести временных лет», согласно которой в год смерти Рюрика (879 г.) Игорь был ребенком. По подобной хронологии Игорю в год его смерти (945 г.) исполнилось бы примерно 80 лет, сын же его Святослав был еще ребенком («детеск сы»). По той же хронологии, Ольга, вышедшая замуж за Игоря в 903 г., рождает сына Святослава лет через 30 после брака. Защитники полной реальности легенды о призвании князей никак не хотят обратить внимание на такую странную хронологию.

Однако тема об источниках рассказа о призвании князей особая и выходит за пределы статьи. Пока же ограничимся только общим замечанием о том, что легенда о трех варяжских князьях была записана примерно в первой половине XI в. и [она] не старше легенды о Кие, Щеке и Хориве.

Итак, можно предполагать, что известия о Руси IX—X вв., помещенные в «Повести временных лет», в Новгородской и в Устюжской летописях, основаны на сказаниях: о начале Русской земли, о призвании варяжских князей, о русских князьях X в. Из этих сказаний наиболее ранним является последнее.

Сказание о русских князьях X в., вероятнее всего, было написано в Киеве вскоре после крещения Руси и является первым русским историографическим произведением, притом отнюдь не церковного характера. Мои предположения о существовании русских произведений нецерковного характера уже в XI в. вызвали насмешливые замечания людей, привыкших приписывать все древнерусские сочинения только церковникам. Но авторы подобных замечаний забывают о существовании таких произведений, как «Слово о полку Игореве», духовная Владимира Мономаха и моление Даниила Заточника, забывают о повестях, рассказывающих о ратных подвигах, которые были написаны явно воинами, а не монахами и внесены в летопись. Таким было и сказание о первых русских князьях X в., как это в свое время отметил И. И. Срезневский.

Не должна удивлять и ранняя датировка нашего предполагаемого сказания, так как крещение Руси при Владимире только завершило длительный период существования христианства и неразрывно с ним связанной письменности на Руси. Находка сосуда с кирилли́ческой надписью первой половины X в. в кургане под Гнездовом опровергла мысль о бесписьменной Руси первой половины X в. Об этом же говорят и договоры Руси с греками того же столетия. Составлен-

[12] ПСРЛ, СПб., 1846, т. I, с. 251. Совершенно непонятно, по каким причинам новые издатели «Повести временных лет» (см. сноску 2) игнорировали тексты древнейших рукописей и положили в основу чтения о призвании князей поздний, Радзивилловский список XV в.

ные по византийской дипломатической практике, как это доказал польский ученый С. Микуцкий [13], они нужны были уже при Олеге и Игоре, когда Русь знала «закон» и «покон русский». Русская историография начинается уже в X в. и притом открывается памятником высокой ценности. Сказание о русских князьях X в.— древнейший памятник славянской историографии. Более подробное изложение своих взглядов на летописные известия о Руси IX—X вв. автор этой статьи предполагает сделать в особой монографии. [14]

О РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ»

Вопрос об источниках, на основании которых была написана «История Российская» В. Н. Татищева, неоднократно ставился в исторической науке и разрешался по-разному. Исследователи XIX в. с большим сомнением относились ко многим известиям Татищева, обвиняя его в выдумках, а иногда и в прямых подлогах. Начало такому взгляду на известия «Истории Российской», видимо, положил Н. М. Карамзин. В примечаниях к своему многотомному труду «История государства Российского» он неоднократно отмечает и особо подчеркивает недостоверность известий Татищева. Наряду с историками, критически относившимися к неизвестным по другим источникам свидетельствам Татищева, уже в XIX в. нашлись и апологеты «Истории Российской», защищавшие даже подлинность Иоакимовой летописи и приписывавшие эту летопись Акиму Корсунянину, первому епископу Великого Новгорода.

А между тем вопрос о достоверности известий Татищева, особенно в древнейшей части его истории, не может быть снят с научного обсуждения. Ведь в «Истории Российской» имеется немало таких сведений, которые могут существенно пополнить наши скудные сведения, в особенности по истории XI—XIII вв. Поэтому необходимо дать себе отчет в том, действительно ли Татищев пользовался такими источниками, которые до нашего времени не дошли или остаются до сих пор не найденными в архивах и библиотеках.

Василий Никитич Татищев жил в те времена, когда русские исторические знания основаны были только на рукописных материалах. До середины XVIII в. единственным печатным пособием по русской истории являлся только «Синопсис». Поэтому исследователю, желавшему написать историю России, приходилось иметь дело с громадным количеством рукописей, совсем еще не изученных и различных по

---

[13] [*Mikucki Silwiusz.* Etude sur la diplomatique russe, la plus ancienne.— In: Bulletin international de l'Academie polonaise des sciences et de lettres. Cracovie, 1953, Suppl. 7].

[14] [См. комментарий к статье под *].

составу. Это было время, когда рукописи можно было еще купить на площади, как об этом говорит сам Татищев, ссылаясь на «манускрипт, купленный на площади», который, по его словам, многое «дополнил и выяснил». Татищев указывает на большое количество рукописей, которые в его время находились в руках у частных лиц. Так, он говорит, что у новгородского архиепископа Феофана Прокоповича видел «выписку о счислении древних весов, денег и мер». В той же рукописи читал он и грамоту Ярослава о вольности новгородцам. Эту грамоту, добавлял Татищев, «нигде в манускрыптах не нахожу, я чрез многих приятелей просил у оного, чтоб дал оную хотя в его доме, наняв писца, списать, токмо добиться не мог» [1]. В другом месте Татищев говорит о своем знакомстве с митрополитом Дмитрием Ростовским, создателем известных «Четьих Миней», вспоминая о том, как лет 45 тому назад («пред лет сорок пять») он читал у Дмитрия какую-то статью о русалках, сочинение видно пропавшее, так как в оставшихся книгах митрополита оно найдено не было.

Татищев говорит и об обширной библиотеке кн. Дмитрия Голицына, одного из участников известной «затейки» 1730 г.: «У сего весьма любопытного [2] министра многое число таких древних книг собрано было...» [3].

Скитальческая жизнь Татищева заставляла его обращаться главным образом к таким источникам, которые он мог купить лично или с которых мог сделать копию. Этим объясняется своеобразие состава его библиотеки, где наряду с древнейшими рукописями хранились и копии тех рукописей, которые его заинтересовали, но не могли сделаться его собственностью. Точность переписанного с этих рукописей текста в немалой степени зависела от переписчика, и можно представить себе, какое количество ошибок могло войти в список источника, переписанного для Татищева. Да и сам Татищев говорит о том, что Раскольничья летопись, которой он придавал особое значение, была переписана ее владельцем-«раскольником», кроме которого якобы ее никто не мог списать. «Токмо в том,— пишет Татищев,— неосторожность с сожалением воспоминаю, что он, списывая для меня, ради лучшаго выразумения наречие переменил» [4]. Как далее будет видно, об этом могут пожалеть и современные исследователи, так как Раскольничья летопись принадлежит к наиболее ценным источникам, которые известны были Татищеву и не дошли до нашего времени.

В основном Татищев, как ясно вытекает из его «Предъизвесчения», пользовался при написании «Истории Российской» своей библиотекой и отчасти теми рукописями, которые он мог достать в собраниях знакомых ему лиц. Что касается до библиотек монастырей и церквей, то они остались для него в основном закрытыми. Об этом

---

[1] См. [*Татищев В. Н.* История Российская: В 7-ми т. М.; Л., 1962, т. I], с. 114 [далее — *Татищев*].

[2] Т. е. любознательного.

[3] См. [*Татищев*], с. 124.

[4] Там же, с. 123.

он и сам говорит в таких словах: «Если архивы патриаршу, дворцовую, рейтарскую... и стрелецкую искусным в истории разобрать, то, конечно, можно надеяться, что много нуждное к известию найтиться может. О Сенацкой же и Иностранной архивах не упоминаю»[5]. Из этих слов видно, какое громадное значение Татищев придавал архивам Сената и Иностранной коллегии, пользоваться которыми в те годы было затруднительным и, может быть, даже небезопасным. Так, сам Татищев пишет о деятельности Тайной канцелярии, созданной при царе Алексее Михайловиче, «которой опасаясь, писать не смели или написанное истребили». Эти слова историка направлены, конечно, не столько против Тайной канцелярии царя Алексея Михайловича или Тайного приказа, сколько против Тайной канцелярии более позднего времени, действовавшей со всей силой в первой половине XVIII в., когда жил Татищев.

Главными архивохранилищами, которыми воспользовался Татищев, были архивы Казани, Астрахани и Сибири. Татищев отмечает, что он с великим трудом выписывал указы из архивов Казани, Астрахани и Сибири, «в которых многое инде неположенное, до истории касаюсчееся, находится». Если принять во внимание позднейшее опустошение местных архивов, то значение «Истории Российской» поднимется в наших глазах еще выше.

Итак, «История Российская» была написана в основном на тех исторических произведениях, которые были собраны Татищевым. Это определило до некоторой степени узость тех исторических источников, которыми мог воспользоваться Татищев, так как и в его время древнейшие памятники русской письменности уже хранились в архивах коллегий, Сената, в больших церковных и монастырских библиотеках. Но это обстоятельство как раз и придает особую ценность «Истории Российской», так как некоторые произведения, использованные Татищевым, явно погибли во время пожара в его усадьбе в селе Болдино. Их нельзя отыскать в современных хранилищах древних рукописей, в отличие от большинства исторических сочинений, использованных позднее Н. М. Карамзиным, основывавшим свои исследования на государственных архивах и библиотеках. Они погибли для науки безвозвратно, и понятие о них дает лишь «История Российская». Обратимся теперь непосредственно к тем источникам, которыми пользовался В. Н. Татищев.

Краткую их характеристику Татищев дает уже в «Предъизвесчении» об истории общественной и собственно русской, которое является вводным для дальнейшего изложения. «Руских историй,— пишет он,— под разными звании разных времян и обстоятельств имеем число немалое и о известных мне кратко здесь, без пространного о их состоянии толкования, объявлю, ибо читаюсчей оные по любопытству может достаточно разсмотреть и по достоинству каждую почитать»[6].

---

[5] [*Татищев*], с. 123.
[6] Там же, с. 84.

К важнейшим источникам русской истории Татищев справедливо относит летописи, из которых особенно выделяет «Несторов Временник», т. е. «Повесть временных лет», «Степенную книгу» и «Хронограф». Все эти произведения он считает общими или «генеральными» для русской истории. К этим же общим сочинениям он добавляет и «Синопсис», который, впрочем, осуждает за введение в него различного рода польских басен и недоказательных «включений».

К генеральным сочинениям по русской истории примыкают местные, которые обозначены Татищевым как топографии. К их числу он относит, например, сказания о Москве, или «Московскую топографию». Видимо, Татищев имел какой-то список сказаний о Москве, в котором говорилось о происхождении Бориса Годунова «от древнего владетеля Москвы тысяцкого Тучка». Между тем в сказаниях о Москве тысяцкий носит имя не Тучки, а Кучки (боярин Стефан Кучка). Имеем ли мы здесь дело с опиской Татищева или с каким-либо особым вариантом сказания о Москве, пока сказать трудно; во всяком случае, заслуживает внимания уже то обстоятельство, что сказания о Москве заинтересовали в свое время Татищева, который справедливо увидел в них определенную политическую тенденцию [7].

Второй топографией, упомянутой у Татищева, является «Новгородская», «хотя многими баснями наполненная», но все-таки нужная. Это замечание Татищева указывает нам на характер подобной «Новгородской топографии». Речь идет о поздних новгородских летописях XVII в. с их баснословными сказаниями о Словене и Русе. В одном примечании к «Истории» Татищев действительно пишет о «Новгородской истории», где говорится о городе Словенске, потом названном Новгородом [8].

Третьей топографией является «Псковская», четвертой — «Сибирская». О ней Татищев говорил, что она сочинена Станкевичем и продолжена «до наших времен» [9], т. е. до времени Татищева. Пятая и шестая топографии названы «Астраханской» и «Нижегородской», Татищев предполагает, что существует и седьмая — «Смоленская топография»: «Слышу, что о Смоленске есть сочинена, токмо мне видеть не случилось».

Последняя, восьмая, или «Муромская топография», «сочинена неизвестным, но многими баснями, и не весьма пристойными, наполнена». Татищев добавляет, что эту топографию взял у него император Петр I, когда направлялся в Персидский поход в 1722 г. Это

---

[7] В известных нам сказаниях о Москве не упоминается о Борисе Годунове, а построение Москвы связано с Шуйскими. Во всяком случае, нельзя не отметить того, что политическая тенденция «Сказания о Москве» была замечена Татищевым гораздо раньше, чем это сделали историки XIX и даже XX в.

[8] Этим обнаруживается источник Татищева, названный им «Новгородской топографией», в ней — поздние предания о Словенске (см.: *Гиляров Ф.* Предания русской начальной летописи. М., 1878, с. 16, 21 и след.).

[9] *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1940, с. 118, 149, 150.

небольшая, но интересная деталь для характеристики самого Петра I, который, оказывается, был охотником до русских сказаний. Можно предполагать, что «Муромская топография» была не чем иным, как сборником муромских сказаний о Петре и Февронии, о муромском епископе Василии и пр. В таких сказаниях люди XVIII в. действительно могли видеть не всегда «пристойные» басни. Муромские сборники были распространены в XVII—XVIII вв. и в рукописях того времени сохранились до наших дней в большом количестве списков.

Далее Татищев переходит к характеристике различного рода известных ему древнерусских сказаний. К их числу он относит Хождение митрополита Пимена в Константинополь, составленное дьяконом Игнатием. Это сказание введено было уже в Никоновскую летопись, но, по-видимому, известно было Татищеву в виде особого произведения или в составе какого-либо сборника.

Татищев особо отмечает авторскую деятельность митрополита Макария, который будто бы описал жизнь царя Ивана Грозного («царя Иоанна II», т. е. Ивана IV). Макарий, по мнению Татищева, исправлял «Степенную книгу», составленную Киприаном. Здесь надо отметить упорное стремление Татищева приписать составление «Степенной книги» Киприану. Являлось ли в данном случае это только домыслом историка или Татищев имел под руками какой-то особый список «Степенной книги», связанный с именем Киприана и не дошедший до нашего времени, сказать пока невозможно. Татищев говорит, что Макарий «Киприанову Степенную исправлял и дополнял, но от скудости знания в древности или от лицемерства неколико недоказательных обстоятельств внес».

Из других более поздних писателей Татищев отмечает Иосифа-келейника, патриарха Иова («или самого Иова»), который будто бы описал последние 24 года царствования Ивана Грозного, «но весьма кратко, а по нем до избрания царя Михаила довольно пространно». Слова «оного ж государя», то есть того, о ком писал Макарий, указывают на Ивана Грозного, чему противоречит дальнейшая фраза, из которой видно, что сочинение было доведено до избрания царя Михаила, между тем Иов не мог довести сказание до избрания Михаила Романова в 1613 г. Из возможных сочинений такого рода наиболее близким можно признать «Временник» Ивана Тимофеева, кратко рассказывающий о царствовании Ивана IV, начиная с опричнины и вплоть до избрания Михаила [10].

Далее Татищев в числе своих источников называет сочинения Курбского и «Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков», которую он приписывает монаху Серапиону. Тут же кратко он говорит об Иоанне Глазатом как авторе повести о взятии Казани: «...поп Иоанн Глазатой о достовании и взятье града Казани». Это краткое замечание было воспринято многими историками XVIII—XIX вв. как прямое указание, что Иоанн Глазатый был автором истории о Казанском царстве или Казанского летописца. [Между тем известно], что

[10] РИБ. 2-е изд. СПб., 1909. Т. XIII.

авторство Иоанна Глазатого относится не к истории Казанского царства, а к так называемому отрывку летописи о взятии Казани [11].

Татищев особо отмечает сочинение дьяка Луговского, сообщившего сведения о походах в Польшу и Литву и прочих событиях царствования Алексея Михайловича. Впрочем, он считал, что сочинение Луговского в его время было утеряно: «...книга после Шегловитого была у Автамона Иванова, а ныне где и есть ли список неизвестно, и я, много наведываясь у детей его, отыскать не мог». Ссылка на Автамона Иванова крайне показательна для определения достоверности сведений Татищева. Автамон Иванов был дьяком (позже думным дьяком) в Поместном, Пушкарском, Иноземном и Рейтарском приказах, в Царской мастерской. Это отчасти объясняет близость Автамона Иванова к Луговскому, возможно связанному с последним родственной связью [12].

Из других сочинений, которые были им использованы, Татищев отмечает биографию патриарха Никона с его ответами на суде, записки Сильвестра Медведева, записки Матвеева, Скифскую историю («Скифия») Андрея Лызлова и записки Лихачева с рассказом о жизни царя Федора Алексеевича. Татищев пишет, что эти записки он «у него сам видел и читал, но после нигде достать ея и о ней наведаться не мог». В данном случае Татищев имеет в виду Алексея Тимофеевича Лихачева, возвысившегося при царе Федоре Алексеевиче, в особенности после женитьбы царя на Агафье Семеновне Грушецкой. Лихачев был пожалован в постельничие [13]. А. Т. Лихачев занимался и русской историей, как показывают предисловие к «Степенной книге» со ссылками на древних писателей, русские летописи и пр. [14] Умер Лихачев около 1729 г. в глубокой старости [15] Упоминание о нем вводит нас в общественные круги, близкие Татищеву, с их интересами к русской истории.

В числе источников Татищев отмечает «браки и коронования» разных государей, т. е. чины венчания на царства и свадебные разряды. Перечисление русских источников он заканчивает ссылкой на «Четьи Минеи» и «Прологи», замечая, что такие сочинения надо принимать «с рассуждением».

Крупнейшим древнерусским историком Татищев считал летописца Нестора, которому он посвящает особую главу («О Несторе и его летописи»). Замечания Татищева о Несторе представляют громадный интерес прежде всего уже потому, что Татищев был первым русским историком, который собрал и систематизировал сведения о Несторе, сопоставил их друг с другом и отметил их противоречия.

Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб., 1905, с. 551—556.

[12] *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1936, с. 256.

[13] *Соловьев С. М.* История России, 2-е изд., СПб.: Общественная польза, [б. г.], кн. 3, стб. 822, 867.

[14] *Замысловский Е.* Царствование Феодора Алексеевича. СПб., 1871, Прил., с. XXXV—XLVII.

[15] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, с. 151, 152, прим. 2.

Правда, эти замечания основаны на более поздних произведениях, в частности, на «Печерском Патерике», изданном Петром Могилой в XVII в.[16] Тем не менее они представляют собой значительный интерес и поражают нас своей исторической проницательностью, хотя историки XIX в. с барской пренебрежительностью писали о произведениях Татищева и вздыхали о «несравненном» Шлёцере. Выводы Татищева о Несторовой летописи в некоторых случаях значительно опережают свое время и даже построения историков XIX в. Недаром же один из крупнейших знатоков летописи К. Н. Бестужев-Рюмин старательно собрал воедино показания Татищева, отсутствующие в наших источниках и включенные в его «Историю», доведя свод этих сведений до 1109 г., т. е. до примерного окончания «Повести временных лет»[17].

Нисколько не умаляя значения критической работы Шлёцера о летописи Нестора, мы все-таки еще раз должны отметить, что построения Татищева более близки к нашему времени, чем систематический ученый труд Шлёцера.

Так, Татищев впервые указал на возможное окончание Несторовой летописи под 1093 г., потому что под этим годом стоит слово «аминь», которым обыкновенно заканчивались русские книги. Это, по словам Татищева, сделал Сильвестр, продолжавший Нестора («что и последователь его Сильвестр во окончании своея летописи равномерно положил»). Таким образом, Татищев впервые указал на возможность существования особого летописного свода, кончавшегося 1093 г., что впоследствии с таким успехом доказал А. А. Шахматов.

Татищев указывает и на большие различия между отдельными списками летописи, которые «хотя начало Несторово имеют, но в продолжении ни един з другим точно не сходен, в одном то, в другом другое прибавлено или сокрасчено». При этом Татищев ссылается на Стрыйковского, отмечая, что Стрыйковский «из русских 15 разных летописцев собрал». Он же подчеркивает также, что Длугош и Меховский («Меховий») отмечают не один поход Владимира Святославича на Польшу, что отсутствует в известных нам русских летописях.

При всей краткости замечаний Татищева о Несторовой летописи они представляют собой значительный интерес.

О летописцах, писавших после Нестора, Татищев говорит в 6-й главе («О последовавших Нестору летописателех»). Эта глава очень ценна для понимания того, какими источниками по русской истории обладал Татищев.

Продолжателем Нестора или вторым сочинителем «летописи русской» Татищевым назван Сильвестр, игумен Михайловского Выдубицкого монастыря у Киева. Характерно, что, по Татищеву, на Сильвестра как писателя ссылаются епископ Симон, дьякон Игна-

---

[16] Видимо, речь идет о киевском издании «Печерского Патерика» в 1661 г.

[17] *Бестужев-Рюмин К.* О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, Прил., с. 1—53.

тий и митрополит Киприан. В данном случае мы имеем прямые указания на три источника, которые были у Татищева: «Патерик Печерский», Хождение митрополита Пимена и «Степенная книга». Однако в имеющихся у нас экземплярах «Патерика» и Хождений Пимена указаний на Сильвестра нет. Остается предположить, что Татищев сделал какую-то ошибку или имел под руками особые списки этих произведений с именем Сильвестра.

После Сильвестра, согласно предположению Татищева, работал какой-то «дополнитель» летописи. Он, пишет Татищев, «видимо, что был на Волыни или в Киеве, понеже часто восточную страну Днепра к Чернигову за Киевом и за Днепром имянует». Татищев сообщает интересную деталь об этом «дополнителе» летописи, взятую им из его источников: «Он о себе 1146-м году сказует, что в 1143-м году с Игорем II-м в Володимере в церкви часто певал Он же видимо, что искусен был в живописи, что едва не всех в его время бывших князей лица и возраст описал, что во многих списках пропускано и сокрасчено, но видим многие древние манускрыпты с лицами находятся, и в его время, мнится, инаго писателя не было, ибо во всех, кроме сокрасчений, порядок сказаний един. Сей же как жил на Волыни, все тамошние обстоятельства у него пространнее писаны, а дела Белой Руси некоторые умолчаны...» [18].

Это показание Татищева очень важно для понимания того, какие источники находились под его руками. В частности, оно в какой-то мере снимает с Татищева обвинение в подлогах описаний наружности князей XII в., так как такие описания действительно иногда делались летописцами (см. характеристику Мстислава Тмутараканского под 1036 г.) [19].

Татищев предполагает, что автором дополнительной летописи XII в. был Нифонт, сперва игумен на Волыни, а потом епископ в Новгороде. Причем Татищев тут же отмечает, что житие Нифонта имеется в «Четьих Минеях», но о том, что Нифонт писал летопись, в нем не написано («о истории ничего не упомянуто»). Таким образом, делая предположение о том, что Нифонт был летописцем XII в., Татищев с добросовестностью подлинного ученого отмечает отсутствие указаний на это обстоятельство в источниках.

По смерти Нифонта в 1156 г., согласно Татищеву, «за сим по разным спискам видны разные дополнения по 1203 год». Тем не менее противоречия встречаются редко, «но в порядке дел один то, а другой другое прежде положил или пропустил». И это наблюдение Татищева заслуживает внимания, так как в списках «Повести временных лет» типа Лаврентьевской летописи после 1203 г. (точнее, 1206 г.) идут большие различия.

Летописателем XIII в. Татищев считает епископа Симона, умершего в 1226 г. Свое предположение он подкрепляет различного рода

---

[18] [*Татищев*], с. 122.

[19] «Бе же Мьстислав дебел теломь, чермен лицем, великыма очима» и т. д. (ПВЛ, с. 101).

соображениями, в частности тем, что Симон «жил во время любомудраго государя Константина, котораго он хотя по вражде с его засчитником Георгием III неколико неправо обвиняет, а Егоргия выхваляет, однако ж Константина мудрым, кротким и справедливым нарицает»[20]. Татищеву был доступен какой-то список летописи, приписываемой им Симону. «Сей его или с него список, однако ж, довольно старый, видел я и выписывал у Артемья Волынского, которой кончан разорением Москвы от Тактамыша в 1384-м году»[21]. О манускрипте Симона упоминается и в одном из примечаний к «Истории» по поводу крещения Ольги[22]. Видимо, Татищев переоценил древность этой рукописи.

Взгляд на Симона как на летописца чрезвычайно интересен и заслуживает особого внимания, хотя участие Симона в летописании не может быть пока доказано.

Во времена Симона, по мнению Татищева, «и по другим местам историки были и дела тех времян описывали, понеже некоторые списки во многом с оным разнятся, и многие, чего он не знал, дела в разных летописцах находятся, токмо о творцах неизвестно». Попутно Татищев замечает, что летописец «Голицынской видно, что сочинен на Волыни, Еропкина в Полоцку, Хрусчова в Смоленске и един в Нижнем Новегороде». Здесь особенно ценно определение Голицынского летописца, как составленного на Волыни.

Мы видим, Татищев начертал своего рода схему развития летописания на Руси кончая началом XIII в. Как всякая новая схема, и построения Татищева крайне гадательны, но им нельзя отказать в определенной логике. В частности, Татищев подметил большое значение трудов Нестора и Сильвестра как летописцев. Особенно интересны соображения Татищева о Нифонте и Симоне как летописцах, так как с Нифонтом связаны другие литературные памятники, а Симон славился своей «учительностью».

О добросовестности Татищева как исследователя говорит глава 7-я, в которой идет речь «о списках или манускрыптах, употребленных к сему собранию». Давая общую характеристику летописям (которые историк называет манускриптами), Татищев сообщает, что некоторые из них «доднесь в Библиотеке академической, другие отъискать можно, а иных, чаю, уже достать ненадежно»[23] Давая общую характеристику списков русских, использованных им для истории России, Татищев отмечает, что, кроме Никоновского, «ни един моложе 250 лет видится не был», что, впрочем, явно преувеличено, так как в этом случае все списки летописей, известные Татищеву, надо было бы отнести к XV в. Но это неверно, как видно

---

[20] [*Татищев*], с. 122.

[21] У Татищева ошибка, так как Москва была разорена Тохтамышем в 1382, а не в 1384 г.

[22] История Российская с самых древнейших времен... собранная и описанная... В. Н. Татищевым. М., 1773, кн. 2, прим. 130; см. также прим. 251 и 312.

[23] [*Татищев*], с. 123.

из описания первой из летописей, которая была использована Татищевым. Она названа им Кабинетным списком, так как он получил ее из Кабинета или собственной библиотеки императора Петра I в 1720 г. Манускрипт этот написан был на большой глаженой бумаге в лист («в десть») с миниатюрами и продолжен до 1239 г. Однако раньше текст летописи продолжался и за более позднее время («окончание знатно потеряно»). Летопись начиналась словами: «Времянник русских дей и како Русская земля и князи начаша княжити». Судя по названию, это была летопись относительно позднего состава, типа Никоновской летописи. Употребление в рукописи юсов не может быть принято как указание на особую древность летописца, так как он был написан на бумаге, появившейся в России с конца XIV в. и возобладавшей над пергаменом только в XV в. Ведь юсы (имеется в виду юс большой — ѫ) появляются опять в русской письменности в XVI в., к которому, видимо, и нужно отнести Кабинетную рукопись. Замечательной особенностью этой рукописи являлось то, что она украшена была миниатюрами («с лицами»). Особенностью Кабинетной рукописи было то, что в ней «до времени Егоргиа II весьма кратко писано, а потом пространее и яснее»[24]. В. А. Петров считает, что Кабинетная рукопись может быть отнесена к числу лицевых[25].

В главе 7-й Татищев перечисляет те «летописи или манускрипты», которые он использовал для своей «Истории», давая им соответствующие названия. Таких манускриптов было одиннадцать: Кабинетный, Раскольничий, Радзивилловский, Голицынский, Кирилловский, Новгородский, Псковский, Крекшинский, Никоновский, Нижегородский, Ярославский. Кроме того, в разных местах своего труда Татищев отмечает другие летописи, которыми он пользовался. Из них наибольшее значение имели летописи, хранившиеся в собраниях Волынского, Хрущева и Еропкина, а также Ростовский летописец, почему-то не отмеченный Татищевым в 7-й главе.

Из перечисленных летописей некоторые сохранились до нашего времени и, следовательно, не принадлежат к числу тех источников «Истории Российской», которые могут считаться погибшими или временно утраченными. К числу таких летописей относится прежде всего Радзивилловский список. Ссылки Татищева на этот список не имеют ценности по той причине, что Татищев пользовался копией Радзивилловской летописи, а не ее подлинником. Кирилловский список представлял собою не что иное, как «Степенную книгу» или «Хронограф». По словам Татищева, этот список взят был из Кирилловского монастыря на Белоозере в библиотеку Сената. Следовательно, и этот источник не может быть причислен к числу таких, которые недоступны для нашего пользования, тем более что

---

[24] Там же.

[25] Об этом подробнее см. в кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1956, Вып. 1. [*Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в. Л., 1961, ч. 1, с. 252].

списков «Степенной книги» и «Хронографа» сохранилось множество. Новгородский список передан был Татищевым в Библиотеку Академии наук, где он хранится и до нашего времени. Это известный Академический список Новгородской I летописи младшего извода, очень неточно называемый Татищевым летописью попа Иоанна[26]. Псковский летописец, имевшийся под руками Татищева и доведенный до 1468 г., передан был им также в Библиотеку Академии наук. «Манускрипт Нижегородский» имеет помету Татищева. Это Алатырский список Воскресенской летописи.

Никоновский, или летописец Воскресенского монастыря, судя по описанию Татищева,— это тот самый летописец, который известен и в настоящее время под названием Никоновской летописи[27], или один из его типов. Татищев предполагал, что Никон сам перечернил или велел переписать этот летописец, но это предположение не обосновано, так как список Никоновской летописи, хранившийся в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре, написан был задолго до Никона.

Ярославский список подарен был Татищевым английскому Королевскому собранию, а точная копия его оставлена в Академии наук. По определению Татищева, он был «не весьма старого письма, однако ж не меньше 300 лет», иными словами, он должен был относиться к середине XV в. Список был куплен у разносчика на площади, написан в полдесть (в четвертку), «сначала с юсами» и надписан Иосифом, архимандритом Ярославского монастыря[28]. Для Татищева характерна ссылка на юсы как на доказательство древности рукописи, но эта ссылка ведет нас не к XI, а к XVI в., когда юс большой снова появляется в русских рукописях.

Но в руках Татищева были и такие списки летописей, которые до нашего времени не дошли. Среди них на первом месте можно отметить так называемый Раскольничий летописец. Этот летописец представляет особый интерес, так как в нем имеются такие чтения, какие отсутствуют в других списках летописей, известных в настоящее время. Неизвестно ни имя, ни местожительство того «раскольника», которому принадлежала рукопись. Само слово «раскольник» указывает только на то, что владельцем рукописи был какой-либо старообрядец, а старообрядцы с большой любовью хранили и до сих пор хранят старые русские рукописи. Важно указание на то, что Раскольничий манускрипт был написан на пергамене. Таким образом, мы имеем дело действительно с какой-то древней рукописью, едва ли более поздней, чем XV в., а вероятнее, и более ранней, так как рукопись была с юсами (имеется в виду большой юс). О содержании летописи мы можем сказать с некоторой уверенностью по ее заглавию: «Повесть времянных дей Нестора, чернорисца Феодосиева Печерского монастыря». Такое название с именем Нестора характер-

---

[26] НПЛ, с. 9, 10.
[27] ПСРЛ. СПб., 1862, т. IX, с. VIII—IX.
[28] [*Татищев*], с. 125.

но для списков типа Хлебниковской летописи[29]. Но Раскольничий манускрипт не был летописью типа Хлебниковской, а кончался 1197 г. Непонятно слово «дей» в смысле действия, но оно могло появиться в результате исправлений самого «раскольника», о чем упомипает Татищев.

С большим вероятием можно предполагать, что Раскольничий манускрипт был той самой летописью, вернее, прототипом той летописи, которая нам известна по Ипатьевскому своду, но без его продолжения (Галицко-Волынской летописи за XIII в.). Однако это была не летопись, подобная Ипатьевской, а особый список летописи, предшествовавший Ипатьевскому своду. Этим объясняются близкое сходство многих известий «Истории Российской» с известиями Ипатьевской летописи, а также те добавления, которые имеются в тексте Татищева и которые отсутствуют в Ипатьевской летописи. Значение этих известий не приходится преуменьшать, так как перед нами остаток очень древней традиции, только отчасти дошедшей до нас в Ипатьевской летописи и переданной в более полном виде в «Истории Российской». Это обстоятельство придает громадное значение второй и третьей книгам «Истории Российской» как источнику по истории Киевской Руси XI—XII вв. Напомним, что в Ипатьевском своде описание киевских и волынских событий XII в. или Киевская летопись XII в. оканчиваются почти там же, где и в Раскольничьей летописи, на 1199 г., после чего следует слово о каменной стене под Выдубицкой церковью.

Ссылки на Раскольничью летопись делались Татищевым неоднократно в его примечаниях. Они позволяют установить ряд замечательных особенностей этой не дошедшей до нас летописи, являющейся важным звеном в истории русского летописания.

Отметим несколько особенностей Раскольничьего списка, на которые указывал Татищев. Так, Татищев говорит, что рождение Игорево отмечено только в Раскольничьем списке и годы положены в нем «три споряд» — 873, 874, 875[30]. В Раскольничьем списке Олег назван «вуем Игорю», т. е. дядей Игоря[31], а княгиня Ольга показана происшедшей из Изборска. В этом же списке находится известие, помещенное под 964 г. (6472), о том, что Ольга уничтожила «княжее, а уложила брать от жениха по черне куне как князю, так боярину, от его подданного». Слово «подданный» в устах Татищева, как правило, обозначает холопа или смерда. Нет никакого основания предполагать, что Татищев по неизвестной причине выдумал это известие. В Раскольничьем списке отмечено, что Ярославу было 38 лет, когда он изгнал Святополка и сел на престоле в Киеве[32]. Только в одном Раскольничьем летописце есть указание на то, что жена Рости-

---

[29] «Повесть временных лет Нестера, черноризца Федосьева манастыря Печерьского» (ИЛ, с. 1, варианты).

[30] См.: История Российская..., кн. 2, прим. 60.

Там же, прим. 61.

[32] Там же, прим. 220.

слава Всеволодовича была венгерской княжной и пр. Дело будущих исследователей установить все особенности Раскольничьего списка.

Замечательной особенностью «Истории Российской» является то, что в ней использованы несколько списков, связанных с летописанием XII—XIII вв. в южной Руси. Действительно, читая Татищевский свод, мы в состоянии будем выделить ряд известий, которые отсутствуют в Ипатьевской летописи, но являются явным продолжением ее рассказов. Между тем сколько-нибудь вдумчивый исследователь легко заметит, что Ипатьевский свод в отдельных местах имеет сокращения, особенно при изложении событий XII в. В «Истории Российской» мы найдем как бы продолжение рассказа о событиях, иногда сокращенных в Ипатьевской летописи. И в этом отношении Татищевский свод летописей за X—XII вв. имеет громадное значение. Недаром и сам Татищев, как мы видели, особо отмечает известия, записанные на Волыни. Представить же себе дело таким образом, что Татищев правильно передавал текст Ипатьевской летописи, а затем неожиданно, по какой-то причине, выдумывал отдельные известия, имеющие полнейшее правдоподобие, совершенно невозможно. Отметим хотя бы то обстоятельство, что Татищев дает дополнительные сведения о походе Игоря Святославича против половцев в 1185 г., на что указано в книге В. Г. Федорова [33]. Эти дополнения странно считать выдумкой, так как во времена Татищева не было известно «Слово о полку Игореве», не возникало никаких споров, да и не могло возникнуть, вокруг этого неизвестного тогда произведения. Какая же цель была Татищеву выдумывать новые известия о тысяцком Рагуиле.

К счастью, Татищев дает нам возможность установить, что, кроме Раскольничьего списка, в его руках был и Голицынский манускрипт. По словам Татищева, он был написан «белорусским» письмом, под которым Татищев понимал белорусско-украинскую скоропись XV—XVI вв. Заглавие летописи было такое же, как в Раскольничьей («надписание имеет равно второму»). Известия в списке кончались на 1198 г., «но окончание его утрачено, а потом 19 лет спустя нечто непорядочно и новейшее лет 50 спустя внесено». Следовательно, это был какой-то летописец, доведенный до конца XII в. и носивший такое же заглавие, как Раскольничий («Повесть временных дей Нестора, чернорисца Феодосиева Печерского монастыря»).

Точное сличение Татищевского летописного свода с Ипатьевской летописью поможет установить, где кончался Голицынский летописец.

Среди летописцев или манускриптов, использованных Татищевым для «Истории Российской», в «Предъизвесчении» им не назван Ростовский список, тогда как в примечаниях к «Истории» Ростовская летопись упоминается неоднократно как один из важнейших источников, использованных Татищевым. О Ростовской летописи Татищев говорит и в подготовленном им издании Русской Правды и

[33] *Федоров В. Г.* Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956.

Судебника[34]. Свое название эта летопись получила от того, что она принадлежала раньше ростовскому Богоявленскому Авраамиеву монастырю, но Татищев приписывал ее составление самому Авраамию Ростовскому. Судя по выпискам, сделанным Татищевым, эта летопись примыкала к числу Новгородских[35].

Особый интерес Ростовская летопись представляет по той причине, что в ней была помещена Русская Правда с дополнительной статьей. Отнесение Ростовской летописи к числу Новгородских объясняет нам, почему в этой летописи оказалась краткая редакция Русской Правды. Каким образом попала эта летопись в Ростов, неизвестно, но связи между Богоявленским Авраамиевым монастырем в Ростове и Великим Новгородом существовали, как это видно из особых редакций жития Авраамия Ростовского.

Из всех источников «Истории Российской» наибольшее количество сомнений вызвала так называемая Иоакимовская летопись. Ей отведена особая 4-я глава («О истории Иоакима епископа новогородскаго»). После большой и убедительной статьи С. К. Шамбинаго о Иоакимовской летописи нет нужды доказывать, что эта летопись была особым произведением, отнюдь не выдуманным Татищевым и примыкающим к семье легендарных сказаний о начале Руси, которые в большом количестве появлялись в России, на Украине и в Белоруссии в XVII в.[36]

Доказательством подлинности этого произведения могут явиться замечания самого Татищева о том, как им была найдена Иоакимовская летопись: «Снискание мое к сочинению полной и ясной древней истории понуждало меня искать всюду полнейших манускриптов для списания или прочитания. Междо многими людьми и местами, где оных чаял, просил я ближнего моего свойственника Мелхиседека Борсчова (которой по многим монастырям игуменом, наконец, архимандритом Бизюкова монастыря был), чтоб мне дал обстоятельное известие, где какие древние истории в книгохранительницах находятся, а ежели в Бизюкове монастыре есть, то б прислал мне для просмотрения, ибо я ведал, что он в книгах мало знал и меньше охоты к ним имел». Мелхиседек Борщов сообщил, что в Бизюкове монастыре нет никаких старых рукописей, но сослался на некоего монаха Вениамина, который «по многим монастырям и домам ездил, немало книг русских и польских собрал». Сам Татищев, впрочем, замечает, что Вениамин, по его мнению, «токмо для закрытия вымышлен». Однако никаких доказательств того, что Вениамин был выдуман Борщовым для сокрытия истинного автора, Татищевым не приводится, а из сообщений самого Татищева отнюдь не вытекает, что Вениамин был монахом Бизюкова монастыря, хотя в Бизюкове монастыре действительно находился какой-то другой монах Вениамин «за казначея».

---

[34] Продолжение Древнейшей Российской Вивлиофики. СПб., 1786. Ч. I, содержащая Правду Русскую и Судебник.

[35] История Российская..., кн. 2, прим. 101 и 389.

[36] *Шамбинаго С. К.* Иоакимовская летопись.— ИЗ, 1947, т. 21, с. 254—270.

Татищев дает очень важное указание на то, что Иоакимовская летопись была списана Мелхиседеком в Сибири. Рукопись была не в переплете, но «тетради были связаны и обернуты кожей». Сам Татищев тут же добавляет, что сей архимандрит, «яко мало грамоте умеюсчий, сего не сложил, да и сложить все неудобно, ибо требуется к тому человека многих древних книг читателя и в языке греческом искуснаго». В этих словах некоторые историки как раз и готовы были видеть доказательство того, что Иоакимовская летопись выдумана Татищевым. Между тем вся история с Мелхиседеком предстанет перед нами в несколько ином виде, если мы вспомним о том, что, по словам Татищева, после смерти Мелхиседека его пожитки были опечатаны, а келейник покойного игумена скрылся. По-видимому, история с Мелхиседеком была типичной историей середины XVIII в. Мелхиседек, возможно, был заподозрен в каких-нибудь действиях, направленных против правительства (по Татищеву, игумен умер в сентябре 1748 г.). Живший в постоянном страхе перед возможными преследованиями, Мелхиседек хранил при себе список Иоакимовской летописи, но, опасаясь какого-либо подозрения, тщательно скрывал ее во избежание недоразумений.

К счастью, Татищев сохранил нам описание этой летописи, которое само по себе уже снимает с него обвинение в подлогах. Вот что пишет Татищев: «Сии тетради видно, что из книги сшитой выняты, по разметке 4, 5 и 6-я, письмо новое, но худое, склад старой, смешенной с новым, но самой простой и наречие новогородское. Начало видимо, что писано о народах, как у Нестора, с изъяснениями из польских, но много весьма неправильно, яко славян сарматами и сарматские народы славянами именовал и не в тех местех, где надлежало, клал, в чем он, веря польским, обманулся. По окончании же описания народов и их поступков зачал то писать, чего у Нестора нет, из которых я выбрал токмо то, что у Нестора не находится или здесь иначей положено, как следует».

Если стать на точку зрения тех историков, которые обвиняют Татищева в сознательном подлоге, то остается совершенно непонятным, зачем Татищеву понадобилось умалять значение этой летописи ссылками на то, что она была написана новым худым письмом и новгородским наречием. Зачем понадобилось для него отмечать близкое сходство известий Иоакимовской летописи с известиями польских авторов, которых Татищев неоднократно обвиняет в баснословии? Все это становится понятным только тогда, когда мы допустим возможность уверенности Татищева в правильности известий Иоакимовской летописи, которых он не нашел в «Повести временных лет». Авторитет же новгородского «святителя» Иоакима, о котором точно известно по другим источникам, как о деятеле конца X — начала XI в., как бы осветил для Татищева показания найденной им летописи. Да и можно ли обвинять историка первой половины XVIII в. в том, что он поверил Иоакимовской летописи, когда даже в наши дни находятся авторы, которые ищут в баснословных сказаниях ростовского Артынова подлинное отражение действительных событий чуть ли не киев-

ского времени. А ведь Иоакимовская летопись все-таки имеет видимость правдоподобия по сравнению с произведениями Артынова, который, попросту говоря, сочинял в XIX в. сказки о древностях Ростова.

Что же собой представляла Иоакимовская летопись?

Нет никакого сомнения, что эта летопись была сочинена каким-то довольно образованным автором, использовавшим источники различного характера. Этот автор в сущности поступал так же, как делали другие его современники, превращая названия городов в собственные имена и не стесняясь выдумывать различного рода названия местностей и личные прозвища на основании собственных домыслов. Сошлемся хотя бы на так называемый «Кроник Псковский», рукопись которого имеется в Историческом музее. В этом «Кронике» многие названия взяты от местных урочищ. Так поступают и в настоящее время некоторые краеведы, стремящиеся к тому, чтобы ясное свидетельство источников заменять различного рода домыслами. Напомним хотя бы сказание о том, что в городе Перемышле при Владимире Святославиче впервые было изобретено книгопечатание, — сказание, сочиненное в XVI—XVII вв. в Речи Посполитой. Ведь нашлись же и в нашей литературе люди, которые на основании этого сказания стали говорить о приоритете Руси в изобретении книгопечатания задолго до Гутенберга.

В XVII в. количество различного рода легендарных сказаний было очень большим. Особенно их много вошло в западнорусские сочинения. Такова, например, Густынская летопись, изданная в «Полном собрании русских летописей» (т. II [СПб., 1843]). Но это произведение отличается значительно меньшим размахом в смысле изобретения различного рода фактов по сравнению с теми сказаниями, которые собраны были, например, Ф. Гиляровым-Платоновым в его издании «Предания русской начальной летописи» [М., 1878] [37]. А ведь на основании одного из этих преданий такой замечательный знаток русской письменности, каким был покойный А. А. Шахматов, написал целую страницу в «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах»[38]. Как же можно обвинять историка первой половины XVIII в. в том, что он поддался авторитету воображаемого Иоакима, жившего еще во времена крещения Руси.

Отметим здесь же и такое полулегендарное произведение, каким является «Времянник Русский», известный по целому ряду рукописей XVII в. В этом произведении приводится очень складно составленный в XVII в. по более ранним летописям рассказ о событиях русской истории с древнейшего времени. Начинается летописец с известий об Ольге и Святославе, заканчивается известием о смерти царя Федора Ивановича. В нем имеются подробности о крещении Руси, об

[37] Сборник с легендами о Славене и Русе имеется в Историческом музее в Москве (см.: *Тихомиров М. Н.* Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания.— ИЗ, 1942, т. 13, с. 256—283).

[38] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 375 (о городе Колец и Колческе).

училищах при Владимире и т. д.[39] Времянник составлен был в Москве.

Следует заранее предупредить, что это произведение не надо путать, как это делает С. Н. Азбелев, с «Русским Времянником», давно уже опубликованным[40]. Нельзя не пожалеть, что непродуманное замечание Азбелева, который по недостатку знаний не различает два произведения, сходные по названию и совершенно различные по содержанию и происхождению, появилось в таком авторитетном органе, каким являются «Известия Отделения литературы и языка АН СССР», да еще в нравоучительной форме опровержения чужих (в данном случае точных) ссылок, в форме, которая заставит исследователей, мало знающих русское летописание, поверить в идентичность «Времянника Русского» и «Русского Времянника», несмотря на различие в их названиях и содержании[41].

В. Н. Татищев передал содержание Иоакимовской летописи довольно подробно. Это избавляет нас от необходимости анализировать содержание этой летописи, которая не может быть источником для каких-либо построений по истории древней Руси, но является прекрасным произведением, характеризующим русскую историографию XVII в. Татищев нередко склонялся в пользу известий Иоакимовской летописи.

Подводя общие итоги выяснению вопроса о русских источниках, на основании которых была написана «История Российская», мы можем с уверенностью сказать, что в руках Татищева находились некоторые источники, не дошедшие до нашего времени или, по крайней мере, еще не открытые нашими учеными в архивах и библиотеках. К их числу принадлежали в первую очередь летописи, написанные в южной Руси, в особенности ценные для истории Руси в XI—XII вв. Летописный свод, составленный Татищевым, дает довольно близкое понятие об этих источниках, неизвестных в настоящее время. Поэтому две книги труда Татищева, посвященные истории России в IX—XII вв., являются важнейшим первоисточником, без особого основания отбрасываемым в сторону нашими историками.

Что касается других нелетописных источников сочинений Татищева, то из них важнейшее значение имеет Русская Правда. Она напечатана была после смерти Татищева по Академическому списку, но с вариантами по утраченному Ростовскому списку. Особенное внимание следует обратить на те источники более позднего периода XIV—XVI вв., которые относятся к истории Поволжья и Сибири, так как Татищев пользовался Казанскими и Астраханскими архивами, не дошедшими до нашего времени.

По счастливой случайности Татищев видел как раз те материалы, которые не сохранились до нашего времени, и в этом отношении его труд имеет несравнимо бо́льшие преимущества как первоисточник,

[39] В Историческом музее в Москве имеются такие рукописи: Барс. № 1789, Заб. № 261(503), Чертк. № 431, Муз. № 1473.

[40] Руский Времянник, сиречь Летописец, содержащий Российскую историю..., разделенный на две части. М., 1820.

[41] Изв. ОЛЯ АН СССР, 1956, т. XV, вып. 6, с. 545.

чем труд Карамзина, почти целиком (за исключением Троицкой пергаменной летописи) основанный на источниках, сохранившихся в наших архивах.

Конечно, «История Российская», написанная Татищевым, не может принадлежать к числу источников, которым можно верить без оглядки. Всякое высказывание Татищева подлежит той или иной проверке. Некоторые из этих высказываний должны быть отвергнуты, в особенности те, которые помещены в «Истории Российской» в виде дополнительных рассуждений в тексте или примечаниях. Но ведь такой же критический подход мыслящие историки должны проявлять ко всякому историческому произведению, так как возможность ошибок, недомолвок, описок и просто неверных выводов не исключена для любого произведения; тем более такие ошибки понятны в труде, написанном 200 лет тому назад.

«История Российская» Татищева представляет собой крупнейший памятник русской историографии, и к Василию Никитичу Татищеву вполне можно применить его же собственные слова, что он составил свой труд «к славе и чести любезного Отечества».

«СПИСОК РУССКИХ ГОРОДОВ ДАЛЬНИХ И БЛИЖНИХ»

История русской географической науки до настоящего времени разработана еще очень слабо, хотя она имеет колоссальное значение для исторической географии СССР и всего мира. Первым русским географическим трудом является обзор стран и народов, помещенный в самом начале «Повести временных лет». Этот обзор обширнейших областей Европы и Азии был составлен в XI в. на основании различных произведений, русских и иностранных. Широко известна «Книга Большому чертежу», неоднократно переделывавшаяся и пополнявшаяся в XVI—XVII вв. Названные русские географические произведения стоят выше западноевропейских и восточных свидетельств о географии Восточной Европы и Западной Сибири, обычно запутанных и противоречивых.

В золотой фонд замечательных русских географических произведений должен войти и «Список русских городов дальних и ближних», как он называется в рукописях. «Список» до сих пор еще почти не изучен, несмотря на то, что он обнаруживает хорошую осведомленность в географии значительной части Восточной Европы XIV в. В исторической литературе господствует мнение о недостоверности и компилятивности «Списка» городов, которое повторяется без всякой проверки со времен Н. М. Карамзина. Между тем специальное изучение «Списка» показывает его крупное значение как географического источника. Так, оказывается, что подавляющее количество городов,

перечисленных в «Списке», действительно существовало в XIV—XV вв., причем эти города могут быть нанесены на современную карту. Особенно поражает хорошая осведомленность автора «Списка» в топографии некоторых городов, для которых отмечены их укрепления и каменные соборы. Работа по нанесению на карту показаний «Списка» не может считаться окончательно завершенной, так как местоположение некоторых городов осталось неустановленным, но и в настоящем своем виде карта русских городов, «дальних и ближних», надо надеяться, окажется полезной при исторических и историко-географических изысканиях. В частности, устанавливается большое количество уже погибших городов, которые могут сделаться предметом археологических исследований [1].

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ «СПИСКА РУССКИХ ГОРОДОВ»

«Список русских городов» помещается обычно в летописях и сборниках XV—XVII вв. в виде особой статьи под названием: «А се имена всем градом Русским дальним и ближним» [2]. В этой статье дается перечисление русских городов, иногда с краткими пояснениями, сколько в них каменных стен и на какой реке они стоят. Перечисление ведется в определенном порядке — с юга на север. Вначале указываются болгарские и волошские города, далее польские, киевские, волынские, литовские, смоленские и залесские, всего 358 городов. «Список русских городов» помещен уже в рукописях XV в., следовательно, предшествует по времени известной «Книге Большому чертежу» по крайней мере на полтора столетия, представляя собой значительный историко-географический интерес.

Историческая литература неоднократно пользовалась «Списком» в качестве исторического источника, однако серьезного анализа «Списка» как исторического источника по существу не производилось. С легкой руки Карамзина почти все историки относились к известиям «Списка» с недоверием, полагая, что в нем смешаны самые различные эпохи. Основанием для такого заключения служили упоминания в «Списке» некоторых мелких городов, известных по летописным свидетельствам XI—XIII вв., а также целого ряда городов вовсе неизвестных. Тем самым «Списку» придавалось значение литературного памятника, основанного на письменных свидетельствах, а не географического произведения, отражающего определенное время в истории русских городов.

Особое мнение высказал только З. Я. Ходаковский, но его мнение не утвердилось в исторической литературе, главным образом ввиду недоверия к другим выводам этого же автора. Ходаковский считал, что первоначальное составление «Списка русских городов» следует

[1] Автор приносит благодарность М. Н. Кислову, принявшему на себя оформление карт для статьи, а также В. К. Яцунскому и И. А. Голубцову за их ценные указания и поправки.

[2] НПЛ, с. 475—477.

отнести ко времени Витовта или к 1430 г. по следующим основаниям: «1) Задунайская страна подпала вторжению Турок и не знала утвержденной власти, Валахия была под покровительством Литовско-Русского в(еликого) князя Витовта. Сочинитель по таким причинам совокупил все в один состав под названием *всех градов Русских* дальных и ближних... 2) Тогда Подольские городы были отторгнуты от литовского правления и подчинены коронным конституциям, или латинскому языку... и потому у сочинителя называются: *Польскыи* грады. 3) Тогда Смоленское княжество, также Мченск, Карачев, Воротынск, Оболенск, Шернск и прочие Вятические города по Оку и Угру, покорены Витовтом, и с 1396 г. и принадлежали Литве» [3].

Ходаковский удачно подметил некоторые особенности «Списка русских городов», но недостаточно обосновал свои выводы, что вполне понятно, если принять во внимание слабую разработанность истории Великого княжества Литовского и придунайских стран в его время. Тем не менее общее направление рассуждений Ходаковского можно считать правильным, так как в основу их положено представление о «Списке русских городов» как об историко-географическом сочинении XV в., отражающем географию именно этого времени.

Действительно, тщательное изучение «Списка русских городов» показывает, что мы имеем в нем произведение конца XIV или начала XV в., ставящее своей задачей дать краткое перечисление, иногда с пояснительными замечаниями, русских городов того времени. Точность и большое историко-географическое значение «Списка» будет нами проверено на конкретном изучении его показаний. Здесь мы отметим только, что из 358 городов «Списка» на современной карте может быть показано местоположение 304 городов, следовательно, 85% общего числа поселений, указанных в «Списке». При этом количество городов, местоположение которых пока еще не может быть установлено, непрерывно уменьшается. Дальнейшие изыскания в этой области, несомненно, покажут еще большую достоверность «Списка» как источника по географии конца XIV — начала XV в.

Время составления «Списка» определяется прежде всего тем, что он дошел до нас в рукописи середины XV в. Следовательно, он возник не позже первой половины этого столетия. Более точные данные о времени возникновения «Списка» мы получаем из анализа его содержания. В числе городов «Списка» отдельно показаны города болгарские и волошские (молдавские), которые причислены к русским городам. Среди болгарских городов указаны Тернов или Тырнов, столица Второго Болгарского царства, а также Видичев или Видин на Дунае. Взятие Тырнова турками произошло в 1393 г., а Видина — в 1398 г., но завоевание Болгарии турками в это время было еще очень непрочным. Тырнов и Видин, возможно, сохранили особых князей и после указанных дат, подчиняясь волошскому господарю Мирче. По крайней мере, Мирча называет себя в грамотах деспотом Добруджи и гос-

[3] Историческая система Ходаковского.— Русский исторический сборник, 1838, т. I, кн. 3, с. 97—99.

подарем Дрестра[4]. Этот титул в еще более расширенной форме он повторяет в 1399 г.: «господствующу всей земли — Угровлахийской и Запланинским странам и оба пола по всему Подунавиу даже и до великого море и Дрестру граду владалец». Титул «оба пола по всему Подунавиу даже и до великого море и Дрестру граду самодръжец» повторен Мирчей в грамоте 1406 г.[5]

Болгарский историк Д. Крънджалов в своей работе о Мирче доказывает, что Мирча владел Добруджей дважды: впервые между 1390 и 1391 гг., второй раз — в 1406—1415 гг., может быть, даже до 1417 г. Объединение болгарских и волошских городов, следовательно, имело место в совершенно определенное время — в конце XIV или начале XV в. Придунайские города вплоть до моря, «даже и до великого моря», входили в область, подчиненную господарю Мирче. Этот момент и отражен в «Списке русских городов», перечисляющем болгарские и волошские города по эту (понимается северная) и по другую сторону Дуная, что соответствует титулу Мирчи в его грамотах: «оба пола по всему Подунавиу»[6].

Составление «Списка русских городов», несомненно, относится к первому, а не ко второму периоду господства Мирчи над Добруджей, т. е. к 1390—1391 гг., так как в числе болгарских городов еще указаны Тырнов и Видин. Распространение волошских монет этого времени в таких городах, как Силистрия или Дрестр, Экрене (Карна) и другие, может считаться также указанием на время, когда названные города находились под господством Мирчи. А это подтверждает достоверность списка волошских и болгарских городов, в число которых включены Дрестр и Карна с некоторыми другими городами по одну и по другую сторону Дуная.

Конец XIV в. может считаться временем возникновения «Списка русских городов» и по другим наблюдениям. В «Списке» отдельно показаны города польские, волынские, киевские, литовские и смоленские. Следовательно, перед нами еще время, когда Великое княжество Литовское не окончательно установило свою власть над Украиной и Белоруссией, когда волынские, киевские и смоленские города сохраняли еще некоторую самостоятельность. Напомним, что Смоленск окончательно был захвачен литовским великим князем Витовтом в 1404 г. Более глубокие исследования в этой области могут быть сделаны специалистами по истории Великого княжества Литовского, пока же отметим, что название «польские города» не обязательно надо считать, как думал Ходаковский, городами, перешедшими к Польше после Витовта. Возможно, слово «польский» является искажением названия «подольский» от Подолии; кроме того, слова «польские города» могли означать города, лежавшие в поле, т. е. в степи.

---

[4] *Иречек К. И.* История болгар. Одесса, 1878, с. 449—460.

[5] Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, собранные и объясненные Ю. Венелиным. СПб., 1840, с. 18, 22.

[6] *Крънджалов Д.* Влашкият князь Мирчо и Добруджа според неговите грамоти. София, 1946.

Более полные указания на время составления «Списка русских городов» обнаруживаются в самом тексте памятника. В числе залесских городов с каменными укреплениями показана Москва. Каменный же Кремль в Москве был построен в 1367 г.[7] В Пскове указаны 4 каменные стены. Четвертая стена в Пскове была построена в 1380 г. («...псковичи заложиша 4-ю стену камену, от Псковы рекы до Велики рекы»[8]). В числе каменных городов в отрывке указан «Яма камен на Луге», обнесенный каменной стеной только в 1384 г.[9] Каменный город Порхов был поставлен в 1387 г. («поставиша город Порхов камен»)[10].

Таким образом, «Список русских городов» в известном нам виде возник не ранее конца XIV в., точнее, не ранее 1387 г. Так устанавливается то время, ранее которого «Список» не мог возникнуть.

Но в рассматриваемом памятнике можно найти и указания на то время, позже которого он не мог возникнуть. Этим временем является начало XV в. Так, в «Списке» среди псковских городов нет указаний на Опочку, о построении которой говорится в летописи под 1414 г.: «Псковичи поставиша город над Великою рекою, и нарекоша имя ему Опочка»[11]. Между тем в «Списке» городов указан город Коложе, до основания разоренный Витовтом в 1406 г. и далее исчезающий из наших документов[12].

На конец XIV в. как на время возникновения «Списка русских городов» указывает еще одна его особенность — перечисление под рубрикой городов «волынских» не только собственно волынских, но и турово-пинских и галицких городов отдельно от литовских. Это может служить указанием на то время, когда волынские и галицкие города представлялись еще как единое целое[13].

Города киевские и смоленские также показаны в списке отдельно от литовских. Эти особенности «Списка русских городов» должны быть отнесены к определенному времени. Таким временем можно считать конец XIV в., когда литовским великим князем был Витовт, а польским королем — Ягайло. Киевское княжество составляло особое владение литовского князя Скиргайло, называвшего себя по договору 1392 г. титулом «великого князя Русского». Скиргайло умер около 1395 г., в этом же году войска Витовта в первый раз захватили Смоленск[14]. Галицко-волынские города к этому времени вновь подпали под господство Польши, тогда как Подолия («польские города»

---

[7] ПСРЛ. СПб., 1913, т. XVIII, с. 106.

[8] Псковские летописи. М.; Л., 1941, вып. 1, с. 23. В Псковской 2-й летописи четвертая стена отнесена к 1375 г. (ПСРЛ. СПб., 1851, т. V, с. 16).

[9] «Поставиша новгородци город камен на Луге, на Яме» (НПЛ, с. 379).

[10] Там же, с. 381.

[11] Псковские летописи, вып. 1, с. 33.

[12] НПЛ, с. 398.

[13] См. карты к статье: *Шолкович С. В.* О границах польской короны и Великого княжества Литовско-Русского.— В кн.: Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые П. Н. Батюшковым. СПб., 1885, вып. VIII. Холмская Русь, с. 7—80 (далее — *Шолкович С. В.* О границах...).

[14] *Иловайский Д.* История России. М., 1896, т. II, с. 178—179.

нашего «Списка») составляла особое владение, за обладание которым шел спор между Польшей и Великим княжеством Литовским.

Таким образом, время возникновения «Списка русских городов» правильнее всего относить к концу XIV в. Он возник позже 1387 г. (построения каменной крепости в Порхове) и до 1406 г. (разорения Коложе), вернее же всего, между 1387 и 1392 гг. Деление списка на города волошские и болгарские, волынские, подольские, киевские, литовские, смоленские, рязанские и залесские вполне правильно отражает политическое деление Восточной Европы, которая включала в себя «русские» города, т. е. города, населенные русскими, украинцами, белорусами, молдаванами, болгарами, в некоторых случаях со смешанным населением из белорусов и литовцев.

Автор «Списка русских городов» был, несомненно, русским, что доказывается прежде всего правописанием «Списка». На это же указывает особенно точное перечисление залесских и рязанских городов, а также большое внимание, уделенное городам черниговским, которые показаны под общей рубрикой киевских городов. Очень подробно указаны города, лежавшие на восточной окраине Великого княжества Литовского, вследствие чего они названы литовскими. Характерно, что города, населенные только литовцами, совершенно пропущены в «Списке», так как они не подходили к общему понятию русских. Нет даже таких литовских городов, как Биржи, Кейданы, Шавли, тогда как Вильна и Троки с их смешанным литовским и белорусским населением показаны в списке. Следовательно, в основу определения того, что́ считать русскими городами, был положен принцип языка. Молдавские (волошские) города вошли в «Список» вместе с русскими, украинскими и белорусскими ввиду общности того языка, на котором велась письменность Молдавии и Валахии в средневековье. Собственно литовские и польские города в «Список» не вошли по этой же причине[15] Таким образом, налицо попытка дать географию городов в русских землях в широком понимании этого слова, что отражает представление автора «Списка русских городов» о единстве русских, украинцев, белорусов, молдаван, болгар. Уже эта замечательная особенность «Списка русских городов» должна привлечь к нему большое внимание. Следовательно, «Список» интересен не только как ранний историко-географический документ, но и как памятник, доказывающий, что уже в начале XV в. существовало представление об единстве «Русской земли», сознание связи русских с балканскими славянами и с молдаванами, употреблявшими в это время в письменности славянский язык.

Древнейший «Список русских городов» помещен в Новгородской I летописи младшего извода, значит, сохранился в новгородской рукописи. «Список» городов в Ермолинской летописи, близкий по времени к Новгородской I летописи, также сохранил в передаче названий

[15] См. обзор литовских областей в кн.: *Любавский М.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892, очерк II (далее — *Любавский М.* Областное деление...).

городов следы новгородского произношения. Новгородские города с особенной полнотой и точностью указаны в списке. Так, в нем отмечена София Новгородская о шести верхах, каменный детинец в Новгороде, деревянный большой город Новгорода, даже то, что этот город стоит на Волхове и Ильмени. Это можно сопоставить с краткими обозначениями остальных залесских городов, лежавших в междуречье Оки и Волги. Там находим только сухое перечисление городов и отметку, что Москва была городом каменным. Пропущен даже такой крупный город, как Углич. В связи с этим можно предполагать, что и «Список русских городов» возник в Новгороде между 1387 и 1392 гг., возможно, в торговых кругах, близко связанных постоянными торговыми поездками с различными городами в русских княжествах и Великом княжестве Литовском. В хождениях Зосимы и Агрефения конца XIV—XV в. находим точные указания на количество верст от Великого Новгорода до Великих Лук, Витебска, Друцка, Слуцка, Белгорода на Черном море, вплоть до Царьграда, по приведенному и другим маршрутам[16] Источниками для паломников должны были служить дорожники или списки населенных пунктов, подобные нашему «Списку русских городов дальних и ближних». Такой дорожник путей на Печору приведен, например, в известной книге Герберштейна [*Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908].

Такие дорожники могли служить источниками при составлении «Списка русских городов». К их числу принадлежали и некоторые произведения не новгородского происхождения. На источник нерусского происхождения указывает заголовок «А се Киевьскыи гроди». Слово «гроди» для обозначения городов постоянно встречается в документах Великого княжества Литовского; поэтому можно думать, что составитель «Списка» использовал некоторые письменные материалы украинского или русского происхождения. К числу таких материалов могли принадлежать различного рода «хождения». На это указывает особый интерес «Списка» к мощам святых (в Тырнове «лежить святая Пятница», в Самборе — святой Ануфрий; в Киеве указаны Десятинная церковь и София и т. д.).

Не лишено вероятности предположение, что «Список русских городов» первоначально сопровождался чертежом, подобно более поздней «Книге Большому чертежу», являясь своего рода пояснением к чертежу или карте. На это указывает некоторый порядок, сохраняемый в «Списке» при перечислении различных городов. Так, города киевские описаны в три приема: вначале говорится о городах собственно киевских, далее — о городах черниговских, в конце — о городах, расположенных по Припяти и Среднему Днепру. Перечисляя болгарские и волошские города, «Список» указывает, «какие из них лежали» по ону (по другую) сторону Дуная, а какие — «на сей стороне Дунаа». При перечислении киевских городов делаются указания на реки, у которых стоят города: «А на Суле: Снепород, Скня-

[16] Православный палестинский сборник. СПб., 1896, т. XVI, вып. 3 (хождение Агрефения, 1370 г.; сказание Епифания и др.).

тин, Грошин» и т. д., причем все эти города действительно оказываются стоящими на Суле. Такой способ перечисления позволяет предполагать, что составитель списка пользовался чертежом, где города были показаны на определенных точках, что позволяло называть их целыми группами, имея ориентиром течение реки.

На таких картах, как известно, север обозначался внизу, а юг — вверху. Этим можно объяснить то обстоятельство, что список начинается перечислением городов с юга, а не с севера. Против «литовского» происхождения «Списка» говорят большие неточности в обозначении отдельных городов Великого княжества Литовского.

Составитель «Списка» под городом понимал укрепленное место. Поэтому он особо отмечает существование каменных укреплений: Видичев «о седми стенах каменных», в Вильно — 4 стены деревянные и 2 каменные и т. д. Это объясняет нам присутствие в списке множества мелких городков и возможное отсутствие относительно значительных неукрепленных поселений, которые составитель не причислял к городам.

«Список русских городов дальних и ближних» — замечательный историко-географический памятник XIV в., который до настоящего времени находился в забвении и пренебрежении только потому, что историки не дали себе труда исследовать его в целом виде, а пользовались им отрывочно, составив заранее неправильное представление о его недостоверности.

2. СПИСКИ ПАМЯТНИКА И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Древнейший «Список русских городов» помещен уже в дополнительных статьях Археографического списка Новгородской I летописи младшего извода середины XV в.[17] Более поздние списки этой же статьи довольно многочисленны; важнейшими из них являются списки, помещенные в Воскресенской и Ермолинской летописях[18]. Ермолинская летопись написана также в XV в., но в конце столетия. Воскресенская — в XVI в. Все эти списки, как и многие другие, имеющиеся в летописях и рукописных сборниках, восходят к одному общему протографу и отличаются только в деталях. Однако можно с большой определенностью сказать, что «Список» городов в Ермолинской летописи не зависит от «Списка городов» в Новгородской I летописи, а восходит вместе с ним к общему оригиналу, тогда как текст «Списка» в Воскресенской летописи ясно связан с текстом Ермолинской.

Несколько иной характер имеет «Список русских городов» в сборнике Новгородского Софийского собора 1602 г., отрывки из которого опубликованы И. И. Срезневским[19]. Этот список отличается значительно большей полнотой, чем остальные. В частности, в кон-

[17] НПЛ, с. 475—477.

[18] ПСРЛ. СПб., 1856, т. VII, с. 240—241; СПб., 1910, т. XXIII, с. 163—164.

[19] *Срезневский И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867, с. 95—100.

це его помещено перечисление тверских городов, отсутствующее в других списках («Тверские: Тферь, Старица, Зубцов, Опокы, Городец, Клин, Кашин, Скнятин»). Большая полнота Новгородско-Софийского списка могла бы говорить за первоначальность его состава. Но некоторые данные позволяют думать, что этот список, наоборот, позднего происхождения и был дополнен уже в XVI в. Так, в число новгородских городов включен «Ивангород камен», который был построен только в 1492 г. В том же Новгородско-Софийском сборнике находим статейку: «А се перечень летом от начала мира до сего настоящего лета 7044». Этим настоящим временем признается, значит, 1536 г. По-видимому, к этому времени и можно отнести дополнительные сведения, внесенные в «Список русских городов» Новгородско-Софийского сборника.

Древнейший текст «Списка русских городов», как говорилось выше, имеется в Археографическом списке Новгородской I летописи младшего извода. «Список русских городов» помещен среди дополнительных статей перед текстом летописи. Состав этих статей довольно однороден: 1) «Сице родословятся велицеи князи русьстии», 2) «Родословие» тех же князей, 3) «Кто колико лет княжил», 4) «А се князи русьстии», 5) «А се по святем крещении о княжении киевьстем», 6) «А се князи Великого Новагорода», 7) «А се посадници новгородьстеи», 8) «А се тысячьскыи новгородьскыи», 9) «А се русьстии митрополити», 10) «А се новгородскыи епископы», 11) «А се архимандриты новгородскыи», 12) «А се имена всем градом рускым далным и ближним». Статьи 6—11 объединены общей темой, связанной с Великим Новгородом, и имеют общий тип заголовков, начинающихся словами «А се». Поэтому можно думать, что они возникли одновременно или, по крайней мере, одновременно были занесены в общий сборник. Поэтому изучение этих статей может пролить свет на время возникновения «Списка русских городов.»

Статья «Сице родословятся» кончается Василием Дмитриевичем и его сыном Василием. Таким образом, эта статья была написана не ранее 1415 г., когда родился Василий Васильевич, и не позже 1462 г., когда он умер. В родословии князей последними названы Дмитрий Донской и его сын Василий. Следовательно, родословие написано не позже 1425 г., когда умер Василий Дмитриевич. В статье о новгородских князьях последними также указаны Дмитрий Донской и его сын Василий. В списке посадников одним из последних упомянут Аврам Степанович, о котором говорится в летописи под 1411 г.[20] В списке тысяцких последним показан Иван Васильевич; по-видимому, этот же самый Иван Васильевич упоминается под 1435 и 1442 гг. как новгородский посадник[21]. Список русских митрополитов кончается на Фотии и Герасиме; Фотий умер в 1431 г., а Герасим был сожжен в 1435 г. Наконец, список нов-

[20] НПЛ, с. 403.
[21] Там же, с. 417, 422.

городских архиепископов заканчивается словами о смерти Симеона, умершего в 1421 г. Таким образом, все статьи, помещенные вместе со «Списком русских городов», относятся к определенному времени, примерно к 1411—1435 гг. Следовательно, мы имеем указание на то, что «Список русских городов» был внесен в сборник, который возник примерно в 30-х годах XV в.

Сношения Великого княжества Литовского с Великим Новгородом были очень оживленными. Об этом дает представление запись о «чудесах», случившихся в городе Лукомле в Литовской земле при князе Витовте Кестутьевиче и «при архиепископе Новгородцком владыце Иоанне». В записи названы такие литовские города: Полтеск, Дорогобуж, Серапи(й)ск, Чавники, Бор(и)сов, Смоленск, Гливна, Менск, Марков, Дручск, Орша, Словенск[22]. Запись была составлена до 1414 г., когда новгородский архиепископ Иоанн отрекся от архиепископии, следовательно, относится ко времени составления сборника статей, помещенных в Археографическом списке.

Особый интерес новгородской летописи к литовским событиям выясняется из заметки 1440 г. об убийстве литовского великого князя Сигизмунда (Жигимонта) и об избрании на литовский престол Казимира, которого избирали все «литовьскыи грады и рускыи». Выражение «литовьскыи грады и рускыи» живо напоминает нам подзаголовки в тексте самого списка: «А се Киевьскыи гроди», «А се Литовьскыи» и т. д. Таким образом, временем возникновения сборника Новгородской I летописи младшего извода с дополнительными статьями к ней можно также считать 30-е годы XV в. К этому времени относится и сам Археографический список Новгородской I летописи, бумага которого имеет водяные знаки 1441—1451 гг. Следовательно, Археографическая, или Комиссионная, рукопись очень близка по времени своего написания ко времени составления «Списка русских городов», отделяясь от него только полустолетием.

При нанесении на карту показаний «Списка русских городов» оказалось, что громадное большинство городов, указанных в «Списке», даже малоизвестных, могут быть нанесены на современную карту, хотя в конце XIV в. география русских земель была существенно иной, чем позже. Так, устанавливается местоположение мелких городов на юге Новгородской земли, в Рязанской земле, в верховьях Волги и т. д. С наибольшим трудом отыскиваются города, расположенные в верховьях Оки, где впоследствии находились Заоцкие города. Здесь, по-видимому, были расположены мелкие городки, принадлежавшие местным феодалам.

Скопления малоизвестных и неизвестных городков показаны в порубежных местах, по-видимому, не случайно. Такими местами являлись лесные и болотистые места в верховьях Волги и Западной

---

[22] *Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907, с. 145—146 (отд. отт.; Сб. ОРЯС, т. LXXXII, № 4, с. 1—168 собств. пагин.).

Двины, где сходились рубежи Новгородской земли и Великого княжества Литовского. Много мелких городков показано в верховьях Оки и в лесостепной полосе к юго-востоку от Киева по левым притокам Днепра — Суле, Ворскле и т. д. Порубежные места, конечно, более нуждались в укрепленных городках, чем центральные части Великого княжества Литовского или Новгородской земли. Возможно, что некоторые городки были резиденциями отдельных мелких князей, владения которых находим в Северской земле и «верховских» княжествах даже в конце XV в.

3. ТЕКСТ «СПИСКА РУССКИХ ГОРОДОВ» В ИСПРАВЛЕННОМ ВИДЕ

Наиболее исправный текст «Списка русских городов» помещен в Новгородской I летописи, но и этот текст нуждается в некоторых исправлениях и пояснениях. Так, в нем отсутствует заголовок «А се Польские» (города), который имеется в других списках. Кроме того, окончания в названиях некоторых городов явно внушают сомнения своими чересчур новгородскими особенностями. Так, в этом списке читаем окончания на *ч*: Мстиславеч, Юрьевеч и т. д., тогда как в других случаях имеются окончания на *ц*: Городець и пр. Необычные чтения: Мстиславеч, Юрьевеч и т. д., вероятно, объясняются новгородскими особенностями, так как в новгородском говоре *ч* нередко менялось на *ц* и обратно.

Характерно, что и текст «Списка русских городов» в Ермолинской летописи также имеет некоторые новгородизмы. Так, «Галичь» Новгородской I летописи написан в Ермолинской летописи как «Галиць». Следовательно, надо предполагать, что оригиналом для «Списка русских городов» в Ермолинской летописи послужила также какая-либо новгородская рукопись.

Тем не менее некоторые названия «Списка русских городов» остаются неясными даже при условии, что они могли быть даны в новгородской транскрипции. Очень трудно установить чтение таких названий в списке Новгородской I летописи, как «Видычев», «Оболчи». Они переданы в Ермолинской летописи: «Видыцов», «Оболче». В отдельных случаях возможны, кроме того, пропуски и прямые описки. Поэтому для правильного прочтения «Списка русских городов» нами проведено последовательное сличение текста Археографической рукописи Новгородской I летописи младшего извода с Ермолинской и Воскресенской летописями; впрочем, Воскресенская летопись стоит в прямой связи с Ермолинской и дает мало нового. В отдельных случаях привлекался и текст Новгородско-Софийского сборника, изданный И. И. Срезневским. Такое сличение позволило дать текст «Списка русских городов» в несколько ином виде, чем это делали его издатели ранее. При этом для удобства основным разделительным знаком взята точка, как и в подлиннике Археографического списка, по которому был проверен текст «Списка русских городов». Наиболее трудным было установление, на какой реке по

«Списку» стоит город, потому что никакого единообразия в «Списке» нет: иногда река показывается явно перед городом («а на Суле Снепород»), иногда — после него («Куреск на Тускоре»). Здесь приходилось в основном руководствоваться бесспорными данными, на какой реке находился город, а также выделением того или иного города точками и запятыми по подлиннику.

В основу текста положен Археографический список Новгородской I летописи младшего извода, варианты даны по Ермолинской летописи (*Е*), Воскресенской летописи (*В*) и Новгородско-Софийскому сборнику (*НС*).

А се имена всем градом руским далним и ближним

На Дунаи, Видычев [23] град, о седми стенах каменных, Мдин. И об ону страну Дунаа. Тернов, ту лежить святаа Пятница. А по Дунаю, Дрествин. Дичин, Килиа. А на усть Дунаа, Новое село. Аколякра [24]. На море, Карна. Каварна. А на сеи стороне Дунаа. На усть Днестра над морем, Белъгород. Черн, Ясьскыи торг [25] на Пруте реце. Романов торг на Молдове. Немечь в горах. Корочюнов [26] камен. Сочява [27]. Серет. Баня. Чечюнь [28]. Коломыя. Городок на Черемоше. На Днестре Хотень. А се болгарскыи и волоскии гради [29].

А се Польскии [30]:

Каменець. Иловечь. Браслалъ [31]. Соколечь [32]. Звенигород. Черкасы. Черлен [33]. Новый городок, Веничя [34]. Скала. Бакота.

А се Киевьскыи гроди [35]:

Дверен [36], на Рши Корсунь. Треполь, на Днепре. Канев. Глинеск. Переяславль Русскыи. Юрьев. Пересечен. Василев на Стугне. Бельгород. На Рпене [37], Чернъгород. Киев деревян на Днепре, а церкы святаа Богородиця Десятиннаа камена была о полутретьятцати версех, а святая Софиа о 12 версех. Вышегород [38]. Мирославици [39]. Тмуторокань. Остречьскыи, на Десне Чернигов. Омелники. Сновеск. Брянеск [40]. Ростовець [41]. Унеятин. Новгород Северьскыи. Трубческ [42]. Путивль на Семи. Рылеск. Куреск на Тускоре. Коршов на Сосне. А на Суле Снепород. Съкнятин. Грошин. Чемесов. Утешков. Синеч [43]. Кляпечь [44]. Ромен. Ковыла. Ворона. Сал. Песьи кости. Хотень [45]. А на Пьсле Ничян. Городище. Лошици. Бирин [46]. Жолважь. На Воръскле Хотмышль. Чечереск. Тетерин. Попова гора. Пропошеск. Дроков. Гомий. Речиця [47]. Могилев. Быхов. Лучин. Рогачев. Стрешин. Любечь [48].

---

[23] Видыцов *Е*, Видицов *В*. [24] Аколятря *Е*, *В*. [25] Ясьскыи торг *Е*, Аскый торг *В*. [26] Корачюнов *Е*. [27] Сочава *Е*, *В*. [28] Нечюнь *Е*, Нечюн *В*. [29] В *Е*, как и в *В*: «а то Болгарский и Волеськой город». Но это чтение относится только к последнему городу Хотень. [30] Добавлено из Ермолинской летописи. [31] Бряславль *Е*, *В*. [32] Соколець *Е*. [33] Чернен *Е*, *В*, в *НС* тоже Черлен. [34] Венича *Е*. [35] В Ермолинской летописи слова «гроди» нет, в *В*: «а се грады киевьские». [36] Дверень *Е*. [37] В *Е* неправильно: на Днепре, следует: на Рпене. [38] Вышгород *Е*. [39] Мирославиць *В*, Мирославци *НС*. [40] Брянечьск *Е*. [41] Рястовечь *Е*, *В*. [42] Трубеческ *Е*, Трубьческ *В*. [43] Синець *Е*. [44] Кляпець *Е*. [45] Хотен *Е*, *В*. [46] В *Е* и *В* нет, в *НС* вместо Лошицы. Бирин имеем Лоши. Кочибирин. [47] Речица *Е*, *В*. [48] Любець *Е*, *В*.

Навоз. На Припете Чернобыль[49] Копыль. Мозырь. Переров. Смедин. Туров. На Метлици. Иванов. Вручии. Житомель. Коречь.

А се Волыньскыи:

Степань. На Горыни. Остро. Хороборь[50]. Луческ Великыи на Стыре. Ивань. На Икве[51] Кременець. Белз. Дубичи. Теребовль. Любно. Зудечев. Холм. Другобець[52]. На реце Солонои Изборско. Львов Великии. Волынь. На Бугу. Володимерь[53]. Дорогобучь. Перемышль[54]. Перемиль. Галичь[55]. Самъбор, ту лежить святыи Ануфреи. Четвертня[56]. Черторыеск. Пинеск на Пине. Воробееск на Струмене. Берестии. Брыньск. Колывань. Серенеск. Свинеск.

А се Литовьскыи:

Случеск. Городець на Немне. Мереч[57]. Клеческ. Кернов. Ковно. Вилкомирье[58]. Моишогола. Вилно, 4 стены древены, а две каменны; а реце две: Велиа, Вилно. Трокы Старыи каменны. А Новыи Трокы на езере две стены камены. А вышнии древян. А в острове камен. Медники камен. Крев камен. Лошеск. Голшаны. Березуеск. Дрюгеск[59]. Немиза. Рша камен. Горволь. Свислочь[60]. Лукомль. Логоско. Полтеск на Двине и на Полоте древян. А святая Софиа каменна о седми версех. Видбеск, 3 стены камены. А река Видба и Двина. Новыи городок Литовьскыи. Оболчи[61]. Лебедев[62]. Борисов. Лида. Пуня. Любутеск. Перелаи. Родно. Менеск. Мченеск. Ижеславль. Торопець древян. Городно. Мащин. Белаа[63]. Морева. Воротынеск. Шернеск. Девягореск. Кпертуев[64]. Въстиобачерь. Божеск. Мезеск. Мещеск. Масалеск. Онузе. Оболенеск. Сутеск. Ясенець. Острее. Микулин. Стародуб на Лане[65]. Мьглин[66]. Кричев. Козелеск. Рыбческ. Словенеск. Серпееск. Голотическ. Шюмеск. Олешек. Муравин. Деревеск. Избореск[67]. Вевереск. Мереск[68]. Пустаа Ржова[69] на Волге. Мелечя. Селук. Вьсвято. Зижеч[70]. Ерусалимь. Ржищев. Белобережье[71]. Самара. Брони царев. Осечен. Рясна. Тур. Копорья на Порозе. Карачев. Торуса. Туд. Сижка. Горышон. Лукы.

А се Смоленскии:

Смоленеск на Днепре. Елно на Име. Вязма. Дорогобужь. Мьстиславеч[72]. Мстислав на Вехре. Оболенеск. Козелеск. Вятическ. Ржавеск.

А се Рязаньскии:

Рязань старая на Оце. А Новыи городок Олгов на усть Проне. Прояеск. Торческ. Воино. Шилов. Старыи Львов. Глебов. Зараческ. Переяславль на Трубеже. Михаилов. Перевитеск. Шипино. Ростиславль. Венев. Тешилов. Крилатеск. Неринеск. Кулатеск. Рослаль[73]. Польскыи. Свинеск. Новгородок на Осетре. Бобруеск. Дубечин. На Плаве Микитин. Вердерев. Ломихвост. В верх Дону Дубок. Корнике. Урюпеск[74].

---

[49] Чернобыл *E*, Чрънабыл *B*, Чернобыл *HC*. [50] Хоробор *E*, Хоробец *B*. [51] На Иньеве *H*, *HC*, на Иневе *B*. [52] Добавлено из Ермолинской летописи. [53] Володимирь *E*. [54] Перемысль *E*. [55] Галиць *E*, *B*. [56] Черьтвертня *E*. [57] Мерець *E*, *B*. [58] Вилкомирие *E*. [59] Друтеск *E*, *B*. [60] Свислоць *E*, *B*. [61] Оболче *E*, Оболъче *B*. [62] Лебедевь *E*. [63] Белая *E*. [64] Къпертуев *E*, Копертуев *B*. [65] На Мне *E*, *B*. [66] Меглин *E*, *B*. [67] В Ермолинской и Воскресенской летописях нет. [68] Мореск *E*, *B*. [69] Ржева *E*, *B*. [70] Жижець *E*, *B*. [71] Белобережие *E*. [72] Мстиславець *E*, *B*. [73] Рославль *E*, *B*. [74] Урюписк *E*, *B*.

А се Залескии:

Мещерьское[75] камена могыла на Дъсне[76]. Муром на Оце. Стародуб Вочьскыи. Другыи Стародуб на Клязме. Ярополчь. Гороховець. Бережечь[77]. Новгород Нижнии. Куръмышь на Суре. Вятка. Городець. Юрьевеч[78]. Унжа. Плесо. Кострома. Устьюг. Вологда. На Белеозере два городка. На Молозе Городець. Ярославль. Ростов. Юрьев Польскыи. Мстиславль. Суждаль[79]. Шумьскыи[80]. Несвежьскыи. Боголюбое. Володимерь. Клещин. Переяславль. Дмитров. Москва камен. Можаеск. Звенигород. Волок Ламьскыи. Руза. Коломно[81] на Оце. Романов. Серпохов. Новыи городок. Лужа. Боровеск. Болонеск. Одоев. Любутеск. Новосиль. Кореск. Верея на Поротве. Новгородок. Галичь[82] Кличень. Ржова[83]. Бежицкыи Верх. Новгород Великии, детинец камен. А болшии деревян. А святаа Софиа о шести версех. А озеро Илмерь. Река Волхов. Ладога камен. Орешек[84]. Корельскыи. Тиверьскии. За Волоком. На Колмогорах. В Емце[85] на Ваге[86]. Орлечь[87]. Торжок[88]. Демяна. Молвотице[89]. Березовечь[90]. Стержь. Морева. Велиль. Лукы. Руса. Кур на Ловоти. Копорья камен. Яма камен на Луге. А на Шолоне Порхов камен. Опока. Высокое. Вышегород. Кошкин. Псков камен о четырех стен. Изборьско камен. Остров камен. Воронач. Велье[91]. Котелно. Коложе. Врево. Дубков. Черниця[92].

Города помещены в «Списке» под особыми заглавиями, написанными киноварью. Они расположены в таком порядке: 1) болгарские и волошские, 2) польские, 3) киевские, 4) волынские, 5) литовские, 6) смоленские, 7) рязанские, 8) залесские города. В Новгородско-Софийском сборнике дополнительно показаны тверские города, которые отсутствуют в более ранних списках. Этому порядку следует и наше объяснение к «Списку русских городов».

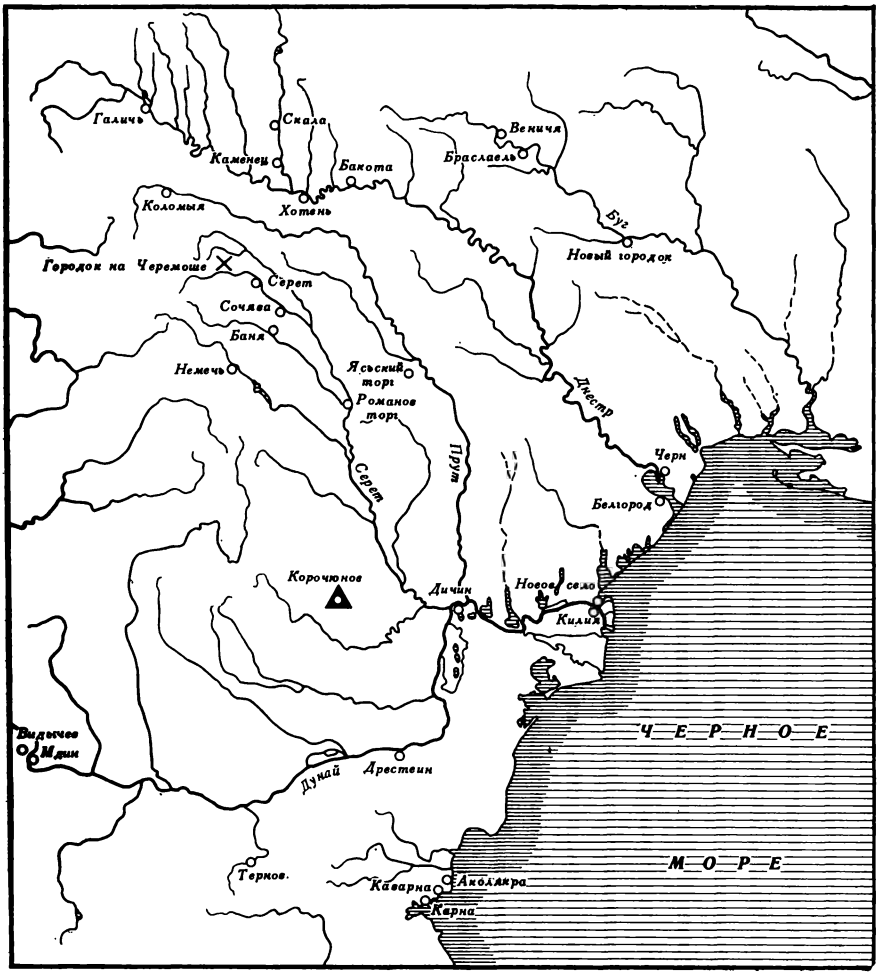
4. БОЛГАРСКИЕ И ВОЛОШСКИЕ ГОРОДА

Первыми в «Списке русских городов» показаны города по Дунаю, в конце перечисления которых сказано: «А се болгарскыи и волоскии гради». К их числу по сциску относятся следующие города: Видычев на Дунае о седми стенах каменных, Мдин, Тернов, Дрествин, Дичин, Килиа, Новое село, Аколякра, Карна, Каварна, Белъгород на усть Днестра над морем, Черн, Яськыи торг на Пруте, Романов торг на Молдове, Немечь в горах, Корочюнов камен, Сочява, Серет, Баня, Чечюнь, Коломыя, Городок на Черемоше, Хотень на Днестре.

После перечисления городов стоит как бы их обобщение в словах: «А се болгарскыи и волоскии гради». В Новгородской I летописи эти слова по ошибке отнесены к польским городам и выделены киноварью,

---

[75] Мещерское *Е*. [76] На Дсне *Е*, *В*. [77] Бережець *Е*, *В*. [78] Юрьевець *Е*, *В*. [79] Суздаль *Е*, *В*. [80] Шюмьскыи *Е*, *В*. [81] Коломна *Е*, *В*. [82] Галиць *Е*, *В*. [83] Ржева *Е*, *В*. [84] Орешок *Е*. [85] В Емьце *Е*, *В*. [86] На Ваге Шенкуриа *НС*. [87] Орлець *Е*, *В*. [88] Торжек *Е*, *В*. [89] Молвитице *Е*, *НС*. [90] Березовець *Е*, *В*. [91] Велиа *Е*, Велие *В*. [92] Черница *Е*, *В*.



Карта № 1

как будто ими начинается новый абзац, а не заканчивается предыдущий. Легко заметить, что описание болгарских и волошских городов ведется в «Списке» в определенном направлении — с юга на север. Вначале упоминаются задунайские и приморские города, далее следуют города к северу от Дуная, называемые в «Списке» «волошскими». Практически же речь идет не о румынских, а о молдавских городах.

Больших различий между названиями болгарских городов в разных списках не имеется. Город Видычев назван в Ермолинской летописи — «Видыцов», но это отличие могло зависеть от новгородского

происхождения «Списка». Чтение «Аколякра» должно быть решительно предпочтено написанию «Аколятря» в Ермолинской и Воскресенской летописях. Наибольшее разногласие имеем в чтении «Чечюн» в Новгородской I летописи по сравнению с «Нечюн» в Ермолинской и Воскресенской.

Из задунайских и приморских городов указаны Тырнов с обозначением, что в нем «лежит святая Пятница», Видычев или Видыцов, Мдин, Дрествин, Дичин, Килия, Новое село, Аколякра на море, Карна, Каварна. Из этих 10 городов без затруднений могут быть указаны на современной карте 3 города: столица последнего болгарского царства Тырнов (Тернов), Дрествин или Дерестр на Дунае — позднейшая Силистрия, Каварна на Черном море.

Рядом с Видичевом показан Мдин как особый город, но это название представляет собой вариант слова «Бдин», как обычно обозначался Видин [93]. Так, название города Мдин для Видина встречается в русском Хронографе редакции 1512 г. [94]. Брун указывает Мдин или Бдин на берегу Дуная около Калафата, напротив Видина. По «Списку русских городов» Мдин, действительно, показан на противоположной стороне Дуная по сравнению с Тырновом: «Мдин. И об ону страну Дунаа». Так он обозначен и на нашей карте [№ 1].

Аколякра на море, по-видимому, может быть сопоставлена с Калиакра в районе Варны и Каварны. По словам Шильдбергера, «третья Болгария лежит там, где Дунай изливается в море, столица называется Калацерква». По объяснению Иречека, это «замок Калиакра при мысе того же имени». Карна — Кранеа (ныне Экрене) — в том же районе [95].

Дичин, показанный на Дунае рядом с Килией, возможно, город Мачин, как указывал Ю. Кулаковский [96]. Однако существовал и город Вичина или Вица. Так, новейший исследователь исторической географии Болгарии указывает, что «при устьието на р. Камчия е лежал, вероятно, гр. Вица или Вичина» [97]. Камчия впадает в Черное море южнее Варны, тогда как в «Списке русских городов» Дичин показан между Килией и Дрествином, где-то на Дунае, а это как раз соответствует местоположению Мачина.

В непосредственном соседстве показаны в «Списке» Килия и Новое село на устье Дуная. Килию следует искать на месте Старой Килии, помещаемой на картах XVII в. к югу от Новой Килии, на южном берегу одного из дунайских рукавов.

---

[93] См. карту в кн.: *Иречек К. И.* Указ. соч.

[94] ПСРЛ. СПб., 1911, т. XXII, ч. 1, с. 366.

[95] *Иречек К. И.* Указ. соч., с. 424, 516.

[96] *Кулаковский Ю.* Где находилась вичинская епархия Константинопольского патриархата? — Византийский временник, СПб., 1897, т. IV, вып. 3-4, с. 315—336; *Он же.* Еще к вопросу о Вичине.— Там же, СПб., 1898, т. V, вып. 3, с. 393—397. См. также: *Брун Ф.* Черноморье: Сб. исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1880, ч. II, с. 347—348.

[97] *Ангелов Д.* Съобщително-операционни линии в войни те през XII и XIV вв.— Изв. на българското историческо дружество. София, 1948, кн. XXII—XXIV, с. 227.

Новое село на устье Дуная, вероятно,— Новая Килия, показываемая у Черного моря при устье Дуная на картах XVII в.[98] Румынские историки также предполагают, что существовали две Килии. Старая Килия, небольшое рыбацкое местечко, находилась на правом берегу Дуная, Новая Килия — на месте современного города с этим названием[99].

Таким образом, все 10 болгарских городов, указанные в «Списке», если к ним причислять и Новую Килию, могут быть нанесены на современную карту. В числе их достопримечательностей «Список» отмечает 7 каменных стен Видичева.

Далее в «Списке» показано 14 городов «на сей стороне Дунаа», т. е. к северу от этой реки. Все эти города являются так называемыми волошскими, по существу же, молдавскими городами. Из их числа без затруднений могут быть нанесены на карту: Белгород или современный Аккерман, Аский торг или Яссы, Немечь, Романов торг, Роман, Сочава или Сучава, Серет, Коломыя, Хотень или Хотин.

Белгород русских источников известен также под турецким названием Аккерман или Аккермене, что является буквальным переводом на турецкий язык названия «Белый город». В XIV—XV вв. Белгород служил обычно портом, откуда русские путешественники добирались до Константинополя морем. В Хождении Агрефения (около 1370 г.) расстояние от Белгорода до Царьграда морем показано в 500 верст[100]. Зосима, ходивший в Палестину через Константинополь в 1419—1422 гг., говорит, что он пробыл в Белгороде 2 недели, что оттуда 9 верст до моря и на самом море находится корабельная пристань[101]. На карте 1769 г. так и указано: Akierman als Bielgrod[102].

Рядом с Белгородом в «Списке русских городов» показан город Черн. На картах XVII—XVIII вв., действительно, напротив Аккермана, на левом берегу Днестровского лимана, показано местечко Чарна (Czarn)[103]. Это и есть город Черн нашего списка.

Ясский или Асьский торг показан стоящим на реке Прут, что не вполне точно, так как Яссы расположены только поблизости от Прута, на одном из его притоков. Романов торг действительно стоит на реке Молдове, а Немечь, или современные Нямцы,— «в горах», как это и показано в «Списке русских городов».

Сочава или Сучава, как и Серет, соответствуют одноименным городам в Румынии. Коломыя находится в Западной Украине. Хотень «на Днестре» — это современный Хотин, расположенный на названной реке.

Городок на Черемоше надо искать на реке Черемош, левом притоке реки Прут. Может быть, это Вижница, показываемая на картах XVII в.

---

[98] *Кордт В.* Матеріали до історії картографії України. Київ, 1931, ч. 1, карты № 4, 20, 21.
[99] *Крънджалов Д.* Указ. соч., с. 61, прим. 8.
[100] Православный палестинский сборник. СПб., 1896, т. XVI, вып. 3, с. 1.
[101] Там же. СПб., 1889, т. VIII, вып. 3, с. 3.
[102] *Кордт В.* Указ. соч., карта № 20.
[103] Там же, карта № 26.

Под названием Бани «Списка русских городов» скрывается город Баи или Бая, который был столицей Молдавии в XIV в. Само название Баня можно было бы считать искажением слова Баия, так как в рукописях XIV—XV вв. буквы *н* и *и* очень близки по написанию и могли быть легко спутаны при передаче незнакомого слова. Однако в сказании о Молдавской земле, помещенном в Воскресенской летописи, также говорится о городе Бани. Следовательно, Баи были известны в славянской письменности под этим именем [104]. Название Бани встречаем также в молдавских грамотах, например, в уставной грамоте молдавского воеводы Александра 1407 г. — «а у Бани от гривну полтора гроша» [105].

Показанный между Немечем и Сочавой город «Корочюнов камен» известен как крепость Крачуна (на реке Милков) [106]. Это единственный «волошский» город, укрепления которого определены как каменные («Корочюнов камен»).

Таким образом, местоположение всех болгарских и волошских городов может быть обозначено на карте, за исключением Чечюна или Нечюна, название которого, возможно, сильно испорчено.

5. ПОДОЛЬСКИЕ ИЛИ ПОЛЬСКИЕ ГОРОДА

Название «А се Польскии» (понимается,— города) в Новгородской I летописи отсутствует, но имеется в Ермолинской. Это название можно считать искажением слов «подольские города». Впрочем, и слово «поле» в значении открытой степи тоже хорошо известно в русском и украинском языках XV в. Поэтому нет никакого основания думать, что речь идет о польских городах в смысле их принадлежности Польше.

В «Списке» показано 11 польских или подольских городов в следующем порядке: «Каменець, Иловечь, Браслаль, Соколечь, Звенигород, Черкасы, Черлен, Новый городок, Веничя, Скала, Бакота».

Из названных городов 8 могут быть без затруднений указаны на современной карте. К ним принадлежат: Каменец, Иловец, Браслаль или Браславль, Соколец, Звенигород, Веничя или Веница, Скала, Бакота.

Новый городок, показанный между Черленом и Веницой, может быть отождествлен с Новогродком (Novogród), показанным несколько южнее Браславля уже на амстердамской карте 1734 г. [107]

Город Черлен, видимо, одноименен с Червеном, по имени которого названы Червенские города, но не может быть с ним отождествлен, так как Червен и Червенские города находятся в стороне от

---

[104] ПСРЛ, т. VII, с. 258.
[105] АЗР. СПб., 1846, т. I, № 21, с. 31.
[106] История Румынии / Под ред. М. Роллера. М., 1950, с. 69—70, 75; *Грекул Ф. А.* Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV в. Кишинев, 1950, с. 111.
[107] *Кордт В.* Указ. соч., карта № 12.

Подолии[108]. По-видимому, речь идет о том Черлене, о котором упоминает дело о разводе земли между Польшей и Великим княжеством Литовским в 1546 г. «Черленово» находилось в районе Збаража[109].

Точно так же трудно думать, что Черкасы на Днепре одноименны с польским или подольским городом Черкасы, названным в «Списке». Из всех «польских» городов местоположение только этого города остается неясным.

6. КИЕВСКИЕ ГОРОДА

В непосредственном соседстве с болгарскими и волошскими городами в «Списке русских городов» показаны «киевские гроди». Перечисление их ведется с юга на север, причем первоначально говорится о городах, ближайших к Киеву, далее о городах черниговских; заканчивается городами среднего Приднепровья и Припяти. В списке города перечислены в таком порядке: Дверен, Корсунь, Треполь, Канев, Глинеск, Переяславль Русский, Юрьев, Пересечен, Василев на Стугне, Белгород, Чернъгород, Киев, Вышегород, Мирославици, Тмуторокань, Остречьскыи, Чернигов, Омелники, Сновеск, Брянеск, Ростовець, Унеятин, Новгород Северьский, Трубческ, Путивль на Семи, Рылеск, Куреск, Коршов, Снепород, Съкнятин, Грошин, Чемесов, Утешков, Синечь, Кляпечь, Ромен, Ковыла, Ворона, Сал, Песьи кости, Хотень, Ничян, Городище, Лошици, Бирин, Жолважь, Хотмышль, Чечереск, Тетерин, Попова гора, Пропошеск, Дроков, Гомий, Речиця, Могилев, Быхов, Лучин, Рогачев, Стрешин, Любечь, Навоз, Чернобыль, Копыль, Мозырь, Переров, Смедин, Туров, Иванов на Метлице, Вручий, Житомель, Коречь — всего 71 город.

Наиболее трудным для правильного понимания «Списка» является установление того, к какому именно городу относится обозначение реки, на которой он стоит. Как следует читать, например, такое место отрывка: «Треполь на Днепре Канев»? Относится ли обозначение «на Днепре» к Треполю или Каневу, из «Списка» неясно. В данном случае и Треполь и Канев стоят на Днепре, но к чему относятся такие указания, как, например, «Жолважь на Ворскле Хотмышль», приходится каждый раз устанавливать по смыслу и знакам препинания в рукописи, потому что название реки поставлено то раньше, то после названия города.

Из указанного в «Списке» 71 киевского города большое количество названий неизвестно по другим сведениям или упоминается только в летописях XI—XIII вв., отсутствуя в более поздних источниках. Это давно уже вызвало представление о недостоверности «Списка русских городов». Так, П. Г. Клепатский считает, что указанные в «Списке» города Юрьев и Пересечен не существовали уже

---

[108] См.: *Андриашев А.* Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887, с. 58.

[109] *Шолкович С. В.* О границах..., с. 68.

в XIV—XV вв. Он видит в этом доказательство недостоверности всего «Списка русских городов», так как Юрьев и Пересечен уже не упоминаются документами XV в. Однако сам же Клепатский указывает, что на месте Юрьева впоследствии находилась Белая церковь, которая могла получить свое название от руин Юрьевского собора [110]. Нет никакого основания также думать, что в списке говорится о молдавском селе Пересечино под Оргеевом. Вполне возможно существование небольшого городка Пересечень в районе Киева, тем более что о нем упоминается в Ипатьевской летописи под 1154 г. где-то в районе Роси.

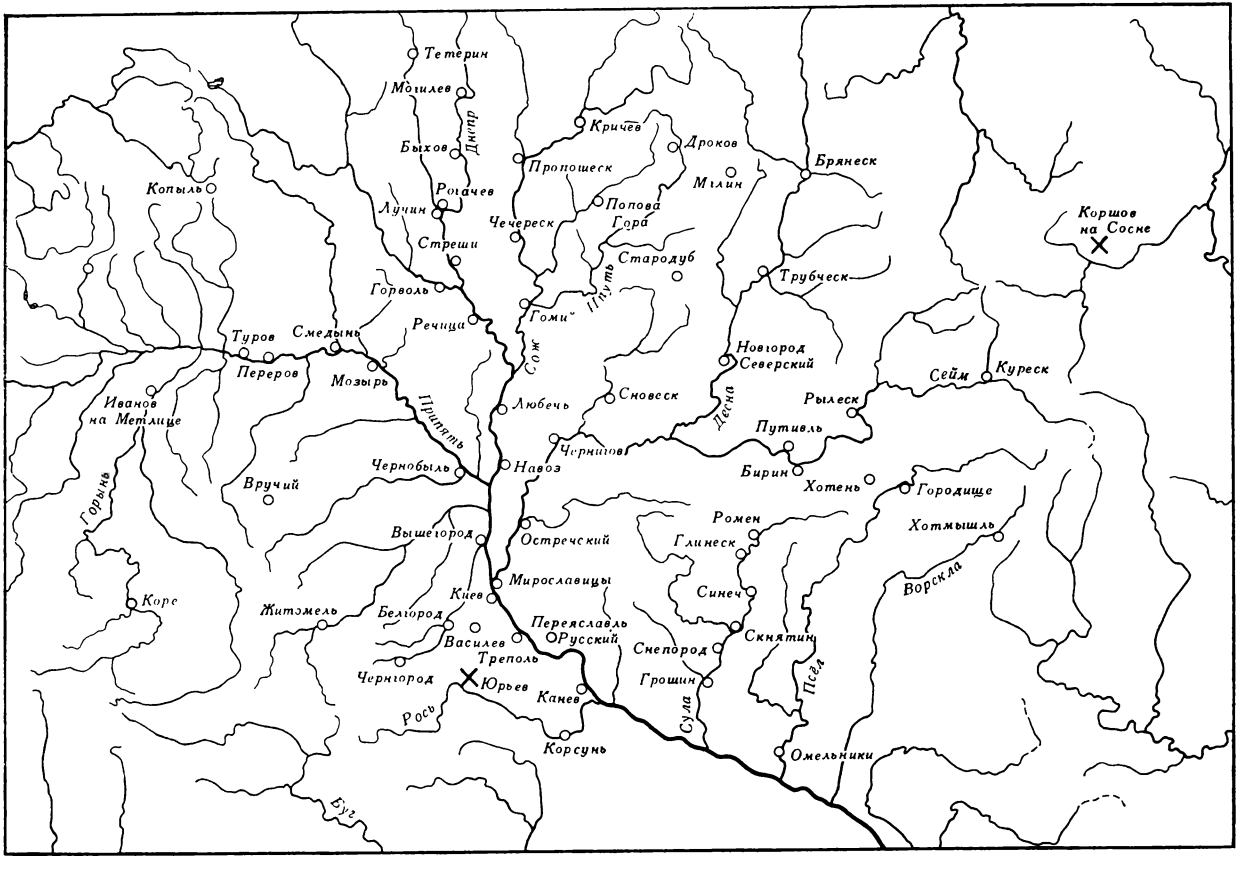
Внимательное изучение «Списка» показывает, что его данные заслуживают большого внимания, тем более что история Киевской и Черниговской земель изучена еще очень слабо. При внимательном изучении «Списка» мы увидим, что описание городов киевских сделано тремя приемами: вначале описываются собственно киевские города, расположенные в непосредственном соседстве с Киевом. Далее следуют города черниговские, вслед за этим помещены города, расположенные в бассейне Днепра к северу от Киева и по Припяти. Этот порядок будет сохранен нами и при рассмотрении киевских городов, как наиболее удобный. В районе Киева указано 15 городов: Дверен, Корсунь, Треполь, Канев, Глинеск, Переяславль Русский, Юрьев, Пересечен, Василев, Белгород, Чернъгород, Киев, Вышгород, Мирославици, Тмуторокань. Из них без затруднений устанавливаются на карте [№ 2] 8 городов: Корсунь, Треполь, Канев, Переяславль Русский, Василев, Белгород, Киев, Вышгород.

В «Списке русских городов» показан «на Рпене Чернгород». Впрочем, не вполне ясно, относится ли обозначение «на Рпене» к Чернгороду или к поставленному перед ним Белгороду, действительно лежащему на берегу реки «Рпень» или Ирпень, впадающей в районе Киева с правой стороны Днепра. Чернгород в действительности существовал на Рпени как особое поселение. На картах, изданных Бопланом в 1665 г., и на амстердамской карте 1696 г. на реке Ирпене показано селение Чарногородок (Charnogrodko). Характерно, что ниже этого городка на той же Ирпени находился Белгород, сохранившийся до нашего времени [111]. Здесь мы имеем тоже противоположение Черного и Белого городов, как уже видели в списке болгарских и волошских городов.

Мирославици «Списка русских городов», по-видимому, могут быть приурочены к позднейшему селу Милославичи в районе Киева [112].

Наиболее неясно расположение таких городов, как Дверен, Юрьев, Пересечен. Дверен стоял «на Рши», т. е. на Роси, если считать определение «на Рши» относящимся к этому городу, а не к следующему за ним городу Корсуню, который также стоял на Роси. Суще-

[110] *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли. Одесса, 1912, т. I. Литовский период, с. 404—405.
[111] *Кордт В.* Указ. соч., карты № 1, 7—9.
[112] *Клепатский П. Г.* Указ. соч., т. I, с. 373.


Тетерин
Могилев
Днепр
Быхов
Кричев
Дроков
Пропошеск
Мглин
Брянеск
Копыль
Рогачев
Лучин
Чечереск
Попова Гора
Коршов на Сосне
Стреши
Стародуб
Трубческ
Горволь
Гомиль
Ипуть
Речица
Туров
Смедынь
Сож
Новгород Северский
Переров
Мозырь
Сейм
Куреск
Иванов на Метлице
Припять
Любечь
Сновеск
Десна
Рылеск
Путивль
Чернигов
Чернобыль
Навоз
Бирин
Хотень
Городище
Вручий
Горынь
Ромен
Хотмышль
Вышегород
Остречский
Глинеск
Мирославицы
Синеч
Ворскла
Коре
Киев
Житомель
Белгород
Переяславль Русский
Василев
Скнятин
Снепород
Треполь
Чернгород
Юрьев
Грошин
Псёл
Канев
Рось
Сула
Корсунь
Омельники
Буг

Карта № 2

ствование целого ряда небольших городков по Роси не может вызывать сомнения, так как этот район был издавна населен. Такие города, как Корсунь, Канев, Треполь и пр., сохранились от киевских времен и не запустели. Вполне вероятно, что тщательное изучение топографии Поросья и местных преданий позволит установить местоположение названных выше четырех городов. Пока же попытки в этой области следует считать крайне затрудненными, так как большое богатство археологических наблюдений, сделанных в бассейне Роси, позволяет с одинаковым правом приурочить названия перечисленных выше городов к любому городищу в бассейне Роси и к югу от Киева. Очень возможно, что городки по Роси запустели в конце XV в., после татарских нашествий, о которых часто упоминается в Густынской и других летописях. Особенно страшным было разорение 1486 г., когда татары «Подоле и Рускю землю без милости пленили» [113].

Если предполагать, что «Список русских городов» не всегда соблюдает последовательность в перечислении городов, то в этом случае под Глинеском, показанным между Киевом и Переяславлем Русским, можно понимать Глинск на Суле, как мы и помечаем его на карте.

Наиболее загадочным является город Тмутаракань, показанный между Мирославицами и Остречьским городом на Десне, т. е. на левом берегу Днепра. Нет никакого основания думать, что составитель «Списка» вставил сюда название древней Тмутаракани, находившейся на берегах Керченского пролива. Мог существовать и небольшой киевский городок с таким же названием, как на это указывает существование города Корсуни на Роси, носящего одинаковое название с Корсунью или Херсонесом в Крыму. Отметим тут же, что село Торокань существовало, например, в XIX в. в Кобринском уезде Гродненской губернии.

«Список» вообще обнаруживает хорошее знакомство с киевскими городами и самим Киевом. Он особо отмечает достопримечательности Киева: Софийский собор с 12 верхами и Десятинную церковь, что «была о полутретьятцати версех», т. е. имела 25 верхов или куполов. Это свидетельство «Списка русских городов» осталось вне всякого изучения в литературе, посвященной Десятинной церкви, хотя оно заслуживает большого внимания [114]. В конце XIV в. развалины церкви, видимо, находились в лучшем состоянии, чем в позднейшее время.

Очень полно представлены в «Списке» черниговские города, если причислять к ним и пограничные города по Суле и Ворскле, указанные в «Списке». Всего указано 32 черниговских города: Остречьский, Чернигов, Омельники, Сновеск, Брянеск, Ростовець, Унеятин, Новгород Северский, Трубческ, Путивль, Рылеск, Куреск, Коршов,

---

[113] ПСРЛ. СПб., 1843, т. II, с. 360.

[114] *Каргер М. К.* Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938—1947 гг.). Киев, 1950, гл. II.

Снепород, Съкнятин, Грошин, Чемесов, Утешков, Синечь, Кляпечь, Ромен, Ковыла, Ворона, Сал, Песьи кости, Хотень, Ничян, Городище, Лошици, Бирин, Жолважь, Хотмышль.

Следующие 12 городов из перечисленных устанавливаются на современной карте без затруднений: Острецьский, Чернигов, Брянеск, Новгород Северский, Трубческ или Трубчевск, Путивль, Рылеск, Куреск, Съкнятин, Грошин или Горошин, Ромен или Ромны, Хотмышль.

Кроме того, 2 города, Хотень и Бирин, указаны на карте М. К. Любавского: Хотень к югу от Рыльска, Бирин в непосредственном соседстве с Путивлем на реке Сейм. Любавский отождествляет эти города с современными селами Хотень и Буринь: «село Хотень в северной части Сумского уезда Харьковской губернии», «село Буринь на р. Сейме Путивльского уезда» [115].

По «Списку русских городов» Омельники должны были находиться между Черниговом и Сновском. Между тем местечко Омельник показано на картах XVII в. на нижнем течении реки Псла при впадении в нее реки Омельник. Омельник в XVII в. был укреплен земляной крепостью и являлся значительным селением [116].

Город Сновеск или Сновск явно связан с рекой Сновью, правым притоком Десны. Он упоминается в списке городов, принадлежавших великому князю Свидригайлу, относящемся, по одним сведениям, к 1402 г., по другим — к 1432 г. [117] По мнению Н. П. Барсова, город Сновск находился при впадении реки Сновь в Десну у местечка Брусилова, «где, по указаниям Ходаковского, должен быть городок» [118]. Это мнение Барсова как будто подтверждается показаниями летописей о том, что Сновск находился на Десне. Так, в Ипатьевской летописи под 1234 г. говорится о взятии Даниилом городков по Десне: «взяша и Хоробор и Сосницю и Сновеск». Однако уже давно указывается другое местоположение Сновеска — в районе местечка Седнев, «что доказывается многочисленными курганами в его окрестностях, а также высокими валами и рвами» [119]. В описи черниговских границ начала XVI в. на реке Снови указаны Клочков, Сновеск, Курилов, Мокишин, Смяческ. В этом случае Сновеск соответствует старому городищу около Седнева [120].

Целый ряд городов указан в «Списке» на реке Суле, хотя и не ясно, к каким именно городам относится указание «а на Суле». Если считать, что все города, следующие за Снепородом, показанным на Суле, также стояли на этой реке, то мы насчитываем 13 городов. Од-

---

[115] *Любавский М.* Областное деление..., с. 246.

[116] Россия: Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В. П. Семенова. СПб., 1903, т. VII. Малороссия, с. 311 (далее — Россия...).

[117] *Молчановский М.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. Киев, 1885, с. 295.

[118] *Барсов Н.* Материалы для историко-географического словаря России. Вильна, 1865, с. 188.

[119] Россия..., т. VII, с. 360.

[120] *Андріяшев А.* Нарис історії колонізації Сіверської землі до початку XVI віку (оттиск) [б. м., б. г.], карта.

нако к таким городам отнесен и Бирин, который по карте Любавского находился несколько в стороне от Сулы. Некоторые города, названные в «Списке», действительно показаны в «Книге Большому чертежу» на реке Суле. В «Книге» на реке Суле показан город Горошин, далее выше впадения в Сулу реки Удая назван Снятин, «а выше Снятина 3 мили на Суле город Синча»[121]. Таким образом, устанавливается положение городов нашего «Списка»: Горошин, Скнятин, Синечь или Синец. Следовательно, выясняется значительная доброкачественность известий «Списка русских городов» даже для такого глухого уголка, каким в это время была окраина Черниговской земли.

Значительное число городов, перечисленных в списке, упомянуто в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея 1506 г. К этим местам отнесены «Снепорож (при впадении Снепорода в Сулу), Глинеск „со всими их людьми", Синеч (на Суле), Лосичи или Лошичи (на Псле), Хотмышль (ныне Хотмыжск на р. Ворскле, заштатный город Грайворонского уезда Курской губернии)»[122].

Надо заметить, что утверждение Любавского о том, что Лосичи или Лошичи стояли на Псле, видимо, основано на словах «Списка»: «А на Псле: Ничян, Городище, Лошицы, Бирин, Жолважь». Но здесь слова «а на Псле» могут относиться не ко всем далее названным городам, а только к Ничяну. Так, Бирин, названный в «Списке» после слов «а на Псле», самим же Любавским указан в другом районе. Между тем уже на карте 1769 г. показана речка Лошици (Losczycki), левый приток Ворсклы[123]. На этой речке и надо искать Лошици «Списка» городов. Они отмечены условно при впадении Лошицы в Ворсклу.

На местоположение Жолважь может указать то обстоятельство, что Жолважь по документу 1499 г. находился в непосредственном соседстве с Городиском: «Городиское волости и Жолважское»[124]. Между тем на карте Боплана 1665 г. в верховьях реки Псел показано селение Городиски (Horodyski); это, вероятно, Городище на Псле нашего «Списка»[125]. Следовательно, Жолважь надо искать в этом же районе.

К сожалению, местоположение большого количества городков, находившихся по течению Сулы, Псла и Ворсклы, установить пока невозможно. К их числу, судя по тексту «Списка русских городов», принадлежат: Чемесов, Утешков, Кляпечь, Ковыла, Сал, Песьи кости, Ничян на Псле,— всего 7 городков. Они могли запустеть во время опустошительных татарских набегов XV—XVI вв. При более детальном исследовании городков и урочищ, расположенных по названным рекам, может быть, удастся установить положение этих

---

[121] Книга Большому Чертежу / Подгот. к печ. и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950, с. 108.
[122] *Любавский М.* Областное деление..., с. 246—247.
[123] *Кордт В.* Указ. соч., карта № 19.
[124] *Любавский М.* Областное деление..., с. 246.
[125] *Кордт В.* Указ. соч., карта № 1.

городков. Впрочем, нет никакой уверенности, что все названные городки находились на южной окраине Черниговской земли.

Насколько изменилась историческая география прежнего района Черниговских городов, видно на примере Коршова. Город Коршов показан в «Списке» непосредственно после Курска, стоящим на Сосне, под которой, видимо, следует понимать Быструю Сосну, правый приток Дона. В летописи под 1363 г. говорится, что «Литва взяша Коршеву». Это сказано в связи с завоеванием литовскими войсками Синей Воды и Белобережия[126]. Следовательно, Коршев должен был находиться в непосредственной близости к татарским землям, вероятно, где-нибудь в верховьях Быстрой Сосны, где мы его условно помещаем на карте, в районе позднейшего города Ливны.

Киевскими городами названы в «Списке» и те белорусские и украинские города, которые расположены к северу от Киева по Днепру и Припяти. К ним отнесены: Чечереск, Тетерин, Попова гора, Пропошеск, Дроков, Гомий, Речиця, Могилев, Быхов, Лучин, Рогачев, Стрешин, Любечь, Навоз, Чернобыль, Копыль, Мозырь, Переров, Смедин, Туров, Иванов, Вручий, Житомель, Коречь.

Из общего числа 24 названных городов на современной карте может быть показан 21 следующий город: Чечереск, Тетерин, Попова гора, Пропошеск, Дроков, Гомий, Речиця, Могилев, Быхов, Рогачев, Любечь, Навоз, Чернобыль, Копыль, Мозырь, Переров, Смедин, Туров, Вручий или Овручь, Житомель или Житомир, Коречь или Корец.

Лучин, показанный рядом с Рогачевом, это село, находящееся на Днепре в 7—8 верстах к югу от Рогачева. В его районе известно более 100 курганов и 2 городища[127].

Стрешин находится в этом же районе, но еще южнее. В Стрешине известно древнее городище[128]. Труднее установить место города Иванова или Иванова на Метлице. Не испорчено ли, впрочем, название «Метлица» из «Ветлицы», как называется левый рукав Горыни при впадении ее в Припять? В таком случае место города Иванова можно установить приблизительно на реке Ветлице, так как она течет на сравнительно небольшом протяжении. Место Иванова на Метлице (Ветлице) показано нами условно.

7. ВОЛЫНСКИЕ ГОРОДА

Под волынскими городами в «Списке» указаны не только волынские, но и галицкие города. Все эти города как бы разделены на три группы: вначале говорится о городах собственно волынских, далее — о городах галицких, в конце — о городах района Пинска и Берестья.

Все города перечислены в следующем порядке: Степань на Горыни, Остро, Хороборь, Луческ Великый на Стыре, Ивань на Икве,

---

[126] ПСРЛ. СПб., 1897, т. XI, с. 2.
[127] Россия..., СПб., 1905, т. IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия, с. 490—491.
[128] Там же, с. 534.

Кременець, Белз, Дубичи, Теребовль, Любно, Зудечев, Холм, на реце Солонои Изборско, Львов Великий, Волынь, на Бугу Володимерь, Дорогобучь, Перемышль, Перемиль, Галичь, Самбор, Четвертня, Черторыеск, Пинеск на Пине, Воробееск на Струмене, Берестий, Брыneск, Колывань, Серенеск, Свинеск — всего 30 городов.

К числу собственно волынских городов должны быть отнесены: Степань, Остро, Хороборь, Луческ Великий, Ивань, Кременец, Белз, Дубичи, Теребовль, Любно, Зудечев — всего 11 городов. Из них можно нанести на карту [№ 3] следующие города: Степань, стоящий на реке Горыни, Остро или Острог, Луческ Великий или Луцк, Кременец, Белз, Теребовль, Зудечев или Жидичев.

Следовательно, остается неустановленным местоположение 4 городов: Хороборь, Ивань, Дубичи, Любно. Из них город Ивань, вероятно, может быть с полным правом отождествлен с селом Иванье на реке Икве, правом притоке реки Стыри [129]. В середине XIX в. село Ивань еще имело некоторое торговое значение и в нем была пристань. Город Иванин упоминается в числе городов князя Острожского в 1386 г.

Дубичи следует сопоставить с местечком Дубищи в Луцком повете. Это селение показано на карте Литовского великого княжества, составленной Любавским. Впрочем, в этом районе находились два селения Дубищи: одно — село Дубище Черленовской волости на реке Случи и поблизости от него Дубище Волица Красиловской волости [130].

Остается неясным местоположение таких городов, как Любно и Хороборь.

Следующая группа городов, показанная в «Списке» под названием «волынских», охватывает собственно города галицкие. К их числу принадлежат: Холм, Изборск, Львов Великий, Волынь, Володимер, Дорогобучь, Перемышль, Перемиль, Галич, Самбор, Четвертня, Черторыеск — всего 12 городов. Кроме того, в Ермолинской летописи добавлен еще город Другобець.

Из них могут быть установлены и нанесены на карту 9 следующих городов: Холм, Львов Великий, Володимерь или Владимир Волынский, Перемышль, Перемиль, Галич, Самбор, Четвертня, Черторыеск (или Черторыйск).

Под названием «Дорогобучь» следует видеть город Дорогобуж, как думал уже Барсов [131], хотя этот город и поставлен в «Списке» в непосредственном соседстве с Владимиром.

Место древнего городка Волынь указывают в 20 км от Владимира Волынского, напротив устья реки Гучвы. По словам Андрияшева, «немного южнее Устилуга, по течению же Буга, находятся остатки древней столицы Волыни, города Волыня или Велыня; на месте его,

---

[129] Географическо-статистический словарь Российской империи / Сост. П. Семенов. СПб., 1863, т. I, с. 315 (далее — Словарь Семенова); *Батюшков П. Н.* Волынь. СПб., 1888, с. 74.

[130] *Любавский М.* Областное деление..., с. 231.

[131] *Барсов Н.* Указ. соч., с. 66.

Карта № 3

на правом берегу Буга, против устья р. Гучвы и теперь сохранился обширный вал с особым городком „Словенским" и множеством могил внутри его»[132]. В «Списке» городов Волынь показана также стоящей при Буге, что имеет важное значение для определения топографии Волыни.

Остается неясным только местоположение города Изборска на реке Солоной.

В Ермолинской летописи добавлен еще город Другобець. Под этим названием, вероятно, подразумевается Драгобыч в Галицкой Руси.

Третья группа волынских городов связана с Берестьем и Пинском. Всего в «Списке» указано 7 таких городов: Пинск на Пине, Воробееск на Струмени, Берестий, Брянеск, Колывань, Серенеск, Свинеск.

Из этих городов с полной уверенностью могут быть нанесены на карту только 2: Пинск и Берестье или Брест.

Перед Берестьем в «Списке» городов указан Брынеск. В данном случае мы, вероятно, имеем испорченное название города Бранска поблизости от Бельска на реке Нурец. О старостве Бранском говорит инвентарь 1558 г. Замок Брянск или Бронск был центром особой волости Бронской[133].

---

[132] *Андрияшев А.* Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия, с. 58.

[133] *Любавский М.* Областное деление..., с. 185.

Воробееск на Струмени может быть пока условно указан на Струмени, как называется главный рукав Припяти на протяжении почти 90 км, от озера Нобель до устья Ясольды.

Совершенно неясным остается пока местоположение таких городов, как Колывань, Серенеск, Свинеск. Правда, летописный город Свинуси приравнивается Андрияшевым к современной деревне Свинюха. На притоке Луга, пишет он, «расположены летописные Свинуси — нынешняя деревня Свинюхи»[134], но само отождествление современной деревни с летописным городом очень ненадежно. К тому же Свинеск «Списка русских городов» показан не в районе Владимира Волынского, а непосредственно за Берестьем и Брынеском (Бранском), следовательно, совершенно в ином районе. Поэтому Колывань, Серенеск и Свинеск остаются пока городами, местоположение которых на карте установить не удалось.

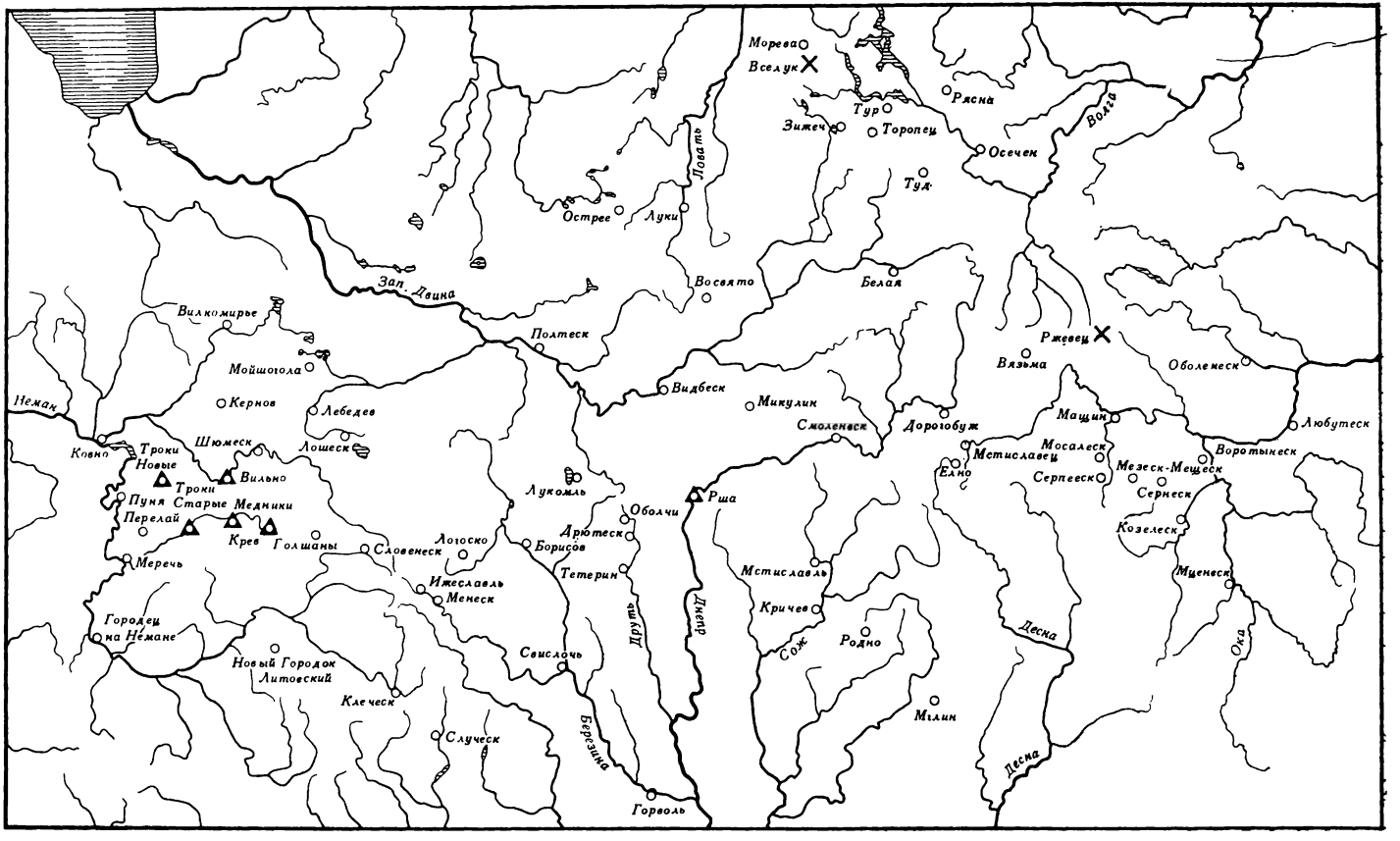
8. ЛИТОВСКИЕ ГОРОДА

Под рубрикой литовских городов в «Списке» помещены города, разбросанные на громадном пространстве. Тут и города собственно литовские, и белорусские, и русские. Они показаны в таком порядке: Случеск, Городець на Немне, Мереч, Клеческ, Кернов, Ковно, Вилкомирье, Мойшогола, Вилно камен, Трокы Старые камен, Новые Трокы камен, Медники камен, Крев камен, Лошеск, Голшаны, Березуеск, Дрютеск, Немиза, Рша камен, Горволь, Свислочь, Лукомль, Логоско, Полтеск на Двине и на Полоте, Видбеск камен, Новый городок Литовьскыи, Оболчи, Лебедев, Борисов, Лида, Пуня, Любутеск, Перелай, Родно, Менеск, Мченеск, Ижеславль, Торопец, Городно, Мащин, Белая, Морева, Воротынеск, Шернеск, Девягореск, Кпертуев, Въстиобачерь, Божеск, Мезеск, Мещеск, Масалеск, Онузе, Оболенск, Сутеск, Ясенець, Острее, Микулин, Стародуб на Лане, Мьглин, Кричев, Козелеск, Рыбческ, Словенеск, Серпееск, Голотическ, Шюмеск, Олешеск, Муравин, Деревеск, Избореск, Вевереск, Мереск, Пустаа Ржова, на Волге Мелечя, Селук, Восвято, Зижеч, Ерусалимь, Ржищев, Белобережье, Самара, Броницарев, Осечен, Рясна, Тур, Копорья на Порозе, Карачев, Торуса, Туд, Сижка, Горышон, Лукы.

Литовские города можно разделить на два района: 1) собственно литовские и белорусские города, 2) русские города на восточной окраине Великого княжества Литовского.

Города литовские и белорусские, кончая Ижеславлем, насчитываются в количестве 37. К ним принадлежат: Случеск, Городец на Немне, Мереч, Клеческ, Кернов, Ковно, Вилкомирье, Мойшогола, Вилно, Старые Троки, Новые Троки, Медники, Крев, Лошеск, Голшаны, Березуеск, Дрютеск, Немиза, Рша, Горволь, Свислочь, Лукомль, Логоско, Полтеск, Видбеск, Новый городок Литовский, Обол-

[134] *Андрияшев А.* Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия, с. 57.


Морева
Вселук
Тур
Рясна
Зижеч
Торопец
Осечен
Волга
Туд
Ловать
Острее
Луки
Зап. Двина
Восвято
Белая
Вилкомирье
Полтеск
Ржевец
Вязьма
Оболенеск
Мойшогола
Видбеск
Микулин
Неман
Кернов
Лебедев
Смоленеск
Дорогобуж
Мащин
Любутеск
Ковно
Троки
Шюмеск
Лошеск
Мосалеск
Воротынеск
Новые
Мстиславец
Мезеск-Мещеск
Вильно
Елно
Троки
Лукомль
Серпеесск
Пуня
Старые
Медники
Рша
Сернеск
Перелай
Оболчи
Козелеск
Крев
Голшаны
Словенеск
Логоско
Дрютеск
Борисов
Меречь
Тетерин
Мстиславль
Мценеск
Ижеславль
Менеск
Друть
Днепр
Кричев
Городец
на Немане
Десна
Ока
Новый Городок
Литовский
Свислочь
Сож
Родно
Клеческ
Мглин
Случеск
Березина
Десна
Горволь

Карта № 4

чи, Лебедев, Борисов, Лида, Пуня, Любутеск, Перелай, Родно, Менеск, Мченеск, Ижеславль.

Из перечисленных на современной карте [№ 4] без особых изысканий могут быть показаны следующие 30 городов: Случеск или Слуцк, Городец на Немане или Гродно, Меречь, Клеческ, Кернов, Ковно, Вилкомирье, Мойшогола, Вилно, Старые Троки, Новые Троки, Медники, Крев, Голшаны, Дрютеск или Друцк, Рша или Орша, Горволь, Свислочь, Лукомль, Логоско, Полтеск или Полоцк, Видбеск или Витебск, Новый городок Литовский, Борисов, Лида, Пуня, Перелай, Любутеск, Менеск или Минск, Ижеславль.

Список показывает большую осведомленность в топографии белорусских и литовских городов. Так, отмечены две реки (Вильна и Велия), на которых стоит город Вилно, его 4 деревянные и 2 каменные стены. Для Новых Трок отмечено расположение города на озере, его две каменные стены, каменная крепость на острове и деревянная на материке («вышний древян»). В Полоцке отмечен каменный собор Софии и река Полота. Для Витебска указаны 3 каменные стены, а также реки Двина и Витьба. Эти топографические указания отличаются точностью и заставляют предполагать, что автор «Списка» или лично побывал в некоторых литовских городах, или имел хорошие письменные источники, что придает большое вероятие и всем показаниям «Списка» о литовских городах.

В числе литовских городов отмечено кольцо каменных крепостей: Вилно, Старые Троки, Новые Троки, Медники, Крев, Видбеск.

Дополнительно может быть установлено местоположение следующих литовских городов.

Лошеск нашего источника — это, по-видимому, Лоск поблизости от Крева, рядом с которым он упомянут и в списке.

Оболче или Оболци показаны на карте М. К. Любавского севернее Друцка. Любавский предполагает, что Обольцы ранее принадлежал к Витебскому княжеству [135].

Лебедев показан на той же карте под названием Лебедево поблизости от Лоска и Крева.

Город Родно, поставленный тотчас после Перелая, впереди Менеска, вероятно,— позднейшее местечко Родня в 15 км от Климовичей. Кстати говоря, у Любавского волость или городок Родня не указаны.

«Великокняжеский двор Перелая с волостью» отождествлен Любавским с местечком Прелаи на реке Меречанке бывшего Трокского уезда [136].

Остается неустановленным местоположение трех городов: Березуеск, Немиза, Мченеск. Трудно предполагать, что речь идет еще об одном городке на маленьком высохшем ручье Немига, на котором стоит Минск. К тому же Минск указан в «Списке» отдельно. Не было ли еще какой-либо другой Немиги или Немизы, по имени которой и был назван город? Город Мченеск должен бы быть отождествлен с

---

[135] *Любавский М.* Областное деление..., с. 124—125.
[136] Там же, с. 151.

Мценском, хотя этому мешает то обстоятельство, что он поставлен между Минском и Ижеславлем [137].

Впрочем, в дальнейшем список литовских городов явно теряет свою последовательность, переходя от Торопца к Белой, от Белой к Воротынску и т. д. Поэтому очень трудно определить местоположение тех городов, которые причислены к литовским, а на самом деле были белорусскими и русскими, главным образом на окраинах Великого княжества Литовского. Здесь затруднения усиливаются тем, что неизвестен сам принцип, по которому города помещены в списке. Так, сперва даются сведения о Торопце и Белой, потом говорится о так называемых заоцких городах, после чего изложение снова возвращается к городам на верховьях Волги и Западной Двины. По-видимому, перечисление некоторых литовских городов было сделано по памяти, а не на основании письменных источников.

Следующая группа литовских городов относится к району Торопца и Белой. Это 5 городов: Торопец, Городно, Мащин, Белая, Морева. Из них Торопец и Белая устанавливаются легко. О Торопце в списке особо отмечено, что укрепления его были деревянными («древян»), как это сделано и в отношении некоторых других крупных городов, подобных Киеву.

Рядом с городом Белая упомянут Мащин или, по другим спискам, Мощин. Вероятно, это современное селение Мощин поблизости от Угры, к северу от Мосальска. Оно показано на карте Великого княжества Литовского, составленной Любавским. Мощин упомянут в духовной грамоте Ивана III 1505 г., в районе Опакова, Залидова и других волостей на Угре [138].

Морева литовских городов, вероятнее всего, та же самая волость Морева, которая упоминается и в числе залесских городов. Как волость, непосредственно граничившая с Торопецким уездом, Морева могла считаться совместным владением Новгорода и Великого княжества Литовского, как и Великие Луки, также упоминаемые в числе литовских городов.

Остается невыясненным положение города Городно, поставленного между Торопцом и Мащином, так как названий «городок», «городец» встречается очень много. Ясно только, что это «Городно» не имеет никакого отношения к Гродно, названному выше, как Городець на Немане.

Дальнейшая группа литовских городов в «Списке» представляет собой города, находившиеся в районе так называемых «верховых» княжеств — по верхнему течению Оки и ее притоков. К ним относятся: Воротынеск, Шернеск, Девягореск, Кпертуев или Копертуев, Востиобачерь, Божеск, Мезеск, Мещеск, Масалеск, Онузе, Оболенск,

---

[137] Любавский считает, что Мценск был занят литовцами в 1407—1408 гг., но это только предположение, так как литовское проникновение в русские земли на верховьях Оки началось значительно раньше.

[138] *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, с. 126.

Сутеск — всего 13 городов. Следует предупредить, что в печатных изданиях и в рукописи имеем «Востиобачерь» как одно название, несмотря на всю его необычность. Между тем название Вости, как особого поселения, встречается не только на территории бывшей Калужской губернии, но и в других местах.

Из названных городов по крайней мере три города сохранились до нашего времени: Воротынеск, Мещеск или Мещовск, Масалеск. Город Мезеск находился в районе современного Мещовска, который в позднейших документах именуется то Мезецком, то Мещовском. В договоре Ивана III с литовским великим князем Александром 1494 г. так и читаем: «Тых князей отпустить в Мезчоск, на их отчину, а они кому хотят, тому служат, и с своими отчинами, што их долницы в городе в Мезетцку и в волостях» [139]. Возможно, что в этом районе существовали два самостоятельных городка, передавшие позднейшему Мещовску оба названия. На это как будто указывает существование под самым Мещовском деревни Городец.

Под Шеренском «Списка русских городов», вероятнее всего, надо видеть город Серенеск. Он упоминается в договоре Ивана III с литовским великим князем Александром 1494 г. вместе с Козельском и Людимском: «и в Козелеск, и в Людимеск, и в Серенеск» [140]. Дебольский указывает, что Людимск находился на реке Березуе, к северу от Козельска [141]. В реку Жиздру ниже Козельска впадает река Серена, на которой стоит селение Серенск, к юго-востоку от города Мещовска, показанное и на карте Любавского.

Город Девягореск упомянут в Ипатьевской летописи под 1147 г. по поводу похода Святослава Ольговича: «Иде Девягорьску, иде заем вси Вятичи и до Брянеск и до Воробиин, Подеснье, Домагощь и Мцеиеск» [142]. Далее сообщается, что к Святославу пришла помощь в Девягорьск и оттуда он пошел к Мценску. Следовательно, Девягорьск должен находиться где-то в районе Мценска, но точнее его местоположение пока установить невозможно. Оболенском «Списка» городов можно считать позднейшее село Оболенское на реке Протве. Оболенск в непосредственном соседстве с Тарусой показан и в договорной грамоте Ивана III с литовским великим князем Александром 1494 г.: «не вступатися у вас... и в Тарусу, а в Оболенеск» [143]. По-видимому, городки в Заоцкой земле были очень мелкими и быстро исчезали из людской памяти. Многие из них исчезли с современной карты, и здесь можно пользоваться только догадками. Так, среди селений позднейшей Калужской губернии находим при реке Жиздре селение Восты или Васты в 30 км от Козельска, которое соответствует редкому названию Въстиобачерь «Списка русских городов». Де-

---

[139] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.; Л., 1950, с. 330 (далее — Духовные и договорные...).
[140] Там же.
[141] *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. СПб., 1902, вып. 2, с. 24.
[142] ИЛ, с. 242.
[143] Духовные и договорные..., с. 330.

ревня Восты была одной из больших в уезде и в середине XIX в. насчитывала 85 дворов [144].

\В бывшем Мосальском уезде можно указать 3 деревни с названием Сутоки, очень близким к Сутеску «Списка русских городов» [145]. В Медынском уезде находим деревни Ясенки с названием, очень близким к Ясенцу «Списка» [146]. Эти сближения могут иметь свое значение, если вспомнить, что все приведенные выше названия относятся к территории позднейших заоцких городов.

Остаются без указания на их местоположение города: Кпертуев или Копертуев, Божеск, Онузе. Последнее название встречается в летописи в рассказе о нашествии Батыя, но относится к иному району, чем верховые княжества. По летописи, татары «сташа первое станом на Онузе» [147] и отсюда начали поход в Рязанскую землю, в первую очередь разорив Пронск. По-видимому, летописная Онуза не имеет отношения к Онузе «Списка русских городов».

Далее в «Списке» показаны города: Острее, Микулин, Стародуб на Лане, Мьглин, Кричев, Козелеск, Рыбческ, Словенеск, Серпееск, Голотическ, Шюмеск, Олешеск, Муравин, Деревеск, Избореск, Мереск — всего 16 городов. Города эти показаны очень разбросанно. Так, Острее находится к северу от Полоцка, а Кричев и Мглин — южнее Смоленска. Из этого числа на карте могут быть отмечены следующие города: Острее, Мьглин, Кричев, Козелеск, Серпееск.

Имение Словенск было получено одним из литовских князей за службу в 1446 г. Его местоположение устанавливается селом Словенским на реке Березине бывшего Ошмянского уезда Виленской губернии [148].

Примерно к этому же району следует отнести город Шюмеск. Это, по-видимому, местечко Шумск бывшей Виленской губернии и уезда [149].

Микулин, показанный между Остреем и Стародубом на Лане, может быть отождествлен с местечком Микулино Городище между Витебском и Смоленском. Оно окружено с двух сторон озером и стоит на древнем городище, почему и называется в народе Городищем [150].

Олесская волость находилась в повете Браслава Литовского, где и надо искать Олешеск нашего списка. Впрочем, Любавский отмечает, что селения или урочища с наименованием Олешье или подобным ему отыскать не удалось [151].

Стародуб на Лане следует искать на этой реке, притоке Припяти, но более точно установить его местоположение невозможно. Загадоч-

---

[144] Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1863, т. XV. Калужская губерния, с. 62 (№ 1338).
[145] Там же, № 3286, 3381, 3421.
[146] Там же, № 2097.
[147] ЛЛ, с. 487.
[148] *Любавский М.* Областное деление..., с. 113—114.
[149] Там же, с. 230.
[150] Россия..., т. IX, с. 507.
[151] *Любавский М.* Областное деление..., с. 83—84.

ными являются такие города, помещенные в списке, как Голотическ, Муравин, Деревеск, Избореск, Вевереск, Мереск. Эта часть «Списка русских городов» остается наиболее неясной. Голотическ упоминается в летописи: «победи Ярополк Всеслава у Голотичьска» [152]. Тем не менее Голотичьск не получает в «Списке» даже приблизительную ориентировку, как и следующие за ним города. Возможно, что они добавлены в список литовских городов без всякого приурочивания их к Пустой Ржове или Серпейску, между которыми они стоят.

Что касается Пустой Ржовы, то под этим названием известен был городок в Псковской земле поблизости от Воронача. Между тем этот городок, чаще называемый просто Ржовой, почему-то отсутствует среди собственно псковских городов, перечисленных в списке [153]. Однако в «Списке» названа «Пустая Ржова на Волге» (эти слова в подлиннике поставлены между точек). Далее следуют города на верховьях Волги. По-видимому, под Ржовой здесь понимается Ржев на Волге, сделавшийся в это время городом Великого княжества Литовского.

Последняя группа литовских городов, указанная в списке, насчитывает 19 городов, в их числе: Мелечя, Селук, Восвято, Зижеч, Ерусалимь, Ржищев, Белобережье, Самара, Броницарев, Осечен, Рясна, Тур, Копорье на Порозе, Карачев, Торуса, Туд, Сижка, Горышон, Лукы. Следует отметить, что в печатных изданиях везде читают: «Броницарев», а не отдельно: Брони, Царев.

Несколько городов, показанных на Волге, существуют еще в наше время или устанавливаются по названиям рек и озер. Таковы прежде всего Осечен и Рясна, указанные на карте Любавского в районе Ржовы. Существовали волости Осечень Большой на левом берегу Волги и Осечень Пустой на правом берегу Волги, выше впадения в нее реки Итомли [154]. Село Рясна существует и теперь. Ранее городок Рясна являлся центром Рясинской волости по течению рек Коши и Тьмы [155].

На реке Молодой Туд надо искать город Туд; действительно, на этой реке имеется село Молодой Туд; вероятно, оно показывает место, где был расположен древний город [156].

Горышон почти с уверенностью может быть отождествлен с селением Горышин при впадении реки Большой Коши в Волгу, где находилась Горышинская волость [157].

Город Сижка должен находиться на озере Сиг или на впадающей в это озеро Сиг реке Сижка, которая вытекает из озера Бельцы. На западном берегу озера стоит погост Сиг, а на южном берегу — дерев-

---

[152] ИЛ, с. 122.

[153] Псковские летописи, вып. 1, с. 28.

[154] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII в. М., 1906, с. 586.

[155] Там же, с. 587.

[156] Словарь Семенова. СПб., 1885, т. V, с. 235 (Туд Молодой); Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Тверь, 1874, вып. 1, с. 23.

[157] *Любавский М.* Образование основной государственной территории..., с. 82. См. также: *Готье Ю.* Указ. соч., Прил., Ржевский уезд, с. 585—588.

ня Старый Сиг; одно из этих поселений, вероятно, показывает местоположение города Сижка. Рубеж между Ржевским уездом и Великим княжеством Литовским проходил по озерам Орлинце, Плотинце, по Красный Борок, по Баранью речку, по Белейке на Поникль, далее «на верх Сижки», на верховья Осуги [158].

На реке Малый Туд стоит село Тарусы; возможно, что здесь и был город Таруса, показанный в этом месте в «Списке русских городов», который не следует смешивать с Тарусой на Оке.

Город Селук, по-видимому, находился на озере Вселук, на восточном берегу которого стоят деревни Малое и Большое Городище. Одно из этих городищ и было городом Вселук.

Город Зижечь или Жижечь стоял на берегу большого озера Жижец к югу от Торопца (у Любавского — Жижцы). Этот город уже в XII в. был довольно значительным населенным пунктом. Он находился на месте позднейшего погоста Жижец при озере того же названия [159].

Город Лукы — вероятно, Великие Луки, считавшиеся в совладении Новгорода и Великого княжества Литовского. Поблизости от Торопца (к востоку) находился город Тур (у Любавского — Туры). Туровская треть указана в записи о Ржевской дани 1479 г. [160].

Восвято «Списка» городов — это позднейший город Усвят [161].

Остается неустановленным местоположение следующих городов: Мелечя, Ерусалимь, Ржищев, Белобережье, Самара, Брони, Царев (или Броницарев), Копорье на Порозе, Карачев.

9. СМОЛЕНСКИЕ ГОРОДА

Смоленские города в списке выделены в особую группу. Они следуют в таком порядке: Смоленеск на Днепре, Елно на Име, Вязма, Дорогобужь, Мьстиславеч, Мстислав на Вехре, Оболенеск, Козелеск, Вятическ, Ржавеск.

Из 10 указанных в списке смоленских городов без затруднений могут быть указаны на карте 6 городов: Смоленеск (или Смоленск), Елно на Име, Вязьма, Дорогобуж, Мстиславец, Мстислав на Вехре. Зато большие затруднения вызывает определение, где находились последние 4 города, названные в «Списке»: Оболенеск, Козелеск, Вятическ, Ржавеск. Между прочим, бросается в глаза неполнота списка смоленских городов, в числе которых отсутствует Рославль; его нет и в списке литовских и залесских городов. Эта неполнота списка смоленских городов, зависевшая, вероятно, от источников, которыми пользовался составитель «Списка», объясняет нам появление в числе смоленских городов Оболенска и Козельска, перечисленных ранее среди городов литовских. Вероятно, здесь имеется в

[158] АЗР, т. I, № 50, с. 63.
[159] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895, с. 60—61.
[160] АЗР, т. I, № 71, с. 88.
[161] *Любавский М.* Областное деление..., с. 249—250.

виду тот же город Оболенеск на Протве, местоположение которого было указано ранее. По-видимому, и Козелеском списка смоленских городов надо считать современный Козельск, но в этом случае Козельск оказывается особым смоленским владением, находящимся далеко на отлете. К тому же Козельск указан и в числе литовских городов. Характерно, что в договорах московских князей с литовскими выделены «Смоленские места», подчинявшиеся Великому княжеству Литовскому в XV в. Может быть, «Список русских городов» отразил какой-либо момент в истории Смоленской земли, когда козельские и оболенские князья были еще связаны со Смоленском[162]. Неизвестно, где находился Ржавеск; его местоположение, возможно, определяется селом Ржавец недалеко от станции Темкино к юго-востоку от Вязьмы.

Совершенно неизвестно, где находился город Вятическ, название которого напоминает нам о стране вятичей.

10. РЯЗАНСКИЕ ГОРОДА

В «Списке» указано 30 рязанских городов — значительно больше, чем их было в позднейшее время, в XV—XVI вв. Это заставляет предполагать, что рязанские города, перечисленные в «Списке», в большинстве были небольшими укреплениями, что объясняется опасным порубежным положением рязанских городов, лежавших в непосредственном соседстве со степью.

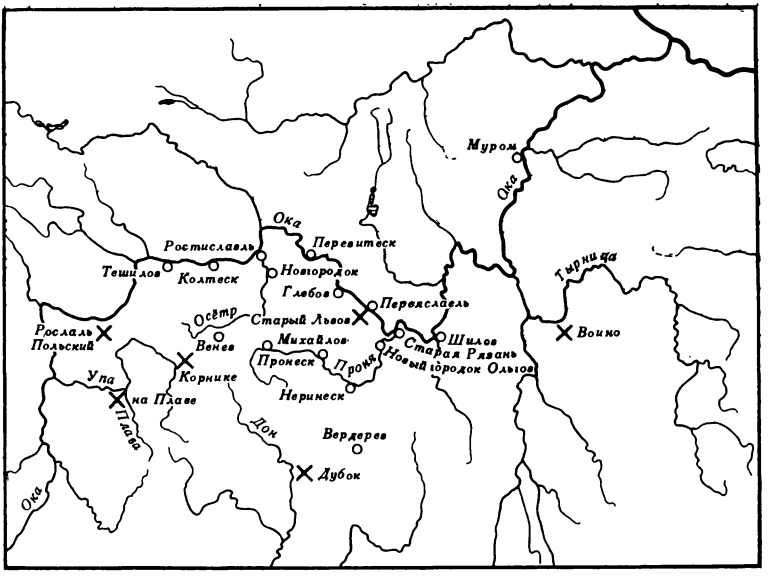
Перечисление рязанских городов сделано в определенном порядке — с востока на запад и далее на юг.

Как и в печатных изданиях, обозначение рек у нас [иногда] поставлено впереди названий городов, а не позади их (в верх Дону Дубок, на Плаве Микитин). Рязанские города названы в таком порядке: Рязань Старая на Оце, Новый городок Олгов на усть Проне, Пронеск, Торческ, Воино, Шилов, Старый Львов, Глебов, Зареческ, Переяславль на Трубеже, Михайлов, Перевитеск, Шипино, Ростиславль, Венев, Тешилов, Крилатеск, Неринеск, Кулатеск, Рослаль Польскыи, Свинеск, Новгородок на Осетре, Бобруеск, Дубечин, на Плаве Микитин, Вердерев, Ломихвост, в верх Дону Дубок, Корнике, Урюпеск.

Из 30 рязанских городов могут быть нанесены на карту [№ 5] без затруднений: Рязань Старая на Оке, Пронеск или Пронск, Переяславль на Трубеже (или современная Рязань), Михайлов, Венев — всего лишь 5 селений, сохранившихся до нашего времени в качестве городов. Остальные стали селами или исчезли с лица земли.

Относительно легко устанавливается место, которое занимал Новый городок Ольгов на устье реки Прони. До сих пор при устье Прони виден остаток вала, находящегося на вершине холма. Здесь, по предположению Иловайского, находился Новый городок Ольгов. Место для городка указывают там, где теперь стоит село Никитино

[162] Духовные и договорные..., с. 43.



Карта № 5

и где еще в половине XIX в. сохранялась значительная часть вала под названием «городца» [163].

Указанный в списке городов Шилов соответствует современному Шилову на Оке. Шилово еще в XVI в. принадлежало дворянскому роду Шиловских, которые собирали в свою пользу пошлины с приставших к берегу судов [164].

Ростиславль приурочивается к современному селу Ростиславль на Оке. В качестве одного из крупнейших рязанских городов он упоминается, наравне с Переяславлем и Пронском, в договорной грамоте рязанских князей 1496 г. У села Ростиславль в середине XIX в. были видны 3 вала и между ними прокоп [165].

Новгородок на Осетре, вероятнее всего, соответствует позднейшему Зарайску, который отсутствует в списке городов, но существова-

---

[163] *Иловайский Д.* История Рязанского княжества. М., 1858, с. 255, прим. 253; Материалы для географии и статистики России. Рязанская губ./Сост. М. Баранович. СПб., 1860, с. 531; Словарь Семенова. СПб., 1867, т. III, с. 454 (под словом Никитина); Россия... СПб., 1902, т. II. Среднерусская черноземная область, с. 314.

[164] *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895, вып. I—II, с. 242—271.

[165] В летописи Ростиславль указан под 1342 г. как один из значительных городов Рязанской земли, сделавшийся княжеским стольным городом (ПСРЛ, т. XVIII, с. 94). Словарь Семенова. СПб., 1873, т. IV, с. 327; Духовные и договорные..., с. 333 (в указателе к этому изданию Ростиславль пропущен).

ние которого восходит к древнему времени, так как уже предания XV—XVI вв. относят его происхождение к домонгольским временам. Впрочем, Новый городок мог находиться и на месте села Городни при впадении Осетра в Оку. «...Здесь, при протоке Чисторое, текущем в Осетр, находится окруженный валом городок...» [166]

Перевитеск или Перевитск находился на Оке недалеко от села Белоомут. По словам Иловайского, Перевитск стоит на высоком холме и защищен с трех сторон валом, а с западной стороны — даже рвом; рядом находится деревня Перевитцкий Торжок [167]. В договоре рязанских князей 1496 г. он указан в Переяславле Рязанском: «отделили есмя тебе в Переславли Перевитеск» [168].

Городок Воино намечается Иловайским около села Санского, к востоку от устья Кишны на том основании, что здесь упоминаются «Озеро Воинское» и «уезд Воинской» [169]. В «Списке русских городов» Воино показано между Шиловом и Торческом. На местоположение этого города указывает летописный рассказ 1365 г. о нашествии на Рязанскую землю ордынского князя Тагая. Татары сожгли Переяславль Рязанский и повернули обратно, но князь Олег Рязанский с Владимиром Пронским и Титом Козельским догнали уходивших хищников и разбили их под «Шишовским лесом на Воине» [170]. Шишевский лес с известным основанием может быть отождествлен с лесом на речке Шиш, притоке Тырницы, впадающей в Оку ниже Пары. Воино указано нами условно на реке Шиш.

Город Глебов находился на левом берегу Вожи, где расположено село Глебово Городище с остатками земляных насыпей [171].

Зареческ «Списка» городов, по Иловайскому, находился на левой стороне Оки против Старой Рязани, где «лежат село с монастырем и остатками древнего городка, может быть, Зареческа» [172]. В «Списке русских городов» Зареческ показан между Глебовом и Переяславлем Рязанским, что соответствует местоположению предполагаемого Заречьска. Иловайский указывает, что «монастырь по преданию местных жителей назывался Зареченским». Впрочем *, название Заречье было так распространено, что предположение Иловайского остается только предположением*.

В районе Каширы находился древний городок Тешилов. В писцовых книгах XVI в. в Каширском уезде показаны переправы в Сенки-

---

[166] Материалы для географии и статистики России. Рязанская губ., с. 541.
[167] *Иловайский Д.* История Рязанского княжества, с. 247; Словарь Семенова, т. IV, с. 41.
[168] Духовные и договорные..., с. 333.
[169] *Иловайский Д.* История Рязанского княжества, с. 258.
[170] ПСРЛ, т. XVIII, с. 104.
[171] *Иловайский Д.* История Рязанского княжества, с. 260—261, сн. 263; Список населенных мест по Рязанской губернии, № 1179.
[172] *Иловайский Д.* История Рязанского княжества, с. 256. [Позднее (см. комментарий) М. Н. Тихомиров к этой ссылке сделал добавление]: См. также: *Добролюбов И.* Историко-статистическое описание [церквей и монастырей Рязанской епархии. Рязань, 1891, т. IV, с. 210].

* [Позднее это предложение было зачеркнуто М. Н. Тихомировым].

не, в Липицах, «под Тешиловым», в Любвине [173]. В XIX в. здесь стояло село Спас-Тешилово [174] при впадении речки Хохлы в Оку в 40 км от Каширы. «Городище находится на возвышенном месте; в окружности имеет около 50 сажен, земляные валы около 2 сажен; к реке есть особенный выход» [175].

Город Свинеск «Списка русских городов» Иловайский отождествляет с селом Свинчус на Оке между Старой Рязанью и Касимовом. То же самое приурочивание находим в словаре Семенова [176]. Но в «Списке» город Свинеск показан между Рославлем Польским и Новгородком на Осетре. Поэтому правильнее искать этот город на месте села Свинское к югу от Серпухова и поблизости от Оки (ст. Свинская Московско-Курской ж. д.). И. Сахаров предполагает, что Свинеск находился в бывшем Веневском уезде, где в 28 верстах от Венева находится село Аннино и городище — «круглая большая насыпь, следы бывшего жилья». Под городищем протекает речка Свинска, впадающая в Осетр [177].

Город Вердерев, по-видимому, находился на месте села Вердерево, поблизости от реки Верды к северо-востоку от Скопина. Впрочем, может быть, правильнее этот город искать на месте самого Скопина или села Городецкого на реке Верде недалеко от впадения ее в Ранову. В начале XVI в. на реке Верде стояли русские сторожевые отряды. Иван III предлагал рязанской великой княгине направлять послов в Крым — «до Верды до своих сторожов» [178].

Город Неринск «Списка русских городов», по-видимому, тот же город, который под этим названием упомянут в Ипатьевской летописи под 1147 г. по поводу похода Святослава Ольговича на север. По летописи, Святослав из Москвы пошел к Лобыньску, «и оттуда иде к Нериньску и перешед Оку и став» [179]. Из другого известия той же летописи видно, что к Святославу в Неринск пришли послы от половцев. Таким образом, Неринск надо искать где-то на юг от Оки и поблизости от Половецкой степи. В этом случае очень интересно указание на древность села Нерытина или Неретина недалеко от впадения Рановы в Проню. В 7 верстах от Неретина находится село Толпино, где «вокруг церкви, построенной на высокой горе над р. Проней, сохранились насыпные валы» [180]. Действительно, район Толпина и Неретина интересен даже по названиям селений (Кипчаково, Княжее, Мало-Ретюнское или Княжая Поляна и т. д.).

Однако в Каширском уезде имеется озеро Неринское, из которого течет проток Неринский, впадающий в Оку. Возможно, это и есть

---

[173] Писцовые книги Московского государства / Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1877, ч. 1, отд. II, с. 1305.
[174] Словарь Семенова, т. IV, с. 712; Россия..., т. II, с. 429; Памятники Тульской губернии. СПб., 1851, с. 15.
[175] Россия..., т. II, с. 323.
[176] Там же.
[177] Памятники Тульской губернии, с. 11—12.
[178] Сб. РИО. СПб., 1884, т. 41, с. 366.
[179] ИЛ, с. 241.
[180] Россия..., т. II, с. 360.

место, где находился летописный Неренск[181], так как в «Списке» город Неринск указан в ближайшем соседстве к Тешилову, следовательно, в районе Каширы.

Старый Львов в «Списке русских городов», по Иловайскому, должен быть сопоставлен с Льговом, т. е. городком Ольговом, стоявшим на крутом холме на мысу, при впадении речки Гусевни в Оку, километрах в 15 ниже Рязани. Рассказ Лаврентьевской летописи о походе Всеволода Большое Гнездо в Рязанскую землю в 1207 г. помогает определить положение Льгова. Двинувшись из Москвы, суздальские войска дошли до Оки и стали лагерем на берегу реки. Перебравшись через Оку, суздальцы двинулись к Пронску. Осадив этот город, Всеволод послал за съестными припасами, «по корм», на Оку к своим ладьям. Около Ужеска (или Ожьска) суздальцы получили известие, что рязанский князь Роман Игоревич напал на суздальских «лодейников» у Ольгова. Суздальцы поспешили на помощь к лодейникам и заставили рязанское войско отступить. Судя по этому рассказу, Ольгово находилось на Оке где-то выше современной Старой Рязани. У села Льгова находится и древний Ольгов (Льговский) монастырь, что также указывает на правильность приурочивания Льгова или Ольгова к этой местности.

Ниже Льгова у села Вышгорода на Оке указывают место города Ожска. Городище находится в Гавердовском лесу в 4 км от Вышгорода[182]. Название «Вышгород», действительно, указывает на существование здесь какой-то древней крепости. По летописи, Ожск или Ужск стоял на Оке ниже Льгова и в его непосредственном соседстве. Таким образом, Ожск вполне может быть приурочен к Вышгороду.

Рославль Польский, по мнению Сахарова, находился при селе Ростиславль, Лаптево тоже, при речке Вашане в 40 верстах от Тулы. Еще в XVIII в. Ростиславский погост стоял отдельно от деревни Лаптевой[183]. В договоре 1494 г. Ивана III с литовским великим князем Александром он показан поблизости от Алексина, Тешилова и Венева: «не вступатися в Олексин и в Тешилов, и в Рославль, и в Венев»[184]. В «Списке русских городов» Рославль действительно стоит в районе Нового городка на Осетре. Название города «Польский» соответствует его положению в степи, «в поле».

Город Дубок с полным основанием надо искать в верховьях Дона. В описании путешествия митрополита Пимена в 1389 г. говорится, что путь на Дон шел от Переяславля Рязанского, откуда были взяты 3 струга и насад на колесах[185], привезенные на Дон. Место города Дубка, по мнению некоторых, соответствует селениям Старому Городищу (Богородицкому) и Дубкам Данковского уезда[186]. Название Старое Городище указывает на древнее поселение. Действительно, к

---

[181] Памятники Тульской губернии, с. 16.
[182] Россия..., т. II, с. 310—311.
[183] Памятники Тульской губернии, с. 10.
[184] Духовные и договорные..., с. 330.
[185] Руский Времянник. М., 1820, ч. I, с. 295.
[186] Россия..., т. II, с. 269, 541.

Дубкам на Дону ведет теперь шоссе (ранее большая дорога) через Пронск и Скопин. Эта дорога является кратчайшим расстоянием от Переяславля Рязанского к Дону. В окрестностях Дубков находится село Осиновая гора, с обширным видом на долину Дона. Река Ранова в этом месте подходит своим верховьем к Дону как раз в районе Дубков. Таким образом, первоначальная дорога от Оки и Старой Рязани могла идти по Проне и ее притоку Ранове. Дубок упоминается уже в договоре Дмитрия Донского с рязанским князем Олегом Ивановичем 1382 г. в числе городов, ранее принадлежавших тарусским князьям [187]. По договору Василия Дмитриевича с рязанским князем Федором Ольговичем 1402 г., город Дубок тоже отнесен к Рязани вместе с иными городами, «что доселе тягло к Москве». Так же было и в 1434 г. и в 1447 г. [188].

В списке рязанских городов указан город Корнике, упомянутый тотчас за Дубком. Поблизости от р. Шать имеется сел[ение] Корницки, а в непосредственной близости от него — село Городище на реке Шать. Что название Корницки не является новообразованием, доказывается существованием в XVII в. Карницкой засеки в Тульском уезде. «Это был густой частый бор, который тянулся широкой полосой от с. Хавок до реки Шата» [189]. На Шате находится современное селение Карнички. Здесь надо искать древний город Корнике, при впадении речки Карнички в реку Шать. «В XVIII столетии здесь еще видны были тайники» [190]. В этом месте река Шать сближается с Доном, и здесь вполне мог быть расположен древний город. На реке Шать поблизости от Карнички находится селение Городец, где, вероятно, и был расположен древний город.

Кулатеск «Списка русских городов», по-видимому, может быть отождествлен с Колтеском, место которого указывают у Каширы, где находится село Колтово [191]. «Колтеск (Колотск), город в Черниговской земле, ныне село Колтово Тульской губернии Каширского уезда» [192]. В «Списке русских городов» Кулатеск, действительно, показан между Неринском и Рославлем Польским.

Город на Плаве и на Солове упоминается в завещании Ивана Грозного, причем переписчик XVIII в. делает пояснение: «ныне зовется Крапивна город» [193]. Это замечание имеет полное основание, так как другого города на Плаве, притока Упы, неизвестно. К этому месту и следует отнести Микитин на Плаве.

Таким образом, рассмотрение перечня рязанских городов приводит к убеждению в большой достоверности «Списка русских горо-

---

[187] Духовные и договорные..., с. 28.
[188] Там же, с. 53, 84.
[189] *Белоцерковский Г. М.* Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв. Киев, 1914, с. 55.
[190] Памятники Тульской губернии, с. 19.
[191] Россия..., т. II, с. 395. Памятники Тульской губернии, с. 14.
[192] Указатель к Никоновской летописи (ПСРЛ. Пг., 1918, т. XIV, 2-я пол., с. 208).
[193] Духовные и договорные..., с. 435.

дов». Осталось неустановленным местоположение только следующих городов: Шипино, Крылатеск, Бобруеск, Ломихвост, Урюпеск, Дубечин.

11. ЗАЛЕССКИЕ ГОРОДА

Большинство русских городов выделено в «Списке» в особую рубрику залесских, в число которых включены и города новгородские и псковские, которые будут нами изучаться отдельно. Само название — «Залесские города» — очень характерно для «Списка русских городов», оно было в употреблении в конце XIV — начале XV в. для обозначения русских земель, лежавших в междуречье Волги и Оки, земель образующейся Московской Руси, хотя первоначально это название и возникло на юге. «Залесская земля» — это та земля, которая с точки зрения киевлян и черниговцев находилась к северу от обширных Брынских лесов. Название «Залесской земли» в применении к Московской Руси находим уже в «Задонщине», где Дмитрий Донской обращается к своим воеводам со словами: «а идет к нам в Залесскую землю». В той же «Задонщине» буря заносит соколов «из земли Залесския в поле половецкое». Земля Залесская в «Задонщине» имеет уже своим центром Москву: «Пойдем... во свою Залесскую землю к славному граду Москве»[194].

В списке «залесских» городов, помещенном в Новгородской I летописи, указано 55 названий, не считая новгородских и псковских, причем перечисление городов ведется с восточной окраины по направлению на запад.

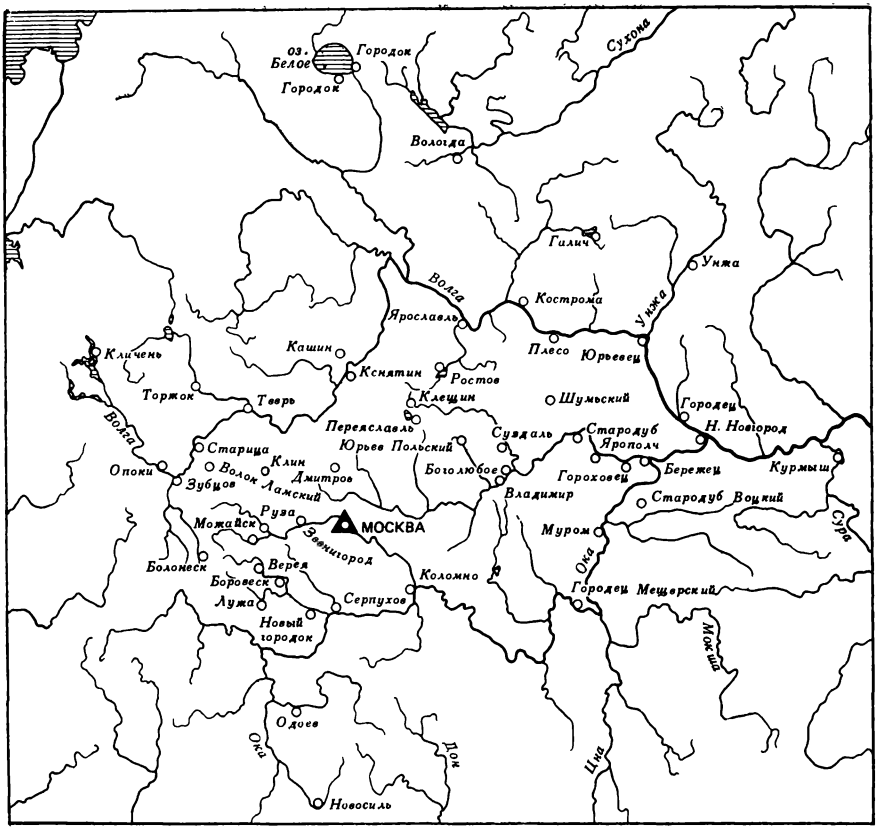
В списке показаны следующие города Московской Руси:

Мещерьское камена могыла на Десне, Муром на Оце, Стародуб Вочьскыи, другыи Стародуб на Клязме, Ярополч, Гороховець, Бережечь, Новгород Нижнии, Куръмышь на Суре, Вятка, Городець, Юрьевеч, Унжа, Плесо, Кострома, Устюг, Вологда, на Белеозере два городка, на Молозе Городець, Ярославль, Ростов, Юрьев Польскыи, Мстиславль, Суждаль, Шумьскыи, Несвежьскыи, Боголюбое, Володимерь, Клещин, Переяславль, Дмитров, Москва камен, Можаеск, Звенигород, Волок Ламьскыи, Руза, Коломно на Оце, Романов, Серпохов, Новыи городок на Поротли, Лужа, Боровеск, Болонеск, Одоев, Любутеск, Новосиль, Кореск, Верея на Поротве, Новгородок, Галичь, Кличень, Ржова, Бежицкыи Верх. Из всех этих городов только Москва показана с каменным кремлем, все остальные, следовательно, имели только земляные и деревянные укрепления.

Из этого числа местоположение 36 следующих городов устанавливается без особых затруднений: Муром на Оке, Стародуб на Клязьме, Ярополчь или нынешние Вязники, Гороховец, Новгород Нижний, Курмыш на Суре, Вятка, Городец, Юрьевец, Унжа, Плесо, Кострома, Устюг, Вологда, Ярославль, Ростов, Юрьев Польский, Боголюбое, Володимерь, Переяславль, Дмитров, Москва, Можаеск,

---

[194] Воинские повести древней Руси / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949, с. 33, 34, 41.



Карта № 6

Звенигород, Волок Ламский, Руза, Коломно или Коломна, Серпохов, Боровеск, Одоев, Новосиль, Курск, Верея на Поротве, Галич, Ржева, Бежицкий Верх.

Значительно труднее обстоит дело с определением оставшихся 19 городов. Из них положение такого города, как Стародуб Вочьский, точно определено на карте Любавского; Стародуб Вочьский находился поблизости от Мурома. В Муромском уезде находился Стародубовоцкий стан. «Названье „Стародубье“ в отношении к данной местности сохранилось доселе (Списки населенных мест Владимирской губ., с. X, XLII, XLVII)» [195].

Упомянутые после Серпухова Новый городок и Лужа известны по документам. О Новом городке на устье реки Протвы и о Луже упоминается в духовной великого князя Ивана Ивановича. Влади-

[195] *Готье Ю. В.* Указ. соч., с. 581.

мир Андреевич Серпуховской получил взамен Лопасни «Новый городок на усть Поротли» [196]. По договору Дмитрия Донского с Олегом Рязанским, Новый городок указан на московской стороне Оки, т. е. на левом, или северном, берегу Оки: «Новый городок, Лужа, Верея, Боровеск, и иная места Рязаньская, которая ни будут на той стороне» (понимается,— Москвы-реки). Новый городок на Протве, по-видимому, находился на месте современного села Спас-Городец на правом берегу Протвы, недалеко от впадения Протвы в Оку. На карте Любавского он почему-то указан на левом берегу Протвы, непосредственно при ее впадении в Оку.

Местоположение города Лужи следует приурочить к какому-либо городу, стоявшему на реке Лужа. Таким городом является Малоярославец, который и ранее отождествлялся в литературе с Лужой. Против такого отождествления высказался В. Н. Дебольский, указавший на то, что Малоярославец и Лужа раздельно упоминаются в духовной Владимира Андреевича 1406 г. [197]. Но это утверждение неправильно. В духовной, действительно, указаны отдельно «Ярославль с Хотунью» и «слободы Лужовские и волости» [198]. Волость Хотунь находится далеко на отлете от волости Лужи, местоположение которой точно указано Ю. В. Готье. Между тем название Лужи как города исчезает в документах середины XV в., а Малоярославец начинает упоминаться с конца того же века. По-видимому, к концу XV в. новое название Ярославец окончательно вытеснило старое название Лужа. Поэтому считаю возможным отождествить Лужу с современным Малоярославцем, как с городом, лежащим на реке Луже и в пределах древней Лужовской волости.

Упомянутый в «Списке» «на Молозе городец», по-видимому, должен быть отождествлен с Холопьим городком на Мологе. Н. М. Карамзин указывал урочище Старое Холопье в имении А. И. Мусина-Пушкина на Мологе [199]. Поблизости от бывшего села Борисоглебского на реке Мологе находился Старохолопский перекат [200], где и надо предполагать местоположение городка. В атласе Замысловского и на карте Любавского без объяснения и, по-видимому, неправильно Холопий городок показан при впадении реки Мологи в Волгу, где позже находился город Молога. Но в духовной Ивана III читаем: «...и что есми свел торг с Холопья городка на Мологу, и тот торг торгуют на Молозе, съезжаяся, как было при мне» [201]. Местность прежнего Холопьего городка в настоящее время затоплена Рыбинским морем.

Между Владимиром и Переяславлем указан город «Клещин». Можно было бы читать «Клещин Переяславль», признавая слово «Клещин» вторым названием Переяславля, но есть полное основа-

[196] СГГД, ч. 1, № 25 и 26. См. также Духовные и договорные..., с. 15, 18.
[197] *Дебольский В. Н.* Указ. соч., вып. 2, с. 9—12.
[198] Духовные и договорные..., с. 46—47.
[199] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1816, т. I., прим. 458.
[200] Словарь Семенова, т. III, с. 296 (Молога, река).
[201] СГГД, ч. 1, № 144, с. 396; Духовные и договорные..., с. 360.

ние считать, что существовал особый городок «Клещин», может быть предшествовавший по времени своего возникновения позднейшему Переяславлю, построенному в 1152 г.[202]. Переяславское озеро, как известно, названо в Начальной летописи Клещиным. Следовательно, город Клещин надо искать на этом озере. Действительно, на берегу Переяславского озера расположено село Городище, на месте которого и полагают древний Клещин. По списку населенных мест Владимирской губернии, в этом селе на Александровской горе бывала ярмарка. Здесь поблизости от озера находится довольно обширное городище.

В самом начале «Списка русских городов», помещенного в Новгородской I летописи, указано: «Мещерское, Камена могыла на Дъсне». Первые издатели Новгородской летописи справедливо считали, что речь идет об одном и том же городе. Издатели Ермолинской летописи после слова «Мещерьское» поставили запятую, но в подлиннике запятой нет. «Мещерьское» — это, по-видимому, Мещерский городец, позднее Касимов. Замечательно, что в списке городов он упомянут в среднем роде — «Мещерьское» (подразумевается, —городище). В 1376 г. Мещерский городец был сожжен татарами; возможно, что с этого времени он стал называться городищем. В договорной грамоте рязанских князей названы «Мещерские волости»[203].

Загадочным представляется название Мещерского городка — «Камена Могыла на Десне». Известны две Цны (Дсны): одна из них большая река Цна, приток Мокши, другая река Цна — левый приток Оки, впадающий в нее несколько ниже Коломны. По месту, на котором указан город Камена Могила на Цне, между Мещерском и Муромом, следует предполагать, что речь идет о притоке Мокши. Тем не менее даже приблизительно связать Камену Могилу на Цне с Мещерском невозможно.

Между Гороховцом и Нижним Новгородом показан город Бережец (Воскресенская летопись) или Бережечь (Новгородская I летопись). Об этом городе упоминается в летописи в рассказе о походе на Нижний Новгород московских и суздальских войск в 1364 г. Князь Дмитрий Константинович собрал в своей отчине в Суздале войско и вместе с московской помощью двинулся на нижегородского князя Бориса. Войска дошли до Бережца, где нижегородский князь встретил их с предложением мира[204]. Следовательно, Бережец находился где-то по дороге из Суздаля в Нижний Новгород. Предположительно город Бережец можно отождествить с селом Березцы или Бережцы, находящимся на полдороге между указанными городами, недалеко от современного города Горбатова, при впадении Клязьмы в Оку. Так же определяет местоположение летописного

---

[202] По летописи, Юрий Долгорукий «Переяславль переведе от Клещина и заложи велик» (ПСРЛ. СПб., 1859, т. VIII, с. 13).

[203] Духовные и договорные..., с. 332—341.

[204] ПСРЛ, т. XVIII, с. 103. В Троицкой пергаменной летописи городок назван Бережцом: «и дошедшу Димитрию Константиновичу Бережца» (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись. М.; Л., 1950, с. 380).

Бережца и А. В. Экземплярский: «Бережец — ныне село Бережцы при устье Клязьмы»[205].

После Боровска в Новгородской I и Ермолинской летописях — Болонеск (Боленеск — в Воскресенской), а в Новгородско-Софийском — Оболенеск. Последнее чтение, по-видимому, является позднейшим осмыслением малоизвестного географического названия, так как в «Списке русских городов» Оболенеск указывается в числе городов смоленских. Волость «Болонеск» упомянута в духовной Дмитрия Донского в числе Можайских волостей[206]. М. К. Любавский говорит, что эта волость была расположена по реке Болонке, притоку Гжати[207]. На карте к его книге волость «Болонеск» обозначена по верхнему течению реки Вори, притоку Угры. Здесь в настоящее время имеется деревня Городищево, может быть показывающая место древнего города.

Упомянутый в «Списке русских городов» Кличень являлся центром волости Клич, находившейся на восточном берегу озера Селигер[208]. Эта волость входила в состав Ржевского княжества и упомянута в отрывке тотчас же за Ржевой. В словаре Семенова читаем: «Кличин, остров на озере Селигере... с высоким холмом, на котором некогда стоял городок или стан волостеля Кличинской волости Ржевского уезда»[209]. Этот остров расположен поблизости от Осташкова, на нем сохранилось древнее городище.

В отрывке указываются два городка на Белом озере. Одним из них является город Белоозеро, другим надо признать городок Усть-Шехонский («Усть Шоксны») при выходе Шексны из Белого озера, часто упоминаемый в духовных и договорных грамотах московских князей одновременно с Белоозером[210]. В XIX в. здесь находился Крохинский посад, а ранее Усть-Шехонский монастырь, по преданию построенный в XIII в.[211]

Между Юрьевом Польским и Суздалем «Список русских городов» указывает Мстиславль. В духовной грамоте Ивана Грозного упоминается село «Городище Мстиславле, село Флолищево, село Сенмское, село Елохово»[212]. Село «Сенмское» — вероятно, испорченное название Симского села или Симы, поблизости от которого имеется «большая осыпь, сохранившая доселе название Симского Хабарова городка»[213]. В бывшей Симской и Сарагожиной дворцовых областях и надо искать Мстиславле городище, но более точно указать его местоположение пока затруднительно.

---

[205] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891, т. II, с. 402.
[206] СГГД, ч. I, № 34; Духовные и договорные..., с. 34.
[207] *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории..., с. 46.
[208] Там же, с. 82.
[209] Словарь Семенова. СПб., 1865, т. II, с. 635.
[210] Духовные и договорные..., указатель, [с. 559].
[211] Словарь Семенова, т. II, с. 800, Крохинский посад.
[212] Духовные и договорные..., с. 443.
[213] Словарь Семенова, т. IV, с. 587.

В «Списке» городов между Суздалем и Боголюбовом помещены города Шумьский и Несвежьский. В этом районе имеются два городища, но названия их не соответствуют городам, указанным в отрывке. Может быть, слово «Шумьский» надо читать, как Шуйский. Тогда речь может идти о городке Шуе. Мнение Любавского, что Шуя, ранее называвшаяся Борисоглебской слободой, лишь в XVI в. получила свое название, маловероятно, так как князья Шуйские упоминаются уже с 1403 г. Шуйские происходили из рода суздальских князей. Крепость в Шуе находилась на левом берегу Тезы, а посад назывался Борисоглебским от церкви Бориса и Глеба [214]. В списках населенных местностей Владимирской губернии указано также село Ивановское-Шуйское Суздальского уезда (№ 5213), находящееся на дороге из Суздаля в Юрьев, т. е. в том районе, который надо предполагать и для городка Шумьского по «Списку русских городов».

Неясно и положение Романова, показанного между Коломной и Серпуховом, а также Новгородка, указанного после Вереи на Поротве перед Галичем.

Любутеск (Любутск) «Списка русских городов» может быть тем же Любутеском на Оке, что показан в числе литовских городов. В «Списке» городов он назван между Одоевом и Новосилем, что и соответствует топографии Любутеска. Но известен и другой Любутск. Это поселение на Оке к востоку от Коломны, условно отмеченное нами на карте [№ 6] Курск в списке зелесских городов, несомненно, тот же Курск, что указан и в числе киевских. Вероятно, он находился в совладении московских князей с другими.

В «Списке» городов, помещенном в Новгородско-Софийском сборнике, добавлены города Чюхлома и Высокое. Местоположение Чюхломы установить нетрудно, но где находилось Высокое, поставленное между Серпуховом и Новым городком, неизвестно. Может быть, на его местоположение указывает Высоцкий монастырь под Серпуховом. В 1374 г. Сергий Радонежский был приглашен в Серпухов, «дабы благословил место, еже на Высоком» [215], где был поставлен Афанасиев Высоцкий монастырь. В духовной Юрия Васильевича 1472 г. этот монастырь указан на Высоком в Серпухове («а к Пречистой на Высокое в Серпохов») [216]. Впрочем, в Коломенском уезде было тоже село Высокое (позже город Егорьевск).

12. НОВГОРОДСКИЕ И ПСКОВСКИЕ ГОРОДА

К залесским городам без особого заголовка отнесены в «Списке» новгородские и псковские города. Они указаны в таком порядке: Новгород Великий, детинец камен, Ладога камен, Орешек,

[214] Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии / Сост. Н. Н. Ушаков. Владимир, 1913, с. 405—406.
[215] ПСРЛ, т. XXIII, с. 118.
[216] Духовные и договорные..., с. 223.

Корельский, Тиверьский, за Волоком на Колмогорах, в Емце, на Ваге, Орлечь, Торжок, Демяна, Молвотице, Безеровечь, Стержь, Морева, Велиль, Лукы, Руса, Кур на Ловати, Копорья камен, Яма камен на Луге, на Шолоне Порхов камен, Опока, Высокое, Вышегород, Кошкин, Псков камен, Изборьско камен, Остров камен, Вороначь, Велье, Котелно, Коложе, Врево, Дубков, Черниця.

В этом перечислении особо указано 7 каменных городов, следовательно, больше даже, чем в Великом княжестве Литовском. Автор списка, как и при описании Вильны, Трок, Витебска, Киева и некоторых других городов, обнаруживает хорошее знакомство с состоянием укреплений в Новгородской земле. Само отнесение новгородских и псковских городов к числу городов залесских очень интересно, как показатель того, что уже в конце XIV в. сложилось представление о единстве русских или великорусских земель.

Из перечисленных 35 городов на карте [№ 7] устанавливаются очень легко 17 городов. К их числу принадлежат: Новгород Великий, Ладога, Орешек, Торжок, Демяна или Демянск, Лукы или Великие Луки, Руса или Старая Руса, Копорье, Яма на Луге, Порхов на Шелони, Псков, Изборьско или Изборск, Остров, Вороначь, Велье, Врево, Орлец.

Относительно легко можно установить местоположение таких городов, которые сохранились до нашего времени в качестве сел или местечек.

Город Морева находился в волости такого же названия, указанной в писцовой книге Деревской пятины 1495 г. Поблизости от села Новая Руса на реке Поле находится деревня Морева[217]. В середине XIX в. здесь строились еще речные суда. Та же Морева, как мы видели ранее, указана в числе литовских городов.

Поблизости от Моревы показан город Молвятицы, в настоящее время село Молвотицы. По писцовым книгам 1495 г., в Молвятицком погосте было «городище», обозначавшее местоположение прежнего города[218].

Город Березовец находился в волости Березовец, расположенной у озера Селигер. По писцовым книгам 1495 г., Березовец раньше принадлежал посаднице Марфе Исаковой. В нем указано городище, церковь и двор большой[219]. Во времена новгородской самостоятельности здесь должен был стоять городок, принадлежавший боярской фамилии Борецких.

Город Стерж находился в волости Стерж, при озере того же названия, в настоящее время село Стерж. По писцовым книгам 1495 г., волость Стерж принадлежала ранее Аркажу монастырю в Новгороде[220].

Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. СПб., 1853, с. 177 (отд. отт.; Зап. Русского географического общества, кн. VIII).

[218] Словарь Семенова, т. III, с. 491.

[219] *Неволин К. А.* Указ. соч., с. 184, Прил. с. 205.

[220] Там же, Прил. с. 229.

Карта № 7

Волость Велиль, по писцовым книгам 1495 г., раньше находилась во владении помещиков. Село Велиль расположено недалеко от верховьев реки Полы [221].

Город Кур на Ловати «Списка» городов обозначает город Курск, стоявший на реке Ловать, в котором, по писцовым книгам, указывалось городище [222]. В настоящее время это место известно под названием Курское Городище.

Молвотицы, Березовцы, Морева, Стерж, Луки упомянуты в договорной грамоте Новгорода с литовским великим князем Казимиром около 1440 г. Там же назван Кунск, вероятно, по ошибке вместо Курска.[223]

Город Опока находился в Опоцком погосте Шелонской пятины. В писцовых книгах 1583—1585 гг. в Опоцком погосте показана каменная церковь и там же Опоцкий монастырь. В настоящее время здесь имеется село Опока на реке Шелони [224].

---

[221] Там же, с. 178, Прил. с. 232.
[222] Там же, с. 176, Прил. с. 370.
[223] АЗР, т. I, № 39, с. 52—53.
[224] *Андрияшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 г. I. Списки селений. М., 1914, с. 419.

Город Высокое, по-видимому, надо относить к Высоцкому погосту, где теперь находится село Высокое на правом берегу реки Шелони [225].

В том же районе показан погост Вышегородский, в котором находился город Вышгород (между двумя озерами) на месте села с таким же названием [226].

Поблизости от Вышгорода также в Шелонской пятине находился город Кошкин. Андрияшев указывает, что местоположение Кошкина города установить в точности трудно; возможно, что он был в Жедрицком погосте [227].

Корельский город, вероятно, надо считать городом Корелой, находившимся у Ладожского озера. В духовной Ивана III говорится о Корельской земле и упоминается «Корельский город». Впрочем, мог существовать и другой Корельский город в районе Корельского берега Белого моря, где позже находился Корельский монастырь.

Неясно местоположение Тиверского городка. По известию 1411 г., он находился где-то в районе Выборга на границе Новгородской земли и Финляндии, принадлежавшей тогда Швеции. В позднем списке дошла данная грамота XV в., где упомянуты «тиврульцы», возможно, жители Тиверского городка [228].

Город за Волоком на Колмогорах — современные Холмогоры. Этот город упоминается уже в грамоте Ивана Даниловича Калиты «к Двинскому посаднику на Колмогоры» [229].

Город, показанный «в Емце на Ваге», определяется по своему положению на реках Емце и Ваге. Следует думать, что летописный отрывок говорит об одном городе: «в Емце», «на Ваге», а не о двух, как это предполагали и первые издатели Новгородской летописи. Городок «в Емце» напоминает Емецкое на реке Емце недалеко от ее впадения в Северную Двину в непосредственной близости к Орлецу. В уставной Двинской грамоте 1397 г. указаны расстояния от Орлеца вверх по Двине, из которых видно, что Емца, действительно, находилась к югу от Орлеца, вниз по Двине [230]. Но Емецкое нельзя принять за городок в Емце на Ваге, который, как видно из самого названия, стоял на реке Ваге. Вероятно, под названием «города на Ваге» скрывается позднейший Шенкурск, как это и предполагает П. Строев, отождествивший Вагу с Шенкурском в своем указателе к «Истории государства Российского» Карамзина. Некоторое разъяснение дает духовная Ивана III, в которой упоминается «Емъская гора на Вазе» [231], т. е. на Ваге. В Новгородско-Софийском списке прямо сказано: «Емца на Ваге

---

[225] *Андрияшев А. М.* Материалы..., с. 310.
[226] Там же, с. 354.
[227] Там же, с. 364.
[228] Новгородская летопись, с. 402; Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949, с. 311.
[229] ААЭ, т. I, с. 1, № 2.
[230] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 145.
[231] *Богословский М.* Земское самоуправление на русском севере в XVII в. М., 1909. Т. I (приложение и карты); СГГД, ч. 1, с. 392.

Шенкуриа», причем эта фраза поставлена между двух точек, что доказывает отождествление Емцы на Ваге с Шенкурском.

Расположение псковских пригородов Коложе, Котельно, Дубкова отмечено на карте по указаниям псковских исследователей [232]. Пригород Коложе в 1404 г. был взят Витовтом, который двинулся дальше к Вороначу. Дубков находился при реке Погощенке почти в 80 км от Острова, где находится Дубковская гора, она «представляет себя в виде сделанной крепости». В конце XIX в. местные старожилы еще помнили, что Дубков был пригородом, на горе стояла церковь Преображения, а внизу — Духов монастырь [233].

Город Черница находился в Черницкой губе Опочецкого уезда, на реке Чернице.

Таким образом, почти все новгородские и псковские города, указанные в «Списке», могут быть нанесены на современную карту. Число их было значительно больше, чем в позднейшее время. Это явление очень типично для таких земель, как Новгородская и Псковская, порубежное положение которых вызывало потребность в устройстве мелких городков, имевших очень небольшое экономическое значение. Значительная часть новгородских городков принадлежала феодалам, являясь нередко их укрепленными усадьбами. После ликвидации новгородской самостоятельности такие замки прекратили свое существование, и названия некоторых исчезнувших городков сохранились только в памяти старожилов.

13. ТВЕРСКИЕ ГОРОДА

Тверские города, как уже говорилось, не указаны в древнейших «Списках русских городов», но они перечислены в более поздних редакциях этих «Списков». Всего указано 8 тверских городов: Тверь, Старица, Зубцов, Опокы, Городец, Клин, Кашин, Скнятин.

Все эти города могут быть нанесены на карту без особых изысканий.

14. Список русских городов дальних и ближних *(ПО АЛФАВИТУ)*

Аколякра на море, болгарский
Асьkый торг, волошский, *см.* Ясьский торг
Бакота, подольский
Баня, волошский
Бдин, *см.* Мдин
Бежицкий Верх, залесский
Белая, литовский
Белгород на усть Днестра над морем, волошский
Белгород на Рпене, киевский
Белеозеро (2 городка), залесский, *см.* Городок на Белеозере
Белз, волынский
Белобережье, литовский
Бережец, залесский
Березовечь, залесский
Березуеск, литовский
Берестий, волынский
Бирин, киевский
Бобруеск, рязанский
Боголюбое, залесский
Божеск, литовский
Болонеск, залесский
Борисов, литовский
Боровеск, залесский
Браславль, подольский

[232] *Васильев А., Янсон А. К.* Древний Псков. Л., 1929, с. 15.
[233] Псковское наместничество: По материалам архива Псковского губернатора/Собрал Д. Лазарев. Псков, 1887, с. 13—15.

Брони, литовский
Брынеск, волынский
Брянеск, киевский
Быхов, киевский

Вага, городок на Ваге, залесский
Василев на Стугне, киевский
Вевереск, литовский
Велиль, залесский
Венев, рязанский
Веничя или Вениця, подольский
Вердерев, рязанский
Верея на Поротве, залесский
Видбеск, Витебск, на Видьбе и Двине, 3 каменные стены, литовский
Видичев каменный, о 7 каменных стенах, на Дунае, болгарский
Вилкомирье, литовский
Вилно камен, на Вилии и Вильне, 4 стены деревянные и 2 стены каменные, литовский
Витебск, *см.* Видбеск
Воино, рязанский
Вологда, залесский
Володимерь, волынский
Володимерь, залесский
Волок Ламский, залесский
Волынь на Буге, волынский
Воробееск на Струмени, волынский
Ворона, киевский
Вороначь, залесский
Воротынеск, литовский
Восвято, литовский, *см.* Усвят
Вости, литовский
Вселук, литовский
Вручий, волынский
Высокое, залесский, *указан дополнительно в Новгородско-Софийском сборнике*
Вышегород, залесский
Вышегород, киевский
Вязьма, смоленский
Вятическ, смоленский
Вятка, залесский

Галич, залесский
Галичь, волынский
Глебов, рязанский
Глинеск, киевский
Голотическ, литовский
Голшаны, литовский
Гомий, киевский
Горволь, литовский
Городец, залесский
Городец на Молозе, залесский
Городец на Немне (Немане), литовский
Городец, тверской
Городище, киевский
Городно, литовский
Городок на Черемоше, волошский
Городок на Белеозере, залесский
Городок на Белеозере (второй), залесский
Гороховец на Клязьме, залесский
Горышон, литовский
Грошин, киевский

Дверен на Рши, киевский
Девягореск, литовский
Демяна, залесский
Деревеск, литовский
Дерестр, *см.* Дрествин
Дичин, болгарский
Дмитров, залесский
Дорогобуж, смоленский
Дорогобучь, волынский
Дрест, *см.* Дрествин
Дрествин, Дрестр (Силистрия) на Дунае, болгарский
Дроков, киевский
Другобець, волынский
Дрютеск, литовский
Дубечен на Плаве, рязанский
Дубичи, волынский
Дубков, залесский
Дубок, рязанский

Елно на Име, смоленский
Емца (городок в Емце), залесский
Ерусалим, литовский

Жидичев, *см.* Зудечев
Жижечь, *см.* Зижечь
Житомель (Житомир), киевский
Жолважь, киевский

Зареческ, рязанский
Звенигород, залесский
Звенигород, подольский
Зижечь, литовский
Зубцов, тверской
Зудечев (Жидичев), волынский

Ивань на Икве, волынский
Ижеславль, литовский
Изборск камен, залесский
Избореск, литовский
Изборско на реке Солоной, волынский
Иловечь, подольский

Каварна, болгарский
Камена Могила на Десне, залесский
Каменец, подольский
Канев на Днепре, киевский
Карачев, литовский
Карна, болгарский
Кашин, тверской
Кернов, литовский

Киев на Днепре, древян, церкви Десятинная и София, киевский
Килия, болгарский
Клеческ, литовский
Клещин, залесский
Клин, тверской
Кличень, залесский
Кляпечь, киевский
Ковно, литовский
Ковыла, киевский
Козелеск, литовский
Козелеск, смоленский
Колмогоры, на Колмогорах городок, залесский
Коложе, залесский
Коломно на Оке, залесский
Коломыя, волошский *
Колывань, волынский
Копертуев, литовский [,*см.* Кпертуев]
Копорье камен, залесский
Копорье на Порозе, литовский
Копыль, киевский
Корельский, залесский
Коречь, литовский
Корнике, рязанский
Корочюнов камен, волошский
Корсунь, киевский
Коршов на Сосне, киевский
Кострома, залесский
Котельно, залесский
Кочибирин, *см.* Бирин
Кошкин, залесский
Кпертуев, литовский [,*см.* Копертуев]
Крев камен, литовский
Кременец, волынский
Крилатеск, рязанский
Кричев, литовский
Кулатеск, рязанский
Кур на Ловати, залесский
Куреск, залесский
Куреск на Тускори, киевский
Курмыш на Суре, залесский

Ладога, залесский
Лебедев, литовский
Лида, литовский
Логоско, литовский
Ломихвост в верх Дону, рязанский
Лошеск, литовский
Лошицы, киевский
Лужа, залесский
Лукомль, литовский
Лукы, залесский
Лукы, литовский
Лученск Великий на Стыри, волынский
Лучин, киевский
Любечь, киевский
Любно, волынский
Любутеск, залесский
Любутеск, литовский
Львов Великий, волынский
Львов Старый, рязанский (*см.* Стырый Львов)

Мащин, литовский
Мдин, болгарский (*см.* Бдин)
Меглин, литовский
Медники камен, литовский
Мезеск, литовский
Мелеча, литовский
Менеск (Минск), литовский
Мереск, литовский
Меречь, литовский
Мещерское, залесский
Мещеск, литовский
Микитин, рязанский
Микулин, литовский
Мирославици, киевский
Михайлов, рязанский
Могилев, киевский
Можаеск, залесский
Мозырь, киевский
Мойшоголы, литовский
Молвотицы, залесский
Молога (на Молозе городец), залесский
Морева, залесский
Морева, литовский
Мореск, литовский
Мосалеск, литовский
Москва камен, залесский
Мощин, *см.* Мащин
Мстислав на Вехре, смоленский
Мстиславеч, смоленский
Мстиславль, залесский
Муравин, литовский
Муром на Оце, залесский
Мченеск (Мценск), литовский

Навоз, киевский
Немечь в горах, волошский
Немиза, литовский
Неринеск, рязанский
Несвежьский, залесский
Нечюн или Чечюн, волошский
Никитин, рязанский (*см.* Микитин)
Ничан, киевский
Новгород Великий на Ильмени и Волхове, детинец каменный, а больший (город) деревянный, София о 6 верхах, залесский
Новгород Нижний, залесский

---

* [*В оттиске статьи* (*см. комментарий*) *оба слова подчеркнуты карандашом. На полях приписка М. Н. Тихомирова* (*карандашом*): «Когда стала волошской?»].

Новгород Северский, киевский
Новгородок, залесский
Новгородок на Осетре, рязанский
Новое село на устье Дуная, болгарский
Новосиль, залесский
Новый городок, залесский
Новый городок, литовский
Новый городок, подольский
Новый городок Ольгов на Проне, рязанский

Обачерь, литовский
Оболенеск, литовский
Оболенеск, смоленский
Оболчи, литовский
Овруч, *см.* Вручий
Одоев, залесский
Олешеск, литовский
Омельники, киевский
Онузе, литовский
Опока, залесский
Опокы, тверской
Орешек камен, залесский
Орлечь, залесский
Орша, *см.* Рша
Осечен, литовский
Острее, литовский
Остречьский, киевский
Остро, волынский
Остров камен, залесский

Перевитеск, рязанский
Перелай, литовский
Перемиль, литовский
Перемышль, волынский
Переров, киевский
Пересечен, киевский
Переяславль, залесский
Переяславль на Трубеже, рязанский
Переяславль Русский, киевский
Песьи кости, киевский
Пинеск на Пине, волынский
Плесо, залесский
Полтеск на Двине и Полоте, древян, София каменная о 7 версех, литовский
Попова гора, киевский
Порхов на Шолони, камен, залесский
Пронеск, рязанский
Пропошеск, киевский
Псков камен, залесский
Пуня, литовский
Пустая Ржова, литовский
Путивль, киевский

Речица, киевский
Ржавеск, смоленский
Ржищев, литовский
Ржова, залесский

Рогачев, киевский
Родно, литовский
Романов, залесский
Романов торг на Молдове, волошский
Ромен, киевский
Рославль Польский, рязанский
Ростиславль, рязанский
Ростов, залесский
Ростовец, киевский
Руза, залесский
Руса, залесский
Рша камен, литовский
Рыбческ, литовский
Рылеск на Семи, киевский
Рязань Старая на Оке, рязанский
Рясна, литовский
Рястовець, *см.* Ростовец

Сал, киевский
Самара, литовский
Самбор, волынский
Свинеск, волынский
Свинеск, рязанский
Свислочь, литовский
Селук, *см.* Вселук
Серенеск, волынский
Серет, волошский
Серпееск, литовский
Серпухов, залесский
Сижка (Сишка), литовский
Силистрия, *см.* Дрествин
Синечь, киевский
Скала, подольский
Скнятин, залесский
Скнятин, киевский
Словенеск, литовский
Случеск, литовский
Смедынь, киевский
Смоленеск на Днепре, смоленский
Снепород, киевский
Сновеск, киевский
Соколець, польский
Сочава, волошский
Старица, тверской
Стародуб (Вочьский), залесский
Стародуб на Клязьме, залесский
Стародуб на Лане, литовский
Старый Львов, рязанский (*см.* Львов Старый)
Степань на Горыни, волынский
Стерж, залесский
Стрешин, киевский
Суждаль, залесский
Сутеск, литовский

Тверь, тверской
Теребовль, киевский
Тернов, *см.* Тырнов
Тетерин, киевский
Тешилов, рязанский

Тиверьскый, залесский
Тмутаракань, киевский
Торжок, залесский
Торопец, литовский
Торуса, литовский
Торческ, рязанский
Треполь, киевский
Троки Новые на озере, 2 стены каменные, вышний город деревянный, на острове каменный, литовский
Троки Старые камены, литовский
Трубческ, киевский
Туд, литовский
Тур, литовский
Туров, киевский
Тырнов по другую сторону Дуная, там лежит Пятница, болгарский

Унеятин, киевский
Унжа, залесский
Урюпеск, рязанский
Усвят, *см.* Восвято
Устюг, залесский
Утешков, киевский

Холм, волынский
Холмогоры, *см.* Колмогоры
Хороборь, волынский
Хотен на Днестре, волошский
Хотень, киевский
Хотмышль на Ворскле, киевский

Царев, литовский
Чемесов, киевский
Черкасы, подольский
Черлен, польский
Черн, волошский
Чернигов на Десне, киевский
Черница, залесский
Чернобыль на Припяти, киевский
Чернь на Рпене, киевский
Черторыеск, волынский
Четвертня, волынский
Чечереск, киевский
Чечюн или Нечюн, волошский
Чюхлома, залесский, *указан дополнительно в Новгородско-Софийском сборнике*

Шерпеск, литовский
Шилов, рязанский
Шипино, рязанский
Шумьский, залесский
Шюмеск, литовский

Юрьев, киевский
Юрьев Польский, залесский
Юрьевеч, залесский

Яма камены, залесский
Ярополч, залесский
Ярославль, залесский
Ясенец, литовский
Ясьский торг на Пруте, волошский

О ВОЛОГОДСКО-ПЕРМСКОЙ ЛЕТОПИСИ

I

Летописный свод, получивший название Вологодско-Пермской летописи, в одном из своих списков был известен уже в начале XIX в. На него ссылается и из него делает выписки Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского». Карамзин придавал большое значение этому памятнику, из которого он заимствовал подробности о Куликовской битве, о походе Ахмата в 1480 г., известия о борьбе с вогуличами и т. д. Он называет его Синодальным летописцем № 365 или «Синодальным летописцем в четвертку» или даже ветхим Синодальным летописцем[1]. 365-й номер по старому каталогу соответствует № 485, действительно имеющему формат в четвертку.

---

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. 2-е изд. СПб., 1819, т. VI, прим. 209, 214, 220 и след.; ссылки на Синодальную летопись № 365 делаются и в других томах.

«Ветхим» же Карамзин мог называть летописец по внешнему виду, так как он написан на очень пожелтевшей бумаге. Изучение выписок, данных в примечаниях к «Истории» Карамзина, убеждает нас в тождестве № 365 с № 485. Характерно, что места, подчеркнутые карандашом, соответствуют выпискам из летописца, напечатанным в примечаниях к «Истории государства Российского». Эти выписки у Карамзина цитировались потом многими историками только по «Истории государства Российского», хотя Синодальный летописец был доступен для исследователей [2].

Независимо от Синодального списка текст Вологодско-Пермской летописи был открыт А. А. Шахматовым. В своей работе «Общерусские летописные своды XIV и XV вв.» Шахматов указывает на «любопытную компиляцию», известную ему по двум спискам Библиотеки Академии наук [3]. Один из списков был им назван Никаноровским, как принадлежавший архимандриту Воскресенского монастыря Нового Иерусалима Никанору, другой — «Вологодско-Пермской летописью», так как, «начиная с 1481 года и кончая началом XVI века, в ней встречаются местные вологодские и пермские известия» [4]. Изучая общерусские своды, Шахматов рассмотрел только первую часть Вологодско-Пермской летописи до 1480 г., правильно указав, что в основе текста Вологодско-Пермской летописи до 1418 г. лежат Карамзинский и Оболенский списки Софийских летописей, известия же 1418—1480 гг. изложены по предполагаемому своду 1480 г.

Позже, с некоторыми изменениями, свои взгляды на Вологодско-Пермскую летопись Шахматов изложил в статье «Летописи», помещенной в «Новом энциклопедическом словаре» [5]. Еще позже вопрос о Вологодско-Пермской летописи был заново пересмотрен Шахматовым в одной из глав его неопубликованного труда, изложение которого сделано А. Н. Насоновым в статье «О неизданной рукописи А. А. Шахматова: Обозрение летописных сводов» [6] А. А. Шахматов рассматривает три списка летописи: Велико-Пермский (Вологодско-Пермский), Кирилло-Белозерский и Синодальный. Шахматов считает, что в части 1315—1528 гг. Велико-Пермская летопись в общем тождественна с протографом Кирилло-Белозерского и Синодального списков [7]. Но составитель протографа Кирилловского и Синодального списков продолжил летописный рассказ событиями 1529—1538 гг., а с другой стороны, дополнил его вставками нескольких обширных

[2] Перемена номеров по каталогу создала у многих ученых представление о том, что Н. М. Карамзин имел в своих руках синодальные рукописи, уже до нас не дошедшие. Между тем в настоящее время с полной уверенностью можно говорить, что почти все синодальные рукописи, известные Карамзину, в целости сохранились и до нашего времени.

[3] ЖМНП, 1900, сент., с. 141—144.

[4] Там же, с. 141.

[5] [Новый энциклопедический словарь Изд. Брокгауз — Ефрон. Пг., [б. г.], т. 25, стб. 155—166; *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938, с. 361—372 (далее — *Шахматов А. А.* Обозрение...)].

[6] ПИ. М.; Л., 1936, вып. II, с. 297—298.

[7] [*Шахматов А. А.* Обозрение..., с. 349].

статей. Характерно, что и в этом новом труде Шахматов интересовался главным образом Вологодско-Пермской летописью как материалом для восстановления Московского свода 1480 г.

Отдельные части Вологодско-Пермской летописи были напечатаны. Так, в вариантах к Симеоновской летописи за 1425—1473 гг. были частично изданы списки: Никаноровский, Велико-Пермский и Кирилло-Белозерский [8].

С. Шамбинаго издал по двум спискам Вологодско-Пермской летописи сказание о Мамае [9], впрочем, не отметив даже содержания самих рукописей, из которых он заимствовал текст. Рассказом о походе Ахмата в 1480 г., помещенном в Вологодско-Пермской летописи, пользовался А. Е. Пресняков в своей статье о походе Ахмата на Угру [10]. Наконец, на эту летопись ссылается С. В. Бахрушин в книге «Остяцкие и Вогульские княжества в XVI—XVII веках» [11]. Уже это обилие авторов, пользовавшихся Вологодско-Пермской летописью, показывает ее крупное значение как исторического источника. Подробный же анализ ее текста обнаруживает, что эта летопись крайне интересна не только со стороны содержания, но и по истории своего возникновения. При этом здесь же следует отметить, что традиционное название «Вологодско-Пермская летопись» не покрывает содержания всего летописного свода и только отчасти соответствует его происхождению. Вопрос о Вологодско-Пермской летописи необходимо еще раз поставить и потому, что исследователь теперь может приступить к более полному изучению летописи, так как в настоящее время известен новый список этого памятника, относящийся к XVI в. и оставшийся неизвестным Шахматову.

II

В настоящее время известны четыре списка Вологодско-Пермской летописи, не считая Никаноровской летописи, являющейся летописным сводом особого характера.

I. *Синодальный список № 485* (сокращенно *Син.*), написан в 4°, на 558 л. По листам идет счет тетрадей, из которого видно, что рукопись состоит из двух частей, механически между собой соединенных.

Рукопись написана разными почерками второй половины XVI в.

Летописный рассказ начинается продолжением известия 6523 (1015) г.: «строи вои без числа Руси и Печенег»; оканчивается известием 1538 г., после чего другим почерком приписано известие 7048 (1540) г. о битве у Пятницы на Плесе [12].

---

[8] ПСРЛ. СПб., 1913, т. XVIII, с. 111, 159—244.

[9] *Шамбинаго С.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, прил., с. 3—37.

[10] *Пресняков А. Е.* Иван III на Угре.— В кн.: Сб. статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911.

[11] [*Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1955, т. III, ч. 2, с. 113, 114, 152].

[12] В дальнейшем выписки из Вологодско-Пермской летописи без обозначения списка приводятся по Синодальной рукописи.

II. *Кирилловский список* (сокращенно *Кир.*), названный так потому, что он в XVI в. принадлежал Кирилло-Белозерскому монастырю (в настоящее время принадлежит Институту истории Академии наук СССР) [13], представляет собой рукопись в 4°, на 564 л. Водяные знаки рукописи ведут нас (по Брике) к первой половине XVI в.

Вся рукопись написана одним полууставным почерком второй половины XVI в.

В Кирилловском списке текст летописи сохранился полностью, начинаясь «Повестью временных лет» и кончаясь 1538 г.

III. *Академический список,* по Шахматову — Вологодско-Пермский или Велико-Пермский (сокращенно *Ак.*), принадлежит Библиотеке Академии наук, под шифром 16. 8. 15. Рукопись написана в 4°, на 408 л., полууставом второй половины XVI в.

Академический список, как мы его будем называть в дальнейшем, начинается продолжением известия 1249 г.: «...др едеть. И поиде великыи князь Алекксандр в Орду ко царю». Академический список оканчивается на известиях 1526 г. После окончания летописи в Академическом списке помещено «последование древних взысканием» [14], но конца последования не сохранилось, оно обрывается на л. 386 об. На л. 387 и далее помещен отрывок из жития и службы Стефану Пермскому.

IV. *Чертковский список* (сокращенно *Черт.*) принадлежит Государственному историческому музею (собрание Черткова, № 360). Он написан в 4°, на 488 л., без конца и без начала. Многих листов недостает.

Текст списка начинается с рассказа о расселении сыновей Ноя: «имат Сардании, Кипр, Крит, река Гион, зовомыи Нил...» Оканчивается на известии 1537 г. о бегстве князя Андрея Ивановича Старицкого. В конце к корню переплета приклеен последний лист рукописи, на котором тем же почерком написано: «Иосаф игумен Троицкои Скры... монастыря. В лето 1761 ...тя царь князь великии Иван Васильевич Казань взял, потому что были его неизменные».

Чертковский список отличается многими сокращениями, особенно в древнейшей своей части, но имеет и ряд статей, не сохранившихся в других списках.

Из четырех описанных выше рукописей полный текст летописи встречаем только в Кирилловском списке, но трудно думать, что начало списков Синодального, Академического и Чертковского не было с ним вполне сходно. В этом нас убеждает большая близость сохранившегося текста всех списков. Это доказывается и Чертковским списком, потерявшим не более 1—2 листов в начале текста. Начало летописца в *Кир.* таково: «Летописець Русския земли. Повесть Временных лет, откуду пошла Русская земля, и кто в неи первое нача княжити, и откуду Руская земля стала есть. Се начнем повесть сию. По потопе сынове Ноеви разделиша...»

---

[13] [Архив ЛОИИ СССР АН СССР, колл. 11, № 251].

[14] См. Софийскую II летопись (ПСРЛ. СПб., 1853, т. VI, с. 303—315).

III

Определение источников первой части Вологодско-Пермской летописи может быть сделано довольно точно.

Основой для всей первой части Вологодско-Пермской летописи от ее начала и кончая 1408 г. послужила, несомненно, Софийская I летопись. Но заимствования из Софийской I летописи продолжаются и дальше до 1418 г. Список Софийской I летописи, послуживший [источником] для Вологодско-Пермского свода, по своим особенностям стоял в ближайшей связи со списками Карамзина и Оболенского, как это было еще указано А. А. Шахматовым в статье об общерусских летописных сводах XIVи XV вв. Близость эта в основном доказывается следующим: Вологодско-Пермская летопись включила в себя как раз те известия, которые характерны для Карамзинского и Оболенского списков и в других списках Софийской I летописи не встречаются. Далее сходство Софийской I летописи с Вологодско-Пермской оканчивается на 1418 г., т. е. конец близости их точно совпадает с концом списков Карамзина и Оболенского [сокращенно *Кар.*, *Обол.*], тогда как другие списки Софийской I летописи продолжены и далее.

Близость текста Вологодско-Пермской летописи с Карамзинским и Оболенским списками Софийской I летописи особенно заметна в следующих случаях: под 1159 г. во всех списках Вологодско-Пермской говорится о знамении от иконы и поражении суздальцев, согласно *Кар.* и *Обол.* спискам. Под 1175 г., после слов о смерти Андрея Боголюбского, в Вологодско-Пермской летописи помещено известие о выводе кн. Юрия Андреевича из Новгорода, имеющееся только в *Кар.* и *Обол.* списках. Под 1256 г. в Вологодско-Пермской летописи есть начальные известия этого года, как и в *Кар.*, *Обол.* списках. Известия 1167 г. из всех списков Софийской I летописи указаны лишь в *Кар.*, *Обол.* списках, в такой же редакции они помещены и в Вологодско-Пермской летописи. Известие 1294 г. о поставлении Тит Мановичем городка на Нарове имеется только в *Кар.* и *Обол.* списках; в той же редакции оно помещено в Вологодско-Пермской летописи.

Составитель Вологодско-Пермской летописи подверг свой источник, Софийскую I летопись, большим сокращениям, причем известия многих лет были выпущены. Например, о взятии Коростеня Ольгой в Вологодско-Пермской летописи рассказывается так: «И бьяхуся (древляне) крепко из града, ведяху бо, яко сами убили князя. И взя Олга град и изсече я, а на останок дань возложи» (*Кир.*) Среди наиболее важных сокращений необходимо также отметить пропуск родословной великих князей и каталогов епископов. В сокращениях текста трудно заметить какую-либо закономерность, но в общем можно сказать, что наибольшему сокращению подверглись древнейшие части свода.

Особым обилием сокращений отличается Чертковский список, среди крупных сокращений которого следует отметить пропуск послания Василия о рае.

Наряду с сокращениями в Вологодско-Пермской летописи встречаем и ряд дополнений. Из них отметим важнейшие:

1) под 1245 г. помещено сказание об убиении кн. Михаила Черниговского, более полное, чем в печатном тексте Софийской I летописи; 2) под 1341 г. помещена заметка о трех женитьбах Симеона Гордого; 3) под 1380 г. помещено вместо обычной летописной повести большое сказание под заголовком «Побоище великому князю Дмитрию Ивановичу на Дону с Мамаем».

Вологодско-Пермская летопись следовала Софийской вплоть до 1408 г. До этого года известия черпались почти целиком из Софийской I. С 1408 г. в Вологодско-Пермской летописи начинаются выписки из другого источника. Составитель свода, выписав из Софийской I летописи известия 1408 г., вновь повторил 1408 г. и написал заголовок «О коркоте» (*Черт.* — «О ркоте») для известия, взятого из другой летописи. С 1408 г. и кончая 1418 г. Вологодско-Пермская летопись пользуется двумя источниками. Последнее известие, взятое в Вологодско-Пермскую летопись из Софийской I,— рассказ под 6926 (1418) годом о междоусобии в Новгороде из-за Степанки. Но еще до окончания Софийской I Вологодско-Пермская летопись пользуется известиями из второго источника (под 1408 и 1409 гг.) о коркоте, мире с Витовтом, о тверских князьях, о Едигее и Талыче, о княжне Анне.

С известия же 1425 г. Вологодско-Пермская летопись дает текст, однородный с Симеоновской летописью. Эта близость позволила при издании последней [15] воспользоваться вариантами *Кир.* и *Ак.* списков. Тем не менее источник, которым пользовалась Вологодско-Пермская летопись, не может быть возведен непосредственно к Симеоновской и в некоторых случаях отличается чертами большей древности. Так, в Симеоновской встречаем известие о смерти Витовта разбитым на два года, 1430 и 1431; в Вологодско-Пермской летописи оба эти известия объединены и 1431 год не показан вовсе. Под 1478 г. читаем в Вологодско-Пермской летописи пропущенное в Симеоновской прозвище Ивана Фрязина «Волп» и т. д. Кроме того, тот свод, который лег в основание известий Вологодско-Пермской летописи за 1408—1473 гг., отличается от Симеоновской и характером своих известий за 1420—1424 гг. Так, все известия этих лет в Вологодско-Пермской летописи дают текст, сходный не с Симеоновской, а с Воскресенской летописью. Так как трудно допустить, что составитель свода пользовался именно для известий этих годов какими-то новыми источниками, то надо думать, что в основе известий Симеоновской и Вологодско-Пермской летописей лежал общий источник, причем Вологодско-Пермская взяла из него часть известий 1408 и 1409 гг. и полностью, ввиду окончания первого источника (Софийской I), все известия 1420—1473 гг.

Полное сходство Вологодско-Пермской летописи с Симеоновской, начинаясь с 1425 г., кончается на 1473 г. Однако и текст Вологодско-

[15] ПСРЛ, т. XVIII.

Пермской за последующие 1473—1476 гг. в основном может быть возведен к протографу Симеоновской летописи. Это сходство обрывается на 1476 г., последних известий которого (о гибели месяца, о знамении 11 марта и страшном громе 31 августа) в Симеоновской не имеется, но известия эти сохранились в Уваровской и в Ростовской летописях. Известия Вологодско-Пермского свода за 1477—1479 гг. в основном своем содержании сходны уже не с перечисленными летописями, а с Воскресенской. Между тем общим источником Симеоновской, Ростовской, Уваровской и Воскресенской летописей, по исследованию Шахматова, был более древний свод, названный им сводом 1480 г. Не касаясь здесь вопроса о времени возникновения этого свода, отмечу только, что свод, подобный предполагаемому Шахматовым своду 1480 г., мы имеем в Уваровской рукописи № 1366 (летописец первой четверти XVI в.), которая в части за 1418—1479 гг. имеет особенности как раз Вологодско-Пермской летописи.

IV

Следы пользования вторым источником (сводом 1480 г.) оканчиваются на 1479 г. Под этим годом говорится о приходе к великому князю двух крымских царей, после чего следует известие об отъезде братьев великого князя к Великим Лукам, и далее, уже в другой редакции, опять о приезде крымских царей. 1479 год в Вологодско-Пермской кончается известиями об убиении царевича Мердоулата и рождении великому князю сына Георгия. Если первые известия о приезде царей и рассказ об убиении Мердоулата и рождении великому князю сына могут быть отнесены еще к своду 1480 г., то известие об отъезде князей и второе известие о приходе крымских царей несомненно восходят к какому-то новому, третьему источнику. К этому третьему источнику Вологодско-Пермской должны быть отнесены все известия за 1480—1483 гг. Здесь под особыми заголовками помещены неизвестные по другим летописям статьи «О приходе безбожного царя Ахмута на Угру», «О преставлении князя Андрея Меншаго», «О взятии Киева града от царя», «О великой княгине Елены». Этим третьим источником была летопись, возможно, вологодского происхождения, так как под 1481 годом здесь говорится о пожаре Вологды и сохранении посада «божиим заступлением».

Заимствования из третьего источника кончаются на 1483 г., после чего опять повторен 1477 год и дано известие о суровой зиме этого года, вслед за чем снова повторен 1483 год и затем статьей о вогуличах и их князе Асыке начинается дальнейший текст, уже без перерывов.

Текст Вологодско-Пермской летописи за 1483—1496 гг. явно составлен из двух источников: 1) из каких-то летописных заметок, составленных на севере Руси при дворе епископа Пермского Филофея, и 2) из летописных известий московского происхождения, большей частью в редакции продолжения Симеоновской летописи (до 1493 г.). Для знакомства с текстом Вологодско-Пермской летописи за 1483—

1496 гг. приведем некоторые известия ее за эти годы, отмечая отличия от Симеоновской летописи [сокращенно — *Сим.*].

Под 1483 годом, после известия об Асыке и его сыне Юмшане (в *Сим.*— нет), следуют записи о рождении великому князю Ивану Васильевичу дочери Елены, о закладке каменной церкви Благовещения, имеющиеся и в Симеоновской летописи, где они отнесены к 1484 г. Вслед за этим известием находим статью о посольстве Асыки и потом Пыткея к великому князю и печаловании о нем владыки Филофея. Под 1485 годом следует статья «О миру» между великим князем и кодскими князьями. Мир был заключен под владычным городом Усть-Вымским (в *Сим.*— нет). Под 18 августа говорится о посольстве вогульского князя Юмшана и поездке с ним епископа Филофея в Москву (в *Сим.*— нет). Вслед за этим говорится о смерти великой княгини Марьи и о взятии Твери. Эти два последних известия есть и в *Сим.*, но в конце статьи о взятии Твери встречаем характерную приписку, не имеющуюся в тексте *Сим.*: «а князя Михаила Холмского князь великии поимал и с сыном и со княгинею и послал его в заточение на Вологду».

Под 1487 годом известие о взятии Казани имеется и в *Сим.*, но в Вологодско-Пермской встречаем характерную добавку: «Того ж месяца августа приездил от великого князя Ивана Васильевича ко владыце в Пермь, на Усть-Выми с тою вестию, со Казаньским взятием его сын боярскои Микула Малои Ангелов сын Греч» (или «Гречинов» — в *Кир.*).

Под 1489 годом встречаем статью о взятии Вятки, которая дает текст, близкий к *Сим.*, но носит определенно севернорусский характер и обличает человека, близко знакомого с обстоятельствами события. В Вологодско-Пермской летописи эта статья дошла в более полном виде. Так, к словам о том, что вятчан развели по городам, прибавлено: «а подавал им поместья»; в конце же встречаем заметку: «а коромольников вятчан Ивана Аникеева да Палку Багаданщикова (в *Кир.*— Багадайщикова) и иных велел князь великий повешати».

Под 1490 годом встречаем подробную заметку о смерти и погребении дьяка Василия Мамырева, о посольстве Максимильяна, о двух стрельницах на Москве. Все эти известия есть и в *Сим.*, причем некоторые из них (о двух стрельницах) там полнее, но о смерти Мамырева в Вологодско-Пермской сказано так: «Того же лета месяца июня в 5 день с суботы на неделю в 3 час нощи преставися великого князя дьяк Василеи Мамырев, а жит лет 60 без двух да полшестадесят днеи, а во мнишеском чину наречен бысть Варсунофеи и положен бысть у Троицы в Сергееве монастыре июня в 7 день, в понедельник, в 12 час дни, а гроб его противу Никонова гробу на тои же стране церкви. А в диачестве был 20 лет без 8 месяц, а имянины его были апреля 12 Василья Парискаго». Это известие вошло в другие летописи[16], но в наиболее полном виде сохранилось в Вологодско-Пермской.

[16] ПСРЛ. СПб., 1848, т. IV, с. 157; т. VI, с. 239.

Под 1491 годом находим подробную статью «О митрополите Зосиме», говорящую об его поставлении, на котором был и епископ Филофей (в *Сим.*— нет). Далее следует о после из Чагодаи и соборе на еретиков. Эти известия в той же редакции помещены в Никоновской летописи. Вслед за этим в *Кир.* и *Сим.* идет повесть о сретении Владимирской иконы; в *Ак.* этой статьи нет, а текст прямо переходит к рассказу о поставлении епископа Авраамия Коломенского, о знамении в Новгороде и посылке на Печору искать руду. Эти три последних известия есть и в *Сим.* Но далее в Вологодско-Пермской следуют статьи, которых нет в других летописях: «О пожаре владимерском», «О пожаре углетцком», «О болшой палате, что на площади», после чего следуют опять известия, помещенные и в *Сим.*,— о возвращении Юрия Грека и стрельнице Петра Фрязина.

Под 1492 годом сообщается «о поимании князя Ондрея Васильевича Углетцкого» (в *Сим.* в другой редакции). Вслед за тем известия идут опять по *Сим.*: о письме в сохи Тверской земли, о находке серебра и меди на Печоре, о приходе Юрия Делатора и после Мушате от Стефана Волошского. Здесь оканчивается сходство с *Сим.*, и следует ряд заметок, неизвестных по другим летописным сводам, прежде всего статья: «О Вологде граде, како прииде к Пермьскои епископьи». После этой статьи опять повторен 1491 г. и подробно рассказывается об отправлении на Печору мастеров «делать» серебро и медь и о приезде епископа Филофея на Вологду, о пожаре на Устюге старой церкви. Под 1492 годом говорится о построении новой церкви на Устюге, а под следующим, 1493 годом о пасхалии, изложенной на Москве Зосимой и подтвержденной на Вологде Филофеем, о знамении на Устюге, о поставлении епископом Филофеем на Устюге церкви. Под 1494 годом говорится о суровой зиме в Перми, под 1495 годом о походе «на Свею» и о ссылке митрополита Зосимы с митрополии.

Под следующим, 1496 годом следует большая статья о поставлении митрополита Симона, на котором был и епископ Филофей Пермский. Эта статья в той же редакции помещена в «Летописце, служащем продолжением Несторову» [16а]. Под тем же годом говорится о приезде из Литвы высланных бояр великой княгини Елены, о приезде из Царьграда Федора Ласкаря 16 октября (известие это есть в «Русском Временнике», но число указано только в Вологодско-Пермской летописи), о походе великого князя к Новгороду. По-видимому, здесь оканчиваются известия вологодско-пермского характера, так как далее встречаем известия, связанные с севером Руси (о походе на вогуличей и о вологодском пожаре), только под 1499 годом.

[16а] [Летописец, содержащий Российскую историю от 1206 лета до 1534 лета, то есть до царствования царя Иоанна Васильевича, который служит продолжением Несторову летописцу. М., 1784; 2-е изд. М., 1853].

V

После указанных выше статей 1496 год опять повторен, причем отсюда начинается сходство Вологодско-Пермской летописи с Воскресенской и с Софийской II, а также так называемой Уваровской [17]. Если вспомнить, что Софийская II летопись не имеет сходства с продолжением *Сим.*, которая в части своих известий сохраняет близость к «московским» известиям Вологодско-Пермской летописи, то станет ясным, что с 1496 г. Вологодско-Пермская черпает свои известия уже из четвертого источника, причем это опять подчеркнуто механическим повторением 1496 г.

Переходя теперь к характеристике этого четвертого источника, раньше всего отметим, что таким источником ни Воскресенская, ни Софийская II, ни Уваровская летописи признаны быть не могут, так как Вологодско-Пермская летопись, с одной стороны, имеет ряд известий, которые в них отсутствуют, с другой — дает некоторые известия в более полном виде. Наряду с этим текст Вологодско-Пермской летописи обычно более краток, чем в упомянутых выше летописях.

Дадим теперь краткий обзор содержания 4-й части Вологодско-Пермской летописи, отмечая те известия, которые не дошли до нас по другим летописным сводам или даны в них в другой редакции.

Под 1498 годом в Вологодско-Пермской говорится о поставлении Дмитрия-внука, о казни Ряполовского, о поимании кн. Семена Ромодановского. Эти известия даны в иной редакции, чем в других летописях.

Под 1499 годом говорится о походе на вогуличей из Москвы (есть и в *Львов[ской]*) [18], о пожаловании Василия великим княжением Новгородским и Псковским, «о пожаре Вологодцком». Последние два известия не помещены в других летописях.

Следующие за этим известия имеются в Воскресенской, Софийской II и Уваровской летописях (а также в «Русском Временнике»). Но в рассказе о битве на Ведроше в конце добавлено: «а убиенных литвы и ляхов болши тридцати тысяч».

Известия 1502 г. в Вологодско-Пермской в основном соответствуют Воскресенской и Софийской II, но под тем же годом говорится об опале на Дмитрия-внука и о возведении Василия на великое княжение, причем рассказ дан в иной редакции, чем в Воскресенской и других летописях.

Под 1510 годом в Вологодско-Пермской говорится о походе великого князя Василия Ивановича на Псков. Рассказ имеет большое отличие от Воскресенской и других летописей. Так, после слов «пскович... поимати» в Вологодско-Пермской следует: «и по детем по боярьским роздати»; далее: «и поехал государь князь великии из Новагорода генваря в 20»; после слов: «Троице челом ударил» в

[17] ПСРЛ. СПб., 1910, т. XXII, с. 163—188; текст Уваровской летописи до его конца (1518 г.) целиком соответствует Софийской II по Архивскому списку. [Полностью опубл. в ПСРЛ. М.; Л., 1963, т. XXVIII, с. 165—357].

[18] ПСРЛ. СПб., 1910, т. XX, 1-я пол., с. 369.

Вологодско-Пермской добавлено: «обедни и молебна слушал, а колокол вечнои велел свесити, а посадников и бояр, и купцов, и всех искович велел привести к целованию» и т. д.

Под 1511 годом в Вологодско-Пермской летописи помещен рассказ о князе Симеоне Ивановиче в особой редакции, неизвестной по другим летописям.

Под 1514 годом в рассказе о взятии Смоленска между прочим добавлено о Михаиле Мстиславском: «Он же, изменник, не по мнозе государю великому изменил, крестное целование преступил и отъехал к Литовскому королю и с вотчиною».

Под 1515 годом в Вологодско-Пермской сравнительно с другими летописями добавлено известие: «Тоя же зимы поставлен бысть епископ в град Смоленеск Иосиф, архимандрит Чюдовскои, преосвященным Варламом, митрополитом всеа Русии, а владыка Смоленскии Варсонофеи поиман бысть и приведен на Москву за его измену, и с Москвы послаша его в манастырь на Каменое за Волгу».

Под 1525 годом известия о нападении крымских татар, имеющиеся в Софийской II летописи, в Вологодско-Пермской даны в значительно дополненном виде.

Под 1525 годом в Вологодско-Пермской летописи приведено отсутствующее в Воскресенской и Софийской II летописях известие: «Тоя же зимы велел князь великии казнити смертною казнью боярина своего Берсеня Беклемишева, головы съсечи на Москве на реке, а Федору Жареному велел язык вырезати, а старцов святыя горы Афонскиа, архимандрита Саву Спаса Нового да старца Максима Грека, послал в заточение во Иосифов монастырь».

Под следующим, 1526 годом в Вологодско-Пермской летописи говорится: «В лето 7034. Декабря князь великии Василеи Иванович велел постричи в черницы свою великую княгиню Соломониду и послал в Суздаль в манастырь к Покрову пречистые, в Девичь манастырь, а постриг ее на Москве у Рожества пречистые за пушечными избами в Девиче манастыре Никольскои игумен Старого Давыд. Тое же зимы, февраля, в неделю о блуднем, князь великии Василеи Иванович всеа Русии женился, взял за собя княжну Елену, дочерь княж Васильеву Глинского Темного». (В *Ак.* все эти известия сильно сокращены.)

Под тем же 1526 годом помещена и другая заметка, неизвестная по иным сводам: «Тое же весны на Москве с церкви архаггела Михаила на площади съвалилося яблоко из-под креста да убило сына боярьского стародубца до смерти. Того же лета приехал из Литвы к великому князю служити князь Федор Михаилович Ижеславскои (в *Ак.*— Мстиславьский), и государь князь великии Василеи Иванович прия его с великою любовию честно и пожаловал его, дал ему княж Васильевские городки Шемячича в вотчину: Ярославец да Кременец, да волость Мышегу, да дал ему город Коширу в кормление. Того же лета по Русским городом хлеб был дорог: на Москве четверть по шти алтын, а на Вологде и по иным городом по дватцати алтын и боле, а на Тотме купили четверть по рублю».

Этим известием кончается *Ак.* список, после чего в нем показан 1534 год и говорится о смерти великого князя Василия Ивановича, тогда как в *Кир.*, *Сим.* и *Черт.* текст продолжен и далее. В известиях 1528 г. эти списки сохраняют еще близость с Воскресенской и Софийской II летописями, давая рассказ о набеге Ислама. Но с этого года текст Вологодско-Пермской летописи окончательно расходится с Воскресенской и Софийской II. Таким образом, надо думать, что здесь именно кончалась та летопись, которая легла в основу как Вологодско-Пермской, так и Воскресенской, Софийской II и Уваровской (до 1518 г.) летописей. Эта летопись, несомненно, была московского происхождения и ярко окрашена в тона особой близости к московскому двору и великому князю Василию Ивановичу. Можно думать (ср. известия о князе Андрее Ивановиче, о набеге татар и действиях наместника Хабара под Рязанью, о постриге Соломониды), что в Вологодско-Пермской летописи этот московский летописец сохранился в более древнем виде, чем в Воскресенской и Софийской II летописях.

VI

С 1529 г. в *Сим.*, *Кир.* и *Черт.* списках начинается текст летописи за 1529—1539 гг., неизвестный по другим сводам. Приведем краткий обзор содержания этих текстов по Синодальному списку.

Под 1529 годом говорится о поездке великого князя Василия Ивановича по монастырям.

Под 1530 годом помещено известие о походе на Казань и о рождении великому князю сына Ивана.

Под 1532 годом говорится о колоколе-благовестнике.

Под 1533 годом сказано о рождении великому князю сына Юрля и набеге крымского хана Саиб-Кирея.

Под 1534 годом говорится о смерти великого князя Василия Ивановича, о поимании князей Юрия и Михаила Львовича Глинского, отъезде Симеона Бельского в Литву и поимании Ивана Бельского.

Под 1535 годом помещено известие о походе на Литву, о смерти кн. Михаила Васильевича Горбатого Кислого, о новом походе на Литву, построении Себежа и взятии литовцами Стародуба.

Под 1536 годом говорится о приезде литовцев под Себеж.

Под 1537 годом — о приходе Сафа-Кирея Казанского под Муром, о приходе в Москву литовских послов, о поимании князя Андрея Ивановича.

Под 1538 годом — о смерти великой княгини Елены и поимании князя Ивана Федоровича Оболенского-Телепнева Овчины. На половине этого известия оканчивается *Черт.* список.

Под 1539 годом — о казни дьяка Мишурина, ссылке митрополита Даниила и поставлении на его место Иосафа Скрипицына.

После этого в *Син.* списке опять повторен 1534 год и говорится о казнях за порчу денег, о построении Китай-города в Москве.

Под 1536 годом — о новых деньгах новгородских.

Под 1538 годом — о приходе татар к Костроме, о новых деньгах московских.

На этом известии кончается Вологодско-Пермская летопись, но в *Син.* приписано еще другим почерком известие 7048 (1540) г. о приходе татар под Кострому, а в *Черт.* — два известия, о которых будет речь ниже и из которых второе относится к 1551 г.

Отличием *Кир.* от *Син.* является то, что известия *Син.* за 1533—1538 гг. приписаны в конце текста, тогда как в *Кир.* они разнесены по соответствующим годам. Можно думать, что в этом случае *Син.* список ближе к первоначальному подлиннику, так как трудно предполагать намеренное выделение из текста статей с тем, чтобы их поместить в конец летописи. Таким образом, приходится предполагать, что конец летописца был составлен из двух источников, один из которых был доведен до 1539 г., а другой представлял собой краткие записки, современные событиям за 1535, 1536 и 1538 гг.

Таким образом, исследование Вологодско-Пермской летописи обнаруживает, что она состоит из следующих 6 основных частей:

1) От начала и до 1418 г. включительно Вологодско-Пермская летопись в основном дает текст Софийской I летописи по спискам Карамзина и Оболенского.

2) С 1418 по 1479 г. Вологодско-Пермская летопись соответствует своду 1480 г., причем заимствования из него начинаются уже с 1408 г.

3) За 1480—1483 гг. Вологодско-Пермская летопись дает текст особый, неизвестный по другим летописям, по-видимому заимствованный из летописи северного происхождения, после чего следует повторение 6985 (1477) г.

4) За 1483—1492 гг. в Вологодско-Пермской помещен текст, соответствующий в основе продолжению Симеоновской летописи в соединении с летописными заметками, составленными при дворе пермского епископа Филофея, причем, за 1493—1496 гг. эти заметки составляют основу известий Вологодско-Пермской летописи.

5) После повторения 1496 г., с 1496 по 1528 г. текст Вологодско-Пермской летописи очень близок к Воскресенской и Софийской II, но во многих случаях полнее и древнее, как основанный на их общем и более древнем протографе.

6) Наконец, последняя часть Вологодско-Пермской летописи за 1529—1539 гг. дает текст, неизвестный по другим летописям и сложившийся из двух летописных источников московского происхождения.

VII

Ряд данных с большим вероятием указывает, что в основе списков Вологодско-Пермской летописи лежала более древняя компиляция конца XV в. Только допустив существование этого свода, мы можем объяснить себе особенности первой, наибольшей по размерам части Вологодско-Пермской летописи от начала ее до 1496 г. Наиболее характерной особенностью этой летописи за 1480—1496 гг. является

резко выраженный интерес к северу Руси — Перми, Вологде и Великому Устюгу, причем почти все эти известия так или иначе связаны с именем пермского епископа Филофея, правившего Пермской епископией с 1472 по 1502 г.

Даже в известиях Вологодско-Пермской летописи за эти годы, носящих «московский» характер и имеющих аналогию с известиями продолжения *Сим.* за те же годы, мы имеем дело с определенной редакционной работой. Так, в известии о взятии Твери под 1486 годом, которое в основном передано в Вологодско-Пермской летописи согласно с *Сим.*, имеем характерную добавку о князе Михаиле Холмском, сосланном в Вологду. Такое же еще более характерное добавление имеем и в известиях 1487 г. о взятии Казани, весть о котором привез в Усть-Вымь к Филофею Микула Греч. Под 1489 годом в рассказе о взятии Вятки (см. *Сим.*) в Вологодско-Пермской летописи добавлено о «коромольниках вятчанах». Как в *Сим.*, так и в Вологодско-Пермской летописях встречаем известие об отправке мастеров на Печору искать руду, но в Вологодско-Пермской встречаем и другое более подробное известие о том же под 1491 годом с явным указанием на Пермь.

Таким образом, у нас есть основание думать, что московская летопись, легшая в основание известий за 1483—1496 гг., была не только соединена с известиями, относящимися к северу Руси, главным образом к Перми и Вологде, но и подвергнута соответствующей обработке. Эта обработка не ограничилась только известиями за 1483—1496 гг., но коснулась и более ранних известий. Так, известия 1472 г. о поставлении Филофея епископом на Пермь и о походе на Пермь в Вологодско-Пермской летописи выделены особыми заголовками «О перьмском епископи Филофеи» и «О Великой Перми».

Под 1455 годом в Вологодско-Пермской летописи встречаем известие о смерти Питирима Пермского от вогуличей, отсутствующее в *Сим.* Этим подчеркивается интерес именно к событиям, связанным с Пермью. Вообще же выбор источников для составления свода был, по-видимому, определен существованием в так называемом своде 1480 г. и в продолжении *Сим.* за 1483—1494 гг. известий о Перми и севере Руси (об убиении Питирима в Перми, о Филофее и походе на Пермь, о взятии Вятки, посылке мастеров на Печору).

На конец XV в., как на время составления Вологодско-Пермского свода в собственном его смысле, указывает и переделка Софийской I летописи, положенная в основу древнейших известий свода.

Над текстом Софийской I летописи была произведена определенная редакторская работа, характер которой становится особенно ясным при анализе известий новгородского происхождения. Например, под 1179 годом в Вологодско-Пермской летописи читаем: «Прииде в Новгород Ярополк, седе на столе, и дая Всеволод части Ноугородцкия, и выиде Ярополк из Новагорода» (*Кир.*). Таким образом, получается, что Ярополк по собственной воле сел в Новгороде на стол и по собственной же воле вышел, тогда как в Софийской I летописи, согласно с общей новгородской формулировкой, было сказа-

но: «посадиша в Новегороде на стол Ярополка», и далее: «показаша новгородци путь Ярополку»[19]. Такие же искажения, или, вернее, с точки зрения редактора свода, исправления встречаются и под другими годами. Вот еще примеры таких же поправок. Под 1195 годом в Софийской I говорится: «послаша новгородци посадника... по князя Ярослава Всеволодича»[20]; в Вологодско-Пермской: «биша челом ноугородцы князю Ярославоу Всеволодичю».

В смысле искажения текста особенно характерен 1197 год: «Прииде князь Ярополк Ярославич в Новгород ис Чернигова, и сидевшу ему 6 месяц, и добиша челом ноугородцы князю Ярославу. И прииде в Новгород и седе на столе, и пожаловал ноугородцов всем». В Софийской I летописи под этим годом написано: «В лето 6705. Прииде князь Ярополк Ярославичь в Новгород из Чернигова, и седевшу ему 6 месяц.., и послаша опять по князя по Ярослава... прииде князь Ярослав в Новгород и седе на своем столе, и обьяся великою любовию с Новгородци»[21].

К числу очень своеобразных поправок, которые были внесены в первоначальный текст Софийской I, принадлежат также поправки в названиях местностей. Так, под 1168 годом слова Софийской летописи «поидоша к Раковору» заменены словом «к Кракову», причем это слово повторено опять, а раковорцы названы «краковцы». Под 1191 годом вместо «на рубеже» написано «на Дубеже», под 1157 годом вместо «бежа» «на Любец» сказано «на Любоутеск», под 1093 годом вместо «взяша город Торческ» имеем «Торопческ»; «первии населеници в Киеве фрязи» (*Кир.*) — вместо «варязи». Эти искажения географических имен обличают нам в составителе свода московского человека (Лубутск, Торопец, Дубеж), слыхавшего о Кракове и не знающего Раковора. Провинциализм составителей свода отразился и на целом ряде поправок в тексте Вологодско-Пермской летописи, которые зависели от стремления редактора свода осмыслить текст. Так, вместо известных слов начальной летописи «суть поляне в Киеве» и пр. находим фразу: «и до сего дни словут кияне» (*Кир.*). Далее слова о дикости предков, умыкавших «у воды девицы жены себе», заменены непонятными словами: «умыкаху у вдовиц девицы жены себе» (*Кир.*). Под 1156 годом фразу об Андрее Боголюбском «приведе ему бог... мастеры» Вологодско-Пермский свод заменяет словами «монастыри», под 1260 годом слова «взяша Воищину» Вологодско-Пермская летопись исправляет на фразу: «взяша вотчину». Под 1431 годом в Вологодско-Пермской встречаем слова: «Углечь державу», тогда как следует «Углич да Ржеву» и т. п.

Последовательное изменение новгородских известий с определенной московской тенденцией доказать права великих князей на Новгород указывает на определенную эпоху, время еще незабытой борьбы за Новгород, т. е. на вторую половину XV в.

[19] ПСРЛ. СПб., 1851, т. V, с. 167.
[20] Там же, с. 170.
[21] Там же, с. 170—171.

Мы не можем с точностью сказать, были ли сделаны все эти поправки составителями Вологодско-Пермского свода конца XV в., или они сами нашли их в более раннем источнике [22], но такие поправки могли совпадать с желанием дать свод ярко московской ориентации. Во всяком случае, эти поправки не могли восходить к очень древнему времени, так как их нет в списках Софийской I летописи, составленных, во всяком случае, не ранее 1418 г., а по всем данным значительно позже. На север Руси как на место происхождения свода указывают и известия 1480—1483 гг. Повесть о прихождении Ахмата в 1480 г. резко отличается от известий других летописей об этом же событии и, по-видимому, первоначально имела вид отдельного сочинения. Выделение роли митрополита Геронтия указывает на раннее происхождение повести. Характерно, что в *Черт.* списке в этой повести не имеется послания Васьяна к Ивану III, которое, по-видимому, было вставлено позже. Эта повесть, рисующая в благоприятных тонах Геронтия и Васьяна Ростовского, могла возникнуть на севере Руси, вернее, на Белоозере, о котором в ней упоминается. На связь с Вологдой указывают и известия о смерти вологодского князя Андрея Меньшого и о пожаре в Вологде («а град Вологда по смерти его в десятый день загореся в неделю и згоре весь, а посад не згоре божиим заступлением»).

Составитель Вологодско-Пермского свода довел его до конца XV в. Так, под 1499 годом встречаем еще известие о походе в Угорскую землю (так в *Кир.*, в *Син.*— «в Наугородскую землю»), о пожаре вологодском, после чего во всем своде нет уже известий, относящихся к Перми и Вологде.

Большое количество известий, связанных с именем Филофея Пермского, их подробность и обстоятельность, свидетельствующие о том, что они записаны очевидцем, заставляют думать, что Вологодско-Пермский свод был составлен при дворе епископа Филофея. Действительно, окончание вологодско-пермских известий совпадает со временем ухода Филофея в монастырь в 1502 г.

Пермская епископия занимала особое место среди русских епископий XV в. (центром ее была Усть-Вымь, городок при слиянии Выми и Вычегды). Филофей служил посредником между местными князьками и Москвою. Нет сомнения, что это посредничество преследовало, главным образом, выгоды московского великого князя; Филофей, несомненно, обладал какими-то дипломатическими талантами. Вместе с тем нетрудно заметить близость Филофея к другому духовному деятелю конца XV в.— митрополиту Зосиме. В этом смысле особенно показательна статья «О митрополите Зосиме», помещенная

[22] Таким более ранним источником мог быть свод 1472 г. На существование такого свода указывает Никаноровская летопись, кончающаяся на известии 1472 г., и Воронцовский список, где изложение обрывается также на 1472 г., после чего излагаются события 1480 г. Однако Никаноровская летопись и Воронцовский список в основу своих древнейших известий до 1418 г. положили разные редакции Софийской I летописи (см.: *Шахматов А. А.* Несколько слов о Воронцовском историческом сборнике XVI в.— В кн.: Сб. статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913, с. 398—408).

в Вологодско-Пермском своде под 1491 годом и рассказывающая о поставлении и избрании Зосимы в митрополиты, «яко достойна суща управляти богом порученное ему стадо». Уход Филофея в 1502 г. в монастырь был, по-видимому, тесно связан с уходом самого митрополита Зосимы и победой Иосифа Волоцкого.

Можно думать, что свод был составлен по желанию Филофея, причем составителем свода надо признать человека, близкого к его двору. Таким лицом мог быть упомянутый в третьем лице в Вологодско-Пермском своде под 1483 годом владычный слуга Леваш, посланный в этом же году с опасной грамотой великого князя к вогульскому князю Юмшану. В 1485 г. «владычный слуга Леваш» вместе с вычегодским сотником казаком Алексеем заключили договор с кодскими и вымьскими князьями. Таким образом, Леваш был доверенным лицом епископа Филофея[23].

VIII

Вологодско-Пермский свод, доведенный до [конца XV в. или до] начала XVI в. (примерно до 1502 г.), был впоследствии дополнен летописью уже чисто московского происхождения, продолженной до 1526—1528 гг., которая имела близкое сходство с Воскресенской и Софийской II летописями. О том, что Филофеевский свод был первоначально продолжен до 1522 г., говорит окончание на этом годе известий *Ак.* списка Вологодско-Пермской летописи.

Кроме того, именно на известиях 1527—1528 гг. оканчивается сходство Вологодско-Пермской летописи с Воскресенской, а также с Софийской II. Это сходство Вологодско-Пермской, Вокресенской и Софийской II летописей может иметь только одно объяснение: Воскресенская, Софийская II и Вологодско-Пермская летописи имели один общий источник, из которого они черпали свои известия за 1496—1528 гг. Окончание сходства Воскресенской и Вологодско-Пермской летописей на 1526 г. доказывает, что здесь кончался их общий источник. В *Ак.* списке далее прямо говорится о смерти великого князя Василия Ивановича. Между тем одна особенность *Ак.* списка указывает на большую древность его состава. Так, в нем под 1491 годом нет повести о Владимирской иконе божьей матери, которая помещена в *Кир.* и *Син.* списках явно не на месте. Характерно, что в *Син.* списке на предыдущем известии (об еретиках) кончается первый почерк, после которого следует чистая страница, и затем следует продолжение повести о Владимирской иконе (начало ее уте-

[23] Известия, близкие по характеру к Вологодско-Пермской летописи, встречаются также в Воронцовском списке, где под 6991 и 6993 (1482—1485) годами говорится о борьбе с вогуличами, но значительно короче. Воронцовский список, несомненно, основан на какой-то летописи, связанной с Вологдой и заключавшей в себе ряд известий вологодского происхождения за 6989—6994 (1481—1486) гг. В числе известий этой летописи находился и рассказ о походе Ахмата, имеющийся также в Вологодско-Пермской летописи, причем в этом рассказе не помещено послание Васьяна, что указывает на его бóльшую близость к первоначальному источнику (см.: *Шахматов А. А.* Несколько слов о Воронцовском историческом сборнике XVI в.).

ряно) уже новым почерком. В *Черт.* списке сказание о Владимирской иконе также поставлено значительно ранее.

Общий источник Вологодско-Пермской, Воскресенской и Софийской II летописей объясняет их близость за 1496—1526 гг., различия же зависят от выбора известий, взятых из одного источника, во всех этих летописях. При составлении этой второй дополненной редакции Вологодско-Пермской летописи 1526 г. (дата условная) в ее основу были положены известия исключительно московского характера. Большая полнота этих известий придает особую ценность этой части Вологодско-Пермской летописи как основного памятника для восстановления источников Воскресенской, Софийской II, Львовской и Никоновской летописей. Филофеевский свод, по-видимому, остался без особых дополнений, за исключением введенных в его состав нескольких статей. К их числу я отношу послание Васьяна к Ивану III, явно разбивающее текст сказания о походе на Угру на две части, и сказание о Мамае, основанное на ряде официальных данных московского характера.

Отдельные списки Вологодско-Пермской летописи уже в 1540—1550 гг. получили дополнительные статьи за 1529—1539 гг. Как первые, так и вторые дополнения, несомненно, были сделаны в Москве и никакого отношения к северу Руси не имеют. При этом следует думать, что *Кир.* список отразил уже на себе дальнейшую работу над текстом, тогда как *Син.* сохраняет больше следов первоначальной редакторской работы. О времени этих дополнений и возникновения свода в его полном виде говорят сами списки Вологодско-Пермской летописи. Время возникновения *Син.* списка едва ли далеко заходит за половину XVI в. Оканчиваясь, как и *Кир.* список, 1529 годом, *Син.* список имеет приписку другим почерком тоже половины XVI в., где говорится о нападении в 1540 г. казанских татар на Муром и Кострому и битве у св. Пятницы на Плесе. Запись с полным вероятием может быть приписана очевидцу событий 1540 г., приписывавшему по памяти это известие к уже готовому летописному своду. Поэтому можно думать, что Вологодско-Пермская летопись в полном своем варианте (*Син., Кир. и Черт.* списки), доведенная до 1539 г., составлена была вскоре после 1540 г., вернее всего в промежуток между 1540 и 1550 гг. Этот вывод, сделанный ранее на основании двух списков, подтверждается и текстом вновь открытого *Черт.* списка. К корке переплета этого списка приклеен последний лист рукописи, написанный тем же почерком, что и предыдущие. На нем помещен отрывок известия: «Иосаф игумен Троицкий Скры... монастыря...». Перед нами несомненно отрывок известия с поставлении Иосафа Скрыпицина в митрополиты, помещенный в *Кир.* и *Син.* списках под 1539 годом. После этого известия в *Черт.* списке тем же почерком записано о взятии Казани в 1551 г. Таким образом, протограф *Черт.* списка также кончался на 1539 г., а позже в нем была сделана приписка 1551 г.

Общие выводы об истории Вологодско-Пермской летописи можно свести к следующему:

1) В конце XV или в начале XVI в. при дворе епископа пермско-

го Филофея был составлен общерусский свод на основании Софийской I летописи (типа списков Карамзина и Оболенского), продолженной так называемым сводом 1480 г. (Никаноровский список), московской летописи за 1483—1496 гг. и местных вологодско-пермских записей и источников, с рядом дополнений и поправок. В чистом виде этот свод пока не найден.

2) Этот свод, собственно и являющийся Вологодско-Пермской летописью, был дополнен и доведен до 1526 г. на основании московских источников. Временем составления этой дополненной редакции надо считать условно 1526 год, а местом его дополнения Москву. Этот свод представлен Академическим списком.

3) Свод 1526 г. в свою очередь был дополнен на основании московских записей за 1527—1539 гг. Время составления этого полного свода, известного теперь под названием Вологодско-Пермской летописи и дошедшего до нас в трех списках, Синодальном, Кирилловском и Чертковском, не заходит дальше 1540—1550 гг.

НОВЫЙ ПАМЯТНИК МОСКОВСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVI В.

Печатаемый ниже отрывок был найден в одной рукописи XVI в., хранящейся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (бывший Румянцевский музей) [1]. В отчете музея за 1915 г.[2] эта рукопись названа Софийской I летописью, тогда как на самом деле состав ее гораздо сложнее. Кроме Софийской летописи, она заключает в себе и другие статьи летописного характера. По своему содержанию наш памятник представляет собой отрывок летописи, посвященной описанию нескольких лет правления великого князя Василия Ивановича, за 1518—1526 гг. Наш отрывок не может похвалиться особым богатством фактических данных, и почти все события, о которых говорится в отрывке, так или иначе известны нам и из других памятников. Впрочем, некоторые известия отрывка могут иметь значение и для фактической истории. Таков, например, рассказ о гибели Ахмат-Кирея, повествование о событиях в Казани, о причинах опалы греков, в том числе знаменитого Максима Грека, и, наконец, подробности о разводе великого князя с первой женой Соломонидой и втором браке с Глинской.

Но главное значение отрывка, конечно, не в его фактических известиях, а в той яркой политической тенденции, которая придает ему характер настоящего памятника политической литературы XVI в.

Миросозерцание автора отрывка очень типично для самосознания укреплявшегося московского самодержавия и может быть выра-

[1] Указание на рукопись я получил от акад[емика] М. Н. Сперанского, которому приношу свою искреннюю благодарность.

[2] Отчет Московского и Румянцовского музея за 1915 г. М., 1917, с. 6—7.

жено словами Степенной книги: «всяк, хотяй озлобити христоименитое сие достояние Русьское, сице вскоре потребится»[3]. Все враги Московского государства автором отрывка награждаются самыми бранными эпитетами и постоянно обвиняются в изменах и вероломстве, и, наоборот, личность великого князя Василия Ивановича неумеренно восхваляется. Ошибки и поражения великого князя объясняются лишь его доверчивостью. В повествовании автора отрывка Василий вырастает в грандиозную фигуру венценосца, меч которого «обоюдуостр на цари и короли, на всяко племя безерменское и на латынство». В другом месте эта мысль выражена еще ярче: «цари и князи зле погибоша от своих единоверных», тогда как Василий, наоборот, процветает в своем государстве: «цари ему покоряются, короли грозы его трепещут... и великий ужас обдержит латыньстии языци — ляхи и литву и немец». В этих словах, конечно, нелегко узнать историческую фигуру великого князя Василия Ивановича, царствование которого сопровождалось не столько великими победами над врагами, сколько большими неудачами и позорными поражениями.

В особенности много внимания уделяется в отрывке разводу великого князя с Соломонидой. Автор отрывка упорно проводит мысль о том, что пострижение великой княгини было добровольным и совершилось вопреки желаниям Василия. Тем самым с великого князя снимается всякое обвинение в том, что он желал отвязаться от старой жены, чтобы взять себе новую, более молодую супругу, хотя бы этот брак и совершался якобы «чадородия ради». В целом же получается яркая апология всех неудач, поражений и неурядиц в личной жизни Василия Третьего. Этот план неумеренного восхваления всех деяний великого князя невольно оставляет впечатление, что автор не столько задавался целью написать правдивые летописные заметки о своей эпохе, сколько возвеличить личность и деяния великого князя.

Необходимость этой апологии диктовалась теми большими неудачами, которые терпело Московское государство в эпоху Василия III в борьбе с Крымом и Казанью, а главным образом неурядицами в личной жизни великого князя. Развод Василия III с первой супругой Соломонидой и брак с юной Еленой Глинской сопровождался рядом скандальных подробностей. Пострижение великой княгини, по-видимому, не было добровольным и вызвало многие толки, так же как и поведение Василия, решившегося перед новым браком помолодиться — сбрить бороду и подстричь волосы. Все эти толки, ходившие в народе, получили свое отражение в известном сочинении Герберштейна. Текст же нашего отрывка и доказывает, что Герберштейн правдиво передавал те слухи, которые до него доходили.

Отношение некоторых кругов московского населения к разводу великого князя выразилось хотя бы в известии Псковской летописи: «Князь великой Василии Ивановичь постриже княгиню свою Соломонию, а Елену взят за собя; а все то за наше согрешение, якоже

[3] ПСРЛ. СПб., 1913, т. XXI, 2-я пол., с. 603.

написал апостол: иже еже пустит жену свою, а оженится иною, прелюбы творит»[4]. Позднее появилось и целое сочинение, направленное против развода великого князя, известное под названием выписи о сочетании второго брака[5].

Можно предполагать о существовании и других сочинений, направленных против развода великого князя с Соломонидой. Намек на существование таких произведений находим в самом отрывке, автор которого обрушивается на каких-то «невегласей», говоривших о том, что царю не следовало стричь своих волос на бороде. Вполне возможно, что речь шла о каком-нибудь сочинении, направленном против великого князя. В этом отношении автор отрывка очень неуклюже выдал нам те обвинения, которым подвергался в это время великий князь.

Вот против этих толков о разводе и составлен был наш летописный отрывок. В форме летописи автор его пытался последовательно оправдать, а в иных случаях и прямо прославить деяния великого князя. Наиболее удобным промежутком времени для составления отрывка следует считать 1526—1530 годы, время между вступлением Василия III во второй брак и рождением у него сына Ивана. Это был самый тяжелый момент в жизни великого князя, когда после его вступления в новый брак «чадородия ради» великая княгиня несколько лет все-таки оставалась бесплодной, заставляя предполагать, что в бесплодии Соломониды был виновен сам великий князь. Наше предположение подтверждается, как кажется, тем, что автор ничего не упомянул о последующем рождении у великой княгини Елены сына Ивана, о чем, как о выигрышном факте, едва ли бы он решился умолчать.

Характер летописного отрывка как будто указывает и на ту среду, где он возник. Несомненно, автор хорошо знаком со Священным писанием, которое он охотно цитирует, встречаем у него и большую ссылку на Авву Дорофея — любимый монашеский сборник. Это позволяет сделать нам заключение, что автор был монахом. На близость автора к Пафнутьеву Боровскому монастырю указывают два известия 1522 и 1523 гг. о постройках в этом монастыре, тогда как никаких других сведений о постройках в отрывке не находим. Вывод наш можно продолжить, сказав, что и самый летописный сборник в XVI в. принадлежал Пафнутьеву монастырю, так как заметки о постройках Пафнутьева монастыря находим и в других частях сборника. Почти все эти заметки указывают и на определенное лицо — игумена Пафнутия (Второго). О смерти этого Пафнутия упоминается под 1531 г. в Архангелогородской летописи. Ко времени этого Пафнутия относятся богатейшие вклады в Боровский монастырь: рукописное евангелие от архиепископа Макария с записью 1534 г. и церковный покров с

---

[4] ПСРЛ. СПб., 1848, т. IV, с. 295.

[5] Напечатано в ЧОИДР (1847, № 8, [IV. Смесь, с. 1—8 собств. пагинации]); о нем см.: *Тихомиров М. Н.* К вопросу о выписи о втором браке царя Василия III.— В кн.: Сб. ОРЯС [Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928], т. 101, № 3, с. 91—94.

изображением Пафнутия (Первого), сделанный в 1530 г. повелением Василия III «при его великой княгине Елене»[6]. В другой рукописи того же монастыря перед каноном преподобному Пафнутию есть надпись: «Творение ученика его Иннокентия инока тоя ж обители. В державу благоверного и христолюбивого царя великого князя Василья Ивановича государя всеа Русии. Господином преосвященным архиепископом Даниилом митрополитом всеа Русии со всем священным его собором. При игумене Пафнутии. Благословил пети канон и житие чести в лето 7039 (1531.— *М. Т.*) месяца маия в 1-й день». Следует обратить внимание на характерное титулование великого князя и митрополита, сходное с нашим отрывком. Не был ли этот Иннокентий и автором нашего отрывка?

Выбрав формой для своего сочинения летопись, автор едва ли воспользовался каким-либо известным нам летописным сводом. Только в начале рассказа о разводе великого князя встречаем полное сходство с текстом одного летописного свода[7]. Но сходство это объясняется, вероятно, общим заимствованием из какого-то официального источника, вероятнее всего митрополичьей грамоты о разводе. Отсутствие заимствований из других сводов объясняет нам и путаную хронологию памятника. Автор разбивал текст на годы по памяти. Поэтому и остались пустыми места для чисел в рассказе об оставлении Варлаамом митрополии, о поставлении Даниила и битве на Свияге. Эти места предполагалось заполнить позднее. Вместе с тем составитель отрывка показывает хорошее знакомство вообще с более старыми летописными текстами. Так, сравнение в рассказе об отмщении Магмед-Аминю за кровь православную, «яко ж Авелеву по Каине» и пр., напоминает известное место о Святополке[8]. В рассказе о битве на Свияге («ту бысть сеча велика») слышатся отклики знакомства с повестью о Ледовом побоище[9]. Заимствована и похвала Василию III, которому цари покоряются; [она напоминает], например, похвалы летописи в применении к Александру Невскому и Дмитрию Донскому. Не ново и сравнение Василия III с Иисусом Навином; так, в летописи с Навином сравнивается Александр Невский[10] и т. д.

В заключение дадим полное описание рукописи, из которой заимствован наш отрывок.

Летописный сборник, принадлежащий ОР ГБЛ, Музейное собрание, № 3841, форматом в малую четвертку, на 312 л. (конца нет), писан разными почерками XVI — начала XVIII в.: 1) л. 1—22— беглым полууставом конца XVII — начала XVIII в.; 2) л. 23—274 — четким красивым полууставом конца XV или начала XVI в. (водяной знак — голова быка с крестом между рогами, обвитым змеей);

---

[6] *Леонид.* Историко-археологическое и статистическое описание Боровского Пафнутьева монастыря. 2-е изд. Калуга, 1894, с. 117—120.

[7] Летописец, содержащий Российскую историю... М., 1784, с. 383—384; [см. также: ПСРЛ. Пг., 1921, т. XXIV, с. 222—223].

[8] См.: ПСРЛ. Л., 1925, т. V, вып. 1, с. 90.

[9] См.: там же, с. 228.

[10] Там же.

3) л. 275—276 — более поздним полууставом XVI в., тем же почерком написаны и л. 277—278 об. и л. 289—312 (водяной знак — перчатка с розеткой над средним пальцем и буква Р с розеткой над ней); 4) л. 276 об. и 277 — скорописью XVI в.; 5) л. 278—288 — другим скорописным почерком первой половины XVI в. (водяной знак — тиара).

По содержанию можно различить следующие части сборника:

1) л.1 — «зри летописец вкратце. От Адама до потопа...»

2) л.3 — «летописец Руския земли...» Следует текст Софийской I летописи. Основная часть летописи (л. 23—274) была написана в конце XV — начале XVI в., но потеряны начало и конец. Начинается она рассказом о начале славянской азбуки («никоторому ж языку имети азбуков своих» [11]), кончается повествованием о Мамаевом побоище («и многое множество много бесчислено падоша»). Кроме того, утеряны и некоторые листы в середине текста (между л. 50 и 51, 135 и 136, 139 и 140, 170 и 171, 186 и 187, 222 и 223, 232 и 233, 238 и 239, 251 и 252, 273 и 274). Сохранившийся же текст Софийской летописи по особенностям ближе всего подходит к известным Бальзеровскому (конца XV в.) и Воронцовскому (конца XVI в.) спискам. Уже в XVI в. неоконченный в нашем списке текст Софийской летописи был продолжен (л. 275—276), но оборван на словах о бегстве татар и Мамая — «от мала и до велика их на бег устре(мися)». В конце XVII — начале XVIII в. было восстановлено и утерянное начало.

3) л. 276 об.— краткая родословная заметка о рождении у царя Мануила 6 сыновей от Анны, дочери Василия Дмитриевича [12].

4) л. 277 — «лета 7029 (1521.— *М. Т.*) месяца (в рукописи ошибочно: «цсмя») маиа 2 день» (перечисление святых на этот день). «Тои же день в четвертого игумен Пафнути Изосиминской пустинки з братею заложил храм теплои Николы чюдотворьца и трепезу 6 сажен, а церковь полутреи сажени. А мастеры были с Твери: Власи (может быть, Васил.— *М. Т.*) наугородець да Феодор, да Иван. И дело сверьшили до Семеня дни. И свещана церковь на памет...» (оставлено пустое место и ниже тем же почерком [написано] о смерти преподобного Пафнутия).

5) непосредственно за этим (л. 277—278) — краткие погодные заметки, начинаются они 6986 (1478) г., и кончаются 7029 (1521) и [заметкой] о приходе татар на Коломну, причем это последнее известие зачеркнуто. Среди других известий встречаем следующее: «В лето 7019 (1511.— *М. Т.*) основана трапеза каменая в Пафнутьеве монастыре в неделю 3-ю по Пасхе, мая 4 на память святые мученицы Пелагеи».

6) непосредственно за этим (л. 278—288) следует печатаемый здесь летописный отрывок за 1518—1526 гг. Водяной знак этих ли-

---

[11] Ср. ПСРЛ. СПб., 1851, т. V, с. 92.

[12] То же см. в ПСРЛ. СПб., 1911, т. XXII, с. 422.

стов — тиара. Написан отрывок четкой мелкой скорописью первой половины XVI в.[13]

7) л. 289—312 — «Никифора патриарха Цареграда летописец вкратце», оканчивается он известием о царе Мануиле под 6899 [1391] годом, после чего следует «начало князей рускых» (краткий летописец, обрывающийся на 1319 г. на последнем листе рукописи).

л.278 [1518] В лето 7026 царя Магмед Аминя Казаньского в животе не стало, и князи и все люди Казаньского царства прислали бити челом государю великому князю Василию Ивановичю всеа Русии сегитя, чтобы их пожаловал, дал им государя. И царь и государь всеа Русии умилосердился, не въспомянув их прежниа измены, пишет бо: царьскаа сердца в божии руце, послал л.278 об. // к ним на царьство Шаагалея, Касымовского царевича, да с ним боарина своего князя Димитреа Феодоровича Бельского поставити его на царьство. Он же начат жити по приказу государьскому, и князи и все люди Казанского царьства възненавидеша его да послали в Крым по погибелного собе государя. И поиде к ним ис Крыма Саап Киреи царевичь. И уведа сие царь Шаагалеи преступление окаанного шертопийства Казаньских князей и измену к государю великому князю, в приход царевичев ис Казани вышел тайно нощию да пошел вниз Волгою к Хасторкани, страх имеа от казаньских князей и убийства ради от черемисы, понеже бо с ним люди немногые. А хотел итти к государю великому князю на Казаньских князей жаловатися. А в то время великого князя казаки касымовьские были на поле да наехали его на Волзе, да государю великому князю привезли. Збысться над ним писание: праве живущих любит бог, брег своего слова правого, верно служил государю великому князю, за то господь бог злыа смерти избавил его.

л.279 [1519] В лето 7027 Крымскои царевичь Саап Киреи пришол // ис Крыма в Казань да и на царство сел, а государю великому князю Василию Ивановичю всеа Русии послал бити челом, чтобы его пожаловал по тому ж, как и прежних царей жаловал, лестию по совету брата своего Ахмат Киреа, царя Крымского. Государь же всеа Русии поверова его ложному челобитью, понеже бо въ устах его ложь не обретается, рекся о том обговорити з братиею и з боары да на укрыину не послал воевод своих, а он, льстець, на украину послал мордву и черемису без совета князеи Казаньских. Того ж лета шла царици Крымскаа х Казани да с нею сын ее Саддеи Гиреи, а государьские великого князя Василиа Ивановичя всеа Русии касымовские казаки были в поле на стороже, ее людеи побили, токмо ушла с сыном в Казань. И как царици пришла в Казань, и князи Казаньские Саап Киреа с царства збили того ради, что посылал на великого князя украину без их ведома, а Саддеи Гиреа поставили на царство.

---

[13] Печатается ниже полностью, за исключением длинных цитат, приводимых из священных книг. Сокращения отмечены многоточием.

В лето 7029 збысться над православием господне слово: [1521]
«Аще ли будете блази, то умножу // лета ваша, аще ж ли зли, л.279 об.
то наведу на вы глад и мор и труси по местом и пущу на вы
пленникы, и да пленят вы, и растлят отроковица ваша». И сиа
вся збысться грех ради наших. Беззаконныи царь Ахмат Киреи
Крымские орды государя великого князя Василиа Ивановича
всеа Русии обольстил своими лестными глаголы, прислал посла
Апака князя с миром и з братством лестно, а не истинно. Го-
сударь же князь великии имеа велию правду в сердци своем,
и не обретается в устех его ложь, сего ради поверова ложному
его братству и беззаконному съвету, не укрепися в воинстве,
раздели воа на многи части. Съи же злокозненыи Ахмат Киреи,
аки волк и хищник, съвокупився съ многими ордами, прииде
к граду х Коломне и реку Оку преиде нощию июля 28, заставу
побил и воеводу князя Феодора Васильевича Лопату Оболень-
ского поимал, и дву храбрых, Якова да Юриа Замятних убили.
А с ним был от Литовского короля воевода, сатанин угодник,
июдин съпрестолник, поругатель верам, отметник православиа,
изменник крестъного цолованиа, Остафеи Дашкович, и многи
па // кости православию сотворил. Князь же великии выступил л.280
на Волок и посла по и воиньство новогородцкое. И въскоре
прииде к нему воевода князь Михаило Васильевич Горбатои,
а с ним воинство новогородцкое и пьсковское, и убоявся злыи
он хищник, побеже з боязнию, и многы пленникы пометаша.

В лето 7030 князь великии Василеи Иванович всеа Русии [1522]
съвъкупився с своею братиею благоверными князи Георгием и
Андреем и з боляры, и с воеводами, и с воинством, прииде в град
Коломну и оттуду въсхоте послати на злокозненаго и нечести-
ваго царя Ахмат Киреа Крымьскиа орды слугу своего князя
Василиа Ивановича Шемячича да и воеводы многоа. И уведа
сие лстець он и убояся. Оставя свое очество ис Крыма вышел
да пришел на кочевище Нагаискиа орды. Князь Нагаятин, имя-
нем Агиш, приехал к нему служити, а с ним люди многиа. Съи
же злыи сыроядець не унасытился крови провославныа, но
своеа веры беззаконныа хотя кровью напоити ненаясытныи
свои гортан // и своему закону поругатель быти въсхоте, пошелъ л.280
на царство Хасторканьское, а Агишу дал слово на том: аще ли об.
исполню желание мое, то устрои тя стареишаго над царством
Хасторканским. Окаанныи же злу пророк их Магмед, взяв силу
и крепость у отца своего сатаны, из ада подаст ему, пришед
к Хасторкани, воя их победил и царство взял. Агишь же начат
молити его, дабы помнил слово свое. Царь же с смехом начат
поносити ему, и оттуду поиде х Крыму. Агишь же, видя непра-
ду цареву, послал х брату своему Мамаю князю, да пришлет к
нему воа своа. Он же вскоре послал к нему все воиньство свое,
и съвокупився нагаи, аки зверие дивии, с аростию приидоша и
победиша злопагубнаго врага рускои земле Ахмат-Киреа царя
и сына его Багатырь Салтана и все воиньство их потребили. Гос-

подь бог не попустил ему прежняго его законопреступления, что изменил великому князю и отмьстил на них кровь православную, яко ж Авелеву на Каине. Каин бо седмь отмщении прият, смер-
л.281 ти же не прият. Съи же окаанныи // за преступление своего шертопиистваа зле живот свои скончал.

Того же лета Варлаам митрополит митрополию оставил *, съехал на Симоново, и оттуду князь великии Василеи Иванович всеа Русии послал его к Спасу на Каменье.

Того же лета пречистыа обители Осифова манастыря игумен Данил в митрополиты поставлен февраля **.

Того же лета в пречистые обители Пафнутиева манастыря приделана к церкви над чюдотворцем гробница да и паперть камена при игумене Пафнутие.

[1523] В лето 7031 князь великии Василеи Иванович всеа Русии въсхоте поитти х Казани и умедлиша, пришед, стал в Нижнем Новегороде, а на казанскую украину послал царя Шаагалея да с ним воевод своих боарина своего князя Василья Васильевича Шуйского да Михаила Юрневича Захарьина. И они, шед, украину воевали и город Суреск на реке на Суре поставили, и Мордву, и Черемису Казаньскую за государя всеа Русии к шерти привели.

Того же лета в Пафнутиеве манастыре поставлена колоколница камена, при игумене Пафнутье. //

л.281 об. [1524] В лето 7032 князь великии Василеи Иванович всеа Русии посылал воевод своих на своего недруга Саддеи Гиреа, царя Казанского, в судовой рати князя Ивана Феодоровича Бельского, а в конной рати боарина своего Ивана Васильевича Хабара Симского. Злии же окааннии варвари казаньские князи из многих орд казаков понаимовали, пошли против конные рати, царю похвалився победити воинство великого князя, не взяв бога помощника собе. Давид бо пишет: «съи человек, иже не положи бога помощника собе, но упова на множество богатьства своего и хвалящеся о идолех своих»; такожде и князи надежду не на бога, но на себе уповаа, понеже бо имеа воиньство велие, всих бо окаанных сыроядцех мню бо не токмо окаанни, но и треокаанни, своему закону нехранителие и безбожнаго шертопиистваа преступницех. Збысться писание Давидово: «ядоша хлебы моа и коваша на мя ков». Злии Казаньские князи, презрев государьское великого князя жалование, супротив сташа ему.
л.282 И пакы реченное Давидом: ров изры, // ископа и впадеся в яму, юже съдела, обратися болезнь их на главы их, приразишася крепкому адаманту и съкрушишася. Государьские же великого князя воеводы, възлагаа надежду на вседръжителя господа бога и пречистую его матерь богородицу и молитвы, призываа в помощь собе великих чюдотворцов Петра и Алексеа и прочих но-

* Здесь стоит киноварью знак вставки, на полях такой же знак и какое-то слово, которое невозможно разобрать.

** Оставлено свободное место для заполнения числом.

воявленых чюдотворцов... И снидошася на реце на Свиязе месяца *. Злии же окааннии князи Казанские гордостию превознесшеся, аки лви на лов устремишася с яростию, вскоре хотя победити воинство великого князя, пришли на воевод безвестно. Вси ж воеводы государьские пошли против супостат своих с смирением и ухищрением воиньским, призываа бога помощника собе, а не на ся възлагаа надежду, ведыи писаниа: «гордым господь противится, смиренным же дает благодать». И сступишася обои полци, и ту бысть сеча ве//лика, якова ж не бывала ни от Доньского побоища. И узреша варвари многиа от полков своих падающих подаремникы никим же биеми и устрашишася, и вдаша плеща своа на раны, бегу ся яша. Государьское же воинство начат женути по них, многыа побиша, а иныа попленища. А по помощи божиеи, счастием государя великого князя снидошася вкупе, радостне начат благодарити бога и царю и государю всеа Русии славу възъсылати. И начат воинство ззиратися, на всех доспехи их язвени, телеса же их невредами... И оттуду поидоша х Казани, и совокупився судоваа рать и коннаа, приступиша г городу х Казани, вседушне потщався государю служити, а царьство Казаньское потребити. Царь же Саадъдеи Гиреи выслал князеи стареишин царьству Казаньскому с молением к воеводам // великого князя, дабы утолили мечь государьскии, царства Казаньского вконець не потребили, а в воле положили в великого князя, как царя и всех людеи Казаньского царства пожалует, понеже бо государьскии великого князя меч обоюдуостр на цари и короли, на всяко племя безсерменское и на латынство. л.282 об. л.283

Того же лета приходили князи Ногаиские орды на царя Саддеи Гиреа Казаньского да и вконець царство его доспели пусто. О сем бо свидетельствуеть писание: «всяк законопреступныи потребится, и память его погибнет с шумом»; апостол же: «в всяком языце боаися бога и творяи правду угод ему есть». Сие бо пишет не о верах, но о крещение: «аще кто скиф или еллин, или варвар крестится, приат богом будет». Сии же безбожнии цари и окаании варвари не токмо сами не крестишася, но и православную кристианьскую веру въсхотеша потребити. Господь же бог умилосердився над православьем, царя их възлюбив, не попусти сему быти. Вси зломыслении православию // цари и князи зле погибоша от своих единоверных, царь же и государь князь великии Василеи Иванович всеа Руси благодатию господа бога спаса нашего Исус Христа и пречистыа его матере богородица и молитвами великих чюдотворець и пакы всех святых, яко финикс, процветает в дому божии, и яко кедр, иже в Ливане, умножися в своем государьстве, и яко инорог, в всеи поднебеснеи словет. Цари ему покоряются, короли грозы его трепещуть, и всяко племя безсерменьское хоругви его крест- л.283 об.

* Далее оставлено пустое место.

носного боятся, и велик ужас обдержит латыньстии языци, ляхи и литву и немець.

[1525] **Послание к Казанскому царю о торгу.** В лето 7033 князь великии Василеи Иванович всеа Русии посылал к Казаньскому царю Саддеи Гирею князя Василья Даниловича Пенькова да с ним диака Афонасиа Курицина о том, чтобы помнил свое слово, как высылал бити челом государьским великого князя воеводам князю Ивану Феодоровичю Бельскому да Ивану Васильевичю Хабару князеи, стареишин Казаньских, чтобы царства Казанского не потребили, а в воле положили в великого князя.

л. 284 И царь бы велел // своим гостем и всеи Казанскои земле торговати в Нижнем Новегороде. И царь Саддеи Гиреи сътворил волю великого князя, и князь Василеи Данилович и перевел торг ис Казани в Новгород в Нижнеи.

О грекех. Того же лета князь великии Василеи Иванович всеа Русии довел на спаского архимандрита на Саву на Грека да на Максима на философа измену, посылали грамоты да и поминки, железца стрелные, к паше к туретцкому, а велели ему итти воевати украин великого князя. Даниил митрополит всеа Русии с священным собором довел на них ересь. Да с ними же были в совете Иван Берсен Беклемишов да Петр Муха Карпов, да Федко Жаренои. И сказали на соборе в всем виноваты. Государь же над грекы показал милость, Саву послал в заточенье в обитель пречистыа на Возмища, а Максима в Сифов, а келеиника их Афонасьа в Пафнутиеве, а Берсеня велел казнити главною казнию, а Муху велел в темнице заключити, а Жареному велел язык вырезати.

[1526] **О пострижении великиа княгини Соломаниды.** В лето 7034 благовернаа великаа княгини Соломанида, видя неплодство чрева своего, яко ж и древняа она Сарра, начат молити государя

л. 284 об. великого князя, да повелит ей // облещися в иноческии образ. Царь же и государь всеа Русии не восхоте сътворити воли еа, начат глаголати сице: «Како могу брак разорити; аще ли сиа сътворю, и второму несть ми лесть съвъкупитися», понеже государь богочестив, правдив и съвръшитель заповедем господним и законному повелению. Христолюбиваа ж великаа княгини с прилежанием и с слезами начат молити государя, да повелит еи сътворити, яко ж хощет. Царь же и государь всеа Русии ни слышати сего не въсхоте и приходящих от неа велможь з злобою отреваа. Великая же княгини, видя непреклонна государя на моление еа, начат молити святеишаго архиепископа богом спасенаго града Москвы Данила митрополита всеа Русии, да умолит о сем государя и сътворит волю еа быти, понеж бо дух святыи всеа пшеницу в сердце еа и да възрасти плод добродетели. Святеишии же Данил митрополит всеа Русии, молениа слез еа не презри, много много моля о сем государя с всем священным съномом, да повелит воле еа быти. Царь же и государь всеа Русии, видя непреклонну веру еа и молениа отца своего

Данила митрополита не презре, повеле сътворити волю еа. Благоверная же великаа княгини, аки от пчел сота от царьских уст насладився, с радо//стию отходит в обитель господа бога спаса л.285
нашего рожества в Дивичь манастырь, еже есть зовом на рве, и ту остризает власы главы своеа от отца своего духовного никольского игумена Давида, и нареченно бысть имя еи в мнишескии чин Софиа. Благовернаа же великаа княгини инока Софиа, видя богу неугодно ту пребыти еи, мнози от велмож и от сродник еи и княгини, и болярыни нача приходити к неи посещениа ради и мнози слезы проливаху, зряще на ню. Боголюбивую же великую княгиню иноку Софию о сем скорбь объят зелна и начат глаголати, аще бых желала славы мира сего, то бых царствовала вкупе с царем и государем всеа Руси, днесь же желаю наедине безмолствовати и о государьском здравии молити всещедрого бога, и да некли бых господь бог подал великим моим прегрешением понемалу отпуст; цили не моих великих ради грех не даде бог государю плода и все православие обезчадимо государьством моим неплодием. И начат молити государя, да повелить еи отъити в обитель пречистыа владычица богородица честнаго еа Покрова в богом спасаемыи град Суждаль. Князь же великии о сем господу богу благодарение възсла, даровавшему еи толико усердьство и удивися теплоте // веры еа и по- л.285
веле вскоре тому быти. Боголюбивая ж великаа княгини инока об.
Софиа не токмо сугубено и сторицею радости исполнися и благодать възблагодать въздаде господу богу о государьском здравии...

Съвъкупление втораго брака. Того же лета князь великии Василеи Иванович всеа Русии бысть в велице уныние и сетование о незгодстве потребления венечного и о разлучении подруга си и о сем печалуа на мног час. Святейшии ж архиепископ богом спасенаго града Москвы Данил митрополит всеа Русии и благоверныа князи Георгии и Андреи Ивановичи часто посещение имеа к нему и о сем // понемало въспоминаху ему, дабы л.286
утолил сетование свое и печаль пременил в радость, второму браку съвъкупился. Князь же великии нимало преклонься прошенью их, токмо в унынии пребываа и розарителя закону себе нарицаа. Преосвященныи ж Данил митрополит и благоверныа князи Георгии и Андреи с великим предлежанием начат молити государя, дабы съкратил сетование свое и браку съвъкупился, да не запустееть царство его в безплодьи государьства. Поместныя ж князи и боляре о сем с слезами молиша государя, дабы преклонился на моление митрополиче и братне. Царь же и государь всеа Русии в разум истинныи прииде, понеж богочестив и христолюбив и человеколюбив и от богаданного ему разума исполнен и божественым писанием ритор и философ превыде и житию святых отець в конець известо доктор. Въспомянул писание великого Аввы Дорофеа, еже писах в 15 слове л.286
о унынии... // И сим писанием увещався и к сим приплете апо- об.

стольское слово: лутчи женитися, нежели раждизатися; и паки: дух бодр, а плоть немощна; и ответ дал преосвященному Данилу митрополиту и благоверным князем Георгию и Андрею и всем поместъным князем и боляром: «Воля ваша буди». Они ж вси радостно и велегласно възъпиша: «Грех твои, царю, буди на
л.287 нас». Князь же великии посла боляре своа и ве// рныа велможа в вся грады и веси самодержавного ему государьства, да изберут ему девицу лепу и доброзрачну и разумну. А сам государь власы главныа и браду обнажи. О, дивьство всячески государя доброзрачно зрети, когда в браде яко ж Ивастиан царь новых заповедеи святолепно зрети его и како обнаженою главою и брадою явися страшен и любим, яко ж стратиг силы небесныа Исусу Наугину под Ерихоном в образе воина явися. Исус же, узрев, пад ниць на земли и рече: «Господи!»; сие глагола, трепеща его; и паки: «Наш ли еси»; а сие, любя его. Також де царь и государь всеа Русии страшен явися иноплеменником взора ради стратижскаго, любим же всеми православными благочестиа ради. Неции же от невеглас и от поселян глаголат сиа: «Не подобает царем глав и брад обнажати». Сии убо неразумнии человеци скоте приложися и уподобися им, божественых писании ни следа ни знаа, так глаголють. В царствах бо пишет: «Царем подобает обновлятися и украшатися всячески». Паче ж светлее сего божественнаа правила повелевают: правило 44 и о власех же, неци ли бог заповеда пророком — «влас главы твоеа не пи-
л.287 таи», рече, рекше // не обрасти, «паче ж устригаи их и очищаи»,
об. сему бо осуженью царь и государь несть повинен.

И снидошася вси вкупе послании от государя на обретение девиче и начат глаголати сице царю: «Нигде же таковыа откровица не обретохом, никогда же от рождении видехом, ниже умы наши осязати могут, якова ж дщерь князя Василиа Львовича Глинского Елена». Князь же великии повелеша ю ввести въ светлыа полаты, да узрить ю. Послании ж сътвориша по повелению его. И прииде царь в полату, узре юницу благообразну и въпроси ю о жительстве. Она ж мудре отвещаша ему. Князь же великии зело възлюби ю лепоты ради лица еа и благообразиа възраста, наипаче же целомудриа ради, понеже обоа дарова еи бог, благообразна и разумична, и повеле ю нарещи царицу и государыню всеа Русии. Сам же посла г Данилу митрополиту, да съберет священныи сънм. Вскоре же снидошася к митрополиту епископи и архимандрити и честнеишиа игумени. Царь же и государь всеа Русии прииде и благословися от священного собора. Данил же митрополит всеа Русии и преосвященныи сънм вси единогласно радостне государя благословляют браку совокупитися и прощают в си век и в будущии. Царь же и государь
л.288 князь великии Василеи Иванович // всеа Русии съвъкупися браку з благоверною и христолюбивою великою княгинею Еленою месяца генуаря 28.

ЗАПИСКИ О РЕГЕНТСТВЕ ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ И БОЯРСКОМ ПРАВЛЕНИИ 1533—1547 ГГ.

О времени регентства Елены Глинской и боярского правления рассказывают несколько летописей. Важнейшими из них являются Воскресенская, Вологодско-Пермская летописи и Царственный летописец. Все эти летописи были уже известны Н. М. Карамзину и цитируются им по рукописям в «Истории государства Российского».

Воскресенская летопись, как известно, кончает свое изложение на 1541 г. Ее повествование, относящееся к восьми годам царствования Ивана IV, отличается сухостью, официальным характером и определенным стремлением обелить боярское правление и очернить Елену Глинскую. Таковы известия о «поимании» дядей малолетнего великого князя Юрия и Андрея Ивановичей. Они носят характер официальных справок, в конечном итоге возлагающих вину за гибель обоих удельных князей на правительницу Елену Глинскую. Великая княгиня велит боярам арестовать Юрия, «берегучи сына». Арестованный Юрий погибает в темнице. Великой княгине приписывается и гибель Андрея Ивановича. По летописи, великий князь и его мать велели арестовать Андрея и посадить его в темницу [1].

Подробный рассказ о событиях обрывается в Воскресенской летописи на 1537 г., затем следуют три кратких известия 1538, 1539 и 1540 гг., известия же 1541 г., в сущности, представляют собой повесть «о приходе крымского царя Сафа Киреа на Русскую землю». Не касаясь вопроса о том, когда появилась Воскресенская летопись как особый летописный свод, отметим только, что время возникновения ее известий за 1533—1537 гг. нужно датировать примерно сороковыми годами XVI в.

Значительно полнее запись о событиях 1533—1547 гг. в Царственной книге и других летописцах, связанных с ней общностью происхождения (например, в Львовской летописи). В этих летописях всячески подчеркивается боярское «самовольство», заметно желание перенести на бояр ответственность за политические расправы, совершенные при Елене Глинской. Таков «Летописець. Начало царьства царя и великого князя Ивана Васильевича...» [2] и ему подобные, которые в противоположность Воскресенской летописи с ее боярскими тенденциями отражают взгляды Ивана Грозного. Но и тут и там в летописных известиях виден, скорее, позднейший редактор, старавшийся осмыслить прошлое в определенных рамках, подсказанных ему политической обстановкой своего времени, чем очевидец и участник событий.

Значительно ближе к событиям времени Елены Глинской стоит Вологодско-Пермская летопись, щедро цитируемая Карамзиным

---

[1] ПСРЛ. СПб., 1859, т. VIII, с. 286—294.
[2] ПСРЛ. СПб., 1914, т. XX, 2-я пол., с. 419 и след.

и до сих пор, по какому-то недоразумению, остающаяся ненапечатанной [3]. Карамзин называет ее ветхим Синодальным летописцем № 365 [4]. Летопись заканчивается известиями 1533—1538 гг., заимствованными из двух различных летописцев. По своему характеру она является лучшим источником по истории правления Елены Глинской и носит черты довольно явной близости к великокняжескому двору.

Для истории 1533—1547 гг. несомненное значение имеют и другие летописные своды, в частности новгородские и псковские, но в них мы встречаем записи авторов, порой мало осведомленных о событиях в Москве. Особенно это чувствуется в сообщениях псковских летописцев. Одни из них явно враждебны Ивану IV, другие — благоприятны, но и те и другие повторяют слухи да жалобы псковичей.

Большие летописные своды составлялись на основе ряда источников. Среди этих источников найдем официальные записи, отдельные повести, выписки из разрядных книг о назначении воевод и т. д. Необходимо предполагать и существование летописных записей, принадлежавших частным лицам. Великолепным их примером являются некоторые записи Ермолинской летописи [5], пополненной известным архитектором и деятелем конца XV в. Василием Дмитриевичем Ермолиным. Близкие участники или очевидцы событий нередко выступают перед нами в записях, помещенных в списках Софийских летописей и других летописных сводов, но установить их авторов чрезвычайно трудно. Ведь в больших летописных сводах соединены обычно известия, заимствованные из разных источников и от разных авторов.

Но вот перед нами летописец, известия которого носят черты одновременно и большой осведомленности в политических событиях, с одной стороны, и неофициальности их происхождения,— с другой. Этот вновь найденный отрывок летописца мы условно назовем Постниковским летописцем.

Летописец этот был сообщен мне В. Н. Шумиловым. Он хранится в собрании рукописей Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), в числе рукописей собрания Оболенского (№ 42, прежний № 164).

Рукопись представляет собой отрывок летописи, написанный в 4°, на 63 листах, скорописью середины XVI в., без конца и без переплета. В бумаге имеется знак сферы (половины XVI в.)

Отрывок заключает в себе русскую летопись, начинающуюся продолжением 7011 (1503) г.: «Того же лета приидошя на Москву послы литовские от короля Александра пан Петр Мнишковской». Далее идет текст, сходный с Софийской I летописью по списку

[3] [Вологодско-Пермская летопись опубликована в кн.: ПСРЛ. М.; Л., 1959, т. XXVI].

[4] См.: *Тихомиров М. Н.* О Вологодско-Пермской летописи.— [Настоящий том, с. 137].

[5] ПСРЛ. СПб., 1910, т. XXIII.

Царского, заканчивающийся известием 19 сентября 1504 г. о литовских послах [6].

За 1509—1533 гг. летописный текст имеет близость к Софийской II летописи, являясь одним из ее источников. С листа 27 вставлено сказание «о великого князе Васильеве смерти» [7], хотя ранее и говорилось о смерти Василия III: «декабря в 3 день с середы на четверг во фторый на десять час нощи против Варварина дни» (л. 26 об.). Из неизданных известий интересны следующие: «Лета 7034 (1525.— *М. Т.*) ноября в 28 день князь великий возложи на великую княгиню Соломаниду опалу. И ноября в 29 день великая княгиня Соломания пострижена бысть в черници, безплодия ради, у Рожества пречистые на Рве и наречена бысть инока Софья, и не по мнозе отпустил ея князь великий в Каргополе и велел ей устроити в лесу келью, отыня тыном. А была в Каргеполе (так в рукописи.— *М. Т.*) пять лет, и оттоле переведена бысть в Девичь манастырь в Суздаль к Покрову пречистые» (л. 21 об.— 22). Под 7038 [1530] г.: «Того же лета августа в 24 день с середы на четверг на шестом часу нощи на память священномученика и апостола Евтихия и на пренесение мощей Петра чюдотворца родися великому князю Василью Ивановичю сын Иван от Елены» (л. 25 об.).

Конец рукописи (на листах 49—63 об.) представляет собой особый летописец и охватывает 1533—1547 гг.

Характер Постниковского летописца необычен. Автор его, несомненно, человек, близкий ко двору, хорошо знающий дворцовые новости. Круг интересов автора, впрочем, очень ограничен; он вращается вокруг придворных интриг и внешних событий. Осведомленность автора в дворцовых делах чрезвычайная, можно сказать, исключительная. Он всюду указывает место заключения того или иного боярина или князя, причины опалы, подробности содержания в темнице, даже обстоятельства смерти. Князь Юрий Иванович умер в Набережной палате, «на мертвом и железа обтерли», т. е. уже на мертвом теле пришлось оттирать следы железных оков. Михаил Глинский умер в каменной палате за дворцом; и на его мертвом теле оттирали «железа». Подробно говорится об аресте Андрея Ивановича Старицкого и судьбе его семьи. Жену Андрея с дочерьми посадили на Берсеневский двор, где раньше сидела княгиня Василия Шемяки с дочерьми. Малолетнего Владимира Андреевича держали отдельно от матери и потом только ей отдали его «в тын», т. е. в место заключения, огороженное тыном. Там он и сидел с матерью до выхода на свободу. Последнее известие указывает на то, что летописец был обработан только после 1540 г., когда Владимир Андреевич с матерью получили свободу и все свои вотчины.

Автор летописца тщательно записывает подробности о политических расправах своего времени, рисуя перед нами картины пора-

---

[6] См.: ПСРЛ. СПб., 1851, т. V, с. 48—54.
[7] См.: ПСРЛ. СПб., 1853, т. VI, с. 267—276.

зительной жестокости, совершавшейся под покровами тайны и лицемерных вздохов о воле божией. Углицкий князь Дмитрий Андреевич, сын Андрея Васильевича Большого, сидел в Переяславле в тюрьме за тыном 49 лет — с семилетнего возраста. В 1540 г. он был переведен на свой двор в том же городе и получил свободу ездить по посаду и полное обеспечение, но вскоре умер. Князь Иван Бельский был «уморен гладом, 11 дней не ел», одних цепей и оков на нем было пудов с десять, и т. д.

Записывая сведения о политических убийствах своего времени, автор наших записок в то же время интересуется и внешними событиями, в особенности военными и посольскими делами. Тут мы и обнаруживаем, кажется, кем был автор летописных записей. В поле его внимания — литовские и казанские дела. О войне с Великим княжеством Литовским сообщается подробно и с подчеркиванием русских успехов. В 1535 г. русские войска воевали до Вильны и за Вильной, а из Литовской земли, «дал бог, пришли здорово». В 1542 г. говорится о посольстве в Литву боярина Вас[илия] Гр[игорьевича] Морозова, углицкого дворецкого Фед[ора] Сем[еновича] Воронцова и дьяка Постника Губина. Запись об этом посольстве составлена необычно тепло: послы отправились в Литовскую землю с Троицына дня, «того ж лета пришли назад поздорову, исправя посольство».

Но не только литовские дела интересуют нашего летописца. Он хорошо осведомлен о казанских делах, интересно рассказывает о воцарении в Казани касимовского царя Шигалея в 1546 г. Сажали его на царство бояре кн. Дм[итрий] Фед[орович] Бельский и кн. Дм[итрий] Фед[орович] Палецкий, да тот же дьяк Постник Губин Маклаков. Перечисление казанских князей, бежавших из города или, наоборот, встречавших послов великого князя, не оставляет сомнения в том, что автор летописца был свидетелем смены правительства в Казани.

Сочетание в авторе записок хорошего знания внутренней и внешней политической обстановки в России 1533—1547 гг., о которой он говорит не понаслышке, а как очевидец, заставляет видеть в нем лицо, хорошо осведомленное и близкое к правительственным кругам. Двойное же упоминание о дьяке Постнике Губине сыне Маклакова может указывать на настоящего автора летописных записей 1533—1547 гг.

Можно, конечно, возразить, что указания на посольство Постника Губина Маклакова имеются и в других летописях, но стоит сравнить записи в Львовской летописи с записями нашего летописца, чтобы разница между ними резко бросилась в глаза. Вместо подробного рассказа нашего летописца о казанских делах в Львовской летописи читаем краткую и сухую заметку о послах великого князя, посадивших в Казани Шигалея на царство [8]. Сообщения

[8] ПСРЛ, т. XX, 2-я пол., с. 466.

Львовской летописи об уходе посольства в Литовскую землю и его возвращении также носят характер сухой справки[9]. В них нет даже указания на фамильное прозвище Губина — «сын Моклаков», тогда как наш автор под 1509 годом говорит о посольстве в Литву и «диака Мити Губы Моклакова».

Постник Губин сын Маклаков принадлежал к роду потомственных великокняжеских дьяков. Отец его Никита Семенович Маклаков вместе с братом Тимофеем были заметными людьми при Иване III. Один из сыновей Никиты, Федор, называвший себя обычно Постником Губиным, сделался дьяком[10]. Время его деятельности в качестве дьяка Разрядного приказа Н. П. Лихачев определяет 1542—1558 годами[11]. Он же считает, что Постник Губин был дьяком Новгородской четверти.

Предположение, что автором летописца был Постник Губин, объясняет нам его хорошую осведомленность в дворцовых интригах, в дипломатических делах, его особенный интерес к делам казанским. Конечно, это только догадка, но она имеет право на существование.

Кем бы, однако, ни был составитель нашего летописного отрывка, он создал источник первостепенной ценности, может быть, даже уникальный по своим особенностям, а именно своеобразные мемуары середины XVI в., изложенные в традиционной летописной форме. Источник этот приобретает особенный интерес, если мы сопоставим его известия со свидетельствами других писателей XVI в., в первую очередь Ивана Грозного.

Иван Грозный в своем первом послании к Курбскому напоминает ему о событиях их малолетства и юности, обращаясь к нему со словами: «...аще убо и юн еси сих лет, но обаче ведети можеши»[12]. Грозный говорит о боярском самовольстве. Он приводит факты, которые целиком подтверждаются нашим летописцем. Так, Грозный пишет, что ближнего дьяка его отца Федора Мишурина убили, «позоровав», на бывшем дворе Андрея Ивановича Старицкого[13]. О том же говорит и наш летописец, рассказывая, как с Мишурина «ободрали» платье донага и «нага» вели до тюрьмы, где ему отсекли голову.

В другом месте того же послания Иван IV смеется над боярским обвинением, «будто матери нашея мать, княгина Анна Глинского, с своими детьми и людьми сердца человеческая выимали и таким чародейством Москву попалили»[14]. Эти слова о сердцах становятся понятными, если мы прочтем слова нашего летописца о появлении

---

[9] Там же, с. 461—463.
[10] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, с. 143—144.
[11] Там же, с. 51 (указатель).
[12] Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951, с. 31.
[13] Там же, с. 33.
[14] Там же, с. 35.

в Москве и других городах «сердечников», которые «вынимали из людей сердца».

Постниковский летописец рисует нам картину безудержного боярского произвола. Только что в 3 часа ночи со вторника на среду 2 апреля 1538 г. умерла правительница Елена Глинская, как тотчас последовали распоряжения нового боярского правительства [15]. «Того же дни» были освобождены бояре и дворяне умершего Андрея Ивановича Старицкого. На шестой день после смерти великой княгини ее фаворит Иван Овчина Телепнев был посажен в Набережную палату и там умер в оковах. Через несколько месяцев погиб дьяк Мишурин. Тогда же глава боярской группировки кн. Вас[илий] Вас[ильевич] Шуйский женился на двоюродной сестре великого князя, а митрополит Даниил покинул свой сан «неволею». В 1540 г. выпущены были вдова и дети Андрея Старицкого и Дмитрий Углицкий.

Бояре выпускали на волю удельных князей и их сторонников, расправляясь со своими противниками. Автор записок прямо обвиняет Шуйских во главе с кн. Андреем в убийствах. «Люди говорили» об Иване и Андрее Шуйских, как об инициаторах убийства кн. Ив[ана] Бельского на Белоозере в темнице.

Автор летописи не выражает своих симпатий открыто. Он как бы регистрирует события, иногда ссылаясь на людей, но за его повествованием всюду чуется умный и осторожный очевидец. Его известия о молодом Грозном новы и свежи, это известия очевидца, а не позднейшего редактора и переписчика. Таков его рассказ о том, как великий князь «гонял» по городам. В то время как «Летописец начала царства» только перечисляет пункты, где был великий князь [16], автор нашего летописца не может скрыть своего изумления перед подвижностью Ивана. Он «пригнал на Москву на подводах» 10 декабря в третьем часу ночи «безвестно», потому что в Москве ожидали крымского набега. От Тихвина, замечает с удивлением наш автор, великий князь «перегнал» в $3^1/_2$ дня до Москвы.

Замечательны и другие известия, разбросанные там и здесь в нашей летописи. Рассказав подробно о страшном пожаре 1547 г., автор добавляет, что после пожара митрополит переехал на жительство в Новинский монастырь, «а князь великий и со всеми бояры к нему на думу приезжал». Так разрешается запутанный вопрос, был ли Макарий участником «Избранной рады». Оказывается, Боярская дума не собиралась без его участия. Это же свидетельство является первым, где «дума» названа как учреждение; тут же указан и ее состав: царь, бояре, митрополит.

Постниковский летописец разрешает и другой запутанный вопрос: что означает слово «китай» в применении к каменному «Ки-

---

[15] По Львовской летописи, она умерла в 2 часа дня, т. е. на рассвете (ПСРЛ, т. XX, 2-я пол., с. 446).

[16] ПСРЛ, т. XX, 2-я пол., с. 467; [М., 1965, т. XXIX, с. 49].

тай-городу» в Москве. Он сообщает о построении в Москве земляного города — «китай», а позже — о сооружении такого же города в Себеже («на озере на Себеже зделали земляной город Китай»). Значит, слово «китай» обозначает способ постройки земляных стен, вероятно, от северного слова «китай» — корзина, набитая землей (см. у Даля).

В заключение следует сказать несколько слов о литературных особенностях нашего отрывка. Автор его — по нашему предположению, Постник Губин — пишет типичным деловым языком XVI в., столь характерным для посольских документов этого времени. Говоря о военных действиях, он употребляет обычную терминологию разрядных документов. Об удачном возвращении русских войск из похода обычно говорится: «дал бог, пришли здорово»; словом «стоял» нередко обозначается начальство над полками князя или боярина («стоял в те поры на Опочке Михайло Семенович Воронцов» и т. д.). В языке летописца резко чувствуется московский акающий говор XVI в.

Изложение в летописце лишено даже намеков на церковность. Писал записки дипломат или военный, а отнюдь не духовное лицо, хотя порой и указывается, на память какого святого случилось событие. Это просто привычка датировать события по церковным праздникам, обычная в официальных документах XVI в.

Летописец обрывается на известии о пожаре 1547 г. Постник Губин, по сведениям Н. П. Лихачева, был еще жив в 1558 г. Может быть, и весь летописец приводился в порядок уже после 1547 г. и автор не успел его докончить. Во всяком случае, дошедшая до нас рукопись летописца очень близка по времени к описанным в ней событиям. На это указывают и характерный почерк середины XVI в., и водяной знак «сфера» того же времени.

Перед нами очень интересный историографический памятник — русские мемуары XVI в., облеченные в обычную форму летописных записей.

Ниже приводится подлинный текст летописца за 1533—1547 гг.

ИЗ ПОСТНИКОВСКОГО ЛЕТОПИСЦА

Месяца декабря в 11 день в четверг после великого князя л. 49
Васильевы смерти в осмы день поимали бояре великого князя [1533]
Васильева брата князя Юрья Ивановича Дмитровского на Москве и бояр его и диаков. И посадили князя Юрья в Набережную полату, и там и преставися, на мертвом и железа обтерли. И положиша его в Архангиле на площади на той стороне, где опальные князи кладутца, а отчину его велели на великого князя ведати. // Того же лета стоял князь Андрей Иванович в Боровску л. 49
против короля, пришел в Боровеск на Троицын день. Того же об.
лета августа 3 день отъехал в Литву князь Семен Федорович [1534]
Бельской да Иван Ляцкой с службы из Серпохова, много учи-

нили пакости земли Московской; Иван Ляцкой оставя на Москве матерь и жену и дочерь девицею. Того же лета зделали одного лета на Москве город земленой Китай. Того же лета августа в 5 день князя Михаила Глинского велел князь великий и великая княгини поимати, и посадили его в камену полату за дворцом, и там и преставися, на мертвом и железа обтерли. И положиша его за Неглинною у Микиты чюдотворца, и после того з год спустя выкопали его и погребли у живоначальныя Троицы в Сергиеве монастыре. Того же лета приходили литов-
л. 50 ския воеводы под Стародуб и под Почеп, тогды ж и Радо//гощь сожгли и наместника радогощского Матфея Лыкова с собою свели. А стародубские и почапские посады приказчики городовые, а не Литва сожгли. А пошли Литва из земли лета 7043 сентября 4 день. Того же лета в пяток приходили в Чернигов Литва и к Смоленску, и в Рославле Литва посады ж пожгли, а на раньи в суботу побегли; наместник на Смоленску тогды был князь Никита Васильевич Оболенской, а на Стародубе был наместник князь Федор Васильевич Телепнев Овчина. Того же лета приходили гости Ногаи с коньми, сорок тысящ лошадей пригоняли, и кони были дешевы.

1535 В лето 7043. В великой мясоед ходили в Литовскую землю великого князя воеводы зиме князь Михайло Васильевич Горбатой Кислой, да князь Никита Васильевич Оболенской, да князь Иван Овчина и иные многие воеводы со многими со тьмочисле-
л. 50 //ными людьми, воевали Литовские места до Вильны и за Виль-
об. ну, и вывоевали, многие места пусты доспели и людей многих высекли нещадно, и многое множество Литвы полону привели. А из Литовские земли, дал бог, пришли здорово. Того же лета июля в 9 день родися князю Андрею Ивановичю в Старице сын Владимер. Того же лета июля 20 литовскиа воеводы Гомью засели коромолою, а наместник был на Гомьи князь Дмитрей Щепин. А пришли под город июля 10 день, а город взяли июля 17 на память святого священномученика Анфипогена, а воеводу Гомейского и детей боярских отпустили, ограбив, на Москву. Того же месяца пришли литовские воеводы Торновской и иные многие воеводы со многими людьми ис-под Гомья к Стародуби *, да с ними великого князя изменник князь Семен Бельской.
л. 51 И // стояли под городом пять недель, подкопывалися под стену под городовую, да, подкопався, город сожгли и воеводу князя Федора Васильевича Овчину Оболенского и иных воевод с собою свели и детей боярских, а иных детей боярских и чернь побивши безчислено много. А в те поры, как Литва была под Стародубом, ходили в Литву великого князя воеводы князь Василей Васильевич и иные воеводы, воевали литовские городы, во Мстиславле и в Дубровне и в Орше и в ыных городех остроги поимали и посады сожгли. А из Смоленска с нарядом был Дмитрей Данилов подо

* *Так в рукописи.*

Мстиславлем, и многие села выжгли и полону много привели. В те же поры как литовские люди под Стародубом стояли, великого князя люди в Литовскую землю за рубеж вшед 30 верст, за Опочкою на озере * на Себеже зделали земляной город Китай, и воевод и людей в городе устроили, а стоял в те по// л. 51
ры на Опочке Михайло Семенович Воронцов, а на Чернице и на Пристани об.
стояли князь Михайло Кубенской да Дмитрей Воронцов и иные воеводы со многими людьми. Того же лета августа 18 приходили в Резань крымские мурзы, воевали на Смедве и на Безпуте, воеводы были тогды великого князя в Литовской земли со всеми людьми, а князь Андрей Иванович стоял в Боровску ж. Того же году в новом лете сентября Казань отложилася, великому князю изменили.

В лета 7045. Царь Казанской зиме генваря на всеядной не- 1537
деле под Муром приходил, посады под Муромом и сел и деревень пожег, от Мурома и до Новагорода воевал. И ходил за царем из Елатьмы князь Михайло Кубенской, а из Володимеря князь Роман Одоевской да Василей Шереметев, а из Мурома князь Михайло Курбской, тот передовой полк. Тое же зимы в великой мясоед приходили послы // Литовского ** короля на л. 52
Москву, взяли мир на пять лет. Того же году по велице дни пошли в Литву великого князя послы Василей Григорьевич Морозов да князь Дмитрей Палецкой, да диак Григорей Загрязской о миру против литовских послов. Того же лета маиа 2 отступил с вотчины из Старицы князь Ондрей Иванович великого князя Васильев брат, на память святых мученик Бориса. Да не доехав Новагорода Великого, воеводы великого князя князь Иван Овчина и иные взяли его на душу, что было его пустить на отчину *** на его на Старицу. И князь Ондрей приехал к Москве, и князь великий Иван Васильевич и великая книгини Елена велели его поимати. И посадили его в полату в Набережную з дворца, июня 1 день в суботу, на канун заговеина Петрова. А княгиню его посадили в Берсеневской двор, где сидела Шемячичевская княгини з дочерьми, а сына его князя Володимера дали Федору Карпову блю// сти, а сыну княж л. 52
Ондрееву тогды от рода два года. И у Федора у Карпова княж об.
Ондреев сын побыл немного и у Федора его взяли да к матери ж его посадили в тын, а был с матерьи в тыну и до выпуска. А коли князя Андрея в полату посадили, и толды княж Андреевых бояр, князь Федора Пронского, трех князей Пенинских, князя Ивана да дву княж Юрьев, князя Ивана Хаванского Кривого, Умного Ивана Колычева, князя Бориса Палецкого, велел князь велики и великая княгини казнити их торговою казнию, бити кнутием да всадити в стрельню в наугольную в Свиблову. И си-

---

* В рукописи на озере [*написано*] *дважды.*
** *В рукописи* литовски *и стоит выносная буква* г.
*** *В рукописи* на тчину.

дели и до великие княгини смерти, а князя Федора Пронского * тут в тюрьме не стало. Того же лета и преставися князь Ондрей Иванович, на мертвом и железа отерли. И положиша его в Архангиле и где кладут опальные же князи, по конець брата его
л. 53 князя Юрья. Того же лета имали татарове Туль//скую украину, Сежу. Тогды же убили князя Василья Веригина Волконского. Того же лета приходили в Одоев крымские татареве, пришли под город о вечерни, а на раньи прочь пошли.

1538 В лета 7046. Априля в 2 день преставися великая княгини Елена на память преподобнаго отца нашего исповедника Никиты, игумена Никомидейскаго, со вторника на среду, в 7 час нощи ** и положена бысть в Вознесениа. Того же дни князь велики Иван пожаловал княж Юрьевых бояр Ивановича, из нятства велел выпустити, а княж Ондреевых Ивановича бояр пожаловал: князя Ивана Ондреевича Хованского да трех Пенинских, да князя Бориса Палецкого, да Ивана Умного Колычева, и дияков княж Ондреевых, и всех детей боярских, и дворян его. Того же лета июня дал князь велики Иван Васильевич
л. 53 сестру свою двуродную, княжну Настасью // княж Петрову об. дочь царевичеву, за боярина за своего за князя за Василья за Васильевича за Шуйского. А после великие княгини смерти в 6 день великого князя бояре поимали князя Ивана Овчину Телепнева и посадиша его в полату в Набережную, и где Глинской сидел, и тягость на него, железа, ту же положиша, что и на Глинском были, там и преставися.

Лета 7047 октября 21 день бояре поимали диака Федора Мишурина на княж Ондреевском дворе, платье с него ободрали до нага, а его вели до тюрьмы нага, а у тюрем ему того же часу головы ссекли. Тое же осени ноября преставися князь Василей Васильевич Шуйской, а женат был с полгоду, а после его родила княгини его княжну Марфу. Того же лета февраля в 2 день
1539 Данил митрополит оставил митрополичество неволею, что учал ко всем людем быти немилосерд и жесток, уморял у со//бя в
л. 54 тюрьмах и окованых своих людей до смерти, да и сребролюбие было великое. А сослан в Осифов монастырь на Волок. Того же месяца в 9 день в неделю мясопустную поставлен бысть в митрополиты Троицкой игумен Сергиева монастыря Иасаф Скрипицин архиепископ Великого Новагорода и Пскова Макарием

1540 Лета 7049-го. Декабря в 20 день на память Петра чюдотворца князь великий Иван Васильевич всеа Русии приговоря со отцом своим с митрополитом Иасафом и з бояры, велел княж Ондрееву Ивановича княгиню и сына ее Володимера Андреевича из нятства выпустити. А сидели в городе в Старом на Шемячичевском *** на Берсеневском дворе отынечи у Офонасья у

---

* *В рукописи* прон с *выносным* н.
** *В рукописи* наци.
*** *Так в рукописи.*

Великого. И перевел ее и сына ее князя Володимера на княж Ондреевской двор, и села ее дворцовые отдавал. А после того и весь ей княж Ондреевской удел отдал и бояр и диаков у нее устроил. А по городом по ее и по воло//стем пожалованы дети боярские великого князя. Того же дни велел князь великий в Переславле из тюрмы ис тына выпустити княж Андреева сына Углецкого князя Дмитрея, а сидел поиман 49 лет и 4 месяцы, а поиман 7[-ми] лет. И жил в Переславле на том же своем дворе в тыне. А дети боярские у него на бреженье и стряпчие всякие были ему даны и ключники и сытники и повары и конюхи великого князя, и платья ему посылал князь великий с Москвы, и запас всякой был у него сушильной и погребной исполна, чего бы похотел, и ездити было ему по посадом по церквам молитися вольно, куды хотел. И пожил немного, и там преставися, а у великого князя на Москве не бывал. И положишя его у Дмитрея у Прилуцкого на Вологде, где лежит брат его князь Иван, а во иноцех Игнатей. л. 54 об.

Лета 7050-го. Марта митрополита Иасафа сослал князь велики на Белоозеро в Кирилов, а на его место в митрополиты учинил ноугородцкого владыку Мака//рия в великое говенье. И в Новгород на владычество митрополит жеребьевал о Чюдовском архимандрите о Ионе да о Хутынском игумене о Федосье, и остался жеребей на престоле Хутынского игумена, того митрополит и в архиепископы приговорил совръшити, и совръшил его в том же лете в мае. Маия же князя Ивана Шуйского в чернцех и в скиме*, положен бысть на Москве у Богъявленья. В те же поры на Белеозере в поиманье не стало князя Ивана Бельского, уморен бысть гладом, 11 ден не ел, да на нем же чепей и желез, тягости, было пудов з десять. А иные люди говорили, что повелением князя Ивана Шуйского да князя Ондрея Шуйского князь Иван убьен бысть Гришею Ожеговым да Митькою Клобуковым да Петроком Зайцовым. И положен бысть у Троицы в Сергиеве монастыре. 1542 л. 55

Лета 7050-го. Приходили к великому князю к Москве литовские послы пан Ян Глебов с товарыщи, и взяли перемирья на 7 лет. // А против того великого князя послы боярин Василей Григорьевич Морозов да Углетцкой дворецкой Федор Семенович Воронцов Демид да диак Постник Губин пошли в Литовскую землю с Троицина дни, и того же лета и пришли назад поздорову, исправя посольство. 1542 л. 55 об.

Лета 7052-го. Декабря в 28 день положил князь великий опалу свою на боярина своего на князя на Ондрея на Михайловича на Шуйского, и убьен бысть на дворце ото псарей, и дневал в Куретных воротех, и оттоле послан в Суздаль, где их родители кладутца. 1543

---

* *Так в рукописи; видимо, пропущены слова* не стало.

1545 Лета 7053. Апреля отпустил князь велики под Казань воевод в судех князя Семена Пункова да князя Василья Серебряного с товарыщи. А на Гостин остров пригребли маия 14 день, маиа же 28 в Новгород пригребли поздорову.

1546 Лета 7054. Казанские князи и мырзы из Казани злочестиваго царя выслали, а к великому князю присылали бити челом // послов своих в великое говенье, чтоб князь велики их пожаловал, дал им царя, а оне во всей хотят воле в великого князя быти. И князь велики посылал в Казань Останю Ондреева, и по великого князя приказу перед Останею все казанские люди великому князю шерть пили, что им во всем в великого князя воле быти. И пришел Останя к Москве поздорову. И князь великий после велика дни на шестой неделе отпустил в Казань на царство из Касимова городка царя Шигалея, а послал в Казань на царство его сажати бояр своих князя Дмитрея Федоровича Бельского да князя Димитрея Федоровича Палетцкого да диака Постника Губина сына Моклокова. И ис Казани выехали, не хотя царя Шигалея в Казани, июня в 8 день, Костров Бибарс, Енбарс, Кулай, Кулахмет, Чебан Отучев, Шебан мырза, Азяк мырза, Куй мырза *. А царя Шигалея въстречали в Василегороде Би//юрган сеит, Баубек князь, Чапкин мырза, Карамет Бакшей, Курбатых царицын дядька, Манук Отолык. Бараш князь, Ислам мырза Чюры Нарыкова брат *. А берегом встречали царя с черемисою Исуп Аталыков, брат царю Шигалею. А пошел царь в Казань из Василя-города июня в 8 день на семой неделе по велице дни во вторник. А царь Шигалей сел на Казани на царстве в понедельник на сшествие святого духа. А бояре великого князя, приведшы к шерти всее землю Казанскую, пошли ис Казани июля в 1 день на Кузьма-Демьянов день и пришли к великому князю на Коломну августа в 4 день. А ис Казани пришли с ними послы. А отпустив князь великий в Казань царя Шигалея, того же лета был на Коломне и з братьею со князем Юрьем с Васильевичем да со князем Володимером Ондреевичем. А с ним были на Коломне и в Серпохове многие воеводы и сила великая всего Московского государства, столько, кажут, // людей на Коломне от начала не бывало. Июля в 21 день на завтрее Ильина дни велел князь велики на Коломне у своего стану перед своими шатры казнити бояр своих князя Ивана Ивановича Кубенского, да Федора Демида Семеновича Воронцова, да Василья Михайловича Воронцова ж, что был попреж того Дмитровской дворецкой, за некоторое их к государю неисправление. И казнили их, всем трем головы посекли, а отцов духовных у них перед их концем не было. И взяшя их по повеленью по великого ж князя приятели их, и положиша их, где ж которой род кладетца. А боярина и конюшего Ивана Петровича Федоровича в те же поры

л. 56

л. 56 об.

л. 57

* *В рукописи все эти имена отделены друг от друга точками.*

ободрана нага дръжали, но бог его помиловал, государь его не велел казнити за то, что он против государя встречно не говорил, а во всем ся виноват чинил. А сослал его на Белоозеро, а тягости на него не велел положити. А животы их и вотчины их всех велел князь вели//ки поимать на себя. Тогды же после л. 57
тое казни и неодиножды был на Коломне на пытке Иван Ми- об.
хайлович Воронцова. Того же лета царь Шигалей из Казани утек, что было ему в Казани немочно пробыти. А после его старой казанской царь Сафакирей Казань засел и всех казанских князей высек и Чюру Нарыкова велел изсечи, а брат Чюрин и иные казанские люди прибежали в те поры из Казани на Москву к великому князю служити, а князь велики в те поры в объезде.

Лета 7055-го. Сентября в 16 день поехал князь велики и з 1546
своею братьею со князем Юрьем и с князем Володимером к живоначальной Троице в Сергиев монастырь молитись. А оттоле приехав, был на Москве в Воробьеве два дни, а из Воробьева был на Волоке, а с Волока во Ржеве да в Старице, а из Старицы во Тфери. А изь Тфери на подводах гонял, был в Новегороде
в Великом да во Пскове, да во // Псковском же уезде у Пречи- л. 58
стые в Печерах, и даде к Пречистой в Печеры 90 деревень. А от Пречистые ис Печер был во псковском пригородке в Вороначе у Бориса Сукина, что был Борис наместник на Вороначе. А из Воронача был во Пскове, а изо Пскова в Русе, а из Русы в Новегороде в Великом, а из Новагорода у Пречистые на Тихвине. А от Пречистые от Тихвинские перенялся прямо на ям на Волочек и пригнал на Москву на подводах декабря в 10 день в третьем часу нощи с суботы на неделю безвестно. От Пречистые от Тихвинские к Москве в пол 4 дни перегнал для того, что чаяли по полоняниковым вестем крымского царя или царевичев к Москве, да и того для, что ис Казани Кадыш князь и вся земля прислали к великому князю к Москве трех татаринов
с тем, что оне царя Казанского Сафакирея в городе // в Казани л. 58
осадили, только у него его людей 70 человек, и князь велики об.
прислал бы к ним своих людей*. А велит им князь велики, поимав царя, к себе прислати, и они пришлют, а велит его в Казани убити, и они его убьют. Декабря же в 13 день в понедельник начат князь великий Иван помышлять женитися и советовал о том со отцем своим Макарием митрополитом всеа Русии. И митрополит о том назавтрее того во фторник после заутрени у соборные у Пречистые церкви молебны пел. Да во фторник же у митрополита все бояре были, и те, которые в опале были, по митрополиче по них посылке. И с митрополитом все бояре у великого князя были и выидошя от великого князя радостны. И декабря в 17 день в пятницу был у великого князя митрополит и все бояре. Князь же великий перед бояры рече

* *В рукописи* людех.

л. 59 митрополиту: «Милостию // божиею и пречистые его царици богоматери и великих чюдотворцев Петра и Алексиа и Ионы и Сергия чюдотворца и всех русских чюдотворцев молитвами и милостью, положа на них упованье, а у тебя у отца своего благословяся, помыслил есми женитися. И ты, отець наш, меня благословил помышляти женитись, и яз по твоему благословенью умыслил и хощу женитись, где ми бог благоволит и пречистая его богомати и чюдотворци русские земли. А помышлял есми женитись в ыных царствах у короля у которого или у царя у которого. И яз, отче, тое мысль отложил, в ыных государьствах не хочю женитись для того, что яз отца своего государя великого князя Василья и своей матери остал мал; привести мне за себя жену из ыного государства, и у нас нечто норовы будут розные, ино межу нами тщета будет. И яз, отче,
л. 59 об. умыслил: хочю женитись в своем государстве, // у кого мне бог благоволит, по твоему благословленью». Митрополит же и бояре от радости заплакаху, видяще такова государя млада суща, а ни с кем советующа, развее божия помысла, таков благ помысл хотяще исполнити. И рече ему митрополит: «Бог тебя, царя и государя, и пречистая его богомати и все чюдотворци благословляют такой великой и доброй помысл совръшити, да и яз грешный благословлю тебя женитись, где, государь, умыслишь по божью строению. А буди на тебе, на государе, божиа милость, а наше грешных благословление, и съвръши бог твою мысль исполнену в благое дело». А бояря тако же рекоша государю и похвалиша добрый его совет на благое дело. Декабря же в 19 по великого князя приказу во все городы, во все при-
л. 60 казы разослали х ключником, кото// рым села дворцовые приказаны, и ко всем посельским грамоты, а велено им з женами к Москве быти на рожество христово к великого князя радости, а, приехав, явитися им велено казначею Федору Ивановичю Сукину да диаку Якову Григорьеву сыну Захарова. Декабря же в 22 день розослал князь велики по все городы Московского государства окольничих и княжат и боярских детей сверстных и диаков введеных и дворцовых. А в Новгород и во Псков послал окольничего Ивана Дмитреевича Шеина, а с ним тамошних диаков смотрити у князей и у детей боярских дочерей. А которые при великом князе бояре и князи и боярские дети и княжата, и князь велики сам у них их дочерей смотрил, пожаловал и нарек себе в великие княгини Романову дочь Юрьевича За-
л. 60 об. харьича Настасью, и велел ей быти на своем дворе в своих // полатах. А у ней велел быти матери ее Ульяне Романове жене Юрьевича да княгине Настасье княж Василья Васильевича Шуйского, да бабке своей княгине Анне княж Василья Глинского.

[1547] Генваря в 3 день положил князь велики свою опалу на князя Ивана на княж Иванова сына Дорогобужского да на князя Федора на княж Иванова сына Овчинина Оболенского, велел их

казнити смертною казнью, князю Ивану головы ссечи, а князя Федора велел на кол посадити, и животы их и вотчины велел на себя взяти. Февраля в 3 день на святого Семиона богъприемца и Анны пророчици бысть радость государю благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии и всей Руской земле, женился государь наш, взял за собя Романову дочь Юрьевича Анастасию, венчался у пречистой богородици в соборной церкви. А венчал его Макарей // митрополит всеа л. 61
Русии, а отець его духовной протопоп Федор шол перед ним со крестом, а з святою водою шол и кропил великие княгини отец духовной Рожества пречистые протопоп Федор Лопот. А тысяцкой был у великого князя брат его князь Юрьи Васильевич, а боярин брат же его князь Володимер Ондреевич. А друшки были князь Дмитрей Федорович Бельской да Иван Михайлов сын Юрьевича. А великие княгини друшки были князь Иван Иванович Пронской Турунтай да Михайло Яковлев сын Морозова. А конюшей был князь Михайло Васильевич Глинской. А свечи несли Василей Михайлов сын Юрьева. Февраля в 6 день на третей день после великого князя радости женился князь Иван княж Федоров сын Мстиславского, а дал за него князь велики дщерь князя Олександра Борисовича Горбатого, княжну. А сам князь Олександр // был на службе в Мурome, л. 61 об.
а из Мурома ходил воевати Казанские места. Того же лета априля в 12 день на память святого священномученика Василья, епископа Парийского, на святой недели во фторник на десятом часу дни загореся на Москве в Новом городе в Москотильном ряду, меж Ильинского хресца и меж Варварского. И выгореша в Новом городе мало не все дворы, а церквей подылось древяных 18, а лавки все гостины и соконничи * и всех торговых людей погорешя. А осталось у того пожара на Ильинской улице двор Ивана Петровича, что был Гостин двор, Третьяка Порунова, да и за его двор по левой стране до Воскресения, от Воскресения до Козьмы-Демьяна и до Троицы, а от Троицы и до Мироносиц, а от Мироносиц до Николы до Старого, те все церкви и дворы бог сохранил, не горели. // Да и лавок л. 62
на Никольском кресце с десять или мало больши не згорели ж, а в них сидели с хлебы и с колачи и з солью. Да за теми же лавками стояли житницы с хлебом торговых людей, и те бог сохранил, не згорели ж. А после того в 9 день в среду, апреля же в 20 день, на преподобнаго отца нашего Федора Трихина, рекше Власенаго на 11 часу дни загореся за Язую * у Семиона святого, и выгореша мало не все Заязуе *, а ** князь великий в те поры жил и с великою княгинею в Воробьеве **. А говорили про оба пожара, что зажигали зажигальники, и зажигальников многих имали и пытали их, и на пытке они сами на себя

---

* *Так в рукописи.*
– *Слова* а князь... в Воробьеве *написаны на полях под знаком вставки.*

Академик М. Н. Тихомиров с А. Н. Мальцевым.
Нижняя Ореанда, 1962 г.

говорили, что они зажигали, и тех зажигальников казнили смертною казнью, главы им секли и на колье их сажали и в огонь их в те ж пожары метали. А после того, того же лета, явились на Москве по улицам и по иным городом и по селом
л. 62 об. и по деревням многие сердечники, выи// мали из людей сердца. А после того, того же лета июня в 21, на святого мученика Ульяна Тарсянина на 10-м часу дни загореся на Арбате на Здвиженской улице Вздвиженье честнаго креста, и начашя горети на все четыре стороны, и выгорешя Арбат весь, и Черторья мало не до Всполья, и Заниглинье все и до Всполья все за городом, и Псковская улица, и Златустыская, и к Володимеру Святому, и до Воронцова, и до Заяузья, и Великая улица, и весь посад, посад большой. Да и в Новом городе все церкви и дворы, которые были после пожару поставлены, згореша. Да и в Старом городе* Благовещенье, что на великого князя дворе, все образы и книги и все церьковное строение погорешя. Да и в казнах в великого князя и в постельных крест живо-
л. 63 творящее древо, // на нем же распят господь наш Исус Христос и мощи святых и пречистые образ Редегитцкая и иные святые образы Карсунского письма и Греческаго и Цареградцкого, и платья, и все казны выгорешя. И на дворце все запасы погорешя, и на Казенном дворе все полаты и погребы выгорешя, только осталась одна большая казна, что от Архангила, да и

---

* *В рукописи* городом.

Вознесенье, и у чюдотворца у Олексия и у Офонасья святого и у Исповедников и у Риз Положенья, что на митрополичем дворе в церквах, святовство все выгорешя же. А чюдотворца Алексиа в те поры из церкви вынесли и поставиша его перед Архангелом в паперти. Да и митрополич двор и князя Володимера Ондреевича двор и житницы великого князя и конюшни и боярские дворы и детей боярских, и монастыри, и дворы все погорешя же. Да и кров// ли на церкви на пречистой богородицы и на всех на ка- л. 63 об.
меных церквах згорешя же. Да и в полатах и в погребех в княжих и в боярских в городе в Старом и в Новом животы и запасы все погорешя же. А в кою пору тот пожар был, и князь велики в те поры был и с великою княгинею в селе в своем в Воробьеве. А митрополит Макарей, а с ним протопоп и ключари в те поры сидели в соборной церкви в Пречистой, и не мога огненаго зноя терпети и дымной вони да перешли мимо Архангил в Воденые ворота в тайник, а ис тайника в полночь митрополит спустися на взруб по ужищу, не измога огненаго зженья терпети и дымной вони, да переехал за реку в великого князя сад, а из саду на завтрее на первом часу дни переехал в свой монастырь в Новинской из Дорогомилова и жил в том монастыре, и князь великий и со всеми бояры к нему на думу приежщали.

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ЛЕТОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ

1. КРАТКИЙ ВЛАДИМИРСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

В рукописных собраниях имеется большое количество сборников преимущественно XVI—XVIII вв. разного содержания. В числе других статей в них нередко встречаются летописные записи, краткие летописцы, извлечения из больших летописных сводов. Бóльшая часть подобных летописных памятников находится вне поля изучения: внимание исследователей обращено главным образом на своды раннего происхождения, а позднейшая летописная традиция мало обращала на себя внимание, так как громадное количество поздних летописных списков представляют собой компиляции, сделанные на основании более ранних летописей, обычно с подновлением текстов и введением в них дополнительных статей и известий из житий святых, сказаний, польских исторических произведений, вроде М. Стрыйковского, и т. д. Таким образом, старая летописная традиция в поздних летописных сборниках нередко уже сильно нарушена, вследствие чего историческая достоверность подобных произведений XVI—XVII вв. подвергается вполне законным сомнениям. Однако и среди поздних летописных памятников встречаются летописцы, имеющие значительную историческую цен-

ность. К их числу относим публикуемый здесь краткий летописец XVI в.

Этот летописец помещен в сборнике Уваровского собрания (№ 206, у Леонида описан под № 1176) [ОР Государственного Исторического музея]. Рукопись № 206 написана в восьмушку на 460 листах (водяной знак — перчатка, по альбому Брике относится к 1563 г.— № 10859), беглым полууставом XVI в., кое-где с поправками бледными чернилами более позднего времени.

Летописец в сборнике помещен на листах 263 об.— 271. По содержанию он представляет собой переложение летописных известий, относящихся к IX—XII вв., с введением в них ряда дополнений и осмыслений. Известная легенда о призвании варягов изложена здесь по владимирской традиции [1], согласно которой Русь противополагается варягам, а не отождествляется с ними. К другим племенам добавлена «лопь», заменившая летописную «весь». Об Олеге сказано, что он был «велик и страшен и грозен». Деревская земля названа Литвою, а Ольга — княжной из Болгарии, Святослав прозван Легким и т. д.

Конец краткого летописца говорит о событиях во Владимирско-Суздальской земле и дает кое-что новое. Важнейшим является указание на построение в Боголюбове двух каменных церквей и каменных ворот, а также упоминание о том, что Боголюбов был обнесен валом — «оспом». Тут же находим известия о постройках во Владимире, произведенных Владимиром Мономахом. В этой части сведения нашего краткого летописца отличаются значительной топографической точностью, но требуют дополнительного изучения, в частности известие о построении Владимиром Мономахом каменной церкви Спаса и Золотых ворот во Владимире за 50 лет до построения Успенского собора. Отметим здесь же, что другой летописец владимирского происхождения, также с введением в него легендарных известий, помещен в Новгородской I летописи младшего извода [2]. Однако между этими краткими летописцами по содержанию нет ничего общего.

Летописец Руския земля

л.263 об. [492] В лето 6000. Приидоша Русь, Словени, Чюдь, Лопь, Кривичи к Варягом и испросиша собе у них властелей. Избрашася три браты с роды своими, Рюрик, Синеус, Трувор. Рюрик же
л.264 седе на кня//жение в Новегороде в Великом, а Синеус на Белеозере, Трувор же в Изборъсце. И по мале умре Синеус и Трувор, и прия власть всю Рюрик. Рюрик же роди Игоря, а сам умре, и приказа княжение и сына своего Олгу, сродичю своему. Игорь же бысть мал еще. Сей же Олег поиде из Новагорода, дани, оброки уставливая и всяк ряд, и прииде к Смолен-//

[1] См.: ЛЛ, с. 19, примеч.
[2] См.: НЛС, с. 434—438.

ску, и от Смоленска поиде суды водою, и дошед Киева, и уби л.264
два князя, Асколда и Дира, и начят княжити в Киеве с Ыго- об.
рем. Игоря же жени в Болгарех *, поят за него княжну именем Олгу, и бысть мудра велми. Сей же Олег ходил ко Цариграду в кораблех, они же убояшася и даша ему дани, и оброки устави; и от тех мест прозвася Ки//евское княженье. Той бе Олег велик л.265
и страшен и грозен велми был, понеже многи земли приведе ко граду Киеву, и умре от коневы главы; из сухи кости выник змиа и ужали его в ногу. По немь нача княжити Игорь и воева Деревскую землю, рекше Литву, иде пакы тамо в мале дружине, и убьен бысть от Древлян. И о//стася у него сын Святослав л.265
велми детеск. Княгини же его Олга с сыном своимь мьсти кровь об.
мужа своего и князя уби, Мала именемь, и всю Литву высече. Сия же великая княгыни Олга прият крещение от царя и патриарха, и наречена бысть Елена. И начят ** княжити Святослав, нарецаемый Легкый, // воз по собе не возяше, ни повар, ни пос- л.266
тель, но аки пардус скакаше со многою легостью, и бится с Греки у Царяграда в единой десяти тысящах со стомь тысяща, и победи их и имаше на Цариграде дань, и ходи на Казары, и убьен бысть от Неченег в порозехь. Печенежски же князь именем Редеря окова лоб // Святослава и написа круг его так: «Чю- л.266
жих ища и своя погуби». И пияше им. Святослав же роди 3 сы- об.
ны: Олга, Ярополка, Владимера. Ярополк же бится с Олгом близ града, и побежь Олег *** в град, и теснящимся на мосту, и свалися в ров и тамо умре. Владимер же убив Ярополка на роте в граде // Родне. Се же бысть первое братоубиение в русьских л.267
князех. Нача княжити Владимер, и бяше мудр и смысл имея велик, поча испытовати о верах. И слыша греческую веру, яко свещу на свещнице, и верова в Христа бога истиннаго, и поя за себе царевну Анну, сестру царя Василья и Коньстянтина, от сея же // роди Бориса и Глеба, а от Рогонеды княгини роди л.267
Ярослава, Ижеслава, Мьстислава, Всеволод ****; а от Ярополчи об.
жены роди Святополка, Вышеслава, Изяслава, а от иные княгыни роди Святослава, Судислава, Станислава, Позвизда. Яко же крестися сам в Корсуни, и крести все множество люди в Киеве. И приде из Цариграда // митрополит Ларион, и дасть Влади- л.268
мер церкви от всего своего живота десятое, и уряди весь устав в Киеве. И прииде великий княз Владимер в Залешьскую землю и заложь град Владимер в свое имя, и церькви постави во имя пречистыя Успение святей богородици, и люди крести, и християньство устави. // И посади сына Бориса в Ростове, ал.268
Глеба в Муроме. И повеле грады ставити и святыя церкви, об.
а сам иде в Киев и преставися в вечьную жизнь, княжив лет

---

* [*В рукописи* голгарех].
** *В слове* начят, *оборваны 1—2 буквы.*
*** *В рукописи* Огег.
**** *Так в рукописи.*

28 по крещении. И убьен бысть Борис и Глеб от Святополка, и прииде из Новагорода Ярослав и победи Святополка. Свято-
л.269 полк же бежав, // и земля его жива поглоти, и межь Лядские земля пропаде и Чехов. И сяде в Киеве на великом княженьи Ярослав, и бысть у него сынов 6: Изяслав, Святослав, Всеволод, Володимер, Вячеслав, Игорь.

[1157] В лето 6665 *. Великому князю Юрию Манамаховичю роди-
л.269 об. ся ему сын Дмитрий на реце на Яхроме, и заложи град Дмитров, // а сына нарече Всеволода.

[1158] В лето 6666. Княз великий Андрей Юрьевичь заложи церьковь святую Богородицю в Володимере. И потом сяде в Киеве на великомь княженье Всеволод Ярославич, и бысть у него 2 сына, Володимер Манамах да Ростислав. По семь взя великое кня-
л.270 жение Володимер Всеволодичь и приде в Залешьскую зе//млю и постави град другый Володимерь и осыпа спом и постави церковь камену святого Спаса да Золотые ворота, за 50 лет ** до великыя Богородица церкви, и ины мнози церкви постави древяны, и посади наместници, и поиде в Киев. А сынов у него было 5: Ярополк, Мьстислав, Юрьи Долгорукый, Аньдрей,
л.270 Вячеслав. // И приказа Володимер Манамах княженье Юрью
об. Долгорукому. Сей же князь велики Юрьи Володимерович приходил в Володимер и поставил церковь камену во имя святого Христова мученика Георгия, за 30 лет до великия Богородица, и иде в Киев. И бысть у него сынов 8: Ростислав, Андрей Бо-
л.271 голюбьскый, Святослав, Михалко, Всеволод, Борис, Мь//стислав, Глеб. И потом приде от Киева Андрей Юрьевич и сътвори Боголюбный град и спом осъпа *** и постави церкви две камены и ворота камены и полаты. И были у него 3 сыны: Изяслав, Мьстислав, Глеб. На 10-е лето княженья его заложи церковь камену пречистыя богородица Успенье събръную в граде Володимере обь едином версе да и каменные ворота. Княжив лет 28, и убьен бысть от Кучков от своих бояр.

2. ПОВЕСТЬ О ТОХТАМЫШЕВОМ РАЗОРЕНИИ ОСОБОГО СОСТАВА

Повесть о разорении Москвы ханом Тохтамышем в 1382 г. встречается обычно в составе летописных сводов. Варианты этой повести многочисленны. Нет почти летописных сводов, в которых рассказ о разорении Москвы татарами в 1382 г. был бы повторен слово в слово. Это объясняется тем, что, по-видимому, уже в XIV в. существовали по крайней мере две различные повести о Тохтамы-

---

* *На полях написано* зри.

** *Не вполне ясно, может быть,* 40 лет.

*** *В слове* осъпа *буква* п *написана по выскобленному месту.*

шевом разорении[1], которые впоследствии были осложнены дополнительными сведениями и литературными украшениями. Соединение двух, а может быть, и большего количества первоначальных повестей привело к созданию особой сводной повести о разорении Москвы, помещенной в Никоновской летописи. Следует, впрочем, отметить, что и повести о Тохтамышевом разорении, находящиеся в других летописных сводах, также сохранились не в первоначальном виде. Тем больший интерес имеет публикуемая здесь повесть о разорении Москвы Тохтамышем, представляющая собой произведение, по-видимому, раннего происхождения. Оно вставлено в краткий летописец XVII в., находящийся в собрании Ундольского (№ 1326) [Отдела рукописей] Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве.

Перед нами произведение, сохранившее такие черты, которые были уничтожены позднейшими компиляторами. Это особенно бросается в глаза при сравнении издаваемой повести с повестью о Тохтамышевом разорении, помещенной в московском летописном своде конца XV в.[2], с которой она имеет наибольшее сходство.

Раннее происхождение особой повести о Тохтамышевом разорении доказывается прежде всего ясными указаниями на бегство митрополита Киприана из Москвы в Тверь при известии о приближении татар. Характерно, что другие повести о Тохтамышевом разорении об этом или умалчивают, или говорят в какой-то неясной форме. В Ермолинской летописи об этом эпизоде совсем не говорится, хотя позже сообщается, что Дмитрий Донской разгневался на митрополита, «что не сиде в осаде»[3]. Симеоновская летопись умалчивает не только о бегстве митрополита, но даже о причинах опалы на него[4]. В Московском своде конца XV в. сказано о Киприане совсем неясно («митрополит виде в граде на Москве мятежь велик»), и лишь в конце повести замечено, что Киприан «избыл» нахождения татар на Костроме. Наконец, в Софийской I летописи говорится, что Киприан приехал в Москву незадолго до прихода татар, и только в конце изложения выясняется, что митрополит спасался от ратных людей в Твери. Характерно, что в списке Царского слова о приезде Киприана в Москву были совсем зачеркнуты ввиду их нелепости[5]. Таким образом, становится ясным, что эти поправки и недомолвки возникли при Киприане или вскоре после его правления и имели целью затушевать факт малодушия митрополита, бросившего столицу на произвол судьбы во время грозной опасности.

Отдельные детали, сохраненные особой повестью о разорении Москвы, имеют немалое значение для историка. Так, из повести

---

[1] См.: *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. М., 1947, с. 192—196.
[2] ПСРЛ, М.; Л., 1949, т. XXV, с. 206—210.
[3] ПСРЛ. СПб., 1910, т. XXIII, с. 129.
[4] ПСРЛ. СПб., 1913, т. XVIII, с. 134.
[5] ПСРЛ. СПб., 1853, т. VI, с. 99.

узнаем о совещании Боярской думы при великом князе («начаша думати с воеводами и с вельможи, старейши боляры»). Отказ от сопротивления Тохтамышу произошел потому, что было «разньство в князех». В рассказе о народе, стоявшем с обнаженным оружием и не пускавшем беглецов из города, находим прямое упоминание о людях, стоявших «на земли с рогатины и з сулицами», и т. д.

Особая повесть о Тохтамышевом разорении близка к описываемым событиям: «увы мне,— восклицает ее автор,— страшно се слышати, страшнее же того было видети». Она интересна, как ранний исторический памятник богатой и замечательной московской литературы конца XIV в.

л. 57 [1382] В лето 6890. Божиим гневом грех ради наших плени землю Русскую царь Тахтамышь. Посла слуги своя во град, нарицаемый Болгар, еже есть на Волзе, и повеле русских гостей грабити и суды их с товаром отъимати и провадити к собе на перевоз, на сию страну Волги со всеми своими безбожными татары с полки. И поиде изгоном на великого князя Дмитрея Ивановича своим злохитрием, не дающе вести пред ся. И то слышав князь Дмитрий Костянтинович Суздальский, и посла к царю Тахтамышу 2 сыны своя, Василья да Семена. Они же едва // постигоша близ предел Резанские земли. А князь Олег Резанский срете царя Тахтамыша преже, даже не вниде в землю его, и би ему челом, и бысть помощник и поспешник на пакость христианом, и словеса изрече, како пленити и како без труда взяти каменной град Москву и князя Дмитрея добыти. Еще же к тому обведе царя около своея отчины Резанския земли. И едва прииде весть к великому князю Дмитрею, аще бо и не хотяше Тахтамыш *, того бо ради все гости русские поимани быша, дабы вести не было на Русь. Князь же Дмитрей, сия слышав, уже идет на него царь Тахтамыш * во множестве силы своея, и нача совокупляти полки из града Москвы, хотя итти против царя, и начаша думати с воеводами и с вельможи, старейши боляры. И грех ради наших обретеся разньство в князех, и не хотяху помагати друг другу на безбожныя, не токмо друг // другу, но и брат брату, не помянуша пророка Давыда, глаголюща: «се коль добро, коль красно, еже жити братии вкупе». Бысть же промеж их неодиначество, но и неимоверство. И то познав и разумев и разсмотрев, благоверный и великий князь Дмитрий Ивановичь бысть в недоумении и размышлении велице, убоясь стати в лице противнаго царя, и не став бо против, ни подня руки против царя и поеха во град свой Переславль и оттуду мимо Ростова и паки вборзе на Кострому. А Киприян митрополит поеде во Тферь. Во граде же Москве смятня бысть ве-

л. 57 об.

л. 58

---

* *В рукописи* Тахтамых.

лия, понеже бо, яко овцы не имуще пастыря, овии хотяху сидети, а овии хотяша бежати. И сотвориша вече, позвониша в колоколы. И восташа недобрии человеци крамолницы, хотящих изыти из града не токмо пущаху, но и грабяху, ни самаго митрополита стыдяшеся, ни боляр старейших устрашишася, // л. 58 ни седин многолетных усрамишася, но бияху з града камением, об. а на земли с рогатины и з сулицами стояху, со обнаженными оружии, не пущающе вылести из града. И едва к вечеру умолиша, позде выступивших ограбиша. Граду же единаче мятущуся, ниоткуду же утешения чающе; но обаче пущих и больших зол чающе. И се некто князь литовский именем Иостей, внук Олгердов, приеха к ним во град, окрепив народ и мятеж граду укротити, затворися с ними во граде в осаде со оставшими гражаны, и елико с волостей бежан и от инех градов прилучившихся боляре, и сурожане, и суконники, и прочии купцы, и архимариты, игумены, и протопопы, и прозвитеры, и дьякони, и чернци, и всяк возраст. Князь же Олег указа царю вся грады сущая по Оце. Царь же, прешед реку, взя Серпухов и пожже, и оттуда пои//де к Москве, духа злаго наполнися, жгучи и воюл. 59 ючи, род християнский секучи. И прииде ратью к Москве августа в 23 в понедельник. И начаша у града спрашивати: «Есть ли в городе князь Дмитрей?». З забрал* же градных рекоша: «Нету». Татари же отступивше, обыглядающе около града приступы и рвы и стрелницы. Во граде же добрые люди моляхуся Христу богу день и нощь, постом и молитвами, ожидающе смерти, готовящеся с покаянием и причастием и слезами. Нецыи же недобрии людие начаша ходити по дворам, износяще ис погребов меды господьския и сосуды сребряныя и драгие скляницы, упивахуся даже и до пьянства, глаголюще: «не устрашаемся нашествия поганых татар, се лик град тверд имуще», спроста рещи, возлазяще на град пьяни и шатахуся, ругающеся татаром, досажающе // образом безстудным и сло- л. 59 веса износяще исполнены укоризны, мня бо, яко только есть об. силы татарския. Сыроядцы же голыми саблями махающе образом, яко потяти хотяще, накивающе издалеча. На утрии же приступи царь со всею силою с полки под град. Гражане же, увидивше силу толику, убояшася зело. Противнии же поидоша ко граду. Гражяня же пустиша** на ня стрелы, паче же татарския стрелы пренемогоша, беяху бо у них стрелцы гораздии вельми, и яко дождь умножен, а друзии от них сотвориша листвица, прикланяюще, лезаху на стены. Граждане же варом их обливаху и тако возбраняху им. И многа же брань бываше, по три дни бияхуся меж себя, пренемогающеся. Един же некто гражанин москвитин суконник именем Адам, иже бе над вра-

---

* *В рукописи* запрал.
** *В рукописи* постиша.

л. 60 ты Флоррарскими *, приметив // единаго татарина нарочита и славна, иже бе сын некоего князя Ординскаго, напряг стрелу самострельную, юже испусти напрасно и уязви в сердце безбожнаго и вскоре смерть ему нанесе. Се же бысть язва царю и татаром. В 4 день оболгаша князя их Остея лживыми речами и лживым миром, приехаша татари нарочитии, князи арьдиньстии и рядницы царевы, с ними же 2 князи суздалскии, Василей да Семен, сынове князя Дмитрея Суздалскаго. И пришед близ стен градных по опасу и начаша глаголати к сущим во граде: «Царь вас, своих людей, хощет жаловати, неповинни есте смерти, не на вас бо воия прииде, но на Дмитрея ополчихся царь, ничто же от вас не требует, но изыдите во стрение * ему с честию и з дарми, купно и со князем своим, хощет бо видети град сей и в онь внитти, а вам даровати мир и
л. 60 об. любов, а вы ему врата // градная отворите». Тако же и князи Нижнего Новагорода глаголаху: «Имите нам веру, мы есме ваши князи християнстии, вам на том правду даем». Народи же християнстии веру яша словесем их, а не помянуша евангелиста, глаголющаго: «не всякому духу веруйте, но испытайте духи», отвориша врата градные и выедоша с своим князем Иостеем з дары многими к царю, тако же и архимариты, и честнии игумены, и прозвитери, и дьякони со всем освещенным собором со кресты, тако же и боляре и весь народ. И в том часе преж всех убьен бысть князь их Иостей пред градом, потом начаша сечи попов и игуменов, аще и призва их со кресты. И святыя честныя иконы и кресты повержени быша, на земли лежаща, ногами топчеми, ободраны, небрегоми никим же. Безбожнии же поидоша во град, секучи людие, а инии по листви-
л 61 цам на град взыдоша, никому же // возбраняюще. И бысть внутрь града и внеуду сеча велика, дондеже руце их и плеща ослабиша. Внутрь же града, овии толпами по улицам бежаху **, в перси бьюще и вопиюще, несть где избавления обрести и смерти избыти и острия меча укрытися, овии в церквах соборных затворишася, но ни тамо не избыша: безбожнии же разбиша двери, их изсекоша. Оскуде бо князь и воевода, и все воинство их потребися грех ради наших, несть избавляющаго их от рук силных, яко не мощи слышати от многонароднаго вопля. И святые чюдотворные образы одраша и попраша, и святыя олтаря пограбиша, сосуды златые и сребряные, и кузнь, жемчюх и камение драгое, все поимаша и оставшая вся пожгоша и поругаша, и всех побиша, а овех в плен поведоша. Сия при-
л. 61 об. ключися грех ради наших // месяца августа 26 день в 7 час дни в четверг. Град убо огню предаша, а люди мечю. И бысть оттоле мечь, а отселе огнь, овии от меча бежаша, во огне изгоре-

---

* *Так в рукописи.*
** *В тексте* бехаху.

ша, а овии от огня бежаше, мечем посечени быша, а инии в воде истопоша. Беяше бо дотоле град велик и чюден, ныне же от безбожных поруган и пожжен, несть лепоты, разве токмо земля, персть и прах и попел, трупия мертвых телеса лежаща, святые церкви стояща, аки разорены овдовевше и аки осиротевше. Плачется церковь о чадех церковных, паче же о избьенных: «о чада церковная, о страстотерпци избьении, иже нужную кончину приясте и смерть претерпесте». Где тогда красота церковная, понеже престала служба, ею же многа блага у господа просим, престала святая литоргия и просфиры приношение, преста глас псалму, по // всему граду умолкоша божественныя песни духовныя. Увы мне, страшно се слышати, страшнее же того было видити. Не точию же едина Москва взята бысть тогда, но и прочии гради и страны пленени быша. Князь же великий со княгинею и з детми пребысть на Костроме, а брат его Володимер на Волоке, а мати Володимерова княини в Торжку, а Киприян митрополит во Тфери, а Герасим, владыко Коломенский, в Новегороде. Князь же Володимер Андреевичь стояше, ополчився, близ Волока, собрав силу около себе, и нецыи от тотар, не ведущи его, ни знающе, заехаша. Он же о бозе укрепився и удари на них, тии тако милостию божиею, овы уби, а инех живых поима, а инии прибегоша к царю, исповедаша ему бывшее. Царь же от того попудився и нача // помалу от града отступати. Идущу же ему от Москвы, безбожнии же взяша Коломно *. Царь же перевезеся за реку за Оку и вся землю Резанскую огнем пожже и люди посече, а овех в плен поведе. Князь же Олег Резанский побеже. Идущу же царю к Орде отпусти посольсвом Шикмата шурина своего ко князю Дмитрию Суздальскому вкупе сь его сыном со князем Семеном, а другаго сына его поем в Орду, князя Василья. Отшедшим же татаром, не по мнозех днех благоверный князь Дмитрей Ивановичь и князь Владимер, коиждо с свои боляры, въехаста в свою отчину во град Москву. И видеша град пленен и огнем пожжен, а святые церкви разорены, а люди побиты, без счисла лежаща. И о сем зело оскорбися и зжалися, яко и расплакатися има со слезами, кто бо не плачется таковыя градныя погибели. И повелеша телеса мертвых // хранити, ото 80 мертвецев по рублю. И от того погребения 300 рублев. Не по мнозих же днех князь Дмитрий Иванович посла рать свою на князя Олга Резанскаго, Олег же не во мнозе дружине едва утече, а землю до остатка пусту сотвориша, пуще ему бысть татарские рати.

л. 62

л. 62 об.

л. 63

---

* *Так в рукописи.*

3. СОЛОВЕЦКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В.

Среди рукописей собрания Хлудова (№ 184) [Отдела рукописей и старопечатных книг] Государственного Исторического музея имеется большая летописная компиляция, составленная в первой половине XVII в. Рукопись написана в четвертку, на 1148 листах (на бумаге водяной знак — кувшинчик с одной ручкой позднего типа), четкой скорописью первой половины XVII в., одним почерком. Начала и конца рукописи не сохранилось.

По содержанию Хлудовская рукопись делится на две части: 1) первая часть (л. 1—708) заключает Хронограф первой редакции, оканчивающийся главой 208 — о взятии Царьграда; 2) вторая часть (л. 708 об.— 1148 об.) представляет собой обширный летописный свод, начинающийся словами: «Главы книги вторыя рускаго летописца».

Судя по оглавлению (помещенному на л. 708 об.— 710 об.), летописная компиляция кончалась сказанием о перенесении ризы из Персии в 1625 г., но позже была дополнена; поэтому в настоящее время, несмотря на утерю последних листов, рукопись оканчивается на известии 1629 г. о пожаре в Москве. В начале компиляции помещены статьи: о городах русских («Имена всем градом руским ближним и дальним»), имена новгородских епископов (кончая митрополитом Киприаном), имена новгородских посадников.

Летописец начинается на л. 716 заглавием: «Книга, глаголемая летописец». Текст летописца представляет собой сперва Новгородскую IV летопись с сокращениями и добавлениями. Примерно с 6955 (1447) г. идет текст Псковской летописи, а затем — печатаемый здесь Соловецкий летописец. За ним следует рассказ о событиях конца XVI — начала XVII в. по Хронографу третьей редакции. Хлудовская рукопись № 184 была описана А. Н. Поповым [1].

Как видим, летописная компиляция имеет сложный состав. Судя по ее источникам, она возникла где-то на севере или северо-западе Русского государства и была основана на новгородских и псковских летописях. Об этом же говорит и печатаемый нами текст Соловецкого летописца, представлявший, по-видимому, нечто цельное и охватывавший вторую половину XVI в., начиная с венчания Ивана Грозного на царство в 1547 г. и кончая смертью царя Федора Ивановича в 1598 г. Впрочем, и значительная часть печатаемого текста также основана на новгородских источниках. Так, известие о смертоносном поветрии в Новгороде в 1553 г. имеет полное сходство с таким же известием в «Летописце новгородским церквам» [2]. Однако известий, сходных с другими летописями, в Соловецком летописце немного. Текст же за конец XVI в., в особенности о военных действиях против шведов при царе Федоре Ивановиче, представляет собой вполне самостоятельное летописное изложение.

---

[1] Описание рукописей библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 372.

[2] См., например: Новгородские летописи: Изд. Археографической комиссии. СПб., 1879, с. 330—334.

Нет никакого сомнения в том, что записи второй половины XVI в., имеющиеся в Соловецком летописце, восходят ко времени, очень близкому к описываемым в них событиям. Рассказ о войне со шведами представляет собой, в сущности, передачу официальных сведений и донесений, отправляемых в Москву. Летописец точно называет состав и численность военных сил, действовавших с той и с другой стороны, вплоть до указания на артиллерию, которая была употреблена при осаде крепостей-острогов. Присматриваясь к записям нашего отрывка, мы увидим в них одну характерную черту — постоянное упоминание о событиях в Соловецком монастыре и его вотчинах. Особый интерес летописца к войне со шведами в конце XVI в. объясняется тем, что шведы угрожали вотчинам Соловецкого монастыря — Сумскому и Кемскому острогам. Таким образом, у нас имеется полное основание считать, что печатаемый отрывок тесно связан с Соловецким монастырем.

Неизвестно, на чем оканчивался Соловецкий летописец, возможно, на смерти царя Федора Ивановича, после чего следуют слова: «о, горе, увы». Во всяком случае, все записи XVI в. не являются позднейшими припоминаниями, а носят на себе черты современности. Летописец знает о смерти Владимира Андреевича Старицкого и судьбе его семейства, о его сыне Василии и дочери, выданной замуж за Магнуса. Интересны сведения о великом княжении Симеона Бекбулатовича в течение одного неполного года. Перечисляются города, взятые в Ливонии, которая названа землей Курляндской, Латыгорской и Литовской. Интересы и другие сведения, относящиеся к Ливонской войне. Очень осторожно сказано о смерти царевича Ивана Ивановича, которая произошла 19 ноября «на заутрени». Известно, сколько научной эрудиции понадобилось Н. П. Лихачеву, чтобы установить время смерти Ивана Ивановича, для которой мы имеем теперь точную дату.

Составитель летописных заметок проявляет большой интерес к церковным событиям, причем показывает значительную осведомленность в церковных делах. Что стоит, например, указание на то, что царевич Иван Иванович умер [во время чтения молитвы] «хвалите имя господне»! Здесь перед нами несомненная устная передача о событии, поразившем современников.

Царство * государя великого князя Ивана Васильевича всея Русии * // л.1099 об.

Пресвятыя и неразделимыя Троица волею и хотением, по л.1100 заступлению и по милости пречистые богородицы и по благословению святого великого чюдотворца Петра митрополита всея Русии и всех святых молитвами князь великий Иван Васильевич венчан бысть святыми бармами и царьским венцем, и помазан бысть святым миром по древнему царьскому чину,

– *Слова* Царство... всея Русии *написаны киноварью.*

и поставлен бысть на великое княжение Владимерское и Новгородское и Московское и всеа Русии, и наречен бысть боговенчанный царь и князь великий Иван Васильевич и самодержец всеа Русии. А после своего поставления месяца февраля в 3 на всеедной недели царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии самодержец женился, избра себе царицу и великую княгиню Анастасию, дщерь Романа Юрьевича, а венчал их Макарей митрополит в соборной церкви Успения пречистей богородицы *. Того же лета апреля в 12 день бысть на Моск-
л.1100 ве // пожар велик и страшен зело, погорел город Китай да и
об. торги вси. Того же лета июня в 21 загореся храм Воздвижение честнаго креста за Неглинною на Орбатцкой улице, и бысть по всей Москве пожар велик зело, и многи святыя церкви погореша, и казенной двор с царьскою казною, и мало не весь град погоре. Того же месяца в 25 после великого того пожару черные люди града Москвы пожарные от великие скорби всколебашася, и пришедше во град на площадь убиша камением царева великого князя болярина князя Юрья Васильевича Глинского и детей боярских многих побиша.

[1547] В лето 7056. Ноября в 3 день царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии пожаловал брата своего князя Юрья Васильевича, женил, взял за него княжну Ульянею, дщерь княж Дмитрееву Палецкого, и велел ему жить у себя на дворе.

л.1101 Того же лета // в Великом Новегороде в церкви Иоанна в темницы архиепископ Феодосей подпоры древяные из церкви выметал да своды каменные доспел над гробом чюдотворцовым, каменной теремец да церковь всю выбелил да иконами и свещами и книгами украсил и свещу неугасимую поставил. И от того времени начаша в церкви святого Иоанна Предтечи в темницы обедню по вся дни служити по неделям попы Софейского собору.

[1551] В лето 7059 **. Июня в 14 поставлен бысть Великому Новуграду архиепископ Серапион, игумен Троицкой Сергиева монастыря, а приехал в Новгород августа в 23.

[1552] В лето 7060. Зачата бысть делати на Соловках церковь с трапезою каменная Успение пречистые богородицы.

[1552] В лето 7061 ***. Октября в 2 день благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии божиею помощию и пречистей его богоматери со своими князи и с боляры и
л.1101 воеводы // Казань город взял, царство Казанское со всеми го-
об. роды и улусы, а князей тотарских и мурз и татар и с женами и с детми велел государь побити, а иных в полон вести, а ины многи крести, и многи церкви создав, а сам к Москве возвратися с радостию великою, славя Христа, бога нашего, и пречистую его богоматерь и великих чюдотворцов Руские земли. Того же

---

* *На полях* [*л. 1100—1100 об.*] *киноварью* Пожары.
** *На полях киноварью* Владыка Серапион.
*** *На полях киноварью* Казаньское взятье.

году благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Русии родися сын от великие княгини Анастасеи, и наречен бысть Димитрий. А приехал к государю от царицы боярин Василей Юрьевич Траханиот *. Того же лета в июле месяце при архиепископе Серапионе нача смертоносное поветрие быти в Великом Новеграде и августа вельми сильнее, божиим попущением таково бысть поветрие от Семеня дни да до Николина дни осеннего, священного чину и иноков преставися, попов и диаконов бес числа множество, яко // многи церкви вседневные л.1102
без службы быша на долго время, а в волостех в дву и в трех един священник, а у соборней церкви у Софеи премудрости божии только осталось 6 попов да два диакона; а полной собор у святей Софеи: протопоп да 18 попов, протодиакон да 4 диакона, да архидиакон. И всего в поветрие не стало смертоносною язвою в Великом Новгороде по монастырем и в Старой Русе, и в пригородех, и в волостех новгородцких игуменов и священников, и инокинь, и мнишескаго чину, и всех православных христиан двесте тысящь седмьдесят тысящь девять тысящь пятьсот девятьдесять четыре человеки. И архиепископ Серапион повелением государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, и помолився вкупе со всем освященным собором и с вельможи града и со всем христианством, поставиша две церкви единого дни древяны, преподобного Кирила // Белоозерского л.1102
и святого мученика Христофора, на сам Семень день, яко таково попущение божие бысть, еже агнец выимают в великий четверток на весь год на причащение православным по всем церквам, и тех агнецов не стало и нечим причащати, а служебными, понеже везде не изоспети. И о том священницы приходили ко архиепископу, и архиепископ Серапион повелел имать запасный агнец у собя в соборной церкви во святей Софеи, а сам послал гонца к Москве к митрополиту Макарию, аще тот агнец в соборной церкви изойдет, и где та благодать взяти на причащение православным. И святейший Макарей митрополит прислал грамоту, велел самому архиепископу служити со архимариты и игумены и священники и выняти запасный агнец, каков достоит един, яко же в великий четверток, и напаяти по обычаю, токмо в соборней церкви, и ту приходя всем священником приимати, // елико кому достоит. И преосвященный ар- л.1103
хиепископ Серапион созва к собе архимарита и честных игуменов и священников и служил святую литургию сам и агнец вынял, елико довлеет. Того же году октября в 9 день в неделю архиепископ Серапион и с ним архимарит и игумены многие и священницы служиша. Того же месяца в 29 в суботу преставися и сам архиепископ Серапион в 9 час дни со псалмы и песньми духовными, а был во архиепископии год и 19 недель и 5 дней и 9 часов, и погребен бысть в Великом Новеграде в церк-

* *На полях киноварью* Мор.

ви святого Иоанна Предтечи, иде же честный гроб великого чюдотворца Иоанна, архиепископа Новгородского, вшед в церковь на правой руце у полуденные стены, се же место выняся ему по жребию, яко ту погребену быти *. Того же лета ноября в 20 день поставлен бысть архиепископ Великому Новограду Пимин, клирик честные обители Кирилова монастыря з Белаозера,
л.1103 а приехал в Нов// город декабря в 6, еще смертоносное поветрие
об. не престало в Новегороде. Он же нача служити во Святои Софеи и поставляти по обителем игумены и по всем церквам священницы, и оттоле нача быти милость божия, помале и поветрие преста. И бысть на владычестве 17 лет и три месяцы и сведен бысть на Москву в лето 7078 в государеве опале, и сослан бысть на Веневу к Николе чюдотворцу, тамо и преставися.

[1554] В лето 7062. Марта в 28 день на светлой недели родися благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии сын царевич Иван от благоверныя царицы Анастасеи, крещен бысть в 3 неделю по пасце апреля в 15 день в Чюдове монастыре, а от купели его принял Макарий митрополит.

[1555] В лето 7063. Июня посылал государь на стада на крымские воевод своих боярина Ивана Васильевича Шереметева да Лва
л.1104 Салтыкова да Олексея Даниловича Басманова // и иных, и стада крымскаго царя отгнали на Русь, лошадей с 60 тысеч, а сами воеводы пошли на царевы полки. И по грехом государевых воевод розгромили и людей московских многих побили.

[1557] В лето 7065-го. Мая в 31 день в 4 часу дни родися царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Русии сын от царицы и великие княгини Анастасеи, и наречено бысть имя ему Феодор Стратилат, июня месяца в 8 день, и крещен во обители Чюда архистратига Михаила у чюдотворца Алексея, а принял его от купели митрополит Макарей. Того же лета священа бысть на Соловках церковь каменная во имя пречистые владычица нашея богородица и приснодевы Мария честнаго и славнаго ея Успения августа в 15.

[1558] **В лето 7066.** Маия прояви бог архиепископу Пимину угодника своего Никиту, епископа Новгородского, уже бысть по
л.1104 святем его преставлении // 450 лет и 3 месяцы, обретеся тело
об. его цело и нетленно, рака же его бе каменна, верхний же камень раце его водружен бысть в стену за олтарем святых праведных богоотец Иоакима и Анны на поклонение христианом, иде же святый обретен бысть. Храм же бе той до проявления святого темен и тесен бысть, повелением же архиепископа Пимина распространен бысть на все страны, и бысть храм пространен и светел и исподписан бысть храм и олтарь. Святитель же Пимин честными образы вельми украси и златом обложи, мощи же святителя Никиты ис старые каменные раки в древяную раку преложени быша и поставлены на том же месте,

---

* *На полях киноварью* Владыка Пимин.

иде же обретены в церкви святых праведных богоотец Иоакима и Анны, творя многа чюдеса благодатию христовою и до сего дне приходящим с верою. // Того же месяца в 11 на пятой не- л.1105
дели по пасце царевы государевы великого князя воеводы боярин Олексей Данилович и Данило Федорович с товарыщи взяли город Ругодив со всем нарядом, с пушками и с пищальми, и с животы с немецкими. Того же месяца в 27 день зачат бысть делати на Соловках большой храм Преображение господа бога и спаса нашего Исуса Христа каменной.

В лето 7068-го. Москва горела. Того же году царица и ве- [1560]
ликая княгиня Анастасея преставися.

В лето 7069. Государь царь и великий князь Иван Василь- [1561]
евич взял за себя черкаску царицу великую княгиню Марью.

В лето 7071. Государь царь и великий князь Иван Василь- [1563]
евич взял литовской город Полотеск и владыку полоцкого к Москве свел.

В лето 7072. Преставися князь Юрьи Васильевич, брат го- [1564]
сударя царя, в филипов пост. Того же году преставися Макарей митрополит в филипов же по// ст. Того же году поставлен л.1105
на митрополию Афанасей митрополит. об.

В лето 7074-го Игумена Филипа Соловецкаго взяли к Моск- [1566]
ве на митрополию. Того же году на преображение спасово свящали храм на Соловках каменной большой Преображение господне и пределы. Того же году свящали храм преподобных чюдотворцов Зосимы и Саватия и мощи перенесли.

В лето 7075. Поставлен бысть на Соловки на игуменство [1567]
Паисея. Того же году в Великом Новегороде и во многих градех мор был.

В лето 7076. Глад был на Руси велик, купили на Москве [1568]
четверть ржи в полтора рубля.

В лето 7077. Маия в 22 день государь царь и великий князь [1569]
Иван Васильевичь и со царицею и великою княгинею Марьею был в Кирилове монастыре и со царевичами и пошел ис Кирилова на Вологду.

В лето 7078. Князя Владимера Одреевича Старицкаго // л.1106
не стало на Богане со княгинею и с детьми с большими, а оста- [1570]
лось двое детей, сын князь Василей да дочь, которую государь дал за короля Арцымагнуса*. Тое же зимы государь царь и великий князь ходил на Новгород и Псков с опалою. Того же году на Москве в государеве опале казнь была многим князем и бояром и детем боярским и диаком новгородским и владычним. Того же году на Москве и по всей Руской земли был глад велик. Того же лета из Датцкие земли король Арцымагнус выехал на государево имя.

В лето 7079. Маия в 24 на вознесение господне грех ради [1571]
наших приходил к Москве царь крымской Девлет Кирей с

---

* *На полях киноварью* Розгром.

двема царевичи и со всеми своими орды, и с качевными тотары, и с нагаи, с большими и с меньшими, и с озовскими и з белоградскими и с турскими людьми. Божиим попущением царствующий град Москву и посады пожегл, и от посадов в Большом городе церкви божии выгорели и дворы, и много множество //
л.1106 людей от пожару и от зелья згорело, им же несть числа, зажгли
об. посады и город на пятом часу дни, а до 9 часу городы и церкви и посады все выгорели. Князь Иван Дмитреевич Бельской выезжал против крымского царя и крымских людей за Москву реку, забил за болото на луг и дело с ними делал, и приехал в город ранен, и преставися. Того же году зимою государь царь и великий князь был в Великом Новегороде и посылал воевод своих в Немецкую землю под Выбор и многих людей побили.

О посольстве с турским царем... *//

л.1112 об. [1572] ...В лето 7080-го. Июля в 26 день приходил крымской царь на Русь с великим собраньем, и на Молодех у Воскресения христова крымского царя побили, и войско его побито безчисленно, и з земли побежал немногими людьми, а убили у него царевича да взяли Дивея-мурзу. А государевых воевод тогда было на берегу против царя князь Михайло Ивановичь Воротынской с товарыщи. И под Гуляем городом сеча была великая. И божиею милостию и государевым счастием на том деле уби-
л.1113 зли царевича крымского да внука царева царевича колбина ** // сына и многих мурз и татар живых поимали. И августа в 3 день царь крымской побежал, а оставил в болоте крымских татар тысечи с три резвых людей. Да на Оке царь оставил для береженья татар тысечи з две, и тех всех тотар побили. Того же году государь на зиму Пайду взял и немец пожечи велел. Того же году сентября в 24 день преставися пресвященный архиепископ Пимин Великого Новагорода и Пскова в Тульском уезде на Веневе у Николы чюдотворца ***. Того же году в Новгород Великий приехал архиепископ Леонид на владычество.

[1574] В лето 7082-го. Приходил посол литовской к государю от всее земли Михайло Голобурда, просил на государство на Литовское и на Польское королевство царевича Феодора Ивановича, и государь им царевича не дал.

[1575] В лето 7083. Государевы воеводы взяли в Немецкой земли
л.1113 об. шесть городов: Апсель, Лиговер, Коловер, // Пядцу и иные городы.

---

* [Далее] следует текст вымышленных разрядов о переговорах с турецким султаном, но с небольшими изменениями в форме летописных записей, а не статейного списка, изданного в «Памятниках общества любителей древней письменности и искусства» под названием «Вымышленные статейные списки» (СПб., 1883, с. 5—11). После этого с листа 1112 об. опять следует летописный текст.

** *Так в тексте. В других аналогичных текстах дается правильное чтение* — калгина.

*** *На полях киноварью* Владыка Леонид.

О посольстве с цысарем Максимианом... *//

...Того же лета 7084-го. Божиим изволением и государевым [1576]
повелением государь царь и великий князь Иван Васильевич л.1119
на Мо//сковское государство на великое княжение посадил ве- об.
ликого князя Семиона Бекбулатовича, а сам государь пошел на л.1120
берег на службу и стоял все лето в Колуге. А был на великом княженье год неполон, и после того пожаловал его государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии на великое княжение на Тверь, а сам государь опять сел на Московском царстве. И тогды не стало архиепископа новгородского Леонида и архимарита Чюдовского Еустафия и диака Семена Мишурина и иных многих, а побиты они в государеве опале на Москве.

В лето 7085-го. Зачат бысть на Соловках делати храм камен- [1577]
ной Никола чюдотворец. Того же году приехал в Великий Новгород на архиепископию Александр, а взят из Юрьева монастыря. Того же году ходили х Колывани с нарядом великого князя воеводы князь Федор Иванович Мстиславской с товарыщи, и у//били тогда воеводу Ивана Шереметева Меньшово, л.1120
а Колывани не взяли, и прочь пошли. об.

В лето 7086-го. Государь царь и великий князь Иван Ва- [1578]
сильевич всея Русии ходил в Курланскую землю и в Латыгорскую и в Литовскую и взял 27 городов, а большие городы по имяном: Кесь, Володимерец, Куконос, Невгин, Резица, Греград, Орлик, Лужа, Летров и иные многие, со всеми мызами и уездами, и князя Олександра Полубенского взяли, литовского воеводу. И как государь поворотил к Москве, и изо Пскова Полубенского отпустил в свою землю. Того же году в Литву на королевство взяли Степана Оботура из-за гор Семиградского.

В лето 7087-го. Изменил государю царю и великому князю [1579]
король Арцымагнус, поехал прочь из города из Лебзина, а королевну взял, заехав в Елмане, а была за ним княж Владимерова дочь Ондреевича. Того же году оманом // взяли литовские л.1121
люди город Кесь да Леневард. Того же году под Кесью государевых воевод побили литовские и немецкие люди и наряд поймали.

В лето 7088-го. Государь царь и великий князь Иван Ва- [1580]
сильевич всея Русии с Москвы ходил в Немецкую землю с великим собраньем и стоял во Пскове все лето. А литовской король Полотеск взял и владыку полоцкого, а здали Полотеск Петр Волынской да стрелцы. Тогды же сожгли литовские люди город Сокол и воевод государевых побили: Василья Борисовича Шеина да князя Михаила Юрьевича Лыкова Оболенского, да князя Ондрея Палецкого, да князя Василья Кривоборского и иных многих князей и бояр и дворян, и бой был добре крепок.

---

* Далее следуют вымышленные разряды о посольстве к Максимилиану, напечатанные в указанном выше издании, с. 15—18. После этого с листа 1119 об. следуют опять летописные известия.

А литовских людей и немецких побито и погорело в приступех вчетверо русково. Того же году государь посылал из Пскова
л.1121 против немец к Ракобору воевод меньших, и немецких людей //
об. побили и языки многие привели и прапоры их и набаты поимали. Тое же осени государь посылал изо Пскова воевод князя Ондрея Дмитреевича Хилкова да Михаила Ондреевича Безнина да Ивана Фустова в Литовскую землю и в Корланскую и в Латыгорскую воевати, а с ними 40 000 дворян и тотар и воевали до Вильна. Того же году августа месяца литовской король взял Луки Великие. Того же году литовской король з государем помирился и Луки Великие государю отдал назад.

[1581] И в лето 7089. Опять король литовской Лукие* взял и Усвят, и Велижу. Того же году женился государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, взял за себя Федорову дочь Нагово Марью.

[1582] В** лето 7090. Пришед под город Псков литовской король Степан Оботур и стоял подо Псковом 25 недель. И на приступе на проломных местех государевы воеводы князь Василей Федо-
л.1122 рович Шуйской // Скопин да князь Иван Петрович Шуйской убили короля Бекеша Вингерского и многих людей литовских бесчислено и розных орд. И король ото Пскова и прочь пошол. Того же году ноября в 19 день преставися государь царевич Иван Иванович в неделю на заутрени на «хвалите имя господне», 28 лет возраста его. Того же году начали на Соловках делати город каменной, а в Сумской волости поставили острог. Того же году завоевалася з государем черемиса накрепко.

[1583] В лето 7091. Родися великому князю Ивану Васильевичю сын царевичь Дмитрей от великие княгини Марьи Федоровны.

[1584] В лето 7092. Преставися государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии, а во иноцех Иона, марта в 18 день.

Царство государя царя и великого князя Феодора Ивановича всея Русии.

Того же 92-го году на царство и на великое княжение Москов-
л.1122 ское сел сын его // государь царевичь Феодор Иванович, и бысть
об. царь всея Русии. Того же году отпущен на удел царевичь Дмитрей Иванович на Углеч и с матерью своею с царицею с Марьею. Того же году у бояр было меж собя смятенье великое.

[1585] В лето 7093-го. Добили челом государю царю и великому князю Феодору Ивановичю всея Руси черемиса вековым миром. Того же году привели к Москве к государю казаки донские и вольские Ермак с товарыщи сибирского царя, и землю его со всеми сибирскими людьми взяли и к государю в повиновение привели. Того же году на берегу в Колуге крымских царевичев

---

* *Так в рукописи.*

** *На полях киноварью* зри.

и Дивиевых * детей и Есинея-мурзу с товарыщи на усть Угры-реки и на Выси побили. Того же году на государево имя выехал царевичь крымской со многими мурзы и тотары на Астарахань и из Астарахани приехал к Москве к государю.

В лето 7096. Августа в 2 день божиим изволением // в пре- [1588]
словущем граде Москве при благоверном цари и великом кня- л.1123
зе Феодоре Ивановиче всея Русии и при митрополите Иеве явися новый великий чюдотворец Василей Нагой и простил три души, две девицы да нищего старца, и от того дни у чюдотворцова гроба великие чюдеса и прощение многим людем. Того же году поставлен город камен Асторохань на Волге. Того же году божиим попущением грех ради наших турской царь салтан восста гонением на христианскую православную веру и изгна из Царяграда патриарха Иеремея и со всем его собором. Он же прииде в царьствующий град Москву, а с ним митрополит да владыка, да гречан 60 человек.

В лето 7097-го. Божиим благоволением благоверный госу- [1589]
дарь царь и великий князь Феодор Иванович всеа Русии самодержец по совету и по благословению Царяграда патриарха Иеремея и со отцем своим митрополитом всея Русии, и // со ар- л.1123
хиепископы, и епископы, и с архимариты, и игумены, и со все- об.
ленским собором, и со всеми бояры уложили и поставили на патриаршество на пресловущий град Москву митрополита Иева. Сей бысть первый патриарх на Москве. А в Новгород на митрополию архиепископа Александра, а в Казань митрополита же и в Ростов и на Крутицы митрополитов, а преже тоже были по тем градом архиепископии **. Того же году совершен бысть на Москве Белой город каменной и наречен Царев город, а заложен в 93-м году. Того же году на Петрово заговейно в ночи приходили немецкие люди к морю в Кандалашскую волость и на монастырь на Кандалашской и в монастыре братию и в волости всех людей присекли, а иные в реце тонули, и монастырь и церковь и волость пожгли и животы поимали все, а людей побили 450 человек.

В лето 7098. Сентября в 7 грех ради наших приходили // не- [1589]
мецкие люди к морю на поморские места рекою Ковдою в во- л.1124
лость Ковду, а ис Ковды в волость в Унбу, а из Унбы в волость в Кереть и в ыные в мелкие волости заморские. Да ис Керети в волость в Кемь, и те волости повоевали, церкви и дворы пожгли и людей побили, и, воевав, пошли Кемью рекою вверх, а приходило тех немецких людей 700 человек ***. Того же году на зиму ходил царь государь и великий князь Феодор Иванович всея Русии под Ругодив да под Ивангород. И в государеве полку воеводы были боярин и конюшей Борис Федорович Годунов да князь Иван Михайлович Глинской, да Федор Никитич Юрьев,

* *В рукописи* Диевых, *но на полях вынесено*-ви.
** *На полях киноварью* Белой город.
*** *На полях киноварью* Ругодивской поход 1 (*т. е. первый*).

да князь Василей Федорович Скопин-Шуйской, да князь Данило Ондреевич Ногтев, да князь Ондрей Юрьевич Голицын и многие государевы бояре и воеводы. Да с ним же, з государем, были с своими полки царь Касимовской Каибалин да брат его царевичь Каибалин же, да царевичь Сибирской. // А в большем
л.1124 об. полку воеводы были князь Федор Иванович Мстиславской да Иван Васильевич Годунов. А в правой руке князь Федор Михайлович Трубетцкой да Богдан Юрьевич Сабуров. А в левой руке князь Иван Иванович Голицын да Иван Плещеев. В передовом полку князь Тимофей Романович Трубетцкой * да князь Дмитрий Иванович Хворостинин. В ертоуле князь Меркур Щербатой с товарыщи. А у наряду было приказано Григорью Ивановичю Морозуву Чюду да Ивану Ивановичю Сабурову. И божиим милосердием и его, государя царьского величества, счастьем, к Ругодиву идучи, мимоходом взял Яму город, а били по городу из наряду два дни, а на третей день и взяли город, а в городе было немец 500 человек. И государь на милость положил, немец пожаловал, отпустил в свою землю. А под Ругодив государева ходу было и стоянья под городом пять недель, и стены
л.1125 выбили в Ругодиве из наряду // от Ракобора 80 сажен по подошву, а от моря из наряду выбили со 100 сажен. И немцы, видя свою неминучюю, что им в Ругодиве не отсидетися, да государю били челом, чтоб государь царь и великий князь на милость положил, взял у них Ивангород да Копорью город, а велел бы государь своим послом с их немецким послом сойтится о миру, а по Ругодиву бы до тех мест из наряду бити не велел, а им, немцам, проломных мест в Ругодиве не заделывати до тех мест, на чем послы положат. И государь царь и великий князь Феодор Иванович всея Русии гнев свой на них укротил, на милость положил, немец пожаловал, те у них городы взял и воевод своих и людей с ними в тех городех оставил, а сам государь пошол от Ругодива прочь в Великий Новгород.

[1591] В лето 7099. Маия в 15 день убиен на Углече царевич Дмитрей Иванович от Микитки Качалова да от Данилка Битяговл.1125 об. ского. Того же лета июля в 3 день // приходил под Москву крымской царь Сапкирей со многим войском, и были с ним многие турские люди, и стоял от Москвы за семь верст в Коломенском. И государь царь и великий князь Феодор Иванович всея Русии послал с Москвы против его воевод своих и велел стати воеводам за Москвою-рекою под Даниловым монастырем в городе в обозе и с крымским царем велел ** дело делати. И на завтрее, июля в 4, пошол ис Коломенсково к Москве крымской царь со всем войском. И государевы воеводы стретили его за Ямскою слободою и учали с ним дела делати, и было дело с 1-го часа до 7 часа дни. И божиею милостию и государевым счастием и государевых воевод промыслом крымских людей побили и языков

* *В рукописи* Трубецкой, *буква* т *вынесена на поля.*
** *На полях* Дело.

многих поимали. А царь крымской от Москвы побежал з досталным войском. И государевы воеводы ходили за ним до Окиреки и его не сошли и послали за ним голов Данила Истленьева да Володимера Вельяминова да с ними черкасов // и казаков л.1126
донских и Литву. И они сошли крымских людей и побили и взяли двесте языков и полон руской отполонили, а кош крымской побил князь Михайло Ружеской з запорожскими черкасы и з донскими казаки. А государевы воеводы были по полком: в передовом полку князь Тимофей Романович Трубетцкой да Иван Васильевич Годунов; в правой руке князь Никита Романович Трубетцкой Косой да Стефан Васильевич Годунов, да князь Иван Васильевич Голицын; в левой руке князь Василей Карданукович Черкаской да Никита Плещеев; в большем полку князь Федор Иванович Мстиславской да Борис Федорович Годунов, да с ними князь Дмитрей да князь Олександр Ивановичи Шуйские, в сторожевом полку князь Борис Тугаевич Черкаской да князь Федор Иванович Хворостинин. Того же лета заложен на Москве деревяной большой город. Того же лета царь и великий князь Федор Иванович всея // Русии повеле л.1126 об.
зделати в Кремле городе полаты каменные, иде же ныне Розряд и Помесной приказ, и Казанской дворец, и Болшой Приход. Того же году преставися в Великом Новегороде митрополит Александр, а на его место поставлен в Великий Новгород на митрополию чюдовской архимарит Варлам. Того же лета в Соловецком монастыре летовал сотник стрелецкой Семен Юренев, а с ним 100 человек московских стрелцов, да к нему же прислан Колмогорского города пятидесятник Григорей Чмутов, а с ним 50 человек стрелцов. Того же лета августа в 13 день приходили свийские немецкие люди на Мурманское море х Кольскому острогу Туломою рекою в малых судах, воеводька Ганш Лерсон, а с ним заморских и каенских немец 1200 человек. И за два часа до вечера приступали к острогу с приметом и зажигати, и зажгли две башни, Егорьевскую башню да Покровскую, и из острогу против их // выласки были многажды, и дело было л.1127
ними до пяти часов ночи. И божиею милостию и государевым счастьем ис Кольского острогу в приступех из наряду и на выласках побили и ранили 215 человек. И отшед немцы от острогу на остров, на Туломе реке, стояли три дни и три ночи и пошли в свою землю Туломою рекою во вторник на утреней зоре. А в Кольском остроге был государев воевода Володимер Федорович Загрязской, а с ним людей кольских стрелцов 30 человек да иногородцов торговых людей и кольских жильцов и казаков всякого человека 1700 человек, а в остроге и на выласках и в приступех убили немцы осадных людей 25 человек да ранили 35 человек.

В лето 7100 году. Сентября в 20 день божиим попущением грех ради наших приходили немецкие свийские люди к морю на поморские места Кемъю рекою в малых судах, воеводка Мав-

л.1127 об. нус Лаврин да Ганус Иверстен, // а с ними* заморских и каинских немец 700 человек. И пришед немцы в волость в Кемь и пошли изгоном к Сумскому острогу и приступали к острогу того же месяца в 23 день от втораго часа дни до 10-го часа дни и приметом зажигати острог. И божиим милосердием и государским счастьем из Сумского острогу осадные люди в приступ из наряду и на вылосках немецких людей побили многих и многих ранили, и убили у них воеводку Гануса Иверстина, и языки у них поимали. И того же дни немцы от острогу побежали и, идучи от Сумского острогу, повоевали волость Шую Корельскую да Соловецкого монастыря волостки Вирму да Сухой Наволок, да Кемь, и под Ужеем дворы и варницы пожгли, живот поимали и побежали назад тою же рекою Кемью. А в остроге было в осаде пятидесятник Семеновы сотни Юренева Иван Збитень,
л.1128 а с ним московских 20 человек стрельцов да // Соловецкого монастыря слуг 30 человек, да 10 человек пушкарей и затинщиков, и волостных людей 150 человек. И всего было в остроге в осаде людей 200 человек. А в Сумском остроге убили немецкие люди затинщика Ивана Зеленова да ранили волостного человека Олешу Хворостова. Того же году царю и великому князю Феодору Ивановичю всея Руси родися дочь царевна Феодосия. Того же году генваря в 4 день государь царь и великий князь Феодор Иванович всея Русии посылал воевод своих князя Федора Ивановича Мстиславского да князя Федора Михайловича Трубетцкого, да князя Никиту да князя Тимофея Романовичев Трубетцких, да князя Бориса Ардасовича Черкаскаго, да Степана да Ивана Васильевичев Годуновых, да Богдана Яковлича Белского, да Федора да Олександра да Лва Никити-
л.1128 об. чев Романовых, да с ними дворян // и детей боярских, и казаков, и стрелцов, и всяких воинских людей сто тысяч, воевати в свейские немцы к Выбору и к Шавонскому городу. И государевы воеводы ходили войною в Немецкой земли 4 недели и взяли 4 остроги с людьми и со всеми животы, и многие места повоевали, и полону вывели бесчисленно много, и встречи им в Немецкой земли не было, и пришли в свою землю со всем войском в великий пост на третьей недели, дал бог, здорово. Тое же зимы государевы воеводы князь Ондрей Романович да князь Григорей Костянтинович Волконские, да Елизарей Юрьевич Протопопов, да Второй Савельевич Окинфеев, да с ними головы Третьяк Стремоухов да Тихон Отрепьев, да Ондрей Оничков, да Смирной Шакуров, да сотники стрелецкие Семейка Юренев да Третьяк Ивашев, да 20 человек детей боярских, да голова казачей от Колмогорского города Богдан Матов, да пять атаманов
л.1129 казачьих вольских и даньских и терских, а силы государе// вы было с ними панов и сербян и черкасов 90 человек, донских и вольских и терских казаков 90 человек, московских стрельцов

* А с ними *повторено и зачеркнуто.*

200 человек, Колмогорского города стрельцов 100 человек, да два пушкаря московских, да монастырьских слуг Соловецкого монастыря 50 человек, Кирилова монастыря 50 человек, Прилуцкого монастыря 20 человек, Сийского монастыря 40 человек, Ошевенского монастыря 20 человек, Николы Корельского монастыря 12 человек, устюжан 300 человек, усольцов 200 человек, каргопольцов 400 человек, двинян 400 человек, заонежан 800 человек, с поморских волостей и с озерок 150 человек, да волных казаков 40 человек. И всего с ними воинских людей 3000 человек. Ходили из острогу Соловецкого монастыря из Сумскаго в Каянские немцы. И пошли с Рун озера генваря в 7 день. И божиею милостию и государевым счастьем повоевали в Каянских немцах пять волостей немецких, волость Олой, волость Линемгу, волость Остров, волость Снежную, волость Сиг, // и около острогу усть-реки Олуи волостки, и под острогом л.1129 об. стояли, и к острогу не приступали, и волости пожгли, и полон поимали и живот. А наряду было с ними две пушки полуторных да 10 затинных. А походу было в Немецкую землю и из Немецкой земли 6 недель, а в Немецкой земли воевали две недели. И пришли в Сумской острог в великий пост на 3 недели, дал бог, здорово. Того же году летовали в Соловецком монастыри государевы воеводы князь Ондрей Романович да князь Григорей Костянтинович Волконские, а с ними детей боярских 6 человек, да пан Савастьянко Бельской да пан Войтех, а с ними панов и сербян, и волошан, и черкасов 50 человек, да московских стрельцов Третьяковы сотни Ивашева 50 человек, да каргополских ратных 250 человек. И всего летовали с воеводами на Соловецком острову ратных людей 396 человек. Да на берегу в Кемской волости стояли воеводы Второй Акинфеев // да сотник стрелец- л.1130 кой Семен Юренев, а с ним московских стрелцов 100 человек *, да детей боярских Василей Сараев да Томило Панфильев, да 20 человек панов, да Кирилова монастыря слуг 40 человек, да каргопольских ратных 150 человек. А в Сумском остроге годовали государевы воеводы Елизарей Протопопов да Третьяк Стремоухов, да голова казачей Левонтей Лихорев, а с ними московских стрелцов 50 человек, да Соловецкого монастыря слуг 30 человек, да Ошевенского монастыря 20 человек, и всего ратных людей в Сумском остроге до приходу немецких людей 100 человек. Того же лета августа в 27 день приходили к Сумскому острогу немецкие свейские люди с нарядом, четыре воеводки, Еверст с товарыщи, а с ними немецких людей 1500 человек, а стояли под острогом три дни и три ночи и из наряду били по острогу беспрестани, а наряду с ними было верховых и ломовых стенных и волконей 11 пушек. И божиею милостию и государя // царя и великого князя Феодора Ивановича всея Русии л.1130 и его царьскаго величества счастьем из острогу из наряду и наоб.

---

* *Слово* человек *написано на поле.*

выласках многих неметцких людей побили и ранили. И от острогу немцы побежали августа в 29 день.

[1592] В лето 7101-го. Октября в день ходили в Неметцкую * землю под Шавонской городок атаман казачей Максим Рячин, а с ним вольных казаков 102 человеки. И пришли на Вир, а по руски на Быстрые воды, на заставу. А на заставе стояли два воеводки, Индрик Ирик да Индрик Бискупов, а с ними воинских людей 400 человек да наряду 8 пушечок, 4 сороковых да 4 затинных. И божиею милостию и государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии и его царьскаго величества счастьем Максим Рячин с казаки на Быстрых водах тех неметцких ** людей побили наголову и воеводку Индрика Ирика убил. 1131 ли, а другово воеводку Индрика Бискупова да // пятидесятника Лашея и набатчика Лашея же живых взяли, и наряд и набаты поимали, и яхту з запасом и на острову ропату и дворы сожгли. И в Сумской острог с языки да и с нарядом пришли атаманы Костя да Максим Рячин ноября в 8 день. И по обету своему тот наряд неметцкой, 8 пушечок да к ним 250 ядер железных, отдали в Соловетцкой монастырь, и языки и набаты отослали к государю к Москве.

[1597] [1598] В лето 7105-го. Царь и великий князь Феодор Иванович всея Русии взял отчину свою город Корелу. Того же лета заложил делати град Смоленеск камен, а совершен в лето 7108-го году. Того же лета царь и великий князь Феодор Иванович всея Русии повеле сковати раку сребрену в Чюдов монастырь великому чюдотворцу Алексею, митрополиту московскому и всея Русии.

В лето 7106. Генваря в 6 день преставися государь царь и л 1131 об. великий князь Феодор Иванович всея Русии и по // гребен в Архангеле, был на государстве 13 лет и 7 месяц и дний 10. По погребении же его царица и великая княгиня Ирина Федоровна иде в Новой Девичь монастырь и пострижеся. Тогда же на сырной недели во вторник наречен на царство брат ее Борис Федорович. По преставлении же царя Феодора, о, горе, увы...

4. ОСТРОЖСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Памятник, названный здесь Острожским летописцем, находится в одной из рукописей Музейского собрания (№ 4007) [Отдела рукописей и старопечатных книг] Государственного Исторического музея в Москве. Нет особой необходимости доказывать его значение, так как повествовательных произведений, относящихся к истории Украины первой половины XVII в., очень немного. О содержании сборника с Острожским летописцем дает представление его краткое описание.

---

* *В рукописи* немецкую; *буква* т *написана на полях.*
** *В рукописи* немецких; *буква* т *написана на полях.*

Рукопись № 4007, форматом в лист, написана на 148 листах, полууставом и скорописью конца XVII в., состоит из следующих статей:

Л. 1 — Оглавление.

Л. 2 — «Никифора патриарха Царяграда летописец вкратце» (кончается словами: «в Руси княжити нача Игорь, а Олег умре»).

Л. 6 об.— «Иже царствовавших в Константинеграде» (кончая Калоиоанном в 6833 [1325] г.).

Л. 8 — «Алексей дука Мурцуфль» (о взятии Царьграда фрягами).

Л. 12 — «Матфея Стриковского».

Л. 32 — «Человек великой науки (от различных летописцов о летех Рожества Христова)».

Л. 40 — «Ис книги, глаголемые „Криницы писменныя“ о государстве римских царей».

Л. 48 — «Ис книги летописца рускаго» (о поставлениях русских митрополитов и других церковных делах).

Л. 65 — «Из книги Гранографа Великаго Новаграда соборныя церкве» (разные выписки).

Л. 68 — «Книга, глаголемая Проскинитарий» (Арсения Суханова).

Л. 76 — «Летописец о епископех и о архиепископех и митрополитех новгородцких» (кончается 1674 годом).

Л. 84 — «Ис книги летописца или Кройника российскаго о зачале града Пскова».

Л. 86 — «Царство 87 в Цариграде Константина, брата Калуана» (из польского летописца, кончая 1523 годом).

Л. 126 — «С Кройники Белского речи потребныи выбраны».

Л. 134 — «Цари греческие и патриархи».

Л. 140 — «О папах римских...» и продолжение русской хронологии, кончается смертью патриарха Иоакима в 1690 г.

Острожский летописец носит заглавие «С Кройники Белского речи потребныи выбраны». По своему содержанию эти «потребныи речи» представляют собою краткий летописец. Он начинается с 1500 г. упоминанием о взятии московскими войсками Северской земли («Север») и кончается рассказом о введении Унии в Остроге в 1636 г. С 1577 г. особенное внимание летописателя обращено на события в Остроге и на князей Острожских. Особенно ярко обрисовано гонение на православие, предпринятое Анной-Алоизой Острожской, вдохновляемой иезуитами. До настоящего времени о действиях Анны Острожской было известно по Львовской летописи и произведениям иезуитов, пользуясь которыми автор статьи об Анне Острожской [1] дал совершенно неправильный облик этой изуверки, начисто разорвавшей со своим народом, жестоко расправившейся с острожскими мещанами и сделавшейся, по выражению нашего

Левицкий О. Анна-Алоиза, княжна Острожская.— Киевская старина, 1883, нояб., с. 329—373.

летописателя, «гонителкой». Острожский летописец рисует перед нами картину крещения в католичество останков отца Анны, князя Александра Острожского, картину издевательства над покойником, от имени которого сидящий за гробом иезуит говорит, что Александр ищет перехода в католичество, потому что «вера лепша римска».

Острожский летописец изобилует многими подробностями о жизни на Украине в первой половине XVII в. и представляет собой ценный исторический источник. Он написан, вероятно, одним из жителей Острога, возможно, «мещанином» — горожанином. Замечателен язык этого украинского сочинения XVII в.

л.126 **С Кройники Белского речи потребныи выбраны**

Лета* от рождества Христова 1500*. Москва Север землю взяла, Путивль. Дарогобуже, Торопец и иншии места.

Року 1509. Мурь почали отводити около Вилне. Того же року князь великий Московский места зацного и славнаго Пскова обетницами достал и звон великий, котрым на кгвалт звонено, до Москвы отпровадил. Того же року дрыжаня земли великое у Цариграде, иже Базет, цесарь Турский, з места выпровадившися под наметы в полю мешкал. Так те же и в Босне, в Далмации и ве Влощех, аж места западалися збудованием.

Року 1512. Татар поражено под Вышневцем.

1514. Поддался Смоленеск Москве. Того же року на Кропивны наши поразили Москву, 80 000.

Року 1515. С Костелца з Францымиру кролевое Боны за князя Илию Острозкого пошла.

Року 1516. Татаре Бузкие окрутные над Примерье были. Того же року месяца грудня знову под Межибож и Зенков, и Летачов, и Каменец вторгнули. В той же потребе под Межибожем внукь князя Костентина князь Роман згинул. Того же року увесь Петриков выгорел. И цесар Турский Селим, Сирию, Египет и Аравию взявши, у Костантинополю здох. Того же року царь Перекопский нагайских татар под себе подбил.

Року 1519. Битва Сокалская. Князь Костантин з ыншими паны уехал на замок Сокалский пред татари; наших войска было 5000, а татарского 80 000, кгды ся потыкали.

Року 1520. Кроль Август родися.

Року 1521. Махмет, Перекопский царь, взял Казань под Василием, князем Московским, и в Москве болшь 300 000 вязнев набрал. Того же року цесарь Турский Белогород земли Венкгерское взял.

Року 1524. Турци и татаре Зенков спалили.

1525. Месяця лютаго на день годины 2 и 3, и 4, и 5 солнца на небе не оказалося.

---

* *Слова* Лета... 1500 *написан*

Року 1527. Князю Костантину родися сынь Василий в Дубне. Того же року князь Костантин у Олшаници татар побил. Того же року Карла Пятого цесаря войско Рим взяли, аже им папежь 300 корон откупился, и от тых часов с цесарем преставати бецал. Того же року див человечий уродилося, детя: голова лвова, персы косматые, скрыгитало зубами, голосом страшным ричучи; жив был годин 8.

Року 1531. Битва была з Волохи под Обертином. //

1532* Комета чрез 8 дний тръвала. Того же року царь Перекопский на Черкасех, маючи с собою дел 8 и еничаров до килка 1 000, Остафия, старосту Черкаского, добывал, а иже ему ничого не вчинил, з ним ся поеднал. л.126 об.

1533. Князь великий Василей умер, зоставши сына Ивана у 4-хь летех.

1534. Секта новокрещенцов, которыи был головою Ганусь Кравец, менился кролем Изра(иль)ским, а товарищ его звался духом святым. Того же року татаре предместя у Жаславю спалили. Стародубь наши взяли. Гетманом был Ян с Тарнова. Того же року татаре были о святом Илии.

1536. Две части замку Краковского згорело.

1537. Месяця лютого кроль Август поприсяг права и волности короне. Того же року рокош был под Илвовом, назвали его Кокошию войною, иже дома сидели.

1538. Царь Турский землю Волоскую подбил под себе.

1540. Малхеровую Раичину, иже на жидовскую веру пристала, и спалено ей, до которой немало людей попристаювало было.

Року 1541. Цесарь Турецкий Пешь и Будзын взял, так теж и матку с кролевичом, а потом его волно пустил.

Року 1541. Саранча была велика, а 43 — Янь** Замойский уродился.

Року 1548. Жикгимонт кроль умер.

1549. Кроль Август паном зостал и учинил сеймь у Петрикове.

Року 1550. Браслав от татар взят, и в Полщи голод великий и мор был. Того же року Дмитрь Санкгушко дочку княжны Острозкое Ильиное з Острога унес, которого Марцин Зборовский догонил в Чехах и на Господе ранил неубраного, с которое раны умер.

Року 1557. Кроль Август мост у Варшаве на Висле казал будовати.

Року 1558. Москва взяла Нарев, и у Вифлянтех великии шкоды починили.

Рок 1559. Вифлянте кролю Августу поддалися.

Року 1563. Москва Полоцко взяла. Того же року деспотстят. Того же року под Невлем наши побили Москвы 40 000. Того же року и Вышневецкого в Константинополю на гакь скинено.

Року 1564. Татаре были Межибож облегли.

---

* *В рукописи* 532.
** *В рукописи* Якь.

Року 1568. Кроль Август з войском под Радошковицами был. Того же року Сенкгушко добыл Улы и спалил. Того же року Лаский под Очаковом был и татар громил, аж на море утекали. Того же року козаки Витепский Усвят и Велиж спалили.

Року 1569. Унея в Люблине дошла. Волынь Подляше, Киевь
л. 127 до Короны привернено. Того же року князь Пруский при//сягу кролеви учинил. У дни маевии снег великий спал и до 3 дней тръвал. Петр Зборовский от Турка с примирем доживотным приехал. Голод великий был, аж селедявка по две копы было.

Року 1570*. Август кроль послал до цесаря Турецкого Андрея Тарановского о спокоении примиря, которыи, у него все исправивши, был у царя Перекопскаго под Астороханем в панстве Московском и там з чаушем** поселство отправовал. У его же земли назад едучи, абы занехал шкод чинити в панстве королевской его милости и от цесаря турецкаго лист до него был даный. Там под Астороханием, которого замку Волга река обышла около, борзо много турков и татар Москва побила, а другии з голоду поздыхали.

1571. Месяца лютого згримело з блисканям великим, рокь той был неврожанный, люди з голоду умирали. Того же року татаре Прекопскии Москву самую окрутне звоевали в день вознесения господня, место и замокь спалили.

1572. Месяца липца кроль Август умер, маючи лет 52. Того же року мор был великий в Полщи, же болшего не помнят. Того же року илекция в Люблине была.

1573. Конвокация, илекция Варшавска.

1574. Кроль Генрикь до Полщи приехал и коронован в костеле святаго Станислава на замку. Скоро по коронации Самаил Зборовский чеканом Вапского ранил, з чого мусель умерти. Того же року кроль Генрикь утекь о 1 године в нощь з замку форткою до стаень, само осмь, а, юдучи, был у Ведню в цесаря, през три дни, потом на Венецею и князство Завойское до Франции. И листы на впокою зоставил до панов радних. Того же року Ивоня турков до килка раз поразил, Тагиню и Бельгород взял. Того ж часу Ивоня забит. Козаци там же побити. А Претрила турци на господарство Волоское всадили. Того же часу под осень интерекгиу было. Того же часу Селим, цесарь турецкий, здох, а сынь его старший насталь цесарем.

Року 1575. Лекция в Стенжици, и татаре покровскии коло Илвова. Того же року в Синяве татаре были з Волох и о полтора крот 100 000 полону забрали и увошли през Хотен до Волох. Того же року Богдан Ружинский с козаки низовыми впадши за Перекоп, барзо великии шкоды починил.

---

* *В рукописи* 1576.
** *В тексте* гаушем.

1576. Кветня 18 кроль Стефан уехал до Кракова и докоронован. Того же року Острополь заложено, и турецкий цесарь // л. 127 об.
Будзык взял.

1577. Шолкгеня убит. Татаре Дубна добывали. И трясение земле было. Того же року война Кгданская. Избито кгданчан априля 17, а юн 10 кроль под Кгданк ся рушил. Татаре под Жаславлем были листопада 2. Того же року комета была в Кракове скоро по заходе солнца. И трясение земле было. Того ж року татаре масныи Острога добывали и мало не добыли, аж князь Василей поеднал их и частовал в замку, и вместе з людми татаре ели и пили. Того же року кроль Стефан дал Подкову козака ве Львове стяти. Того же року писал Магмут до кроля, вейшуючи ему щастя на москвитина лечь пред ся, написал же: «То есть пан великий, перший на свете по кролю, пану моем». Того же року под Кесью убито Москвы 20 000.

1579. Кроль Стефан поиде к Полоцку, облегши, и взял. Того же року саранча была. Князь Острозский, воевода Киевский, Чернегова добывал.

Року 1580. Ян* Замойский гетманом стал. Остика за зраду стято. Того же року Замойский Велиже и Усвят взял, Луки Великии наши взяли. Того же року Торопец спалили и Нивел взяли, потом Озерища, Порфу и Заволочье взяли.

1588.** Князь Константин, крайчий сынь князя Василия Острозкого, у Базалеи умер, похован у Вострозе.

1590. Терлецкий, владыка Луцкий и Володимерский, всияли ересь, призволяючи на новый календар, и зезд был у Бристю.

Року 1592. Козаки Переяславль спалили. Александр, воевода Волынский, сын князя Василия Острозкого, Триполь облегль.

1597. Наливайко в Слуцку и в Могилеве великии школы починил и сам громлен, а потом поиман, и на пал збит. Воевода Седмикгродский поражон.

1598. Поветря неслыханое килко леть было. Того же року сеймь у Варшаве был строны календара нового. Того же року писмо ся показало на костелах и на школах жидовских, и на домах, ни от кого не прочитано.

1599. Снегь великий выпал на завтрее покровы, а потом згинуль. Люди сеяли на завтрее у ведения. Того же року Москва татар побила.

1600. Мигал, воевода Мултанский, наехавши на господарство Волоское, выгнал Еремея. Того ж року от Яна Замойскаго войско его поражено, а сам през го// ры, яко пес, утекь. л. 128

Того же року цесарь Турский з цесарем христианским примиря до 30 лет взял.

---

* *В рукописи* Якъ.

** *Здесь в рукописи указана сноска, которая находится на полях внизу* князь Константин, крайчий сынь.

1601. Князь Василий у Востополю был. Осень была мокрая, два месяца дождь непрестанно ишол.

Року 1603. Декамврия 2 князь Александерь Острозкий Ярославский в Красном умер, а похован у Острозе в церкви замковой Богоявления.

1604. Того же року у Острозе пожога великая была, вси места разом горели, неможная рече рятовати, аж сами мусили з места убо утекати, а скрыне и иное метали у воду, бо по земли горели трески, мосты, аж до самой воды, и млины *, у Востополю был. Того же року** божиею благодатию начася монастырь во граде Любартове святаго великомученика Георгия благочестивым игуменом Кириллом Костантиновским, протом святых церьквей и дозорцею повету Волынского святых монастырей.

1605. Татаре пречискии одного року болшь, нижли пять крот, были и много людей побрали около Звягля, Полоного, Остополя, Межибожа и Шаргорода, а над Тараски кошем стояли. Того же рока*** за кроля Жикгимонта поляцы до Москвы князя Дмитра Ивановичи на царство отпровадили и Моск(в)у поразили, который в Полщи невидоме килко лет мешкал, чернцем будучи. Того же року декабря 4-дня трясение земли было. Того же року посел был у кроля в Кракове от Перскаго царя, абы войну поднес з Турком.

1606. Татаре под Белою Церквою поражоно. Того же року рокошь под Сендомиром был, где кроль поимал пана Жебредовскаго, воеводу Краковского, и Радивила подчашого.

Знову озвался Дмитрь, царь Московский, который, маючи гетманом князя Романа Ружинского, землю Северную опановал и Шуйскому великии войска поразил, и татаров Перекопских до килка на сту 1000 у Москве побил и под столицею обозом ся положил.

1607. Послушенство кролю под Озерною от Чирска две мили над Вислою выповедали. Того же року князь Вышневецкий з(с)таростою Каменецким з росказаня его королевской милости в земли Волоской турков и татар болше 6000 поразили и сына Еремиина на господарство Волоское всадили. Того же року Гедионь Болован умерь, владыка Лвовский. Того же року знову Дмитрия на Москву поляцы провадили, маючи гетманом Ру-
л. 128 жинского, и у мили от Москвы обозом // стали, покилко крот
об. Москву поражали. Того же року царевичь Заволской зъехал з своей земли и был у пана Кравского и у кроля в Кракове. Того же року татаре Украину коло Веницы, Гайсина и Шаргорода пустошили.

Року 1608. Месяца февраля дня 23, в суботу, а в пост великий **** Василей князь Острозкий, воевода Киевский, умер и

---

* *На полях* Мор.

** *На полях киноварью* О манастыре Любарском.

*** *На полях почерком XIX в.* О Гришке-розстриге.

**** *На полях киноварью* Князь Остроз(ский), воевода Киевский, умер.

похован у Острозе того же року мая 17, который был великий милостник набоженства, Крецкаго монастыре побудовал, маетности понадавал, навет и до меских церков маетности надал, на шпитал и на школы место надал, Сурожь з селами, был богобойный, нищелюбивый, смиреный, приступный кождому и наубогшему, жил лет 84. По нем пановал сын его князь Янушь, кашталян Краковский. Того же року князь Московский наших за посланям кроля его мил(ости), пана Мнишка и иных повыпускал. Тогды и князь Константин Вышневецкий з Москвы пришол. Того же року листопада татаре кошем стояли под Гайсином, шкоды коло Прилуки, Немирова и Веници великии починили.

1609 *. Сеймь у Варшаве был, на котором были послове от кроля Перскаго и Турецкаго, и Перекопскаго, ускаржаючися на козаки от Перекопа. А Перский, абы войну поднесь против Турка. Был посел анкгличик и з жоною. Но козаки пред тым Перекоп збурили и замок з местом спалили, и шкоды великии починили, и старосту Перекопскаго, взявши, кролю дали, а назад идучи и Очаков збурили.

1610 року **. Благодатию божиею начася монастырь Успения пресвятыя богородица во граде Полоном Леонтием, архимандритом Палакгойским, сербином, потом, отъежчаючи во свою страну, спустил отцу Кирилу Любарскому.

Рок 1611 ***. Божиею благодатию начася монастырь Тригорский в пустыне Троановской недалеко от Денешов над рекою Тетервю Преображения спасителева отцем Кирилом, Любарским игуменом.

1614 ****. Буря была великая и шла мимо Острогь от Жаславля о полудни, яко ночь, а жнива пущи крушила, сады ломила по селах, в Борисове, в Плужном и по иных селах. В тых краях, куда ишла буря тая, пошня в копах княжая килка сот копь рознесло не знати где, так те же и людская навет и людей, котрыи в полю ***** того часу робили, носило поверх дерева, инших // мертвых познаходили, а иныи за дерево ухва- л.129
тившися и держалися моцно, и так живыми позоставалися. А иныи на поли за стернь моцно взявшися и держалися, если не пустили ветру под себе; а котории пустили ветр под себе, то не сдержався, понесло не знати где. И церквы ломило. В селе Борисове церковь была з трима верхи, знесло верхи вси, с телею займаючи зрубу, и позаношовало не знать где; так те же и звоны, аж неборзо пастухи познаходили в поли розно звоны; так те же и маковици, котрии были обити белим железом, познаходили на 4 части покололо; и иное все покрушило.

---

* *На полях киноварью* Сейм у Варшав(е).
** *На полях киноварью* О монастыре Полонском.
*** *На полях киноварью* О монастыре Тригорском.
**** *На полях киноварью* Буря вел(икая).
***** *На полях киноварью* Людей носило.

1615 *. Князь Корецкий, до Волох вшедши, Стефана Домшича, на тот час господаря, выгнал и близко року там будучи, и значныи потребы з ним и с турки, татари и з Волошею, маючи битвь до килку выграных, и так Волоскую землю опановал. Того же року саранча великая была, иже поела гречки и проса.

1616. Суша была великая, и татаре были **. Того же року, месяца август, тот же князь Корецкий у Волошех през Радула и Турков шкодливе поражон. Также ледве в килко коней з Волох збегь, але заскочон и пойман и отдать до Турка в неволю, и всажено его на вежу высоко на мори, и был там за вартою, иже трудно было выйти. Доведалися иноки Святые горы, иже христианский князь православия греческаго, приежчали к нему часто и старание мели, яко бы его выкрасти. И еднего часу приехали и вина привезли с собою и упоивши сторожу, дали ему стрички з рукавичками и спустився ними. И повезли его оболкши в черныи ризы и клобук зложили на него до манастыря Святыя Горы, и килка недель ховали в склепу под церковию. И повеле его Турок шукати, и не знашли. Потом Корецкий просил иноков, абы его отпровадили до Руской земли, обецуючи им нагороду не тылко от злота и сребра и грошей, але и маетность мел дати. И отпровадили его черньцем до граници и зняли з него чернецство и пустили его в мирских шатах, а сами вернулися. А он идучи и пришед до Рима, и был в папежа, и присяг на новый календарь, и остал католиком, и приехал до дому. Потом приехали чернцы от Святой Горы
л. 129 об. примо//минаючися обетницы. Аж солгав не тылко человеком, але и богу в вере; и рек: «не от вас я то маю, але, будучи в неволе, обрекався быти католиком, аже бы мене высвободил бог з неволи». И так бедныи чернци с плачем отъехали. А Турок зразумел, иже чернци приежчали до него килка крот, и рек: «певне они украли». И казал постинати килка десять чернцов невинных и не того манастыря. А Корецкий хотель знову, католиком будучи, рицерство оказати, яко первии православным был, много зветязства одержав над Турком, аж омылило его, помета божая над ним пала. Тылко пошол первый раз над Турка, зараз поиман и без вести згинуль. Родившии его килка крот посылали в землю Турецкую, доведоваючися, где есть, чи страчен, чи у везеню, и не могли доведатися: едны мовили у везеню, а иныи замордовано; и так згинул. Того же року, августа, над западом затмився месяц на две годины. Того же року Адам Костантин, князь Острозкий, под Каменцем на Смотричи обозом стоял.

1617 ***. Месяца августа 6, второй годины в ночь, месяць был в затменю таким знаком: багрево мало не в весь.

---

* *На полях киноварью* О князе Корецком.
** *На полях киноварью* О Корецком.
*** *На полях киноварью* О затменю месяца.

Того * ж року пред стретением господним Кгалкга мурза з татары поважне в землю нашу вшедши мимо Любартов и Полоный, под Шулжинцами кошем стояли, Шулжинци спалили, аж сягнули за Оструг, миль 12, коло Ляховец и Янполя, и Жаславля, и Полоного, брали и попалили, и индеи много, и з великою здобычу до земли своей вернулися.

1618 **. Князь Константин Александровичь в Люблине умер Того же року татаре были о святом Евстафии и великии шкоды починили около Остроноля, а потым еднались з остроноляны, з мурзою Араком, который был на едно око слеп, пили и ели з остроноляны. Того же року в Бересте гусеница была, цвет и лист обьила.

1619. Князь Януш Острозкий Александровичь умер. И лих месце пановала сестра их, дочка Александрова, которая пошла за Ходкивича и была гонителка на православных, церковь у Острозе святаго Ануфрея повеле розметати, и у во Острожку и в Турове так же.

1619. Месяца мая дня 5 был снегь // в самый цвет, и не мог- л.130
ла животина ходити на поле для снегу и морозу, а сено было дорого. Того же року сентября 11 буря была барзо великая, иже все дерево по садах поломила и вежу замковую в Бересте з годинником у воду вкинула и двурь Сопежин стерла. Того же року лисовци, идучи до обозу, великии шкоды починили и под Острополем стояли ***. В том же року зима была лихая, бо по Рожестве Христове пустила была зима, на завтрее богоявления вода была великая, гребре порвало, млыны позносило, и вси мясницы тыи тепло было, юже нихто не сподевався, жебы зима мела быти. Аж на масници приморозки, а запустивши на великий пост снегь выпал так великий, же нихто не могь с хором, сиречь з дому, выйти, не прокидавши лопатою, окна и двери завияло, и мороз лютый был; хто по дрова поехал, то змерзь. И так было у весь пост, а на воскресение Христово болото великое было аж по колена ****. Того же року звезда с хвостом указовалася на небе през всю зиму. Того же року у Острозе на замковой церкви видели аггела стоячого з голым мечем.

1620 *****. Янушь Краковский, князь Острозкий, умерь. На его место панованя Острозкого внук его по доце Домнинк, з дому Жаславского. Того же року ноеврия дня 1 трясение земли было.

1621. Козаки запорозкии вышли были вси з Запорожа, аж было пусто ******, бо кролевичь мель поле ставити с цесарем Турецким, и стояли обозом под Хотеным *******. Там же у в

---

* *На полях киноварью* О татарех зимних.
** *На полях киноварью* Князь Острозский умер.
*** *На полях киноварью* Зима лихая.
**** *На полях киноварью* Звезда.
***** *На полях киноварью* Краковский умер.
****** *На полях киноварью* Война с Турком.
******* *На полях* умер.

обозе гетман Ходкевич умер, котрый взял был княжну Острозкую, а она вдовою пановала и напускала у Острог езуитов, иже през них много злого сотвори православным, що низшеи окажется. Того же року дорожина была, жито по 12 злот, ячмень по 8, а овес по 6. И того ради и у крамах все поднялося дорого *. Того же року патриарха Иерусалимский Феофан был в Киеве и много благочестия внес в нашу землю, отступников, котрыи во унеи были, откидал и проклятсву их отдал, а отца Иова Борецкаго на митрополитсво посвятил **.

1622. Месяца априля, у Витепску будучи, уният владыка Иасафат вси церкви под унеею, тылко едина не под унеею. И он взявши того священика православнаго в ланцюх на воскресение Христово ***. Мешчане ужалившися священника, наишли
л.130 на двор владычий, // добываючи его. А оны запершися в дворе
об. моцно и боронилися, з двору стреляли и застрелили владычии слуги едного мещанина, котрый мел двох сынов вдатных, тыи з жалю великого по своем отци, моцно до двору добывалися, а, добывшися, прибегши еден и ударив владыку бартою, и убили его насмерть и в воду вкинули. И за тое мещан стратили 17 старших.

1624 ****. Мор был в Мирополи и в Барановци, и попалили ведми в Мирополю для перестятю мору, ано еще горше мерло, и в Барановци знашли ведмь килка и боялися палити, абы не гории было *****. Гетман коронныи с козаками ся воевал за росказаньем кроля ******. Того же року Ярославль гориль в ярмарок, выгорило все место и ярмарок с крамами при шкоде великой люде остали *******. Того же року мор великий был в Бересте и в Слуцку.

1625. Елисей Плетенецкий, архимандрит Печерский, умер. По нем настал архимандритом Захария Копистенский, тылко рокь был.

1628 ********. Настал архимандритом в Печерском монастыре Петр Могила, воеводичь Молдавский, той был поборца восточной церкви.

1629 *********. Мелетий Смотрицкий, архиепископ Полоцкий, будучи православный для архимандритства Дерманского манастыря, отступив восточныя церкви и стався хулником на церковь восточную святую. Потом тую свою ересь и писмо проклинав и палил и топтав у манастыре Печерском при службе божей и при соборе. Потом паки солгав духу святому, и бысть

---

* *На полях киноварью* Патриарха в Киеве был.
** *На полях киноварью* Митрополит в Киеве был.
*** *На полях киноварью* Митрополит в Киеве, а прав владыку убито.
**** *На полях киноварью* Мор.
***** *На полях киноварью* Война с козоками.
****** *На полях киноварью* Огнь.
******* *На полях киноварью* Мор.
******** *На полях киноварью* Могила.
********* *На полях киноварью* Усмотрицкий.

хулник на святую церковь и на патриархи, а хвалца папежскии, кламца на святых божиих. И умре в таком зломудрии своем.

1630 *. Поляци посполитое рушеное хотели козаков знести и стали обозом под Переясловлем и килка крот потребы мели, и поражены поляци от казаков, и мало що ся остало войска ляцскаго, и мусили еднати козаков, и Примерье взяли. Лепеи здобылися козаки дома, неже на море ходячи, не един шляхтичь не пришол до дому, а черни без личбы жолнирства немцов, все там полегло.

1631 **. Иов Борецкий, митрополит Киевский, умре и погребен в церкви святаго Михаила Золотоверхого.

1633 *.** Кроль полский Жикгимонт III умерь. По нем выбрано на кролевство сына его Владислава. При обиранью кроля Влади//слава Полскаго дарова бог христианом пастырей православных, митрополита Киевскаго Петра Могилу и Афанасия Пузину, епископа Луцкаго. И унея зноситися казано през убес Сенат коронный. И привернено церковь столичную митрополию святей Софии в Киеве и иных немало к православию ****, Петр Могила, митрополит Киевский, архимандрит Печерский, кгды приехал с Полски, стрители его весь чин священический и иноческий и мирстии люди много зело со пением и зо орациеми, веншуючи в том чину святительском, и впровадивши в церковь святей Софии, посвятили ей молебен и люторгию божественную отправовали, весь день на набожестве стравили. И от того часу церковь обновилася набоженством, що от килка десять лет пустовала, отшарпалася, обвалилася была, около всюды двери завалися были, аж увойти нелга у церковь было, также и окна и пределы. Яко иже праци, яко еж кошту и накладу Петр Могила митрополит на тое наложил незличонно, не зрахо, поки обновилася знову церковь святей Софеи, на славу и заступление правоверным, на посрамление нечестивым и отступником православныя веры на безконечное мучение их. О преждереченной княжне, которая у Острозе пановала, розмаитыми способами примушовала до унеи ласкою, и под утраченьем ласки, и не могла до того привести, и поотбирала маетности церковныи и кгрунты, и ни при чом церкви поостававалися и тривали, так священники килка лет на малым преставали, яко писмо сведчит, пища и одежда, с ими доволни будете, абы при православии. А княжна, маюци гнев на православных и ненависть, видить же не повелося ей, в том же кривды починила церквам и священником, бо она розумела, иже бы оны для недостатку мусят приступити до унеи. А священники одостаток мало дбали, абы при православии. Промышляла она много лет, що злое православ-

л.131

---

* *На полях киноварью* Война з казоками.
** *На полях киноварью* Митрополит умре.
*** *На полях киноварью* Кроль умре.
**** *На полях киноварью* Обновление храма святей Софеи.

ным выстроити. Потом, **року 1626,** юже знала, що умыслила воздвигнути гонение на церковь. Тылко ей о тое и шло же тело ей отца княз Александра в церкви замковой наперед тое учинила же, выкрала с церкви тело оцевское. **В** пяток страстный в ночи з пятка на суботу пришла з езуитами до церкви. Привели священника, хотя не хотел, же бы церковь одомкнул. Священ-
л.131 ник // хотел дати знати людем и збоявся, бо было бы забийства
об. немало, що напотом и за зле на него люде мели, же им знати не дал. **А** кгды увошли у церковь, а на гроб божий убраный коштов не накилка 1000, що и сами езуиты дивовалися, стоял на склепе, где княже лежат. Гроб той рострясли, отсоваючи, и добылися до склепу и знашли у трумы тылк кости, бо юже лет 34, яко умер, а трума ценовая, и помысли до кляштора. Еден езуита сель за трумою прикрився, а другий пытает, а той отповедае от тых костей. **И** мовит: «Александре, по цо ж ту пришед». Той отповеда: «Збавеня шукам». «**А** чем же давней не шукал». «Бо не зналем, цо вера лепша римска». **А** княжна кости перемыла, золками пахнучими переклала. **Езуиты** крестили во свою веру кости и водою покропили, и имя переминили Станиславом, **и** попровадили до Ярославля, и там поховала подле матки своей. **Теперь** свой час прибрала, що давно мыслила. **На * Воскресение Христово *,** кгды хрестиане триумфуют, утешаются, выхваляют господа, воскресшаго из мертвых, **и** шли священници вси со кресты от замковой церкви до храму Воскресения Христова на новое место, и людей множество великое было, кгды ишли през заммокь, и през место, тылко почали сходити з места на мост к шпиталю, **а** она, незбожная, каретою шестьма конми наехала на тот кгмин, людей на мосту прудко женучи, бичем затинаючи по людех, конми потрутили людей, а иныи з мосту попадали в реку. **Священници,** видячи же зле, едны ризы з себе, где хто влуча, а иныи з ризами у шпиталь под лавы, под печь. **Мещане** не терпячи збытков, и ву повозницах и паню осталося мало не убили на смерть. И дано знати гайдуком и иным слугам. И было раненых немало з обох сторон ******. **Потом** мещан старших вси турмо повны были до справы. **И** такии ста им были во скорбех неутешных. **Потом** был тому суд, **и** мучено, иныи не вытривали, померли в муках, и покидано за местом на снедение псом, неволно и проводу отправляти, тылко так загребли в песокь без трум, а иных на пол позбивано. **И** церкви позапечатовала, но не вси, тылко три, замковая Богоявление на новом месте, две Воскресение Христово, святаго Анофрия, бо не увесь ей Острог, тылко
л.132 половина, а половина // князя Домника, внука Краковскаго. **И** так в тых церквах все лето набоженство не правилося, в зам-

---

– *Слова* На... Христово *написаны киноварью; на полях киноварью же* Збытка над христианы.

** *На полях киноварью* Вместо веселя плачь.

ковой церкви и гробь божий стоял все лето. Того же року у Звязгле * деялося диво леда якое той же княжне, що и у Острозе. Приехал мних до Вязгля из Сокая до ней, глаголя: «естесь очарована и замок твой, и дяволы за тобою явно ходят». А она рекла: «а яко же то, отче». А мних урезавши шмаш подушки и знашов там жабии лапки, и рек ей: «Отож маешь чары, поидемо ж до костеля, обачите же там диаволы». Кгды же были в костеле и заиграно в пищали, панны служебници ей вси, поднявши подолки по поес и пошли в танец в коски в костеле, аж вси полякалися, видячи тое **. Того же року у Острозе видели на церкви замковой на каждой бане по три свещи горящии, было того на три годины, и многии видели, жиды, татаре и ляхи, а в нощи, и приписали тое ляхи чарам руским. Того же року ув Острозе ув усен унея наступила. Князь Доминик вси церкви отдал под унею, поча полскому епископу Луцкому. Тылко три священника не приняли унеи, отець Иоанн Беражанский замковой церкви, отець Марко Воскресный, отець Кирил Онофрийский, и уступили з места нищим, а иныи вси. Мещане мели надею на отца Стефана Пречискаго, хотели при нем опертися, яко при муре, же человек был побожного жития, безженыи и наученый по-латине, по-гречески. А он наперед всех приял унею. Зараз кадук его напал, а вже старенский был, ано унеяте з римляны признавают уже святаго духа и от сына сходити. В старых деях написано: сенот 2 был в Цариграде року по Христе 408 о похоженю святаго духа на Македония. И зъехавшися святыи отци, толко от отца признали в вызнаню веры, а от сына не смели над власныи, а ясныи текст завету новаго придавати, якь теперешняя манихейская треклятая ересь дерзнула придати: «и от сына». Лое *** теды кгрунтовное застановенье и у римлян тщеславных ныне лет 600 неотменно трвало, аж да папежа Леона Третего, который боронил барзо, абы духа святаго не придавали «и от сына», о чом есть у Цезар Баранеишу дастаточно доложоно на листе осмь сот 59. А по семом соборе // в сто лет над уфалу и поста- л.132 об.
новенье всех святых седми вселенских соборов, Формос папежь в Риме с помочники своими смел ересь погибели ново вынести, мимо положоную анафему от святых отец, кто бы важился над их затверженя з ынтрокцыею иною выникати, а от сына исхожение приложити, поведаючи же сам сын божий и вси святыи вселенскии собори не досконали, рекли о духу святом, которыи тылко от отца походить, потреба приложити и от сына, и учинили сына отцем святому духу. Лео Великий в Риме папежь казал вырити на таблици сребреной вызнаня веры и за олтарем поставити казал, акы у вызнаню веры спе-

---

* *На полях киноварью* Диво леда якое.
** *На полях киноварью* Чюдо на церкви.
*** [*Так в рукописи*].

вано же дух святыи тылко от отца походит, а от сына под анафемою. Право постановенье таковое в Риме папежове учинили и межи каноны есть получено, же хотя бы мели вси овечки христовы ораз згинути, жаден не мает оному пастиреве, то есть папежеве, который, если бы не дбаючи о своем и о своих овечках збавеню, з собою до пекла громадою вель души людскии на вечное затраченье и не может мовити, що чинишь. О проклятое право и уфало. А окрутно злосливое серце, в котором ся тое право зачавши зъявило на згибель полнячих его...

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ЛЕТОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ XVI В.

I

ПОВЕСТЬ О ПОИМАНИИ КНЯЗЯ АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА СТАРИЦКОГО

В XVI в. внимание современников нередко привлекали феодальные распри, происходившие между членами правящего дома Калиты. Почти все летописцы рассказывают о «поимании» князя Андрея Васильевича в конце XV в. и о трагической кончине Дмитрия-внука. В первой половине XVI в. такое же внимание летописцев привлекала к себе гибель братьев Василия III — Юрия Ивановича Дмитровского (в 1533 г.) и Андрея Ивановича Старицкого.

Официальная версия о причинах «поимания» князя Андрея Старицкого изложена в Воскресенской летописи[1]. Виновными в бегстве Андрея объявляются «лихие» люди, наговаривавшие князю о тайных планах, которые замышлялись против него боярами и великой княгиней Еленой. Но эта официальная версия плохо уживалась с действительным характером событий 1537 г. В неизданной Вологодско-Пермской летописи[2] прямо говорится, что великая княгиня Елена, «здумав» с боярами, вызвала князя Андрея в Москву, чтобы здесь захватить его в свои руки. Такую же версию дает печатаемая ниже повесть. Характерен уже самый заголовок повести: «О князе Ондреи Ивановичи, егда бысть гоним гневом божиим, грех ради наших». Такой заголовок мог сделать только сторонник претензий князя Андрея. По словам автора повести, князь Андрей «пошол из своей отчины из Старици, истерпевшись от своих великих обид». Автор повести подробно следит за князем Андреем во время его пути от Старицы к Новгороду и от Новгоро-

[1] ПСРЛ. СПб., 1859, т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку, с. 292—295. В Софийской II и в Львовской летописях даются иные известия о том же событии, но также основанные на официальных данных.

[2] ОР ГИМ, Синод. собр., № 485; [ПСРЛ. М., 1959, т. XXVI].

да к Москве. В то же время повесть ярко рисует всю безнадежность сопротивления князя Андрея московскому правительству. Когда князь Андрей узнал об измене некоторых своих боярских детей, он «повеле то закрыти, понеже не всех тех переветати, бе бо их умножишася изменников тех».

Интересно самое происхождение повести. Она помещена в конце большого летописного сборника, принадлежащего Государственному Историческому музею в Москве ([ОР], Синод. собр., № 645). Большую часть этого сборника занимает список так называемой Уваровской летописи [3]. Рукопись принадлежала в XVIII в. Троице-Сергиеву монастырю. Текст летописи оканчивается, как и в Уваровском списке, 1518 г., после чего помещены следующие заметки: «В лето 7052 (1544.— *М. Т.*) апреля в 24 день. На память святаго мученика Савы Стратилата преставися княгиня Олександра Вяземская в черницах и в скиме и положена бысть у Олексея человека божиа, в Девиче монастыре на Москве, а роду она Оболенских князей. В лето 7041-го декабря в 4 день на память святыя великомученици Варвары. Преставися благоверный христолюбивый великый князь великий Василей Иванович всея Руси, во иноцех схимник Варлам. Того же месяца в 11. На память преподобнаго отца нашего Данила столпника великая княгиня Елена и сын ее князь великый Иван Васильевич всея Руси поимаша дядю своего князя Юрья Ивановича Дмитровского и посадиша его на Москве в полате».

После этих заметок на листах 423 об.— 427 помещена повесть.

Наше внимание обращает имя княгини Вяземской, которая происходила из рода Оболенских князей. Князь Юрий Андреевич Оболенский был дворецким Андрея Старицкого. Автор повести восхваляет мужественное поведение князя Юрия Оболенского и его преданность своему удельному князю. Можно предполагать, что повесть была написана каким-то лицом, близким к Оболенским. Повесть осталась незаконченной и обрывается на полуслове, но судьба Старицкого князя известна и без того. Любопытнее следующее известие: «и посадиша его (Андрея Старицкого.— *М. Т.*) в заточение на смерть и умориша его под шляпою железною, а княгиню с сыном Владимиром посадили во двор за стражи» [4].

Нельзя сказать, чтобы издаваемая повесть была совершенно неизвестна в литературе. Выдержки из нее приводятся у С. М. Соловьева и Н. М. Карамзина, но повесть заслуживает быть изданной целиком [5].

л.423 об. **О князе Ондреи Ивановичи**, егда бысть гоним гневом божиим, грех ради наших. Понеже наиде на него страх, что князь великий Иван Васильевич всея Руси и мать его великая княиня Елена изымаша брата его князя Юрья Ивановича

[3] См.: ПСРЛ. [СПб., 1910], т. XXIII, [с. 163—188].

[4] ОР ГИМ, собр. Забелина, № 261 (Новгородский хронограф, л. 420).

[5] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. 2-е изд. СПб., 1896, кн. II, т. VI, с. 11; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. 5-е изд. СПб., 1842, т. VIII, кн. II, примеч. 16.

Дмитровского, и оттоле начат князь Ондрей Иванович страх в
[1537] сердци держать. В лето 7045-го князь великий Иван Василь-
л.424 евич всея Руси и мать его великая княиня Елена // нача помышляти, как бы им князя Ондрея Ивановичя зымать, яко ж и брата его князя Юрья Ивановича и как бы от князя Ондрея людей его от нево отвести. И послаша ко князю Ондрею в Старицю князя Бориса Щепина Оболенского и повеле ему от собя послать на Коломну воеводу своего князя Юрья Ондреевича Оболенского Большого, а с ним детей боярских многих. А князю Борису повеле то видети, чтобы пред ним князь Ондрей Иванович послал на Коломну воеводу своего и колько с ним пошлет детей боярских. Князь же Ондрей Иванович по веленью великого князя послаша на Коломну воеводу своего князя Юрья Оболенского Большого, а с ним дворян своих многых и детей боярьских городовых, старичен и олексинцов и вереич и выше городцов. И того же месяца в 12 князь Ондрей Иванович послаша боярина своего князя Федора Дмитреевича Проньского к великому князю к Ивану и к матери его к великой княине Елене бити челом о своих великих обидах. И бысть же князю
л.424 Федору в селе // в Павловском вь Яковлеве Поплевина на реки
об. на Истре за 30 поприщ от Москвы, и встретиша его нехто от великого князя дворян Иван Меньшой Федоров сын Карпова, а с ним дети боярские, и яша князя Федора и ведоша его к Москве и возвестиша о нем великому князю. И князь же великий повеле князя Федора посадити внутре городе на княжо на Ондрееве же дворе на Ивановича. Того же лета майя в 2, на принесение мощем святых праведных мучеников страстотерпцех боголюбивых князей руских Бориса и Глеба князь Ондрей Иванович пошол из своей отчины из Старици истерпевшись от своих великих обид, и бысть ему первой стан в Новоторжском уезди в Бернове в Васильеве селе Малого.

О изменниках княжо Ондреевых Ивановича. Нехто ото княжо Ондреевых Ивановича дворян князь Василей княж Федоров сын Голубов случися ему на том стану сторожа: а с ним дети боярьские стрегли и утоясь они от детей боярских с того
л.425 стану побегоша // ото князя от Ондрея к Москве, а наперед собя он ещо из города из Старици послал к Москве слугу своего Ерему к великого князя дьяку к Федору к Мишурину с тою вестью, что князь Ондрей Иванович пошол из Старици. И бысть князю Ондрею третей стан, проехав Волочок Вышний на реке на Цне, и оттоле от него побегоша дети боярские два Валуевых, Василей да Ондрей Мешковы братья Валуева, да Проня Бекетов сын Дедевшина, да Вешняк Дурной Ефимов сын Харламова, и те убегоша, а Ондрея Валуева княжо Ондреева Ивановича стражи ухватиша и приведоша его ко князю. Князь же Ондрей велеша его у стражей взяти ближнему своему дворянину Каше Васильеву сыну Агаркову, и повеле его блюсти крепко. Каше же Огарков повеле людем своим Ондрею Валуеву

связати руце и нозе и вергоша его в озерко в одной срачици, а главу ему выскитиша на брег озерка того, дабы он не за- л.425
лился, и пыташа у него, многих ими в думе был // измените об.
князю. Он же сказаша на многих. Каше же речи Ондреевы сказаша княжо Ондрееву Ивановича дворецкому князю Юрью Ондреевичу Оболенскому. Князь же Юрьи взяша с собою Кашу Огаркова и сказаша князю Ондрею Ивановичу все поряду, что Каша сказывал Ондреевы речи. Князь же Ондрей то слышав у своего дворецкого у князя Юрья з * Каши своих детей боярских измену, и повеле то закрыти, понеже не всех тех переветати, бе бо их умножишася изменников тех, грех ради государевых, которых князь Ондрей Иванович чаял собе испринними * слугами, те все с ним ездиша во отступленья ума своего, богатства ради, понеже бо у них остались жоны и животы их сильные и не разсудиша того, где то хто взял и у кого выслужили, и забыша бога и правды, и все с ним ездишь весеце вел ** и упився безумьем своим яко пьяни. В то время слышав на Коломне княжь Ондреев Ивановича воевода князь Юрьи Оболенской, что князь // его пошол из своее отчины, и начат л.426
молитися со слезами пред образом Спасовым и пречистые его матере царици небесные, дабы спас человеколюбец и пречистая богородица сподобили его доехати своего государя князя Ондрея Ивановича. И взем бога на помочь и утоясь у воевод великого князя и детей у боярских, поехаша с Коломны своего князя доежжати и Волгу лез под Дегуниным и перевезшись повелеша суды перево(з)ные просечь. И наехаша князя своего на Ноугородцкой дороге, на речке на Березае, мало не доехав Едрог-яму. Видев же князь Ондрей Иванович приезд воеводы своего князя Юрья Ондреевича Оболенского и рад бысть ему вельми и обещася его жаловать и одариша его дарми многими и учиниша ему честь велию пред всеми. И бысть же князю Ондрею Ивановичу в Тухолех, приидоша на него с Москвы великого князя воеводы князь Иван Федорович Телепнев Оболенского Овчина да князи Роман Иванович Одоевской да князь Дмитрей Иванович Оболен(ский) Шкурлетев, да князь Василей Федорович // Оболенский Лопатин, да окольничей Дмитрей Данильевич Слепой, и прочии воеводы. Бысть же перед московскими воеводами Чертову Василей Прокофьев сын Розладина Квашник и начаша наступати на княжо Ондреевых на Ивановича сторожов на задних, а в сторожех был от князя от Ондрея на заде Иван Борисович Колычов. Князь же Ондрей Иванович сташа и ополчишася и восхотеша с воеводами с великого князя битися. И великого князя воеводы князь Иван Федорович Овчина и прочии воеводы начаша посылати ко князю Ондрею, чтобы против великого князя не стаял и крови л.426 об.

---

* *Так в рукописи.*
** *Чтение явно испорчено.*

кристианские не пролил, а государь тебя князь великий Иван Васильевич и мать его великая княиня Елена пожалуют, отпустят тебя на твою отчину невредимо и твоих бояр, детей боярских. И того дни не успеша дела в слове положити, понеже бо приспе вечер. И с того стану ото князя от Ондрея побежали князь Констянтин княж Федоров сын Проньского, да
л.427 шут его // Гаврила Воеводич, да ключник погребной Волк Ушаков. И на завтрея воеводы великого князя даша правду князю Ондрею Ивановичу и крест целовали на том, что великому князю Ивану Васильевичу и матери его великой княине Елене князя Ондрея Ивановича отпустить на его вотчину и сь его бояры и з детьми з боярскими со всем невредимо. И оттоле князь Ондрей Иванович возвратися к Москве. И бывшу же князю Ондрею Ивановичю близ Москвы у Николы святого на Хынске и нехто ото княж Ондреевых Ивановича столпников * князь Иван Шах Чернятинской, видев государя своего князя Ондрея Ивановича незгоду, нача советовати з столпники * с княж с Ондреевыми, дабы ему сложити с собя князю Ондрею Ивановичу крестное цолованье, убоявся поиманья от великого князя и не добыша себе поборника никого же. Бысть же у посаду у Москвы против Хлыново и нача складывати с собя крестное целованье Ивану Ивановичу Колычову Умному, чтобы князю сказал. Иван же Умной в том ему слове отречеся... **

II
КРАТКИЕ ЛЕТОПИСНЫЕ ЗАПИСКИ ЭПОХИ ОПРИЧНИНЫ

Вторая половина XVI в. не отличается обилием летописных известий. Большая часть летописных сводов доведена до половины XVI в. или обрывается еще ранее. Главным источником для истории 50—60-х годов XVI в. является Никоновская летопись и ее продолжение. Ряд интересных сведений, но главным образом местного характера, находим в псковских летописях. К числу местных летописей относится также печатаемый краткий летописец, который находится в летописном сборнике Государственного Исторического музея ([ОР], Синод. собр., № 939). В состав летописного сборника, написанного разными почерками XVI в., входит краткий летописец, представляющий собой выдержки из какого-то свода, близкого к Воскресенской летописи. Летописец кончается 1532 г., после чего другим почерком XVI в. приписано еще несколько известий 1533 г. Последние известия говорят о построении церкви в селе Коломенском («князь великий Василей постави церковь камену Взнесение господа нашего Исуса Христа вверх на деревяное дело в своем селе в Коломенском») и рождении Юрия Васильеви-

---

* *Так в рукописи.*
** *Текст кончается точкой на полстроке.*

ча и др. После этого другим почерком конца XVI в. написаны краткие летописные известия с 1533 по 1574 г.

Наиболее интересны записи за 1566—1576 гг. Этот период особенно слабо отражен в наших летописях, несмотря на его глубокий исторический интерес. Отдельные заметки нашего памятника несомненно помогут осветить темные и загадочные моменты в эпохе опричнины. Так, по случаю кончины Марфы Собакиной в 1570 г. летописец замечает, что «того же году и мор был силен по всей Русской земле». Любопытны сведения летописца о князе Владимире Андреевиче Старицком. Рассказав об его «нужной», т. е. насильственной, смерти вместе с матерью, женой и дочерью, летописец говорит, что в живых были оставлены только сын Владимира (Василий) и его меньшая дочь, отданная за королевича (Магнуса). Василий позже получил даже «вотчину» своего отца, город Дмитров, и умер в 1574 г. Это известие рисует нам Ивана Грозного в ином свете, чем показания иностранцев, рассказывающих о поголовном уничтожении детей Владимира Старицкого. В лице Василия Владимировича мы имеем, таким образом, последнего удельного князя, если не считать царевича Дмитрия Углицкого.

Наше внимание останавливает и другой любопытный факт — отсутствие в летописце известий о разорении Новгорода Грозным, хотя под 1570 г. упоминается о свержении с новгородского архиепископского стола Пимена и о поставлении Леонида с характерной припиской: «тогда же многих бояр и приказных людей казнили».

Летописный сборник, где помещены краткие заметки, в XVII в. принадлежал Кириллово-Белозерскому монастырю. В заметках на полях рукописи, пополняющих текст, также говорится о Кириллове монастыре. Но в тексте летописи есть указания на Вологду. По-видимому, летописец первоначально был написан в Вологде, а позже, не позднее конца XVI в., с него была снята копия в Кирилловом монастыре. На известия летописца обратил внимание еще П. М. Строев, отметив его как любопытный «для времени ц. Иоанна IV» [6], но это указание не было использовано позднейшими историками. В рукописи краткие летописные заметки помещены на л. 102—106.

При дальнейших поисках несомненно будут найдены и еще некоторые записи эпохи опричнины. Так как это время освещено в литературе очень слабо, то небесполезно указать на несколько известий записанных в различные хронографы и неизвестных или мало известных в исторической литературе. Таков, например, летописец XVII в., принадлежавший в 1770 г. С. П. Кострову. В нем читаем следующие известия времени Грозного [7].

---

[6] *Строев П. М.* Библиологический словарь и черновые нему материалы. СПб., 1882, с. 363.

[7] ОР ГБЛ, собр. Ундольского, № 1110, л. 219 об.– 220 об., 229.

1566 «В лето **7074-го году.** Великий государь царь и великий
л219 об. князь Иван Васильевич Московский и всеа России самодер-
л.220 жец учинил у себя на * // Москве опришлину, перешел из Кремля города из двора своего, перевезся жити за Неглинну реку на Воздвиженскую улицу, на Арбат, на двор князь Михайловской Темрюковича, и изволил государь на том дворе хоромы себе строити царьские и ограду учинити, все новое ставити. Такожде повеле и в слободе ставити город и двор свой царьский, а князем своим и боляром и дворяном велел в слободе дворы ставити и избы розрядные и почал государь в слободе жити князь великий Иван Васильевич со всеми боляры своими, а к Москве стал приезжати з боляры своими на время как ему годно...

1569 Лета **7077 году.** Царь и великий князь Иван Васильевич
всеа Русии самодержец, сильный и храбрый, громил в осень
л.220 об. славный и великий Новград. // Того ж году недород был великой хлебного плоду: рожь обратилась травою мялицею, и бысть глад велий по всей вселенней.

1570 **О совершенном раззорении Великого Новаграда. В** лето **7078 году** государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии собра все свое воинство и поиде на Великий Новград, и тамо многое множество людей новгородских побиша и богатества много взяша. Такожде поиде и ко Пскову граду и Псков много воевав и богатество безчисленное множество взяли московское воинство. И громил их за то царь Иван Васильевич за их измену великую, что новгородцы хотели здати Великий Новград и другий град Псков с пригородки своими и хотели
л.229 обоими городами поклониться королю литовскому отдати... //
[1581] Того же (7089.— *М. Т.*) лета по повелению великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича московского и всеа Русии бысть на Москве казнь великая всяких чинов людем за их вину, а на площади казнили гостей изменников и торговых людей и воинских и иных по разсмотрению своему, кто чего достоин, и после того времяни бысть на Москве тишина велия в людех и безмолвие великое во всех руских городех».

Следует отметить, что эти казни совпадают с осадой Пскова Стефаном Баторием. Приводим текст кратких записей, о которых говорилось выше:

л. 102 **Лета 7042.** Преставися князь великий Василие Иванович
1533 всеа Русии, был на государьстве 26 лет, а всех лет поживе 54 лета. По нем седе на государьстве сын его князь великий Иван с материю своею великою княгинею Еленою. Тое же зимы князя Юриа Ивановича поимали.

---

* На *повторено дважды.*

Лета 7043. Воеводы государевы князь Михайло Кислогорбатой // да князь Иван Овчина воевали Литовскую землю у Мстиславля и острог взяли. Тое же весны заложен бысть на Москве другой город камен. Того же лета литовские люди пришед, а с ними изменники государевы князь Семен Бельской да Иван Ляцков Стародуб взяли. 1535 л.102 об.

Лета 7044-го. Князь Юрий Иванович в нужи преставися. Того же лета город на Болахне поставили. 1536

7045-го. Поиман бысть князь Андрей Иванович и посажен в набережной в оружельничей полате. 1537

Лета 7046-го. Князя Андреа Ивановича декабря не стало в нужи. Тое же весны априля преставися великая княгини Елена, а князь великий после матери 8 лет. 1538

Лета 7047-го. Сведен // бысть с митропольи Данил и сослан в Осифов, а на его место в митрополиты поставлен бысть Асаф Скрыпицын, игумен Троицкой. 1539 л.103

Лета 7049-го. Князя Володимира Андреевича государь пожаловал из нятства и с материю выпустил. Того же лета приходил на Оке к берегу Крымской царь, а с ним государев изменник князь Семен Бельской. И божьею помощию устрашася государева воинства возвратися вспять. 1541

Лета 7050-го. Асафа с митрополии свели и в Кирилов сослали, а на его место в митрополиты поставили Макариа, архиепископа Новгородцкаго. Того же лета поставлен бысть в Новгород архиепископ Феодосей, игумен Хутынской. 1542

7052-го. Свершена бысть на Москве церковь Воскресение Христово на площади. Того же лета убиен бысть князь // Андрей Михайловичь Шуйской. 1544 л.103 об.

Лета 7054-го. Казнил государь на Коломне князя Ивана Кубенского да Демида да Василья Михайлова Воронцовых. 1546

Лета 7055-го. Был государь зиме в Новегороде и во Пскове и на Тихвине помолитись и приехав к Москве нарекся царем государем и женился, а понял дщерь Романа Юрьевича Анастасию. Того же лета пожар был болшой на Москве. 1547

7056-го. Пошол был государь х Казани и воротился с работки * 1548

Лета 7058-го. Был государь под Казанью зимою. 1550

Лета 7059-го. Позлащен бысть верх на Москве у Пречистыа у соборныа. Тое же зимы новгородцкую архиепископию Феодо- 1551

---

* *На полях* [*внизу*] *вставлено другим почерком конца XVI в.:* Того же лета Жигимонта короля Польского не стало, и на его место посадили на королевство сына его Жигимонта Айгустуса. *Далее на полях* [*слева*] *тем же почерком*: Лета 7057 в Новегороде в Великом у Софеи за олтарем под диачими избами обретены мужей и жен 21 мощи во плоти с знамены, а на иных и ризы не истлеша, а паметухов на них нету.

сей оставил, а на его место поставлен бысть архиепископ Пи-
л.104 мин. Того же лета на Свиаге город поставили. // Того же лета на Проне Михаилов город зарубили.

1552 **Лета 7060-го.** Приходил к Туле Крымской царь, а князь великий в ту пору на Коломне был, и царь к берегу не пошел, воротися, а князь великий, с Коломны шед, Казань взял 61-го, октября 1 день.

1554 **Лета 7062-го.** Родися великому князю сын царевич Иван. Того же лета князь Юрьи Шемякин с товарищи шед Астрахань взяли.

1555 **Лета 7063-го.** Поставлен бысть первый архиепископ в Казань Гурей Полев. Того же лета Николин образ Великорецкого был на Москве. Того же лета Ивану Большому Шереметеву было со царем Крымским на поле дело.

1556 **Лета 7064-го.** Князь Петр Щенятев с товарищи Свейскую землю воевали. Того же лета князь великий в Серпохове был и людем служилым большой смотр был.

1557 **Лета 7065-го.** Родися великому // князю сын царевич Фео-
л.104 об. дор.

1558 **Лета 7066-го.** Приехал к великому князю служити князь Дмитрей Вишневецкой. Того же лета царь Шигалей да князь Михайло Глинской воевали ливонских немец. Того же лета воеводы государевы поимали ливонские городы: Юриев большой, Сыренеск, Керепеть, Ракобор, Лаюс и иные ливонские городки поимали.

1559 **Лета 7067-го.** Алексей Данилович Басманов с товарищы ливонской город Ругодив взяли. Того же лета воеводы князь Иван Федорович Мстиславской да князь Петр Шуйской с товарищи ливонской город Вильян взяли и старого магистра в нем взяли и к великому князю прислаша. Да воеводы же государевы Иван Хирон Петров с товарищы из-под Вильяна под Колыванью бы-
л.105 ли // и землю ливонскую воевали, а большие воеводы дожидали их под Пайдою.

1560 **Лета 7068-го.** Царица и великая княгини Анастасиа преставися.

1561 **7069-го.** Царь и великий князь Иван Васильевич женися вторым браком, а понял княжну Марию Мирдюкову дочь князя Черкасского.

1562 **Лета 7070-го.** Царь и великий князь ходил на Литовскую землю и отчину свою град Полтеск взял и отчича его литовского пана Довойна поимал и к Москве сослал.

1564 **Лета 7072-го.** Преставися Макарей митрополит, а на его место поставлен бысть на митрополию Афанасей, что был Андрей протопоп Благовещенской.

1565 **Лета 7073-го.** Преставися князь Юрий Васильевич, брат великого князя Иванов.

Лета 7074-го. Афанасей митрополит оставил митрополию и 1566
соиде жити к Михайлову Чюду. // На его место поставлен бысть л.105
в митрополиты Филип Колычев, что был на Соловках игумен. об.

Лета 7075-го. Царь и великий князь был на Вологде и лето- 1567
вал со царицею и с царевичи *.

Лета 7076-го. Митрополита Филипа с митрополии свели с 1568
безчестием, а в митрополиты поставлен бысть Кирил архимандрит Троицкой.

Лета 7077-го. Царь и великий князь был со царицею и с ца- 1569
ревичи в Кирилове манастыре и на Вологде.

Лета 7078-го. Царица и великая княгини Мариа престави- 1570
ся. Того же году государь женился третьим браком, понял дщерь Василья Собакина Марфу **, с полгоду жива не была и преставися. Того же году и мор был силен по всей Русской земли, а государь тогды жил в своем селе в слободе в Александровской. Того же году князя Владимира Андреевича // и с материю л.106
и со княгинею его и з дочерью нужной смерти предаша, оставиша сына его князя Василиа, да дочь меньшую и даша ея за королевича. Того же лета Пимина с архиепископии с Новогородцкие сведоша, а на его место поставиша Чюдовского архимандрита Леванида. Тогда же многих государь боар и приказных людей казнил.

Лета 7079-го. Крымской *** царь Сагип Гирей пришед 1571
к Москве, посады пожже на Вознесениев день, а на завтрее и прочь поиде, и грех ради наших в городе вся изгореша.

Ле(та) 7080-го. Тот же царь Крымской пришел с похвалою, 1572
хотя грады разоряти и христианство погубляти, и реку Оку в трех местех перелез со многим воинством и божьею невидимою помощию государя нашего // воеводы на людей его приходили л.106
во многих местех и лучшего его воеводу Дивий мурзу поимали об.
и многих людей его побили и самого царя прогнаша, а князь великий в ту время в Новегороде в Великом был. Того же году зиме государь царь и великий князь был в Немецкой земли, хотел итти х Колывани и возратися, понеже весна стала рано, а воеводы его немецкой городок Пайду тогда взяша.

Лета 7081-го. Князь великий князя Василья Володимерови- 1573
ча пожаловал, дал ему отца его **** город Дмитров.

Лета 7082-го. Князя Василья Володимеровича не стало и 1574
положен бысть на Москве со отцем во Архаггеле.

---

* *На полях тем же почерком написано* и в Кирилове с Во(ло)гды был.
** [Марфу *написано на полях со знаком вставки*].
*** *В подлиннике* крымской.
**** *На полях тем же почерком написано* отчину.

III
ЛЕТОПИСНЫЙ ОТРЫВОК О ПОСТРОЙКЕ ГОРОДОВ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

В конце XVI в. на восточных окраинах Московского государства и в Поволжье было построено много городов. Приблизительное время возникновения этих городов известно, но точная дата их построения во многих случаях устанавливается с трудом. Издаваемый отрывок летописи, несмотря на всю свою краткость, дает ряд интересных сведений, отмечая из года в год даты построения новых городов. Так, по указанию отрывка, в 1578 г. поставлен Козьмодемьянск, в 1583 г.— Кокшайск, в 1584 г. велено поставить Тобольск, в 1585 г. поставлен Шанчюгин, в 1586 г.— Самара, Уфа (город Уфинской), Тюмень, в 1588 г.— каменный город в Астрахани и Царицын на Волге, в 1590 г.— Саратов и Цивильск, в 1591 г.— Яранск, в 1595 г.— Уржум, в том же году начали строить каменный город в Казани.

Интерес автора отрывка к строительству городов, по-видимому, не был случайным. Автор был хорошо осведомлен о событиях конца XVI — начала XVII в. Интересно его отношение к Борису Годунову. Для него Годунов — «благоверный царь», который «венчася царским венцем и диадимою и помазася святым миром на Московское царство». В таком тоне можно было говорить о Годунове только во время его царствования. Летописный отрывок кончается 1602 г. Можно думать, что он был написан около этого времени. В отрывке говорится о стоимости ржи в Казани и в Нижнем Новгороде в 1601—1602 гг. Может быть, это указывает на место, где был написан отрывок, автор которого, вероятнее всего, был приказным в одном из поволжских городов.

Отрывок летописи печатается по рукописи Государственного Исторического музея ([ОР], Синод. собр., № 415), где он помещен на листах 312 об.— 314 об. Рукопись по своему составу представляет сборник, написанный скорописью XVII в. и подаренный в Троицкий монастырь в том же веке старцем Тихоном Казанцем.

л. 312 об. 1569 В лета 7077-го году царь государь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии волю свою учинил опришнину. А таго же году и на Новград Великий опалу свою положил и городу свободу устроил и нача в ней жити любезно.

1571 В лето 7079 был на Москве болшой пожар майя в 26 день на Вознесение господне. Того же лета и Крымсково приход был.

1578 В лето 7086 повеле поставити град Кузьмодемьянской на Волге.

1583 В лето 7091 г. повеле поставити на Волге град Койшайской.

В лето 7091 царь государь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии самодержец преставися, во иноцех Иона.

1584 л. 313 В лето 7092 майя в 17 день царевичь // князь великий Феодор Иванович всеа Русии венчася царским венцем и диадимою и помазася святым миром на Московское царство и на все государства Росийския земли. И при его благодатней державе нача

злоба оскудевати, а благостыня наипаче множитися, и Росийское царство наипаче разширятися. И поручи ему государю бог царство Сибирское и повеле на Тоболе град поставити в лето 7092. Того же году и в Черемисе Царев город. 1585

В 93 году поставлен Шанчюгин.

В 94 году поставил на Волге город Самару. Того же году 1586
поставил город Уфинской. Того же году поста(влен) город на Юмени в Сибери.

В лето 7096 повеле поставити в Асторохани град каменной. // 1588
Того же году поставлен град Царицын на Волге. Того же году л.313 об.
пришел из Царяграда Иеремей патриарх в царствующий град Москву, благословил и совершил в патриархи Иева митрополита Московскаго, отселе на Москве стало патриаршество, 7096.

А в 98-м году поставлен город Саратов. Того же году постав- 1590
лен город в Черемисе Цывилской.

В 99 году поставлен град в Черемисе Ераньской. 1591

А в 103-м году поставлен град Уржум. 1595

А в 103-м году почали делать град каменной в Казани. 1595

В лето 7106 генваря 7 день благоверный царь государь и ве- 1598
ликий князь Феодор Ивановичь всеа Русии оставль сей прелестный свет и отъиде в будущий покой. А царствовал государь
14 лет и всего поживе // 41 лето и седмь месяц. И царица госу- л.314
дарыни и великая княгини Ирина Федоровна всеа Русии постриженся во иноцех Александра и преставися в лето 7000. Того же лета стоял в Серпухове государь царь и великий князь Борис Федоровичь всеа Русии со множеством войска прежде приятия царскаго венца против Крымскаго царя. В лето 7107-го сентября в 3 день благоверный государь царь и великий князь Борис Федоровичь всеа Русии венчася царским венцем и диадимою и помазася святым миром на Московское царство и на все государства Росийские земли, а у него сын князь Федор да дочь Ксения.

В лето 7109 бысть лето дожди непрестанные, и рожь и ярь 1601
замокли и зазимовали на поли.

А во 110-м // году рож на цвету мороз побил, и те оба лета 1602
рож купили в Казани в полтара рубли и в 60 алтын, а на Москве л.314 об.
купили и в Нижнем в 3 рубли четь, и был глад велик и на люди урон велик. На Москве велел государь погребать мертвых, хоронили на день человек по 100, и 200, и 300, и умерло людей в 7 месяц 50 000.

ПИСКАРЕВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК О СОБЫТИЯХ XVI — НАЧАЛА XVII В.

За последнее время, пожалуй, мы не имели таких выдающихся находок среди летописных памятников, как Пискаревский летописец, находящийся в собрании Д. В. Пискарева (№ 611) [Отдела рукописей] Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве [1]. Честь открытия этого памятника принадлежит О. А. Яковлевой.

Пискаревский летописец, судя по водяным знакам, был написан примерно в 20—30-х годах XVII столетия. С внешней стороны этот летописец не выделяется из других рукописей своего времени. Может быть, именно по этой причине он и не привлекал к себе внимания исследователей. Яковлева, опубликовавшая этот летописец, относит водяные знаки рукописи «к концу первой четверти XVII века», указывая на «кувшинчик», близкий к знаку, датируемому [К. Я.] Тромониным 1626 г. (№ 1763). Однако М. В. Щепкина [2] отмечает, что в Пискаревском летописце свыше двадцати сортов бумаги, в том числе и более поздней, чем бумага первой четверти XVII в. («первой трети XVII века»). По словам Щепкиной, создается такое впечатление, «как будто человек старался подобрать рукопись из листов казенной бумаги».

Летописец издан Яковлевой не целиком, а только в его последней части, которая начинается с 1533 г., т. е. с начала царствования Ивана Грозного, и кончается записями начала XVII в. Именно на этой, изданной части Пискаревского летописца мы и остановимся в дальнейшем.

Пискаревский летописец является любопытнейшим памятником не только по содержанию, но и по языку. Перед нами редкий источник, в котором ярко чувствуется московский говор XVII в., с сильно выраженным «аканьем», в силу которого для составителя или переписчика летописца было совершенно одинаковым писать: «адна» и «одна», «авощ» и «овощь», «адва» и «едва», «мятеж» и «метеж» и т. д. Уже по своему языку Пискаревский летописец — памятник московского происхождения.

По содержанию этот летописец также произведение, целиком связанное с Москвой и московскими событиями XVI — начала XVII в. Это отмечает и Яковлева. По ее мнению, Пискаревский летописец основан «на воспоминаниях некоего москвича, написанных в период с конца 1612 г. (или с самого начала 1613 г.) по 1615 г. Эти выпис-

---

[1] Материалы по истории СССР. М., 1955, вып. II. Документы по истории XV—XVII вв., с. 5—210 (далее — Летописец).

[2] Устные замечания М. В. Щепкиной на доклад М. Н. Тихомирова, прочитанный им на совместном заседании кафедр источниковедения и истории СССР периода феодализма исторического факультета МГУ 28 февраля 1957 г.

ки рассказывают о событиях начиная с конца 30-х годов XVI в. (поездка Адашевых в Царьград) и кончая 1615 г., которым датирована казнь Ивана Заруцкого, Марины Мнишек с сыном и Федьки Андронова» [3].

Этот вывод повторяется исследователем неоднократно и в самом тексте, и в примечаниях. Отвечая на вопрос, кем был предполагаемый автор летописца, Яковлева пишет: «В царствование Грозного человек этот был ребенком или подростком, так как описал это царствование в основном по рассказам людей более старшего, чем он, возраста и лишь в небольшой степени по своим собственным воспоминаниям. Человек этот в сознательном возрасте был современником царствований царя Федора Ивановича, Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Василия Шуйского; он наблюдал события польско-шведской интервенции и начала царствования царя Михаила Федоровича.

Сведения, сообщаемые москвичом-современником, его суждения и оценки, вошедшие в качестве источника в „Пискаревский летописец", имеют большую историческую ценность» [4].

Соглашаясь с тем, что наша историческая наука получила новый и притом исключительный по своему интересу источник по русской истории второй половины XVI — начала XVII столетия, мы не можем, однако, безоговорочно согласиться с выводами Яковлевой. Ведь для того чтобы установить историческую ценность того или иного источника, необходимо прежде всего критически рассмотреть достоверность его известий, а именно это и не было сделано публикатором.

Прежде всего вызывает сомнение само определение записей Пискаревского летописца как «воспоминаний» москвича, так как невозможно приписать одному и тому же автору разнородные по стилю и политической направленности летописные записи нашего источника. Перед нами текст, явно написанный разными людьми и в разное время. Отдельные части летописца взяты из различных источников, как показывает не только их содержание, но и заметки: «прописано в сем летописце 93 и 4», т. е. в летописце не оказалось 7093—7094 (1585—1586) гг. [5], и т. д.

Конечно, можно предположить, что различные источники были обработаны одним человеком, и следы такой обработки действительно заметны. Однако невозможно представить себе, чтобы один и тот же человек (на протяжении нескольких страниц) писал в совершенно разном аспекте, допустим, о царствовании Бориса Годунова. Так, часть известий о Борисе Годунове дает высокую оценку его деятельности. Борис Годунов почтительно именуется «слугой и конюшим», а позже «государем царем». Другие же известия говорят о нем, как

[3] Летописец, вступит. статья, с. 13.

[4] Там же, с. 14.

[5] Там же, с. 98. Составитель летописца пишет: «Прописано в сей книге тетради многие», «списать было не с чево — по великой нуже книги подлинной не было». Поэтому он пропустил княжения Василия Темного и Василия III (там же, вступит. статья, с. 8).

о «сластодержателе мира сего», желавшем царского престола и организовавшем убийство царевича Дмитрия Углицкого [6]. В первых известиях виден сторонник Годуновых, вторые написаны приверженцем Шуйских. Время же, когда было написано известие об убиении царевича Дмитрия, устанавливается тем, что в нем сказано о погребении царевича в Архангельском соборе «у столпа», что произошло только в царствование Василия Шуйского.

Видимо, надо предполагать существование каких-то разнообразных источников, на основании которых был написан Пискаревский летописец. Одни из них были близки по времени к описываемым в них событиям, другие отстояли от них далеко. Всякая людская память становится ненадежным источником после истечения определенного времени, и одно лицо с одинаковой полнотой не могло описать события начала царствования Грозного и царствования Бориса Годунова, отделенные друг от друга половиной столетия.

Итак, перед нами компилятивное произведение, в котором мы можем различить отдельные составные части. Обратим вначале внимание на ту его часть, которая содержит сведения, относящиеся к царствованию Ивана Грозного.

Впрочем, оговоримся с самого начала, что сведения Пискаревского летописца о времени Ивана Грозного сочетают два противоположных элемента. Часть текста написана, несомненно, современником Грозного, передающим почти официальные реляции о взятии Казани, о пожаре в Москве и т. д. Эти известия 1533—1554 гг., как правильно отмечает Яковлева, «большей частью» соответствуют Никоновской летописи (ПСРЛ, [СПб., 1904], т. XIII, 1-я пол.), но рядом с ними (с 1547 г.) помещены известия, неблагожелательные по отношению к Ивану Грозному и «новые» по сравнению с другими летописями. Поскольку вопрос об источниках, характеризующих царствование Ивана Грозного, представляет большой интерес, необходимо критически рассмотреть эти «новые» известия Пискаревского летописца и попытаться объяснить, что они собой представляют как исторический источник.

После рассказа о московском пожаре 12 апреля 1547 г. в текст Пискаревского летописца вставлено известие о возвышении Алексея Федоровича Адашева, начинающееся словами: «Того же году», т. е. надо понимать 1547 г., когда в Москве произошел пожар. Следует, впрочем, заранее предупредить, что слова «в том же году», «тот же год» употребляются в Пискаревском летописце довольно часто, без твердого указания, действительно ли то или иное событие случилось именно в таком-то году. Это обозначение общее и крайне неясное, в силу чего иногда оказывается, что событие произошло не в том

[6] Летописец, с. 92. При цитировании летописца автор данной статьи иногда изменял пунктуацию, принятую издателем, так как при издании Пискаревского летописца допущены были различные приемы передачи текстов. Например, подавляющая часть текста дана с раскрытием титлов и тут же сохранены титлы даже для обычных слов, что расшифровывается скобками.

году, под каким оно записано в летописце. Порой Пискаревский летописец употребляет еще более неясное выражение: «невкое время», т. е. когда-то, в какое-то время, что, видимо, указывает на припоминание о событии или на запись его по устной передаче.

Именно с таким припоминанием мы и встречаемся в известии о возвышении Адашева. Пискаревский летописец рассказывает: «...Царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии послал в Царьгород гонца своево костромитина Федора Адашева и сына ево Алексея. И Федор у царя был, и царь его пожаловал великим жалованьем, и приехал к государю, и государь его пожаловал. А сын его Алексей разболелся и тамо остался у царя, а был з год и приехал к великому князю, и князь велики его пожаловал и взял его к себе в приближенье, и отца для его пожаловал боярством, а его окольничим. И много лет был в царьской милости и до опришнины. И как почал множитца грех земской и опришнина зачинатися, и князь велики его послал на службу в Юрьев Ливонской к воеводе ко князю Дмитрею Хилкову, а велел ему быти в нарядчиках». Далее говорится, что воевода Хилков не позволил Адашеву быть «нарядчиком». Грозный вспомнил о своем опальном временщике и послал убить его. «Пригнал гонец убити, а он преставился за день и лежит во гробу. И писали о нем государю. И государь его пожаловал, велел отвести на Углеч, к родителем в Покровский манастырь, где лежит отец его Федор и брат его Данило» [7]. «А как он был во времяни,— пишет далее Пискаревский летописец,— и в те поры Руская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе... Да в ту же пору был поп Селивестр и правил Рускую землю с ним заодин, и сидели вместе в ызбе у Благовещения, где ныне полое место межу полат» [8].

Текст, как видим, чрезвычайно интересный, но явно записанный спустя много лет после смерти Адашева. Старший Адашев, Федор, пожалован был боярством в 1553 г., в том же году сделался окольничим Алексей Адашев, Данило Адашев скончался в 1562/63 г. Тут же вспоминается о «полом месте межу полат», т. е. о пустом месте, где стояла изба у Благовещенского собора, в которой сидели Алексей Адашев и поп Сильвестр. Трудно сомневаться в том, что известие об Адашеве было написано спустя много лет после его смерти, во всяком случае после 1565 г., так как в нем говорится об опричнине, а может быть, и еще позже, когда образовалось пустое, «полое место у Благовещения»,— вероятно, после московского пожара 1571 г. [9], хотя и этот год, как это будет видно дальше, не является конечной датой, когда могло возникнуть известие об Адашеве.

Таким образом, перед нами, действительно, «воспоминание» москвича, записанное, однако, не по личным наблюдениям, а по рассказам. Это очень интересное припоминание, хорошо характеризую-

---

[7] Летописец, с. 56.
[8] Там же, с. 56—57.
[9] *Шмидт С. О.* Челобитенный приказ в середине XVI столетия.— Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1950, т. 7, № 5, с. 452.

щее Адашева как всесильного временщика, который «правил Русскую землю», заслонив собою царя.

Такие же записи о прошлом, основанные не на личных воспоминаниях, а на рассказах или на неизвестных нам источниках, находим и далее.

После повествования о взятии Казани в 1552 г., которое основано на каком-то летописном источнике, близком к Никоновской летописи, в Пискаревском летописце под 1560 г. сообщается о смерти царицы Анастасии и женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне: «...женися царь Иван вторым браком: понял черкаску, Темрюкову дочерь князя черкаскаго» [10]

Вслед за этим следует такое известие: «В сем летописце прописано в летех 54: поход на Коломну великого князя Ивана по крымским вестем. Прииде князь велики на Коломну и прииде весть, што царь крымской воротился от украины и князь велики стоял на Коломне в Голутвине манастыре. А полки по обе стороны реки. И тут была у него потеха: пашню пахал вешнюю, и з бояры, и сеял гречиху, и иныя потехи: на ходулех ходил и в саван наряжался. И тут, грехом християнским, туто же учинилася казнь, а казнил дву Воронцовых Федора да Василия, да князя Ивана Кубенского по наносу злых людей» [11].

Обращает на себя внимание то, что эти сведения взяты были в Пискаревский летописец из какого-то иного источника, а не из той летописи, откуда был взят рассказ о взятии Казани. В том летописце, близком, как мы знаем, к Никоновской летописи, было «прописано», т. е. пропущены сведения о потехах и казнях в Коломне. Что же послужило источником для рассказа о потехах и казнях в 1546 г.? Что, собственно, перед нами, письменная ли запись или предание? Чтобы ответить на эти вопросы, сравним сведения Пискаревского летописца с известием современника в Постниковском летописце. В нем коломенские расправы Грозного точно датированы 21 июля 1545 г. с упоминанием, что опальные люди были казнены перед шатрами [12]. Перед нами еще одна запись, основанная на устных рассказах и пропущенная в летописцах. Поэтому Яковлева совершенно напрасно ставит на полях вместо 1546 г. «1545—46», тем самым подправляя ошибку Пискаревского летописца, который имел в виду именно 1546 г. («в сем летописце прописано в летех 54»). Автор записи, видимо, помнил время лишь приблизительно, вследствие чего и ошибся на один год.

Уже в известии об Адашевых заметен особый интерес Пискаревского летописца к опричнине, которая названа в нем «грехом земским». Этому событию в летописце отведено особое место. Рассказав о «видении князя Юрья Васильевича, брата великаго князя, да Ма-

---

[10] Летописец, с. 73.
[11] Там же, с. 73—74. «В летех 54», т. е. в 1546 г.
[12] *Тихомиров М. Н.* Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. (см. настоящий том, с. 178).

кария митрополита о Полоцком взятии» 1563 г., летописец начинает рассказ об опричнине статьей «Видение Макария митрополита о опришнине».

Макарий будто бы стоял на обычной молитве в ночной час «невкую годину» и предчувствовал грядущее «разделение земли» «за много время до опришнины». «Того же году невкое время» Иван Грозный просил прислать ему «душеполезные книги», а митрополит Макарий прислал ему «погребален» (вероятнее всего, чин погребения). В ответ на гневное замечание царя, что в царские чертоги такие книги не вносятся, митрополит ответил: «Аз, богомолец твой, послал спроста по твоему приказу, что еси велел прислати книгу душеполезную, и та всех полезнее: аще хто ея со вниманием почитает, и тот в веки не согрешит» [13]. Этот рассказ носит все черты легенды, которая должна подчеркнуть отрицательное отношение митрополита Макария к опричнине, причем сама легенда возникла явно позднее. Так, после «видения» в Пискаревском летописце сообщается о явлении мощей Никиты Новгородского, о взятии Юрьева Ливонского и Ругодива, о рождении царя Федора Ивановича в 1557 г. Наименование Федора «царем» датирует всю запись временем не раньше 1584 г., когда Федор Иванович воцарился. Как видим, и в данном случае время летописной записи отделено от рассказываемого в ней события промежутком, не меньшим чем в двадцать лет.

Далее в Пискаревском летописце следует рассказ об опричнине, крайне любопытный по своему содержанию, но в то же время тенденциозный. Опричнина началась «по злых людей совету: Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же». Царь «возъярися... на все православное християнство». Он жил «за Неглинною на Петровке, а ходиша и ездиша в черном и все люди опришницы, а в саадацех помяла. И бысть в людех ненависть на царя от всех людей и биша ему челом и даша ему челобитную за руками о опришнине, что не достоит сему быти. И приставша ту лихия люди ненавистники добру: сташа вадити великому князю на всех людей, а иныя, по грехом, словесы своими, погибоша. Стали уклонятися князю Володимеру Андреевичю. И потом большая беда зачалася» [14].

Это известие очень интересно, как отражение тех разговоров, которые ходили об опричнине в русском обществе XVI—XVII вв. Однако оно представляет собой сравнительно позднюю запись, как это обнаруживается из дальнейшего рассказа «О смерти князя Володимера Андреевича и матери его». Согласно Пискаревскому летописцу Иван Грозный велел своему двоюродному брату вместе с семьей «быти на ям на Богону». Эта ямская станция находилась между Троице-Сергиевым монастырем и Переяславлем-Залесским. Туда же приехал Грозный и опоил «зелием» Владимира Андреевича вместе с его княгиней и старшей дочерью. Впрочем, Грозный

[13] Летописец, с. 75.
[14] Там же, с. 76.

пощадил сына Владимира Андреевича и его меньшую дочь, «а дал ея замуж за короля Орымагнуся невелику, а к венчанию несли на руках, а свадьба была в Новегороде, и отпустил их в Немцы, и там была многа лет и дочь прижила с королем. И как короля не стало, и она приехала к Москве и з дочерью 94-го при царе Федоре»[15].

Как видим, это известие не могло быть написано раньше [70]94, или 1586 г., о котором говорит сам Пискаревский летописец. Но и эта дата не является конечной, потому что дальше говорится о самой королеве как о живой: «...а дочь ее крестили в Новом манастыре, царица Леонида царевича Ивана Ивановича. А сама королева пастриглася у Пречистыя под Сосенками у Сергеева манастыря. А дочь преставися вскоре и положена у Троицы в Сергееве манастыре, в большой церкве в углу»[16].

Слово «пастриглася» (понимается — в монахини) и отсутствие упоминания, когда умерла королева Мария Владимировна, говорит об определенном времени. Королева была еще жива после 1610 г., когда ее ограбили казаки при взятии Новодевичьего монастыря. Значит, автор написал свое известие о Владимире Андреевиче и его детях позже 1610 г., сорок лет спустя после описываемой смерти Владимира, по слухам и с явным намерением очернить Ивана IV. Насколько неточны известия Пискаревского летописца, видно из того, что в нем сообщается, будто Грозный позже убил оставленного в живых сына Владимира Андреевича, князя Василия, и тогда же «опоил царицу Марью черкаскову». Но эти события произошли в разные годы. Марья «черкаскова», вторая царица Грозного, умерла значительно раньше князя Василия Владимировича, о смерти которого говорится под 1574 г. Следовательно, Грозный не был в состоянии одновременно отравить Василия Владимировича и Марью Темрюковну.

Помещенный тут же рассказ о женитьбе Василия Владимировича тоже вызывает большие сомнения. «А сын князь Володимеров Андреевича,— читаем в летописце,— князь Василей, после отца своего был женат, а была за ним Мезецких княжна, а свадьба была в Слободе с великим срамом и с поруганием. И выслал ея за заставу в одной сорочке, и она ходила по деревням: нихто не смеет пустити, и тако скончалася»[17]. Если вспомнить о том, что это известие было записано не раньше 1610 г., то надо признать, что в нем отразились смутные рассказы о каком-то скандале в слободе. Как далее увидим, были особые причины интереса автора записи к потомству Владимира Андреевича. Автор не выражает каких-либо симпатий к Владимиру и его детям, в частности, к королеве Марии Владимировне. А между тем в царствование Шуйского королева оставалась единственным отпрыском династии Рюриковичей и могла считаться законным претендентом на престол.

---

[15] Летописец, с. 78.
[16] Там же.
[17] Там же.

Помещенные в Пискаревском летописце статьи «О походе и о казни навгородцкой» и о царском походе в Псков носят также характер устного предания, как и статьи о московском пожаре 1571 г. и битве на Молодях в 1572 г. В статье «О приходе крымского царя к Москве» рассказ о набеге хана заканчивается повествованием о шутовском переодевании царя перед послами крымского хана: «И как царь крымской поиде от Москвы, и прислал послов к великому князю по выход. И князь велики нарядился в сермягу, бусырь да в шубу боранью, и бояря. И послом отказал: „Видишь де меня, в чем я. Так де меня царь зделал! Все де мое царьство выпленил и казну пожег, дати де мне нечево царю“» [18]. Как видим, рассказ о переодевании царя имеет характер острого политического памфлета, направленного против Грозного, как и анекдоты о видении Макария, свадьбе Василия Владимировича и т. д.

Несколько иной характер имеет рассказ о битве на Молодях в 1572 г. Об этой битве рассказывают особые повести, одна из которых была издана С. К. Шамбинаго. Если сравнить повесть о битве с крымским ханом на Молодях, изданную Шамбинаго, с Пискаревским летописцем, то станет ясным, что повесть является более точным источником, чем летописец. Так, в повести даются точные даты: 26 июля крымский царь подошел к Оке, 27-го, в ночь под воскресенье, татары переправились через Оку на Сенкином перевозе, 28 июля мурза Теребердий подошел к Москве. 30 июля произошел решительный бой, кончившийся поражением крымцев; в этом бою был взят в плен крымский «большой воевода Дивей мурза». 2 августа крымский царь подходил к Гуляй-городу, где засели русские войска, но потерпел поражение. 3 августа царь обратился в бегство и переправился через Оку [19].

В Пискаревском летописце полностью отсутствуют какие-либо даты. Дивей-мурза перешел Оку «против Дракина». Русский обоз был поставлен на Молодях «за три часы до царева приходу». Тут многие татары были побиты, а Дивей попал в плен («Дивея взяли в сторожевом полку у князя Ивана Шуйсково»). Летописец добавляет, что в русских полках был великий голод, «аще бы не бог смилосердовался, не пошел царь вскоре назад, быть было великой беде» [20].

После рассказа о битве на Молодях в Пискаревском летописце следуют известия, относящиеся к Ливонской войне и казням на Москве. Запись о взятии Пайды датируется тем, что город взяли «на Васильев вечер», т. е. 1 января, на память Василия Великого. Тут же отмечена и смерть под Пайдой «ближнего царева и думнаго дворянина Малюты Скуратова». В рассказе о взятии Коловера в числе погибших воевод отмечен Иван Андреевич Шуйской, кото-

---

[18] Там же, с. 80.

[19] *Шамбинаго С.* Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914, с. 79—82.

[20] Летописец, с. 80.

рого не нашли («не сыскаша») после боя. Все эти известия носят печать позднейших припоминаний, как и статья «О другой казни на Москве на площади у Пречистыя». По Пискаревскому летописцу, «положи царь опалу на многих людей: повелеша казнити на площади у Пречистыя в Большом городе при себе боярина князя Петра Куракина, Протасия Юрьева, владыку Наугородцкого, протопопа Архагенского, Ивана Бутурлина, Никиту Бороздина, архимарита чюдовского, и иных многих казниша; а главы их меташа по дворам, к Мстиславскому ко князю Ивану, к митрополиту, Ивану Шереметеву, к Андрею Щелкалову и иным» [21].

Казни в Пискаревском летописце отнесены к 1573 г. под общим заголовком: «того же году». Однако Протасий Юрьев (о котором говорится, что он был казнен в 1573 г.) в действительности умер только в 1575 г., еще в 1574 г. он был головой в государевом полку. Иван Бутурлин по списку боярскому выбыл в 1575 г. Автор записи, видимо, опять писал по рассказам и не мог записать имен митрополита, чудовского архимандрита, архангельского протопопа, путая события и имена. По памяти записан и следующий за этим рассказ «о царстве царя Семиона». По словам летописца, в том же году (1573) «произволением царя и великого князя Ивана Васильевича сажал на царьство Московское царя Семиона Беидбулатовича». По Пискаревскому летописцу, обряд венчания Симеона на царство происходил в Успенском соборе в Москве. Тогда же Симеон женился на дочери князя Мстиславского, Анастасии, с которой был обвенчан в Успенском соборе. «А жития его (Симеона.— *М. Т.*) было з год и больши, да и опять его сосла и дал ему Тверь и Торжек в удел». Автор записи тут же делает следующее замечание, которое выдает время, когда было составлено известие о Симеоне: «А говорили нецыи, что для того сажал, что волхви ему сказали, что в том году будет пременение: московскому царю смерть. А иные глаголы были в людех, что искушал люди: что молва будет в людех про то» [22]. В известии нет ни слова о смерти Симеона. Значит, и рассказ «о царстве царя Семиона» был написан еще до его смерти, т. е. до 1616 г. В конце же XVI в. Симеон был одним из кандидатов на царский престол, как и князь Мстиславский.

Вслед за этим в Пискаревском летописце помещены известия о царском походе в Ливонию, о походе под Колывань и Кесь и «О приходе королевском ко Пскову», после чего сообщается «О взятии корельском». «Лета 7089-го,— читаем в летописце,— взяли немцы Корелу при царе Иване Васильевиче. А у немец взял царь и великий князь Федор Иванович без крови 106-го, а было за немцы 17 лет. А сто девятогонадесять отдал им опять царь Василей Шуйской за то, что оне отогнали от Москвы панов и руских воров со князем Михаилом Васильевичем Шуйским. И того же году побили князя Дмитрея Шуйского с товарищи за Можайским литов-

[21] Летописец, с. 81.
[22] Там же, с. 82.

ския люди. И немцы и в те поры изменили им и Корелы не очистили; и за то они и сами взяли Корелу и Новгород с пригороды воровством» [23].

Таким образом, запись о Карельских городах была написана после оккупации Новгорода шведскими войсками и поражения русских войск под Клушином в 1610 г. Как и в других случаях, время самой записи отстоит от рассказываемых в ней событий на несколько десятков лет. Легенды и действительность причудливо сливаются в этих «воспоминаниях москвича». Это заметно и в повествовании о смерти Ивана Грозного: «Того же году (т. е. в 1584 г.— *М. Т.*) явися на Москве птица велика, голосиста; а прилетела ночию и вопила... а была много время, и до смерти царя Ивана» [24]. Летописец тут же добавляет: «А жен было у него шесть». Царевич Иван и царь Федор родились от царицы Анастасии Романовны, «царевич Дмитрей Углецкой от Нагия, шестыя» [25]. Замечание «шестыя» показывает, в какой среде возникла запись. Эта среда была враждебной как Ивану Грозному, так и Нагим. Как бы заканчивая повествование о Грозном, летописец тут же добавляет легенду о предсказании казанской царицы, расспрашивавшей о родившемся царевиче, будущем Иване Грозном: «И воспросила царица Михаила: „Каков де ваш царь новорожденной?“ И Михайло промолчал. И она вдругоряд и рече ему: „Яз де тебе скажу: родился де у вас царь, а у него де двои зубы: одними де ему съести нас, другими вас“» [26].

Рассмотрение Пискаревского летописца в той части, которая относится к известиям о царствовании Ивана IV, убедительно показывает тенденциозность многих его сообщений, их близость к тому, что помещалось в записках иностранцев, писавших о событиях второй половины XVI в. Поэтому Пискаревский летописец имеет важное значение для понимания, откуда иностранцы брали свои сведения об Иване Грозном. Это рассказы оппозиционных бояр, охотно сообщавших московские сплетни и слухи о придворной жизни. Конечно, нам нет никакой необходимости как-то обелять личность Ивана Грозного. Извращением исторической действительности являются попытки некоторых историков и литераторов изобразить Малюту Скуратова гуманистом, а Грозного добряком, который по случайности казнит и мучит бояр. Но нельзя и без критики принимать все сведения, сообщаемые иностранцами об Иване Грозном. К счастью, в данном случае мы более или менее точно можем ответить на вопрос, где и при каких условиях возникли некоторые известия Пискаревского летописца.

Выше уже отмечалось недоброжелательное отношение автора записей к Ивану Грозному, который изображается злым тираном, допускающим шутовские выходки. Но недоброжелательство автора

---

[23] Там же, с. 84.
[24] Там же, с. 85.
[25] Там же, с. 86.
[26] Там же.

некоторых записей Пискаревского летописца распространяется не только на Грозного, но и на всех возможных претендентов на царский престол после смерти царя Федора Ивановича. Симеон изображен эфемерным царем, королева Мария, прямая наследница последних царей, названа монахиней, о свадьбе Василия Владимировича говорится с насмешкой.

Совсем иные выражения Пискаревский летописец находит, когда говорит о Шуйских. В нем мы встречаем много упоминаний о различных боярах, но чаще всего и почти всегда с положительной оценкой говорится именно о князьях Шуйских. При этом автор записи прекрасно знает подробности о том или ином из рода князей Шуйских.

Вот перед нами рассказ о смерти князя Петра Шуйского, вставленный в летописец под 1564 г. «Лета 7072-го посла царь и государь Литовския земли воевати ис Полоцка боярину князю Петру Шуйскому, а из Смоленска двум Серебряным, и сходитись им велел на Друцких Полях. И воеводы пошли с мест своих, ис Полоцка и из Смоленска. И как будет князь Петр в Литовской земле, в деревне в Овлялицех, и тут пришли безвестно литовския люди многия, воевод побили и поимали многих дворян, седмьсот человек больших дворян и детей боярских имянных, а князя Петра Шуйского збили с коня. И он з дела пеш утек и пришол в литовскую деревню, и тут мужики его, ограбя, и в воду посадили. И сведал виленской воевода, и тех мужиков велел переимати и казнити, а тело выняти, и погреб чесно в Вильне в Стонисаве в римской церкве. И сам за ним шел и погреб возле великого князя дочери Елены, коя была за Олександром королем литовским» [27].

О. А. Яковлева снабжает этот текст тремя небольшими замечаниями справочного характера, но известия Пискаревского летописца предстанут перед нами по-другому, если мы заглянем в Александро-Невский летописец, где говорится, что два князя Серебряных пошли против литовских войск из Смоленска, а Петр Иванович Шуйский направился в Литовскую землю из Полоцка. Петр Шуйский и бывшие с ним воеводы шли «не по государьскому наказу, оплошася, небрежно». Они потерпели полный разгром от Николая Радзивилла, причем Петр Шуйский был убит [28]. Известие Пискаревского летописца заставляет задуматься над тем, не была ли неудачная битва с литовцами результатом попытки Петра Шуйского последовать примеру Курбского, вследствие чего его гибель от руки «мужиков» и вызвала такое негодование Радзивилла.

И в других случаях Пискаревский летописец проявляет особую осведомленность в семейных делах Шуйских. В связи с описанием пожара Москвы в 1571 г. в нем говорится: «Да князь Никита Петрович Шуйской, меньшой брат князю Ивану, ехал в ворота на Живой мост и стал пробиватися в тесноте вон, и тут его Татева чело-

---

[27] Летописец, с. 75—76.
[28] РИБ. СПб., 1876, т. III, стб. 206—207.

век ножем поколол, и он тотчас и преставися»[29]. Так может писать только человек, хорошо знающий семейство Шуйских, разбирающийся, кто из Шуйских приходился старшим или младшим родственником, не забывающий и прихвастнуть в пользу Шуйских. Вспомним, как, рассказывая о битве при Молодях, Пискаревский летописец говорит, что мурзу Дивея взяли в плен «в сторожевом полку у князя Ивана Шуйсково», хотя повесть о битве при Молодях об этом молчит.

Особый интерес Пискаревский летописец проявляет к предкам царя Василия Шуйского. Об участии его деда Андрея Михайловича в аресте дмитровского князя Юрия Ивановича, дяди Ивана Грозного, говорится дважды. В первом известии Андрей Михайлович Шуйский благородно отказывается перейти на службу к Юрию Ивановичу и сообщает об этом князю Горбатому Шуйскому, а тот говорит боярам, после чего великая княгиня Елена приказывает арестовать Юрия Ивановича. Это известие в той же редакции сохранилось в Воскресенской летописи[30]. Однако, не довольствуясь первым известием о роли Андрея Михайловича Шуйского в «поимании» Юрия Ивановича, Пискаревский летописец с большим опозданием в годах помещает другой рассказ о том же событии с примечанием: «Прописано в сем летописце в летах: 42, 44, 45, 46, 47, 48 и написано для тово после 49 году: 42-й»[31], т. е. после 1541 г. дается известие 1534 г. В этом втором известии, которое имеется в Львовском летописце, Андрей Михайлович Шуйский показан как человек, готовившийся перейти на сторону Юрия Ивановича, а виновниками ареста Юрия названы бояре[32].

Хорошее знание различного рода событий, касающихся Шуйских, обнаруживается и в других местах Пискаревского летописца. Рассказав об опале в 1586 г. Андрея Ивановича Шуйского, брата царя Василия, летописец приводит рассказ об его отце, которого спас дядька, бежав с ним из Москвы на Белоозеро, и здесь «животину с ним пасяше и всякую страду страдаше». В «невкое время», когда Иван Грозный поехал в Сергиев монастырь, дядька добился амнистии малолетнему князю[33].

Можно привести и другие примеры, показывающие особый интерес Пискаревского летописца к Шуйским, но и сказанное выше позволяет думать, что летописец возник в окружении Шуйских и ставил своей задачей благоприятно осветить их роль в государственных делах XVI в. Если же мы вспомним, что Шуйские были Рюриковичами, как и род Калиты, тогда станет ясным и появление некоторых известий Пискаревского летописца.

---

[29] Летописец, с. 79—80.
[30] ПСРЛ. СПб., 1859, т. VIII, с. 286.
[31] Летописец, с. 47.
[32] ПСРЛ. СПб., 1914, т. XX, 2-я пол., ч. II, с. 421. Пискаревский летописец, впрочем, дает это второе известие в сокращенном и несколько ином виде, чем Львовская летопись.
[33] Летописец, с. 88—90.

Дело в том, что Пискаревский летописец не единственное произведение, связанное с Шуйскими. Так, совсем недавно Л. Н. Пушкарев подтвердил новыми фактами мое предположение, что при Шуйских было составлено сказание о начале Москвы, где родословная Шуйских неверно выводится от прародителей московских князей, в частности, от Александра Невского [34]. В Пискаревском летописце также отмечается, что Шуйские происходят от московских князей: «Да от Московских же великих князей пошли: Шуйския, Ярославския и Смоленския... Шуйския от Ондрея, Андрей был брат Невскому князю Александру родной» [35]. Между тем, в действительности, родоначальник Шуйских не был родным братом Александра Невского.

Итак, перед нами не просто «воспоминания москвича», а компиляция какого-то сторонника Шуйских, ставящая себе задачу очернить Грозного и его наследников, не забывая при этом даже о еще живой королеве Марии Владимировне.

Когда же и кем был составлен Пискаревский летописец?

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим сведения Пискаревского летописца в его конечной части, описывающей события конца XVI — начала XVII в. Эта часть Пискаревского летописца не менее, а даже более ценна для историка, чем предыдущие известия времени Ивана Грозного.

Царствование Федора Ивановича описано с интересными подробностями, и к записям этого времени справедливо относится замечание Яковлевой о том, что автором летописца был какой-то современник, стоявший близко к московскому каменному строительству. Так, именно в этой части летописца находим точные сведения о построении церкви в Вознесенском монастыре, палаты Чудова монастыря, каменного храма Никиты Мученика за Яузой, церквей в Беседах и Хорошеве [36] В этой части летописца с большим почтением говорится о Борисе Федоровиче Годунове и о его родственниках.

Исключением является заметка об убиении царевича Дмитрия Углицкого, где подчеркивается, что Дмитрий был сыном шестой царицы Марии Нагой и, таким образом, не имел права на престол. В этой заметке, как говорилось выше, Борис Годунов объявлен убийцей царевича. При описании смерти Бориса Годунова также сообщается о том, что он сам пострадал от тех «довотчиков» и различного рода ябедников, которые жаловались ему на бояр. «А ревность его великая была ко всем бояром и дворяном, и доводы от боярских людей и от всяких великие друг на друга, да и сам от тех довотчиков погиб» [37]. Создается впечатление, что в первоначальный текст, благоприятный Годуновым, были сделаны позднейшие встав-

[34] Повесть о зачале Москвы.— В кн.: Материалы по истории СССР, вып. II, с. 213 и след.
[35] Летописец, с. 97.
[36] Там же, с. 99—100.
[37] Там же, с. 110.

ки. Так, после рассказа о том, что царице Ирине Федоровне целовала крест «вся земля Росийского государьства», и восклицаний о богатстве, премудрости и разуме божьем, вдруг записано: «И мудрому Соломану глаголющу: „Аще воцарится раб, не благо будет“». Слова эти направлены против Бориса Годунова, а в тексте говорится о его сестре — царице Ирине, которая села на престол, как жена и законная наследница Федора Ивановича [38].

Вслед за сообщением о «смерти царя Бориса» в Пискаревском летописце помещен обширный рассказ «О царьстве еретика дьякона — розстриги Гришки Отрепьева». В нем приводится официальная версия, что самозванец был из роду детей боярских Отрепьевых. Рассказ этот написан очевидцем и сторонником Шуйских. Василий Шуйский назван в нем уже великим князем [39]. В качестве сторонников Самозванца названы Ляпуновы, которые «заворовали». Эти слова написаны явно уже после выступления Ляпуновых против Василия Шуйского. Тут же сказано, что люди, пожалованные Самозванцем «и после ево были в боярех и в окольничих, и вотчины и поместья, кому даны, за ними». Это последнее указывает на то, что запись сделана была уже при царе Михаиле Федоровиче. Как бы в подкрепление взгляда на Дмитрия Самозванца, как на ставленника польских панов, приводится запись, данная им Марине Мнишек.

Текст «О царьстве царя и великого князя Василия Ивановича Шуйского» носит уже явный характер записей очевидца описываемых в нем событий. Отмечается, что князя Василия «всем народом выбрали на Лобном месте» [40]. Запись кончается сообщением о плене Шуйского, который, «едучи в Литву, с собя платье черное скинул...» [41].

Записи Пискаревского летописца о царствовании Шуйского — новый и ценный источник, который и представляет собой настоящие «воспоминания москвича», написанные явно по свежей памяти о происшедших событиях. Автор стоит на стороне царя Василия Шуйского и его классовой политики. Яркая классовая направленность Пискаревского летописца особенно сказывается при описании восстания Болотникова. Так, рассказывая о «Петрушке-воре», одном из самозванцев, летописец говорит, что он был «ни от царьского колена, ни от вельможска роду, ни детей боярских сродич! Колики крови в Путимле и на Туле пролил от бояр, и от дворян, и от детей боярских! И немнога о сем скажем: от бояр: князя Петра Буйносова, князя Василья Черкаского-Кордонукова, Михаила Сабурова, князя Андрея Ростовского, князя Савелия Щербатово, иных многих таких; а дворян и детей боярских без числа крови пролилося! И многия от них обличаше его во всем народе, и он их повеле казнити розными муками, и они, не убояся мук, обличаше

[38] Там же, с. 101.
[39] «...Молвил, было, про него тайно князь велики Василей» (Там же, с. 115).
[40] Там же, с. 124.
[41] Там же, с. 126—127.

его передо всем народом. И он их повеле посекати, по суставом резати, а иным руки и ноги на хрест сечь, а иных варом обливати и з города метати. А оне кричаше и обличаше во весь народ, что он прямой вор, холоп Елагиных детей боярских, сапожников сын. Как то не мученики, как не святыя! И в древняя лета не так же ли мученики страдаша от мучителей?» [42]. Так, бояре, казненные самозванцем Петрушкой, выдаются за мучеников. Живая, почти простонародная речь чувствуется в восклицании: «Как то не мученики, как не святыя».

Итак, Пискаревский летописец — источник сложный. Он потребует еще большой работы, и эта статья только первая попытка разобраться в этом новом и интересном источнике [43].

В какой же среде мог возникнуть Пискаревский летописец? Можно считать доказанным, что это была среда, близкая к Шуйским и враждебная Нагим и Романовым, один из последних — Василий Юрьев — объявляется инициатором опричнины.

Автор был связан с посадским населением города Москвы и дважды говорит о Земском дворе, где ведались посадские люди. В первый раз он говорит о Земском дворе в Китай-городе, второй раз о другом Земском дворе, «блиско Успленского врашка у мосту, против старово государева двора, где после князь Дмитрей Шуйской жил» [44].

Есть некоторые намеки на то, что создатель Пискаревского летописца был связан с Печатным двором. В летописце дважды говорится о печатании книг: «Повелением царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии в 100-м (1592.— *М. Т.*) году и в ыных годех печатаны книги: евангилия, апостолы, псалтыри, часовники, охтаи, минеи общия, служебники, треоди посныя и цветныя». «Того же году (1600.— *М. Т.*), повелением царя и великого князя Бориса Федоровича, печатали книги: еуангелья, апостолы, псалтыри, часовники, минеи общие, треоди посные и цветные, охтаи, служебники, а печатаны в розных городех» [45].

Пискаревский летописец в своей заключительной части может быть сопоставлен с таким источником, как «Сказание известно о воображение книг печатного дела...» [46]. В «Сказании» очень близко к Пискаревскому летописцу говорится о воцарении Романовых. Царь Михаил назван в «Сказании», как и в летописце, «племянни-

[42] Летописец, с. 129—130.

[43] Вероятно, существовали и другие подобные же произведения. В частности, О. А. Яковлева незаконно отстранила от изучения другой изданный ею памятник — «Сокращенный Временник», заметив о нем, что «Временник» является лишь сокращением и искажением Пискаревского летописца (Летописец, вступит. статья, с. 20).

[44] Летописец, с. 103. См. также прим. 153, [где] О. А. Яковлева повторяет неверное определение П. В. Сытина, [ссылаясь на его работы], согласно которому этот двор находился «на месте нынешнего здания Манежа»; в действительности Успенский Вражек был в районе Никитских улиц.

[45] Летописец, с. 100 и 105.

[46] *Строев П.* Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке И. Н. Царского. М., 1836. Приложение, с. 437—454.

ком» царя Федора Ивановича, тогда как позже его предпочитали называть внуком царя Ивана Грозного.

Автор «Сказания» среди злодеев и изменников особо отмечает Федьку Андронова, о казни которого говорит и Пискаревский летописец с добавлением, что он «воровал всех больши, а был купецково чину»[47]. В «Сказании» говорится также о том, что печатники, и в их числе Никита Федоров сын Фофанов, бежали в Нижний Новгород «от насилия и страха тех сопостат». Из числа таких людей, вероятно, и вышел создатель Пискаревского летописца, повествование которого о событиях 1612—1615 гг. написано так, что заставляет предполагать, будто автор повествования жил в это время не в Москве и писал о московских событиях с чужих слов.

Не забудем и наблюдения М. В. Щепкиной о большом количестве различных водяных знаков в Пискаревском летописце, свидетельствующем о запасе самой разной, вероятнее всего, казенной бумаги, и тогда наше предположение о лице, написавшем летописец, начинает принимать вероятие. Пискаревский летописец был составлен в среде печатников, может быть, даже Никитой Фофановым.

В «Летописце» рассказывается о Козьме Минине «от простых людей», как о человеке, которого автор записи видел сам. Это заставляет вспомнить о печатниках, живших после Шуйского в Нижнем Новгороде. Здесь, видимо, вскоре после 1615 г., которым заканчивается летописный рассказ об Иване Заруцком, и был написан летописец, составление которого началось, вероятно, раньше, в царствование Шуйского. В последней своей части это настоящие записки москвича, к которым позже были приписаны известия о начале царствования Михаила Федоровича.

Перед нами замечательный, драгоценный источник по истории XVI — начала XVII в., основанный на не дошедших до нас сочинениях и устных преданиях, отредактированный в определенном тенденциозном духе; источник, вышедший из среды неродовитых людей, близких к Шуйским, которых, как известно, выкликнули на престол «пирожники и шубники». Это своеобразный памфлет начала XVII столетия.

ЗАМЕТКИ ЗЕМСКОГО ДЬЯЧКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

В [Отделе рукописей и старопечатных книг] Государственного Исторического музея в Москве (собрание Барсова, № 2014) хранится небольшая рукопись (в 8°, на 119 листах). Рукопись написана двумя почерками: беглым полууставом конца XVII в. (л. 1—66) и скорописью второй половины того же века (л. 67—119). В со-

[47] Летописец, с. 142.

став рукописи входят следующие статьи: 1) летописные заметки (л. 1—21 об.), 2) каноны (л. 22—66), 3) повесть о знамении иконы в Новгороде во время нападения суздальцев (л. 67—75 об.), 4) житие Никиты Переяславского (л. 76—119). По-видимому, мы имеем две части рукописи: в состав первой (л. 1—66) входили летописные заметки и каноны, в состав второй — повесть о знамении и житие Никиты (л. 67—119).

При ближайшем рассмотрении состав летописных заметок также оказывается неоднородным. В то время как на л. 13—21 об. помещены записи, относящиеся, главным образом, к местным событиям на Ваге во второй половине XVII в., на л. 1—12 об. находятся несколько летописных статей другого происхождения.

Рукопись начинается отрывком статьи о рождестве Христове и заметками о церковных событиях. На том же л. 1 [об.] помещен киноварный заголовок: «О начале великого княжения Московъскаго», который открывает ряд летописных статей московского происхождения. Летописные заметки оканчиваются известием о рождении царевича Алексея Михайловича в 1629 г. К известию о воцарении Михаила Федоровича [л. 5 об.] другим почерком приписано: «бысть царем 33 лета», т. е. был 33 года на царстве. Это заставляет думать, что в первоначальной редакции летописи о смерти царя Михаила еще не говорилось. Приписка тем же почерком говорит о венчании на царство Алексея Михайловича (на л. 7), после чего следует ряд заметок о некоторых событиях второй половины XVII в. Эти заметки продолжены другим почерком и кончаются на л. 7 об. известием о втором браке Федора Алексеевича 15 февраля 1682 г. Продолжение их находим на л. 9—10 [об.], где они кончаются заметкой об обручении царя Петра с Лопухиной в январе 1689 г. На л. 11 об.— 12 об. следуют краткие заметки о патриархах, самая поздняя из которых говорит о поставлении Адриана в сентябре 1691 г. Все перечисленные выше летописные заметки за малым исключением не представляют большого исторического интереса [1], но с л. 13 начинаются уже записи совсем иного характера, сделанные, по-видимому, одной рукой. Характер этих записей крайне своеобразен: все они относятся к определенному месту и к определенному времени. Местом их написания является Благовещенский погост на Ваге. Этот погост входил в состав Важского уезда и находился при впадении реки Устьи в Вагу [2].

Благовещенский погост стоял на большой дороге и имел торговое значение. Автор наших записок говорит о постройке на погосте

В летописных записях интересны следующие заметки: «В лето 7022-го году князь Василей взял Псков град и Смоленск, а Казань град отнялся». О царе Федоре Ивановиче сказано: «Сей бе благъ и препрост и милостив». После слов о смерти Бориса Годунова написано: «Конець же царства его начаша быти разделения многа в царьском синклите, и от таковыя вины изыде конец греха, израсти плоды смертоносны человекомь во всеи Русии».

[2] *Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском севере в XVII в. М., 1909, ч. 1. Приложения, с. 62.

Гостина двора «для торгу благовещенские ярманки», единственный раз упоминая о себе: «а яз, Аверька, у того строения Гостина двора книги писал... пищего я не взял». Это замечание позволяет думать, что Аверька был земским дьячком Благовещенского погоста, на обязанности которого лежало делопроизводство «мирских людей». На это же указывает и самый характер летописных заметок. Аверька сообщает о приезде воевод, писцов, судеек, пожарах, строении и украшении церквей, литье колоколов. Интересы его вращаются главным образом вокруг Благовещенского погоста и его округи. Эта особенность заметок придает им колорит непосредственности и свежести. Перед нами не обычные летописные известия, а памятные записи земского дьячка XVII в. По-видимому, Аверька делал свои заметки постепенно, использовав в качестве записной книжки канонник. Поэтому и записи, сделанные им, хронологически перепутаны. Каждая из них писалась на отдельном листе, после чего новая заметка появлялась уже на свободном месте, между двумя ранее сделанными записями.

Наиболее раннее известие в этих записях относится к 1661 г., наиболее позднее — к 1691 г. По-видимому, перу Аверьки принадлежала и повесть о стрелецком восстании 27 апреля 1682 г. (л. 18—20 об.). Эта повесть крайне характерна для записок Аверьки. Земский дьячок, по-видимому, стоял на стороне восставших стрельцов. Но повесть не была оригинальным произведением, автором которого являлся Аверька. Сравнение с известной стрелецкой челобитной 1682 г. обнаруживает иногда почти дословное сходство между обоими памятниками [3]. По-видимому, Аверька просто списал в свою книжку официальный рассказ о событиях 1682 г., разосланный победившими стрельцами по Московскому государству. Таким образом, запись земского дьячка сохранила нам любопытный документ по истории стрелецкого восстания 1682 г. Аверька был жив еще в 1691 г., но запись 1693 г. о рождении царевны Анны Ивановны сделана уже другой рукой. Таким образом, можно думать, что земский дьячок умер вскоре после 1691 г.

В рукописи публикуемый текст помещен на л. 13—21 об.

ИЗ ПАМЯТНЫХ ЗАПИСЕЙ ЗЕМСКОГО ДЬЯЧКА БЛАГОВЕЩЕНСКОГО ПОГОСТА НА ВАГЕ ЗА 1661—1693 ГГ.

1661 л. 13

169 году апреля в 9 день на Вагу приезжал сыщиком стольник князь Иван Михайлович Кокординов да с ним дьяк Яким Плохой да подьячей Ларион Ардабьев. В то время, приедучи с Москвы, в Шенкурском росписывалися с четвертными судейками. А до них после воеводы Данила Яковлева 14 леть судили на Ваге четвертные судьи.

---

[3] См.: ААЭ. СПб., 1836, т. IV, № 255.

1664 173-го году в сентябре на Вагу в Шенкурской приехал сыщиком и писцом Степан Федорович Жданов. Того ж году по зимному пути приехал с Москвы на Вагу Богдан Григорьев Возницын в подьячие с приписью.

1667 175-го году марта в 11 день на ярманку приехал с Москвы стольник Парфеней Павлов Сомов. Того ж году в лете приехал с Москвы на Вагу подьячей с приписью Корнило Песков.

1669 Во 177-м году в июне приехал с Москвы на Вагу воеводою
л.13 князь Савелей Иванович Козловской // да подьячей с приписью
об. Савин Денисов Михайлова.

1670/ Во 179-м году приехал с Москвы на Вагу подьячей с при-
1671 писью Алексей Ярофеев.

Во 179-м году в августе месяце приехал с Москвы в Шенкурской воеводою стольник Петр Савостьянов Хитрой.

1674 182-го майя в 8 день приехал с Москвы на Вагу, плыв на плоте из Верховажья, воевода Григорей Филимонов Нарышкин. Того ж году приезжал с Москвы подьячей Андрей Пестриков. Того ж году приезжал писцом Кирило Аристархов Яковлев да с ним подьячей Алексей Бушанов.

1674/ 183-го году приезжал на Вагу писцом Роман Федоров Ма-
1675 тов. //
л.14

1669/ Во 178-м году колмогорец иконник Семен Спиридонов з бра-
1670 том с Никитой у Благовещенья в церкве 75 икон писали и дверь царскую, да икону Варлаама Хутынскаго в жытии в том же числе писали; а от мастерства от писма ряжено было и дано 75 руб. да 10 мер ржы.

1674/ 183-го лета у преподобнаго Варлаама в пределе 20 икон да
1675 «Воскресенье» в житье со страстьми писали каргопольцы Иван Ермолаев да дети ево Федор да Сава, а от писма взяли... * Да они же писали Илию пророка в чюдесех, Алексея человека божия в житии и «Страшный суд» Христова втораго пришествия. //

л.14 Лета 7183-го году июля в 6 день во фторник от грому и от
об. молнии в вечернюю годину в Шенкурском остроге загорелась
1675 соборная церковь собора архистратига Михаила да с лета предел нерукотворенного Спасова образа, от западу предел пречистыя богородицы Казанские, с северную сторону предел згорел праведного Алексея человека божыя, а пределы были все вверху на полатех. И от тое церкви розкат и сьезжая изба, и воеводцкой двор, и все дворы у посацких людей згорели при воеводе при Григорье Филимоновиче Нарыжкине да при писце при Романе Федоровиче Матове, да при подьячем Иване. //

л.15 187-го году июля вь 25 день от зарону на Благовещенском
1679 погосте, на воеводцком дворе, загорелась воеводцкая баня, и воеводцкой двор весь згорел, и во всей Верхной улице к мельничной

---

* *В подлиннике не дописано.*

деревне згорело посацких оброчных тритцать четыре двора да проскурнинской белой двор, да церковь Преображения господня над мощьми святаго Захарии згорела ж. А воевода Богдан Васильевичь Яковлев да подьячей с приписью Авдей Карпов в то время были в Воскресенском приходе на большей пастве у истока, досматривали по Савину челобитью земли, что Сава Белеевской имал в оброк около истока пастьвеную землю. В то ж время и на Емановке речке сенные покосы все описаны, за кем сколько есть. //

174-го году октября в 8 день каргополець, родом костромитин, Иван Анофреев переливал колокол, найму с пуда ряжено по 19 алтын по 2 деньги да 6 мерь ржы. л. 15 об. 1665

184-го году из Ростовские митрополии при митрополите Ионе Ростовском и Ярославском майя в 21 день приезжал из Новагорода Крестного монастыря архимандрит Герасим от новогородцкого митрополита Корнилия. Велено ему по наказу в Новогороцкой митрополии и у нас в Ростовской епархии описать и обложить и деньги взять по станом и по волостем и по прихоцким церквам храмы все церковною данью против церковных прихожан с посацкого человека по 6 денег, с крестьянина по 4 деньги, с бобыля и з захребетника по 3 деньги. // 1676

Во 178-м и во 179-м годех по отпискам воеводы князя Савелья Козловского на Благовещенском погосте для торгу благовещенские ярманки Гостин двор построили по государеву указу подьячий Петр Рожин да целовальники были с ним, Петром, у дворового строения: Друган Родионов Зуев, Федор Козмин Костылев, Афонасей Васильев, а яз, Аверька, у того строения Гостина двора книги писал. Гостин двор стал в девятьсот рублев в сорок рублев, пищего я не взял. // л. 16 1669/1670 1670/1671

Во 184-м году июня в 21 день в судах приехал с Москвы на Вагу воеводою и писцом Богдан Васильев Яковлев да с ним подьячей Авдей Карпов. л. 16 об. 1676

185-го году июня в 15 день воевода и писцы Богдан Яковлев да подьячей Авдей Карпов приехали к нам на Благовещенском писцовых книг писать Благовещенского приходу, миром снесли им с обжы по рублю на все дворы. 1677

Во 186-м году июля в 25 день писец Богдан Васильевичь Яковлев да подьячей Авдей Карпов ехали в Верховажье для писцового дела, к нам на Благовещенской погост з большие дороги заезжали и в старом боярском дворе стояли на стоянке, тот двор загорелся, и в том пожаре згорело посацких 36 дворов. // 1678

199-го году февраля в 28 день с Москвы на Вагу приехал стольник и воевода Петр Иванович Взимков *. л. 17 1691

// Лета 7190-го году апреля в 27 день божиим изволением на Московском государьстве учинилось: преставися великий госу- л. 18 1682

---

* [*Часть л. 17—17 об. пустые*].

дарь царь и великии князь Феодор Алексеевичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, а на царьский престол сел брат ево государев великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец. И били челом великому государю служивые люди, стрельцы и салдаты всех приказов, на полковников и на полуполковников и подали роспись, сколько за кем государева жалованья, денежныя казны, и просили их, полковников, у великого // государя к себе по слободам в стрелецкия приказы. И патриарх Иоаким за них, полковников, и за голов, у стрельцов умаливал. И стрельцы патриарху отказали, и великий государь по их челобитью указал на них, полковниках, деньги доправить в Ыноземском приказе на голове тысячи по две и по три и по четыре и по пяти и по тринадцати тысячь, а на думном дьяке на Ларионе Иванове сорок тысяч.

л. 18 об.

И майя в 15 день, умысля царьские изменьники и всему Московскому государьству разорители, съехалися они, изменьники, в Верх к великому государю князь Юрье Алексеевичь Дол//горуков с сыном Данилом *, боярин Артамон Сергеевичь Нарышкин, боярин Иван Максимовичь Языков с сыном с Афонасьем *, да князь Григорей Ромодановской, боярин и оружейничей Иван Кириловичь Нарышкин з братом, думной дьяк Аверкий Степановичь, думной дьяк Ларион Ивановичь с сыном и государевы лекари Данило Жидовинов с сыном и с товарищем. И удумали оны, изменники, вражним научением, чтоб царьский род извести, а стрельцов и салдатов опоить лютым зельем и змеями, а иных было побивать, а им бы царством владеть и всею святоруcкою землею. И тот вор, изменьник, Иван // Нарышкин, царьскую перьфиру на себя надевал и царем себя он, изменник Иван, называл и ** на государьское место садился **, и всякие неистовственые слова говорил.

л. 19

л. 19 об.

И божиею милостию и московских чюдотворцов, не хотя господь бог им, изменьникам, в наругательство отдать Московское государство, того же дни майя в 15-м числе в 9-мь часу дни, видя от них, изменников, таковое умышление, и в городе в Кремле у Спаскии башни в набатной колокол ударили. И служывые все люди, стрельцы и салдаты, со всяким оружьем и з знамянами и з барабанами в Кремль-город к Красному крыльцу збежалися, // а московские люди черных слобод и всяких чинов на Красную площадь сходились с ослопьем и з дрекольем многое множество. И они, служывые люди, у великого государя изменьников с Верху просили, и таких изменьников великий государь приказал отдавать. И служывые люди тех изменников с крыльца прямо метали и копьями их приимали, и на Красную площадь волочили по три дни, и тут их в народе казнили, и го-

л. 20

---

* *Приписано другими чернилами* Данилом, Афонасьем.

– *Слова* и... садился *приписаны другими чернилами.*

ловы их на копья выздымали, и всему народу оказывали, а иных пытали. И с пытки они сказали про змеи отравные у думного дьяка у Лариона Иванова, и те змеи шестокрылые у него, думного, находили и всему народу // те змеи оказывали. И с пытки л.20 об.
те ж изменьники сказывали, будьто они прежних царей и царевичев таким зелием изводили и многие пакости чинили. А хто будет в те три дни по дворам что украдет, и стрельцы с поличным приводили, и тех людей так же на Красной площади смертью казнили; и всех изменьников и всяких людей в три дни больше сорока человек казнили.

И ныне государи цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы указали изменьничей род розослать по розным украинным городам в сылку. //

л.21
1682
190-го году июля в 10 день крест целовали Благовещеньского приходу крестьяне на Благовещеньском погосте у Благовещения в церкве за благоверных царей и великих князей за Иоанна Алексеевича, за Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев, а ко кресту приводил сын боярской Глеб Иванович Монастыревь при попе Василье Павлове. Июля в 16 день мимо Слободцкой стан ехал с Москвы в Шенькурской стольник Петр Григорьевич Водорацкой. // л.21 об.

1682
191-го году * сентября в 26 день казнили в Воздвиженъском московские бояре большого боарина князя Иоанна Андреевича Хаваньскаго с сыном с Офонасьем **.

1685
193-го году марта в день родился государь царевич Алексей Петровичь.

1693
201 *** году февруарийя в 3 день родися государыня царевна Анна Иоанновна ***.

ЗАПИСКИ ПРИКАЗНЫХ ЛЮДЕЙ КОНЦА XVII В.

Записки дворян конца XVII в. давно уже вошли в научный обиход. Таковы, например, известные записки Ивана Афанасьева Желябужского, в которых дается краткий обзор событий за 1682—1709 гг. Известна также история о стрелецком бунте [А. А.] Матвеева. И. Желябужский и [А.] Матвеев принадлежали к числу московского дворянства.

---

* [*На самом деле — 17 сентября 1680 г.*]

** [*На самом деле — Андреем. Слова* с Офонасьем *написаны другими чернилами*].

– *Слова* 201... Анна Иоанновна *приписаны другим почерком.*

Иной характер имеют издаваемые нами записки. Перед нами своего рода мемуары, хотя и написанные в традиционной летописной манере, с подразделением на годы. Авторы записок нам не известны, но об их общественном положении можно судить по некоторым косвенным указаниям.

Записки первого из мемуаристов охватывают продолжительный промежуток времени: с 1636 по 1689 год включительно, т. е. целых 53 года. Впрочем, заметки за 1636—1668 гг. представляют собой только своего рода введение. В них сообщаются точные даты, и притом в разбивку, рождения детей царя Алексея Михайловича. Отмечена также дата рождения царевны Татьяны Михайловны.

Из событий внутренней истории России XVII в. во вводной части записок отмечены только распоряжение о введении медных денег и поход царя Алексея Михайловича против польского короля в 1654 г.

Записки, обнаруживающие непосредственного очевидца совершавшихся событий, начинаются с 1668 г., с известия о московском пожаре. Особенно подробно автор записок говорит о расправе со Степаном Разиным, о том, как Разина везли по Тверской улице на особой колеснице — «рундуке». Автор записок следует официальной терминологии своего времени и называет предводителя восставших казаков и крестьян «вором». Однако он не скрывает того, что все жители Понизовья обратились к Разину и хотели идти на Московское государство. Автор записок говорит и о страшных мучениях, которым царские власти предавали восставших крестьян. Обо всем этом он пишет так сдержанно, так мало выражает свое отношение к событиям, что невольно начинаешь подозревать, не было ли у нашего мемуариста если не сочувствия, то по крайней мере сострадания к тем, кто погибал в царских застенках. Несколько ниже сообщается о царском распоряжении ходить в ферязях, а не в охабнях и однорядках. В кремлевских воротах охабни и однорядки «здирали» с дворян и подьячих. Но автора трудно считать дворянином. Его профессию выдает стремление всюду ставить точные даты, по типу приказных документов («июля в 18 день» и пр.). Иногда автор забывал точную дату и оставлял ее незаполненной до выяснения (например, «октября в день»), как это обычно делалось и в приказных отписках XVII в.

Записки кончаются рассказом о изветных письмах 1689 г. Впрочем, все события, относящиеся ко времени правления царевны Софьи, в записках опущены. От рассказа о страшном знамении 1681 г. автор прямо переходит к чтению изветных писем в 1689 г. Последняя запись 1700 г. сделана другой рукой. Можно предположить, что мемуарист умер между 1689 и 1700 гг.

Рукопись записок, по-видимому, является автографом ее составителя. Она написана на бумаге с водяными знаками 1676—1682 гг.

Записки о событиях времени царей Алексея и Федора, как мы видели, обрываются на рассказе о небесном знамении 1681 г.

Произведение другого автора конца XVII в. является как бы продолжением предыдущих записок. Все изложение этих вторых записок и посвящено описанию стрелецкого бунта 1682 г.

Автор был очевидцем грозных событий, развертывавшихся в это время в Москве. Говоря о приходе стрельцов ко дворцу и переговорах царевны Софьи со стрельцами, он упоминает о боярине Кирилле Полуэктовиче Нарышкине. Отец царицы Натальи Кирилловны стоял на нижнем крыльце и трижды кланялся стрельцам. Царевна Софья говорила стрельцам «многое время, а что, не слышать издали». Нельзя было также понять, по какой причине Нарышкин кланялся стрельцам: «не ведомо, не слышать, что́ говорили».

Однако автор записок не был в числе стрельцов или солдат, приходивших ко дворцу. Наоборот, он пишет о стрельцах с большим неодобрением. Рассказав об отъезде царского двора из Москвы и переезде в село Воздвиженское, мемуарист замечает: «А на Москве в то время от стрельцов и от салдатов было волнение великое, владели всем Московским государством стрельцы, что хотели, то делали».

Впрочем, автор записок не одобряет действий Нарышкиных. Царевича Петра избрали на царство «мимо большова ево брата царевича Иоанна Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца». С горечью говорит мемуарист о стрелецких буйствах, свидетелем которых он был. Перед его глазами стоят страшные сцены стрелецкой расправы с неугодными им боярами. Голову боярина Ивана Кирилловича, царицына брата, носили, издеваясь, на копье. «Копье взоткнули на долгой жа шест, где висели не знама какие гадины, иные называли морския рыбы о семи хвостах и о пяти».

Автор записок ни разу не говорит о своей принадлежности к приказной администрации, но в свои воспоминания он вставляет приказные документы, вроде росписи людей, высланных из Москвы «по стрелецкому приговору». Да и сами его записки составлены по типу приказных документов, начинаясь словами: «Того ж году июня в 5 день» и т. д.

Автор записок рассказывает о событиях в Воздвиженском и о расправе с Хованскими. Но сам он, видимо, в Воздвиженском не был, а передавал только официальные известия и слухи. Зато то, что происходило в Москве, описано образно, простым, четким, красочным языком, который так порой поражает нас в официальных приказных документах XVII в. Когда жену Ивана Ивановича Хованского повезли в ссылку в телеге под серой полостью, «за нею идучи боярские баярыни, которые ее провожали, выли голосами и, проводя ее, воротились». Тут уж перед нами настоящая бытовая картинка. Характерно и само название «боярские баярыни», обозначение привилегированной боярской челяди, взятое прямо из жизни.

Записки о стрелецком бунте 1682 г. отличаются крупными литературными достоинствами, показывающими, что протопоп Аввакум не был единичным явлением среди русских людей XVII в. Замеча-

тельны они и как исторический источник первостепенной ценности, как свидетельство очевидца, видевшего стрелецкий бунт воочию.

Третье произведение, печатаемое нами, это памятные записи, сделанные неизвестным нам приказным. Записи охватывают продолжительный промежуток времени с 1646 по 1693 г. Под 1689 годом автор говорит о себе так: «Во 198-м году ноября в 21 день на праздник Вьведения богородица пожалован на Ивановскую площадь». Ивановская площадь в московском Кремле была известна как место, где сидели площадные подьячие, писавшие разные прошения и другие бумаги за плату. Были такие подьячие и в других городах. Назначение на Ивановскую площадь было почетным, а вероятно, и более выгодным, чем в других городах.

Послужной список нашего подьячего довольно разнообразен. В 1646—1647 гг. был он в Белгороде у доводного дела (довод — это расследование и доносительство о преступлениях). В 1647 г. автор заметок оказывается в Пскове. В 1654—1657 гг. он служит в государевых походах против Речи Посполитой и позже против Швеции (в литовских и в немецких походах). В 1658 и 1659 гг. он был «на Госеепском бою». Госеепский бой — это военные действия против русских войск гетмана Гонсевского. В 1659—1660 гг. автор заметок принимал участие в событиях при Конотопе, в следующем 1661 г.— в боях с Сапегой. Потом он служит в Себеже, в литовских городах, опять в Себеже и в малороссийских городах. В 1671 г., во время восстания Степана Разина, автор оказывается в низовых городах, потом опять в Себеже и в малороссийских городах, а в 1677—1678 гг.— под Чигирином, затем в Путивле и в Киеве. В 1689 г. автора заметок жалуют Ивановской площадью. Случилось это «межь было благовестия», вероятно, утром в промежуток между колокольными звонами.

I. ЗАПИСКИ ВРЕМЕНИ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА И ЕГО ПРЕЕМНИКОВ

Помещены в рукописи: [ОР] ГИМ, собрание Уварова, № 44 (по описанию арх. Леонида — № 1871). Рукопись в лист, на 41 листах, писана скорописью разных рук конца XVII в. На бумаге имеются водяные знаки: 1) голова шута — 1676—1682 гг., 2) лев с молниями, в овальном под короною щите,— 1680—1681 гг. Рукопись представляет собой сборник разных статей.

Записки помещаются на л. 20—27 об. (водяной знак — лев с молниями). На бумаге имеются большие пятна сырости, особенно пострадали листы 22 об., 23 об., 24 и 27, на которых чернила частично смылись. Судя по водяным знакам, рукопись записок возникла не раньше 1676 г., вернее же — в 1681—1682 гг. Этому не противоречат палеографические особенности почерка рукописи — типичной и плохо разборчивой скорописи конца XVII в., очень близкой к раз-

машистым и небрежным дьячьим пометам на бумагах того времени. Владелец почерка должен был принадлежать, скорее, к верхушке приказного мира, к подьячим, а не к писцам. Описание чигиринского похода 1678 г. и некоторые другие подробности, взятые из других источников, опускаются.

Во 7167-м году, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича велено торговать медными деньгами в Московском государстве и в городех. И ходили медные денги со 167-го по 172-й год. л. 20 1659

Во 144-м году, генваря в 5 день, родися великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии царевна и великая княжна Татиана Михайловна. 1636

Во 162-м году, февраля в 5 день, родися великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Роси(и) сын, царевичь и великий князь Алексеи Алексеевичь. 1654

И во 178-м году, генваря в 17 день, преставися царевичь Алексей Алексеевичь в седьмом часу дни. 1670

Во 158-м году, февраля в 18 день, родися государыня царевна и великая княжна Евдокея Алексеевна. 1650

Во 166-м году, сентября в 17 день, родися государыня царевна и великая княжна София Алексеевна. 1657

Во 167-м году, ноября в 27 день, родися государыня царевна и великая княжна Екатерина Алексеевна. 1658

Во 168-м году, генваря в 18 день, родися царевна Мария Алексеевна. 1660

Во 169-м, маия в 30 день, родися государь царевичь и великий князь Феодор Алексеевичь. // 1661

Во 170-м году, маия в 28 день, родися государыня царевна и великая княжна Феодосия Алексеевна. л. 20 об. 1662

Во 173-м году, апреля в 3 день, родися царевичь Семион Алексеевичь, и во 177-м году июня против 19-го числа, от сего света преставися во он век. 1665

Во 176-м году, августа в 27 день, родися царевичь Иоанн Алексеевичь. 1668

Во 162-м году и во 163-м годех ходил великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь на польского короля и многие польские городы каменные и деревяные поиманы взятьем, а иные многие стати добили челом. А как великии государь пошел на польского короля, и без него, в том же во 162-м году, учинился в Московском государстве мор и многое множество помроша людей и многие домы опустеша. И был тот мор во 162-м и 163-м годех. 1654

Во 176-м году, августа в 26 день, грех ради наших, учинился на Москве пожар, загорелося у Москворецких ворот, и выгорели в Китае городе ряды все и весь Китай город, и в Белом городе 1668

от Устретенские улицы по самые Яуские ворота все выгорело,, и Мясницкая, и Покровская, и Яуская.

1659 А во 177-м году выгорела Дмитревка и Тверская, и Микицкая, и Арбат, а загорелася в Егорьевском * монастыре.

1670 Во 178-м году выехал на Волгу вор и изменник донской козак Стенка Тимофеев сын Разин и взял Царицын город своемысленники своими со многими донскими казаками и многих
л. 21 // людей государевых к себе обратил.

1671 А во 179-м году он, Стенка Разин, взял царство Астраханское и боярина и воеводу князь Ивана Семеновича Прозоровского с роскату скинул и дву сынов ево, князь Бориса да князь имрек **, привязал за ноги волосяными веровками, привязав на городе к городовым зубцом, и висели двои сутки, и едва по упрошению он, Стенка, иных ему товарищей велел их разрешити. До он же, Стенка, восхотев итти х Казани и к царствующему великому граду Москве, и был близ Синбирска, и многие села и деревни раззорил, и все понизовые городы к себе привратил, и всех тамошних стран жители обратились к нему и хотели итти на Московское государство.

1671 Во 179-м году великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, слыша про такова вора, донского казака Стенку Разина, послал в поднизовые городы боярина князь Юрья Алексеевича Долгорукова да окольничего князь Костентина Осиповича Щербатова и иных многих воевод и полковников со многими московскими и нижегороцкими, и смоленскими, и казанскими ратными людми и стрелецкими приказы. И тако от тех понизовых городов, помощию божиею, ево вора, Стенку, отгнаша и многих православных крестьян, которые к нему передались, всякими розными муками розными смерти предаша. //
л. 21 об.

Во 180-м году родися царевичь Петр Алексеевичь.

1672
1673 И во 181-м году, помощию великого бога и заступлением пресвятыя владычицы нашея богородицы, и радением Запорожского Донскаго атамана Кирила Яковлева и *** с ыными ево ясаулами, того вора, Стенку Разина, в Астрахани взяли жива. Того же году и привезли к Москве и везли ево, по указу великого государя, по Тверской улице на телеге, зделаном рундуке, стоячи, распетлен накрест, окована руки и ноги, а над главою ево была против лица ево повешена петля. А подле ево к тому ж рундуку брат, по левую сторону, прикован, брат ево Фролко Разин, а по другую сторону самозвонец царевичь, которой назывался царевичим Алексеем Алексеевичем. И бежали у рундука скованы пеши, а на рундуке сидели з бердышми многие стрельцы. А как привезли, и ево пытали, и на другой день, выедя из Земского приказу, на пожаре на площади казнили, четвертова-

* *Это слово написано неясно.*
** *Так в рукописи.*
*** *Далее в рукописи зачеркнуто* и сына.

ли, и голову и руки и ноги взоткнули на колье деревяные, и стояли на колье голова и руки и ноги з год на Болоте... *

// В лето 7187-го году, октября в 9 день, приезжал к Москве л. 25 об.
к великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу 1678
поданной его царского // величества Калмыцкой князь Каспилат л. 26
Муциловичь Черкаского. И был на приезде 11 числа октября, а стоял за Москвою рекою на Телятниковском дворе.

Во 187-м году, ноября в 8 день, в собор архистратига божия 1678
Михаила, на утвержденном каменном месте благовестили в самой большой колокол.

Во 187-м году, июля в 16 день, привезли к Москве разбой- 1679
ника, прежде бывшаго его царского величества стольника, Прохорка Кропотова. А везли ево по Тверской улице на телеге, на которой был привезен вор донской казак Стенка Разин, окован же, и петля над головою висела. Июля в 17 день, пытав, ево казнили на площади Красной, голову отсекли за ево воровство, что он многие села и государеву казну разбивал и многих людей губил и деревни выжигал и всякие блудное насилье над бояронями и над девицами чинил. И поместья ево и вотчины розданы в роздачю жилцом беспомесным, а жене ево дан четвертой жеребей.

Во 188-м году, октября в ** день, великий государь указал 1679
в Московском государстве бояром и окольничим, и ближним людем ходить в ферезеях цветных, всяких чинов людем в кафтанах всяких, а в охобнях и в однорядках ходить не велено. И со многих людей в Кремле городе по воротам, з дворян и с подъячих, охобни и однорятки здирали и клали в караульню до указу.

Того ж 188-го году, июля в 18 день, великий государь царь и 1680
великии князь Феодор Алексеевичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец венчан законным браком на царице // на Агафье Симеоновне Грушецкой, взята из двора думного л. 26 об.
дворенина Семена Ивановича Заборовского, а ему была по родству племянница. И в тот день город Кремль был заперт.

Во 189-м году, ноября в 13 день, явися на небеси знамение: 1680
столп облачен велий от звезды на западе светел, яко же дым во время пожару, как бывает в темную нощ. А явися прежде во втором часу нощи, как взошел месяц, а та звезда под ним была того числа человеком невидима, потому что объявился на западе ниско. И стоял тое нощи, покамест светил месяц, так же стоял и по вся нощи и без месеца, и что нощ стоит, то выше по небеси со звездою шел чрез государство Московское. И прошла та звезда на восток в среди небеси, как взошла, и тогда казался тот столп невелик, яко же бывают звезды с хвостами, а хвостом шла к востоку. И была та звезда месяц с лишком.

---

* [*Далее на л. 21 об.— 25 об. следует текст о Чигиринском походе, опущенный М. Н. Тихомировым*].

** *Оставлено место для числа.*

1689 Во 197-м году, августа против 31-го числа в Троецком Сергиеве монастыре на втором часу нощи в первой четверти великий государь царь Петр Алексеевичь в Троецком Сергиеве монастыре ходил по монастырю по вратам и печатал своим царским перснем, и запечатав того же часу пришел в свои в полаты, и немного мотчав вскоре вышел на крылцо и стал государь у левого столпа, а подле ево бояре, и велел он государь призвать всех стольников и полковником, и дворяном, и всяких чинов людем, так же соцких и десятников, и пятидесятников, и рядовых. И тут велел он, государь, честь изветные писма думному
л.27 // своему дьяку Автамону Ивановичю Иванову. И он думной писма чел.

А в тех писмах написано: В нынешнем во 197-м году, августа против 8-го числа в селе Преображенском, извещени выборные и десяцкие розных полков, как их выборных и десяцких призвал окольничей Федор Шагловитой и научал их злому делу, чтоб побить Нарышкиных, тако же и царицу Наталию Кириловну, и святейшаго патриарха, и боярина князь Бориса Алексеевича Голицына, Викулу Извольского, Федора Зыкова и Лопухиных-де всех, опричь Василья Аврамовича, буде ево в то время не излучитца. А говорил-де им такие речи и научал о убивстве со 193-го году по вся годы по многие времена в господьские праздники и в выходы государские. Да они же сказали: в нынешнем-де во 197-м году, августа в 7 день, призвал их Стремянного полка пяти человек десятников, в том числе Ипат Ульфов, и говорил, чтоб им тое ночи оседлав лошади выехать к сьезжей избе на Лубянку, а как пришлет к ним из города Никитку Глаткова с вестью, и им бы, взяв с собою по сту человек стрелцов, человеку *, и ити под село Преображенское и стоять одному под рощею, а другому у мосту, а третьему близ Преображенскова в таином месте, и ему, Федору, весть подать, которым путем царь поидет к Москве и чтоб за ним бояр побить. И дал им, стрельцам, 5 человеком по 25 рублев человеку, чтоб были готовы на такое дело. И они-де пять человек, такого дела не хотя учинить, тех-де людей по сту человек собрав, и сами выехали и стали на Лубянке у лавочек в третьем часу нощи. А как же-де прибежал денщик с вестью да Никитка Глаткой,
л. 27 об. и почал-де на них // кричать, что они долго не едут, а сказал Никитка, что-де всех полков стрелцы в городе и к набату-де язык он, Никитка, привязал, и сам поехал. И они-де 5 человек, призвав Федосеевского священника в церковь и ему... **

Августа в 31 день, в третьем часу дни великий государь изволив итти из своих хором в церковь к чюдотворцу Сергию и, приложась к чюдотворцовым мощам, пришел в свои хоромы. А святейший патриарх литоргию отслушав, пошел святейши патриарх к великому государю вверх. А в то время пришли

* *Так в рукописи.*
** *Осталось недоконченным.*

в Троецкой Сергиев монастырь всех стрелецких полков выборные десятники и пятидесятники и соцкие да всех слобод выборные посацкие люди по пяти человек *.

От рожества Христова 1700-го году царь Петр Алексеевич повелел делать медные денги копейки, денежки и полушки, и торговать ими. А весом в копейке 2, в денежках, в полушке ползолотника, так же и манеты рублевики, полтинники, полуполтинники, гривеники, алтынники серебрены и червонные, золотые.

II. ЗАПИСКИ О СТРЕЛЕЦКОМ БУНТЕ

Помещены в рукописи Центрального государственного архива древних актов в Москве (ЦГАДА), собрание Ф. Мазурина, д. 522, под заголовком «Книга, глаголемая Летописец великия земли Росийския, великого князя словенскаго, отколе и в кои лета начаша княжити». Рукопись в четвертку, на 310 л., писана скорописью конца XVII в., без конца. Текст летописца начинается со всемирного потопа. Записки помещены на л. 298 об.— 310 об.

Лета 7189-го году на Московском государстве бысть знаме- л.298 об. 1681
ние велие: на небеси явися против самой Москвы на зимней запад звезда. Величиною она, как и прочии звезды, светлостию ж тех звезд светлее, хвост у нее велик, стояще хвостом на Московское государство. От самой же звезды той как пышет. И поиде от звезды хвост узок и от часу нача роспростронятися в ширину, // яко на поприще. Людие ж всии, видя такое знамение, ди- л.299
вяся и недоумевахуся: «что будет?» Мудрые ж люди о той звезде растолковаху, что та звезда на Московское государство стоит хвостом не к доброму делу. Так и учинилась. О той звезде толкуется: как она стоит главою над которым государством, и в том государстве подает бог вся благая и тишину и никатораго мятежю в том государстве не живет. А на кои государства она стоит хвостом, в тех же государствах бывает всякое нестроение и бывает кровное пролитие многое и межуусобныя брани и войны великие меж ими. Тако же и збысться в Московском государстве: от стрельцов и от салдатов учинилося смятение великое, бояр порубили и невежством своим в царские, и в царицыны, и в царевнины хоромы ходили, бояр обыскивали.

Того ж году, июля в ** день, родися у государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца царевичь и великий князь Илья Феодоровичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец; крещен бысть в Чюдове монастыре. А крестил ево, государя, святейший Иоаким патриарх Московский и всеа Русии; отец крестной — троецкой келарь.

---

* *Дальнейший текст приписан другим почерком в конце листа.*
** [*Оставлено место для числа*].

Того ж году, июля в * день, преставися благоверная и христолюбивая царица и великия княгиня Агафья Семионовна,
л. 299 об. // погребена в Вознесенском девиче монастыре, где и прочии царицы погребаются.

Того ж году, июля в * день, преставися благоверный государь царевичь и великий князь Илья Феодоровичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, погребен в соборе архангела Михаила Иоакимом патриархом Московским и всеа Русии и всем освященным собором.

1682 Лета 7190-м году, февраля в 15 день, о втором законном сочетании браку государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца.

Государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, поговоря с сестрами своими, з государынями царевнами, похотеша совокупитися второму законному браку. И взя государь за себя Матвееву дочь ** Опраксина Марфу Матвеевну. А на свадьбе были в тысецких и в друшках, и в свахах, и во всяких чинах прежние, которые были у него государя в чинах на прежней радости.

Того ж году, апреля в 27 день, в другонатцатом часу дни преставися государь царь и великии князь Феодор Алексеевичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец.

л. 300 Того ж // часу изобрали на Московское государство царем брата ево, государева, меньшова царевича и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, мимо большова ево брата царевича Иоанна Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца. И крест ему, государю, целоваша бояря и окольничие, и думные, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и дворяне городовые, и дети боярские, которые в то время были на Москве, и стрельцы, и дворовые, и всяких чинов люди.

И назавтрее весь день и до погребения царьского благовест был в большой колокол. А на погребение царское на выносе преже несоша крест запрестольной да образ пречистыя богородицы запрестольныя и затем шол патриарх Иоаким со властьми и со освещенным собором. И погребоша его, государя, в соборной церкви архангела Михаила, иде же и прочии цари погребени.

Того ж году, майя в 15 день, на Московском государстве было смятение. Стрельцы, все приказы и выборной полк, салдаты пришли в город в Кремль во 11 часу дни з знамены и з барабаны, с мушкеты и с копьи и з бердыши, а сами, бегучи в город, кричали, бутто Иван да Офонасей Кириловичи Нарышкины удушили царевича Иоанна Алексеевича. А начальных //
л. 300 об. людей с ними, полковников, ни полуполковников, ни капитанов,

---

* [*Оставлено место для числа*].

** *Здесь в рукописи оставлено чистое место.*

а у салдат тоже начальных людей с ними никово не было. И прибежав стрельцы и салдаты в город в Кремль, и взбежали на Красная и на Постельная крыльцо, и в царския хоромы, имали насильством своим с Верху, из государевых хором, от самого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца баяр и окольничих, и думных, и стольников, и метали с Верху, с Краснова крыльца на землю, а на земли рубили бердыши и кололи копьи. А как в город бежали и говорили все один заговор, бутто боярин Иван да стольник Офонасей Кириловичи Нарышкины хотели в Верху удушить царевича Иоанна Алексеевича. И порубили своим насильством бояр: баярина Артемона Сергеевича Матвеева взяли от самого государя и, выветчи, скинули на землю с Краснова крыльца и, подхватя на копьи, изрубили бердыши; баярина князь Григорья Григорьевича Ромодановского сыскали у патриарха и, выветчи перед приказы на площадь, изрубили бердыши и искололи копьи; боярина князь Михаила Юрьевича Долгорукова, ухватя в проходных сенех, изрубили на Красном крыльце; думнова дьяка Лариона Иванова скинули с Краснова // крыльца и изрубили бердыши в части; сына Лариона Иванова Василья скинули с Краснова ж крыльца, изрубили бердыши; стольника Феодора Петровича Салтыкова изрубили у Мастерской полаты. л.301

Стольника Офанасья Кириловича Нарышкина свели с верху потайною лесницею, что к заподным дверем к собору, и, выветчи на площадь перед приказы, искололи копьи и изрубили бердыши; полковника Андрея Семенова сына Дохтурова изрубили на площади в Кремле; полуполковника * изрубили в Кремле; лекаря Данилова сына изрубили у Лобнова места на площади.

Боярина князь Юрья Алексеевича Долгорукова на дворе ево вывели ис полат на верхнее крыльцо, и много было шуму; и отпустили ево опять в полаты. И почели кричать, чтоб стрельцы з двора пошли далой. И проломились в винной погреб, почели пить вино. И, немного поноровя, боярина князь Юрья Алексеевича, прибежав иные с улицы стрельцы и салдаты, в другой ряд вывели ис полат на крыльцо // и бросили в окно с верхнева крыльца на землю, тут ево изрубили бердыши и выволокли мертвова на улицу перед ево ворота. И лежал ночь у ворот, а на другой день пришот, иссекли его в дробныя части, поругались нехристиянскии. л.301 об.

Боярина Ивана Максимовича Языкова изымали стрельцы, нашли у Николы на Хлынове меж Тверской и Никицкой у попа, и провели в город поздно, изрубили на площади у Лобнова места, в оддачю часов, в дробныя части. А в кою пору рубили и в то время на городе Кремле били в набаты. А како в городе Кремле рубили, всех волочили к Лобному месту на площадь.

---

* *Здесь в рукописи оставлено чистое место.*

А дворы князь Юрья Алексеевича Долгорукова, Ивана Максимовича Языкова, думнова Ларионна Иванова розорили и розграбили ночью.

Того ж месяца в 16 день те ж стрельцы, все приказы, и салдаты пришли в город в Кремль в третьем часу дни з знамены и з барабаны, и с мушкеты, и с копьи, и з бердыши, с невежеством большим пошли по всем царским хоромам и по царицыным и по царевниным, искали и просили боярина Ивана Кириловича Нарышкина. И государь царь и царицы государыни и царевны
л.302 упросили у них сроку со слезами до утрея. // И они да утрея сроку дали. А взяли с Верху думнова Аверкея Степанова. И царь государь, и царица государыня, и царевны государыни со слезами у стрельцов просили, чтоб Аверкея отпустили. И стрельцы не послушали, Аверкея вывели на площадь к Лобному месту, изрубили бердыши и копьи искололи, поругательство большоя чинили, руки и ноги и головы отсекали.

Того ж числа с князь Юрьева двора Алексеевича, с Иванова двора Максимовича, с Ларионова двора Ивановича, которые всяких чинов люди понесли грабежем з дворов их платья и посуду,— и их ловили стрельцы и водили с поличным в Кремль к стрельцам же. И в то время выслали на площадь в Китай стрельцы бирича кликать, чтоб боярских дворов и посадцких людей и лавок не грабили. И послали з знаменем, с чорным, сотню салдатов всяких чинов людем говорить, чтоб грабежу никакова не было, хотя з дву денежным поимают и приведут, тово изрубить. И, ходя по Красному мосту, о том окликали. А каторые с поличным поиманы были,— и приводили их в город в Кремль и тех всех высылали и с поличным, хто с чем поиман, на площадь к Лобному месту, и на площади у Лобнова места и у Казанской богородицы на Красном мосту рубили тех всех бес пощады. А поличная опять относили в город. А иных и, в город не водя, после бирича и салдацкова оклику, // которых приводили с
л.302 об. поличным всех рубили на большом на Красном мосту. И тово дни срубили всякова чину человек з...*

Того ж месяца, майя в 17 день, стрельцы ж все приказы и салдаты пришли в город в Кремль в третьем часу дни з знамены и з барабаны, и с мушкеты, и с копьи, и с пушками и ходили тож по всем царским хоромам и царицыным и царевниным невежеством большим и просили боярина Ивана Кириловича Нарышкина. И царь государь и царицы государыни и царевны со слезами у стрельцов упрашивали о боярине Кириле Полуехтовиче Нарышкине и о боярине Иване Кириловиче. И стрельцы не послушали, баярина Ивана Кириловича взяли да Данилу лекаря сыскали, и пытали их на пытке в Костентиновской башне. И, пытав баярина Ивана Кириловича, привели к Лобному месту на площадь в девятом часу дни в полы и изрубили бердыши

---

* *В рукописи оставлено чистое место.*

и копьи искололи и поругались всяческии: отсекли голову и руки, и ноги обсекли и, взоткнув голову и руки и ноги на копьи, и носили по мосту по Красному на оказание всем людем, а туловища иссекли и подымали на копьях вверх многожды. И голову взоткнули на долгое копье и носили, поругалися. И, нося, на копье взоткнули на долгой жа шест, где висели не знама какие гадины, иные называли // морския рыбы о семи хвостах и л.303
о пяти. А нашли их у думнова дьяка у Лариона Иванова. А стрельцы и салдаты, в то время как вывели и рубили боярина Ивана Кириловича Нарышкина, все вышли ис Кремля на Красную площадь.

В том же в девятом часу пытали Данила-дохтура в три кнута и, пытав, привели из застенка тут жа на площадь к Лобному месту и у Лобнова места изрубили и поругательство такое же чинили, как и боярину Ивану Кириловичю Нарышкину: и голову и руки и ноги так жа обсекли и туловища на копьях подымали и не одинова. А как их рубили, выветчи ис Кремля, у Лобнова места,— в те поры били в набат у Спаских ворот.

Того ж месяца, майя в 18 день, приходили стрельцы ис приказов в Кремль без ружья и взошли вверх на Постельная крыльцо. И государыня царевна Софья Алексеевна выходила к стрельцам на крыльцо, а Кирила Полуехтович Нарышкин стоял на нижнем рундуке. И царевна стрельцам говорила многое время, а что, не слышать издали. И как стрельцы пошли и боярин Кирила Полуехтович трожди стрельцам в землю челом, а за что, не ведомо, не слышать, что́ говорили.

Того ж числа баярин Кирила Полуехтович пострижен в Чюдове монастыре; во иноцех имя ему Киприян.

Того ж месяца, маия в 19 день, боярин Кирила Полуехтович, во иноцех // старец Киприян, послан в сылку на Белоозеро в л.303
монастырь х Кирилу Белозерскому чюдотворцу с меньшим сы- об.
ном с Федором Кириловичам. Пристав у нево — думной дворянин Иван Петров сын Лихарев да 50 чсловек стрельцов.

Дьяка Михайла Вешнякова по доводу людей ево пытали стрельцы; с пытки и умер. А пытали в том, бутто он, Михайло, хотел своею казною на стрельцов ратных людей нанимать.

Роспись, каторые по стрелецкому приговору розосланы были по розным городам; и приговорили их сослать в Сибирь.

В Тоболеск: Кондратей Фомин сын Нарышкин, Матвей Филимонов сын Нарышкин, Иван Андреев сын Языков, Степан Богданов сын Ловчиков.

В Томской: Алексей Тимофеев сын Лихачов, Михайла Тимофеев сын Лихачов, Григорей Филимонов сын Нарышкин, Иван Иванов сын Нарышкин, Стрелецкого приказу дьяк Михайла Прокофьев.

В Енисейской: Петр Аврамов сын Лопухин, думной дьяк Григорей Богданов да сын ево Феодор, да думной дьяк Данила Полянской, да Стрелецкого приказу дьяк Федор Кузмищев.

В Мангозею: Семен Иванов сын Языков, Матвей Федоров
л.304 сын // Карандеев.

В Кузнецкой: Мартемьян Кирилов сын Нарышкин, Матвей Филимонов сын Нарышкин, Лев Кирилов сын Нарышкин, Василей Федоров сын Нарышкин.

В Нарымской: Андрей Артемонов сын Матвеев, Василей Барисов сын Бухвостов.

Того ж месяца, майя в 20 день, баярина Ивана Кириловича да стольника Афонасья Кириловича Нарышкиных тела их с площади от Лобнова места взяли. И погребены у Петровских ворот в монастыре Петра и Павла после вечерни. Да в то ж время вместе с ними погребен...*

Того ж месяца, майя в 26 день, изобрали на Московское государство во цари другова государя царя и великого князя Иоанна Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, большова брата царя Петра Алексеевича. И крест ему государю целовали баяря и окольничие, и думные, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и дворяне городовые, и дети боярские, которые в то время были на Москве, и стрельцы, и дворовые, и всяких чинов люди.

Того ж году, июня в 4 день, в самой в Троицын день ввече-
л.304 ру // на первом часу ночи учинился за Тверскими вороты сполох: стрельцы почели бить в барабаны и у церквей в колокола
об. и около Москвы во всех приказех били по борабаном и в Москве в Стремянном приказе. А пронеслася ложная весть, бутто люди боярския на Бутырках в слободе всех салдат порубили, а скопом-де збираютца в Марьинской роще. И стрельцы з знамены и з барабаны, и с снарядом, с пушками, и с мушкеты, и с копьи, и з бердыши многия приказы пришли под Бутырки.

А в Бутырках тоже учинилась замятня и сполох; и стоят салдаты все строем. И, видя, стрельцы, что пролгалось, и ходили тое ж ночью под Марьинскую рощю; и никово не нашли, только поймали двух человек пьяных, бродящия люди; и сказали, что от тех и смута сполошная учинилась.

Того ж году, июня в 5 день, тех дву человек, которых стрельцы поймали ночью под Марьинскою рощею, пытали и тово ж дни под Марьинскою рощею их повесили.

Да того ж числа четырех человек на площади у Лобнова мести казнили, головы отсекли Андрееву человеку Ильина сына Безобразова да Иванову человеку Офонасьева сына Прончищева, а тех двух не знама каких людей. А казнили их за то: пьяным делом говорили на кружале, что самих стрельцов так жа рубить и на копьи поднять, как бояр рубили. //

л.305 Зделали стрельцы всеми приказы у Лобнова места столп каменной, и на том столпе со все четыре стороны прибили листы

---

* *В рукописи оставлено чистое место.*

большия медные лужоные. А подписали, бутто все то делолося по государеву указу, как бояр рубили и за что.

Того ж году, июня в 14 день, в осмом часу дни пытали в застенке Матвея Дидьянца, что назывался царевичам Дидьянским, да ярославца посацкова человека, за то, что затеели на князь Никиту Ивановича да на князь Якова Никитича Одоевских, бутто они говорили, чтоб стрельцов половина розослать по городом, а другую половину перевешать на Москве около Землянова города. И с пытки они зговорили, а сказали, что затеяли напрасно. И то Дидьянец на пытке сказал, что он не царевичь, боярской сын. Да в то же время пытали полковника Матвея Михайлова сына Вешнякова да полковника Степана Иванова сына Янова. И, пытав, тово ж числа в осмом часу дни Матвея Дидьянца да полковника Степана Янова казнили у Лобнова места, четвертовали. А ярославцу посацкому человеку голову отсекли. А Матвея Вешнякова, пытав, и вместо смерти упросился у стрельцов постритца. И приговорили постричь и сослать в ссылку. А с пытки он ни в чом не винился. А пытали ево по доводу людей их, бутто он с отцом своим хотели своею казною на стрельцов ратных людей нанимать. //

Того ж году июня в* день зделали стрельцы всеми приказы л.305
у Лобнова месте столп каменной, четвероугольной, свершили об.
шатром и покрыли черепицею мурамленою, и на нем прибили листы большия, подписаны со все четыре стороны. А подписали, бутто все то делолася по указу великих государей, как бояр рубили и за что, и иныя подписаны были всякия многия розныя статьи против их воли, как впредь чему быть.

Того ж году, июня в 25 день воскресенье, венчалися царским венцом государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы в соборной и апостольской церкви. А венчал их, государей, Иоаким патриарх Московский и всеа Русии со властми Московскаго государства.

И быша у великих государей столы по три дни. И многих великие государи жаловали, иных в бояря, иных в окольничия, иным дано думное дворянство, иных в стольники, иных в стряпчия, иных во дворяне московския, иных в жильцы.

А пожаловали в баяря того ж числа стольника князь Андрея Ивановича Хованского, стольника Михаила Львовича Плещеева, стольника Матвея Богдановича // Милославского. Да л. 306
того ж числа пожаловали великие государи в окольничие думнова дворянина Веденихта Андреевича Змеева да стольника Семена Ларионовича Милославского. Того ж числа в думные дворяне пожаловали Василья Лаврентьевича Пушечникова да Петра Савича Хитрова.

---

* [*Оставлено место для числа*].

Того ж году, июня в 26 день, у великих государей стол был. Пожаловали великие государи в баяря Бариса Петровича Шереметева, князь Михаила Ивановича Лыкова, Бариса Гавриловича Юшкова. Того ж числа пожаловали великие государи в окольничие Василья Савича Нарбекова, Тихона Никитича Стрешнева. Того ж числа в думные дворяне пожалованы Аврам Ивановичь Хитрова, в спальники пожалован Петр Петрович Салтыков.

Июня в 27 день у великих государей стол был. В баяря пожалованы князь Андрей Иванович Голицын, Алексей Петрович Салтыков, Иван Тимофеевич Кондырев. В окольничие пожалованы Андрей Васильевич Толстова, Богдан Федоровичь Поли-
л. 306 об. бин. В думные дворяне пожалованы Иван Иванович // Сухотин да Максим Исаевич Сунбулов.

Июня в 29 день у великих государей стол был. Пожаловали великие государи в баяря князь Василья Петровича Прозоровскаго, Федора Прокофьевича Соковнина, князь Костентина Осиповича Щербатова. В окольничие пожалован Иван Федорович Пушкин. В думные дворяне пожалованы Василей Данилович Мясной да Микита Савичь Хитрова.

А которых баяр и думных стрельцы порубили и животы их, баярина Ивана Максимовича Языкова, Алексея да Михаила Лихачовых, думнова Лариона Иванова, думнова Аверкея Степанова, и иные животы многие, поиманы все в Верх и иконы в Столовую полату, переписаны и оценены самою дешевою ценою. И имали все стрельцы в цену. А иным мимо их никому ничево не продавали. И роспродано многое множество всяких животов. А приказаны те животы опальные продавать баярину князь Андрею Ивановичю Хованскому.

Июля в 5 день приходили в город в Верх с невежством большим в Грановитую полату на собор к светейшему патриарху Иоакиму и ко властем и ко всему освещенному собору и к бояр-
л. 307 ром поп Никита Пустосвятов, что преже сево бывал // в Суздале в соборной церкви, а был он в ссылке. А с ним приходили чернецы два приезжия неведомо откуды. Да к ним жа пристали многия стрельцы и иных чинов люди. А приходили в Верх в Грановитую полату, несли евангелие с евангилисты и книги и налои. Прение у них было в Верху многое время о кресте: как креститца. И с Верху пошли из Грановитой полаты золотою лесницею, несли евангелие и книги и налои.

И пришли на Лобное место, и на Лобном месте тот поп и чернецы евангелие чли и книги, собралося к ним множество народа. И были на Лобном месте с час. И пошли с книгами и с налои на стоялые свои дворы за Яуские ворота. И после тово спустя с неделю попа Микиту Пустосвятова у Лобнова места казнили, голову отсекли, а чернецов сослали в сылки неведомо куды за их плутость. И ото всево освященнова собору преданы они, плуты, проклятию.

Того ж году, августа в 4 день, великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы пошли с Москвы в поход в село Коломенское. И в Коломенском были немалое время.

И ис Коломенскова пошли в поход в село Воробьева, из Воробьева села в поход пошли Воскре//сенское новое, что патриарх Никон строил. А из Воскресенского, не занимаючи Москвы, объездными дорогами в поход пошли в Троецкой монастырь и жили многое время Воздвиженском и в Троецком монастыре. л. 307 об.

А на Москве в то время от стрельцов и от салдатов было волнение великое, владели всем Московским государством стрельцы, что хотели, то делали. С какими государскими обиходы к великим государем х Троице поидут и они не пропущали, ворочали назад. И всеми приказы около Московскаго государства по Земляному городу короулили накрепко и день и ночь, и по полым местам поделали надолобы и рогатки поставили, и в слободах по большим проезжим улицам крепости учинили, опасались на себя приходу от великих государей ратных людей.

И великие государи в то время ис Троецкого монастыря по городом розослали грамоты, указали быть вскоре в Троецкой монастырь ратным людем. И в Троецкой монастырь съехались множество ратных людей.

А указано у ратных людей быть воеводам, каторые ратные люди были у великих государей. Воевода у них баярин князь Василей Васильевич Голицын, другой воевода с ратными людми в Переславле Залеском баярин князь Петр Семенович Урусов, третей воевода с ратными людми на Коломне боярин Алексей Семеновичь Шеин; четвертой воевода с ратными людми //л. 308 на Резани баярин князь Михайла Иванович Лыков.

И стояли ратные люди около Троецкого монастыря многое время и по городам, где которому указано быть.

А великие государи были в то время в селе Воздвиженском.

1682

Лета 7191-го, сентября в 16 день, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев указано быть с Москвы в поход Воздвиженское баярину князь Ивану Андреевичю Хованскому да сыну ево баярину князь Андрею Ивановичю. И баярин князь Иван Андреевич и сын ево князь Андрей Иванович в поход воздвиженской поехали. А с ними поехали всякова люду человек с семдесят. А на дороге стал баярин князь Иван Андреевич на стану в селе Пушкине у крестьянина на гумне. А сын ево баярин князь Андрей Иванович поехал в деревню свою от села Пушкина версты з две. И приехали от великих государей ис села Здвиженского баярин князь Михайла Иванович Лыков, а с ним многие люди служивые, в село Пушкина и баярина князь Ивана Андреевича Хованского взяли и, свезав, посадя на лошадь, поехали в деревню

их за сыном ево за боярином за князь Андреем Ивановичам.//
л. 308 об. И в деревни ево взяв, связали и посадили на лошадь и повезли в село Воздвиженское отца ево и ево, князь Андрея, к великим государем. А людей их, которые с ними были, ружье у них побрали и, всех перевезав, оставили в Пушкине, приказали старцу их беречь, которому в Пушкине приказано. А то село Пушкино...*

А в то время сын ево боярской князь Иван Иванович был в походе у великих государей Воздвиженском, и неведомо из бояр хто ему сказал, что по отца ево и по брата великие государи послали и хотят казнить. И он, князь Иван, из Оздвиженского ушол не дорогою, болотами и лесами, к Москве.

А баяр, князь Ивана Андреевича и сына ево баярина князь Андрея Ивановича, привезли в село Воздвиженское и, не водя их на дворец к государем, вышли все баяря, которые были с великими государи в походе, вынесши, чли им, баярину князь Ивану Андреевичу и сыну ево баярину князь Андрею Ивановичю, наказ. А в наказе написано, что он, баярин, князь Иван Андреевич и сын ево князь Андрей Иванович, великим государем изменили: приговорил он, баярин, князь Иван Андреевич к себе ис стрельцов и ис посадцких людей девять человек, а говорил им, чтоб они всех стрельцов и салдатов наговаривали; и хотел с стрельцами и с салдаты Московскаго государства Белой город запереть и рубить баяр Черкаских, Одоевских, Милослав-
л. 309 ских, // Голицыных и иные роды баярские. А сам он хотел на Московском государстве быть царем, а сына своего баярина князь Андрея Ивановича хотел женить на царевне Софье. А великих государей царей хотел известь, а цариц и царевен казнить. А стрельцом давать, иным баярство, иным окольничество, иным думное дворянство и хотел жаловать иных в стольники, иных в стряпчия, иных во дворяне московския, иных в жильцы. А доводили на нево, баярина, из ево ж приговору и прочетчи им наказ, за вороты ответчи под гору недалеко, тут и казнили баярина князь Ивана Андреевича и сына ево князь Андрея Ивановича Хованских, головы им отсекли, а тела их велели схоронить на Городце.

А сын ево, боярина князь Ивана Андреевича, князь Иван Иванович приехал к Москве в ночи, с воскресенья на понедельник сентября во 18 числе в шестом часу ночи, и учинил тое весть на Москве стрельцом, что отца его баярина князь Ивана Андреевича, и брата ево, баярина князь Андрея Ивановича, в селе Воздвиженском казнили.

И стрельцы по ево вестям велили бить в набат у Спаских ворот в семом часу ночи. И взволновалися стрельцы все приказы, хотели итить в село Воздвиженское с нарядом, с пушками и с мушкеты, и с копьи, и з бердыши на великих государей. И

---

* *В рукописи оставлено чистое место.*

думы были у стрельцов по всем приказам и раздумали, не пошли, итить поблюлись. //

Того ж году, сентября в* день, в селе Воздвиженском учи- л.309
нился всполох; сказали великим государем, что стрельцы все об.
приказы, со многим с нарядом на три дороги с Москвы идут на великих государей боем. И великие государи и государыни царицы и государыни царевны из села Воздвиженского поднялися совсем, поход свой учинили х Троице в монастырь. А которые вести им, великим государем, учинились, и то пролгалось. И жили у Троицы в монастыре многое время.

Того ж году, октября в 2 день, по указу великих государей спальника князь Ивана Ивановича Хованского за приставом с Москвы повезли к великим государем х Троице. И от Троицы послан в ссылку в Сибирь.

Того ж году, октября в * день, князь Иванову жену Ивановича Хованского с Москвы повезли в ссылку в телеге и под серою полстью; за нею идучи боярские баярыни, которые ее провожали, выли голосами и, проводя ее, воротились.

Того ж году, октября в* день, великие государи цари и государыни царицы и царевны ис Троецкого монастыря пришли под Москву в село Алексеевское и хотели итить в Коломенское.

Того ж месяца, октября в* день, святейший патриарх Иоаким Московский и всеа Русии с Москвы пошол к великим государем и к государыням царицам и к государыням царевнам в село Алексеев//ское и бил челом ото всево Московскаго государ- л.310
ства великим государем и государыням царицам и государыням царевнам, чтоб они, великие государи, шли к Москве на свой царской престол и им, великим государем, известил, что на Московском государстве все, дал бог, смирно и тихо.

Того ж году, ноября в 2 день, по указу великих государей перед их приходом к Москве, что зделали стрельцы всеми приказы столп каменной у Лобнова места, и по государскому указу сломали до пошвы, и камень, в чом сделан был, тово ж дни с площади от Лобнова места свожен к Земскому приказу.

Того ж месяца, ноября в 3 день, в осмом часу дни пришли к Москве ис села Алексеевского великие государи и государыни царицы и царевны. А шли в Москву строем: наперед их, государей, шол полк баярина князь Василья Васильевича Голицына. Того ж месяца, ноября в 26 день, в четвертом часу дни в обедни волею божиею загорелися царския хоромы царя Петра Алексеевича, и погорели царицыни и царевнины хоромы все и казны множество згорело, потому как загорелась, в то время все были у обедни. И на соборной апостольской церкви кровля вся згорела и киот над полуденными дверьми, над богородицею згорел, осталась толька половина // киота. И на церкви Москов- л.310
ских Чюдотворцов, и на патриаршей Крестовой полате, и на об.

* [*Оставлено место для числа*].

обоих сенех у Крестовой кровли погорели. А у патриарших келей кровли сломали, а кельи целы.

Того ж году, декабря в 27 день, приходили стрельцы в город перед Красная крыльцо Павлава приказу...* сына Бахина и принесли с собою плахи и топоры. И положили перед Красным крыльцом плахи и топоры, и сами выборные тово приказу легли на плахи, а иные на земли. И доложили о том великим государем. И приходил к ним с Верху от великих государей думной дьяк Стрелецкого приказу Федор Левонтьев сын Щекловитов и спрашивал стрельцов, что́ они пришли и с какою виною. И стрельцы сказали: «Сказывают-де великим государем, что мы бунт заводим и от нас-де бунту и заводу никакова нет, чтоб-де о том великие государи указали розыскать: будет-де какой от нас бунт или завод объявитца, велите-де, великие государи, нас казнить всех». И думной пошол в Верх к великим государем и долго ево не было. А к стрельцам в то время ис под Грановитой полаты полковник их вышел Павел Бахин и стрельцам плахи и тапоры велел перенесть перед Грановитую полату перед окошки. И полегли так же. И сошли с Верху к ним от великих государей окольничей Веденихт Андреевич Змеев, а с ним сошол тот жа думной дьяк...**

III. ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСИ ПОДЬЯЧЕГО

Памятные записи помещены в рукописи [Отдела рукописей Государственной] библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Музейное собрание, № 1567. Рукопись представляет собой сборник, размером в четвертку, на 83 л., без начала и конца. Писана она скорописным почерком второй половины XVII в.

На л. 1—4 об. помещен летописец конца XVII в. под названием «Летописец». Некоторые места летописца неразборчивы, так как буквы стерлись.

л. 1

Летописец

1646—47	Во 154-м и во 155-м в Белегороде у довотного... *** дела.
1647	Во 155-м году во Пьскове.
1654—1657	Во 162-м и во 163-м, и во 164-м, и во 165-м годех в ево государевых в литовских и в немецких походех.
1657—1659	Во 166-м и во 167-м году на Госеепъском бою.
1659—1660	Во 167-м и во 168-м годех на Конотопском бою.
1661	Во 169-м году на Сапегине бою.
1662—1663	Во 170-м и во 171-м годех в Севеску.

---

* *В рукописи оставлено чистое место.*
** *На этом кончаются записки.*
*** *Неясно.*

Во 172-м и во 173-м годех в Литовских городех. 1664—1665

Во 176-м и во 177-м годех в Севеску и в Молоросийских городех. 1668—1669

Во 179-м в низовых городех. 1671

Во 183-м году в Севъску. 1675

Во 184-м и во 185-м годех в Молор(ос)ийских городех.// 1676 л.1об.

Во 185-м и во 186-м годех под Чигириным. 1677—1678

Во 186-м и во 187-м году в Путивле. 1678—1679

Во 187-м и во 188-м годех под Киевым. 1679—1680

Во 188-м году в Путивле ж. 1680

Во 199-м, декабря в 21 день, в Киевьскаго... * 1691

Во 188-м году, ноября вь 21 день, на праздник Вьведения богородица пожалован на Ивановскую площадь, меж было благовестия и...** отказано с площади с Ывановской во 190-м году, генъваря в 15 день. 1680

Во 198-м году, сентября в первых числех, обыски. // А пожалован во 190-м году, апреля (2) день, на память преподобного отца нашего Тита чюдотворца. 1689 л. 2

Во 190-м году, апреля в 27 день на память святаго священомученика Семиона сродника господня по плоти, великого государя царя Феодора Алексеевича в другоноцотом *** часу в последней четверти преставися. 1682

Смятение на бояр было во 190-м году, маия в 15 день и в 16 день и в 17 день числех. В 18 день боярин Кирила Полуехьтовичь пострижен в Чюдове монастыре. Боярина князя Ивана Андреевича с сыном ево Хованьских козняны во 191-м году, сентября в 18 день, на память святых мучениц дев Веры, Любве, Надежы и матери их Софии ****. 1682

НОВГОРОДСКИЙ ХРОНОГРАФ XVII В.

Историческая литература XVII в. мало разнообразна. На смену летописным сводам XIV—XVI вв. с их разнородными источниками в XVII в. появляются хронографы и степенные книги. Основной тип хронографов с дополнениями о событиях Крестьянской войны и интервенции появляется в первой половине XVII в. и очень устойчиво держится позднее. Степенная книга в основном также сложилась уже в XVI в. Правда, в XVII в. также возникали попытки со-

---

* *Далее неясно.*

** *Неясно одно слово.*

*** *Так в тексте.*

**** *Далее следует еще несколько мелких заметок частного характера.*

здать сложные исторические компиляции (например, Лаврухинская степенная книга), но не привели к большим результатам. Зато в XVII в. резко усиливается интерес к местной истории (история о Вятской земле, сказание о начале Москвы и т. д.). К числу таких же местных компиляций принадлежит издаваемый здесь памятник.

Рукопись хранится в [Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного] Исторического музея в Москве (собрание Забелина, № 261). Она написана в 1°, на 755 листах. Начало рукописи, по-видимому, было потеряно и дополнено уже в XVIII в. (переплет этого столетия). Л. 1—10 написаны скорописью XVIII в., остальная часть убористой скорописью 2-й половины XVII в. По содержанию рукопись представляет особый вид Хронографа. Она начинается с главы «О князех словенороссийских Лалох и Лахерно», которые якобы ходили войной на греческую землю. Вся первая часть Хронографа представляет собой легендарный летописец, о содержании которого дает понятие текст, напечатанный у [А.] Попова [1] и у [Ф.] Гилярова-Платонова [2]. На листе 16 об. помещено предисловие к Софийскому Временнику, после чего идет родословие русских князей, кончающееся на сыновьях Ивана Ивановича Красного (Дмитрий, Иоанн), чем, вероятно, кончался один из источников Хронографа.

Уже с первых страниц Хронографа замечается особый интерес его составителя к Новгороду и Пскову. К рассказу о времени Игоря и Святослава добавлена главка о граде Изборске со сказочным повествованием о начале Изборска от внука Гостомысла князя Избора, который «змеем изъяден бысть и умре». За этим следует большая глава о начале Пскова с повествованием о предсказании княгини Ольги, которая была «правнукою Гостомысловою, от Псковские земли некоего князя дщерь». Предсказание гласило, что на месте Пскова будет «град велик зело и славен». Рассказчик ссылается на существование дубового креста Ольги, который сгорел в пожар 1509 г. и был возобновлен в 1623 г. В связи с рассказом о крещении Руси составитель Хронографа сообщает многочисленные данные о Софии Новгородской, после чего следует краткий летописец новгородских владык (с л. 80), доведенный до 1674 г.— митрополита Корнилия, сходный по тексту с напечатанным. Следующий за этим текст имеет сводный характер. Кроме поздних сборников, составитель также пользовался каким-то древним источником; так, он выписывает (л. 169 об.— 170) из пергаменной летописи рассказ о голоде 1230 г. в Новгороде: «В лето 6738 списано с харатейного летописца. Тако ны господь бог воздаст по деломо нашимо, изби мразове обилие все на Спасово дне по волосте нашеи, и оттоле уставися горе велико. И почахомо купити хлебо по 50 кун, а по каде по 20 гривен ржи. А во дворехо по 30 гривено, а пшеничи по 40 гривно, а пшена по 50 гривно, а овса по 13 гривно, а ячмени по 17 гривно. И ра-

---

[1] Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собрал и издал А. Попов. М., 1869, с. 1—86.

[2] *Гиляров Ф.* Предания русской Начальной летописи. М., 1878, с. 15—22.

зыдеся градо наше и волосте наша, и полни быша чюжие гради и страны, брат на плен и сестро. А останоко почаша мерети. И кто не прослезитца о томе, видяще мервеча по уличам лежаща и младенца пси волочимы. И вложи бог во сердце благое сотворити архиепископу Спиридону и постави скуделничю у святых апостолов во Яме и пристави мужа блага и смирена и мерена (!) именем Станила, брато Доможирова, иконенаго писча, взяти мертвеча на кони, где обидуче по городу и тако безпрестани по вся дни влачаше и наполни до верха, иже бысть числом 33 000...»

Новгородский летописец, которым пользовался составитель Хронографа, имеет сходство с Новгородской IV летописью и, по-видимому, был написан в XIII в., на что указывает орфография отрывка, в котором на месте *ъ* пишется *о*, на месте *ь* — *е* (и наоборот), как в некоторых новгородских памятниках XIII в. Этот харатейный летописец, кроме того, имел характерную новгородскую черту — мену *ц* на *ч* и наоборот. Заимствование из пергаменного летописца можно проследить до половины XIV в., после чего составитель Хронографа пользовался какими-то другими источниками. В свой труд он внес много отдельных сказаний. Таковы повести: о нахождении Батыя (л. 174—190 об.) со включением в нее сказания о Меркурии Смоленском, об Александре Невском, о начале Москвы (л. 213—219 об.), о Мамаеве побоище (л. 261 об.— 292), о Тохтамышевом нашествии, о житии Дмитрия Донского и т. д.

Особый интерес имеет Хронограф для XVI в. Здесь помещена повесть о разгроме Новгорода (л. 439—443 об.). Заметки XVI в. кончаются 1583 г. Далее (с л. 446) начинается Новый летописец, продолженный известиями XVII в. и доведенный до 1679 г. С л. 670 начинается и идет до конца Казанский летописец. Составитель Хронографа пользовался некоторыми печатными источниками. Он сам ссылается на печатный Анфологион, псалтырь, печатный летописец, т. е. Синопсис.

Составитель Хронографа неоднократно указывает, что ту или иную статью надо поместить в другом месте, чем она написана. В рукопись вставлены дополнительные листы, написанные на другой, более плотной бумаге. Они иногда разрывают ранее составленный текст. Во многих случаях в рукописи оставлены пустые места, так и оставшиеся незаполненными. Одним словом, перед нами следы большой компилятивной работы, основанной на многих источниках. Забелинская рукопись — это черновик большого исторического труда. Хронограф, несомненно, составлялся в Новгороде в конце XVII в., вероятнее всего в царствование Феодора Алексеевича (1676—1682 гг.), названного государем. О новгородском происхождении Хронографа свидетельствует постоянный интерес автора к новгородской истории. В начале XVIII в. рукопись принадлежала какому-то служилому человеку. На обороте 755 листа имеется запись скорописью: «От службы отставлен, и велено мне быть в городничих». Тем же почерком сделана приписка о том, что автор ее был стряпчим новгородской таможни. Приписка относится к 1701—1713 гг.

Но почерк приписок более поздний, чем в рукописи. В самом тексте Хронографа также нет указания на его составителя. Бросается в глаза лишь большая осведомленность автора в политических и особенно в церковных делах. Но составитель Хронографа едва ли принадлежал к числу духовенства, скорее, в нем можно признать одного из приказных людей Софийского дома. С особенной теплотой и осведомленностью составитель говорит о патриархе Никоне.

Для издания взяты записи Хронографа, относящиеся к XVII в. и явно составленные очевидцами событий.

л.612 об. 1629 **О рожении государи царевиче и великом князе Алексеи Михайловиче.** В лето 7137-го марта в 17 день родися у государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии сын, благочестивый царевичь князь Алексей Михайловичь всеа Русии, и крещен бысть в Чюдове монастыре. А крестил его государь сам святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии. А отец крестный был троицкой келарь Александр.

О свицких послах. Приидоша к царю свитцкие послы от короля Густава Адольфа с тем, чтоб государь с ним стоял на литовского короля. Государь же ему повеле отказать, что с королем литовским в миру, а в християнском царстве того не повелося, что нарушить крестное целованье; а как перемерные лета отойдут, и государь тотчас не потерпит своему недругу.

1630 **О пожарех московских.** В лето 7138 премилостивый же и прещедрый человеколюбивый господь бог наш, не хотя создания своего погубити до конца, видя человеческое поползение ко гре-
л.613 ху и того ради всячески обращая нас и соотводя // от всяких неподобных студодеяний и многоразличными образы, и грозными знамении яростно устрашая нас с милостивным наказанием, наставляя нас на путь заповедей святых его.

1629 Бысть в лето 7137-го году бывшу пожару великому на Москве, загореся в Чертолье и выгоре по самую Тверскую улицу, и за Белым городом погореша слободы, после ж того загореся на другой Неглинне на Покровке у Николы у Столпа, и в ыных многих местех бывшу ж велию пожару. Того же лета бывшу вихру и дожду и грому, и молнии бывши велии, и со многих храмов главы и кресты сорвало, и хоромы многие поломаша и с места на место переношаше.

1628 **В лето 7136. О преславнем чюдеси от образа господа бога и спаса нашего Исуса Христа.** В Великом Новеграде на Торговой стороне в Славенском концы на Павлове улицы на градской башни, Каменные словет, ныне Воскресенская, со внутренные страны градцкие над враты написан на стены образ всемилостиваго спаса издавна. И стоял тот образ спасов непокровен, только над ним был малыи киот, и от многаго дожда и снега невредим бысть. Того ж Великого Новаграда были гости Андреи да Федор Иоанновы дети Харламова. И в то время бы

на них великая скорбь и беда, отданы они были градцким приставом и сидеша за приставы многое время. И в то время бысть в видении // от спасова образа, зове глас гостю Андрею Харламову на Воскресенских воротех на стене спасов образ: «Андрее, устрои на вратех Воскресенских у спасова образа крылцо и свещу». Он же, Андрей, по видению тому вся сия устрои и сотвори вскоре повеленная ему. И не по мнозе же времени от тоя беды избыша от градских приставов, в ней же беде быша. И от того времени тыя гости Андреи и Федор начаша велию веру держати ко всемилостивому спасу и всегда приходити на поклонение. Тако ж и мнози правовернии християне, велию веру простирающе, начаша на тот крылець приходити и веру и обеты держати ко всемилостивому господу богу и спасу нашему Исусу Христу, яко ж лепо быти християном. л.613 об.

В лето 7138 июля в 25 день. О рождении царевны и великие княжны Анны Михайловны. Родися у государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии самодержцу царевна Анна Михаиловна, дщи, и крещена бысть в Чюдове монастыре. А крестил еи сам святейшии патриарх Филарет Никитич. А от святыя купели приимал отец крестный троицкой келарь Александр. // 1630 л.614

В лето 7139 *. [1631]

О преставлении святейшаго Иоасафа патриарха. В лето 140. Преставися святейший Иоасаф, патриарх Московский всеа Русии, и погребен бысть на Москве в соборной церкви. Избран бысть Иосиф на патриаршество избранием великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии самодержца. 1632

В лето 7140. О смоленские службы, како ходиша русийское воинство. По указу и по приказу государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии самодержца послал под город под Смоленеск боярина своего и воевод князя Михаила Борисовича Шеина и товарыщи, а с ним были посланы ратные люди служивые дворяне и казаки, и стрелцы, и салдаты, и всяких чинов людие на взятие града Смоленска со всякими стенобитными наряды, с пушками и с пищали, и со всякими хитростьми, на взятие. // 1632 л.614 об.

В лето 7140. О рождении государя царевича и великого князя Иоанна Михайловича. Родися у государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии самодержца сын ему благоверный царевичь и великий князь Иоанн Михайловичь всеа Русии. И бысть крещен в монастыре в Чюдове, а крестил его великий государь, святейший Иоасаф **, патриарх Московский и всеа Русии сам. А от купели приимал отец ево крестный был троицкой келарь Александр. И в то время бысть радость 1632

---

* *В тексте оставлено чистое место примерно на 7 строк.*

** *Зачеркнуто* Филарет *и надписано* Иоасаф.

велия по всей Москве и по окрестным градом в ево Росийском государстве и во окрестных землях *.

1633 **В лето 7142. О пожаре.** Бысть в Великом Новеграде октября в ** день, грех ради наших изволивый всещедрый бог посетить и наказать своя христоименитыя люди за всякие их многие неправды и за нелюбовь, и за наша великая беззакония, попущая овогда глад, овогда мраз в хлебожатвенное время, егда мор, тако и сие бысть запаление. Загореся у успенского попа Федора во дворе и горело с Ыльины улицы Креститель церковь и немецкие дворы и Гостин двор и ряды и лавки по
л.615 мост Великий, и церквей огорело 9: Пятница // и Креститель, и Успение, и Георгий, и Димитрей, Иоан Предтеча на Опоках, и на Буяны церковь Богородицына и Климен святый, и Димитрей. А горело до Федо(ро)вского ручья. А дворов и лавок сколько згорело, и про то бог весть.

1634 **О преславных чюдесех от образа великаго господа бога и спаса нашего Исуса Христа, иже есть написан на вратех градных Павловы улицы. Апреля в 1 день.** Прииде *** в слух преосвященному Киприяну митрополиту Великого Новаграда и Великих Лук, присылал в Великом Новеграде на Торговую сторону в Славенской конец на Павлову улицу, спрашивали тех улиц жильцов посадцких людей, Собору Софеи премудрости божии ключаря Григорья Воинова да поповских старост Успенского собору, попа Павловского девича монастыря Потапа Михайлова, да Иванского собору попа Саву Дементиева, да Яковлевского собору попа Романа, допрашивать про чюдеса от спасова образа, что на Павлове улицы на башни, что написан на стенное писмо, какие чюдеса и прощения от того образа и в каких болезнех, и каким людем, и ныне есть ли, и прежде сего кому быша. Павлова девича монастыря священник Потап Михайлов:
л.615 об. В прошлом во 141 году // изволением божиим дочь у него Ефросиния полугодовая, была у ней черная болезнь с полудни до утрия безпрестани; и он-де, священник Потап, завечал ее к спасову образу, что на Павловской башни написан на стенное писмо, и приходил с нею с того времени год по вся недели и молебен пел, и от тое-де болезни дочь его Ефросения исцеление получи, спас ею помилова. И ныне-то ево дочери другои год. А с того времени, как завечал ко святому спасу, и по се время болезни такие не бысть.

В то же время. Лубяницкой Лукинской трети священник Козма Разарев ****. В нынешнем годе бысть у него сын Василей тяжкою болезнию болен ногами, не мог ходити от тое болезни. И он-де, священник Козма, обещал его ко всемилостивому спасову образу помолити, что написан на стене на Павловской баш-

* *Здесь поставлен крест и написано* по сей статьи и по сему знамени напреди.

** [*Оставлено место для числа*].

*** *В рукописи* приине.

**** *Вероятно, надо читать* Лазарев.

ни, помолитися и молебен отпети. И по его прошению и по завету даровал ему спас в третий день здравие, и ходил к тому спасову образу сам на ногах своих и молебствовах, и от тое болезни конечное здравие получи и иде в дом свои, радуяся.

Туто же сказал Никиты великомученика Христова с Никитины улицы священник Тимофей Феофанов: Был у него сын в болезни сыпушкою, и он-де его обешал его спасову образу помолитися и молебен отпети на // Павлове улицы на башни л.616
пред спасовым образом. И как у спасова образа быв и молебен отпел, и ему-де спас даровал спас, от тое болезни здравие получи.

И о сем еще сказа посацкой человек Иван подковшик с Павловы улицы: Истари-де на его памяти приходиша к тому спасову образу многие болные люди, которые одержими студеною болезнию, и пришед тому спасову образу помолитися; и туто ж на башне есть на стене вделаны два креста по обема сторонама ворот тех; и у тех крестов прикладываются и свечи отпровадят, и о(пя)ть здравые бывают. А ко спасову образу в то время прикладыватца не уметь было для того, что высоко, а крылца и лествицы не бысть.

Павлове же улицы посацкой человек Агафон Иванов сказал: Прежде сего лежал он дважды в болезни трясавицею. И прииде он в тое болезни помолитися спасову образу, и у креста приложився, и свечю отпровадив спасову образу, потому что-де крылца и лествицы в тое время еще не бысть, и от тое болезни спас помилова дващи, и отъиде в дом свой, радуяся.

Чюдо от трясавицы. Работной человек Федка Сидоров сказал: Лежал-де он в болезни и сыном с Митрошкою трясавицею и о том прииде помолитися спасову образу и с сыном, и в тое время спас от тое болезни обоих помилова вскоре. //

Чюдо о жене, отступльшей ума. В прошлом во 141 году л.616 об.
Павлова девича монастыря пономарь Малафей: На светлой недели в среду жена ево, пономарева, ума отступльше, и он завечал тое жену свою вести к спасову образу, и призывает того ж Павлова монастыря попа Потапа ко спасову образу молебна пети, и по его обещанию и завету у спасова образа молебная совершив, и жена бысть туто ж, и с того времени жена ево бысть здрава, яко николи ж болех, а была в болезни тое три дни и три нощи. 1633

Чюдо о зажегшейся свещи от невидимаго огня. Великого Новаграда воеводы Павла Ивановича Волынского люди его поведаша, Федор Пасынков, Семен Осипов, Никита Федоров, Григорей Никитин сказали Софеи премудрости божии ключарю и поповским старостам: Были мы с Павлом Ивановичем Волынским на Павлове улицы у Павловской башни, где написан на башни настенным писмом спасов образ, молитися, и Павел Иванович заставливал у того спасова образа молебна петь в нынешнем во 142 году февраля в 6 день. И после молебна Павел 1634

Иванович у спасова образа нача гоcити свечю полуденежную горящую денежною свечею гашеною, только-де та свеча горела
л.617 же пред спасовым образом. И как-де тою денежною // свещею погасил пред спасовым образом горящую свещу полуденежную, и та свеща в то время от невидимаго огня зажеся опять, и того бысть трижды в то время.

Февраля в 14 день на сырныя недели в пяток приеде Павел Иоаннович Волынской на Павлову улицу к Павловской башни к спасову образу и заставил у спасова образа пети молебен. И после молебна Павел Иванович сам гасил свещи две. И в то время свеча одна загореся, яко ж прежде бысть трижды, а другая единожды.

Во вторую неделю великаго поста. Приеде такожде Павел Иоаннович Волынской на Павлову улицу к Павловской башни ко спасову образу, где написан настенным писмом, помолитися и у того образа спасова заставил молебен пети. И после молебна пред спасовым образом загорелась едина свеща дважды, яко ж и прежде как загарашеся, а гасил Павел Иванович Волынской сам своима рукама. Того ж году в великий пост князь Михайла пришел ис-под Смоленца, и того лета в Петров пост казнили Михайла Борисовича Шеина и Артемья Измайлова за их великие неправые великому государю службы. //

л.617 об. 1635 **В лето 7143 году** генваря в * день поставлен бысть в Великий Новград митрополит Аффоний рукоположением святейшаго Филарета, патриарха Московскаго и всеа Русии, при державе государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии самодержца. А приехал в Великий Новград марта в 8 день в вербную неделю, и встретиша его со кресты на Ильине улицы у церкве богородицы Знамения, и тут молебствовав, и по евангелии поиде со кресты к Каменному городу и у врат молитву говорил и святою водою кропил. И того дни воду святил в соборные церкве и то(е) ж дни ездил на осляте ко вход Иерусалиму, и того дни обедню служил, а святыню к Москве послал.

Того же лета декабря 17 день в 4-м час(у) дни преставися Киприян митрополит. И положен бысть в Великом Новеграде Киприян митрополит Великого Новаграда и Великих Лук в соборные церкве Софеи премудрости божии в болшом притворе от западные страны, что зоветца Корсунская. А был на владычестве 8 лет и 2 месяца. Сия статья писать довеласе преж приез-
л.618 ду владычня ** //

1636 В лето 7144 ***.

1637 В лето 7145 ***.

л.619 об. 1641 // **О преставлении святейшаго Филарета, патриарха Московскаго и всеа Росии. В** лето 7149 преставися святейший Филарет,

---

* [*Оставлено место для числа*].

** [*Оставлено пустое место*].

*** [*Здесь и*] *далее на л. 618 об. и 619 оставлено пустое место для заполнения.*

патриарх Московский и всеа Росии, и отпеша по нем надгробная в соборныя церкве пресвятыя богородицы Успениия и погребоша его в тое ж церкве Успения. И бысть на погребении царь и великий князь Михаил Феодорович всеа Русии самодержец со всем своим царским синклитом и с освященным собором, до гроба проводиша со кресты.

В лето 7149 июня в 30 день во 12 час дни в Великом Новеграде у Вуспения богородицы на Козьи Бородки от грому и молнии стрелкою громовою розбило главу и шею церковную пробило, и в церкве святей святых икон много опалило, и оклады иконные посодрало и перепортило, и иде за правым крылосом и столпом в помост церковный, и четверть столпа церковнаго разбило *.

О преставлении царевича Иоанна Михайловича всеа Росии. // В лето 7150 преставися благоверный царевич и великий л.620
князь Иоанн Михайлович всеа Русии, и погребен бысть в церк- 1642
ви архистратига Михаила.

О поставлении святейшаго Иосифа, патриарха Московскаго и всеа Росии. Поставлен бысть святейший Иосиф, патриарх Московский и всеа Русии, избранием и изволением благовернаго и христолюбиваго великаго государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии самодержца и всего российскаго освященнаго собора, а поставлен бысть на Москве в соборные церкви Успения пресвятей Богородицы.

В лето 7151 ** 1643

О зажегшейся свещи в церкви Воскресения Христова пред образом спасовым. В лето 7153 при благоверном царе и вели- 1645
ком князе Михаиле Феодоровиче всеа Русии самодержце и при
сыне его благоверном царевиче и великом князе Алексеи Михайловиче, и при святейшем Иосифе, патриархе Московском, и при митрополите Аффонии новгородцком бысть сице в Великом Новеграде в Славенском концы на Павлове улицы в церкви святаго Воскресения Христова, сотворися таковое чюдо в нощи пред образом всемилостиваго спаса против праваго крылоса. // И пред тем спасовым образом местным загореся свеща л.620
местная нощию от небеснаго огня маия в 26 день в понедель- об.
ник на сшествие святаго духа. И новгородцкий Аффоний митрополит учинил ход со кресты в Духов монастырь. И с того времени ходят со кресты и доныне. А преж того митрополит ездил на праздник сшествия святаго духа в санех. Той же недели ходил со кресты к Воскресению Христову на Павлову улицу в четверток со всем освященным собором и со множеством народа, совершив молебная и воду святил и литоргию служил сам. Народу ж пришедшу толику множеству, елико на улицы их множество стояще мужей и жен и детей, невозможно вместитися в церковь божию.

---

* [*Оставлено пустое место*].

** *Здесь оставлено пустое место.*

О приезде дацкие земли королевича к Москве, и како бысть ему великие встречи во Пскове и в Новеграде и на Москве.

1645 В лето 7153 приеде дацкие земли королевич * ко граду Пскову, и бысть ему честь велия и встреча болшая. А встречал ево псковской воевода и дворяне, и дети боярские, и слуги монастырские на конех, а стрелцы и казаки пеши за градом и в городе и посадцкие люди со оружием и знамены и з барабаны и во всяком урядстве воинском, со всяким достоинством. Тако ж как приехав к Великому Новуграду, тако ж бысть велия встреча и честь за градом за седм верст всяких чинов люди. Тако ж и на Москве бысть встреча и велия честь, яко ж великим послом, а ему и вящъше. //

л.621 **О преставлении государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии самодержца. Июля в 12 день.** Преставися великий государь царь и великий князь Михайла Феодорович всеа Русии самодержец на свои именины на память преподобнаго отца нашего Михаила Малеина, после кушанья. И погребоша его со псальмы и песньми, и с кандилы, и со свещами, и со всякими араматы в церкве архистратига Михаила со иными цари во гробех. И бысть в то время плач неутешим всей земли всяких чинов людем. А бысть царствовал 32 лета. И при его царствии бысть в его державе во всей Русийской земли велие гобзовани(е) хлебом и со ордами иных государьств бысть велия тишина и веселие в людех.

О поставлении на царство государя царя и великого князя Алексия Михайловича всеа Русии самодержца. После смерти отца своего возведен бысть на царство Русийское сын его благочестивый и христолюбивый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, и целоваша ему крест во всем ево Росийском царстве всяких чинов люди.

О смерти благоверные царицы и великие княгини Евдокеи Лукияновны. Августа в 18 день преставися благоверная и христолюбивая царица и великая княгиня Евдокея Лукияновна,
л. 621 об. и положена бысть // в Девичь монастыри в церкве Вознесения господня в Вознесенском.

1645 **О венчании государя царя царьским венцем. В лето 7154** сентября в 28 день государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец в соборные церкве Успения (венчася).

1645 **О нахождении злочестиваго турьскаго салтана на Росийскую землю. В лето 7154 в** царство благочестиваго великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца бысть нахождение злочестиваго турскаго салтана повелением и хищением, яко волк хищный на стадо православия Росийския страны. И крымский царевич Нарадын з братом своим Мурат Киреем вооруженные приидоша на руские

---

* *Оставлено пустое место на 1 слово.*

украинные грады в курския пределы. И о сем бысть возвещение великому государю в царствующий град Москву декабря 20 день. О сем же великий государь жалостно восприем, абие посылает свое русийское воинство против нечестиваго варвара сего агарянина. Сам же о сем оскорбися и со усердием моляся господу богу и пречистей богородицы со многими слезами днем и нощию, яко да приимут помощь на заступление и ускорит с помощию своею благочестивому воинству на побеждение злолютых сих врагов и на прогнание беззаконных супостат. О сем благочестивый великий государь молив святейшаго патриарха со всем освященным собором, еже есть со святыми иконами хожде//ние сотворити во обитель, нарицаемую Донскую, в 3 день л.622
иануария. Благоутробие православных людей милости призре на молитву благочестиваго великого государя и по прошению слезному православных християн воздарова о сем руку помощи христолюбивому воинству, победи лук сильных агарян и в бег обрати нечестивыя полчища. И молитвами пречистыя богородицы тии побеждени быша, и от сего по вся лета устави-ся ход со святыми иконами соборне праздновати августа в 19 день, сих ради предреченных вин и впред в тою святую обитель воупразднися неких ради препятий. Сия статья преж пис(ать) сии статьи.

О венчании царским венцем благочестиваго государя царя и великого князя Алексия Михайловича всеа Русии самодержец *. Сентября в 28 день венчан бысть благочестивый великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец в соборней и апостольстей церкви честнаго ея Успения святейшим патриархом Иосифом Московским и всеа Русии и иными властми, митрополиты и архиепископы, и епископом, и всем царским синклитом.

О послах Свейские земли. Того же лета приходиша послы Свейские земли к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии самодержцу с великими своими дары. И бысть тем послом в Великом Новеграде и на Москве стреча велия от Москвы // от Красные Сосны, таковы л.622
великие встречи в прежние времена не бывало, и честь ему бысть об.
дорогою и на Москве велия, свыше прежнего, и кормы всячески.

В лето 7155 о послех Галанские земли. Быша послы Галан- 1647
ские земли к великому государю з дары своими. И бысть им в Великом Новеграде и на Москве встречи великие и кормы дорогою и на Москве и честь болши прежнего, таковых в прежних летех не бысть.

О послех государевых по многим государьствам. Государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии самодержец посылаше послов своих по всем государьствам со мно-

---

* *Здесь другими чернилами написано* 7154 года (*арабскими цифрами*).

гими великими дарми. Государи же их розных государьств великого государя послов приимаху с великою честию и опять отпущаху к государю к Москве, и своих послов к государю присылающе с великими дарми, и приидоша от кизылбашского и от иных государьств. Государь тех послов жаловал, будучи на Москве, кормами и питьями пред прежним болши, и дарил их и отпустил их со всякою честностию во свои земли.

О сочетании о первом браце законном государя царя и велико-
л.623 **кого князя Алексея Михайловича // всеа Русии самодержца.**

1648 **В лето 7156** государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец, посоветовав со отцем своим и богомольцом великим господином святейшим Иосифом, патриархом Московском и всеа Русии, и с своими благоприятными ближними бояры, изволи сочетатися законному браку, изволи взять боярина Ильину дочь Даниловича Милославского царицу Марию Ильичну. А радость ево государева была и венчал патриарх Иосиф, и того дни бысть радость и веселие во всей Москве, возрадовашася о сем вси людие.

Того же лета ездил Аффоней, митрополит новгородцкий и великолутцкий, к Москве великому государю челом бить о всяких новгородцких нужах.

1648 **В лето 7156** марта в день поставлен бысть Великому Новуграду и Великим Лукам **Никон** митрополит. А взят бысть на Москве ис пречестныя обители боголепнаго Преображения, еже именуется Спаса с Нового. А поставлен бысть в соборныя церкви честнаго и славнаго ея Успения, святейший патриарх московский Иосиф и всеа Русии, повелением великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца и всего царского синклита. А приехал в Великий Новград марта в 24 день в великую суботу. А встречали его у Знамения богородицы со кресты власти и воеводы, и весь свя-
л.623 щенный собор у Знамения богородицы. И обла//чився, иде в со-
об. борную церковь, и у врат Пречистенских молитву говорил, и водою святою кропил, и того дни в соборной церкви воду святил, и литоргию служил, и святыню к Москве послал к великому государю и к патриарху.

Того же лета Никон митрополит здела вновь Крестовую полату каменную и кельи вновь построил на полатах древяные, а старые Варламовские кельи сломал.

Того ж году преосвященный Аффоней, митрополит новгородцкий, сведен бысть к Преображению господню и к преподобному Варлааму чюдотворцу на Хутыню за старость, и бысть в монастыре в келии в трудех и в посте и 3 лета, а был на владычестве 14 лет и 5 месяцов.

1650 **В лето 7158** в Великом Новеграде преосвященный Никон митрополит поставил церковь древяну во имя пресвятыя богородицы Одигитрия на устьи Пидмы реки и двор устрои на приезд себе и иным владыкам.

Марта в 1 день родися благоверная царевна и великая княжна Евдокея Алексеевна.

Марта ж в 1 день бысть в Великом Новеграде и во Пскове велие смятение в людех, смутишася меж себя, яко ж пьянии, и в то время дворы многие пограбиша: гостя Семена Стоянова, Михаила Вязмина, Василья Варварина, Василья Проезжалова, Андрея Земсково, только в тое время соблюде бог людей, никого ж... * //

Того ж лета в Великом Новеграде на Торговые стороны на л.624
Ярославле дворищи падеся церковь каменная, а на ней бысть 170 углов, святыя великомученицы Парасковгии, нарицаемыя Пятницы, а строители тое церкви быша заморстии купцы. В то ж время присла великий государь для смутных людей и для оберегания и всякия ради росправы с Москвы боярина князя Иоанна Никитича Хованского и с ним два приказу московских стрелцов, дворян и детей боярских новгородцкого разбору со всех пяти пятин. И прииде на Хутыню в монастырь в пяток на страшной недели. Новгородцы же собравшеся, которые к тому смутному бунту не приставали, стретоша в том монастыре Хутыни с хлебом и с колачами и с харчами и во всем великому государю повинилися, а тому воеводе честь воздаша. На утрие ж в великую суботу приеде в Великий Новград со всеми служивыми людьми и стал на Ильине улицы, и стоял до троицына дни.

Подо Псков поход.

Во 158-м же году по повелению государя царя и великого **1650**
князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца поиде из Великого Новаграда боярин и воевода князь Иоанн Никитич Хованской и с ним служивые люди дворяне и дети боярские, и стрелцы, и казаки, и слуги монастырьские, и драгуны, и салдаты всего великого новгородцкого полку ко граду Пскову. Псковичи ж сие слышавше, что идет боярин и многое воинство // идуще ко граду Пскову, и псковичи ж в то время послушавше бунтовшиков и смутных людей, затворишася во граде Пскове и утвердивше себе осаду. Боярин и воевода князь Иоанн Никитичь Хованской и все христолюбивое воинство приидоша ко граду Пскову и сташа вдале града за три поприща в монастыри у Николы чюдотворца Люболяцком**, и посылаше во град Псков великого государя милостивое слово. Они ж, окаянии, безумнии, яко пияни, о том ни о чем не внимаху и ничто ж послушающе, только себе на болшую погибель учиниша. Они же, непокоривии псковичи, в то время подняша великие пушки на башни к тое страны к Люболятцкому монастырю на великого государя полки и начаша ис тех пушек по государевым полком стреляти. И великого государя служивым людем тут бысть от того пушечного стреляния велие утеснение, и с того места л.624 об.

* [*Так в тексте; фраза не дописана*].
** *Надо читать* в Любятине.

прогнаша. Боярин же и воевода князь Иоан Никитич Хованской повеле всем служивым ратным людем отъити прочь и велел дале града Пскова ити около до монастыря Снятогорского и ста за буграми, сииречь за горами. Стрельцом же и салдатом приказа шанцы строити от Снятогорского монастыря ко граду Пскову по Великие реки по крежу вдале треи верст от града. А в то время жестосердии псковские народи многих дворян и детей боярских пыташа многоразличными пытки, а инем главы отсекоша. И тое они напрасную кровь проливающе вотще себе,
л.624[а] яко ж бесом подстрекаеми на таковое злое // и напрасное убийство. Боярин же к ним во град Псков много посылаше о зговоре, чтоб ево во град пустити со смирением всяким, и о том на себя обещание полагаше, что никако ж им, псковичем, ни о чем на них не посягати и не мстити, только о том о всем, о смутных людех, всячески испытати и росыскати всякими розыски накрепко в правду со всяким радением. Они ж, непокорнии, никако ж на то уклонишася ко смирению града своего. Они же по многое время из града исхождаху на выласку вооружены против великого государя ратных людей и многи ратным людем пакости деюще, многих побивающе, а инех живых хватающе, во град приводяще и различными мучении и пытками мучаще безо всякия пощады, а иных смерти предающе, а иных в темницы затворяюще, деюще о сем неистово, яко ж иновернии тако не творят такова изрыгательства. Тако ж на тех выласках великого государя ратные люди их, псковичь, многих побивающе, а инех живых поимаша, отведоша к боярину, и он же их с милостию вопроси, а инех во Псков посылаше и веляше им, чтоб они великому государю вину свою принесли, а та(ко)ваго бы великого начинания и кровопролития отстали б безо всякого сомнения. Они ж о том во граде ничто ж помышляюще, только на болшую себе пагубу и кровопролитие тщашеся. И в то время из града Пскова посылающе буих по дорогам для гра-
л.624[а] бежев и там великие пакости деюще: // которые людие дворян-
об. ские и монастырьские с запасы едуще великого государя в полк к своим дворянем и детем боярским, и тех на путех грабяще и запасы и кони у них отнимающе, а их многих убивающе; и сего бысть не однова, ни дващи, ни трижды, но и многажды тако творящи, яко ж иновернии кровопийцы, которые християнства не имеюще, ни правые веры, и тии тако не творят. Некогда ж тии псковичи, советовав во граде, изыдоша на выласку против ратных великого государя. Государево ж воинство тако ж против их исхождаше, и бы промежь ими брань велия и сеча и стреляние, и мно(го)е от обеих от великого государя ратных падаху, тако ж и их, многих псковичь, побиваху. Они ж, псковичи, аки лютии зверие, излиха рыкаху на христолюбивое воинство, межусобную брань содевающе и многих побивающе, и многих ухватяще от дворян, во град Псков отвозяще и во граде смерти предающе, а инех в темницы мечюще,

а инем изрыгательство тако творяще, перси ево споров, очи ему закрывающе, а инии неистово творяще и тайный уд отрезав, во уста мертваго творяше, и тако отпущаше в полк великого государя на лошади, привязав чрез седло, и того бысть не творят и иноземнии люди.

О послании во Иерусалим. По указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца живоначальные Троицы Сергиева монастыря посылан во Иерусалим соборной старец Арсеней Суханов к Паисии, патриарху иерусалимскому, для исправления церковных нужных вещей и о кресте. //

О послании во Псков град властей для зговору смутных лю-л.625
дей. Не по мнозех же временех великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии самодержец посылает с Москвы во град Псков для уговорения псковских людей коломенского епископа *, а с ним архимандрита и с ним же боярина и иных разсудительных людей, чтоб они, псковичи, того епископа послушали во всем без большого кровопролития. Той же епископ с товарыщи с посланными с ним возвещает от великого государя милость им. Они же о том много в сумнении быша, только того епископа во град пустиша и инех немногих людей, с ним пришедших. Той же епископ великого государя и прощение за их неистовство сказа и на том их разрешает великого государя словесы, чтоб им государьских бояр и воевод принимать, а смутных людей по розысканию выдать на великого государя волю. И на всем на том той епископ на уговоре святое евангелие целовал и крестом знаменовася, что от великого государя во всем прощены, кроме смутных людей, а смутным людем и бунтовщиком что великий государь укажет за их великое во граде смятение и смуту, и за кровопролитие; и что шкоты великого государя казны наряду и пороховые зелейные учиниша, и в том великий государь во всем прощает; и что ево, великого государя // ратным людем какие шкоты л.625
учиниша, а инех многих дворян и детей боярских, и слуг мо- об.
настырьских, и драгун и салдат убиша, и в том во всем великий государь вас прощает и вину вашу вам отдает, и повелевает вам жити во своих домех по-прежнему и ему, великому государю, во всем радети, и впредь тако бунту и смуты не вчиняти. А услыша, кто на та(ко)вое злое дело станет сам делати и людей поучати, и на таковых людей во граде великому государю возвещати и ево, великого государя, начальником, бояром, воеводам тако же извещати, чтоб впредь от таких смутных людей и бунтовщиков во градех многие люди напрасно не погибали.

О великие воды в Великом Новеграде. Бысть вода велика вельми в Великом Новеграде до каменного города, а на Торго-

---

* *Оставлено пустое место для имени, надо читать* Рафаила.

вые стороны много валу подмыло. И бысть в городе на Варецкой улицы в воротех вода и в гору саженей тридесять и болши. А около Новаграда во многих монастырех в келиях жити нелзе, водою потопило, и в ыных монастырех в подцерковиях бысть вода. А у Арсения преподобнаго в монастыри вода была до монастырьских ворот, а гроб его преподобнаго и церкви быша все в воде. А которые кельи были пониже на монастыри том, и в тех келиях жити было немочно воды ради. //

л.626 1650 **О первом смятении на Москве и о побиении бояр и думных дьяков за их великие неправды *. В лето 7158 при** державы благовернаго и христолюбиваго великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии, при святейшем великом господине Иосифе, патриархе Московском и всеа Русии, в Московском государьстве бысть велие смятение и межусобная брань меж бояр и думных дьяков с служивыми средними. И стрельцы, и драгуны, и салдаты, и казаки, и с чернью за их боярские великие неправды возмутися во граде Москве, яко же пиянии мняшеся быти или когда безумие всякое на люди бываше. В том же смятении убиша дву братов Назарьевых Нечистых ** до смерти и инех многих. Тако ж воста сия велия буря от диявола, а богу вседержителю за наше великое согрешение пустившу, а врагу действующу, от сего же многие межеусобия сподобляются венцов. Аще кто без правды смерть приимет, а тому он ничто ж винен *** во всем Христу и в том покаянии смерть приимет, той да весть избавится от мучения. Ащи кто о сем впреди умиления на християнство ни в чем не имел и в том своем многом кровопролитии и неправдах без покаяния //

л.626 об. в том умроша, о том будет разсмотритель бог. В то же время великий государь посылаше к ним на уговор бояр своих многих, только они всею землею колебашася, яко ж пияни, ни в чем о том себе не внимаше. Приходя служивыие **** многие люди со оружии в Китай и в Кремль городы и приходя к Красному крыльцу и Грановитые полаты, бюще челом великому государю, а просяще: «Дай нам, великий государь, своих изменников и наших неправых правителей». В то же время к ним от себя великий государь посылаше бояр для зговору, чтоб утолити такое великое смятение в людех своих. Инигда ***** же великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии прииде на Красный крылец и зговариваше, они ж яко мало к послушанию едва приидоша, и о том о всем своем согрешении ему, великому государю, вины своя ****** принесоша и во всем повинии беша, яко ж и прежде и во всяком послу-

---

* *На верхнем поле здесь приписка* Сия статья преж дву листов напреди.
** *Так в тексте.*
*** *Повторено дважды.*
**** *Так в тексте.*
***** *Надо читать* Иногда.
****** [*Повторено дважды*].

шании право творити. Видя же великий государь их к нему творяще повиновение и прощение, во всем разрешает им греховный их союз и подает от себе милость и прощение. А которых в тое смутное время просиша и всячески их соблюдоша, и оне скончашася после по изволению божию с покаянием. Сия до зде. //

В лето 7159 ноября в 28 день о поездке Никона, митрополита новгородскаго и Великих Лук, к Москве. По указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца поеде Никон, митрополит Великого Новаграда и Великих Лук, к Москве. И бысть ему от великого государя на Москве честь велия, якова инем владыкам новгородцким, прежде бывшим, таковые великие чести не бысть, яко же ему. Той же преосвященный Никон митрополит у великого государя испроси великого государя ис казны сукна на однорядки лутчие и бархаты на шапки в Великий Новград болшому собору Софеи премудрости божии протопопу и протодьякону, и ключарем, и рядовым священницам, и дьяконом, и певчим, и подьяком, и пономарем, и сенним дьячком, комуждо по расмотрению. А, приехав в Великий * Новград, той же преосвященный Никон митрополит, подавал Софейскому собору, протопопу и протодьякону, и попом, и дьяконом, по шубы по бораньей и сапоги, и подьяком. л.627 1650

Того же лета. Той же митрополит Никон упроси великого государя в Великом Новеграде к соборные церкве Софеи премудрости божии вылить великий колокол в тысячю пудов. И по его прошению великий государь ево по//жаловал, приказал в Великом Новеграде учинить такий великий благовестник и мастера и с подмастерьями даде, и меди ис своей великого государя казны имати велел и олова, сколько годно, и железа по надобью к тому колокольному делу. л.627 об.

Того же лета о болшом колоколе в Великом Новеграде в 1000 пуд. Августа в 27 день повелением великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца и по упрошению и благословению преосвященнаго Никона, митрополита новгородцкаго и великолуцкаго, вылит бысть колокол в Великий Новгород ** к Софеи премудрости божии велик добре. А весом тот колокол 1000 пуд, а вылился вес(ь), только не исполна ***, уши не вси вылилисе, только едина матица, и тое провертеша сверлами. А в то время мастер тот поудробел, не дал меди тое всей изготовитися и пустил; и от того не вылился исцелен; а мастер был великого государя казенной Никифор, а по прозванию Боран; и после того тое меди в печах взяли остаточно пудов 300. И тот колокол на колоколню подняша, и бысть на колоколни, и разбися немногое время.

* [*Повторено дважды*].
** [*Далее повторено и зачеркнуто* вылит бысть колокол].
*** [*Далее повторено и зачеркнуто* толко].

л.628 **О рождении царевны и великие кня//жны Марфы Алексеевны.** Сентября в 1 день родися великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу царевна и великая княгиня* Марфа Алексеевна, и крещена бысть в Чюдове монастыре святейшим Иосифом, патриархом Московским и всеа Русии; а хто восприимником бысть, и о сем не описано.

О колоколе молебенном, а словет по мастере Боран. Октября в 22 день повелением преосвященнаго Никона, митрополита Великого Новаграда и Великих Лук, вылит бысть в Великом Новеграде к Софеи премудрости божии во 150 пудов вместо молебенного васильевскаго и просфирнитцкого колоколов, а звонили в них по вся дни, быша вседневные. А мастер новому колоколу был московской государев Никифор, а по прозвищу Боран.

О поезде митрополита Никона к Москве. Декабря в 6 день в самый праздник Николы чюдотворца в вечеру по указу великого государя поеде преосвященный Никон, митрополит Великого Новаграда и Великих Лук. И бысть ему сий приезд в великую честность к великому государю. //

л.628 об. **О послании по мощи Филиппа митрополита в Соловецкий монастырь.** По указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца послан бысть в пречестную и великую обитель боголепнаго Преображения господня и преподобных отец Зосимы и Саватия начальников во Соловецкий монастырь преосвященный Никон, митрополит Великого Новаграда и Великих Лук, по мощи великаго архиерея божия преосвященнаго Филиппа, митрополита Московскаго и всеа Русии чюдотворца. А с ним, Никоном митрополитом, был послан боярин князь Иван Никитичь Хованской с товарыщи, и с ним же быша многие служивые люди, московские стрелцы для всякаго оберегательства. И како достигоша пречестные обители Соловецкаго монастыря и великаго святителя Филиппа митрополита, по чину церковному исправиша всякое церковное псалмохваление и подняша мощи великаго святителя Филиппа в насады, на то устроенные, поставиша со всяким тщанием и со псалмопением, и с кандилы, и со свещами, и со вся благолепными богоподобными пении, с великою чесностию. Той же Никон митрополит с мощми великого святителя Фи-
л.629 липпа митрополита // прииде до царствующаго града Москвы. И по повелению великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца учиниша встречю мощем Филиппа, митрополита Московскаго, со кресты и с чюдотворными иконами, и со свещами, и с кандилы, и со благоуханными араматы, со псалмы и пении, и песньми духовными, яко ж годе быти тако. А встречал великий государь царь

* [*Так в тексте*].

и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии самодержец и весь ево царский синклит, и преосвященный Варлаам, митрополит Ростовский и Ярославский, и с ним архимандриты и игумены, и протопопы, и попы, и дияконы, и весь священнический чин, и иноки, и множество безчисленное многонародство за градом Москвою за три поприща.

О преставлении Варлаама, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго. И как приидоша к мощем Филиппа митрополита, и великий государь честныя и многоцелебныя мощи со всякою честностию целовав со многорадостию, како ему, великому государю, по ево прошению воздарствовал господь бог и великий угодник изволил. И потом тако же прииде к мощем Варлаам, митрополит Ростовский и Ярославский, и целования сподобися со многою радостию и с покаянием, и сердечными слезами, и мало от мощей отъиде, и в том часе и преставися пред всеми, тут стоящими. И вземше его и поставиша на том месте, и после по указу великого государя свезоша его во град Ростов и погре// боша его со всякою лепотою, како годе святителем погребатися. л.629 об.

О пренесении мощей святаго отца нашего Филиппа, митрополита Московскаго и всеа Русии чюдотворца, в царствующий град Москву. И после стретения мощей той же великий государь и митрополит, и весь священный чин, и весь синклит царский, и все множество народа православных християн с того места понесоша честныя мощи Филиппа митрополита в царствующий град Москву. И по них иде преосвященный Никон, митрополит Новгородцкий, со всем освященным собором. И по сем иде великий государь со всем своим царским синклитом и со всеми православными християны со свещами и со благоговейными кандилы араматными и со всяким тщанием и со всякою лепотою богоподобною. И достигоша царствующаго града Москвы. И в то время ударение учиниша по всему граду во вся камбаны, яко ж великий гром бысть. И достигоша соборныя церкве Успения пресвятыя богородицы и тамо честно мощи положиша в раце сребряные возле южныя страны, возле входу церковнаго, к божественным иконам близ. И в то время быша от мощей его многа и различна чюдеса, всякими недуги одержимым исцеление получаху и отходяще в домы своя радующеся июля в 9 день. //

О преставлении Иосифа, патриарха Московскаго и всеа Русии. В то же время преставися святейший Иосиф, патриарх Московский и всеа Русии, и погребен бысть на Москве в соборныя церкве. А преставление его бысть в то время, как послан был по мощи Филиппа митрополита преосвященный Никон митрополит, и в то время и преставися. л.630

О преставлении Авффония, митрополита Новгородскаго. Преосвященный Аффоней, митрополит Великого Новаграда и Великих Лук, преставися апреля в 6 день в монастыри на

Хутыни. А до погребения стоял; и погребоша его июня в* день, а к погребению был псковской архиепископ Макарий. И как Аффония митрополита с Хутыни в Великий Новград привезоша со кресты в носадах, и в тое время бысть дождь велик добре, яко всякие сухие места исполнило, а того лета бысть велия засуха и не бысть дождев, и после того велия теплота бысть. И по сем погребоша Аффония митрополита у Софеи премудрости божии в притворе в Мартирьевской паперти, а ныне зовется Златая дверей ради златых, со всяким благовонием, со свещами и с кандилы и со псалмопением по достоинству, якоже лепо о том бысть сице.

О поставлении в патриархи святейшаго Никона митрополита
л.630 **патриархом Московским и всеа Русии.** // Избранием и повеле-
об. нием великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца поставлен бысть преосвященным Корнилием, митрополитом Казанским и Свияжским, и со архиепископы и епископы преосвященный Никон, митрополит Новгородцкий, святейшим Московским патриархом и всеа Русии, а ставиша его во святей велицей церкви честнаго и славнаго ея Успения.

Того ж лета поставлен бысть на Рязань архиепископ Мисаил, а взят из ризничих Никона митрополита. И там его застрелил тотарин из лука.

О поставлении Макария митрополита в Новгород Великий. Поставлен бысть в Великий Новград Макарий митрополит избранием и повелением великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца и рукоположением святейшаго Никона, патриарха Московскаго и всеа Русии, с митрополиты, архиепископы и епископы. А взят бысть ис Казани ис Спаского монастыря черный священник, а поставлен на Москве в соборныя церкве честнаго и славнаго ея Успения августа в 8 день. Родися** великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу дщи царевна Марфа Алексеевна**.

1653 **В лето 7161** святейший Никон, патриарх Московский и всеа Русии, нача в патриаршии келии строити древяные на каменных полатах и церковь и колокольню у себя на дворе устрои добре прекрасну каменну, и подписа ею, всячески украси, якож годе святым божиим церквам.

л.631 **О приезде в Великий Новград Макария митрополита.** // **Августа в 26 день** приехал Макарий, митрополит Новгородцкий и Великолутцкий, в Великий Новград, и встретоша его с честными кресты и чюдотворными иконами архимандриты и игумены, и весь священный чин, и болярин, и дьяки, и вельможи, и вси православнии християне. И о сем писано о митрополитех новгородцких.

---

* [*Оставлено место для числа*].
– [*Написано по нижнему полю со знаком вставки*].

О знамении, бывшем в Цареграде ноября во 2 день. За Серпскою землею, на полупути меж Серпскою землею и Царяграда, неболшая земля, имя ей словет Аская, а в ней царь греческия веры; писано о сем к Москве государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии самодержцу, быша знамения страшныя над Царемградом нынешнего 161 году ноября 1652
во 2 день, был град велик добре, всякая была градина весом пол 4 четверта фунта, грановит, а не кругол. И тою казнию много людей побило и полат неболших ломало. И после того прилетел змей страшен велик с небесе, весь огнен, зело палящ, и сел над царевыми полаты и, летая, дыхал на те полаты три дни.

Что ни было в полатах златых сосудов и сребряных, и медных, и оловяных, и железных, и то все ростопилося. А после того прилете той же змей к полатным окнам и положил свою главу в окно полатное, и испустил из собя в полаты страшный пламень. И от того пламени полаты розгорелися и горели три дни, // и згореша вси полаты в пепел, а сам царь и царица едва л.631 об.
избегоша во ин град.

О видении спасова образа на воздухе. В то же время в Тевризе граде видели того града людие на воздусе спасов образ, на престоле седящ, в руце держит крест да полотенцо висит от креста.

Полоняники пошли было на Русь из Царяграда, и на пути их враны росклеваша всю плоть их.

В Великом Новеграде на Торговой стороне начаша строити в Рагодовицком монастыре храм каменной болши старого, а старой розобраша; и как зделали и выняша подпоры и дуги, и в то время и падеся. А плотников мало бог соблюде, не до смерти убило.

В Великом Новеграде бысть посещение божие июня в 30 день во 12 часов дни в Плотинском конце, церковь Борис и Глеб, бысть в той день гром вельми страшен, яко поколебатися многим храминам, и от молнии и грому стрелою на тое церкве сквоз пробило, аки человеку мочно влести, и бысть в церкве полчаса, и иконы попалило, и оклады розтопились, и оконницы розбило, и выиде в стену. И тое посещение бысть грех ради наших.

Августа в 13 день в суботу до обедни в Великом Новеграде пренесли мощи благовернаго князя Владимера и мати его благоверную княгиню Анну ис паперти от владычня двора, что словет Корсун. А конец сей статьи, перекинув 4 листа, и тут конец. //

О зачале Иверскаго монастыря и о Святозерском, о строении его, како создан бысть, и о сем да писано есть в лето 7161. л.632
1653

Сказание святейшаго Никона, патриарха Московскаго и всеа Русии.

В царство благочестиваго и христолюбиваго государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа России самодержца аз, смиренный Никон, божиею милостию патриарх, от многих времен мысляше в себе, дабы в славу святому имени божию сотворити обитель на пользу себе и хотящим спастися. И се на всенощном бдении стоящу мне в соборной церкви на Москве, прииде в мысль о некоем месте: егда мне бысть в Великом Новеграде митрополитом, на пути будучи к Московскому государьству, езеро Валдай, и на нем острова мнози, и годно ми бысть сие богу, тое и подаст. О сем положих хотение свое искусити прошением места того от великого государя; писано есть, яко царево сердце в руце божии. И абие возвещает с прошением великому государю. Великий же государь царь, от бога яко извещение о сем приемлет, с радастию подает место оно. Той же патриарх слышав таковая от великого государя, возрадовася и повеле церковь и монастырь созидати, еже и бысть, первее на том месте, где монастырь Иверский и Святоозерский. Взяша церковь в селе Едрове древяну и превезоша, и поставиша, и монастырь возградиша, бе же в тое время осень и заморозие.

О каменные церкве в том Иверском монастыре. Того же лета поставиша церковь каменну в Ыверском монастыре добре
л.632 украшену // внутренними благолепии, иконами и книгами и
об. ризным облачением драгим со многоценными бисеры и златотканны церковнаго ради благолепия и благочиния, и икону образ пречистые богородицы честнаго и славнаго ея одигитрия чюдотворные иконы Иверския златом и камением драгим и бисеры многоценными, якоже годе божия матере всякими лепоты украси со многим тщанием, и киот устрои великий и прекрасен и позлащен.

О пренесении честных мощей праведнаго Иякова Боровицкаго чюдотворца во Иверский Святозерский монастырь и о раце сребрене. Слышах о сем и прииде в мысль святейшему патриарху Никону о мощех святаго праведнаго Иякова Боровицкого чюдотворца, яко велик есть в чюдесех, овогда от скудости началников никим же брегомы честныя тоя мощи, и ни службе святей содеватися на многое время, иерею ту не сущу нестроения ради; еще ж и о сем желание, яко да пренесутся мощи святаго в тои новосозданный монастырь. И по сем сотвори сребряную раку к мощем святаго, пренесения ж ради посылает тамо архимандрита того ж Иверскаго монастыря Дионисия да с ним из Великого Новаграда Вяжицкого монастыря архимандрита Евфимия, да и Старые Русы спасского игумена Феодосия, на встретение ж Макария, митрополита Новгородцкаго. И тако принесоша святыя мощи во Иверский монастырь. И о сем бысть чюдо святаго Иякова в селе Едрове, исцеле отроковица болящая
л.633 Мария, очима шесть лет болезнена // бысть, и в (п)ренесение святаго исцеление получи от болезни своея. Извещение бысть

Никону патриарху в сонном видении февраля к 25-му дни: и се виде свет мног на месте оном, идеже есть ныне пречестная обитель, виде некоего человека, на высоком месте * устроено лежаща нага, обаче ж телесем пресветла, точию о нужных телеси некия рубы имеющи, мертва сущи; и приступи, хотяще ему одеяние воздати, и виде у лежащаго руки, яко благословящеи, и прятовашеся, яко жив, и руки своя слагаше на перси своя. И о сем видении поведа ту сущим Макарию, митрополиту Новгородцкому, и архимандритом с прочими. Иерею боровицкому, хлуху ** бывшу, исцеле от тоя великия болезни; а быть глухота три лета; и от святаго Иякова исцеление получи от болезни своея, яко николи же боляше.

По сем в том же Иверском монастыре устроиша церковь теплую с трапезою, велми прекрасну, каменну, и колокольню каменну же. И слиша в том монастыре колокол велик добре в 1000 пуд, иные благовестники болшие и средние и малые. И около того монастыря устроиша град древян, и поставиша башни, и пушки учиниша. И вотчинами, всякими угодьи, рыбными ловлями и озерами многими к тому монастырю, и волости, и села, и деревни многия от царевы державы испрош(а), и ины многи куповаху, и в том монастыре келии превеликие и пресветлые многие устроиша двое жировые. И службы монастырьские всякие к потребам монастыря того крепце устроиша, вельми предобру обитель учиниша, яко ж мало такова строения в росийских монастырех бысть, кроме Сергиева // и инех пре- л.633
великих и честных обителей... *** // об.
л.634

О денгах медных.

В лето 7161 повелением благочестиваго и христолюбиваго 1653
государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца начаша делати денги медные, яковы же и сребряные, величиною и весом таковы ж, для служивых великого государя воинских людей, что в тое время нача быти польская служба, чтоб в Руской земли от того сребряных ради денег великого государя гостем и гостиным сотен, и суконных сотен, и всяким торговым людем, и крестьяном в налогах потеснения о том не было б, что сребряных денег в то время бысть умаление. И в Руской земли о торговлях всяких на медные денги також, якож и на сребреные, всякие товары начаша покупати на медные денги, сребро и злато; и камение честное и драгое, и бисер многоценный, сиирець жемчюг, и златотканные портища и шелковые, и всякие заморские, и иных государьств драгие узорочья, и шелки, и кумачи, и китайки, и индейки, и кизылбашьские драгие товары, и питья всякие, и воск, и соль, и масло, и мед, и смольчюг, и поташ. И последи того умножишася

---

* [*Далее зачеркнуто* стояща].
** [*Так в тексте*].
*** [*Далее л. 633 об. оставлен пустым*].

тое медные денги, начаша пот * тое ж делать воровские люди по многим городам, и по деревням многие воры и мастеры учинилися воровские. И котораго в таком воровском деле поимают, и тех по повелению великого государя казни предают, инем горла оловом заливаху, а инех казняху, а овем руки по запястие отсекаху, а ** многих в сылки посылаху по дальним градом **, а инех всячески мучаху, пытаху пытками различными, кнутьем бияще и огнем жгуще, и пуп на пытках влекуще,
л.634 и ребра выламывающе. И многие на тех // меж себя оказывахуся. А инии многие и от богатства своего на таковое беззаоб. конное и клятвенное и заповедное дело покушахуся, и от того себе смерть приимаху. И быть сие таковое заповеданное дело и тое медныя денги ходиша на Руси десять лет и по сем престаша, и заказы учиниша, что теми медными денгами не торговати, и у многих многие тысячи в остатках учинишася. И те денги делаша в домовые потребы, всякие котлы и иные сосуды. И о сем до зде ***. //

л.635 **О строении Воскресенскаго монастыря, рекше Новый Иерусалим.** Святейшему Никону, патриарху Московскому и всеа Росии, прииде в мысль о строении монастыря и сниде на память, чтоб поставить церковь Воскресени(е) Христово такова, якова ж во святем граде Иерусалиме наречена быть святая святым. По некоему же случаю изволившу ему ехати и[з] Звенигорода путем и в сторону отъехав на дорогу к Волоку Ламскому в деревеньку дворянина Романа Федоровича Бобарыкина, что стоит над Истрою рекою, и подальше того с поприще места по той же Истрои реки прииде на некое место пустое, та же река обошла около; а где быти пришествию, и тому месту и туто пятьдесят саженей меж тое реки. А где ныне тот Воскресенской монастырь построен, и в том месте пространства на все страны 200 сажен. И полюбися место тое ко строению монастыря, и о сем испрош(а) у благовернаго и боголюбиваго государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца. И последи того той святитель приказа тое место очистити, быть же лесно добре, и потом постави на том месте церкви две древяны, едину Воскресения Христова, а другую теплую, и келии устрои, иные службы, хлебопекарню, и поварню сотвори, и братию собра, и по сем нач... ****.

О создании каменныя церкви. По сем той же святейший
л.635 патриарх Никон // приказа к тому каменному делу готовити
об. всякие запасы: камень, известь и кирпич. И приспе время строению церкве, и размери тое церкве мерою в длину 100 сажен, а поперек 50 сажен, и положи здание, и в тое церкве устрои, еликож в году дней, толико и престолов, кояждо имеет

---

* *Надо читать* под.
– [*Написано по нижнему полю со знаком вставки*].
*** [*Далее более половины л. 634 об. оставлено пустым*].
**** *Здесь пропуск в тексте.*

своя преграждения и двери. И множество строяше, и доныне стоит тое церковь в несовершении, потому что божиим промыслом тое церкви не совершитися того ради, что с тое церкве Иерусалимские к патриарху привезен чертеж, и против чертежу, разсмотря в том деле, что не исправлено, и не по одно время повелит сломати. Аще делают год того каменного дела, и в мале времени повелит сломати, и тое церковь и доныне тако недостроена суть. *//

...ская, в церковь в Софею премудрость божию, и положиша л.636
благовернаго князя на правой страны, а благоверную княгиню Анну на левыя страны возле входов церковных, и над ними устроиша комары каменные, сииречь своды **.

О приезде святейших вселенских патриарх к Москве и в Великий Новград. Приехаша вселенские патриархи, антиохийский божия града и судия вселенныя Макарий патриарх, другий сербский Гавриил патриарх, к Москве. И быть им встреча велия, синклит царский за градом Москвою и служивые райтара, и стрелцы, и драгуны, и салдаты все встречали, яко ж великих послов. А как въехали в Москву, и тут стречали со кресты в Спаских воротех великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец и святейший Никон, патриарх Московский и всеа Русии, и митрополиты, и архиепископы, которые прилучившие, и синклит царский, князи и боляря, и воеводы, и окольничие, и стольники, архимандриты, и игумены, и протопопы, и священницы, и дияконы, и вси православнии християне с великою честию.

Того ж лета те же святейшие вселенские патриархи Макарие и Гавриил приехаша в Великий Новград августа в 24 день. И быть им встреча со кресты и со иконами. А встречали их на мосту у островка, где оне вышли из судов и пошли за кресты к Софеи премудрости божии. И того дни обедню слушали в соборные церкве и обедали у митрополита Макария в болшой в полате. И после того служили в Сыркове у богородицы, а того дни обедали на Вяжищах. И после того на Хутыни служили на усекновение честныя главы Иоанна Крестителя и тут пиршествовали. И на Семен день и лето провожали и служили того дни в соборные церкве Софеи премудрости божии и у митро...*** //

В лето 7162-го сентября в 17 день родися великому государю л.636
царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии об.
дщи царевна и великая княжна София Алексеевна, и крещена 1653
быть в Чюдове монастыри. А крестил ею святейший Никон, патриарх Московский и всеа Русии.

---

* [*Далее половина л. 635 об. оставлена пустой*].

** *Это конец статьи о перенесении* [*мощей*] *князя Владимира в Софию* (*см. л. 631 об.*).

*** *Конец листа обрезан.*

Того дни бысть великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии самодержец со всем своим царским синклитом, убедал * у святейшаго Никона, патриарха Московскаго и всеа Русии, в патриарши новые Крестовые, что построил он, Никон, и бысть новосельный стол **.

Того ж лета посланы быша многие воеводы государьские с великими полки воинских людей в Польскую землю к польским городом подо многи грады. А в Великий Новград был прислан боярин Василей Петрович Шереметев с товарыщи и с ним новгородцкого государьства воинские люди и иных многих городов новгородцкого розбору и псковские с пригороды в том же полку. А поиде из Новагорода боярин Василей Петрович Шереметев с товарыщи и со всеми ратными людми марта в 17 день и иде во Псково и изо Пскова в Польшу под Полоцко, и под Сурож, и под Витепско.

В Великом Новеграде на Торговые стороны поставиша колокольню каменную на церкве Иоанна Крестителя близ немецких дворов. В Великом же Новеграде на Коломцах построиша монастырь мужский за пять поприщ от Новагорода на устьи Волхо-
л.637 ва, а бысть пуст после неме//цкого разоренья; а строитель был старец Варлаам, церковь и кельи устрои, а в церкве иконами и ризами, и книгами, и всякою утварию исполнил по поданию новгородцов всяких чинов людей.

О болшом колоколе в Великом Новеграде. В другой ряд августа в 18 день перелит бысть великий колокол вновь розбитый при державе великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца и при святейшем Никоне, патриархе Московском и всеа Русии, повелением преосвященнаго Макария, митрополита Великого Новаграда и Великих Лук. А лит бысть в Великом Новеграде промеж трех церквей в каменном городе против Похвалы богородицы и Настасии и подле Вход Иерусалима. А мастер был у того колокола псковитин Ермола Васильев сын Кузнец. А весом по смете тот колокол 1000 пудов, иже и доныне есть в Великом Новеграде у Софеи премудрости божии.

О посылке в Полскую землю бояр и восвод. Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец послал бояр и воевод своих в Польскую землю и многих своих служивых людей под Смоленеск град и под иные польские городы.

О послании в Китайское царство. По указу великого государя посылан был ис Тоболска государев посол Федор Исакович Байков в Китайское царство к царю богдакану с казною, а с ним были литовского списку конные казаки тринатцать человек, да

---

* [*Так в тексте*].

** *На правом поле далее написано* О походе в Польшу московских воевод.

татар конных 6 человек, да торговых людей 6 человек, чрез Колмыцкую землю, и о сем есть и ристория. //

л.637 об.

О походе великаго государя под Смоленец город и о взятии его. Государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец ходил под Смоленеск под город и взяв его. И бысть великий государь в Литовские земли своим воинством, а с великим государем был в походе казанской митрополит Корнилей.

7163. О моровом поветрии на Москве. Грех ради наших за наши великие неправды бысть мор велик на Москве августа в 25 день и по окрестным селом около Москвы, преставльшихся от морового поветрия преосвященному митрополиту Селивестру и архимандритом, и игуменом, и протопопом, и священником, и дьяконом, и священноиноком, и иноком, и князем, и бояром, и прочим всех православных християн многое множество и многие тысящи, о том же несть числено. Государыня царица и великая княгиня Мария Ильична и з детми своими из Москвы выехала в Вязьму. В то ж время святейший патриарх Никон Московский и всеа Русии от того морового поветрия выеде из Москвы в той же град в Вязьму и бысть многое время, доколе не преста на Москве моровое поветрие. 1655

По сем государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец приеде в той же град в Вязьму // со многим своим воинством и пробысть до л.638 зимнего пути.

О рождении царевны Екатерины. Родися великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу царевна Екатерина Алексеевна, и просвещена бысть святым крещением во граде в Вязьмы. И бысть о сем радость тут бывшим служивым и всем православным християном.

О приезде в Великий Новгород Никона патриарха. Генваря в 24 день приехал с Москвы святейший Никон, патриарх Московский и всеа Русии, в Великий Новград пред вечернею. И бысть ему встреча со кресты из соборные церкве Софеи премудрости божии: митрополит Макарий и архимандриты, и игумены, и весь чин церковный, и болярин князь Иван Андреевич Голицын, и дьяки, и все православные християне. А встретиша его у Знамения пресвятей богородицы, и оттоле поиде за кресты к соборные церкве к Софеи премудрости божии. И в то время в соборе и вечерню слушав и иде в дом Софейский, и бысть того дни ужина в Крестовые полаты. А приехал он в суботу.

Генваря в 25 день. Обедню служил святейший Никон, патриарх Московский и всеа Русии, в соборные церкве Софеи премудрости божии, а с ним служили новгородцкой митрополит Макарей да архиепископ тверский Лаврентей, и архи//мандриты, л.638 об.
и игумены, и протопопы, и священницы, и дьяконы. И после обедни бысть в дому Софеи премудрости божии пиршество, обе-

даша в болшие полаты служащие вси и боярин, и дьяки, и головы стрелецкие, и гости, и нарочитые градцкие люди именитые. В 21 день ездил святейший патриарх Никон Московский и всеа Русии на Хутыню Преображения спасова и преподобнаго отца нашего Варлаама Хутынскаго, новгородцкаго чюдотворца, помолитися и гробу его приложитися. И приехав в Великий Новград, того дни обедал у князь Ивана Андреевича Голицына и митрополит, и архиепископ, и власти, и патриарха дарил великими дарми.

В 22 день поехал святейший Никон, патриарх Московский и всеа Русии, в Старую Русу; а пред ним возят крест резной древяной, на нем воображено распятие, а пред тем крестом фонарь и свеща горящая со огнем; и оттоле поеде и(з) Старой Русы к Москве.

В Великом Новеграде в соборные церкве Софеи премудрости божии помост церковный помостиша и грани от столпов, что за иконами быша, выломали и иконы местные учинил постенно. Преосвященный Макарей, митрополит Великого Новаграда и Великих Лук, в соборные церкве Софеи премудрости божии помост церковный помости плитами великими. А те плиты во-
л.639 зиша ис Тесовские волости. И за иконами быша гра//ни у столпов, и те грани повеле выломати и иконы постави местные и деисусы и праздники господьские и пророки и праотцы учини постенно, а не тако, яко ж преж бысть; и ныне видимо. А как бысть в Великом Новеграде святейший Никон, патриарх Московский и всеа Русии, и повеле Макарию митрополиту те грани подделати вновь и учинить по-прежнему. И потом учиниша, како бысть и преж того.

О рождении царевича и великого князя Алексея Алексеевича.
1656 **В лето 7164** февраля в **12 день** родися великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу благородный царевичь и великий князь Алексей Алексеевичь. И крещен бысть в Чюдове монастыре святейшим Никоном, патриархом Московским и всеа Русии. И бысть о сем рожении радость велия на Москве и во всей России.

1655 **В лето 7163 о посылке от государя царя и великого князя Алексия Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца воевод в Немецкую землю под город Юрьев.** Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец послал воевод своих в Немецкую землю под Юрьев Ливонской, боярина и воевод князя Алексея Никитича Трубецкого да князь Юрья Алексеевича
л.639 об. Долгоруково с то//варыщи, и с ними посланы быша воинские ратные люди Великого Новаграда полку и Пскова и иных городов Новгородцкого розряду. И к тому граду Юрьеву много приступаша, ис пушек биша по стене града и ничто же учиниша. И не в кое время внезапу прииде от града Ругодива некто

немецкий енарал полковник с немецкими ратными людми в полки, и многие шанцы салдатцкие взяша и хотяще внити во град Юрьев в осад. А в то время воеводы быша от тех шанец за рекою, понеже в тое учиниша великий сполох, из-за тое реки бояря и воеводы чрез реку вплав и воинские люди, и того янарала полковника встретиша и многих немецких людей побиша. Они ж, видевше свое изнеможение, побегоша к городу Ругодиву вспять, и много за ними гнашася и на пути том многих побиша, и с тое победою возвратишася государевы воинские люди в полки государевы. И поведоша в то время подкоп под градовую стену, и как совсем тот подкоп изготовиша и з зелием, токмо запалити зелие в том подкопе, и в тое время немецкий капитан перекинулся в город Юрьев. И оне, видев во граде свое изнеможение, здашася на великого государя имя и город здаша, и врата отвориша, и во град служивые люди внидоша и потом воеводы. И о сем быть великого государя воеводам и воинским людем радость.

Сия статья преж писать, быть пред сею статьею. О послании в Полскую землю воевод в лето 7163. Великий государь царь и 1655
великий // князь Алексей Михайловичь всеа Великия и Малыя л.640
и Белыя Росии самодержец послал в Польскую землю боярина и воевод князя Семена Андреевича Урусова с товарыщи с воинскими ратными людми Великого Новаграда с полковыми воины новгородцкого розбору. И иде Польскою землею до града до Брести, и к великому государю польские люди преклоняхуся и крест целоваша до Днеманта реки. И посла в то время за Днемант реку в город в Бресть салдат от полку великого государя дворов заимовать в городе, и, тут будучи, немецкие воинские люди побиша великого государя посланных салдат, которые были посланы для занимки дворов. И, слыша о сем, боярин и воеводы князь Семен Андреевич Урусов с товарыщи возвратися вспять и поиде к руским городом со всеми воинскими людми. Полские ж воинские людие в сторонах етманы собравшися многие тысящи, поидоша за ним, государевым воеводою, вслед и идоша по нем вслед три дни и три нощи. На четвертый же день те польские людие доидоша руских ратных людей и просиша меж себя бою. И воевода великого государя хотяще отъити к Руской земли, ино путь прииде непроходим. И на том месте сташа и положиша упование на господа бога и на пречистую богородицу и пеша многие молебны и прося помощи о победе на враги. И быть великого государя в полку полковник у драгун и салдат Мартын Мартынов немчин, и той уряжаше великого государя воинских людей по полком против польских людей. И по сем быть меж государевых людей и польских бой великий и сражение немало, и великого государя воини побиша польских людей, многое множество побиша. Видяще же тое
польские людие своих убиение, вдаша плещи свои на бег // уст- л.640
ремишася. Всесилнаго великаго бога победою и заступлением об.

пресвятыя владычицы богородицы и приснодевы Марии и русских чудотворцов молитвами и великого государя счастием тех польских людей побиша и гнашася по них пятьнадесять верст, бьюще тех поляков и убивающе и инех конми топчюще и возвратишася к воеводе великого государя в полк. А на (то)м бою поляков побиша многое множество неисчетно. И по победе сей поидошу к Росийскому государьству коиждо во свой град воинские люди.

О послании в Немецкую землю воеводы Петр Потемкин с
1655 **воинскими людми. В лето 7163** государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец послал своих, великого государя, воевод в Немецкую землю на Лавую на немецкой рубеж и в Корелу воеводу Петра Потемкина со многими воинскими людми. И там много побиша немецких людей. А которые православные християнские веры крещеные люди за ними, немцами, под их державою быша, и те выидоша на великого государя имя во многие грады и в села, и в веси.

О посылке воевод в Немецкую землю под немецкие городы. Великий государь посла воевод своих окольничего Матфея Васильевича Шереметева с товарыщи со многими воинскими людми под немецкие городы. И той воевода окольничей Матфей Васильевичь Шереметев был во Пскове, а изо Пскова поехал //
л.641 в Печерский монастырь и в Печерском монастыре велел служить молебен пресвятые богородицы успению, и по молебне поиде в Немецкую землю. И как поехал от Печерскаго монастыря к немецкому рубежу к немецким городом, и в тое время под ним, окольничим Матфеем Васильевичем, конь поткнуся, мало ево не сшиб на землю. И как приеде на немецкий рубеш с ратными людми, и в то время тут встретиша немецкие люди и начаша битися, и тут на бою окольничего Матфея Васильевича Шереметева раниша смертною раною, и с того ево бою свезоша до шатров, и от тое раны в первую нощь после бою и преставися. А воинские люди осташа ту без воеводы крепкаго, и о сем поскорбишася ратные люди.

О послании воевод под город под Яму и под Копорье воин-
1656 **ских людей. В лето 7164** послан бысть в Немецкую землю воеводы и ратные многие люди под городы под Яму и под Копорье, и под Корелу, и много там под городами стояще, а городов не взяша, только уезды опустошиша и пожгоша и села и веси, а людеи много в плен взяша. А инии в тое время выидоша на государьское имя на государевы села и веси, и по многим государьским городом преселишася многое множество и многие тысящи. А которые их немецкие люди некрещеные около тех городов жили в уездах, и тех многое множество посекоша, а инех в плен поведоша, в богатство их разграбиша. И приидоша ратные руские люди с великою победою и с великим богатством коиждо во свояси, и о сем благодариша бога. //

О послах в Немецкую землю. По указу великого государя л.641
царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и об.
Малыя и Белыя Росии самодержца посланы быша в Немецкую землю руские великопомощные послы боярин князь Иоанн Семеновичь Прозоровской, а с ним думной дворянин Афонасей Лаврентиевичь Ардин-Нащокин, да с ними ж был стольник Иоанн Афонасьевичь Прончищев с товарыщи и дьяки, и выборные московские и новгородцкие дворяне и подъячие. С ними ж бысть по указу великого государя из Великого Новаграда образ пречистые богородицы Тифинские, а отпущен бысть с празднеством со всенощным и со кресты в соборной церкве, и по граду праздноваша богородицы со всенощным и провожаху со всякою честностию, яко ж годе. А сие послование было на границы. А в то время боярин и воевода князь Иоанн Андреевичь Хованской с товарыщи бысть во Пскове и в Сорме. И последи того быша немецкие. И о сем до(го)вор училиша меж себя на 15 лет.

О походе великого государя под город под Ригу. Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец поиде в Не(ме)цкую землю под город под Ригу со многими своими государевы воеводы и со всеми воинскими силами. И бысть под городом под Ригою многие великия приступы. И в тое поры некто полковник перекинулся от полков великого государя в город Ригу, а в полках у великого государя многие полковники немецкие у райтар и у драгун и у салдат. И от того начала // бысть великая л.642
измена. И по сем отъиде от того города Риги, не взяв его, и поиде во град Полотеск со всяким устройством воинским *.

О рождении царевны и великие княжны Марии Алексеевны. Родися государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу царевну ** и великую княжну Марию Алексеевну ** генваря в 26 день. И крестиша ею в Чюдове монастыре.

О сшествии патриарха Никона с Москвы в Воскресенский монастырь. Святейший Никон, патриарх Московский и всеа Русии, соиде с патриархии святительскаго престола и иде в Воскресенский монастырь и последи того и в Ыверский монастырь, и пребысть многое время в тех монастырех до прямого исправления пред святейшими патриархи вселенскими. Того же лета в Великом Новегороде в соборныя церкве Софеи премудрости божии написаны бысть иконы Успение богородицы и около столпов вновь и обложены, образ Софеи премудрости божии — оклад литой чеканной сквозной и позлачен, и образ Успение обложен чеканным окладом, и двери царские и столпцы и венцы че//канные, а около дверей оклад резной сребря- л.642 об.

---

* [*Далее примерно* 1/4 *л. 642 оставлена пустой*].
– [*Так в тексте*].

ной, и образ «Предста царица», и нерукотворенный спасов образ, и Казанские богородицы написав вновь, обложив венцы чеканные, а поля басменные, и иные многие обложил сребром басменным во украшение церковного благолепия на поклонение всем православным християном приходящим; индитию на престол, бархат золотой, и облачения воскресные камчатые священником и дьяконом, и подьяком вновь.

1658 **О поставлении патриарха Иоасафа Московскаго и всеа Русии. В лето 7166** поставлен бысть святейший Иоасаф, патриарх Московский и всеа Русии, избранием великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, поставиша его российские митрополиты и архиепископы и епископы. А взят бысть из пречестные обители Сергиева монастыря из архимаритов, а ставиша его в соборные церкве на Москве у Воспения.

О рождении царевны и великие княжны Анны Алексеевны. Июля в 25 день родиласе благоверная царевна и великая княжна Анна Алексеевна. И крещена бысть в Чюдове монастыре. А крестил преосвященный Питирим, митрополит Сарский и Подонский.

Того же лета посылан бысть в Польскую землю боярин и воевода князь Борис Александрович Репнин с товарыщи. И бысть в городе во Пскове, и не бысть ему шествия дале, и воротиша изо Пскова к Москве. А полковые воинские люди изосташа во Пскове до указу великого государя. //

л.643 **О выходе злочестиваго крымскаго царя хана на Рускую землю.** Выиде на Рускую землю злочестивый и безаконный бусорман крымский царь хан со своими многочисленымы полки и воинскими ратными людми. Против его, нечестиваго, великаго государя послан был боярин и воеводы князь Алексей Никитичь Трубецкой с товарыщи, да с ним же бысть в товарыщах с полком князь Семен Романовичь Пожарской. И как будучи от Конотопа города за сорок верст, и того нечестиваго бусормана царя хана передовые вестовыи малые полки объявились, и о том учиниша ведомость в полках князь Алексея Никитича Трубецкого с товарыщи, что подъезжие люди малые тотарские близ их полков за переправою за 12 верст. И боярин князь Алексей Трубецкой приказа обоз крепити всякие ради меры и служивым велел быти в велице опасении. В то же время окольничей князь Семен Романовичь Пожарской нача говорити князь Алексею Трубецкому: «Я-де еду с своим полком и проведаю, каковы люди, болшие и малые, а что буде видя против себя, и учиню с ними брань, и я-де бой тотарской знаю, каковы оне на бранех». Той же князь Семен Пожарской собрався со всем полком, что под его подраментом, и поиде против нечестиваго. А говорит князь Алексею Трубецкому: «Каково есть нам, и в тое время мне о сем помощь учини». Той же князь Алексей Трубецкой удерживая его, чтоб он не ехал, дожидал

бы о едином месте. Он же его не послушав и поиде с своим полком против нечестиваго варвара. И как будучи у переправы, // и в то время за переправою малые люди показались, и той л.643 об.
князь Семен Пожарской поиде за переправу и ополчися против нечестивых, чающе малые люди тут. Той же бусорман злочестивый бысть близ неподалеку поприщ за 5 и уведе о сем, и пусти своя многия полки, и по них и сам идяще. И сразишася меж себя, и бысть бой велий с полудни и до вечера. Той же князь Семен Пожарский многих варвар посекаше и храбрство свое велие простираше. И прииде же день над вечер, окаяннии же варвари бусормени подстрелиша под князем коня, и не успе на другово всести. Тии же тотарове нападоша множество и ухватиша его, и поведоша пред нечестиваго царя хана. И как его приведоша пред царя, и начаша его всячески ласкати. Он же о сем ничто же вменяше и его, царя, обличаше и его варварское богомерское житие. Той же царь повеле его всячески томлении от православныя веры отогнати и в свою бусорменскую веру привести. Той же князь крепце царя обличаше, яко ж крепкий адамант, прещения и мечения * ни в чем не устрашися, крепце пострада, и положивый душу свою за церкви божия и за благочестие великого государя и за православную християнскую веру и за вся православныя християне, укоряше: «О, злочестивейший бусормане и поганый еретиче, посланниче сотонинский и бесовский, предтеча Махметов, предстатель и слуга диявольский, гонителю на церкви божия и разорителю и грабителю». И по сем в такове крепости кончину приял еси * добре. Той же злочестивый царь не возможе укуризны * терпети и поношения, повеле его всячески мучити // различными мучении. И по мучении том повеле ему гла- л.644
ву отсещи, и повергоша его тело на пусте месте. И той храбрый и терпеливый воин мучения кончину прият, и царствию божию наследник бысть. Некто полковник бысть с ним, князем, райтарский, и отоиде мало с своими райтары и укрепися, и учини с ними, тотары, бой великий по три дни, но не возмогоша его тотарове жива взяти. На третий же день не бысть в том полку ни хлеба, и изнемогоша от гладу, и зелия не бысть. И о сем татарове нападоша крепце на них, овех посекаше, а инех копии избодше, ни един же тех свободися смерти, но вси мечем умроша. И како бой бысть с царем ханом, и посылаше весть к боярину князь Алексею Трубецкому с товарыщи, и он о сем отказал: «Своею-де волею ехал, тако и промышляй, и я ему помогать не буду», а сам поиде обозом к городу Конотопу. И после бою, как побили Пожарского, и все хановo войско устремися на Трубецкого полки и нападающе крепце бранию на его обоз по 12 дней, только не превозможе одолети, многих же в то время побиша, а болши того раниша несмерто-

* [*Так в тексте*].

носными ранами 40 тысящ. И августа в 6 день прииде о сем весть к Москве к великому государю, что учинися над Трубецким, тотарове полк его розбили, только бутто се сам прииде обозом в город Конотоп. И в то время слыша таковое побеждение на руские полки, велий страх объят на вся живущия в Москве. Великий же государь повеле около Москвы по болшому Земляному валу город рубити, только лесом в тое время
л.644 бысть оскудение, и повеле загородных слобод хоромы // ло-
об. мати и тем город строити. И в то время осадных людей росписаша по монастырем: к Спасу на Новое и в Симонов, и во Андронников, и Смоленской богородицы. И того бысть смятения три дни и три нощи. И многие люди из Земляного города и из Белого везоша животы в Кремль и в Китай. В то же время собравшеся воровские люди, холопи боярские, а иное от християн, во многих местех в селех приидоша, шубы своя оборотивше навыворот шубы шерстию и сполох учинивше. Православнии ж християне о сем устрашахуся, бегающе от них по лесом и по пустыням, а инии по градом, где кому ближе. Инии бежавше которые за сто верст и за полтораста поприщ, бежаще з жены и дети во град Москву. Только бысть о сем велие смятение и страх, овии пеше, инии же на конех, друзии же дети малые на коровах и на волах. И о сем много пакости бысть и душегубства, многие со гладу умираху. В четвертый же день бысть о сем весть великому государю, что выиде боярин князь Алексей Трубецкой с товарыщи, прииде в город в Конотоп, а той нечестивый царь хан поиде в Комарецкие волости и зимоваше в них, и християном бысть от сего велие утеснение и ограбление, а сам царь поиде в свою землю. В другое же лето выиде той же нечестивый варвар и бусорман со множеством вои своих на руские пределы и много пленив руские земли. Великий же государь посылаше с Москвы боярина и воевод и наместника псковскаго князь Григорей Семенович Куракин с товарыщи, и с ним бысть многочислено ратных лю-
л.645 дей многое множество до 2000 да инии же полцы. // Тако же неподалеку от сего полков той же злочестивый царь помышляше ити на полк князь Григорья Куракина с товарыщи и на воинских людей, поиде на него царь с своими полки, хотяще его победити и в Рускую землю внити, и церкви божия разорити, и християнскую веру потребити и искоренити. Той же князь Григорей Куракин согласився великого государя со иными полководцы боляры, чтоб им о сем помочь творити на злочестиваго и ити вкупе со всех стран на побеждение злонравнаго царя хана. Той же царь хан прииде на руские полки, и уничижиша * брань велию. Той же князь Григорей Куракин против нечестиваго царя хана прииде, и брань велию сотвориша, и приидоша инии полководцы бояра три полки, князь Петр

* [*Так в тексте*].

Лопатин и Болятинской * Снеток **, и составиша брань велию меж тотар и руских людей. И бысть сеча зла, и того хана вкруг рускаго войска учиниша. Видев же царь округ своего войска руские полки, устрашися о сем и не возможе против руских полков стояти, и братися, и побеже; и несть куда бежати. Мнози же от тотарских полков в реку вметавшеся и в реце истопишася, а инех многих посекоша и побиша, только сам царь хан с малыми людми побеже в свою землю, пометаше шатры и всякие запасы воинские, и полон руской, и богатство, елико имеяше. Сия же победа бысть на злочестиваго царя хана, яко же и на Мамая безбожнаго ордынскаго царя, преж бывшаго с великим князем Дмитрием Иоанновичем Московским на Дону, тако ж и ныне божиею милостию и заступлением руских чюдотворцов и великого государя счастием сотворися сие. // л.645 об.

О рождении царевны и великие княжны Феодосии Алексеевны.

В лето 7168 майя в 29 день родися великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя Росии самодержцу царевна и великая княжна Феодосия Алексеевна. И крещена бысть в Чюдове монастыри. А крестил ею преосвященный Питирим, митрополит Сарский и Падонский, сииречь Крутицкий. 1660

О послах руских и литовски(х). В тое ж время, как бысть победа на злочестиваго царя хана, и в тое время бысть послове сьехашася руские и литовские для договору мирного меж Руские страны и поляков, и о сем договоришася на время, и в тое время договариватися вечным миром или на чем слово да будет, и бог да изволит о том мирном поставлении.

О смятении в Казанском граде и по иным украиным многим городом около града Казани. Во граде Казани бысть смятение велие в людех, восколебашася друг на друга; а которые мурзы тотарские, и те многие возмутишася и инех многих с собою зговориша. В то же время послаша с Москвы на вое(во)дство в город в Казань боярин и воевода князь Григорей Семеновичь Куракин. Той же боярин приехав во град в Казань и разсмотряше всячески всякие их неправды и из городов окольних воевод и приказных людей, и всячески известно о сем смятении испытав, и многих смутных людей пытав разными пытки, и по пытках инех повеле казнити, а инех повесити и инем руки по запястие отсекати, а инем ноги, и инем // уши, овем пальцы л.646 в руках и в ногах, и о сем мятеж утоли. А инех по тюрмам посажаше, а инех в далние грады отсылаше, и той мятеж утоли.

О послании в Полскую землю с полком боярина и воевод князя Иоанна Андреевича Хованского с товарыщи. **В лето 7169** великий государь царь и великий князь Алексей Михайло- 1661

---

* *Надо читать* Барятинский.

** [*Так в тексте*].

вичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец послал в Польскую землю боярина и воевод князя Иоанна Андреевича Хованского с товарыщи Великого Новаграда с воинскими людми. И бысть ему в Польской земли на поляков великие победы, многих поляков и их польских ятманов полки их разбиваше и грады их имаша, и местечка и села их поимаше и пожигаша. А люди литовския овех посекаше, а инех в плен имаше и отсылаше в Рускую землю во многие грады, а инех в присягу творяще великому государю, и многие грады завладеша и взяша веси и деревни и пожигаше.

О походе к Ляховичем ко граду. Той же боярин и воеводы князь Иоанн Андреевич Хованской с товарыщи поиде ко граду польскому Ляховичем, и пришед ко граду и той град осадиша накрепко. И многое богатство в тое Польские земли, и тое служивые великого государя богатством многим обогатеша и под тем городом и около его, которые многие веси, и в тех весех многие обетования имеша, в довольстве естьы и питья всячески исполнишася. И начаша в тое время беззаконно жити и сквернаво и блудодействовати беззаконно, ясти и пити безвременно в великий пост и блудодеяние творити безо всякого
л.646 зазора, не токмо что малии, // но и самы воеводы многое без-
об. законие сотворяюще, будучи на страстныя великие святыя недели, ни в чем не сохраниша и чистоты душевныя и телесныя не имеша, токмо валяющеся, яко безсловеснии скоти или яко свиния в кале, и иновернии языцы, и те тако не сотворяюще, не помняще о сем божия праведнаго гнева за сие великое беззаконие. И после Христова воскресения святыя Пасце на третий день в тое страны польские люди собрашася, многие ятманы и поляки и их полковники, и желныри, и многая их присяга, многие тысячи конные и пешие, и приидоша близ града, яко за десять поприщ. И посла боярин и воеводы князь Иоанн Андреевичь Хованской с товарыщи проведать про полских людей, несть ли где полских людей в собрании. И послании сьехашася и осмотриша сие собрание, и возвестиша великого государя воеводам. А как весть учиниша воеводам государевым, и в тое время польские люди близ приидоша града того Ляховичь за три поприща. И о сем уведавше во граде осадные люди поляки и учиниша из города выласку на руских людей. В той же час и время приспеша поляки с великими полки. И великого государя воеводы и все воинство видя многое множество полских людей, и нападше на руских воевод страх велий. За беззаконие их пред богом и за блудодеяние, и за нечистоту, и за всякие неправды бог пусти свой праведный гнев, изволи наказати, но не до конца погуби. А как на выласку поляки выидоша, и в тое время (воеводы) великого государя с ними на бой ни мало
л.646[а] поидоша, ни // полков урядиша, но учиниша конные воеводы, и вся конница побегоша и даша плещи своя на бежание. И обоз и табары, и запасы великого государя, и пушки, и зелие поро-

ховое, и хлебные запасы, и денежную казну, и свои вси великие нажитки, и кони добрыя, и бахматы все покинуша и побежаша к руским городом конница; а пехота вся остася, стрелцы московские и новгородцкие, и псковские, и иных многих городов и салдаты осташа, и тако ж побегоша. И те полские люди видеша руских воевод бежание, устремишася на пехоту великого государя и тех многое множество побиша, а инех в полон взяша. Толко в тое время един полковник енарал Федор Немчин своими салдаты учини с ними отводной бой, а сам поиде отводом и бися с поляки, и иде пять дней, и безпрестани биющеся. И видеша те полские ятманы и войско, что немочно того полковника взятием взяти и никако ево розбити и победити, и возвратишася вспять на пятый день, и поидоша ко граду Ляховичем. А той полковник идучи путем своим полком и с салдаты, найдоша телегу з зелием, аще бы не сие бог поспешил, и той бы енарал с салдаты побиен же бы был, что уже у него в полку пороху мало бысть. И тое есть дивное удивление и чюдеси достойно бысть: великого государя енарал с салдаты последнее выстрелиша из мушкетов по поляком, а поляки в тое время и отвратишася вспять. А той полковник енарал поиде к городу Полотску со всеми своими салдаты во всяком добром путешествии, // достиже град. А великого государя боярин и воеводы л.646[а] князь Иоанн Андреевичь Хованской со всею конницею, з дворяны и дети боярскими и с райтары гневом божиим гоним бысть об. за великое свое блудодеяние и за нечистоту и прибеже в город в Полотско. А той енарал полковник с салдаты прииде же во град после боярина две недели спустя божиею милостию со всем своим полком здрав. И великого государя воевода видя сего енарала с салдаты пришедша, и бысть о сем радость, видя их всех в целости пришедших. А инии стрелцы и салдаты многое множество побиты, а богатство руских вой все пограбиша поляки.

О походе противо Патши. Великого государя боярин и воеводы князь Иоанн Андреевичь Хованской с товарыщи поиде против польского ятмана Патши и на поляков, и пришед, и учини тут табары и обоз, и многие шанцы поделаша. И на того польского ятмана не поиде и бою с ним нимало не даде. А как поиде ис Полотска, и великого государя служивым людем приказа взяти хлебных запасов на три дни, а в обозе и дорогою проиде две недели, и оголодаша крепко. А великого государя хлебные запасы, сухари и крупы и толокна, того служивым салдатом не даваша, и о том много ему биша челом, и он о сем ни во что положи. Тии же от глада изнемогоша стрелцы и салдаты, пехота, поидоша в город в Полотско и идоша три дни и три нощи до жилых мест, а хлеба не бысть, только по оскуду было у них соли, и едва доидоша до сел // и деревень и по сем л.647 до града Полотска с великою нуждею. А той великого государя воевода, видя себе, что пехота вся отъиде от него, тако ж воз-

вратився во град, а те поляки в тех его шанцах заседоша и обовладеша и много пакости твориша присяге великого государя, которые присягли. И мало спустя времени той же боярин и воевода поиде с служивыми к тому ж месту и того обоза имати. И пришед, учиниша великий бой под теми табары и стояша три дни, и в четвертый день выгнаша того Патшу с поляки, и прогнаша его в дальные польские страны, и на том бою многие поляки побиты, а инии в полон ведомы в Рускую землю.

О Лукомском полковнике с поляки. В тое же время прихождаше польской полковник пан Лукомской с поляки на многие великого государя присяжные села и те села и деревни много пакости сотвори. И о сем бысть во граде в Полотске весть великого государя воеводе князю Иоанну Хованскому, и собрався, поиде за тем полковником паном Лукомским. Той же полковник никако же великого государя с воеводою не сойдошася на бой, и много за ним гоняшеся, но не можаше достигнути. Где скажут и на котором месте, и он с того места отъиде на иное место, а присяжным великого государя людем от него, Лукомского, великое потеснение. И той полковник Лукомской великому государю прииде и присягну, и крест целовав, и великого государя бысть ему жалованье велие. Той же Лукомлл.647 ской пан, забыв страх божий и крестное целование // и великоб. кого государя жалованья, еще отложися и собрася тако же с поляки, и много пакости творяше присяге великого государя.

О взятии города Озерищ в последнии и о разорении его. Приидоша великого государя полковые воеводы и конница и пехота многое множество воинских людей к городу Озерищам, тако бо зовом бе того ради, что тот град* обыде округ града того, только малая стезя ко граду бысть. И начаша приступати, но не возмогоша езера ради, что велико добре, а ко граду приход добре мал, и тамо ров глубок учинен есть. И только той город не добре велик да крепок, а в нем живущих и осадных людей много и наряду боевого много же и хлеба тако ж много. И великого государя воеводы много покушающе на град, како бы его взяти и коими умыслы, и под тем градом пребыша многое время великого государя воинские люди. В то же время из града учиниша весть к поляком своим, и они собравшеся и приидоша им на помощь против руских полков, и сташа вдалее пятинадесяте верст. Толко руские люди сего не вемы. И бысть времени осени о Филиповых заговеньи в замороз, великого государя руские вои учиниша многие плоты древяны, и тое езеро опешав, и тое плоты подведоша под самую стену горо(до)вую, и учиниша приступ крепце со всех стран. И в день Филиппа апостола в ночи и лествицы ко граду приставиша и по них на град взыдоша, и многа о сем брань бысть. Во граде же

* [*Так в тексте*].

людиѣ изнемогоша и не можаху противитися и стояти против
руских воинских людей, и по лести//цам великого государя л.648
воинские люди на город взыдоша и поляков многих посекающе
и побивающе, стара и млада, мужей и жен, и сущих младенцев.
И последи той же град зажгоша, а в плен никако же не имаша.
Таков о сем залог, что никакова сего града плену не имати;
аще кто хочет взяти себе в полон мужеский пол или женский,
или отрока, или отроковицу, и хто сие уведав хотяще, и того
посекати, хто полон емляше. И о сем победа велия на поляков,
а собравшиися, видя на своих великую победу от руских вой,
поидоша в польския дальния страны. А руские великого госу-
даря воинские люди отъидоша с великою победою в город
в Полотско во всяком веселии, хваляще и славяще господа бога
о такове великие победы на противных, и отъидоша в город
в Полотско все воинские великого государя людие.

О рождении царевича и великого князя Феодора Алексеевича. В лето 7170 июня в 8 день родися великому государю царю 1662
и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу царевичь и великий князь Феодор Алексеевичь. И крещен бысть в Чюдове монастыре преосвященным Питиримом, митрополитом Сарским и Падонским. А хто у купели бысть, и про сие не писано. И о сем рождении бысть радость в Московском государьстве и во всей Русии. И бысть великого государя указ два месяца, что о всяких указех и о челобитии и многим великого государя служивым людем многие великие жалованья, овех великий государь жаловаше соболями, овех драгими // и многоценными портищами л.648
и отласы, и камки, и тавты, и киндяки, и кумачи, и китайками, об.
и сафъяны, и денежным многим неисчетным жалованьем, хто о чем бьет челом, тощ ничто же отхождаше, но токмо подарствие и мзду приимаше. И святейшему Никону, патриарху Московскому, будучи в Воскресенском монастыри, посылаше ему на милостыню пять тысящ денег и иные многие портища. И о сем до зде да писано есть.

О пожаре в лето 7170* июня в 19* день. В Великом Нове- 1662
граде в пяток на первыя недели поста бысть пожар велик, загореся на Рогадице** улицы на денежном дворе и погоре Рогатица и корчемной двор, и в гору, и Лубяница по переулок, и через Ильину улицу в Виткове улицы четыре двора, и в Воскресенском приходе по Болшой Славенской улицы два двора, и посольской двор. А как загореся, и в тое время Макарей, митрополит Новгородцкий и Великолуцкий, иде со кресты в Хутынской монастырь ко преподобному чюдотворцу Варлааму Хутынскому новгородцкому со всем освященным собором и со множеством народа горним путем, а не в судах.

---

* *Цифры в подлиннике исправлены.*
** [*Так в тексте*].

В тое ж время великаго бога изволение положи господь в сердце благочестивому и христолюбивому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу благое, чтоб прекратить и престать медные денги делать, и о сем великие и крепкие заказы учиниша во всей Роские земли всяких чинов людем, что ими не торговати, что много учинилося воровских людей и много ду-
л.649 шегубства *. //

1662 **О преставлении Макария митрополита Новгородскаго. В лето 7171** ноября в 14 день преставися Макарий, митрополит Великаго Новаграда и Великих Лук, и погребен бысть в Георгиеве монастыре в притворе в соборной церкви великомученика Георгия на правой стороне от западу входе, а погребал тверской архиепископ Иоасаф Тверский и Кашинский генваря в 30 день в неделю мясопустную. И провожали до монастыря со кресты, а несоша священницы на раме. А за погребение и за псалтырь даваше великого государя казны и на милостыню. В Великом Новеграде на пушечном дворе поставлена бысть палата каменная великого государя казною, а делаща ей дв(а) месяца. А воевода был в Великом Новеграде князь Иоан Борисовичь Репнин.

1664 **О рождении царевны и великие княжны Феодоры Алексее(вны). В лето 7172** сентября в 11 день родися благоверному и христолюбивому великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу царевна Феодора Алексеевна. И крещена бысть в Чюдове монастыре преосвященным Питирим(ом), митрополитом Сарским и Подонским, сиирече Крутицким. Возведен бысть и избран в Великий Новгород повелением благовернаго и христолюбиваго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, преведен с Крутиц Питирим, митрополит Сарский, Подонский,
л.649 об. сиирече Крутицкий, на митрополию // Великаго Новаграда и Великих Лук меж патриаршества августа в 6 день. Того же времени поставиша на Крутицы Павла митрополита в Сарск и Подонск, взят из Чюдова монастыря из архимандритов, а поставиша его на Москве меж патриаршества, а ставили его русские митрополиты и архиепископы и епископы в соборные и апостольские церкви честнаго и славнаго ея Успения.

1664 **О приезде Питирима митрополита в Великий Новград. 7173** октября в 1 день приехал в Великий Новгород преосвященный Питирим митрополит прежде крестов ко Знамению пресвятии богородицы и облачися прежде, и в тое время от соборные церкви Софеи премудрости божии приидоша кресты к Знамению богородицы, власти, архимандриты и игумены, и весь священный собор, и воеводы, и дьяки, и всего Великаго Новаграда

---

* [*Далее л. 649—649 об. написаны другим почерком*].

множество народа. И митрополит встретив кресты и прочет евангелие, и иде к соборные церкви Софеи премудрости божии, и пред градными вороты говорил молитву, и кропил святою водою, и того дни в соборные церкве воду святил, и литоргию служил соборне, и святую воду к великому государю к Москве посылал.// л.650

О исправлении и определении вещей церковных. В лето 7174 генваря месяца индикта 4 повелением благочестивейшаго 1666
великаго государя нашего царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца собрашася освященный собор всего Великоросийскаго государьства межь патриаршества, преосвященнии митрополити, архиепископи и епископи, архимандрити и игумены, в богохранимом и преименитом царствующем великом граде Москве, вины ради сицевы, сииречь изложиша свиток новоисправленый и руками своими тое свиток закрепиша.

О поезде Питирима митрополита к Москве. Повелением великаго государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца преосвященный Питирим, митрополит Великого Новаграда и Великих Лук, поехал к Москве о градцких великих нуждах и о своих такожде исправлении.

О рождении царевича и великаго князя Семиона Алексеевича. Родися великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу царевичь и великий князь Семион Алексеевичь всеа Росии. И бысть того ради рождения всемирная радость во всем Росийском государьстве всяких чинов людем. И крещен бысть в Чюдове монастыре меж патриаршии, а именины его бысть месяца апреля в 17 день. // л.650 об.

О приезде святейших вселенских патриарх к Москве. В лето 7175 по призванию благочестивейшаго великого государя 1667
нашего царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца приехаша к Москве святейший кир Паисия, папа и патриарх великаго града Александрии и судии вселенныя, и святейший кир Макарий, папа и патриарх великаго божия града Антиохии и всего востока, иж звани суть. И бысть им встретение велие со кресты, прилучившиися митрополиты и архиепископы, и епископы Росийския, и архимандриты, и игумены, и протопопы, и весь освященный собор, и потом великий государь со всем своим царским синклитом, яко ж годе о сем бысть. А за Москвою тако же встреча бы(сть) повелением великого государя: ево государев двор и бояра московские великие встретающе своими дворы тако, яко же великих послов, и все служивые стрелцы, и салдаты, и всяких чинов людие.

О поставлении патриарха Иоасафа Московскаго и всеа Русии писано лист 611.

О исправлении освященнейшаго собора, о исправлении книг служебника и требников и свитка о свидетельстве. Повелением благочестивейшаго великаго государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, советом же и благословением великих ар-
л.651 хиереов святыя великия // восточныя церкве, великаго господина святейшаго кир Паисия, папы и патриарха великаго града Александрии и судии вселенныя, и великаго господина святейшаго кир Макария, патриарха великаго божия града Антиохии и всего востока, и звани суть от великаго государя в царствующий град Москву церковных ради нужных вин, и великого господина святейшаго кир Иоасафа, патриарха Московскаго и всеа Росии, и всего собравшагося настоящаго сего лета и освященнаго собора в царьствующем граде Москве во
1668 патриархии, а книга служебник издадеся 176 и яже исправлена ими в сей книзе, и в свиток соборнаго деяния написася, и их руками заручися, яко же в конце книги сея видети есть сий свиток.

О рождении царевича и великаго князя Иоанна Алексеевича. Августа в 29 день родися благочестивому великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу царевичь и великий князь Иоанн Алексеевичь. И крещен бысть в Чюдове монастыре. А крестил его святейший патриарх Иоасаф Московский и всеа Росии. И о сем рождении бысть всемирная радость во всем Росийском государстве всяких чинов людем.

О преставлении благородные царицы и великие княгини
1668 **Марии Ильичны.** В лето 7176 преставися благоверная и христолюбивая царица и великая княгиня Мария Ильична, благовернаго и христолюбиваго государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии
л.651 самодержца ево государева царица. И погребена // бысть в Воз-
об. несенском монастыре в соборные церкве на правые страны. И по повелению великого государя воздаша многу милостыню по государыни царицы и великие княгини Марьи Ильичне патриарху святейшему Иоасафу Московскому и всеа Русии и преосвященным митрополитом, и архиепископом, и епископом, которые в тое время быша на Москве, и бывшему святейшему Никону патриарху Московскому и всеа Русии тако же посла милостыню ф Ферапонтов монастырь тысячю рублев, и святейшим вселенским патриархом святыя великия восточныя церкве, великому господину святейшему кир Паисею, папы и патриарху великаго града Александрии и судии вселенныя, и великому господину святейшему кир Макарию, патриарху великаго божия града Антиохии и всего востока, многу им милостыню подаде, неисчетное сокровище, и веляше им царицу свою поминати и за свое великого государя и за детей своих бога молити.

В то же время великий государь присла на милостыню в Великий Новград преосвященному Питириму митрополиту и на роздачю по монастырем и на сорокоустие по всем церквам, коиждо церкве по разсмотрению воздаваше.

О знамении на небеси. Бысть знамение на небеси, солнце портилосе в третьем часу дни, багрово и зелено и желто, и того времени бысть полчаса. А которые многие людие видеша, и глаголаша: не просто сие знамение бысть.

О преставлении царевича и великого князя Алексея Алексеевича. В лето 7177 генваря в 17 день преставися благоверный царевичь и великий князь Алексей Алексеевичь. И о сем бысть великому государю царю и великому князю Алексею // Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу о сем велия печаль и сетование и всеи Росийские земли православным христианом велий плачь и унылие*. И по сем многую милостыню творяше по монастырем и по святым божиим церквам, и нищим велие подаяние подаваше, и в Великий Новград прислал на сорокоустие и на милостыню денег пятьсот рублев преосвященному Питириму, митрополиту Новгородцкому, и по манастырем на роздачю милостынею. 1669 л.652

Того же лета во Пскове сожгли старца в срубе за новоисправленые книги и четвероконечнаго ради креста, за ево непокорение.

О знамении на небеси. Бысть знамение в генваре месяцы на масленой недели во вторник в четвертом часу дни, от солнца три лучи, аки великие столпы, и сему знамени многие люди дивишася, и о сем во много уныние впадоша и сетоваше.

О преставлении царевича и великаго князя Семиона Алексеевича. Преставися благоверный царевичь и великий князь Семион Алексеевичь в апреле месяцы. И положен бысть в церкве святаго архистратига Михаила с своими прародители. И бысть о сем всей Росийской земли плачь и велия жалость и уныние всем, и бысть милостыни велие подание и по святым церквам и по монастырем.

О поставлении в Новеграде полат. Преосвященный Питирим, митрополит Новгородцкий, розломал старые Никитские старые полаты и полату великую напогребную розобрал до основы, и на воротех церковь Петра, митрополита Московскаго, // розобрав, и вновь зделаша болши прежние, и притворы около тое церкве учинил болшие. А мастеры были нанятые с Тихвины, а делаша едино лето и поллета. л.652 об.

В лето 178. В Великом Новеграде той же Питирим, митрополит Новгородский, сломал старую приказную полату великую о дву житиях, и на той же подошвы поставиша вновь полату и устроиша в тое полаты владычень судный приказ, а под тою полатою устроиша келию велию. В Великом же Нове- [1670]

---

* [*Так в тексте*].

граде воевода князь Дмитрей Алексеевичь Долгоруков по указу великого государя зделаша вновь полату каменну великую о дву житиях и устроиша приказную полату великого государя, только того лета всей не достроиша и совершиша на другое лето.

Генваря в 9 день в ночи в третием часу бысть знамение страшно вельми: отверзеся небо, и бысть яко пламя, и искры разсыпашася. И от того страшнаго видения, кто видел, и те людие не могоша стояти бывшаго ради страхования и падоша на землю. А бысть сие знамение четверть часа.

О зябели и о хлебные дороговли в Руские земли. Бысть в Руской земли зябель по местом, и в тое время бысть хлеб добре дорог: в Великом Новеграде купиша на торгу ржи четверик по десяти алтын, а четверть ржи купиша по 2 рубли по 13 алтын по 2 деньги, ячмени четверть 2 рубли, овса четверть 26 алтын 4 деньги. И в тое время пшеницы четверть купиша по 4 рубли. И в тое время привозиша хлеб от немец из-за рубежа,
л.653а инии изо Пскова, // овии ис Москвы. А в тое время Питирим митрополит приказал из софейских житниц хлеб продавать четверть по рублю и по десяти алтын только служивым людем, а иных чинов людем не продавали.

О сочетании втораго брака благовернаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя
1671 **и Белыя Росии самодержца.** В лето 7179 государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец сочетался вторым браком благородную девицу Наталию Кириловну Нарышкина генваря в 30 день. И бысть о сем всемирная радость во всей Руской земли всяких чинов людем.

О церкве святаго Богоявления господня. В Великом Новеграде церковь Богоявление господне, что бысть на владычне дворе, возле ходя * святительскаго в соборную церковь против полат казенного приказу и казначейских келей, и тое старую церковь повелением Питирима, митрополита Новгородскаго, розобраша, и в тое место поставил на воротех церковь святое Богоявление господне возле церкве святаго Иоанна Златоустаго с притворы единым летом. А для работы быша у тое церкви всяких чинов люди, игумены и протопопы, и попы, и дьяконы, и священноиноки, и простые иноки, и дети боярские, и певчие дьяки, и подьяконы, и подьяки, и дьячки, и понамари, и звонари, и слуги монастырьские, и простых чинов християне, и бобылки. А тое строение строили в чепех и стулы волоча, кирпичь
л.653 и извисть носиша // с великим томлением и со слезами, что мно-
об. гим не в мочь и не в силу.

В том же Великом Новеграде на владычне дворе вновь подошву твердиша и делаша, где быти каменные поварни и хлеб-

---

* [*Так в тексте*].

ни и кельям, хлебенные и поваренныя, и погребу питейному у церкве святаго Сергия от ворот и сушила, и на другое лето состроиша.

О падении столпа, сиирече часов. В Великом Новеграде в майи месяцы в третием часу дни паде каменный столп и городовые стены каменного города, а тот столп строения Евфимия, архиепископа Новгородскаго, что на Вяжищах опочивает, каменнаго города сажен с пятьнадесять нутренные стены, а на лицы остася цела, и часы спали и розломалися, и благовестник боевой колокол тако же спаде, а не розбися.

О пожаре. Сентября в 30 день бысть в Великом Новеграде пожар, загореся в Ильине улицы в средине у Виткове улицы, и згорело двенатцать дворов. И бысть в то время буря вельми велия и ветр силен, и во многих местех загоралося, а горело 2 часы дни с перваго до третияго часа.

О поезде к Москве Питирима, митрополита Новгородскаго. По указу великого государя преосвященный Питирим, митрополит Великого Новаграда и Великих Лук, поеде к Москве декабря в 10 день, и проводиша его за град с великою честию боярин и воевода князь Василей Григорьевичь Ромодановской и дьяки, и головы стрелецкие, и гости, и всегородной староста, и на//чальные люди града, и множество народа Великого Нова- л.654
града до реки до Жилотка *. А власти, архимандриты и игумены и строители, те проводиша его до села до Бронницы со многою честию.

О смерти патриарха Иоасафа Московскаго и всеа Русии. Святейший Иоасаф, патриарх Московский и всеа Русии, преставися июня в ** день, и погребен бысть в соборные церкве святей богородицы Успения, а погребал Питирим, митрополит Новгороддкий, и Павел Крутицкий, и инии архиепископы, и весь священный чин. А на погребении бысть великий государь со всем своим царским синклитом.

О избрании и о поставлении Питирима митрополита в патриархи. Июля в 7 день великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец избра на патриаршество Питирима, митрополита Новгородскаго и Великолуцкаго, и повеле поставити русийским митрополитом и архиепископом и епископом. А поставиша его на Москве в соборные церкве честнаго и славнаго ея Успения, и того дни о сем праздноваша честно и радостно, и бысть на патриаршестве девять месяцов.

О поставлении в Великой Новград Иоакима митрополита. **В лето 7181** декабря в 22 день поставлен бысть в Великий Нов- 1672
град в митрополиты Иоаким избранием и повелением благочестиваго великого государя царя и великого князя Алексея

---

* *Т. е. до Жилотуга, рукава Волхова.*
** [*Оставлено место для числа*].

Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержл.654 ца, а приехал в Новгород февраля в 4 день. //
об. **О страшном видении в Чевском королевстве, о немилосер-**
1673 **дом человеке показание божие, 7181.** Страшное и наказательное предложение на некоего немилосердаго и богоотступнаго и кленущагося человека, како оный праведным судом божиим обращен во пса в Чевском королевстве близ града Праги, объявлена и свидетельство из града Праги **1673 лета** в декабре месяцы. Всемогий бог наказует страшным отмщением зле кленущихся и немилосердых богоотступников, обращая на добрый путь. В Чевском королевстве некто велика рода натяготил данми подданных своих, и вдова некая бедная после мужа своего с пятию сиротами з детми в нужном житии, толико имения едина корова, и принужена тако ж дани тяшки платить, и не имея что дати, кроме единыя коровы. И моляше господина своего с плачем з детми своими, чтоб ей по отъятии коровы не разоритца, прошаше пождания времене для будущаго суда божия. Он же не умилосердова о ней, велел и корову отгнати в свой хлев. Видев же немилосердие, жена его моляше о них его. Он же не приклонися на милость и гневом отвеща: «Не могу и видети их, яко псов нагих, дондеже воздадут наложенныя дани». И отгнав их от себе. Что ж немилосердому господину тому, в трех днех 60 животин паде. Он же разгневася и имя божие хуляше, и хотя мстити вдове и кормити ея з детми, яко товтую *, мертвечиною, и безстудно рече: «Не поможет ей бог». И ныне зри суд божий. В том же часе погубил все чювство свое
л.655 и человеческий образ,// раздрав одежду свою, обращается в чермнаго **мохнатаго пса, кроме главы.** Ныне же возят его в решатчатом возу, и приставлен живодер, и кормят его тою мертвечиною, иного не яст. Жена же его о нем милостыню творяше и моляше бога о прощении грехов его.

О преставлении Питирима, патриарха Московскаго и всеа Русии. Майя в 7 день преставися святейший Питирим, патриарх Московский и всеа Росии, и погребен бысть на Москве в соборные церкве всечестнаго Успения. А на погребении бысть великий государь со всем своим царским синклитом и преосвященный Иоаким митрополит, и Павел, крутицкий митрополит, и инии власти, и освященный собор со всякою честностию.

О рождении царевича и великаго князя Петра Алексеевича. Родися благоверному и благородному государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу царевичь и великий князь Петр Алексеевичь месяца июня в 29 день. И бысть и крещен в Чюдове монастыре преосвященным Иоакимом, митрополитом Новгород-

---

* *Так в тексте.*

ским. И того ради рождения бысть всемирная радость во всей земли Руские всяких чинов людем *.

О знамении на небеси, како видеша в немецкие земли. И о сем бысть истолковано с немецкаго на руский язык, чего ради сие знамение бысть и что ему толк **. // л.656

О приезде преосвященнаго Иоакима митрополита в Великий Новград. Преосвященный Иоаким, митрополит Великого Новаграда и Великих Лук, приеде в великий и славный богоспасаемый Новград февраля в 4 день на Ильину улицу к церкве пресвятыя богородицы честнаго и славнаго ея Знамения чюдотворныя иконы в санех и в тое церкве обличився *** и ожидаше от соборныя церкве Софеи премудрости божия крестов с чюдотворными иконы. В то же время приидут со кресты и со иконы чюдотворными архимандриты и игумены, и протопопы, и попы, и дьяконы, и воеводы градские, и всего Великого Новаграда народы к тое церкве Знамения богородицы. И преосвященный митрополит встретил тое честные кресты пред церковию и, встретив тут, благословляет воевод и архимандритов, и дьяков, и игуменов, и протопопов крестом, и иде в церковь, и прочтет святое еуангелие, и по еуангелии поиде со кресты к соборные церкве к Софеи премудрости божии. И прошед Чюдный крест и, будучи против Пречистенских ворот и против образа пречистыя богородицы, что на градских воротех, глаголет молитву и по молитве кропит святою водою, и иде к Софеи премудрости божии. И пришед в церковь и святит воду, и литоргию служил. И по литоргии розоблачася, идет в Богоявленские врата, и тут приготовлена бысть лошадь с санми и с полстию, и садится в сани, и едет около каменного града ис Пречистенских ворот к Чюдному кресту, и тут поклоняется, и еде по мосту помимо островка, и на крылце Николы чюдотворцу поклоняется, что на Владимерских воротех. И как будет у Воскресенских ворот, и тут говорит молитву и кропит святою водою и осеняет честным крестом, и поедет // к Спасским воротам, и говорит л.656 об.
молитву, и осеняет честным крестом, и кропит святою водою, и въедет во град и в дом святыя Софеи премудрости божия. И того дни бысть пиршество в дому святыя Софеи премудрости божия, и святую воду посылает к великому государю к Москве. И бысть на владычестве 8 месяцов без дву дней. И в тое время преставися святейший Питирим, патриарх Московский и всеа Русии.

О поставлении патриархом Иоакима, митрополита Новгородскаго. Июля в 26 день поставлен бысть Иоаким, митрополит Новгородский, патриархом избранием и изволением великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия

* *На полях заметка другим почерком* (*XVIII в.*) Неправда, а рождение было майя 30 дня 1673 году.

** *Другим почерком* (*XVIII в.*) бес переводу чудеса. [*Далее л. 655 об. оставлен пустым.*]

*** *Так в тексте.*

и Малыя и Белыя Росии самодержца в соборные и апостольские церкве всечестнаго Успения пресвятыя богородицы. А ставил его преосвященный Корнилие, митрополит Казанский, со иными митрополиты и архиепископы и епископы.

О преведении Корнилия, казанскаго митрополита, в Новград. Августа в 11 день преведен бысть Великому Новуграду и Великим Лукам Корнилей митрополит. А взят ис Казани ставленой, а сий митрополит бысть поставлен в Казань. И бысть на Москве полтора годы, а в Казани не бывал, а в Казань взят бысть из Зеленые пустыни.

О поставлении часов. Повелением преосвященнаго Иоакима, митрополита Новгородскаго, в Великом Новеграде поставлены быша часы на владычне дворе возле ворот и притвора церкве святаго Сергия, и учиниша столп высок добре, и часы боевые
л.657 устроиша и указное колесо. //
1674 **О пожаре. В лето 7182 в** Великом Новеграде бысть пожар на Торговые стороны на Болшой улицы, к Славну идучи, выгорело в Нутной улыцы по церковь и в Бардове и в Павлове улицы до Попова двора, и в Виткове улицы, и в Михайловской. А загореся от пустого двора Ивана Мокиева, и згорело дворов числом 41. А сий пожар был после светлаго воскресения на пятой недели во вторник в ночи.

О взятии града Каменоподолска от тотар нечестивых*. Приидоша многие полки тотарские со множеством поганых ко граду Каменоподольску, польскому граду. Стоящий на границы польские, сий град вельми есть крепок крепостию, что ево взятием взяти немочно того ради, что тот град бысть на высоты горы, а гора бысть каменна, камень дичь, и подкопом под той город подкопатись немочно, и гладом того града не выморити, потому что хлебными всякими запасы добре запасист и водою тако же, что в том граде подошли кладязи водяные и водою нескудно. В том же граде Каменоподольске много оружия боевого и зелия многое множество, и бысть люди польские велми богаты добре, всяким богатством кипя и изобилии неисчетными и златом и сребром и камением драгим исполнен и всякими добротами украшен вельми. И тут живут все торговые люди, мещаня, а служивых мало бысть. К тому же граду многажды прихождаху нечестивые тотарове многие полки со множеством агарян и приступы великие ко граду всячески // твориша по многое время, не по един год, и многи пакости чиниша жителем во граде том, а взяти его никако ж возмогоша и прочь отхождаше с великим студом и тщетою.
л.657 об.

По некоем же времени умыслиша нечестивии тотарове и здумавше зговорити того града воеводу, и посулиша ему великое и неисчетное богатство злата и сребра, и драгие бисеры, и

---

* [*На поле написано со знаком вставки* чрез нап...; *край листа обрезан*].

камение многоценное, и многие портища драгие, и иное многое богатство. И о сем той воевода прельстися на тое великое богатство, издаде душу свою, яко ж Июда предатель, яко продаде Христа пребеззаконным жидом, тако и сей предаде град и многи люди погуби сребролюбия ради и многаго богатства, ослепоша бо ему очи видети всякия неправды. И паки они, нечестивии тотарове, к тому граду Каменоподольску приидоша и начаша приступати, и той воевода по прежереченному прельстися на суетное богатство и предаде град нечестивым агаряном турскаго царя. Они ж, окаяннии бусормане, вшедше во град, тех градских жителей и осадных людей овых посекоша, а инех в плен поимаша, а богатство их пограбиша себе, и тем градом обовладеша крепце, и тут себе пристанище твердо учиниша и доныне. И много ис того града исходяще и росийские границы и к черкаским многим городам, пакости великие твориша многое множество.

О послании великаго государя послов на немецкую границу, сииречь на рубежь, и боярина с полком. 7183 великий государь царь и великий князь // Алексей Михайловичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец посылал послов своих на немецкую границу окольничего Ивана Васильевича Буторлина с товарыщи для уговору мирного с свейскими немцы. С ним же послал на тот же немецкий рубеж окольничего и воеводу князь Иоанна Борисовича Троекурова с товарыщи с полком воинских людей Великого Новаграда и Пскова с пригороды, и словет Новгородской полк. И быша на том посольстве лето, и полководец простоял тако ж на рубежи немецком, а меж себя никакова бою и сходов воинских людей не бысть. И розъехашася послове, великого государя послы к Москве, а немецкие во свою землю. А воевода полковой тако же иде к Москве, а ратные люди распустиша, коиждо восвояси. 1675 л.658

О приезде Корнилия митрополита в Великий Новград. Генваря в 6 день приехал в Великий Новград Корнилий митрополит по прежписанному, встреча ему бысть, яко ж Иоакиму, митрополиту Новгородцкому *.

О преставлении царевны и великие княжны Феодоры Алексеевны. 7183 преставися благородная царевна и великая княжна Феодора Алексеевна. И бысть о сем великому государю велия скорбь и сетование. А погребена бысть в Вознесенском монастыре в соборные церкве Вознесения господня, а погребал и отпевал святейший Иоаким, патриарх Московский и всеа Русии. И много по ней милостыни творяше по монастырем и нищим по распутиям и везде и многих кормяше и доволяше пищею и питием, яко же годе. // 1675

---

* *На поле другим почерком* (*XVII в.*) *приписано* И около города ехал и молитву говорил тако же.

л.658 об. **О рождении царевны и великие княжьны Наталии Алексеевны. Августа в 26 день родися государю царю и великому князю** Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу царевна и великая княжна Наталия Алексеевна. И крещена бысть в Чюдове монастыри, а крестил ею святейший Иоаким, патриарх Московский и всеа Русии. И бысть о сем рождение всемирная радость всем православным христианом во всем Русийском государьстве.

О преставлении благовернаго и христолюбиваго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и
1676 **Малыя и Белыя Росии самодержца. В лето 7184** генваря в 30 день в неделю мясопустную преставися благоверный и благородный и христолюбивый великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец. И бысть о сем всеа Руския земли великий плачь неутешим и сетование и дряхлость, и паде о сем в людех великая жалость, вельми слезная, и о сем плачюще горце на многое время. И погребоша его, великого государя, в церкве архистратига Михаила близ гробов отца своего и детей. И тут бысть на погребении благоверная и христолюбивая царица и великая княгиня Наталия Кириловна и его, великого государя, дети, благоверный и христолюбивый государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь всеа Великия и Малыя Росии само-
л.659 держец, // и благоверный и христолюбивый царевичь и великий князь Иоанн Алексеевичь, и благоверный и христолюбивый царевичь и великий князь Петр Алексеевичь, и ево, великого государя, сестры, благоверная и христолюбивая царевна и великая княжна Ирина Михайловна и благоверная и христолюбивая царевна и великая княжна Анна Михайловна, и благоверная и христолюбивая царевна и великая княжна Татияна Михайловна, и дщери ево, великого государя, благоверная и христолюбивая царевна и великая княжна Евдокея Алексеевна, благоверная и христолюбивая царевна и великая княжна София Алексеевна, и благоверная и христолюбивая царевна и великая княжна Екатерина Алексеевна, и благоверная и христолюбивая царевна и великая княжна Мария Алексеевна, и благоверная и христолюбивая царевна и великая княжна Феодосия Алексеевна, и благоверная и христолюбивая царевна и великая княжна Наталия Алексеевна и княгини и болярыни жалосто восплакаша и неутешно возрыдаша из глубины серца своего, горце востенаше и плакаше, и сетоваше болезнено, и всячески боляше о сем. А погребал его святейший Иоаким, патриарх Московский и всеа Русии, и кр(у)тицкий митрополит, и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и протопопы, и священницы, и дьяконы, и подьяконы, и подьяки, и певчие дьяки, которые бывыи на том погребении, вси восплакаша горце и болезнено востенаше, яко ж и всей Руской земли велий плачь и жалость. Такожде о сем многую и великую и неисчетную

милостыню творяще по манастырем и по богадильнем, и на путех странным, // и в тюрмах, и нищим кормлением и питием л.659 об.
во многие дни тако творяще и месяца три и болши.

О болезни великого государя и о приказе о царстве Московском по смерти своей. Сия статья писать было преж. Генваря в 16 день разболеся великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, и бысть болезнь сия ему к смерти, и боляше сего ж месяца до 30-го числа. И в тое время повеле призвати премудра знателя и ведуща их одр лекаря, и вопроси о сем, мочно ли сея болезни лечба учинити и быти мне здраву. Той же лекарь видя великого государя вельми болезнена на одре лежаща и восплакася горце, и ничто ж проглагола о сея болез(ни). Великий государь видя себя изнемогающа и смертна недуга, и сподобися святаго исповедания у отца своего духовнаго, и причастився святых пречистых и животворящих таин христовых. И по сем призывает к себе патриарха и от ево царскаго сигклита ближних своих великого государя думных князей и боляр, и окольничих, и комнатных *. И туто же быша благоверные великого государя царевичи и великие князи Феодор Алексеевичь, Иоанн Алексеевичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы. И приказываше великий государь о царском исправлении и царство свое Московское болшему сыну своему благоверному царевичю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу быти царем над всею Росийскою землею и над иными многими подданными многими государьствы. // Никако ж сотворяйте мень- л.660
шаго обидами и налогами излишними, и оброков собою не накладали и не насилили. Аще хто сие да преступит, и ему судит господь бог, во оном веце месть воздаст на страшнем и праведнем своем христове суде пред святыми ангелы и пред всеми святыми в день праведнаго своего воздания. И о сем до зде.

* [*В тексте* колматных].

II

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ДРЕВНЕРУССКИЕ ЛЕТОПИСИ»*

Летописи являются основным источником по истории Киевской Руси. Летописные рассказы о первых князьях (Олеге, Игоре, Ольге) известны многим с детства, но обычно в пересказе или обработке. Подлинный текст летописи для подавляющего большинства читателей оставался незнакомым, так как для его понимания требовались специальные знания древнего языка. Поэтому перевод древнейших летописных текстов на современный русский язык давно уже являлся настоятельной необходимостью.

Книга «Древнерусские летописи» состоит из вступительной статьи, статьи о летописях В. Панова, перевода летописи и комментария к переводу.

В кратком «Введении» В. Лебедев знакомит читателя с тем общественным строем, «в котором родилась и выросла эта „Повесть временных лет“».

Иной характер имеет другая вводная статья «К истории летописей», написанная Пановым. К сожалению, Панов понял свою задачу несколько примитивно, дав на четырех страницах лишь голую схему возникновения «Повести временных лет» по А. А. Шахматову. Эта схема останется почти непонятной для массового читателя, так как автор ее не счел необходимым познакомить читателя с особенностями летописных сводов. Даже термин «свод», употребляемый в его статье, остался без объяснения. Ничего не сказано об основных списках летописи. Наконец, следовало хотя бы кратко сказать об изучении летописи до Шахматова, так как и знаменитые труды Шахматова стали возможны только после работ его предшественников (например, К. Н. Бестужева-Рюмина).

Во второй части своей статьи Панов говорит о «Киевской и Галицко-Волынской летописях». Здесь, изложив на одной странице взгляды Шахматова, автор подвергает их критике. Этот прием был бы вполне законен, если бы автор предварительно познакомил читателя с самой летописью. Панов не замечает, что большинство его

* Древнерусские летописи / Перевод и комментарии В. Панова; Редакция В. Лебедева. Статьи В. Лебедева и В. Панова. М.: Л. Academia, 1936.

высказываний остается пустым звуком для читателя, который не знает, что такое хронографы Малалы и Амартола и о каком общерусском своде начала XIV в. идет в статье речь.

Наиболее обширную и ценную часть издания составляет перевод летописи. Переводчик (Панов) успешно справился с особенностями летописного повествования, сохранив во многих случаях колорит подлинника. Таков, например, драматический рассказ об ослеплении Василька, об убиении Андрея Боголюбского и т. д. Хорошее впечатление производит и простота перевода, понятного и доступного для любого читателя.

Наряду с этими достоинствами перевода необходимо отметить и ряд крупных недочетов, которые объясняются, по-видимому, недостаточным вниманием переводчика к археографической обработке материала. Так, прежде всего вызывает сильное сомнение выбор текста, предназначенного для перевода. В то время как в основу перевода Киевской и Галицко-Волынской летописей положен текст Ипатьевского списка, для Начальной летописи взят текст, обработанный Шахматовым в книге «Повесть временных лет». Но, как известно, текст Шахматова представляет собой реконструкцию летописи, которой и сам Шахматов не придавал значения окончательного текста. Поэтому было бы более уместно положить в основу перевода какой-либо из списков летописи, хотя бы тот же Ипатьевский.

Далее, очень неприятное впечатление производят многочисленные подзаголовки, разбивающие текст на мелкие статьи, содержание которых к тому же не покрывается этими заголовками. Едва ли следует давать в заголовках без объяснения и такие названия, как «пря», «снем» (с. 104—106), тем более что рядом со словом «снем» Панов тут же (с. 105) употребляет более понятное «съезд». Иногда заголовки просто непонятны и некоторые, как «заключение игумена Сильвестра» (с. 109), неверны: проще было бы сказать «запись игумена Сильвестра».

Несомненной ошибкой издания являются необоснованные сокращения. Так, начало летописи изуродовано до неузнаваемости, выкинута вся «география» «Повести временных лет». В переводе выкинуты и такие важные места, как договоры с греками, рассказ о начале славянской азбуки, многие места Галицко-Волынской летописи и пр.

Частые сокращения явно мешают чтению перевода. Правда, издательство оговорило в предисловии, что «из летописей взято то, что представляет литературный интерес». Но эта оговорка вносит только путаницу. С точки зрения «литературно-художественного творчества», о котором говорится в предисловии, рассказ о начале славянской азбуки и похвала Ольге не менее интересны, чем остальной летописный текст. Неудачен и другой прием издания. Все годы от «сотворения мира» оставлены без перевода на нашу эру, что только затрудняет читателя. Вспомним, что перевод годов указывался даже в специальных изданиях, например в «Полном собрании русских летописей».

В переводе есть неточности, которые легко могли бы быть избегнуты автором при более внимательной работе. Так, уже перевод первой вступительной фразы к летописи вызывает недоумение. Знаменитые слова летописи: «Се повести времяньных лет, откуду есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуду Русская земля стала есть» переведены Пановым следующим образом: «Вот повесть о минувших годах, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве первым начал княжить, и как устроилась Русская земля». Едва ли слова «откуда Русская земля стала есть» можно переводить выражением «как устроилась Русская земля». Термин «Повесть временных лет» также не может быть переведен словами «повесть о минувших годах». Переводчик сделал бы лучше, если бы оставил начало «Повести» без всякого перевода, тем более что он сам часто употребляет термин «Повесть временных лет».

На с. 12, в рассказе об обычаях половцев, Панов фразу «поимают мачехи своя и ятрови» переводит словами «совокупляются с мачехами своими и свекровями». Но слово «поимают» в данном случае правильнее было бы переводить выражением «берут в жены», которое передает более точно смысл летописных слов.

В некоторых случаях Панов совершенно ясный текст летописи все же передает неточно. Например в рассказе о призвании варягов (на с. 13) слова «не даша» (т. е. не дали) он передает сложным «не стали давать». Такие неточности языка встречаются очень нередко. Иногда переводчик заменяет общеупотребительные и понятные слова летописи другими, которые он, по-видимому, считает более понятными для современного читателя. В известной похвале книгам выражение «неисчетная глубина» он переводит словами «неистощимая глубина», придавая тем самым словам летописи неверный смысл. Иногда он переводит чересчур вольно, при этом без всяких оснований. В этом отношении очень показателен перевод рассказа о смерти Владимира Галицкого (на с. 191).

Для сравнения приведем текст Ипатьевской летописи и перевода:

Ипатьевская летопись	*Перевод В. Панова*
Петрови же выехавшю из Галича и бе ему уже вечер, и леже у Болшеве, и яко же бысть убо к куром и пригна детьский из Галича к Петрови, река: «Князь ти молвить: не езди никамо же, но жди ту, доколе по тя выслю».	Петр выехал из Галича, был уже вечер; он лег спать в Болшеве; было уже время петь петухам, прискакал к Петру детский из Галича: «Князь велел тебе, чтобы ты никуда не ездил, но ждал, пока я за тобою не пришлю».

Уже одно беглое сравнение этих двух текстов показывает, что перевод отличается многими неправильностями, в частности прямая речь [князя] переделана в косвенную. Правильнее было бы перевести (подчеркиваем необходимые изменения): «К о г д а ж е П е т р в ы е х а л и з Г а л и ч а, был уже вечер; он лег спать в Болшеве; и к а к было уже время петь петухам, прискакал к нему детский из Галича, говоря: к н я з ь т е б е м о л в и т „не езди никуда, но жди тут, пока я за тобой пошлю“». Слова «пока я за тобой пошлю» (у Па-

нова — пришлю) исходят от князя, а не от детского, который их только передает. Переделав прямую речь в косвенную, Панов невольно ввел читателя в заблуждение.

Такие же неточности в переводе летописи о великом князе Романе Галицком (на с. 246). Слова половецкого хана Отрока: «да луче есть на своей земле костью лечи, нели на чюже славну быти» переведены Пановым — «Лучше мне на своей земле костьми лечь, чем на чужой земле с л а в у п о л у ч и т ь». Но в последних словах говорится не о получении славы на чужой земле, а об ее сохранении. «Чем на чужой земле с л а в н ы м б ы т ь» — вот подлинный смысл летописи.

Непонятно, почему слова о Кончаке «иже снесе Сулу» переведены словами «разгромил Сулу», причем даже не объяснено, что это такое за Сула.

Такие искажения текста не единичны.

Перевод древнерусской летописи является, конечно, делом очень нелегким, и Панов поступил бы правильно, если бы снабдил переводы неясных мест соответствующими объяснениями.

К переводу летописи приложен обширный комментарий, составленный также Пановым. Значение комментария в такой работе, как перевод летописи, исключительно велико, и во многих случаях комментарий несомненно поможет читателю разобраться в тексте летописи. Но, к сожалению, Панов не ограничился только пояснительными комментариями, а ввел в комментарий и ряд своих д о м ы с л о в, порой весьма мало обоснованных.

Как, например, понять такой комментарий, данный к 6504 году: «Под этой датой объединен пестрый конгломерат самых разнообразных событий и конденсированных формул автора (какого автора? — *М. Т.*) о политике международной и внутренней князя Владимира» (с. 333).

В. Панов чрезвычайно легко относится к таким определениям, как «феодально-сословная дифференциация» (с. 342). Некоторые комментарии Панова едва ли нужны читателю. Таковы: «русалии — от латинского слова Rosalia», «антинорманисты... распадаются на бесчисленные партии» и т. д. (с. 322), или примечание о князе Владимире (на с. 331), различные схемы комментатора (на с. 337 и 339), произвольные деления текста летописи на былинные стихи и т. д. К словам летописи под 6593 годом «Ярополк послушался злых советников» Панов делает неожиданное примечание (с. 341): «Наконец-то редактор-«воин» вместо сатаны приводит очень реальный мотив княжеской «которы» — злых советников князя». Кто этот редактор-«воин», к тому же воин в кавычках, совершенно неизвестно читателю, неясны и соображения комментатора о том, что монах-летописец обязательно ссылался бы только на сатану. К тому же в словах летописи нет намека на редактора, был ли он монахом или «воином».

Значение комментария ослабляется также его запутанным языком и злоупотреблением иностранными терминами. Итинерарий,

инверсия, ординаты, аретологический, контроверза и другие термины переполняют комментарий. Встречаются латинские и греческие фразы без параллельного перевода их на русский язык. Как массовый читатель поймет такой комментарий к рассказу о Рюрике и его братьях: «Сказочный мотив о трех братьях, князьях или царевичах, осложненный обычной для средневековья персонификацией географических ординат; конечно, мышление автора от лица к географическому имени приходится теперь расшифровывать с определенной инверсией» (с. 319).

Наши замечания шли главным образом по линии указания недочетов и ошибок, которые, надо надеяться, будут исправлены при переиздании книги. Однако эти недочеты не мешают считать новое издание летописи хорошим вкладом в нашу литературу. Массовый читатель впервые получает возможность подробно знакомиться с древнерусскими летописями. В особенности же велико значение этого издания для школы. Ведь никакой пересказ не может дать такого яркого впечатления, как чтение подлинного текста летописи в переводе!

ОТЗЫВ О РАБОТЕ Н. Н. ИЛЬИНА «ЛЕТОПИСНАЯ СТАТЬЯ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ»

Обширная (более 300 с.) работа Н. Н. Ильина носит чисто источниковедческое название, которое далеко не исчерпывает ее содержания. Я бы сказал больше. Интересный анализ ряда древнерусских памятников, проделанный автором, несколько даже скрывает большое историческое значение сочинения Ильина, которое, в сущности, посвящено очень важному событию в истории не только древней Руси, но и соседней Польши и Германии: известному походу Болеслава на Русь в 1015—1019 гг., эпизоду, связанному с длительным периодом борьбы с внешними врагами (печенегами, поляками и пр.) и народными движениями.

Вместе с тем выясняется и большой политический резонанс, который имел поход Болеслава на Киев, представлявшийся до сих пор изолированным эпизодом и порой просто борьбой русских князей между собой. Заново привлечен и материал, доказывающий большие связи русской письменности с письменностью чешской, в частности явную взаимосвязь между чешскими сказаниями о Людмиле и Венцеславе и русскими сказаниями о Борисе и Глебе.

Ценным представляется и источниковедческий анализ и критика построений А. А. Шахматова по русскому летописанию, которые до сих пор некритически повторяются в ряде исторических статей и в нашей советской литературе.

Особо следует отметить крайнюю точность высказываний Ильина при цитировании источников, полные и заново сделанные переводы с латинского германских и польских хронистов и т. д.

В целом работа Ильина представляет собой зрелое произведение, вдобавок заново пересмотренное и дополненное автором на основании новых советских исследований. Полагаю, что труд Ильина справедливо может быть признан диссертацией на звание кандидата исторических наук и в некоторых своих частях напечатан.

При напечатании работы, вернее, при обработке ее к печати и к защите в качестве кандидатской диссертации, я произвел бы следующие изменения:

1) Сделал бы текст более доступным для чтения, дав выдержки из русских источников с раскрытием титлов, пропуском букв ъ и ѣ. Иначе работа Ильина будет прочитана только узким кругом специалистов. Между тем сам автор ни разу не воспользовался текстом своих источников в их передаче с титлами и выносными знаками для введения каких-либо поправок в текст. К тому же все русские источники, использованные автором, давно напечатаны специалистами с сохранением особенностей их древнего правописания.

2) Следовало бы решительно сократить и выписки, как из русских, [так и из] иностранных источников (при обработке к печати). Тексты, на мой взгляд, крайне теряют в наглядности, когда они цитируются в столь распространенном виде, как сделано в работе Ильина.

3) Следовало бы также решительно подправить терминологию работы в тех случаях, когда автор говорит о церковных событиях, чудесах и прославлениях, не следуя терминологии источников с их средневековой спецификой.

Думаю, что труд Ильина следовало бы дать на отзыв специалистам по источниковедению и истории Древней Руси: А. Н. Насонову, В. Д. Королюку и др.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ М. Д. ПРИСЕЛКОВА «ТРОИЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ» *

Профессор М. Д. Приселков взял на себя и выполнил колоссальную работу по реконструкции утерянной Троицкой летописи, одной из трех «харатейных», т. е. пергаменных, летописей, которые находились в распоряжении Н. М. Карамзина, писавшего в начале прошлого века свою «Историю государства Российского». Две использованные им летописи (Лаврентьевская и Ипатьевская) дошли до нашего времени, третья (Троицкая) погибла или была утеряна в московский пожар 1812 г., когда погиб или был утерян и подлинный список «Слова о полку Игореве».

Тяжесть утраты Троицкой летописи для русской исторической науки станет особенно ясной, если вспомнить, что известия Лав-

---

* *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

рентьевской летописи заканчиваются 1305, а Ипатьевской — 1292 годом. Между тем Троицкая летопись доводила свое изложение до 1408 года, причем рассказывала о событиях [в] Северо-Восточной Руси. Следовательно, для истории Руси XIV и начала XV в. она была источником незаменимым. К тому же самая рукопись, заключавшая Троицкую летопись, восходила, по-видимому, к началу XV в., таким образом, была памятником раннего времени. Конечно, древность рукописи не всегда определяет древность самого текста, в ней заключаемого. Так, все исследователи считают краткую редакцию Русской Правды более древней, чем пространную редакцию того же памятника, хотя краткая Правда дошла до нас в списках XV в., а пространная — в рукописях XIII—XIV вв. Тем не менее древность списка того или другого памятника дает нам некоторую гарантию близости его к первоначальному подлиннику. Этим и объясняется особый интерес к «харатейным» спискам летописей, как наиболее древним и исправным.

Троицкая летопись сравнительно рано вступила в научный оборот. В начале XIX в. профессора Московского университета Н. Е. Чеботарев и Х. А. Черепанов использовали Троицкую летопись в качестве дополнительного списка, из которого они приводили варианты при издании Лаврентьевской летописи. Издание Чеботарева и Черепанова не было доведено до конца и оборвалось на 906 г. летописного текста. Вместе с большими выписками Карамзина, вошедшими в его «Историю государства Российского», это издание послужило Приселкову важнейшим источником для выполнения сложного труда — воссоздания утерянной летописи.

Восстановление первой части, таким образом, могло быть проведено с максимальным приближением к подлиннику. Труднее было со второй частью; в основу ее реконструкции был положен текст Лаврентьевской летописи с 906 по 1177 г. Восстановлению третьей части (с 1177 по 1390 г.) помогло сделанное А. А. Шахматовым открытие так называемой Симеоновской летописи, текст которой оказался очень близким к утерянной Троицкой. Существование и некоторых других материалов (в частности, так называемого Рогожского летописца) позволило Приселкову отметить, что для реконструкции этой части он располагал даже большими возможностями, чем для реконструкции второй (см. с. 42). Последняя, четвертая часть восстановлена, по мнению Приселкова, особенно надежно. «Этому удовлетворительному разрешению задачи реконструкции помогают два обстоятельства. Первое из них заключается в том, что у Карамзина за эти именно годы не было никакого более надежного и „достоверного“ источника, чем Троицкая. И в изложении „Истории“ и в „Примечаниях“ Карамзин вынужден был до последней степени исчерпать известия этого единственного своего источника и, думается, не пропустил из него ничего» (с. 45).

Даже краткое изложение принципов реконструкции Троицкой летописи позволяет судить о степени точности и обоснованности приемов ее воссоздания, принятых Приселковым. Это приемы на-

стоящего, глубокого исследователя, для которого точность научных выводов является законом. Они могут служить образцом для всякой подобной же работы над восстановлением утерянных текстов.

Конечно, ряд положений Приселкова является гипотетичным; нет полной уверенности, что то или иное известие входило в Троицкую летопись, причем именно в том виде, как оно дано в одном из источников, использованных исследователем. Но все-таки можно считать, что объем и содержание летописи представлены в большом приближении к истине.

Подлинные куски утерянного текста набраны в книге более крупным шрифтом. По справедливому замечанию Приселкова, в таком виде этот опыт реконструкции «никого не введет в заблуждение, но может помочь всем тем исследователям, которые трудятся над изучением событий XIV в. или над изучением наших летописных сводов» (с. 24—25). Основное значение и ценность рецензируемого издания и заключаются в том, что наша советская наука обогатилась новым источником, особенно ценным по своей древности и полноте изложения событий XIV — начала XV в.

Качество издания текстов, насколько нам удалось установить, очень высокое и надежное. Следует с большой похвалой отметить работу редактора книги К. Н. Сербиной, написавшей и предисловие к ней. Впрочем, это предисловие отличается излишней краткостью, о чем следует пожалеть, так как во вводной статье Приселкова имеются некоторые недомолвки и неясности. Они объясняются, видимо, тем, что покойный исследователь опирался в своем изучении Троицкой летописи на свои прежние работы. Но без необходимых пояснений некоторые детали изложения останутся значительному кругу читателей неясными. Таковы замечания Приселкова о статье [арх.] Леонида, который, по-видимому, перепутал Троицкий список Новгородской летописи, обрывающийся на убиении Бориса и Глеба в 1015 г., со сгоревшей Троицкой летописью. Опечатка в статье (1050 г. вместо 1015 г.) заставила автора вынести строгий и не вполне справедливый приговор Леониду, который был в действительности достаточно грамотен для того, чтобы не спутать общеизвестную дату.

Заканчивая свою многолетнюю работу, Приселков несколько скептически высказался о благодарности поставленной и выполненной им задачи. Эта работа, пишет он, «оказалась, на мой взгляд, далеко не столь „благодарной“, как высказывался о ней, призывая к этой работе „будущих“ исследователей, А. А. Шахматов» (с. 46). Такой скептицизм понятен в устах исследователя, кончившего большую и невероятно трудоемкую работу, но он не соответствует действительным ее результатам. Нет сомнения в том, что ни один исследователь, изучающий историю Руси X—XV вв., не пройдет мимо работы Приселкова. Многие вопросы будут поставлены заново, разрешены и уточнены при посредстве восстановленного текста.

Особенно важно рецензируемое издание для исследователей русских летописей, которые, по справедливым словам Приселкова, «най-

дут некоторое облегчение в своих трудах, имея на руках мой опыт реконструкции Троицкой летописи 1408 г.» (с. 46). Действительно, этот опыт даст очень много для новых исследователей, и в подтверждение этого приведем один пример. В числе летописных сборников Государственного исторического музея в Москве имеется рукопись так называемого Владимирского летописца, который вкратце дает текст, сходный во многих случаях с Троицкой летописью *. Реконструированный текст в начальной своей части полностью совпадает с рукописью музея. Это показывает, с какой точностью Приселков там, где это было возможно, воспроизводил текст утерянной летописи.

ОТЗЫВ О ДИССЕРТАЦИИ А. Н. НАСОНОВА «ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ»

Труд А. Н. Насонова состоит из трех очерков и посвящен изучению тверского и псковского летописания.

Выбор этой темы диктовался необходимостью изучить вопросы истории летописания в Пскове и Твери, оставленные почти без внимания предыдущей литературой и мало затронутые даже в работах покойного академика А. А. Шахматова. Надо прямо сказать, что диссертант провел большую исследовательскую работу и пришел к ценным выводам, имеющим значение не только для истории древнерусского летописания, но и русской истории в целом. Так, автор очень удачно показал связь летописного дела с общеполитическими вопросами, некогда волновавшими Северную Русь в XIV—XV вв. Очень ценны и наблюдения Насонова над Рогожским летописцем и связью московского летописного дела с тверским. Взгляд диссертанта на псковское летописание в XIV—XV вв. как на дело, тесно связанное с государственной жизнью Пскова, несомненно, войдет в науку, и не только в виде домысла, но в виде положительного факта, согласного с нашими представлениями о внутреннем устройстве Пскова. Очень интересно и предельно доказательно мнение автора об участии известного игумена Корнилия в составлении псковских летописных записей. В историю псковского летописания автор, вообще, внес крупный вклад, проделав кропотливую и длительную работу над разбором и изучением большого количества памятников. Все это крупные, совершенно неоспоримые достоинства труда Насонова, в настоящее время одного из немногих специалистов истории летописания в Древней Руси.

Нельзя, впрочем, не отметить в работах Насонова наличие ряда спорных и сомнительных утверждений. Таковым является прежде

* [См. комментарий к статье под *].

Академик М. Н. Тихомиров в последние годы жизни

всего представление диссертанта о существовании ряда не дошедших до нас редакций тверских летописей или тех сводов, в которые тверские известия попали. Из 29 сводов, показанных в таблице Насоновым (тверское летописание), сохранилось, по его мнению, только 8 или 9 сводов (если считать Троицкую пергаменную летопись). Куда же делись остальные посредствующие между ними своды? Насонов считает возможным полагать, что в московское время производилось намеренное уничтожение тверских летописей. Но тогда чем же объяснить гибель московских сводов, даже митрополичьего летописания начала XVI в.? Далее, чем объяснить то обстоятельство, что 20 сводов пропали бесследно, а оставшиеся 8 или 9 сохранились не в 1-м, а в 2-х, 3-х (Софийская I летопись — до 10-ти) экземплярах и более. Мне кажется, что эти построения о многочисленных погибших сводах являются не только гипотетическими, но и мало нужными для историка. Там, где автор придерживается анализа реальных сводов, дошедших до нас, только там он и дает должный и вполне обоснованный научный материал.

Считаю несомненной методической ошибкой автора соединение им под названием Псковской I летописи Тихановского и Погодинского списков в единый летописный свод. Тихановский список кончается 1469 годом и представляет собой совершенно особый летописный свод. Погодинский список в первой своей половине (до 1447 г.) заключает текст Новгородской V летописи, а с 1447 по 1547 г.— псковскую летопись. Это вовсе не случайное совпадение новгородской летописи с псковской, а особый летописный свод, представленный целой группой летописей. Соединение разных по характеру летописей в единый свод дело довольно обычное в нашей письменности. Например, Вологодско-Пермская летопись в свою основу до начала XV в. положила свод с новгородскими известиями, для XV в.— известия московского и вологодско-пермского происхождения, для XVI в.— исключительно московские известия. Первая часть [ее] сходна с Соф[ийской] I летописью, вторая — с продолжением Симеоновской летописи. Спрашивается, правильно ли было бы разбросать все известия Вологодско-Пермской летописи по их характеру и уничтожить наше представление о ней как о летописном своде. Замечательнее всего, что конец Тихановского списка не совпадает с началом известий в Погодинском, что должно было бы найти свое объяснение у автора. Я считаю, что это самый крупный промах диссертанта, что, впрочем, зависит не от недостатка научного внимания, а от особого понимания характера летописных сводов диссертантом. Не останавливаясь на других более мелких недочетах, подведем итоги.

Труды А. Н. Насонова по истории летописания в Древней Руси являются ценным вкладом в нашу историческую науку. Они показывают, что диссертант обладает всеми данными и навыками крупного научного работника, что, впрочем, сказалось уже в его кандидатской диссертации «Монголы и Русь». Поэтому полагаю, что Насонов вполне заслужил присуждение ему степени доктора исторических наук.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. НИКОНОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Наибольшее количество известий, отсутствующих в «Повести временных лет», имеется в Никоновской летописи. Поэтому нам необходимо оценить эту летопись как исторический источник.

Никоновская летопись дошла до нас в рукописях XVI—XVII столетий и неизвестна в более древних списках. Свое название она получила от патриарха Никона, в библиотеке которого находился один из ее списков. Никоновская летопись — название традиционное и давно вошедшее в литературу, хотя патриарх Никон и не имеет никакого отношения к ее созданию.

Никоновская летопись была издана по 8 спискам. Из них в основу издания положен Академический список, написанный полууставом второй половины XVI в., в котором изложение доведено до 1556 г. Другие рукописи, использованные в издании, кончаются известиями XVII в.

Особый интерес вызывает древнейшая часть Никоновской летописи. Именно в ней некоторые исследователи ищут новые сведения о событиях начальной истории Руси и защищают их достоверность. В особенности рьяно используют Никоновскую летопись католические авторы, всячески перепевая помещенные в ней известия о посольствах от папы к Владимиру Святославичу. При этом серьезного анализа древнейших известий Никоновской летописи они обычно не делают, а просто цитируют ее свидетельства.

С историографической точки зрения Никоновская летопись представляет собой выдающееся явление, что очень слабо отмечено в нашей литературе. В отличие от других летописных сводов, передающих известия с теми или иными вариациями, но с сохранением в основе старого текста, Никоновская летопись решительно переделывает старые известия на новый лад, передает их, не только перефразируя старый текст, но порой и снабжает их своеобразными комментариями. В особенности такие изменения заметны в той части летописи, которая рассказывает о древнейших событиях русской истории. Более поздние известия за XIV—XV вв. подверглись гораздо меньшей переделке.

Никоновская летопись вводит в повествование различного рода новые известия, особенно обращая внимание на события церковной истории. В ней помещены и сведения легендарного характера, которые передаются в виде рассказа о действительных событиях. Все это крайне затрудняет пользование Никоновской летописью, так как отличить древние известия от новых, выдумку от действительности, крайне трудно.

Иногда, впрочем, явные искажения первоначальных текстов, сделанные составителями Никоновской летописи, устанавливаются без особого труда.

Так, Никоновская летопись решительно меняет рассказ «Повести временных лет» об установлении десятины при Владимире Святом. В явном противоречии с известием «Повести временных лет» Никоновская летопись рассказывает об установлении десятины «благословением» митрополита Леонта [1].

Между тем в «Повести временных лет» нет ни слова о митрополитах при Владимире Святом.

Такого же рода вставки о церковных событиях найдем и в других частях Никоновской летописи. Таков рассказ о митрополите Михаиле, который будто бы с епископами «Фотеа патриарха» ходил по Русской земле и утверждал христианство (с. 64). Искусственность и позднее происхождение этого рассказа подчеркиваются уже тем, что митрополит Михаил разъезжает с целой свитой, в которую включены Добрыня и Анастас.

Не всегда, конечно, можно определенно сказать, являются ли известия Никоновской летописи сочиненными ее составителями или взяты ими из готовых источников — житий святых, сказаний и пр., но слепое доверие к этим известиям не может быть оправдано. Составители Никоновской летописи явно дополняли свой свод такими известиями, которые не могут восходить к древним источникам, а являлись плодом их домыслов.

Общая оценка источников и формы изложения событий в Никоновской летописи не могут входить в задачу нашей [работы]. Это особая, большая ответственная тема. Однако полностью обойти вопрос о происхождении Никоновской летописи невозможно, так как в этом случае нельзя будет характеризовать и древнейшие известия этой летописи, неизвестные по другим источникам. К тому же внимание исследователей было в основном сосредоточено на изучении последних частей Никоновского свода, а не его древнейшей части. Так, даже в книге Д. С. Лихачева, посвященной русским летописям, находим лишь краткую характеристику Никоновской летописи без уточнения времени ее возникновения [2].

Прежде всего совершенно ясно, что возникновение древнейшей части Никоновской летописи никак нельзя отнести к XVI в. К этому столетию относится только окончательное оформление Никоновской летописи в том виде, в каком она дошла до нашего времени. Это доказывается прежде всего тем, что характер изложения в первых частях Никоновской летописи резко различается от характера изложения ее частей, повествующих о событиях XVI столетия.

Легендарные известия и переделки древних известий кончаются примерно XII веком. В дальнейшем своем изложении Никоновская летопись в изобилии пользуется сказаниями и повестями, но уже без большой стилистической переработки текста. Таким образом, нельзя думать, что составители первой части Никоновской летописи были теми сводчиками, которые работали над ее продолжением за XIV—XV вв. Иными словами, Никоновская летопись в дошедшем до нас виде состоит из двух различных частей.

---

[1] ПСРЛ. СПб., 1862, т. IX, с. 65. Далее в скобках [в тексте] ставятся страницы [этого издания] Никоновской летописи.

[2] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 475—479. О происхождении первой части Никоновской летописи не говорит и специальная статья Н. Ф. Лаврова [*Лавров Н. Ф.* Заметки о Никоновской летописи.— В кн.: Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии. Л., 1927, вып. 1(34), с. 55—90].

Где же и когда возникла первая, или древнейшая, часть Никоновской летописи? На ее происхождение отчасти указывает своеобразная форма, в которой изложены некоторые древнейшие события русской истории.

Так, Никоновская летопись говорит о славянских народах в таких словах: «Болгари же, и Словене, и Серби, и Арбанасы, и Басане и Руси — во всех тех един язык» (с. 17). Это перечисление имеет в виду те балканские народы, которые не названы в «Повести временных лет» (Басане, Арбанасы), и перекликается с перечислением народов в Воскресенской летописи под 1480 г.[3]

Камские болгары именуются то Камскими, то Волжскими, то Низовскими, причем нет даже упоминания о Казани, что может указывать на время составления летописной записи еще до завоевания Казани. Само название «Низовские» имеет в виду позднейшее употребление этого слова в применении к городам и народам, жившим вниз по Волге.

Составители Никоновской летописи вставляют в текст древнейших известий и другие географические наименования, какие отсутствовали в соответствующих местах «Повести временных лет». Так, в известии о призвании князей Никоновская летопись называет Мещеру, заменяя этим именем древнюю Весь (с. 8). В другом случае Никоновская летопись отождествляет словен с новгородцами и смолнян с кривичами (с. 58). Характерно также упоминание о бесерменах и татарах (с. 58), которые различались в наших летописях XIV—XV вв.

Никоновская летопись передает известия уже в поздней форме, употребляя выражения XIV—XV вв. Воевода Блуд обращается со словами «к господину своему Ярополку» (с. 39). Печенежский князь Илдея «би челом Ярополку в службу» (с. 39) и пр. Изучение терминологии Никоновской летописи и в древнейших ее частях ведет нас к России XV в.

Источники ряда известий Никоновской летописи еще не выяснены. К их числу принадлежал прежде всего Хронограф. Многочисленные и обширные вставки из Хронографа (о убиении Варды кесаря, о поставлении Василия Македонина на царство и пр.) заполняют страницы Никоновской летописи. Вставной характер хронографических статей сказался даже на их заголовках. Так, о царстве Василия сказано буквально так: «Царство 87 Василия Македонина». Этот текст сохранил даже цифру 87, так и оставшуюся необъясненной, но взятую из Хронографа.

Заимствования из Хронографа, сделанные Никоновской летописью, продолжаются и в текстах, относящихся к XII в. Следовательно, они не были в том тексте «Повести временных лет», которым пользовались составители Никоновской летописи. Слияние «Повести» с Хронографом было произведено в позднейшее время.

Никоновская летопись воспользовалась Хронографом широко и в разных его редакциях, дав, например, три известия о крещении болгар. По этому поводу А. Попов пишет: «Три статьи о крещении болгарском, внесенные впоследствии в Никоновскую летопись, взяты из разных доступных составителю источников»[4].

---

[3] ПСРЛ. СПб., 1859, т. VIII, с. 207.

[4] *Попов А.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1866, [вып. 1], с. 165.

Кроме Хронографа, составители Никоновской летописи пользовались и другими переводными источниками, на что в свое время указал также Попов.

Основным костяком древнейших русских известий Никоновской летописи была «Повесть временных лет». Свод русских известий, имеющихся в Никоновской летописи и отсутствующих в «Повести временных лет», в свое время был сделан К. [Н.] Бестужевым-Рюминым [5]. Эти сведения могут быть разделены на три группы: 1) известия, представляющие собой переделку текста «Повести временных лет», 2) известия, взятые из других известных нам летописных сводов и произведений, 3) известия, происхождение которых неясно.

Известия Никоновской летописи первого вида довольно многочисленны. Составители Никоновской летописи не довольствовались простой передачей известий о событиях, но переделывали их на свой лад. Изучение стилистических и лингвистических особенностей таких переделок, вероятно, много бы выяснило для датировки времени их возникновения. К сожалению, такая работа не только не производилась, но никогда и не ставилась исследователями — лингвистами и историками литературы.

Переделки древних известий в Никоновской летописи настолько значительны, что не всегда можно определить первоначальный вид и смысл тех текстов, которые послужили основой для составителей Никоновской летописи. Например, передавая рассуждения «Повести временных лет» о Кие как основателе Киева, Никоновская летопись замечает, что не сам Кий был перевозчиком, а такой перевозчик у него был («бе бо у Киа тогда был перевозник со оноа страны Днепра, сего ради нарицаху его перевозника») (с. 4). Таким образом, версия о Кие как перевозчике опровергается путем вставки в летопись особого пояснения, своего рода комментария. В таком же духе далее переиначиваются и слова «Повести» о том, что Кий ходил к Царьграду. Тут Никоновская летопись поясняет, что «на Болгары ходив».

В таком же духе комментария к старому тексту передаются и многие другие известия «Повести временных лет». Рассказывая о захвате Олегом города Киева, Никоновская летопись усугубляет хитрость Олега, который выдает себя за больного гостя (с. 15), тогда как в «Повести временных лет» говорится просто об обмане.

Некоторые известия Никоновской летописи представляют собой простое осмысление текста «Повести временных лет». Так появляется сообщение о смерти Малфрида «сильного» (с. 68), в которого превращается женщина Малфридь «Повести временных лет».

Количество вставок в текст «Повести временных лет», а также переделок ее текста в Никоновской летописи очень значительно. Составители ее охотно меняли и подправляли старые тексты на новый лад. Таков, например, рассказ об отроке, сражавшемся с печенегом, [рассказ], от древнего текста которого осталась лишь основа (с. 68).

Переделки и искажения древних текстов «Повести временных лет» в Никоновской летописи настолько значительны, что нельзя и говорить о какой-либо их достоверности. Известия «Повести временных лет» нельзя цитировать

---

[5] *Бестужев-Рюмин К.* О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, [Прил., с. 1—63].

по Никоновской летописи, искажающей имена людей и географические названия, сочиняющей новые тексты, а старые порой совершенно искажающей.

Текст «Повести временных лет» в Никоновской летописи слит с другими источниками летописного происхождения. Что же это за источники?

Никоновская летопись не только обращает внимание на новгородские известия, но и говорит о Новгороде и Новгородской земле несколько необычно для других летописных сводов. Так, говоря о дани, которую брали варяги, Никоновская летопись называет словен новгородцами («на Словенех, рекше на Новогородцех» — с. 8). «Словены, сиречь Ноугородцы» упоминаются и дальше (с. 58).

Под 6375 (867) годом Никоновская летопись сообщает о том, что «избежаша от Рюрика из Новагорода в Киев много Новогородцкых мужей» (с. 9), передавая таким образом типичную новгородскую терминологию.

Рассказывая о данях и оброках, установленных Ольгою, Никоновская летопись замечает, что она их установила «по всей земли Русстей и Новъгородстей» (с. 29), таким образом отличая Новгородскую землю от Русской. Такое различие довольно ясно указывает, что подобного рода сведения взяты из летописи, составленной еще в период новгородской самостоятельности.

Летописью такого содержания оказывается Никаноровская летопись, точнее, ее протограф, близкий к старшей редакции Софийской I летописи [6].

Так, в Никаноровской и в Никоновской летописях сообщается о возвращении Аскольда и Дира из похода в Киев: «Асколод и Дир в мале приде Киеву» [7], «Възвратишася Асколд и Дир от Царяграда в мале дружине, и бысть в Киеве плачь велий» (с. 9).

Под 6395 (887) годом и в Никаноровской летописи [8], и в Никоновской (с. 15—16) помещено одно и то же родословие, кончающееся в Никоновской летописи Владимиром Ярославичем.

Если принять во внимание, что сама Никаноровская летопись представляет собой сокращение и переделку обширного летописного свода новгородского происхождения, то допустимо предположение, что составители Никоновской летописи пользовались этим сводом, возникшим до появления Никаноровской летописи, то есть до 1472 г.

В распоряжении составителей Никоновской летописи были и другие летописные своды. Так, первое же русское известие в Никоновской летописи, помещенное после рассказа о расселении славян, дано в таком виде: «Словене же пришедше с Дуная седоша около езера Илмеря, и нарекошася своим именем, и създаша град, и нарекоша и Новъгород, и посадиша старейшину Гостомысла» (с. 3). Слова «и посадиша старейшину Гостомысла» отсутствуют в «Повести временных лет», но они имеются в Московском своде конца XV в.[9] и других сводах.

Возможно, что из Новгородской летописи взято известие о Вадиме: «Того же лета уби Рюрик Вадима храбраго, и иных многих изби Новогородцев съветников его» (с. 9). Это известие отсутствует в других летописях.

---

[6] ПСРЛ. М.; Л., 1962, т. XXVII, предисловие А. Н. Насонова, [с. 3].
[7] Там же, с. 19.
[8] Там же, с. 19—20.
[9] ПСРЛ. М.; Л., 1949, т. XXV, с. 338.

Новгородская летопись, использованная составителями Никоновской летописи, видимо, имела яркую новгородскую окраску, направленную против тенденций московских великих князей подчинить себе Новгород. Оттуда и заимствованы были сообщения о борьбе Рюрика с новгородскими людьми, о Вадиме храбром и т. д., занесенные в Никоновскую летопись. Три князя приходят к словенам «из Немець», как это сообщается в псковских и новгородских летописях XV в. Поэтому трудно искать историческую основу для всех известий о Рюрике, которые мы читаем в Никоновской летописи.

Наиболее трудным вопросом является разрешение вопроса о тех показаниях Никоновской летописи, которые неизвестны по другим источникам. Часть этих известий, несомненно, представляет собой переделку сведений «Повести временных лет», соответственно переработанных и то сокращенных, то дополненных на основании каких-то источников, своеобразно использованных составителями Никоновской летописи.

Наибольший интерес представляют известия Никоновской летописи об Аскольде и Дире, с одной стороны, о сношениях киевских князей с римским папой — с другой. Остановимся вначале на известиях Никоновской летописи о сношениях русских князей с римским папой и соседними королями. Эти сведения широко используются католическими авторами для доказательства того, что Русь первоначально сносилась по церковным делам не с византийской православной церковью, а с римско-католической. Сведения о посольствах Ярополка и Владимира к римскому папе и обратно от папы к этим князьям приводят в своих книгах многие авторы. Пользуется ими и новейший исследователь сношений Руси с Римом антикатолически настроенный Э. Винтер[10], хотя русские исследователи истории церкви никогда не имели к известиям Никоновской летописи доверия.

Конечно, известия Никоновской летописи о внешних и внутренних событиях в Древней Руси были бы очень ценными, если бы опирались на древние источники. К сожалению, достоверность этих сведений не только может, но и должна быть подвержена сомнению.

Прежде всего представляется странным полное отсутствие сведений, с какими римскими папами Ярополк и Владимир имели связи. О послах к папе и от папы говорится всегда в общей форме: «Того же лета приидоша **послы к Ярополку из Рима от папы» (с. 39), «Того же лета послы** Володимеровы приидоша в Киев, иже ходиша в Рим к папе» (с. 65) и пр. Только такого рода известия о послах к папе и встречаем в Никоновской летописи. Никаких более подробных и конкретных сведений о таких посольствах она не сообщает. Между тем в той же Никоновской летописи сообщается и о посольствах от чешского, венгерского и польского королей. Названы и имена королей, как и в «Повести временных лет», [среди] них упомянуты Стефан Венгерский, Болеслав Польский и Андрих Чешский. Других имен королей, с которыми жил в дружбе Владимир Святой, в «Повести временных лет» не имеется, отсутствуют они и в Никоновской летописи, как и сведения, о чем же велись переговоры.

Насколько ненадежны известия Никоновской летописи о разных посольствах в Киев, показывает следующее. Под 6500 (992) годом в ней сообщается:

---

[10] *Winter E.* Russland und das Papsttum. Berlin, 1960, [Bd. I], S. 22, 27.

«Того же лета приидоша послы от Андриха Чежскаго, с любовию, к Володимеру в Киев» (с. 64). Но Андрих (Удальрих) Чешский стал править только с 1012 г. Следовательно, составители Никоновской летописи ошиблись на 20 лет, сочинив известие о посольстве от чешского короля Удальриха по образцу других подобных известий.

Приведенный пример очень четко показывает, какую малую достоверность имеют сообщения Никоновской летописи о посольствах к Ярополку и Владимиру от римских пап и соседних королей. Они попросту сочинены, так же как сочинены известия о русских митрополитах. Само сочетание известий о православных митрополитах и о епископах «от Фотеа патриарха» с известиями о посольствах от папы и о священных реликвиях, принесенных из Рима, делает эти известия Никоновской летописи явно недостоверными.

Составители Никоновской летописи проводили, впрочем, определенную тенденцию, когда писали о посольствах на Русь от римского папы. В целом эта тенденция благоприятная к римским папам, что является необычным для других русских летописей. Такая тенденция проводится Никоновской летописью во многих случаях.

Рассказывая о ссоре цесаря Василия Македонина с патриархом Фотием, Никоновская летопись пишет, что он «из Рима епископа приведе, свиток носяща от папы, и Фотиа с престола согна, яко неправе приемша престол» (с. 11). Таким образом, осуждение Фотия папой признается законным. Эта же тенденция, направленная против Фотия и заимствованная из особого источника, послужившего в данном случае основой для рассказа Никоновской летописи, проводится и дальше (с. 11—13).

Как видим, известия о сношениях киевских князей с папами являются недостоверными и представляют собой вставки, сделанные составителями Никоновской летописи, вставки, которые преследовали определенные политические цели. Составление таких известий восходит ко времени возникновения самой Никоновской летописи, вероятнее всего, к концу XV или к началу XVI в., то есть ко времени Ивана III, сносившегося с Римом. Цель вставок о сношениях киевских князей с папой — показать, что подобные сношения происходили уже с начала крещения Русской земли и не представляют собой какого-либо необычного явления.

Делая подобные вставки, Никоновская летопись не считается даже с тем фактом, что одновременное существование в Киеве византийской и римской иерархий в XI—XII вв. было невозможным. Так, в ней появляется странное известие под 6599 (1091) годом: «Того же лета прииде Феодор Грек митрополичь от папы из Рима и принесе много мощей святых» (с. 116).

Никоновская летопись в данном случае отражает интересный момент в истории сношений России с папским престолом, но не в XI—XII столетиях, а во второй половине XV в.

В свете всего сказанного выше нужно рассматривать и сведения Никоновской летописи о первых киевских князьях Аскольде и Дире. Таких известий несколько. Первое известие сообщает о походе Руси на Царьград в царствование Михаила и его матери Феодоры («Иногда приидоша из Киева Русскии князи Осколд и Дир на Царьград» и пр.— с. 7). Аналогии этому известию указаны Бестужевым-Рюминым в переводных памятниках [11].

[11] *Бестужев-Рюмин К.* Указ. соч., Прил., с. 4—6.

О новом походе Аскольда и Дира на Царьград говорится в Никоновской летописи в статье «О пришествии Агарян на Царьград»: «Слышавше же Киевстии князи Асколд и Дир, идоша на Царьград и много зла сътвориша» [с. 8]. Это известие, отсутствующее в других летописях, представляет собой в сущности вариации предыдущего и не может быть признано основанным на каком-либо новом источнике.

Под 6373 (865) годом снова сообщается о походе Аскольда и Дира на Царьград уже на основании «Повести временных лет», где этот рассказ (в Лаврентьевской летописи) помещен под 6374 годом.

Таким образом, оказывается, что Никоновская летопись на основании разных источников 4 раза говорит об одном и том же походе Руси на Царьград, состоявшемся в 860 г. Этим, в сущности, решается вопрос и о достоверности известий Никоновской летописи об Аскольде и Дире. Дополнительные известия Никоновской летописи: (под 6372, или 864 годом) «Убиен бысть от Болгар Осколдов сын»; (под 6373, или 865 годом) «Того же лета воеваша Асколд и Дир Полочан и много зла сътвориша» — представляют собой, видимо, просто расширения и дополнения, основанные на домыслах составителей.

Насколько составители Никоновской летописи бесцеремонно обращались со своими источниками, показывает следующее: «Повесть временных лет» рассказывает о создании Десятинной церкви и о пожаловании Владимиром этой церкви десятинных сборов. Заведование десятиной было поручено, по «Повести», Анастасу Корсунянину. Никоновская же летопись излагает дело таким образом, как будто десятинная дань передана была митрополиту (с. 65), полностью искажая известия «Повести временных лет». Не без усмешки можно читать рассуждения католических авторов, которые признают, с одной стороны, достоверными известия о посольствах из Рима в Киев, а с другой — отвергают свидетельства о подчинении Десятинной церкви митрополиту. Ведь недостоверность и первого и второго известий Никоновской летописи одинаково не подлежит сомнению.

Общий вывод от знакомства с известиями Никоновской летописи, относящимися к Древней Руси, может быть сформулирован таким образом: Никоновская летопись — источник мутный и ничего не дает для познания начальной русской историографии...*

II. ОБ ИЗДАНИИ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

I. Введение

1. Общие замечания

Летописи являются замечательным созданием русского народа. Они представляют собой ценнейшие исторические и литературные произведения, включившие в свой состав не только погодные заметки, но и обширные исторические повести, записи народных преданий, исторических документов (например, договоры Руси с греками X в. и т. д.). Нечего и доказывать исключительное значение летописей как исторических источников. Без них ранние исторические периоды русской истории (IX—XIV вв.) остались бы почти без ос-

* [*На этом текст обрывается*].

вещения, потому что количество актовых материалов, сохранившихся от этого времени, ничтожно, а литературные памятники только косвенно говорят об исторических событиях. Нельзя не отметить и того, что летописи являются основным историческим источником не только по истории русского народа, но и ближайших его соседей (татар, мордвы, мари, удмуртов, народов Севера и пр.). Кроме того, они заключают в себе ряд важных известий по истории западноевропейских и среднеазиатских стран, а также по истории Византийской империи (например, повести о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г., турками — в 1453 г.). Немалое значение русские летописи имеют и для изучения славянских стран (Польши, Болгарии, Югославии), а также Румынии и Венгрии. Таким образом, летописи являются первостепенным историческим источником мирового значения.

Неменьшее значение они имеют в качестве памятника литературного. Ряд замечательных повестей известен нам только при посредстве летописей. Таковы, например, предания о первых киевских князьях (Олеге, Ольге) для X в., повесть об ослеплении Василька для XI в., сказание об убиении Андрея Боголюбского для XII в., повесть о сражении при Липицах, повесть о подвигах Александра Невского для XIII в. и пр. Нельзя не отметить и колоссального значения летописей в качестве памятника живого русского языка. Отдельные сведения русских летописей по истории музыки, одежды, по фольклору лежат в основании трудов по истории соответствующих специальностей. Поэтому в издании летописей заинтересованы не одни узкие круги историков феодального периода истории СССР, но и историки литературы, лингвисты, историки культуры СССР и славянских народов.

Это позволяет сделать вывод, что издание летописей является первоочередной и неотложной задачей советской исторической науки.

2. Издания летописей

Летописи стали издаваться с XVIII в. В этом столетии были изданы обширная Никоновская летопись, Новгородская летопись, так называемая Архангелогородская летопись и некоторые другие. Однако издание летописей в XVIII в. носило спорадический характер. Кроме того, летописи в основном издавались не по древнейшим спискам, а по спискам XV—XVI вв. Поэтому даже к началу XIX в. наиболее древние летописи не были изданы. Систематическое издание летописей началось только с появления III тома «Полного собрания русских летописей» (далее — ПСРЛ), выпущенного в 1841 г. под редакцией Я. Бередникова. За 80 лет, с 1841 по 1921 г., Археографическая комиссия выпустила 24 тома летописей. В 1-й том вошла Лаврентьевская летопись; 2-й — Ипатьевская; 3-й — Новгородские I, II, III летописи; в 4-й — Новгородская IV и Псковская I летописи; в 5-й — Псковская II и Софийская I летописи; в 6-й — Софийские I и II летописи; в 7-й и 8-й — Воскресенская летопись; в 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й — Никоновская; в 14-й — Новый летописец; в 15-й — Тверская летопись; в 16-й — Летопись Авраамки; в 17-й — Западнорусские летописи; в 18-й — Симеоновская летопись; в 19-й — Казанский летописец; в 20-й — Львовская летопись; в 21-й — Степенная книга; в 22-й — Хронограф; в 23-й — Ермолинская; в 24-й — Типографская летопись. Кроме того, выпускались и отдельные тома летописей, не вошедшие в ПСРЛ, которое тем не менее

должно быть признано основным собранием летописей. Так, отдельно были изданы Сибирские летописи, а также Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская летописи.

3. Особенности «Полного собрания русских летописей»

Задуманная как полное собрание русских летописей, публикация Археографической комиссии в действительности таковой не была. Так, издатели напечатали Сибирские летописи особым изданием, Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку XIV в. была издана особо, совсем не в том виде, в каком эта летопись появилась в ПСРЛ. Следовательно, основной принцип издания — его полнота, отмеченная в названии всей публикации,— не был выдержан. Кроме того, некоторые летописи также остались без внимания и предположены были к изданию в относительно далеком будущем. Наконец, при всей тщательности поисков новых летописей многие летописные списки остались неизвестными Археографической комиссии и сделались достоянием науки только в советское время, после того как частные и монастырские рукописные собрания поступили в распоряжение государства. Так, Археографическая комиссия издала Тверскую летопись (ПСРЛ. [СПб., 1863], т. XV) по списку XVII в., а в настоящее время имеется прекрасный список той же летописи XVI в. (Музейское собрание Государственного Исторического музея). Московский летописный свод конца XV в. был известен А. А. Шахматову по дефектному списку второй половины XVIII в., а в настоящее время издается по списку XVI в. (Уваровское собрание того же музея). Список Дубровского (Новгородская IV летопись) был дан без вариантов, а теперь имеется такой же список XVI в. (Музейское собрание Гос[ударственного] Ист[орического] музея) и пр.

В самых способах публикации за 80 лет издания ПСРЛ произошли большие перемены, которые легко можно отметить при сравнении издания Ипатьевской летописи в ПСРЛ с последующими изданиями той же летописи в 1871 г. и вторым изданием Ипатьевской летописи в ПСРЛ под редакцией А. А. Шахматова [СПб., 1908]. Первое издание Ипатьевской летописи (ПСРЛ. [СПб., 1846, 1843], т. I—II) давало неполное представление об этом памятнике, так как текст Ипатьевской летописи до 1111 г. был издан в вариантах к Лаврентьевской летописи, а полностью только начиная с указанного года. Но и в полностью изданный текст летописи вносились поправки из других списков Ипатьевской летописи, использованные для вариантов, причем эти поправки далеко не всегда требовались явными искажениями в тексте, а выбирались самими издателями. То же с иным выбором вариантов было проведено и в издании Ипатьевской летописи 1871 г., в силу чего текст одной и той же Ипатьевской летописи имеет довольно заметные различия в ПСРЛ и издании 1871 г. Второе издание Ипатьевской летописи в ПСРЛ имеет еще большие отличия от двух первых, так как оно сделано с соблюдением выносных букв и знаков препинания подлинника. Ясно, что все три издания Ипатьевской летописи имеют свои особенности, свои достоинства и недостатки, но нельзя говорить о каком-либо единстве способов публикации ПСРЛ.

Желая сохранить внешнее единство ПСРЛ, Археографическая комиссия

называла вторым изданием того или иного тома полного собрания подчас совершенно новый летописный свод, ранее не издававшийся. Например, так называемый Рогожский летописец, напечатанный в 1922 г., назван первым выпуском XV тома ПСРЛ. Между тем XV том ПСРЛ, где помещена Тверская летопись, появился в свет в 1863 г. Понятно, что библиотекари затрудняются найти Рогожский летописец, не говоря уже о том, что рядовой читатель никак не поймет, почему вторым выпуском является издание, вышедшее на 60 лет раньше первого. Нельзя не отметить и большую пестроту приемов издания в отдельных томах ПСРЛ. Первые тома, например, передавали *оу* просто буквой *у*, имея в виду, что сочетание *оу* никогда не имело в русском языке фонетического значения, в XXIV томе ПСРЛ везде находим *оу*. Во всех почти томах ПСРЛ имеем *й*, хотя такой буквы в древних памятниках не было, а краткость в летописных памятниках часто отсутствует там, где мы ее теперь отмечаем. Например, во II томе (с. 129, нижняя строка) читаем — «поймя со собою», тогда как тут краткость (*й*), вероятно, и не слышалась. Почти во всех томах ПСРЛ в конце слов произвольно ставился *ъ*, даже там, где его в рукописи не было. Таким образом, в угоду официальной орфографии царского времени приносилась в жертву точность передачи текста. Вообще, первые тома ПСРЛ печатались не только с исправлением описок писца, что делалось без оговорок, но и с приведением орфографии древних памятников в систему, о чем редактор I тома прямо пишет в предисловии: «Употребляемые старинными писцами различные буквы и слоги в одних и тех же словах привести в однообразие» (см. предисловие, с. VI).

Из сказанного ясно, что ПСРЛ в настоящее время в большей своей части устарело и не отвечает требованиям современной исторической науки, причем даже последние тома ПСРЛ требуют пересмотра с точки зрения целесообразности приемов их издания.

4. План издания летописей М. Д. Приселкова и его критика

Новый план издания русских летописей предложен был М. Д. Приселковым [1]. По этому плану все летописи делятся на 13 разделов: 1) Летописание Владимиро-Суздальское, 2) Летописание Киевской Руси, 3) Летописание Великого Новгорода, 4) Летописание Пскова, 5) Летописание Твери, 6) Летописание Ростова-Суздальского, 7) Московские летописи, 8) Хронографы, 9) Степенная книга, 10) Краткие летописи, 11) Летописные записи, 12) Московские летописи XVII в., 13) Местные летописи.

При кажущейся стройности плана издания летописей, предложенного Приселковым, против него можно выставить ряд положений теоретического и практического значения.

Теоретические возражения сводятся к признанию невозможности классифицировать летописи по областному признаку, так как важнейшие летописные тексты принадлежат к числу не областных, а общерусских памятников. Поэтому «Повесть временных лет» начала XII в., как и общерусские своды XV—XVI вв., нельзя считать памятниками киевского или московского лето-

[1] См.: *Валк С. Н.* Советская археография. М.; Л., 1948, с. 139—141, примеч.

писания только на том основании, что они возникли в политических центрах того времени. Нельзя их рассматривать и как чисто областные летописные памятники наряду с псковскими или тверскими летописями. Принять схему Приселкова — это означало бы отказаться от достижений советской исторической науки и во имя формальной схемы игнорировать подлинный исторический процесс. Так, общерусский характер «Повести временных лет» понятен в свете того, что нам известно о Киевском государстве. Появление московских общерусских сводов в свою очередь объяснимо только созданием Русского централизованного государства и той ролью, которую Москва играла в деле централизации Русского государства.

Между тем в угоду формальной «областнической» схеме появления русских летописей Приселков относит Вологодско-Пермскую летопись (неверно им названную Никаноровской) к местным летописям, тогда как эта летопись — московского происхождения и только частично основана на более раннем своде вологодского происхождения. Ермолинская летопись также попала в число областных сводов, притом ростовского происхождения, хотя наиболее ценная часть этого свода явно московского происхождения. В разделе «Московские летописи» в плане Приселкова встречаем прямые недоразумения, происшедшие в силу стремления автора расположить все летописи в порядке их предполагаемого возникновения. Так, под I и II Московской летописью понимаются в сущности разновидности одного и того же свода, известного под названием Софийской летописи. Московской III летописью 1472 г. названы Кирилло-Белозерский, Синодальный и Никаноровский списки. В действительности же Никаноровский список доведен до 1472 г., а оба первых до 1538 г. Перед нами 3 различных летописных свода; Никаноровская летопись может считаться предшественницей Вологодско-Пермской летописи, но ее нельзя с ней отождествить. Под Московской V летописью понимается вообще что-то неопределенное: Лаврентьевская летопись и выписки Карамзина в «Ист[ории] государства Российского», следовательно, даже не летопись, а какая-то современная ученая компиляция. Московской X летописью назван Русский временник — поздняя компиляция, возможно, XVII в., почему-то отнесенная к 30-м годам XVI в. Можно было бы привести еще более примеров неточностей и прямых ошибок в плане Приселкова, но и ранее сказанное показывает, что классификация русских летописей по плану Приселкова встречает существенные теоретические возражения.

План Приселкова плохо осуществим и по чисто практическим основаниям, так как значение отдельных летописных сводов далеко не равноценно для науки. Нельзя вровень ставить древнейшие списки летописей XI—XIII вв., которые являются основными памятниками по истории этого времени, с летописцами XVI—XVII вв., например, Лаврентьевскую летопись и Типографскую летопись. Без изучения Лаврентьевской летописи нельзя написать русскую историю X—XIII вв., тогда как изучение Типографской летописи поясняет в нашей истории лишь ряд деталей. Конечно, и среди местных летописей имеются первостепенные по значению своды (например, Сибирские летописи, без которых трудно обойтись при написании истории Сибири), но такие местные летописи, как Двинская, например, имеют безусловно второстепенное значение.

Нельзя забывать и того, что громадное количество летописей, отмеченных

Приселковым, давно уже изданы. Какую цель, например, будет преследовать переиздание Русского временника, изданного уже в 1820 г. и имеющего для историков второстепенное значение? Ведь издание летописей в первую очередь преследует исторические цели, а не изучение истории летописания, которое все равно потребует непосредственного ознакомления с рукописями. Поэтому в новом плане издания летописей должна быть учтена и неравномерная ценность отдельных летописных сводов для истории СССР. В первую очередь должны быть переизданы важнейшие летописные своды и опубликованы новые, еще не выходившие в свет летописные тексты.

5. Необходимость нового, советского издания летописей

Из сказанного выше с полной ясностью вытекает необходимость создания нового собрания русских летописей, изданного по правилам, разработанным советской археографией, достигшей за последние годы больших успехов. В отличие от ПСРЛ, новое советское издание летописей должно:

1) включить в свой состав новые, пока еще неизданные летописи;

2) дать этим летописям научные названия, установленные трудами ряда исследователей, изучавших летописи;

3) дать воспроизведение текста летописи по новым правилам, которые должны отвечать как научным требованиям, так и удобствам цитирования и чтения летописей;

4) дать краткие введения, характеризующие издаваемые летописные памятники, а не одни археографические введения;

5) дать подробные и научно обоснованные указатели к изданию;

6) включить в план издания комментированные летописи;

7) включить в план фототипические издания древнейших и важнейших летописных текстов.

По этим основным пунктам и строятся предложения о новом советском издании летописей.

II. План издания летописей

1. Общие положения. План нового издания летописей прежде всего должен преследовать цели советской исторической науки. Поэтому при его составлении необходимо руководствоваться не историографическими соображениями, а в первую очередь ценностью издаваемого летописного свода. При составлении плана нового издания летописей должно быть принято во внимание существование еще неизданных летописных текстов, которые надо опубликовать в первую очередь, так как они дают новые исторические известия или [новое] их освещение, таким образом расширяя общеисторическую базу. При составлении плана летописей необходимо также руководиться указаниями С. М. Кирова, И. В. Сталина и А. А. Жданова о том, что история СССР не является только историей русского народа. Поэтому в план издания летописей должны быть включены не только собственно русские, но и белорусские и украинские летописи. Отчасти это было сделано и в ПСРЛ, где была напечатана Густынская летопись и так называемые Западнорусские, т. е.

белорусские летописи. Однако издание белорусских и украинских летописей должно быть проведено гораздо полнее, чем это было сделано в ПСРЛ.

2. Примерный план издания «Полного собрания русских летописей». Так как расположение томов нового издания летописей не может быть точно предусмотрено на много лет вперед, то в плане нового издания летописей дается только примерное расписание их порядка.

а) Древнейшие русские летописи (Киевское государство):
1) Новгородская Синодальная харатейная летопись;
2) Новгородская первая летопись младшего извода;
3) Лаврентьевская летопись;
4) Ипатьевская летопись;
5) Фототипическое издание Новгородской Синодальной летописи;
6) Фототипическое издание Лаврентьевской летописи;
7) Фототипическое издание Ипатьевской летописи;
8) Летописец Переяславля Суздальского.

б) Русские летописи времен феодальной раздробленности XIII—XIV вв.:
1) Новгородские летописи (летописец Павла, летописец Авраамки);
2) Тверские летописи (Рогожский летописец и Тверская летопись);
3) Псковские летописи;
4) Ермолинская летопись (Ростовский свод);
5) Летописные записи и краткие летописцы XIII—XV вв.

в) Общерусские летописные своды XV в.:
1) Софийская I летопись;
2) Новгородская IV летопись;
3) Новгородская V летопись (Хронографическая);
4) Московский свод конца XV в.;
5) Симеоновская летопись.

г) Летописные своды XVI в.:
1) Софийская II летопись;
2) Воскресенская летопись;
3) Львовская летопись;
4) Вологодско-Пермская летопись;
5) Симеоновская летопись.
6) Степенная книга;
7) Хронографы;
8) Казанский летописец;
9) Новгородская III летопись (Архивская);
10) Местные летописи XVI в. (Архангелогородская и др.).

д) Летописи XVII в.:
1) Новый летописец и Летопись о многих мятежах;
2) Латухинская Степенная книга;
3) Сибирские летописи;
4) Новгородская IV летопись (Летописец новгородским церквам);
5) Морозовский летописец;
6) Временник Русския земли;
7) Сокращенный Русский временник;
8) Местные летописи (Двинская, Вятская и др.);
9) Краткие летописи;

10) Летописные статьи XVII века в Хронографе.

е) Украинские летописи XVI—XVII вв.

ж) Белорусские летописи XVI—XVII вв.

В это перечисление не включен ряд летописных сводов второстепенного значения, не говоря уже о тех летописях, которые могут быть открыты в процессе работы над летописями.

III. Правила издания летописей

1. Общие замечания. В основу правил издания летописей должны быть положены следующие основания.

1) Возможное приближение напечатанного текста к подлиннику.

2) Удобство чтения летописей и единообразие в их цитировании.

Наиболее близким к подлиннику является фототипическое воспроизведение текста, которое и предусматривается по плану для древнейших летописных текстов. Только такое фототипическое издание может удовлетворить требования и историков и лингвистов, изучающих текст летописи со всеми его особенностями. Издание текстов с выносными буквами может быть допущено только для наиболее ценных и древних памятников. В остальном план издания летописей исходит из мысли, что читатель должен получить текст, более или менее ясный для понимания, но воспроизводящий подлинник с некоторыми условностями. При этом надо принять возможность чтения летописей широкими читательскими кругами, а не одними специалистами-историками. Надо иметь также в виду, что единообразное цитирование текстов невозможно без раскрытия титлов и выносных букв, употребляемых в летописных текстах, так как, например, слово *верх*, написанное через выносную букву *р*, может быть прочитано и как *верх*, *вехр*, *верьх*, *вехрь*. Определение правильного чтения лучше возложить на ученого редактора, чем на читателя, так как возможных ошибок будет в первом случае меньше, чем во втором. Так, чтение *оушел* через *оу* вместо *у* воспринимается рядом читателей (в том числе и студентами) не как один звук *у*, а как два — *оу*. Поэтому слово *улица* (*оулица*) нередко читается как *улица* в современном произношении этих букв.

2. Формат издания нового собрания летописей в основном является большой четверткой (примерно формат академического издания Русской Правды).

3. В начале каждого тома дается краткое предисловие (примерно 10 страниц печатного текста), в котором говорится о значении вновь издаваемого или переиздаваемого текста летописи, дается описание списков, принятых к изданию основного текста, и вариантов, отмечаются приемы издания, если в них есть что-либо новое по сравнению с ранее изданными томами, указываются те работники, которые подготовили том к печати, и ответственный редактор тома, на котором лежали фактические обязанности по подготовке его к печати и изданию. Никаких указаний на редакторов и исполнителей работы на титульном листе тома не помещается.

4. В одном томе может быть издан или отдельный летописный памятник, или несколько летописей, но обязательно однородных по типу. Например, под заголовком «Новгородские летописи» могут быть изданы различные летописи

новгородского происхождения (Новгородский летописец церквам божиим, Новгородский Архивский летописец и пр.). Соединение в одном томе памятников, разнородных по содержанию, недопустимо (например, Архангелогородская летопись и Воскресенская летопись). Вообще соединение разных летописных памятников в одном томе без крайней необходимости (например, краткие летописцы, местные летописи — Двинская, Устюжская и т. д.) — нежелательно.

5. В основу издания очередного тома летописей кладется определенный памятник (список отдельной летописи или летописный сборник), который издается целиком со всеми особенностями его текста. Мозаичный текст летописи, составленный из кусочков различных списков, не допускается (образцом такого мозаичного издания является публикация «Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку». СПб., 1888).

6. В основу издания кладется наиболее исправный и по возможности наиболее древний список летописи. Неисправные, но замечательные по древности или по своим особенностям списки издаются отдельно. Предпочтение отдается более полному списку, имеющему начало и конец, по сравнению со списками дефектными, за исключением тех случаев, когда дефектный список будет особенно близок ко времени составления летописного свода.

Недостающие в основном списке начало или конец или пропущенные листы летописи, которые могут быть восстановлены по иным спискам, приводятся по этим спискам в следующем порядке. Пропущенные начало или конец или пропуски в середине текста небольшого размера (менее 1 печатной страницы) даются в примечаниях к соответствующим местам основного списка. Подобные же пропуски большого размера приводятся в конце текста в приложениях, во избежание разнобоя в тексте.

7. Для вариантов к основному списку привлекаются все известные списки издаваемой летописи. Однако варианты к основному списку могут быть приведены и не по всем привлеченным спискам. Так, могут быть отстранены варианты поздних списков XVIII—XIX вв., если они передают только ошибки писцов этого времени и не дают ничего нового. Приведение подобных вариантов в издании ничего не прибавило бы к пониманию текста и затруднило бы пользование вариантами. Могут быть отстранены и те списки, которые, как доказано, являются копиями с других списков, использованных для вариантов (подобная работа по отбору списков произведена была, например, А. Н. Насоновым при издании псковских летописей). Основания для выбора основного списка и списков для вариантов должны быть отмечены в предисловии.

8. Основной текст летописи печатается в виде сплошной колонки. Под основным текстом под чертой помещаются варианты, ниже под другой чертой — примечания. Варианты в тексте и колонке внизу отмечаются арабскими цифрами. Каждое слово в варианте пишется со строчной буквы, за исключением тех слов, которые в основном списке напечатаны с большой. Шифр списка, из которого взят вариант, обозначается условной буквой (лучше всего начальной буквой по названию списка), которая ставится после приведенного варианта. При печатании основного текста соблюдаются следующие правила: начало каждого года («В лето...») печатается с красной строки, остальной текст под тем же годом печатается сплошь, без выделения отдельных известий красной строкой. Исключение делается только для известий, выделенных в

тексте киноварными заглавиями, или для тех известий, которые являются особыми повестями, что ясно из текста. В основном тексте всюду обозначается киноварь (черным шрифтом). Разделение на листы и их обороты отмечается в тексте двумя линиями (//), а счет листов и их оборотов показан на полях. На полях же указываются годы в переводе на современное летоисчисление. Годы переводятся на современное летоисчисление условно, путем вычитания из числа лет от сотворения мира цифры 5508 (например, 7038—5508= =1530 г.). Перевод годов на наше летоисчисление имеет чисто служебное значение и необходим для быстрейшего отыскания нужных лет. Явные ошибки летописца должны быть исправлены и отмечены в примечании. При издании летописей желательно провести работу по хронологическому уточнению известий, в виде примечаний к тексту или в виде особого приложения.

9. В примечаниях к основному тексту отмечаются особенности издаваемого текста, важные для его понимания. К их числу относятся исправление явных ошибок текста (например, *веки* вместо *велики*, *да* вместо *даст* и т. д.), указания на поправки и подчистки в тексте, а также на слова, зачеркнутые в тексте, указания на употребление больших, но не киноварных букв, пропуски киноварных букв и пр. Примечания даются в особой колонке под колонкой вариантов. Они обозначаются русскими буквами в порядке алфавита. Пропуски листов и больших текстов, а также смена почерков обозначаются особо, ниже примечаний. Обозначением в тексте для них являются звездочки. Выделение этого вида примечаний, как это делалось и ранее в ПСРЛ, является вполне закономерным, так как указанные выше отличия в тексте выходят за грань мелких особенностей, относящихся к тексту.

10. Текст летописи и вариантов к основному тексту издается с сохранением правописания подлинника. Однако, во избежание ненужного усложнения текста, следующие написания считаются однородными: *оу* передается как *у*, *і* как *и*, *ѳ* как *ф*, ѡ как *о* (также *о* очное (⊙), крестовое (⊕) и пр.), ѯ раскрывается как *кс*, ѱ раскрывается как *пс*, *ижица* (ѵ) заменяется в зависимости от слова [буквами] *и* или *у* (в нужных случаях делается оговорка в примечании), ъ ставится в тексте только там, где он поставлен писцом, ѣ сохраняется всюду, как один из важных лингвистических признаков, *й* не употребляется (всюду *и*).

11. Все титла раскрываются. В сомнительных случаях следует придерживаться правописания рукописей с соответствующей оговоркой в примечаниях.

12. Выносные буквы раскрываются следующим образом. В тех случаях, когда выносная буква стоит в конце текста, в словах, в которых слышится мягкость, ставится ь. В середине текста выносная буква расшифровывается с мягкостью по обычному русскому правописанию. Поэтому пишется *Васька* (с выносным *с*), а не *Васка*, *Веньямин*, а не *Венямин*, *стрельцы*, а не *стрелцы*, и т. д. Кажущаяся пестрота текста, в котором рядом могут читаться *стрельцы* и *стрелцы*, не должна вводить в заблуждение, так как выносная буква может быть прочтена с твердостью и с мягкостью. Однако надо иметь в виду, что писцы при вынесении букв над строкой соблюдали известную закономерность. Поэтому мы можем встретить написание *Ленский острог* с выносными

но слово *Ленский* никогда не писалось с выносным к, а в слове *острог р* никогда не выносилось наверх. Наоборот, в слове *верх* — выносной бук-

вой оказывается как раз *р*, а не *х*. Основная особенность вынесения букв над строкой заключалась в том, что над строкой выносились конечные согласные в слогах, поэтому слово *Васян*, написанное через выносное *с*, надо читать как *Васьян*, так как в нем буква *с* является заканчивающей слог *вас*(ь), а не начинающей новый слог.

13. При издании текста основного списка и вариантов названия стран и народов, а также прилагательные, образованные от стран и народов, пишутся с большой буквы (например, *Татары, князь Черниговский, князья Русские, Орда*, но *Синяя орда*) и т. д.

14. Названия праздников (*велик день, рождество христово* и т. д.) пишутся с маленькой буквы. Но названия церквей (*святая Богородица во Владимире, Успенье в Углу* и др.) пишутся с большой буквы.

15. Знаки препинания расставляются применительно к современному правописанию. Употребляются точка, запятая, точка с запятой и двоеточие. Восклицательный и вопросительный знаки не применяются. Прямая речь ставится в кавычках. При расстановке знаков препинания учитываются особенности древних текстов. Поэтому в некоторых случаях не ставятся запятые там, где они могли бы быть поставлены по современному правописанию («слышавше же его Юрьи и срете и на реке Сурамле», «король бо бяше преже с Галичаны сдумав послал в Переяславль» и пр.). Вообще количество знаков препинания в передаваемых текстах должно быть по возможности минимальным. Поэтому нет необходимости ставить запятые там, где имеется соединительный союз *и* («приходиша немци, бискуп их и местери и кумендери»), а также в тех случаях, где разделение слов знаками препинания является сомнительным и может исказить текст. В отдельных случаях в примечаниях оговариваются знаки препинания подлинника, если они могут пояснить текст.

16. Киноварь в тексте выделяется черным шрифтом.

IV. Указатели и комментарии к тексту

1. Общие положения

В отличие от старых изданий летописей новое издание их должно включать необходимый комментарий к их тексту, а также подробные и проверенные указатели, в случае нужды с необходимыми комментариями.

2. Комментарий хронологический

В связи с тем, что хронология летописей является условной, а внесение в примечания к печатаемому тексту пояснительных хронологических замечаний нарушило бы структуру издания, основные хронологические изыскания должны быть отнесены в особый хронологический комментарий. В нем необходимо исправить явно ошибочные летописные даты и указать точные даты там, где в летописи имеются только косвенные (например, «на велик день», «на Симеона летопроводца» и т. д.).

3. Личный указатель

В личном указателе нужно обратить особое внимание на необходимый комментарий к именам, упоминаемым в летописях. До настоящего времени такой расширенный комментарий употреблялся только при именах князей, а также библейских, вообще церковных персонажей (последнее может быть существенно сокращено без ущерба для науки). Наоборот, очень важно дать пояснительные примечания к таким именам, которые имеют особый интерес для истории классовой борьбы и истории культуры. Например, в указателе к «Новгородской летописи по Синодальному харатейному списку» (СПб., 1888) находим имя «Никифор, щитник, новгородец». По тексту же летописи ясно, что этот Никифор был посажен меньшими людьми на двор к архиепископу для наблюдения за владычным домом от «простой чади», т. е. от восставших ремесленников. В указателе к Симеоновской летописи (ПСРЛ, [СПб., 1913], т. XVIII) находим имя «Рублев, Андрей, иконописец». Речь же идет о величайшем русском художнике XV в.; без пояснения читатель-неспециалист едва ли свяжет Андрея Рублева иконописца с прославленным художником. Особенно необходим комментарий к именам иноземных деятелей. Например, в том же указателе к Симеоновской летописи находим имя «Коломан, король Галицкий». В действительности такого галицкого короля не было и в природе, а речь идет о Коломане венгерском. Такие ошибки постоянно встречаются в указателях к ПСРЛ, которые не только далеки от совершенства, но порой дают прямо неверные сведения. Поэтому в новом собрании летописей надо будет разработать и новый тип указателя имен, с внесением в него необходимых комментариев, дав, кроме того, и правильную транскрипцию татарских, турецких имен и пр.

4. Географический указатель

В географическом указателе отмечаются все географические названия, указанные в летописи. Географический указатель должен включить в себя необходимый комментарий, а не ограничиваться краткими пометками — город, село, иногда даже без всякого приурочивания (например, «могила Аскольдова»). Укажу кратко те сведения, которые могли бы быть сделаны к географическим названиям на букву *л* в ПСРЛ, т. XVIII, с. 306 (подчеркнуты добавления): «Ладога, город» — *при впадении Волхова в Ладожское озеро, в Новгор[одской] земле*; «Латыгола, племя» — *народ, живущий по нижнему течению Западной Двины, летгаллы*; «Ловоть, река» — *впадает в озеро Ильмень*; «Лопасна, волость» — *к югу от Москвы по реке Лопасне* и пр.

5. Предметный указатель

К изданию летописи должен обязательно прилагаться предметный указатель, имеющий назначение и объяснительного текста к непонятным словам и терминам, что в настоящее время вполне возможно сделать. Такой указатель даст очень много не только для историков, но и для представителей других специальностей. В этот указатель должны быть включены и термины, имеющие важное значение для истории классовой борьбы на Руси, например, *вече, меньшие люди* и пр.

V. Название издания

Во избежание путаницы «Полного собрания русских летописей» с новым изданием предлагается новое издание летописей назвать кратко: «Собрание летописей» (сокращенно СЛ). Полное название новой серии летописи может быть принято в таком виде: «Собрание летописей, издаваемое Академией наук СССР».

VI. Организационные предложения

Для выполнения больших задач по изданию «Собрания летописей» необходимо создать при Институте истории Комиссию по изданию летописей, на первое время в составе 2 старших научных сотрудников в Москве и 1 в Ленинграде, а также 3 младших научных сотрудников с тем, чтобы каждый издаваемый том «Собрания летописей» был обеспечен не только редактором, но и подсобным работником для проверки текстов и составления копий.

КОММЕНТАРИИ*

Русские летописи, вопросы их издания и изучения (1)

Оригинал не сохранился. Статья перепечатывается из «Вестника АН СССР» (1960, № 8, с. 69—73).

* Т. 27 вышел в свет в 1962 г., т. 28 — в 1963 г., т. 29 — в 1965 г., т. 30, содержащий Владимирский летописец и Новгородскую (Архивскую) летопись,— в 1965 г. М. Н. Тихомиров имел в виду подготовку издания Тверской летописи А. Н. Насоновым. В архиве ЛОИИ имеется также рукопись Тверской летописи (по двум спискам), подготовлявшейся к изданию С. П. Розановым. В 1965 г. под наблюдением Тихомирова были фототипически переизданы публикации Тверского сборника (с издания 1863 г.) и Рогожского летописца (с издания 1922 г.).

** Издание вышло в 1961 г.

*** Т. 1—2 ПСРЛ вышли в свет в 1962 г., т. 9—14 — в 1965 г.

Что нового внес А. А. Шахматов в изучение древнерусских летописей (2)

Статья представляет собой доклад М. Н. Тихомирова, сделанный 21 мая 1946 г. на заседании ОЛЯ и ОИФ АН СССР, посвященном памяти академика А. А. Шахматова. Краткое изложение доклада опубликовано в «Вестнике АН СССР» (1946, № 7, с. 66—67). В Архиве АН СССР сохранился машинописный текст с добавлениями и авторской правкой (ф. 693, оп. 1, д. 74, л. 1—13). Доклад был опубликован в приложениях к кн.: Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР. Научное описание / Сост. И. П. Староверова. М., 1974, с. 162—166.

Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» (3)

Оригинал не сохранился. В декабре 1943 г. в Москве М. Н. Тихомиров прочитал на эту тему доклад «Происхождение и история термина „Русь“» на сессии, посвященной этногенезу славян, проводившейся Институтом этнографии АН СССР. В сохранившейся стенограмме сессии отмечено следующее: начиная свой доклад, Тихомиров сообщил о том, что он его уже читал в Свердловске (Научный архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 14, л. 11). Известно, что там он находился с осени 1942 г. до начала 1943 г.

Позднее автор переработал доклад в статью, которая была опубликована в «Советской этнографии» (1947, № 6—7, с. 60—80). В настоящем издании перепечатывается текст этой статьи.

---

* *Комментарии подготовлены: В. И. Бугановым (приложение II), А. Н. Казакевичем (№ 7, 10, 12, 14), С. Е. Князьковым (№ 13, 14), А. Г. Кузьминым (№ 1, 3—5, 16—19), В. А. Кучкиным (№ 6), С. А. Морозовым (№ 8, 9, 11, 15), А. И. Роговым (приложение I), И. Е. Таммом (№ 2, 6).*

В статье автор впервые тесно связал две проблемы — о начале Руси и о начале русского летописания; над последней темой он интенсивно работал в последние годы жизни. Начало летописания отнесено ученым ко времени Святополка (1015—1019). Позднее в статье «Начало русской историографии» Тихомиров датировал предполагаемую «Повесть о начале Русской земли» концом X — началом XI в. Такая датировка принята была также Л. В. Черепниным и Б. А. Рыбаковым (*Черепнин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды.— ИЗ, 1948, т. 25, с. 293—333; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963).

* В статье даются отсылки на три разных издания Лаврентьевской летописи: 1846 г. (ПСРЛ, т. 1), 1872 г. и 1926 г. (ПСРЛ, т. 1, изд. 2-е). В настоящем издании все ссылки даются по изданию А. Ф. Бычкова (СПб., 1872, повторно в 1897 г.), которым предпочтительно пользовался автор. Но, в отличие от издателей, Тихомиров крайне редко отступал от чтения Лаврентьевского списка, хотя бы чтения Радзивилловского и Академического списков представлялись более исправными. В ряде случаев этот выбор ученого имеет принципиальное значение, а потому его цитация полностью сохраняется.

** Цитируется «Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку» (СПб., 1888). Начальная часть Новгородской I летописи воспроизведена в издании по спискам ее младшего извода (Толстовскому и Археографической комиссии). Раздельное издание двух редакций Новгородской I летописи было осуществлено А. Н. Насоновым (отв. редактор М. Н. Тихомиров) в 1950 г. («Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов»).

*** Ипатьевская летопись переиздана фототипически под наблюдением М. Н. Тихомирова в 1962 г.

**** Надпись неоднократно привлекалась для объяснения имени Олег. Фототипическое воспроизведение ее дается в кн.: *Заимов Й., Заимов В.* Битолски надпис на Иван Владислав самодържец български. София, 1970. Приложение, № 10.

Начало русской историографии (4)

Оригинал не сохранился. Перепечатывается из журнала «Вопросы истории» (1960, № 5, с. 41—56).

* М. Н. Тихомиров имел в виду монографию, посвященную истории древнерусского летописания, над которой он работал в это время и которая осталась незавершенной (Архив АН СССР, ф. 693, оп. 1, д. 96—100). Одна из глав монографии, наиболее завершенная автором и оформленная в виде статьи «Русский летописец в „Истории Польши" Яна Длугоша» в 1963 г., опубликована в кн.: *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 226—237; см. также настоящий том, Прил. I.

Сохранились и более ранние материалы, свидетельствующие о разработке Тихомировым проблемы начала русской историографии. Это его выступление «О ранней русской историографии» 24 февраля 1949 г. на заседании Комиссии по истории развития исторической науки ОИФ АН СССР и статья 1951 г. (незаконченная) «Русская историография с древнейших времен до середины XVIII в.» (Архив АН СССР, ф. 457, оп. 1, 1949 г., д. 123, л. 318—323; ф. 693, оп. 1, д. 79, л. 1—11). С сообщением на эту же тему Тихомиров выступил на

XI Международном конгрессе исторических наук в Швеции в 1960 г. (тезисы и текст сообщения см.: Архив АН СССР, ф. 457, оп. 1, 1953—59 гг., д. 258, л. 44—45; ф. 693, оп. 1, д. 90, л. 1—10).

О русских источниках «История Российской» (5)

Оригинал не сохранился. Статья написана специально в виде предисловия к изданию основного труда В. Н. Татищева, который и ранее весьма высоко оценивался М. Н. Тихомировым (*Тихомиров М. Н.* Василий Никитич Татищев.— Историк-марксист, 1940, кн. 6, с. 43—56; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955, т. 1, с. 179—189). Статья предваряет публикацию I тома «Истории Российской» В. Н. Татищева (М.; Л., 1962). Перепечатка осуществляется с этого издания.

«Список русских городов дальних и ближних» (6)

Оригинал не сохранился. Перепечатывается из «Исторических записок» (1952, т. 40, с. 214—259).

Работа М. Н. Тихомирова о «Списке русских городов дальних и ближних» и теперь, спустя более четверти века со времени ее напечатания, остается самым широким и комплексным исследованием этого ценнейшего историко-географического памятника средневековой Руси. Рассмотрев сохранившиеся тексты «Списка», установив хронологические рамки появления его протографа, Тихомиров основное внимание уделил локализации перечисленных в «Списке» городов. Привлекая русские и иностранные источники, он сумел определить местоположение почти $^{6}/_{7}$ (от общего числа 358) указанных в памятнике пунктов. Неотождествленными с современными географическими объектами остались, по подсчетам самого Тихомирова, 54 названия. Последнее обстоятельство уже само по себе вызывало необходимость дальнейшего изучения «Списка русских городов». И после Тихомирова такое изучение было продолжено. Правда, оно уже не носило того всестороннего характера, какой был присущ исследованию Тихомирова. Тем не менее за последние годы были внесены определенные коррективы в прежние представления о «Списке русских городов дальних и ближних».

Среди новых работ, посвященных «Списку», должна быть отмечена прежде всего статья Е. П. Наумова [1], разъяснившего причины включения в «Список» не только русских, но и молдавских, валашских и части болгарских городов, указавшего новые списки памятника [2] и предложившего более точную его датировку — 1394—1396 гг.[3] Последнее заключение Наумова конкретизирует наблюдения Тихомирова, относившего составление «Списка» к концу

[1] *Наумов Е. П.* К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних».— В кн.: Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974, с. 150—163. См. также: *Подосинов А. В.* О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних».— В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с. 40—48.

[2] *Наумов Е. П.* Указ. соч., с. 158. Е. П. Наумов внес поправку в утверждение М. Н. Тихомирова о наличии «Списка» в Ермолинской летописи. На самом деле в Ермолинской летописи «Списка» нет. Он помещен в одном сборнике со сводом 1518 г. (Уваровской летописи), отрывки из которого были опубликованы вместе с Ермолинской летописью в ПСРЛ (СПб., 1913, т. XXIII).

[3] *Наумов Е. П.* Указ. соч., с. 157.

XIV — началу XV в., но более склонного принимать за время его появления конец XIV в.

Помимо уточнения общих вопросов, связанных с временем и целями создания «Списка», теперь может быть предложена локализация некоторых из тех городов, определить местоположение коих Тихомиров затруднялся. Так, остался неотысканным Березуеск, упомянутый в числе литовских городов после Гольшан и перед Друцком. Поскольку географическая последовательность перечисленных в «Списке» городов соблюдалась далеко не всегда (на это указывал сам Тихомиров) [4], Березуеск не следует искать обязательно между Гольшанами и Друцком. Его нужно отождествлять с тем Березуеском, который упоминается в грамоте 1370 г. литовского великого князя Ольгерда константинопольскому патриарху Филофею как город, принадлежавшей Литве [5]. Древний Березуеск стоял на месте известного по писцовым описаниям XVII в. погоста Молодой Березуй, расположенного на левом берегу р. Вазузы ниже устья р. Осуги [6].

К северо-западу от Березуеска по р. Волге и ее притокам простирался ряд принадлежавших Литве русских волостей, центрами которых были упоминаемые в «Списке» города Рясна, Осечен, Сижка, Туд, Горышин (Горышон), Вселук (Селук). При их локализации должны быть приняты во внимание соображения тверского историка В. Н. Успенского, помещавшего эти города в несколько иных местах, чем Тихомиров [7].

Надо сказать, что большинство литовских, а также смоленских, торопецких и новгородских городов М. Н. Тихомиров помещал там же, где М. К. Любавский в своем исследовании об областном делении Литовского государства [8].

Ученица Тихомирова Н. Б. Шеламанова в капитальном исследовании о русско-литовской границе XVI в.[9] уточнила многие локализации Любавского, тем самым ее выводы корректируют и данные о местоположении ряда литовских городов «Списка».

Из «залесских», т. е. собственно русских городов, Тихомировым остались нелокализованными буквально единицы.

Не развивая здесь всей аргументации, можно высказать ряд соображений о местонахождении таких городов и привести варианты к локализациям, предложенным Тихомировым.

Так, упомянутый в «Списке» город Романов нужно, по-видимому, отождествлять с основанным примерно в 60—80-х годах XIV в. ярославским князем Романом Васильевичем в своем уделе г. Романовом на р. Волге (совре-

[4] См. настоящий том, с. 113.

[5] РИБ. 2-е изд. СПб., 1908, т. VI, Прил., стб. 138.

[6] *Квашнин-Самарин Н. Д.* О зубцовских и ржевских переписных книгах как источнике к изучению местной истории. Тверь, 1851, с. 3—5; *Он же.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь, 1887, с. 29—30. Река Вазуза — правый приток р. Волги.

[7] *Успенский В. Н.* Литовские пограничные городки: Селук, Горышин и другие. Тверь, 1892.

[8] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892.

[9] *Шеламанова Н. Б.* Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. Рукопись канд. дис. М., 1970.

менный г. Тутаев). В Городце «на Молозе» «Списка русских городов» следует, скорее всего, видеть г. Мологу. а не Холопий Городок. Два городка на Белом озере — очевидно, два города Белоозера, старый и новый, основанный после 1352 г. Города на устье р. Шексны не было, тем более что в договорных грамотах московских князей XV в. упоминается именно устье р. Шексны, а не исток этой реки. Упомянутые в «Списке» «Мещерское, Камена могыла на Дъсне» обозначают все-таки не два названия одного пункта, а названия разных пунктов. Мещерское возможно сближать с центром одноименной волости, стоявшим в верховьях р. Сухры, правого притока р. Цны. В этом случае более понятно упоминание р. Цны (Дъсны), где находился городок Каменная Могила. Речь, видимо, должна идти о соседнем с Мещерским поселении на р. Цне, левом притоке р. Оки. Впрочем, точное определение местонахождений средневековых поселений по письменным источникам чрезвычайно трудно и только археология в состоянии дать если не исчерпывающий, то близкий к нему ответ о географии центров прошлого.

* * *

В Архиве АН СССР (ф. 693, оп. 1, д. 82) сохранился типографский оттиск статьи. В него вложены семь вставок — дополнений к тексту на отдельных листках (л. 5, 9, 10, 14, 19, 22, 26). Это извлечения из источников и литературы, подкрепляющие, уточняющие, а иногда и несколько меняющие приводимые в статье данные о городах «Списка». В одном случае такая выписка связана с непосредственным исправлением текста, сделанным М. Н. Тихомировым, что отражено в настоящей публикации (см. с. 120). В большинстве других случаев дополнения следуют между страницами оттиска, где находится соответствующий им по смыслу текст. Так, к разделу статьи о списках памятника и его особенностях, где рассматривается вопрос о появлении «Списка» в различных источниках, имеется добавление в виде скопированного текста грамоты (правленная машинопись). Приводим его текст:

№

1480 г., мая 5. Грамота короля Казимира минскому купцу Луке Терешковичу с разрешением вести безмытную торговлю в городах Вел[икого] кн[яжества] Лит[овского] *.

Казимир божью милостью.

Князем нашим, и паном, и наместником, и тивуном, и бояром, и мытчиком, и всим заказником тот наш чоловек, мещанин менский Лука Терешкович торгуеть нашим дубасом бобруйским Троцкое половины, а нашими пенязьми; а от того нам прибытку дает. И вы бы от нашого дубаса и от его комяги мыта не брали бы. Есте в Глуску, в Погосте, в Чорторыску, у Куликовичох, в Чет, в Ертни, в Луцку, у Вострозе, в Степани, в Дубровицы, в Городку, у Турове, у Паустьи, в Пинску, в Берестьи, в Дорогичине, в Каменцы, в Слониме, в Ковне, в Новегородцы Литовском, в Менску, в Смоленску, в Орши, в Могилеве, в Рогачеве, в Лучине, в Стрешине, в Речицы, в Гомъи, в Чичерску, в Пропостку, в Кричове, в Мстисловли, в Дорогобужи, у Вязме, в Новегородцы Северском, в Радогощи, в Трубецку, в Браньску, в Стародубе,

* [*Заголовок написан от руки неустановленным лицом. Далее им же зачеркнуто* Мещанину менскому Луце Терешковичу лист безмытный].

в Чернигове, у Вышегороде, в Киеве, в Путивли, в Черкасех, в Житомири, в Чуднове, во в Уручьем, в Чорнобыли, в Мозыри, в Новозе, в Любечи, в Грезску, по всим нашим мытом, и по князским, и по панским, и по боярским, сухим и водою. А которыи бы хотели через наш лист силу ему чинити, а мыто взяти от нашого дубаса и от его комяг, тот нам великую вину заплатить.

Писан у Вильни, мая 5 день, индикт 6.

ЦГАДА, 389, кн. 4, л. 163—163 об. Подлинник *.

К разделу статьи о болгарских и волошских городах сделано добавление — вложена 1 страница машинописного текста с вставками, вписанными М. Н. Тихомировым от руки. Приводим этот текст:

«Румынский историк Н. Йорга отмечает, что „в эту эпоху (по Йорга, в 60—80-е годы XIV в.— *М. Т.*) болгары сохранили епископства: митрополию в Силистрии, в Червене, в Ловче, в Софии, в Овече". Вичина не упоминается, так же как и Варна, престол которой был соединен патриархом с Месемврией и Анхиалом, от которого зависела также страна Корвуна, которая сделалась частью владений Иоанна Асеня. Мы знаем, впрочем, что Килия и Карнава и даже Силистрия перечислялись вплоть до позднейшего времени среди „замков патриархата". Еще в 1380 г. патриарх поручал екзархат и управление этими „патриаршими замками" в окрестностях Варны, Калиакра, Силистрия, Карнава (Каварна), Крания и Герание митрополиту Варны (*Iorga N.*** Les conditions de politique générale dans lequelles furent fondées les églises roumaines aux XIV—XV siècles.— [In]: Bulletin de la section historique sur la redaction de N. Iorga. Premiére année. 1-er avril 1913. Académie Roumaine. Bucarest, 1913, p. 133) **.

Прибрежная область на Дунае принадлежала целиком Шишману: Никополь, Сиштов (Систов), Силистрия. Начинающееся валашское государство при Влеку (Vlaiku) *** должно было отдать Видин Страшимиру (с. 98). В договоре с Польшей 1390 г. не упоминается уже о его владениях на правом берегу Дуная (с. 98). «Вичина», «расположенная на месте, где разделяются рукава Дуная» (с. 95). (*Iorga N.* **** Notes ***** d'un historien relatives aux événements des Balcans *****.— [In]: Bulletin... Pr. ennèe. 1-er janvier 1913). Страшимир вернул Видин в 1369 г. (с. 136). Основание в 1360 г. независимого княжества в Молдавии ([*Iorga N.*] Les conditions..., p. 141). В мае 1359 г. была основана митрополия в Вичине (Vicina, sise prês des bouches du Danube, entre Braila и Килия ([*Iorga N.*]. Les conditions..., p. 125) ****».

Второе добавление к этому же разделу (неправленная машинопись):

«Бдин.

Бдин неоднократно упоминается в источниках, наиболее близкой по времени к списку русских городов является запись на болгарском евангелии (Лондонском) 1348 года: «в велицем и многочеловечьнем граде Бдыни». Бдинский град на Истре реке (то есть на Дунае) упоминает и Григорий Цамблак в житии святой Петки.

---

* [*Легенда написана от руки тем же почерком, что и заголовок*].

– [*Вписано рукою М. Н. Тихомирова*].

*** [(Vlaiku) *вписано рукою М. Н. Тихомирова*].

****–**** [*Текст написан М. Н. Тихомировым от руки*].

*****–***** [*Написано М. Н. Тихомировым вместо зачеркнутого* Quelques informations nouvelles concernantes l'histoire des Roumains].

Переход от старинной формы Дрестр к современной Силистра показан в статье Романского [10]».

Небольшая вкладка имеется к разделу о киевских городах (правленная машинопись):

«Слепород и Горошин названы в листе короля Сигизмунда 1527 года, данном Станиславу Замойскому: „Горошын над рекою Сулою и Слепороду за Днепром и на шляку татарском при самой границы татарской“» [11].

К разделу о рязанских городах сделано машинописное добавление (ошибочно приложено к тексту о литовских городах):

«Близ деревни Никитиной, отстоящей от Климентовского погоста в 2 верстах, при впадении Прони в Оку, находится городок, известный в Воскресенской летописи под именем „Нового городка Ольгова на усть Прони реки“. Он треугольной формы, длиною в 80, а шириною в 50 саж. Расположенный на возвышенном берегу Оки, он огражден с трех сторон крутыми оврагами, а с третьей — двумя валами. Произведенные в прошлом году А. В. Селивановым раскопки этого городка обнаружили остатки древнего каменного храма, сходного с открытым храмом в Старой Рязани» [12].

К концу раздела «Смоленские города» приложено добавление (неправленная машинопись):

«Местонахождение Вятическа предположительно уже отмечено Ходаковским. Он видит его в селе Вяцком б. Тарусского уезда при речке Старке в двух верстах от речки Городенки, [обе речки] текут в реку Тарусу с левой стороны. Село Вяцкое отстоит в 15 верстах от Смоленского городища на реке Поротве. „Вятическ и Вяцкое есть одно и то же“» [13].

Небольшая вкладка имеется также между страниц текста раздела «Залесские города» (автограф):

«Село Бережок находилось в Суздальском уезде. В конце XVI в. оно было дворцовым» [14]; «*к синему морю*» [15].

О Вологодско-Пермской летописи (7)

Оригинал не сохранился. Статья публикуется по тексту, изданному в «Проблемах источниковедения» (М., 1940, вып. 3, с. 225—244).

Новый памятник московской политической литературы XVI в. (8)

Оригинал не сохранился. Перепечатывается из книги «Московский край в его прошлом и настоящем» (М., 1930, ч. 2, с. 105—114). Позднее Софийская I летопись, отрывку которой за 1518—1526 гг. посвящена настоящая работа, была описана М. Н. Тихомировым (*Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, № 134, с. 136).

---

[10] *Романский Ст.* Имената на два крайдунавски града.— [В кн.]: Сборник в честь на проф. Л. Милетич. София, 1933, с. 654—658.

[11] *Грушевський М.* До історії казацьких рухів в 1590-х рр.— Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1893, т. V—VI, с. 23.

[12] *Добролюбов И.* Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Рязань, 1891, т. IV, с. 210.

[13] Путевые записки Ходаковского.— ЖМНП, 1838, ч. 20, с. 506.

[14] АИ, т. I, № 218, с. 414—415, 1587 г.

[15] Там же, № 223, с. 425, 1588 г. [Подчеркнуто М. Н. Тихомировым].

Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. (9)

Оригинал не сохранился. Перепечатывается из «Исторических записок» (М., 1951, т. 46, с. 278—288). Настоящая работа М. Н. Тихомирова подтверждает высказанное в конце XIX в. Н. П. Лихачевым, А. А. Шахматовым, В. С. Иконниковым мнение о ведении частных неофициальных летописных записей лицами, причастными к активной политической деятельности.

Постниковский летописец полностью опубликован в ПСРЛ (М., 1978, т. XXXIV, с. 8—30).

Малоизвестные летописные памятники (10)

Оригинал не сохранился. Работа публикуется по тексту, изданному в «Историческом архиве» (1951, т. VII, с. 207—253).

Острожский летописец вторично был издан А. А. Бевзо (Львівський літопис і Острозький літописець. Київ, 1971, с. 125—140).

Малоизвестные летописные памятники XVI в. (11)

Оригинал не сохранился. Перепечатывается из «Исторических записок» (1940, кн. 10, с. 84—94). Рукописи: ОР ГИМ, Син. № 939 и Син. № 645 подробно описаны в статье: *Тихомиров М. Н.* Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания.— ИЗ, 1942, кн. 13 (№ 7. Летописец вкратце Русской земли, с. 266—268; № 15. Уваровская летопись, с. 272—275). Три рукописи: ОР ГИМ, Син. № 939, Син. № 415, Син. № 645 описаны в кн.: *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962 (№ 48. Летописец вкратце Русской земли, с. 53—56; № 126. Сборник с летописными статьями, с. 132; № 142. Уваровская летопись, с. 142—147). Уваровская летопись опубликована в ПСРЛ (М.; Л., 1963, т. XXVIII), под названием «Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись)». Ответственным редактором этого издания, подготовленного К. Н. Сербиной, являлся Тихомиров. Синодальный список Уваровской летописи использован в издании в качестве неосновного списка. Повесть «О князе Андрее Ивановиче» опубликована вместе с предшествующими ей летописными статьями, не относящимися к своду 1518 г., в Приложении к изданию (с. 356—357).

Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI — начала XVII в. (12)

Оригинал не сохранился. Работа публикуется по тексту, изданному в журнале «История СССР» (1957, № 3, с. 112—122). Она представляет собой авторскую обработку доклада «Легендарные подробности исторической деятельности Ивана IV в летописце XVII в.», который был зачитан 28 февраля 1957 г. на совместном заседании кафедр источниковедения и истории СССР периода феодализма истфака МГУ. Стенограмма заседания и машинопись доклада хранятся в Архиве АН СССР, ф. 693, оп. 1, д. 86.

Пискаревский летописец полностью опубликован в ПСРЛ (М., 1978, т. XXXIV, с. 31—220).

Заметки земского дьячка второй половины XVII в. (13)

Оригинал не сохранился. Текст перепечатывается из «Исторического архива» (1939, т. 2, с. 93—100).

Записки приказных людей конца XVII в. (14)

Оригинал не сохранился. Печатается по тексту, опубликованному в ТОДРЛ (М.; Л., 1956, т. XII, с. 442—457).

Данные материалы по своему характеру близки к помещенной в настоящем томе публикации «Заметки земского дьячка второй половины XVII в.». М. Н. Тихомиров расценивал эти записки прежде всего как новый литературный жанр, своего рода «мемуары».

Некоторые положения предисловия к публикации отразились в разделе, написанном Тихомировым для V тома «Всемирной истории» (М., 1958, с. 185), а также в его спецкурсе «Приказное делопроизводство в XVII веке» (*Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII веков. М., 1973, с. 356).

Мазуринский летописец, в составе которого находятся Записки о стрелецком бунте, полностью издан в ПСРЛ (М., 1968, т. XXXI, с. 11—179).

Новгородский хронограф XVII в. (15)

Оригинал не сохранился. Перепечатывается из кн.: Новгородский исторический сборник (Новгород, 1940, вып. 7, с. 66—114). Настоящая работа М. Н. Тихомирова связана с его активным участием в деятельности Новгородской секции Института истории АН СССР, созданной по постановлению Президиума АН СССР от 29 октября 1938 г. В кратком отчете Новгородской секции, опубликованном в этом же выпуске «Новгородского исторического сборника», отмечалось: «В работе Новгородской секции принимали активное участие проф. М. Н. Тихомиров, проф. А. В. Арциховский, проф. М. И. Артамонов» (там же, с. 126).

М. Н. Тихомиров неоднократно использовал рукопись из собрания Забелина (ОР ГИМ, № 261), в которой содержался публикуемый Хронограф. Так, в серии «Литературные памятники» Тихомиров опубликовал «Сказание о Мамаевом побоище» по Забелинскому списку и перевод его (Повести о Куликовской битве / Изд. подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959, с. 163—207 и перевод — с. 288—332). В Приложениях к этому изданию опубликована статья Тихомирова «Куликовская битва 1380 года», в которой данная рукопись была использована при изложении событий (там же, с. 361—364). В этой же статье имеется и характеристика Новгородского хронографа: «Наиболее ценными являются сказания Никоновской летописи и Новгородского хронографа. Последний, впрочем, является крайне пестрым по составу. Одним из его источников была повесть, оригинал которой лег в основу рассказа Никоновской летописи. Однако этот оригинал лучше сохранился в Новгородском хронографе» (там же, с. 347).

Рукопись подробно описана в работе: *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, № 149, с. 159—160.

Рецензия на книгу «Древнерусские летописи» (16)

Публикация представляет собой рецензию на перевод и комментарии древнерусских летописей («Повесть временных лет» с продолжением по Ипатьевской летописи), подготовленные В. Лебедевым и В. Пановым и изданные в 1936 г. Оригинал не сохранился. Печатается по тексту, опубликованному в журнале «Книга и пролетарская революция» (1936, № 9, с. 61—64).

Отзыв о работе Н. Н. Ильина «Летописная статья о Борисе и Глебе» (17)

Отзыв публикуется впервые по машинописи с авторской правкой, хранящейся в Архиве АН СССР (ф. 693, оп. 1, д. 225. 2 августа 1954 г.). Отзыв дан на кандидатскую диссертацию Ильина, опубликованную позднее в переработанном виде в качестве монографии (*Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957).

Рецензия на книгу М. Д. Приселкова «Троицкая летопись» (18)

Оригинал не сохранился. Публикуется по тексту, напечатанному в журнале «Советская книга» (1951, № 1, с. 73—74).

* Владимирский летописец опубликован в составе ПСРЛ (М., 1965, т. XXX).

Отзыв о диссертации А. Н. Насонова «Очерки по истории древнерусского летописания» (19)

Отзыв публикуется впервые по машинописной копии, хранящейся в Архиве АН СССР (ф. 1547, оп. 1, д. 354. 1944 г.). Докторская диссертация Насонова не публиковалась. Часть ее материалов вошла в опубликованную посмертно его монографию (*Насонов А. Н.* История русского летописания. XI — начало XVIII в. М., 1969).

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Никоновская летопись

Публикуемая работа является фрагментом большого труда М. Н. Тихомирова, озаглавленного «Начало русской историографии» и посвященного истории русского летописания (Архив АН СССР, ф. 693, оп. 1, д. 99, л. 1—359). Работа над ним велась автором в конце 50-х — 1-й половине 60-х годов XX в. Предварительно им были намечены концепционные установки труда. Основные идеи труда, особенно в той его части, где рассматриваются начальные этапы русского летописания, Тихомиров сжато, но чрезвычайно четко изложил в статье «Начало русской историографии» (Вопросы истории, 1960, № 5), публикуемой в настоящем издании. Исследование Тихомирова, к сожалению, было остановлено его тяжелой болезнью на сравнительно начальной стадии; сбор материала был затруднен прежде всего крайне ослабленным зрением. Работа велась академиком с помощью учеников, которым он диктовал фрагменты запланированного труда. Ни восполнить, ни отредактировать свою работу автор не имел возможности.

Редколлегия настоящего издания сочла возможным опубликовать в приложениях главу III этого незавершенного исследования, посвященную Никоновской летописи. Эта глава имеет более законченный характер и посвящена одной из наиболее сложных и спорных проблем в летописеведении. Тихомиров высказал в ней ряд важных соображений относительно времени создания Никоновской летописи, ее источников и степени достоверности ее известий (особенно по древнейшему периоду). Тихомиров полагал, что Никоновская летопись возникла до покорения Казанского ханства, т. е. до 1552 г. Такая датировка не противоречит новейшим изысканиям о датировке Никоновской

летописи—1539—1542 гг. Важнейшими источниками Никоновской летописи, по мнению исследователя, были свод, возникший до появления Никаноровской летописи, т. е. до 1472 г., а также известия новгородских летописей. Что касается не содержащихся в других летописях известий по древнейшему периоду русской истории, то автор пришел к выводу о их недостоверности, поставив этот вопрос в связь с присущим составителям Никоновской летописи стремлением к переделке известий, содержащихся в «Повести временных лет».

Печать незавершенности лежит и на публикуемой главе исследования Тихомирова. Так, указывая на летописные известия новгородского происхождения как один из источников Никоновской летописи, он не всегда раскрывает, какие именно из многочисленных новгородских летописей имеются в виду. Без внимания оставлена археографическая сторона исследования Никоновской летописи. Лишь в общем плане полемизирует автор с буржуазными авторами (без указания, кого он конкретно имеет в виду), некритически пользовавшимися известиями Никоновской летописи. Не была учтена автором во всей полноте и отечественная литература [16].

II. Об издании русских летописей

Работа представляет собой впервые публикуемый проект инструкции, составленной М. Н. Тихомировым и обсужденной на заседании Археографического совета Института истории АН СССР, состоявшегося под председательством Б. Д. Грекова 8 мая 1948 г. В ее обсуждении приняли участие А. И. Андреев, С. В. Бахрушин, Н. Г. Бережков, И. А. Голубцов, Е. Н. Кушева, А. Н. Насонов, Л. В. Черепнин, В. И. Шунков. Стенограмма заседания хранится в Архиве АН СССР (ф. 693, оп. 3, д. 140, л. 1—28); сама инструкция — там же (авторизованная машинопись, л. 29—52).

В публикуемой работе представляют интерес критические замечания Тихомирова по поводу недостатков в издании летописных текстов, которые характерны для серии ПСРЛ, и плана издания летописей, составленного М. Д. Приселковым. В своих предложениях по подготовке нового издания летописей Тихомиров акцентировал внимание на необходимости издания в первую очередь новых, еще неопубликованных памятников, с максимально точным воспроизведением их текстов и подробным комментированием. Показательно, что уже в 40-х годах Тихомиров предусматривал фототипическое воспроизведение наиболее древних летописей.

В § 3 раздела I упоминается о том, что «в настоящее время издается» Московский летописный свод конца XV в. по новому списку XVI в.; он был издан в ПСРЛ (М.; Л., 1949, т. XXV).

Положения, выдвинутые академиком Тихомировым, во многом были осуществлены при издании последующих томов серии ПСРЛ (М.; Л., 1959—1978, т. XXVI—XXXIV).

---

[16] См., например: *Пресняков А. А.* Московская историческая энциклопедия XVI в.— Изв. ОРЯС, 1900, т. V, кн. 3; *Розанов С. П.* Никоновский летописный свод и Иоасаф как один из его составителей.— Там же, 1930, т. III, кн. 1; *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938; *Кузьмин А. Г.* К вопросу о времени создания и редакциях Никоновской летописи.— В кн.: АЕ за 1962 год. М., 1963. *Клосс Б. М.* Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20—30-х годах XVI в. и происхождение Никоновской летописи.— В кн.: Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук

АЕ — Археографический ежегодник

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею

ВДИ — Вестник древней истории

ВИ — Вопросы истории

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва)

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ИЗ — Исторические записки

ИЛ — Летопись по Ипатскому списку: Изд. Археографической комиссии. СПб., 1871

ЛЛ — Летопись по Лаврентиевскому списку: Изд. Археографической комиссии. СПб., 1872

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР

НЛС — Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку: Изд. Археографической комиссии. СПб., 1888

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова; Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.; Л., 1950

ОИФ — Отделение истории и философии Академии наук СССР

ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР

ОР — Отдел рукописей (ГБЛ); Отдел рукописей и старопечатных книг (ГИМ)

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук

ПВЛ — Повесть временных лет: Текст и перевод / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, ч. 1

ПИ — Проблемы источниковедения: Сборник статей

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею

РИО — Русское историческое общество

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР

УЛС — Устюжский летописный свод / Подгот. к печ. и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва)

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

Аввакум, протопоп 255
Август, польский король 208—210
Авель, библ. 138, 162
Аверкий (Аверька), дьячок 249, 251
Авраамий, епископ коломенский 145
Авраамий Ростовский, (святой) 79
Авраамка, смоленский летописец 348
Аврам Степанович, новгородский посадник 91
Агарков (Огарков) Каша Васильевич, дворянин 223
Агрефений, игумен 89, 98
Агиш (Агиша), ногайский царевич 161
Адам, библ. 54, 59, 63
Адам, суконник 189
Адашев (Одашев) Алексей Данилович, окольничий 233—236
Адашев Даниил Федорович, окольничий 235, 236
Адашев Федор Григорьевич, боярин, посол в Турцию 233, 235, 236
Адриан, патриарх Московский 248
Адрианова-Перетц В. П. 47, 124, 171
Азбелев С. Н. 82
Азяк Мырза, татарский князь 178
Аким (Иоаким) Корсунянин, епископ Великого Новгорода 66
Акинфиев Акинфий Савельевич, воевода 204, 205
Александр, архиепископ новгородский 190, 201
Александр, византийский император 48
Александр, келарь Троице-Сергиевой лавры 276, 277
Александр, великий князь литовский 114, 168, 244
Александр, молдавский воевода 100
Александр Ярославич Невский, князь, (святой) 100, 140, 158, 244, 275, 343
Александров В. А. 6
Алексей, митрополит московский, (святой) 180, 206
Алексей, сотник 153
Алексей Алексеевич, сын царя Алексея Михайловича 257, 300, 315
Алексей Алексеевич, самозванец 258
Алексей Дука (Мурцуфль), византийский император 207
Алексей Михайлович, царь 68, 71, 248, 254, 256—258, 276, 281—285, 287—304, 307, 311—314, 316—317, 319, 321—323
Аль Джайхани, арабский историк 43
Альма, венгерский вождь 38
Аль Масуди, арабский писатель 44
Анастас Корсунянин 336, 342
Анастасия Романовна, жена царя Ивана IV 180, 181, 194—197, 227, 228, 236, 241
Анастасия, жена Симеона Бекбулатовича 240
Ангелов Д. 98
Андреев А. И. 69, 366
Андрей, апостол 36, 47
Андрей Васильевич Большой, князь 143, 152, 170
Андрей Васильевич, князь углицкий 145
Андрей Иванович, князь старицкий 5, 140, 148, 161, 165—167, 169, 171—173, 175—177, 181, 220—224, 227, 363
Андрей Юрьевич Боголюбский, князь владимирский 23, 141, 151, 186, 325, 343
Андрих (Удальрих) Чешский, король 34, 340
Андриашев А. А. 103, 106, 109, 110, 131, 132
Андронов Федор (Федька) 233, 447
Аникеев Иван, вятчанин 144
Анна, византийская принцесса, жена князя Владимира Святославича 185
Анна Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича 304
Анна Васильевна, дочь великого князя Василия Дмитриевича 159

* *Указатель составлен М. Н. Воробьевым.* Фамилии авторов исследовательских, коллективных и популярных трудов, составителей описаний источников набираются курсивом и даются без пояснений.

Анна Ивановна, дочь царя Ивана Алексеевича, императрица 249, 253
Анна Михайловна, дочь царя Михаила Федоровича 277, 322
Анофреев Иван, колокольный мастер 251
Апак, татарский князь, крымский посол 161
Апраксина (Опраксина) Марфа Матвеевна, вторая жена царя Федора Ивановича 262
Арак мурза, татарский царевич 215
Ардабьев Ларион, подьячий 249
Артамонов М. И. 364
Артынов И. И. 80
Арциховский А. В. 12, 364
Аскольд, легендарный киевский князь 32, 48, 49, 51, 53, 55, 185, 339—342
Асмуд, воевода 27, 42
Асык, князь вогуличей 144
Аталыков Исуп, брат Шигалея, татарский воевода 178
Афанасий, митрополит московский 197, 228
Афанасий, келейник 164
Афет (Яфет), библ. 30
Аффоний, митрополит новгородский 280, 281, 284, 291, 292
Ахмат, хан Золотой Орды 137, 139, 143, 152, 153
Ахмат-Гирей (Магмет-Кирей), крымский царевич 160, 161, 208

Багаданщиков (Багадайщиков) Палка, вятчанин 144
Багатур (Багатырь) Салтан, сын Ахмат Гирея 161
Байков Федор Исакович, русский посол в Китае 298
Балабан Гедеон, львовский епископ 212
Баранович М. 119
Бараш, татарский посол к Ивану IV 178
Бароний Цезарь, католический богослов 219
Барсов Н. П. 106, 109
Барятинский (Борятинский) Снеток, князь 307
Басманов Алексей Данилович, воевода 197, 228, 237
Басманов Даниил Федорович, боярин 197
Баторий Стефан *см.* Стефан Баторий
Батый, татарский хан 115, 275
Батюшков П. Н. 87, 108
Баубек, татарский князь 178
Бахин Павел, полковник 267
Бахрушин С. В. 6, 139, 366
Баязет (Базет) II, турецкий султан 208
Бевзо А. А. 362
Безнин-Нащекин (Безнин) Михаил Андреевич, боярин 200
Бекеш Венгерский, король 200
Бела I, венгерский король 38
Белеевский Сава, земледелец 251
Белоцерковский Г. М. 123
Бельский Богдан Яковлевич, князь 204
Бельский Дмитрий Федорович, князь 160, 170, 178, 181
Бельский Иван Дмитриевич, князь 198
Бельский Иван Федорович, князь 148, 162, 164, 170, 172, 177
Бельский Семен (Симеон) Федорович, князь 148, 173, 174, 227
Бельский Савастьян, польский пан 205
Беражанский Иоанн, священник 219
Бережков Н. Г. 366
Берсень-Беклемишев Иван Никитич, боярин 147, 164
Бестужев-Рюмин К. Н. 13, 25, 26, 32, 47, 55, 61, 72, 324, 338, 341
Бибарс, татарский князь 178
Битяговский Даниил, дьяк 202
Биюрган сеит, татарский князь 178
Блуд, воевода 27, 50, 58, 337
Боборыкин Роман Федорович, дворянин 296
Богданов Григорий, думный дьяк 265
Богданов Федор, сын Григория Богданова 265
Боголюбский *см.* Андрей Боголюбский
Богословский М. М. 132, 248
Бож, славянский вождь 43, 44
Болеслав, польский король 328, 340
Болотников Иван, предводитель крестьянского восстания 245
Болтин И. Н. 39
Бона, польская королева 208
Боран Никифор, колокольный мастер 289, 290
Борецкий Иов, митрополит киевский 216, 217
Борис Владимирович, князь, (святой) 26, 180, 185, 222, 328, 331, 364, 369
Борис Константинович, князь нижегородский 127
Борич, русский посол в Византию 36
Борковский В. И. 12
Бороздин Никита 240
Борщов (Борсчов) Мелхиседек, архимандрит 79, 80
Браун Ф. 30, 35, 98
Брим В. А. 23
Буганов В. И. 3, 5, 6, 355
Буйносов Петр, князь 245
Бутков П. Г. 13

Бутурлин Иван Васильевич, боярин 240, 321
Бухвостов Василий Борисович, боярин 266
Бушанов Алексей, подьячий 250
Бычков А. Ф. 356

Вадим, новгородец 339, 340
Валк С. Н. 4, 131, 345
Валуевы братья, дети боярские 222, 223
Варварин Василий, купец 285
Варда, византийский император 337
Варлаам, митрополит московский 147, 158, 162
Варлаам, митрополит ростовский и ярославский 291
Варлаам, новгородский архиепископ 203
Варсонофий, смоленский епископ 147
Варяжко, слуга 27, 58, 59
Василий Македонянин, византийский император 185, 337, 341
Василий, муромский епископ 70
Василий II Васильевич Темный, великий князь московский 8, 91, 233
Василий Владимирович, князь старицкий 193, 197, 229, 238, 239, 242
Василий Дмитриевич, великий князь московский 91, 123, 159
Василий Дмитриевич, сын Дмитрия Константиновича, князя суздальского 188, 190, 191
Василий III Иванович, великий князь московский 146—148, 153, 155—158, 160—166, 169, 173, 180, 208, 209, 221, 225, 227, 233
Васильев Афанасий, целовальник 251
Васильевский В. Г. 38—40
Василько Ростиславич, князь галицкий 7, 325, 343
Вассиан (Вассиан Рыло), ростовский епископ 153, 154
Вельяминов Владимир, голова 202
Венелин Ю. И. 86
Вениамин, монах 79
Венцеслав, чешский князь 328
Вешняков Матвей Михайлович, полковник 267
Вешняков Михаил (Михайла), дьяк 265
Взимков Петр Иванович, стольник 251
Вильгельм Завоеватель, английский король 33
Витовт, великий князь литовский 85—87, 92, 132, 142
Владимир Андреевич, князь серпуховской 191
Владимир Андреевич, князь старицкий 169, 174—179, 181, 182, 221, 225, 229, 237. 238
Владимир Всеволодович Мономах, великий князь киевский 16, 17, 19, 65, 184, 186, 197
Владимир Володаревич, князь галицкий 24, 325
Владимир Иванович, князь, брат Дмитрия Донского 191
Владимир Святославич, великий князь киевский (святой) 18, 26—30, 40, 45, 50, 59—64, 72, 185, 327, 335, 336, 340—342
Владимир Ярославич, князь 186, 339
Владислав, польский король 217
Владислав, князь 37
Влас (Васил), новгородский мастер 159
Водорацкий Петр Григорьевич, стольник 253
Воеводич Гаврила, шут 222
Возницын Богдан Григорьевич, подьячий 250
Войнов Григорий, ключарь 278
Войтех, польский пан 205
Волконский Андрей Романович, князь 204, 205
Волконский Василий Веригин, князь 176
Волконский Григорий Константинович, князь 204, 205
Володислав, посол князя Игоря 36
Волос, языческое божество 37
Волынский Артемий Петрович, русский государственный деятель 74
Волынский Павел Иванович, воевода 279, 280
Волынский Петр, воевода 199
Воробьев М. Н. 6, 368
Воронцов Василий Михайлович, князь 178, 227, 236
Воронцов Дмитрий, князь 175
Воронцов Иван Михайлович, князь 174
Воронцов Михаил Семенович, князь 173, 175
Воронцов Федор, князь 236
Воронцов Федор Семенович (Демид), князь 170, 177, 178, 227
Воротынский Михаил Иванович, князь 198
Воскресный Марко, священник 219
Всеволод Владимирович, князь 185
Всеволод Большое Гнездо, великий князь владимирский 186
Всеволод Ярославич, князь черниговский 17, 186
Всеслав Брячиславич, князь полоцкий 116
Вуефаст, русский посол в Византию 37
Вышеслав Владимирович, князь 185
Вышневецкий Дмитрий, князь 228

Вышневецкий Константин, князь 213
Вяземская Александра, княгиня 221
Вязмин Михаил, купец 285
Вячеслав Владимирович, князь 186
Вячеслав Ярославич, князь 186

Гавриил, сербский патриарх 297
Гедеонов С. А. 36
Генрих (Генрик), польский король, впосл. король Франции 210
Георгий Амартол, византийский историк 20, 47, 325
Георгий II (Егоргий), византийский император 74, 75
Георгий Иванович — *см.* Юрий Иванович
Георгий Мних — *см.* Георгий Амартол
Герасим, архимандрит 251
Герасим, митрополит 41
Герберштейн Сигизмунд, германский посол 8, 89, 156, 157
Геронтий, митрополит 152
Гиляров-Платонов Н. П. 69, 274
Глазатый Иоанн, священник 70, 71
Глатков Никита, сотник 260
Глеб Владимирович, князь (святой) 26, 185, 186, 222, 328, 331, 364, 369
Глебов Ян, литовский посол 177
Глинская Анна, княгиня 171, 180
Глинская Елена, великая княгиня, жена Василия III 5, 155—158, 166—169, 172, 175, 176, 220—222, 224, 227, 369
Глинский Василий Львович, князь 147, 166, 180
Глинский Иван Михайлович, князь 201
Глинский Михаил Васильевич, князь 169, 174, 176, 181
Глинский Михаил Львович, князь 148, 228, 229
Глинский Юрий Васильевич, князь 194
Глинский Юрий Михайлович, князь 148
Годунов Борис, царь 69, 201, 203, 206, 230—234, 244—246, 248
Годунов Иван Васильевич, боярин 202—204
Годунов Степан Васильевич, боярин 203, 204
Годунов Федор, сын царя Бориса 231
Годунова Ксения, дочь царя Бориса 231
Годунова Ирина Федоровна, царица, жена царя Федора Иоанновича 231, 245
Голицын Андрей Иванович, князь 268
Голицын Андрей Юрьевич, князь 202
Голицын Борис Алексеевич, князь 260
Голицын Василий Васильевич, князь 269, 271
Голицын Дмитрий, князь 67
Голицын Иван Андреевич, князь 299, 300
Голицын Иван Васильевич, князь 203
Голицын Иван Иванович, князь 202
Голубинский Е. Е. 40
Голубов Василий Федорович, князь 222
Голубовский П. В. 117
Голобурда Михаил, литовский посол 18
Голубцов И. А. 84, 366
Гонсевский, гетман 256
Горбатый Александр Борисович, князь 181
Гордята, новгородец 51
Горький А. М. 9
Гостомысл, легендарный основатель Великого Новгорода 274, 339
Готье Ю. В. 43, 45, 116, 125, 126
Грек Максим *см.* Максим Грек
Грек Федор, папский посол 341
Грек Юрий 145, 147
Греков Б. Д. 4, 6, 43, 44, 366
Грекул Ф. А. 100
Греч (Гречинов) Микула Ангелов, сын боярский 144, 150
Гришка *см.* Отрепьев
Грушевский М. С. 361
Грушецкая Агафья Семеновна, невеста царя Федора Алексеевича 71, 259, 262
Густав-Адольф, шведский король 276

Давид, библ. 162, 188
Давид, игумен 165
Даль В. И. 173
Даниил Заточник, древнерусский писатель 64, 65
Даниил, митрополит московский 148, 158, 162, 164—166, 172, 176, 227
Даниил Паломник, игумен, путешественник 24
Данила, лекарь *см.* Жидовинов
Данилов Дмитрий, смольнянин 174
Дашкович Остафий, литовский воевода 161
Дебольский В. Н. 114, 126
Девлет Гирей (Кирей), крымский хан 197
Дедевшин Проня Бекетов, сын боярский 222
Делатор Юрий, посол 145
Дементьев Сава, священник 278
Дивей Мурза, татарский князь 193, 201, 229, 239
Дидьянец Матвей, татарский царевич 267
Диописий, архимандрит 294
Дир, легендарный киевский князь 32, 48, 49, 51, 53, 55, 185, 339—342

Длугош Ян, польский хронист 32, 35, 45, 55, 72, 356
Дмитрий, внук Ивана III 146, 172, 220
Дмитрий Ростовский, митрополит (святой) 67
Дмитрий Андреевич, князь углицский 170, 177
Дмитрий Иванович Донской, великий князь московский 91, 123, 126, 128, 142, 187—189, 191, 274—275
Дмитрий Иванович, сын Ивана IV 195, 200, 202, 225, 234, 241, 244
Дмитрий Константинович, князь суздальский 127, 188, 190—191
Дмитриев Л. А. 364
Добролюбов И. 120, 361
Добрыня, воевода 59, 336
Довойнов, литовский посол 228
Долгоруков Афанасий Юрьевич, князь 252
Долгоруков Даниил Юрьевич, князь 252
Долгоруков Дмитрий Алексеевич, князь 316
Долгоруков Михаил Юрьевич, князь 263
Долгоруков Юрий Алексеевич, князь 252, 258, 264, 300
Доможир, новгородец 275
Домшич Стефан, господарь валашский 214
Дорогобужский Иван Иванович, князь 180—181
Дохтуров Андрей Семенович, полковник 263

Евдокия Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича 166, 227, 319
Евдокия Лукьяновна, царица 248, 282
Евстафий (Еустафий), архимандрит 317
Евфимий, архиепископ Новгородский 347
Евфимий, архимандрит 294
Едигей (Эдигей), татарский хан 142
Екатерина Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича 257, 299, 322
Елена Ивановна, великая княжна, дочь Ивана III 144—145, 147—148, 242
Енбарс, татарский князь 178
Еремей, валашский господарь 211, 213
Ермак Тимофеевич, казачий атаман 200
Ермолаев Иван, иконописец 250
Ермолаев Савва, сын Ивана Ермолаева 250
Ермолаев Федор, сын Ивана Ермолаева 250
Ермолин Василий Дмитриевич, архитектор 168
Есиней Мурза, татарский царевич 201
Ефросиния, дочь Потапа Михайлова 278

Жареный Федор, дьяк 147, 164
Жаславский Доминик, внук Януша Острожского 215, 218, 219
Жданов А. А. 347
Жданов Степан Федорович, писец 250
Жебредовский, польский воевода 212
Желябужский Иван Афонасьевич, князь 263
Жигимонт, *см.* Сигизмунд
Жидовинов Данило, лекарь 252, 263—265

Заборовский Семен Иванович, дядя царицы Агафьи 254
Загрязский Владимир Федорович, воевода 203
Загрязский Григорий, дьяк 175
Зайцев Петрок, сын боярский 177
Замойский Станислав, князь 361
Замойский Ян, польский гетман 209, 211
Замысловский Е. Е. 71
Замятний Юрий 161
Замятний Яков 161
Заруцкий Иван, дворянин 233, 247
Захаров Яков Григорьевич, дьяк 180
Захарьин Михаил Юрьевич, боярин 162
Захарьин Роман Юрьевич, боярин 194, 227
Збитень Иван, пятидесятник 204
Зборовский Марцин, польский дворянин 209
Зборовский Петр, польский посол 210
Зборовский Самаил, польский дворянин 210
Земсков Андрей, купец 285
Зехнов Иван, затинщик 204
Змеев Венедикт Андреевич, окольничий 267, 272
Зосима, митрополит 145, 153
Зосима, соловецкий чудотворец 89, 99, 290
Зуев Друган Родионович, целовальник 251, 252
Зыков Федор 260

Иаков «мних», автор похвалы князю Владимиру 61—62
Ибн-Русте, арабский географ 43
Ибн-Хордадбех (Ибн-Хордадбе), арабский историк 42
Иван, новгородец 279
Иван, подьячий 250

Иван, тверской мастер 159
Иван Фрязин 142
Иван (Иоанн) Алексеевич, царь 253, 255, 257, 262, 266—267, 269
Иван Андреевич, князь, брат Дмитрия Андреевича углицкого 170
Иван III Васильевич, великий князь московский 113—114, 131, 144, 152, 154, 341
Иван IV Васильевич Грозный, царь 11, 70, 128, 140, 145, 148, 157, 167—169, 171—172, 175—176, 179, 181, 192, 194—197, 199—209, 221—222, 224—230, 232—244, 247
Иван Данилович Калита, великий князь московский 131, 243
Иван Иванович Красный, великий князь московский 125, 274
Иван Иванович, князь, сын Ивана Красного 274
Иван Иванович, великий князь, сын Ивана IV 193, 196, 200, 241, 338
Иван Петрович, купец 181
Иванов Автамон, думный дьяк 71, 259—260
Иванов Агафон, посадский человек 279
Иванов Василий, сын Лариона Иванова 263
Иванов Ларион, думный дьяк 252—253, 263—265
Ивашев Третьяк, сотник 204—205
Иверстен Ганус, шведский военачальник 204
Ивоня, казак 210
Ивор, посол князя Игоря 37
Игнатий, дьякон 73
Игнатий, игумен, путешественник 8
Игорь, князь киевский 25, 27, 29, 34—37, 42, 49—51, 53—54, 57—65, 77, 184—185, 207, 274, 324
Игорь Святославич, князь новгород-северский 78
Игорь Ярославич, князь 186
Иеремия, патриарх 201, 231
Ижеслав Владимирович, князь 185
Избор, князь 274
Извольский Викула 260
Измайлов Артемий, воевода 280
Изяслав Андреевич, князь 180
Изяслав Мстиславич, князь 24
Изяслав Ярославич, князь 180
Иисус Навин (Наугин), библ. 158
Иконников В. С. 362
Илдея, печенежский князь 337
Илларион, первый русский митрополит 38, 56, 61—62, 185
Иловайский Д. И. 36, 87, 118—122
Ильин Н. Н. 10, 328—329, 364, 369
Илья Федорович, сын царя Феодора Алексеевича 261—262
Индрик Бискупов, шведский воевода 206
Индрик Ирик, шведский воевода 200
Инегельд, посол князя Олега 36
Иннокентий, инок 158
Иоаким, новгородский епископ 80
Иоаким, митрополит новгородский, впоследствии патриарх московский 5, 107, 252, 261—262, 271, 317—322
Иоанн, архиепископ новгородский 92, 196
Иоанн, священник 76
Иоанн Асень, болгарский царь 360
Иоанн Цимисхий, византийский император 50
Иов, патриарх московский 70, 201, 231
Иоанн Михайлович, сын царя Михаила Федоровича 277, 281
Иоасаф, архиепископ тверской и кашинский 312
Иоасаф, игумен 140
Иоасаф I, патриарх московский 277, 281, 283—284, 288, 290—291
Иоасаф II, патриарх московский 313—314, 317
Иона, архимандрит 177, 230
Иона, митрополит ростовский и ярославский 180, 251
Иордан, готский историк 43
Иосиф, архимандрит 76
Иосиф Волоцкий, игумен 153
Иосиф, келейник 70
Иосиф, смоленский епископ 147
Иостей (Остей), внук Ольгерда, князь 189—190
Иречек К. И. 56, 98
Ирина, византийская императрица 52—53
Ирина Михайловна, дочь царя Михаила Федоровича 322
Искусеви, посол княгини Ольги в Византию 37
Ислам Мурза, татарский царевич 148, 178
Истленьев Данила, голова 203
Истрин В. М. 10, 20—21

Йорга Н. 360

Кадыш, князь, бухарский посол 179
Казакевич А. Н. 6, 355
Казанец Тихон, старец 230
Казимир, великий князь литовский 92
Каибалин, касимовский царь 202
Каин, библ. 158, 162
Калачев Н. В. 121
Калгин-царевич, *см.* Мурад-Гирей
Каницар, посол Предславы в Византию 57
Карамет Бакшей, татарский князь 178

Карамзин Н. М. 66, 68, 83, 84, 126, 167—168, 131, 137—138, 221, 329—330
Карандеев Матвей Федорович, дворянин 265
Каргер М. К. 105
Карл V, германский император 209
Карпов Авдей, подьячий 251
Карпов Петр Муха, дворянин 164
Карпов Федор, дворянин 175, 222
Качалов Никита, дьяк 202
Квашнин-Самарин Н. Д. 358
Кий, легендарный киевский князь 32, 45—53, 55, 64—65, 338
Киприан, митрополит московский 70, 73, 187—188, 191—192
Киприан, митрополит новгородский 278, 280
Кирилл (Константин), создатель славянской азбуки (святой) 35, 40
Кирилл, игумен 212
Кирилл, митрополит 229
Киров С. М. 347
Кислов М. И. 84
Кислогорбатый (Кислый) Михаил Васильевич, князь 148, 161, 174, 227
Клепатский П. Г. 102—104
Клобуков Дмитрий (Митька), убийца 177
Клосс Б. М. 366
Ключевский В. О. 44
Князьков С. Е. 6
Козловский Савелий Иванович, князь 250—251
Кокординов Иван Михайлович, князь 249
Кочин Г Е. 39
Коломан, венгерский король 353
Колычов Иван Борисович, боярин 175
Колычов (Умный) Иван Иванович, боярин 175—176, 223—224
Кондырев Иван Тимофеевич, боярин 268
Константин VII Багрянородный, византийский император 39—42
Константин IV Мономах, византийский император 74, 185
Константин, *см.* Кирилл
Кончак, половецкий хан 327
Копыстенский Захарий, архимандрит 216
Кордт В. 6, 99, 100, 104, 107
Корецкий, князь 214
Корнилий игумен 332
Корнилий, митрополит казанский 251, 274, 292, 299, 320—321
Королюк В. Д. 329
Костров С. П. 226
Костылев Федор Козминич, целовальник 251—252
Кравец Ганусь, сектант 209
Кривоборский Василий, князь 199
Кропотов Прохорко, стольник 259
Крънджалов Д. 86, 99
Кубенский Иван Иванович, князь 178, 227, 236
Кубенский Михаил, князь 175
Кудрявцев И. М. 5
Кузьмин А. Г. 6, 355, 366
Кузмищев Федор, дьяк 265
Кузнец Ермола Васильев, колокольный мастер 298
Куй Мурза, татарский князь 178
Кулай, татарский князь 178
Кулаковский Ю. 98
Кулахмет, татарский царевич 178
Куник А. А. 39
Кунцевич Г. З. 71
Куракин Григорий Семенович, князь 306—307
Куракин Петр, князь 240
Курбский Андрей Михайлович, князь 70, 171, 242
Курбский Михаил Федорович, князь 175
Курицын Афанасий, дьяк 164
Куря, печенежский князь 27
Кучка Стефан, боярин 69
Кучкин В. А. 6, 355
Кушева Е. Н. 366
Кгалкга Мурза, татарский князь 215

Лаврентий, архиепископ тверской 299
Лаврин Магнус, шведский военачальник 204
Лавров Н. Ф. 336
Лазарев Д. 132
Ламанский В. И. 17, 35, 40
Ласкарь Федор, посол 145
Лаский, польский воевода 210
Лашей, пятидесятник 206
Лебедев В. И. 5, 324, 364
Леваш, слуга епископа Филофея 153
Левицкий О. А. 207
Леон, византийский император 38, 48
Леон, митрополит 336
Леон (Лев) III, папа римский 219
Леонид, архиепископ новгородский 198, 199, 224—225
Леонид, архимандрит, составитель описаний рукописей 158, 331
Леонида, жена великого князя Ивана Ивановича 238
Леонтий архимандрит 213
Лерсон Ганус, шведский воевода 203
Лжедмитрий, *см.* Отрепьев
Лихарев Иван Петрович, думный дворянин 265
Лихарев Леонтий, голова 205
Лихачев Алексей Тимофеевич, постельничий 71, 265

Лихачев Д. С. 10, 46—47, 171, 336
Лихачев Михаил Тимофеевич, брат Алексея Лихачева 265
Лихачев Н. П. 71, 119, 171, 173, 193, 362
Ловчиков Степан Богданович, дьяк 265
Лопатин Петр, князь 306
Лопухин Василий Аврамович, окольничий 260
Лопухин Петр Аврамович, брат Василия Лопухина 265
Луговской, дьяк 71
Лука, поселянин 8
Лука Терешкович, купец 359
Лукомский, польский полковник 310
Лурье Я. С. 171
Лызлов Андрей, автор Скифской истории 71
Лыков, *см.* Оболенский (Лыков) Михаил Юрьевич
Лыков Матвей, наместник 174
Лыков Михаил Иванович, князь 268—269
Любавский М. К. 88, 105—109, 112—117, 128, 358
Любарский Кирилл, игумен 213
Любимов В. П. 22
Людмила, чешская княгиня 328
Людовик Благочестивый, франкский император 38, 39
Лют, сын воеводы Свенельда 27, 49, 59, 63
Лют, сын князя Святослава 47
Ляцкий Иван, князь 173, 174, 227

Магнус (Арцымагнус), шведский король 193, 197, 199, 225, 238
Магмед-Аминь, казанский хан 158, 160
Магомет, основатель ислама 161, 305
Маджак, славянский вождь 44
Макарий, псковский архиепископ 292
Макарий, митрополит новгородский 292, 294—295, 298—300, 311—312
Макарий, митрополит московский 70, 158, 172, 177, 179, 181, 183, 194—197, 227, 229, 236—237, 239
Макарий, патриарх антиохийский 297, 313—314
Маклаков Губа Митя, дьяк 171
Маклаков Никита Семенович, дьяк 171
Маклаков Тимофей Семенович, дьяк 171
Маклаков Федор Никитич (Постник Губа, Постник Губин) 170—171, 173, 177—178
Максим Грек, публицист, переводчик 155, 164
Максимилиан, I Габсбург, германский император (XV в.) 144
Максимилиан, германский император (XVI в.) 199
Мал, древлянский князь 27
Малала Иоанн, византийский хронист 325
Малафей, пономарь 279
Малк Любечанин, отец Малуши 27, 59
Малуша, ключница княгини Ольги, мать Владимира Святославича 27, 59
Малфридь 338
Мальцев А. Н. 182
Мамай, татарский темник 139, 142, 154, 159, 275, 307
Мамай, брат Агиша 161
Мамырев Василий, дьяк 144
Мануил, византийский император 159, 160
Манук Оталык, татарский царевич 178
Мария, «болящая» 294
Мария Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича 257, 303, 322
Мария Владимировна, дочь старицкого князя Владимира Андреевича, шведская королева 238, 242, 244
Мария Ильинична, дочь князя Ильи Милославского, первая жена царя Алексея Михайловича 284, 299, 314
Мария Нагая, мать Дмитрия Углицкого, седьмая жена Ивана IV 200, 241, 244
Мария Темрюковна (Мирдюкова), вторая жена Ивана IV 197, 228, 229, 236, 238
Мартынов Мартын, полковник 301
Марфа Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича 290, 292
Марфа Борецкая (Исакова), посадница 130
Марфа, дочь князя Василия Шуйского 176
Марфа Собакина, третья жена Ивана IV 225, 229
Матвеев Андрей Артемьевич, стольник 71, 266
Матвеев Артамон Сергеевич, боярин 253, 263
Матов Богдан, голова 204
Матов Роман Федорович, писец 250
Махмет Крымский, *см.* Ахмат-Гирей
Медведев Сильвестр, священник 71
Менгли-Гирей, крымский хан 106
Мердоулат, крымский царевич 143
Меркурий смоленский (святой) 275
Меховский Матвей, польский историк 8, 72
Мешков Андрей, сын боярский 222
Мешков Василий, сын боярский 222
Мигал, воевода мултанский 211
Микуцкий С. 66
Милославский Илья Данилович, князь 284

Милославский Матвей Богданович, князь 267
Милославский Семен Ларионович, князь 267
Минин Козьма, один из руководителей второго ополчения 247
Мирча, валашский господарь 85, 86
Митяй-Михаил, митрополит 8
Михаил, византийский император 25, 32, 47, 52—54, 64, 341
Михаил Всеволодович, князь черниговский 142
Михаил Федорович Романов, царь 70, 245, 247—248, 257, 233, 276, 277, 281—282
Михаил Темрюкович, князь 226
Михайлов Потап, священник 278
Мишулин А. В. 43
Мишурин Семен, дьяк 199
Мишурин Федор, дьяк 148, 171—172, 176, 222
Мнишек, польский дворянин, отец Марины 213
Мнишек Марина, жена Лжедмитрия I 233, 238
Мнишковский Петр, посол от короля Александра 168
Мокиев Иван, новгородец 320
Молчановский М. 106
Монастырев Глеб Иванович, сын боярский 253
Морозов Василий Григорьевич, боярин 170, 175, 177
Морозов Григорий Иванович, боярин 202
Морозов Михаил Яковлевич, боярин 175
Морозов С. А. 6, 355
Мстислав Андреевич, князь 180
Мстислав Великий, князь 186
Мстислав Владимирович, князь черниговский 26, 56, 185
Мстислав, князь тмутараканский 73
Мстиславский Иван Федорович, князь 161, 228, 240
Мстиславский Федор Иванович, князь 202—204
Мстиславский Федор Михайлович, князь 147, 199
Мстислав Юрьевич, князь 186
Мстиша, *см.* Лют
Мурад Гирей, татарский царевич 282
Мусин-Пушкин А. И. 126
Мушата, посол Стефана Валашского 145
Мясной Василий Данилович, думный дворянин 268

Нагая Мария — *см.* Мария Нагая
Наливайко, казацкий атаман 211
Нарадын, татарский царевич 282
Нарбеков Василий Савич, окольничий 268
Нарыков Чюра, казанский князь 178, 179
Нарышкин Артамон Сергеевич, боярин 252
Нарышкин Афанасий Кириллович, боярин 262—263, 266
Нарышкин Василий Федорович, боярин 260
Нарышкин Григорий Филимонович, боярин 250, 265
Нарышкин Иван Иванович, боярин 265
Нарышкин Иван Кириллович, боярин 252, 255, 262—266
Нарышкин Кирилл Полуэктович, боярин 255, 264—265, 273
Нарышкин Кондратий Фомич, боярин 265
Нарышкин Лев Кириллович, боярин 266
Нарышкин Мартемьян Кириллович, боярин 266
Нарышкин Матвей Филимонович, боярин 265—266
Нарышкин Федор Кириллович, боярин 265.
Насонов А. Н. 6, 10, 22, 138, 329, 332, 334, 339, 350, 355—356, 365—366, 369
Настасья, жена князя Василия Шуйского 176, 180
Наталия Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича 321—322
Наталия Кирилловна (Нарышкина), царица, вторая жена царя Алексея Михайловича 255, 260, 316, 322
Наумов Е. П. 357—358
Неволин К. А. 130
Немчин Федор, полковник 309
Нестор, летописец 13—14, 16, 72, 74, 76—78, 80, 145
Никанор, архимандрит 138
Никита, новгородский епископ 196
Никита Переяславский (святой) 248
Никита Пустосвят, священник 268
Никитин Афанасий, купец и путешественник 7
Никифор, патриарх константинопольский 64, 160, 207
Никифор, новгородец 51, 353
Никольский Н. К. 10, 20—21, 92
Никон, патриарх Московский 71, 76, 268, 276, 284, 289—291, 294—300, 303, 311
Нифонт, архиепископ новгородский 24, 73—74.
Ногтев Даниил Андреевич, князь 202
Ной, библ. 141

Оболенский-Щепин Борис, князь 222
Оболенский Василий Федорович, князь 223
Оболенский (Шкурлятев) Дмитрий Иванович, князь 223
Оболенский Овчина (Телепнев) Иван Федорович, князь 148, 172, 174—176, 223—224, 227
Оболенский (Лыков) Михаил Юрьевич, князь 199
Оболенский Никита Васильсвич, князь 174
Оболенский Овчина Федор Васильевич, князь 161, 174
Оболенский Овчина (Телепнев) Федор Иванович, князь 180—181
Оболенский (Большой) Юрий Андреевич, князь 221—223
Оботур Степан, *см.* Стефан Баторий
Один, божество древних норманнов 37
Одоевский Никита Иванович, князь 267
Одоевский Роман Иванович, князь 175, 223
Одоевский Яков Никитич, князь 267
Ожегов Григорий, убийца князя Ивана Бельского 177
Олег, князь киевский 25, 28—29, 36—37, 45, 48—49, 51, 53—57, 77, 184—185, 207, 324, 338, 343
Олег Иванович, князь рязанский 120, 123, 126, 189, 191
Олег, сын киевского князя Святослава Игоревича 26, 50, 58—59, 61, 63, 185
Ольга, великая княгиня киевская (святая) 35, 50, 57—59, 63—65, 74, 77, 141, 184—185, 274, 324—325, 339, 343
Ольгерд, великий князь литовский 189
Ондрей Останя, подьячий 178
Оничков Андрей, голова 204
Онофрийский Кирилл, священник 219
Ордин-Нащекин Афанасий Лаврентьевич, думный дворянин 303
Орымагнус *см.* Магнус
Осипов Семен 279
Остафий, староста 209
Острожская Анна-Алоиза, княгиня 207—208, 215—216
Острожский Адам Константинович, князь 214
Острожский Александр Васильевич, князь 208, 211—212, 218
Острожский Василий Васильевич, князь 174
Острожский Василий Константинович, князь 211—213
Острожский Илья, князь 208
Острожский Константин Александрович, князь 209, 215
Острожский Константин Васильевич, князь 208, 211
Острожский Роман, князь 208
Острожский Януш Александрович, князь 213, 215
Отрепьев Григорий (Лжедмитрий I), самозванец 212, 233, 245
Отрепьев Тихон, голова 204
Отрок, половецкий хан 327

Павел, апостол 30
Павел, митрополит крутицкий 312, 317—318
Павлов Василий, священник 253
Паисий, патриарх александрийский 313—314
Паисий, игумен 197
Палецкий Андрей, князь 199
Палецкий Борис, князь 175—176
Палецкий Дмитрий Федорович, князь 170, 175, 178, 194
Панов В. А. 324—327, 364
Панфильев Томило, сын боярский 205
Палынков Федор, человек Павла Волынского 279
Патша, польский атаман 309, 310
Пафнутий, основатель монастыря 158—159
Пафнутий, игумен 158, 162
Пеньков Василий Данилович, князь 164
Перун, языческое божество 37
Перфецкий Е. И. 55
Песков Корнило, подьячий 250
Пестриков Андрей, подьячий 250
Петр, боярин 326
Петр, митрополит, святой 162, 180, 193
Петр, князь муромский 70
Петр Могила, митрополит киевский 72, 216—217
Петр I, император 24, 69, 75, 252—253, 255, 258, 260—263, 266—267, 269, 271, 318, 322
Петр Фрязин, зодчий 145
Петров В. А. 75
Петрушка, самозванец 246
Пештич С. А. 75
Пимен, архиепископ новгородский 196, 225, 228
Пимен, митрополит 70, 73, 198, 229
Питирим, митрополит сарский и подонский 304, 307, 311—313, 315—318
Питирим, пермский епископ 150
Плетенецкий Елисей, архимандрит 216
Плещеев Иван Михайлович, князь 202
Плещеев Михаил Львович, князь 267
Плещеев Никита, князь 203
Плохой Яким, дьяк 249
Подосинов А. В. 357
Пожарский Семен Романович, князь 304, 305

Полибин Богдан Федорович, окольничий 268
Полубенский Александр, князь 199
Полянский Данила, думный дьяк 265
Попов А. И. 192, 273, 337—338
Порунов Третьяк, купец 181
Потемкин Петр, воевода 302
Предслава, княгиня 37
Пресняков А. Е. 139, 366
Приселков М. Д. 6, 10—11, 21, 26—27, 46, 329—332, 346—347, 364, 366, 369
Проезжалов Василий, купец 285
Прозоровский Борис Иванович, князь 258
Прозоровский Василий Петрович, князь 268
Прозоровский Иван Семенович, князь 258, 303
Прокофьев Михаил, дьяк 265
Пронский Владимир, князь 120
Пронский (Турунтай) Иван Иванович, князь 181
Пронский Константин Федорович, князь 222
Пронский Федор Дмитриевич, князь 175, 176, 222
Прончищев Иоанн Афанасьевич, стольник 266, 303
Протопопов Елизарий Юрьевич, воевода 204, 205
Пузина Афанасий, луцкий епископ 217
Пунков Семен, князь 177
Пушечников Василий Лаврентьевич, думный дворянин 267
Пушкарев Л. Н. 244
Пушкин Иван Федорович, окольничий 268
Пыткей, князь вогульский 144

Рагуил, тысяцкий 78
Радзивилл, Николай, князь 242
Разарев (Лазарев) Козьма, священник 278
Разарев Василий, сын Козьмы Разарева 278
Разин Степан, атаман 254, 256, 258, 259
Разин Фрол, брат Степана Разина 258
Рафаил, коломенский епископ 267
Редедя, касожский князь 185
Репнин Борис Александрович, князь 304
Репнин Иван Борисович, князь 312
Ржига В. Ф. 364
Рогволод, князь полоцкий 27
Рогнеда, полоцкая княгиня 185
Рогов А. И. 6, 355
Рожин Петр, подьячий 251
Розанов С. П. 355, 366
Розладин Квашник Василий Прокофьевич, воевода 223
Роллер М. 100
Роман, священник 278
Роман Васильевич, князь 359
Роман Игоревич, князь рязанский 122
Романов Александр Никитич, боярин 204
Романов Василий Юрьевич, боярин 246
Романов Иван Михайлович, боярин 181
Романов Лев Никитич, боярин 204
Романов Федор Никитич *см.* Филарет
Романова Ульяна, боярыня 180
Ромодановский Василий Григорьевич, князь 317
Ромодановский Григорий Григорьевич, князь 252, 263
Ромодановский Семен, князь 146
Ростислав Владимирович, князь тмутараканский 40
Ростислав Всеволодович, князь 77, 186
Ростислав Мстиславич, князь смоленский 24
Ростислав Юрьевич, князь 186
Ростовский Андрей, князь 245
Рублев Андрей, великий русский художник XV в. 353
Ружинский Богдан, князь 210
Ружинский Роман, князь 213
Ружинский Михаил, князь 203
Рыбаков Б. А. 4, 10, 356
Рюрик, легендарный новгородский князь 35, 49, 51, 54—55, 62, 64—65. 164, 339—340
Ряполовский, князь 146
Рячин Костя, атаман 206
Рячин Максим, атаман 206

Сааддей-Гирей, крымский царевич, затем казанский хан 160, 162, 164
Сабуров Богдан Юрьевич, боярин 202
Сабуров Иван Иванович, боярин 202
Сабуров Михаил, боярин 245
Савва, архимандрит 147, 164
Савватий, игумен, 290
Саиб-Гирей, казанский хан 148, 160, 162, 202
Салтыков Алексей Петрович, боярин 268
Салтыков Лев Андреевич, окольничий 196
Салтыков Петр Петрович, спальник 268
Салтыков Федор Петрович, стольник 263
Сангушко Дмитрий, польский воевода 209, 210
Сараев Василий, сын боярский 162

Сафа-Кирей, крымский царевич, затем казанский хан 148, 162—164, 167, 179, 202
Свенельд, воевода 27, 42, 49, 50, 54, 57—59, 63
Свидригайло, великий князь литовский 105
Святополк Владимирович Окаянный, князь 29, 35, 45, 77, 158, 185, 266
Святополк Изяславич, великий князь киевский 16—17, 24—26, 47
Святополк Ольгович, князь черниговский 121
Святослав Владимирович, князь 185, 186
Святослав Всеволодович, князь киевский 23—24
Святослав Игоревич, князь киевский 25—29, 34, 37, 47—48, 50, 57—63, 65, 184—185, 274
Святослав Ольгович, князь черниговский 21, 114
Святослав Юрьевич, князь 186
Святослав Ярославич, князь 186
Селиванов А. В. 361
Селим, турецкий султан 208, 210
Семен Дмитриевич, сын князя Дмитрия Константиновича суздальского 188, 190, 191
Семенов П. В. 105, 108, 119, 121, 126, 128, 130
Серапион, архиепископ новгородский 194—195, 201
Серапион, монах 70
Сербина К. Н. 10, 49, 331
Сергий Радонежский, игумен (святой) 129, 180
Серебряный Василий, князь 178
Сигизмунд (Жигимонт), великий князь литовский 92
Сигизмунд (Жигимонт) III, польский король 209, 212, 217, 227—228
Сидоров Федор, новгородец 279
Сильвестр, игумен, летописец 17, 72—74, 325
Сильвестр, митрополит 299
Сим, библ. 30
Симеон, архиепископ новгородский 92
Симеон Алексеевич, сын царя Алексея Михайловича 257
Симеон Бекбулатович, «великий князь» 193, 240
Симеон, болгарский царь 48
Симеон Иванович Гордый, великий князь московский 142, 147
Симеон Логофет и Метафраст, византийский хронист 36, 52—53
Симон, епископ 72—74
Синеус, брат Рюрика 184
Скиргайло, князь литовский 87
Скопин-Шуйский Василий Федорович, князь 200, 202
Скрипицын Иоасаф, игумен 148, 154, 176—177, 227
Скуратов Малюта, опричник 239, 241
Слепой Дмитрий Данилович, князь 223
Слуд, посол в Византию 37
Смирнов П. П. 33
Смотрицкий Мелетий, архиепископ полоцкий 216
Соболевский А. И. 157
Соковнин Федор Прокофьевич, боярин 268
Соловьев С. М. 16, 33, 71, 221
Соломон, библ. 245
Соломония (Соломонида) Сабурова, жена Василия III 147—148, 155—157, 164, 169
Сомов Парфений Павлович, стольник 250
Софья, царевна, дочь царя Алексея Михайловича 254—255, 257, 265, 270, 297, 322
Сперанский М. Н. 155
Спиридон, новгородский архиепископ 275
Спиридонов Никита, иконописец 250
Спиридонов Семен, иконописец 250
Срезневский В. И. 61
Срезневский И. И. 25, 46—47, 63, 65, 90, 92
Сталин И. В. 347
Станило, новгородец 275
Староверова И. П. 355
Степанов Аверкий, думный дворянин 264
Стефан Баторий, польский король 70, 199—200, 211, 226
Стефан, венгерский король 38, 340
Стефан, пермский епископ 140
Стойков Р. 53
Стоянов Семен, купец 285
Стремоухов Третьяк, голова 204—205
Стрешнев Тихон Никитич, боярин 268
Строев П. М. 131, 225, 246
Стрыйковский Матвей, польский хронист 72, 183, 207
Сукин Борис, наместник 179
Сукин Федор Иванович, казначей 180
Сунбулов Максим Исаевич, думный дворянин 268
Суханов Арсений, купец и путешественник 207, 287
Сухомлинов М. И. 13
Сухотин Иван Иванович, думный дворянин 268
Сытин П. В. 246

Талыча, татарский царевич 142
Тамерлан *см.* Тимур-Аксак

Тамм И. Е. 6, 355
Тарановский Андрей, польский посол 210
Татищев В. Н. 4, 9, 66—80, 83, 357
Татьяна Михайловна, дочь царя Михаила Федоровича 222, 254, 257
Телепнев *см.* Оболенский
Теребердий Мурза, татарский царевич 239
Терлецкий, луцкий епископ 211
Тивериадский Л. С. 23
Тимофеев Иван, дьяк 70
Тимур-Аксак (Тамерлан), завоеватель 8
Тит Козельский, князь 120
Титмар Мерзергбургский, германский хронист 36
Тихомиров И. А. 17
Тихомиров М. Н. 3—6, 32, 46, 53, 135, 157, 168, 182, 187, 232, 236, 259, 333, 355—366.
Томсен К. Ю. 41
Тор, божество древних норманнов 37
Тохтамыш, татарский хан 8, 74, 186—188, 275
Траханиот Василий Юрьевич, боярин 195
Троекуров Иван Борисович, князь 321
Тромонин К. Я. 232
Трубецкой Алексей Никитич, князь 30, 304—306
Трубецкой Никита Романович, князь 203, 204
Трубецкой Тимофей Романович, князь 202—204
Трубецкой Федор Михайлович, князь 202—204
Трувор, брат Рюрика 184

Улеб, посол в Византию 37
Ульфов Игнат, десятник 260
Ульяна, дочь князя Дмитрия Палецкого 194
Урусов Петр Семенович, князь 269
Урусов Семен Андреевич, князь 301
Успенский В. Н. 358
Ушаков Волк, ключник 224
Ушаков Н. Н. 129

Фарлаф, посол в Византию 36
Феврония, муромская княгиня 70
Федор Алексеевич, царь 71, 222—223, 242, 248, 252, 254, 257, 259, 261—262, 273, 275, 311
Федор Грек, папский посол 241
Федор Иоаннович, царь 192—193, 196, 198, 200—202, 204—206, 228, 230—231, 233, 237—238, 240—241, 244—247
Федор Ольгович, князь рязанский 123
Федор Лопот, протопоп 181
Федор, священник 278
Федор, тверской мастер 159
Федоров А. П. 45
Федоров В. Г. 78
Федоров Иван Петрович, боярин 178
Федор, стрелец 260
Феодора, византийская императрица 52, 53, 341
Феодора Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича 312, 321
Феодосий, архиепископ новгородский 177, 227—228
Феодосий, игумен 294
Феодосия Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича 307, 322
Феодосия Федоровна, дочь царя Федора Иоанновича 204
Феофан Прокопович, архиепископ новгородский 67
Феофанов Тимофей, священник 279
Феофил, византийский император 38
Филарет (Федор Никитич) Романов патриарх московский 276—277, 280
Филипп (Колычев), митрополит московский 197, 229, 290—291
Филофей, пермский епископ 143—145, 149—150, 152—153, 155
Фотий, патриарх константинопольский 39—40, 336, 341
Фофанов Никита Федорович, печатник 247
Фустов Иван, воевода 200

Хам, библ. 30
Хабар Симский Иван Васильевич, боярин 148, 162, 164
Харламов Андрей Иванович, купец 276—277
Харламов Вешняк, сын боярский 222
Харламов Федор Иванович, купец 276—277
Хворостинин Дмитрий Иванович, князь 202
Хворостинин Федор Иванович, князь 203
Хворостов Олеша, волостной человек 204
Хилков Андрей Дмитриевич, князь 200
Хилков Дмитрий, князь 235
Хирон Иван Петрович, воевода 228
Хитрово Аврам Иванович, думный дворянин 268
Хитрово Никита Савич, думный дворянин 268
Хитрово Петр Савич, думный дворянин 267
Хитрой Петр, стольник 250
Хлудов А. И. 192
Хованский Андрей Иванович, князь 253, 267—270

Хованский Иван Андреевич, князь 175—176, 253, 269—270, 273, 303, 307-310
Хованский Иван Иванович, князь 255, 270—271
Хованский Иван Никитич, князь 285—286, 290
Ходаковский З. Я. 84—86, 106, 361
Ходкевич, польский гетман 216
Холмский Михаил, князь 144, 150
Хорив, легендарный князь 46, 55, 64—65
Храбр, черноризец 40

Цамблак Григорий, митрополит 361

Чапкин Мурза, татарский князь 178
Чеботарев Н. Е. 330
Черепанов Х. А. 330
Черепнин Л. В. 4, 10, 46, 356, 366
Черкасский Борис Ардасович, князь 204
Черкасский Борис Тугаевич, князь 203
Черкасский Каспилат Муцилович, князь 259
Черкасский-Кордонуков Василий, князь 203, 245
Чернятинский Иван Шах, стольник 224
Чмутов Григорий, пятидесятник 203

Шакловитый Федор Леонтьевич, дьяк 71, 260, 272
Шакуров Смирной, голова 204
Шамбинаго С. К. 7, 9, 139, 239
Шахматов А. А. 9, 10, 12—22, 26—28, 33—34, 46—47, 58, 63—64, 72, 138, 140—141, 143, 152—153, 324—325, 328, 330—332, 344, 355, 362, 366, 369
Шебан Мурза, татарский князь 178
Шеин Алексей Семенович, князь 269
Шеин Василий Борисович, князь 199
Шеин Иван Дмитриевич, князь 180
Шеин Михаил Борисович, князь 277, 280
Шеламанова Н. Б. 358
Шемяка Василий, князь 147, 161, 169
Шемяка Дмитрий Иванович, князь 8
Шемякин Юрий, князь 228
Шереметев Борис Петрович, князь 268
Шереметев Василий Петрович, князь 175, 298
Шереметев Большой Иван, князь 228
Шереметев Меньшой Иван, князь 199
Шереметев Матвей Васильевич, князь 302
Шигалей (Шакгалей), царь казанский 160, 162, 170, 178—179, 228
Шильдбергер Иоанн, немецкий путешественник 98
Шихомат (Шикмат), шурин Тохтамыша, посол 191
Шлецер А. 8, 13—14, 21, 72
Шмидт С. О. 235
Шолгеня, татарский царевич 211
Шолкович С. В. 87, 103
Шуйский Александр Иванович, князь 203
Шуйский Андрей Михайлович, князь 172, 177, 227, 243
Шуйский Василий Васильевич, князь 162, 171—172, 180
Шуйский Василий Иванович, царь 233, 238—240, 243, 245
Шуйский Дмитрий Иванович, князь 203, 240—241
Шуйский Иван Петрович, князь 172, 177, 200, 239, 242—243
Шуйский Никита Петрович, князь 242
Шуйский Михаил Васильевич, 240
Шуйский Петр Иванович, князь 228, 242
Шумилов В. Н. 168
Шунков В. И. 366

Щеглов Д. Ф. 33
Щек, легендарный киевский князь 46, 55, 64—65
Щелкалов Андрей, дьяк 240
Щенятев Петр, князь 228
Щепин Дмитрий, князь 174
Щепкина М. В. 232, 247
Щербатов Константин Осипович, князь 258, 268
Щербатов Савелий, князь 245
Щербатый Меркур, князь 202

Экземплярский А. В. 128

Юмшан, князь пелымский 144, 153
Юренев Семен, сотник 203—205
Юрий Андреевич, князь новгородский 141
Юрий, сын Василия III 148, 178—179, 181, 194, 197, 225, 229, 236
Юрий, сын Ивана III 129, 143, 161, 165—167, 173, 176, 220—222, 227, 243
Юрий Долгорукий, князь суздальский 186
Юрьев Василий Михайлович, князь 181, 237
Юрьев Протасий, князь 240
Юрьев Федор Никитич, князь 201
Юстиниан (Ивастиан), византийский император 166

Юшков Борис Гаврилович, боярин 268
Юшков С. В. 23, 41

Языков Афанасий Иванович, боярин 252
Языков Иван Андреевич, боярин 265
Языков Иван Максимович, боярин 252, 263—264
Языков Семен Иванович, боярин 266
Яковлев Богдан Васильевич, воевода 251
Яковлев Данила, воевода 249
Яковлев Кирилл Аристархович, писец 250
Яковлев Кирилл, донской атаман 258
Яковлева О. А. 232—234, 236, 242, 244, 246
Ян, гетман 209
Янов Степан Иванович, полковник 267
Янсон А. К. 132
Ярополк Владимирович, князь 186
Ярополк Святославич, князь 26—29, 45, 47, 50, 52, 59—63, 337, 340, 341
Ярополк Ярославич, князь 116, 150, 151, 327
Ярослав Мудрый, великий князь киевский 25—26, 29, 35
Ярослав Всеволодович, князь 151
Ярослав Святополчич, князь 17
Ярофеев Алексей, подьячий, 250
Яцунский В. К. 84

Husek J. 38

Evans A. 57

Krug Ph. 32

Pegolotti Francesco Balducci 57
Perwolf J. 25

Slatarski W. N. 37

Šafarjk P. J. 37, 38

Winter E. 340

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

I

Русские летописи, вопросы их издания и изучения 7
Что нового внес А. А. Шахматов в изучение древнерусских летописей 12
Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» 22
Начало русской историографии 46
О русских источниках «Истории Российской» 66
«Список русских городов дальних и ближних» 83
О Вологодско-Пермской летописи 137
Новый памятник московской политической литературы XVI в. 155
Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. 167
Малоизвестные летописные памятники 183
Малоизвестные летописные памятники XVI в. 220
Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI — начала XVII в. 232
Заметки земского дьячка второй половины XVII в. 247
Записки приказных людей конца XVII в. 253
Новгородский хронограф XVII в. 273

II

Рецензия на книгу «Древнерусские летописи» 324
Отзыв о работе Н. Н. Ильина «Летописная статья о Борисе и Глебе» 328
Рецензия на книгу М. Д. Приселкова «Троицкая летопись» 329
Отзыв о диссертации А. Н. Насонова «Очерки по истории древнерусского летописания» 332

Приложения

I. Никоновская летопись 335
II. Об издании русских летописей 342
Комментарии 355
Список сокращений 366
Указатель имен 368

Михаил Николаевич Тихомиров
РУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ

Утверждено к печати Отделением истории АН СССР

Редактор издательства М. М. Медведев. Художник Б. И. Астафьев
Художественный редактор Н. Н. Власик. Технический редактор В. И. Зудина
Корректор Л. Д. Собко

ИБ № 15229

Сдано в набор 30.05.79 Подписано к печати 13.11.79. Т-17849. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ л. 24. Уч.-изд. л. 28,5. Тираж 7400 экз. Тип. зак. 2047. Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099 Москва, Г-99, Шубинский пер., 10